

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

Salias de Turnovitz

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ГРАФА

Sobranie sochinenii

Е. А. САЛІАСА.

Томъ XXVI.

~~~~~

НАЗВАНЕЦЪ. — ПОДЛОЖНЫЙ САМОУБИЙЦА. —
UNA NINA. — ПАНДУРОЧКА. — СА-Е-ИЙ ПА-ИЧЪ. —
МАШКЕРАДЪ. — ВЪ МУРОМСКИХЪ ЛѢСАХЪ.

Издание А. А. Карцева

МОСКВА.

Типо-Литогр. Г. И. Простакова. Москва, Балчугъ, д. Симонъ монаст.

1901.

№ 10066

СОДЕРЖАНИЕ:

	<i>Стр.</i>
Названецъ	1
Подложный самоубійца	175
Una nina	233
Пандурочка	285
Са-е-ій Па-ичъ	335
Машкерадъ	395
Въ Муромскихъ лѣсахъ	437

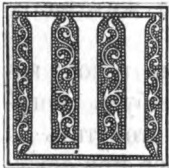

НАЗВАНЕЦЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

«Годъ круглый да еще полугодіе, съ самаго дня смертнаго осужденія Кабинетъ-Министра (Волынскаго) и по оный преславный день, въ кой объявилась она, Дщерь Петрова, шло время длительно, невѣрно, опасливо и воистину люто. Колебательство и перемѣнчивость бразды государственнаго правленія то вдругъ несказанно возносило темныхъ людей изъ мрака и ничтожества на выспръ, къ самымъ ступенямъ трона, то паки ихъ-же низвергало въ сугубое убожество, многія отвѣтственности и мучительства незаслуженныя, ябедой измышленныя“...

(Изъ записокъ современника.)

Шель 1740 годъ... Былъ іюль мѣсяць.

Столичные обыватели переживали тяжелое и мудреное время. Придворные государыни Анны Іоанновны, сановники и вельможи, все знатное дворянство, отчасти все именитое купечество и, наконецъ, даже простой людъ, мѣщане и крестьяне—всѣ равно смутились, тревожились и притихли. Зато «нѣмецъ» зазнался совсѣмъ, ликовалъ, справлялъ праздникъ на своей улицѣ и еще пуще обижалъ русскаго человѣка. Бироновы слуги доходили до послѣднихъ предѣловъ кровныхъ обидъ и гоненій.

Государыня сказывалась хворой и никому не показывалась, бродила по своимъ комнатамъ, а ночью плохо спала, робѣла и плакала...

Она уступила и раскаивалась! На прошлыхъ дняхъ, 27-го іюня, покончилъ съ жизнью близкій ей человѣкъ, любимецъ, кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волинскій. Онъ позорно сложилъ голову на плахѣ.

Долго и упорно длилась борьба за власть нѣмца и россиянина, и, наконецъ, герцогъ Биронъ побѣдилъ... Но роковая погибель бывшаго врага открывала широкое поле и давала поводъ къ гоненію и истребленію всей враждебной партіи, подъ предлогомъ наказанія приверженцевъ государственнаго преступника и измѣнника.

Послѣ многочисленныхъ арестовъ въ обѣихъ столицахъ начались аресты по ближайшимъ большимъ городамъ, затѣмъ и далѣе, по всей Россіи. Число виновниковъ все росло, и находились лица, причастныя къ измѣнѣ Волинскаго, домогавшагося якобы верховной власти; даже на окраинахъ Имперіи, на границѣ королевства Польскаго, и на берегахъ Волги и Дона, и у предѣловъ Крымскаго ханства—всюду оказывались и гибли якобы преверженцы измѣнника!

Разумѣется, иные дворяне-помѣщики или должностныя лица, которыхъ арестовывали и привозили въ Петербургъ на судъ или прямо ссылали въ Сибирь, никогда за всю свою жизнь даже не произносили фамиліи вельможи Волинскаго, такъ какъ все, что творилось на берегахъ Невы, было имъ чуждо, почти не любопытно. Но они были просто жертвами разныхъ сосѣднихъ нѣмцевъ, все болѣе распространявшихся на жительство по всей Россіи.

Нежданная, незаслуженная кара стряхивалась на голову какого-нибудь помѣщика въ силу того, что какой-нибудь ново-явленный въ его предѣлахъ нѣмецъ хотѣлъ или отомстить за пустякъ, или просто поживиться состояніемъ, которое при осужденіи, конечно, описывалось, якобы бралось въ казну, и передавалось нѣмцу въ награду.

II.

Въ душную лѣтнюю ночь подъ яснымъ звѣзднымъ небомъ въ большомъ селѣ, протянувшемся вдоль главнаго тракта изъ Новгорода на Петербургъ, было мертво-тихо. И не потому притихло все живое, что была ночь, напротивъ, во всѣхъ избахъ люди спали плохо или совсѣмъ не смыкали глазъ и тихо перешептывались, поглядывали въ окошки осторожно и не выходили, боясь нарваться на бѣду.

Въ селѣ заночеваль обозъ, но особаго рода: товара никакого въ столицу не везли, а на четырехъ или пяти подводяхъ везли подъ конвоемъ разныхъ провинившихся людей. Въ каждой бричкѣ или просто большой телѣгѣ сидѣло по трое: одинъ арестантъ и по бокамъ его два солдата. Такъ въѣхали они въ село и ночевали въ лучшихъ избахъ, чтобъ на утро двинуться далѣе на Петербургъ.

Въ крайней отъ церкви большой избѣ было темно такъ же, какъ повсюду. Въ большой горницѣ, холодной, или лѣтней, уже давно сидѣли и шепотомъ бесѣдовали два арестанта. Въ сѣняхъ за дверью на полу спали двое конвойныхъ солдатъ.

Дверь была притворена, но не заперта, такъ какъ на ней не было ни замка, ни задвижки, но къ ней со стороны сѣней была приставлена бочка, а около нея легъ одинъ изъ двухъ солдатъ. Впрочемъ, и солдаты, и командовавшій ими петербургскій офицеръ не опасались побѣга кого-либо изъ двухъ, находящихся въ этой избѣ. Офицеръ остановился въ избѣ старосты, рано поужиналъ и, обойдя всѣ избы, гдѣ разсадили арестантовъ, ушелъ снова къ себѣ, приказавъ подниматься и разбудить его на зарѣ.

Начальникомъ конвоя былъ подпоручикъ измайловскаго полка Иванъ Кошчевъ, высокій и рослый человекъ, лѣтъ подъ тридцать, но съ дѣтскимъ, добродушнымъ лицомъ.

Записанный въ преображенскій полкъ еще младенцемъ, по обычаю времени, онъ началъ въ немъ дѣйствительную службу тринадцати лѣтъ. При восшествіи на престолъ Анны Иоанновны былъ созданъ и сформированъ новый полкъ — измайловскій, исключительно изъ ландъ-милиціи нѣмецкихъ земель, а офицеры были всѣ лифляндцы или иностранцы. Кошчевъ, лично извѣстный графу Миниху и какъ говорящій свободно по-нѣмецки, почти противъ воли былъ переведенъ изъ своего полка въ новый, съ производствомъ изъ сержантовъ въ офицеры.

Честолюбіе вдругъ зажглось въ немъ. Опередивъ случайно сразу всѣхъ товарищей, онъ захотѣлъ еще лично, собственными силами испробовать свою удачу и «погнаться за фортуной».

По совѣту отца своего и при покровительствѣ графа Миниха, онъ былъ откомандированъ въ распоряженіе генерала Ушакова, начальника тайной канцеляріи. Сначала дѣла у него не было никакого; но постепенно служба становилась все мудрейше и тяжелѣе. Съ теченіемъ времени и царствованія импе-

ратрицы, и владычества герцога Бирона, у генерала Ушакова усиливалась «работа».

Коптеву, какъ и другимъ, состоящимъ при грозной канцеляріи офицерамъ, поручалось постоянно одно и то же. Ихъ разсылали по всѣмъ городамъ и уѣздамъ «арестовывать и привозить въ Петербургъ разныхъ оговоренныхъ». Все это были жертвы страшнаго новоявленнаго обычая, именованнаго «слово и дѣло».

Коптевъ служилъ преданно, добросовѣстно, но душа его не лежала къ этимъ жестокимъ обязанностямъ. Вдобавокъ, прежде приходилось отправляться въ командировку раза три-четыре въ годъ, теперь же уже года съ два онъ былъ постоянно въ разъѣздахъ. Едва доставлялъ онъ кого въ столицу, какъ снова его гнали въ какіе-нибудь дальніе предѣлы за новыми виновными.

Теперь, возвращаясь въ Петербургъ съ партіей, состоящей изъ шести человѣкъ арестантовъ, преимущественно дворянъ, принятыхъ имъ въ Москвѣ, онъ везъ еще двухъ калужскихъ дворянъ, случайно переданныхъ ему въ Новгородѣ захворавшимъ офицеромъ. Этихъ двухъ приходилось доставить прямо въ канцелярію самого герцога Бирона.

Коптевъ невольно мечталъ этимъ путешествіемъ закончить свои странствованія и просить объ увольненіи себя отъ должности утомительной и «палаческой». Онъ мечталъ перейти на службу къ самому фельдмаршалу Миниху въ должность покойнѣе и достойнѣе.

Двое дворянъ, которыхъ принялъ Коптевъ въ Новгородѣ отъ заболѣвшаго вдругъ офицера, были отецъ и сынъ Львовы. Старикъ было лѣтъ за шестьдесятъ, сыну его — лѣтъ двадцать пять. Взятъ они были въ ихъ имѣніи близъ Жиздры и во время всего пути вели себя оба настолько тихо и покорно, что опасаться, по словамъ офицера, чего-либо — неповиновенія или попытки на бѣгство, было невозможно.

Старикъ, Павелъ Константиновичъ, за всю дорогу объяснялъ чистосердечно, что, очевидно, они взяты по одному недоразумѣнію, которое выяснится въ Петербургѣ, такъ какъ оба жили безвыѣздно въ своей вотчинѣ, никого не видѣли, ни съ кѣмъ не знавались и ни въ какія дѣла, не только государственныхныя, но даже и намѣстническія, не входили.

Молодой Петръ Львовъ, правда, лѣтъ за пять предъ тѣмъ ѣздилъ въ Курляндію, прожилъ болѣе года въ Митавѣ, но ни-

чѣмъ худымъ тамъ себя не заявилъ, ни въ чемъ не былъ виновенъ, и теперь у него были въ Курляндіи даже хорошіе пріатели-нѣмцы. По мнѣнію Коптева, именно это пребываніе молодого Львова въ Курляндіи и могло теперь послужить поводомъ къ его аресту скорѣй, чѣмъ какое-либо отношеніе къ суду и казни боярина Волынскаго. Что касается до арестованнаго старика Львова, то, вѣроятно, это была простая «прикосновенность».

Ш.

На деревнѣ предъ зарей стало мертво-тихо, только изрѣдка перекликались пѣтухи.

Въ темной комнатѣ, гдѣ сидѣли и долго перешептывались двое арестантовъ, послѣ тайной ихъ бесѣды наступила тишина, но оба не легли, а продолжали сидѣть, почти не видя другъ друга. Несмотря на свѣтлую ночь, въ комнатѣ была сильная темнота, потому что ради предосторожности два оконца были заколочены досками.

Послѣ довольно долгаго молчанія одинъ изъ двухъ произнесъ:

— Ну, батюшка, пора! Благослови меня!

Въ отвѣтъ на это другой произнесъ хриплымъ голосомъ, какъ-бы сквозь слезы:

— Богъ съ тобой, не хочешь послушать отца!.. И, вотъ, черезъ минутъ пять всему будетъ конецъ, останусь я одинъ на свѣтѣ...

— Вѣрю я, батюшка, что не будетъ этого... Богъ милостивъ, наше дѣло правое! Повторяю тебѣ, я на всѣ лады все дѣло обсудилъ, и лучшаго времени не выберешь, какъ, вотъ, здѣсь и сейчасъ. Засудятъ насъ обоихъ въ столицѣ тамошніе кровопійцы, изведутъ. А если все благополучно устроится, какъ я надумалъ, то я къ нимъ въ руки не попадусь, да и тебя вы-свобожу. А какъ именно? Сотни разъ повторяю тебѣ: не скажу ни за что! Вѣдь, ты меня считалъ малымъ не глупымъ, даже хитроватымъ. Вотъ, теперь и положиись на меня!.. Недаромъ я за предѣлами русскими бывалъ, съ этими нѣмцами жилъ и сжился, знаю ихъ, хорошо по-ихнему маракую. И, вотъ, я теперь освобожусь отъ нихъ и не ради себя, а ради тебя! А обоихъ насъ привезутъ въ Петербургъ, оба мы и пропадемъ... Благослови меня!

И среди темноты молодой Львовъ ощупалъ отца и опустился передъ нимъ на колѣни.

Старикъ досталъ изъ-за пазухи небольшой образокъ и хотѣлъ имъ благословить сына, но задержался въ движеніи, а затѣмъ снялъ образокъ съ себя, надѣлъ его на сына и прибавилъ:

— Такъ-то лучше! Можетъ, тебя угодникъ упасетъ!

Отецъ и сынъ обнялись, расцѣловались. Старикъ опустился на лавку и уткнулся лицомъ въ руки... Все, что сейчасъ должно было произойти, могло быть роковымъ для него, худшимъ, нежели арестъ, судъ и пытка тамъ, въ Петербургѣ.

Молодой Львовъ тихо двинулся къ двери и постоялъ нѣсколько мгновений, прислушиваясь. Въ сѣняхъ раздавался дружный храпъ двухъ спавшихъ на полу солдатъ.

«Лишь-бы знать, гдѣ?»—думалось Львову.

По звуку, слышанному имъ вчера съ вечера, ружья солдатъ были поставлены какъ разъ напротивъ двери, гдѣ было въ сѣняхъ оконце. Если ружья стоятъ у оконца, то, конечно, несмотря на ночное время, ему замѣтить ихъ будетъ не мудрено.

— Ну, батюшка, Богъ съ тобой! Храни тебя Богъ! Прощай!... Сейчасъ Господь рѣшитъ, достойны-ли мы Его милости.

Старикъ не отвѣтилъ. Молодой человекъ прислонился плечомъ къ стѣнѣ и тихо двинулъ дверь. За дверью на полу зашумѣла отодвигающаяся пустая бочка—и довольно легко, но затѣмъ пришлось надвигать сильнѣе: что-то мѣшало. Львовъ прислушался чутко и тотчасъ замѣтилъ, что одинъ изъ двухъ солдатъ пересталъ храпѣть, какъ-бы приходилъ въ себя. Очевидно, это былъ тотъ, который разлегся у самой бочки и теперь былъ ею разбуженъ.

Львовъ обождалъ нѣсколько мгновений, смущенный мыслью и опасеніемъ: снова-ли захрапять солдатъ или поднимется и въ полусумракѣ разглядить нѣсколько уже пріотворенную дверь.

Черезъ нѣсколько мгновений стучавшее въ немъ сердце сразу стихло, и молодой человекъ облегченно вздохнулъ: солдатъ снова началъ попрежнему храпѣть. Обождавъ немного, Львовъ снова нажалъ немного на дверь, и она снова подалась, но пролѣзть въ отверстіе, которое образовалось между нею и косякомъ, не было возможности.

Между тѣмъ, отъ послѣдняго движенія растянувшійся на полу солдатъ уже заворчалъ что-то и двинулся. Львову почудилось, что солдатъ приподнялся и садится. Онъ сразу двинулъ дверь плечомъ, вырвался и, выскочивъ въ сѣни, оглядѣлся. Два ружья были ясно видимы, даже блестяли у оконца. Онъ схватилъ одно изъ нихъ и бросился на крыльцо.

Раздался крикъ... Проснувшійся солдатъ былъ уже на ногахъ, звалъ товарища и кинулся тоже къ ружью. И пока проснувшійся товарищ искалъ свое ружье, первый былъ уже тоже на улицѣ и кричалъ:

— Миряне! Помоги! Держи!...

И если его голосъ не могъ бы разбудить и поднять на ноги притихнувшую деревню, то гулкій выстрѣлъ, грянувшій чрезъ минуту, поднялъ тотчасъ все живое. Вслѣдъ за первымъ тотчасъ же раздался другой выстрѣлъ, и все стихло снова.

Въ эти мгновенья старикъ Львовъ, сидѣвшій въ комнатѣ, опустился на колѣни и воскликнулъ громко:

— Помилуй, Господи! Помилуй мя!

И, зарыдавъ, онъ началъ креститься.

Второй солдатъ, выскочившій на улицу, бѣжалъ и кричалъ, оглядываясь:

— Макаръ! А, Макаръ! Гдѣ ты? Эй!..

Но на улицѣ никого не было видно, несмотря на то, что становилось уже гораздо свѣтлѣе. Пробѣжавъ еще нѣсколько шаговъ въ ту сторону, гдѣ раздались выстрѣлы, солдатъ услышалъ чьи-то стоны направо около огорода. Онъ бросился туда и ахнулъ... Его товарищъ растянулся на землѣ.

— Что ты, Макаръ? Аль подшибли?

— Конецъ мой... — проговорилъ солдатъ, хрипя, и сталъ чрезъ силу, захлебываясь, рассказывать, какъ было дѣло.

— Стало, убѣгли оба? Другого тоже не видалъ. Ну, Макаръ, тебѣ помирать, а намъ хуже будетъ.

Между тѣмъ, несмотря на страхъ и боязнь проѣзжаго обоза съ арестантами, куча крестьянъ бѣжала тоже къ тому мѣсту, гдѣ были слышны выстрѣлы; за ними и вся деревня стала подниматься на ноги. Черезъ нѣсколько минутъ прибѣжалъ и Коптевъ, но могъ разспросить только второго солдата, ибо первый уже лежалъ мертвый на травѣ. И выяснилось, что оба арестанта бѣжали.

Страшно смущенный мыслью, что пойдетъ самъ въ отвѣтъ и подѣ судъ, молодой офицеръ тихо и почти безсознательно

пошелъ въ ту избу, откуда бѣжали арестанты. Зачѣмъ?—онъ самъ не зналъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ нимъ половина всей толпы крестьянъ тоже двинулась туда-же. Другіе остались толковать вокругъ убитаго, что съ нимъ дѣлать: нести, что ли, куда или такъ оставить?

Войдя въ комнату, дверь которой была раскрыта настежь, Колтевъ невольно ахнулъ... Въ углу на лавкѣ сидѣлъ одинъ изъ его дувхъ арестантовъ. Офицеръ буквально остолбенѣлъ и сталъ на порогѣ, какъ истуканъ.

— Что же это? Вы-то, что же? Вотъ, ужъ и не поймешь! Вы-то что же не бѣжали?

— Скажите, Господа ради, — дрожащимъ голосомъ произнесъ Львовъ,—скажите: убить или раненъ? Скорѣе, не томите!

— Убить, да не онъ... Солдатъ убить!

— А онъ?... Сынъ? Бѣжалъ?!—воскликнулъ старикъ, порывисто поднимаясь съ мѣста.

— Бѣжалъ!

— Раненый?...

— Не знаю... Полагаю, что не невредимъ, однако, все-таки палилъ вторымъ. Солдатъ сказывалъ, что выстрѣлилъ вдогонку близко и врядъ что обмахнулся. Сказывалъ тоже, что вашъ сынъ, обернувшись, подбѣжалъ вблизи шаговъ на двадцать, шибко прихрамывая, но положилъ его, понятно, на мѣстѣ. А тамъ и слѣдъ его простылъ. Но все-таки хорошаго мало, г. Львовъ! Вы оба только меня погубили, а толку не будетъ! Все равно вашего сына разыщутъ, и еще пуще въ отвѣтъ онъ будетъ за убійство конвойнаго.

Колтевъ сѣлъ на лавку и опустилъ голову на руки.

«Служба десятилѣтняя, тяжелая, противная, пропала даромъ. Хуже! Она-то и привела теперь къ бѣдѣ»—думалось молодому человѣку.—«Это Богъ наказываетъ! Не надо было браться за эдакое служеніе нѣмцу противъ своихъ, православныхъ росіянъ»...

Между тѣмъ Львовъ допытывался у вошедшаго въ избу солдата о сынѣ.

— Видать, не видаль,—отвѣчать солдатъ,—а Макарь сказывалъ, что зацѣпилъ его либо въ ногу, либо, вѣрнѣе, въ бедро. Хромалъ, говоритъ, шибко. Подбѣгалъ, говоритъ, по-заячьему, присѣдая: може, сторяча, може, онъ тоже теперь Богу душу отдалъ.

Львовъ вздрогнулъ и перекрестился.

IV.

Черезъ три дня Коптевъ вѣзжалъ въ Петербургъ съ своимъ обозомъ. Рано утромъ къ большому зданію на Фонтанкѣ уже подъѣхало нѣсколько бричекъ, на которыхъ были его арестанты съ конвойными. Привезенные были тотчасъ же посажены всѣ вмѣстѣ въ одну отдѣльную камеру большого надворнаго зданія, къ дверямъ котораго былъ приставленъ караулъ, многочисленный и безсмѣнный.

Въ главномъ зданіи, окнами на улицу, помѣщалось нѣчто вродѣ судной канцеляріи самого герцога Бирона. Здѣсь чинился первый допросъ всякаго вновь арестовываемаго по его личному распоряженію, послѣ чего онъ отправлялся въ Петропавловскую крѣпость. Самыхъ серьезныхъ арестантовъ отправляли въ Шлиссельбургъ, гдѣ были заведены новые порядки содержанія преступниковъ во вновь отдѣланномъ казематѣ.

Семь человекъ вновь привезенныхъ были всѣ одинаково унылы, но больше всѣхъ печаленъ, почти убитъ, былъ старикъ Львовъ. Къ бѣдѣ, что онъ былъ, невѣдомо за что, арестованъ у себя въ вотчинѣ, прибавилось новое горе. Онъ былъ глубоко увѣренъ, что сына его взяли вмѣстѣ съ нимъ почти безъ повода. Его на всякій случай прихватили. Старикъ былъ убѣжденъ, что, если не ихъ обоихъ тотчасъ же, разсудивъ дѣло, отпустить домой, то, во всякомъ случаѣ, освободятъ его сына.

Теперь же молодой Львовъ сталъ, въ свою очередь, преступникомъ, быть можетъ, еще болѣе виноватымъ, чѣмъ отецъ, потому что бѣжалъ, убивъ конвойнаго солдата.

Арестанты просидѣли около недѣли вмѣстѣ, ихъ не вызывали и не опрашивали. Солдатъ, приносившій два раза въ день пищу, объяснялъ имъ, что въ канцеляріи столько дѣла, столько народу допрашивается всякій день, что до нихъ дойдетъ чередъ развѣ только недѣли черезъ двѣ.

Эта партія арестантовъ, ѣхавшая въ Петербургъ вмѣстѣ, но на разныхъ бричкахъ, была между собой почти незнакома. Во время пути они всѣ останавливались на ночлегъ по разнымъ избамъ со своими конвойными, но разъ пять или шесть, когда пришлось, за неимѣніемъ помѣщенія, остановиться въ одной избѣ, арестанты, ѣхавшіе вмѣстѣ, только молчаливо перезнакомились, т.-е. видѣли другъ друга въ лицо. Разговаривать было невозможно и опасно, такъ какъ солдаты могли что-либо подслушать и, пожалуй, перевравъ, донести облыжно и усугубить положеніе.

И теперь, въ первый разъ очутившись вмѣстѣ въ одной камерѣ, нѣсколько человѣкъ разнаго рода и званія, но которыхъ соединила общая печальная судьба, могли поговорить по душѣ. Разумѣется, первое, о чемъ зашла рѣчь, былъ побѣгъ молодого человѣка. Старикъ-отецъ, Павелъ Константиновичъ Львовъ, рассказалъ, какъ его сынъ бѣжалъ смѣло и дерзко, рискуя, конечно, быть убитымъ, потому что конвойнымъ было дано право убивать бѣглецовъ.

Всѣ заключенные единодушно порицали дѣйствіе молодого Львова и говорили, что онъ поступилъ необдуманно, только ухудшилъ свое положеніе. Если онъ не раненъ опасно и живъ останется, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что его гдѣ-либо снова разыщутъ, накроютъ и привезутъ. Но судьба его, какъ убившаго конвойнаго солдата, будетъ гораздо хуже.

Старикъ Львовъ грустно соглашался съ этимъ, но объяснялъ, что всю дорогу сынъ его думалъ о побѣгѣ, твердо рѣшилъ бѣжать, и онъ не могъ отговорить его.

Прошло около двухъ недѣль, и Львовъ былъ, наконецъ, вызванъ. Въ сопровожденіи солдата его провели по большому двору и по длинному корридору и ввели въ большую комнату. И первый человѣкъ, котораго онъ увидѣлъ въ числѣ пяти-шести лицъ, показался ему знакомымъ. Присмотрѣвшись, онъ никакъ не могъ себѣ сказать, почему личность молодого человѣка ему знакома. И, наконецъ, онъ ахнулъ... Это былъ офицеръ, который командовалъ ихъ конвоемъ.

Дѣйствительно, бѣдный Коптевъ настолько измѣнился, что его трудно было узнать.

Львовъ безсознательно двинулся къ офицеру, желая что-то спросить, но молодой человѣкъ махнулъ рукой и отвернулся. А какой-то приказный, стоявшій у окна, подошелъ къ Львову и сурово выговорилъ:

— Извольте сѣсть и дожидаться! Разговаривать никому ни съ кѣмъ здѣсь не дозволяется.

Минуть черезъ двадцать изъ двери вышелъ чиновникъ, оглядѣлся и кликнулъ:

— Подпоручикъ Коптевъ!

Молодой человѣкъ поднялся и исчезъ за дверями вмѣстѣ съ чиновникомъ. Черезъ полчаса тотъ же чиновникъ появился въ дверяхъ и назвалъ Львова. Старикъ поднялся. Войдя въ ту же дверь, онъ очутился въ сравнительно просторной комнатѣ, среди которой стоялъ большой столъ, покрытый сукномъ, а за

нимъ сидѣло пять человекъ чиновниковъ со старымъ, суровымъ на видъ и важнымъ, въ срединѣ. На немъ было какихъ-то два ордена.

Держа золотую табакерку въ лѣвой рукѣ, а въ правой—взятую щепоть табаку, этотъ предсѣдательствующій пристально злымъ взглядомъ присмотрѣлся ко Львову, потомъ сладко нюхнулъ и потеревилъ какъ-то двумя пальцами носъ. Затѣмъ, положивъ табакерку на столъ, онъ будто весело, чуть не радостно, выговорилъ:

— Дворянинъ Павелъ Львовъ, пожалуйста!

Иностранный акцентъ его былъ настолько силенъ, что вышло «тфорянинъ» и «попалте».

Львовъ приблизился къ столу... Начался допросъ. Прежде всего заговорилъ предсѣдательствующій съ тѣмъ же акцентомъ.

— Ви намъ скажете, какъ продерзостно бѣжалъ вашъ сынъ, учинивъ смертоубійство слуги, вѣрнаго государынѣ-царицѣ. Расскажите правда, что знать. Вашъ преступленій государственный будетъ послѣ допытанъ съ пристрастій и плети. А теперъ говорить намъ про... убѣганій вашъ сынъ...

Львовъ отвѣтилъ коротко, что среди ночи, уже предъ разсвѣтомъ, сынъ его бѣжалъ, а какъ именно—онъ не знаетъ, такъ какъ онъ спалъ. Львовъ объяснилъ дѣло такъ потому что сынъ взялъ съ него честное слово, что онъ будетъ отвѣчать: «знать—не знаю и вѣдать—не вѣдаю», такъ какъ знать о побѣгѣ и согласіе могли бы только ухудшить судьбу.

Послѣ нѣсколькихъ отвѣтовъ Львова предсѣдательствующій обернулся направо къ окнамъ и выговорилъ тоже.

— Попалте!

И къ столу подошелъ Коптевъ, котораго при входѣ въ комнату Львовъ не замѣтилъ. Предсѣдатель, обращаясь къ обоимъ, выговорилъ:

— Фотъ ви одинъ говорить, а фотъ ви другой говорить!

Оказалось разногласіе между офицеромъ и Львовымъ въ подробностяхъ о побѣгѣ молодого человѣка. Львовъ объяснилъ, что онъ спалъ и проснулся только тогда, когда раздался выстрѣлъ и началась сумятица, и что онъ ничего не зналъ, а предполагалъ, что сынъ его съ нимъ въ комнатѣ еще спитъ, но затѣмъ онъ узналъ изъ толковъ крестьянъ, что его сынъ бѣжалъ, убивъ солдата, за нимъ погнавшася.

— Это—неправда!—заявилъ Коптевъ холодно и отчасти уныло:—я вамъ сказалъ это самъ. Толки мужиковъ вы не

могли слышать, такъ какъ сидѣли въ комнатѣ, гдѣ окна были заколочены.

— Совершенно вѣрно!—согласился Львовъ.—Я объ этомъ запаматовалъ...

— Ну, г. Львовъ,—строго заговорилъ предсѣдатель, коверкая слова,—впредь старайтесь ничего не забывать и отвѣчать на всякій вопросъ правду! Чѣмъ больше вы будете лгать, тѣмъ будетъ для васъ хуже! Ну, а теперь вы,—обернулся онъ къ Коптеву,—отправляйтесь. На сихъ дняхъ будете рядовымъ... Но это—не наше дѣло.

Когда Коптевъ вышелъ, предсѣдатель обернулся къ чиновнику, сидѣвшему направо отъ него, и сказалъ ему что-то по-нѣмецки. Тотъ развернулъ тетрадь, нашелъ страницу и началъ читать, чисто произнося слова, такъ какъ, очевидно, былъ русскій.

Чтеніе длилось довольно долго. Это было обвиненіе въ государственномъ преступленіи дворянина Львова. Чѣмъ далѣе читалъ чиновникъ, тѣмъ большее изумленіе являлось на лицѣ старика. Все, что онъ слышалъ, было бессмысленной ябедой, клеветой и ложью, съ кучей совершенно невѣроятныхъ выдумокъ.

Суть обвиненія заключалась въ томъ, что онъ якобы писалъ постоянно въ Петербургъ письма другу своему, Архипову, гдѣ говорилъ о необходимости возведенія на престолъ дочери императора Петра Великаго—цесаревны Елизаветы, чтобы избавить Россію отъ пришлецовъ—нѣмцевъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій въ Петербургъ онъ якобы говорилъ своему другу, что найдутся молодцы въ Россіи изъ дворянъ, которые рѣшатся на то, чтобы такъ или иначе похерить злодѣя и вора—самого герцога Бирона.

Когда чтеніе кончилось, то предсѣдательствующій обратился къ Львову со словами:

— Что вы можете сказать?

Львовъ молчалъ нѣсколько мгновеній, потомъ развелъ руками и уныло проговорилъ:

— Что-же я скажу? Все это—одна клевета! Никогда я ни одного такого письма не писалъ.

— Ну, это извѣстно!—отвѣтилъ предсѣдатель.—Это вы всѣ всегда такъ отвѣчаете. У васъ нѣтъ въ Петербургѣ пріятели Архипова? Начинайте лгать. Потомъ на пыткѣ заговорите правду. Ну?

— Былъ, но теперь нѣтъ!—объяснилъ Львовъ.—И писать я ему этихъ писемъ уже потому не могъ, что они якобы всѣ писаны и посланы въ прошломъ и въ этомъ году, а Архиповъ уже болѣе пяти лѣтъ, какъ скончался.

— Что?!—вскрикнулъ предсѣдательствующій и вдругъ какъ-будто разсердился.

— Точно такъ-съ! У меня былъ пріятель и дальній родственникъ Иванъ Егоровичъ Архиповъ, который служилъ когда-то въ оренбургскомъ краѣ въ соляномъ правленіи, а потомъ, выйдя въ отставку, поселился въ Петербургѣ. И я ему одинъ разъ въ жизни, дѣйствительно, писалъ, тому назадъ лѣтъ восемь, прося о высылкѣ десяти аршинъ бархата для моей покойной жены. Но, какъ докладываю вамъ, Архиповъ уже почти шесть лѣтъ приблизительно какъ скончался.

— Ну, это вы врете!—воскликнулъ предсѣдатель.—Все это будетъ вамъ доказано!—И послѣ паузы онъ прибавилъ, снова досадливо или раздражительно:—это все пустяки, это—мелочь! Если Архиповъ умеръ, то, стало быть, вы писали не ему, а другому кому. А кому? Мы узнаемъ и найдемъ. А теперь я вамъ скажу—выбирайте! Если вашъ сынъ добровольно вернется, то вы вмѣстѣ съ нимъ будете посажены въ крѣпость на нѣкоторое время; если онъ не явится, то вы будете сосланы въ Камчатку на вѣчное поселеніе. Выбирайте!

— Но какъ я могу,—воскликнулъ невольно Львовъ,—выбрать? Какъ я могу, будучи заарестованнымъ, просить сына вернуться? Куда я писать буду?

— Вамъ дозволятъ написать, въ какія мѣста хотите, родственникамъ и пріятелямъ вашимъ, у которыхъ вашъ сынъ будетъ, по всей вѣроятности, укрываться. Вы напишете писемъ, сколько хотите, хоть цѣлую дюжину, а мы ихъ разошлемъ.

— Покорнѣйше благодарю!—выговорилъ уныло Львовъ.—По тѣмъ письмамъ, которыя я напишу, вы всѣхъ этихъ моихъ родственниковъ и пріятелей заарестуете и привезете сюда-же. Не настолько я глупъ и не настолько я злой человѣкъ.

— А - а!.. — громко воскликнулъ предсѣдательствующій.—Вы, вотъ, какъ! Вы, вотъ, какъ разсуждаете! Ну, погодите!... Скоро вы запоете на другой тонъ.—И, обратясь къ чиновнику, стоявшему у дверей, онъ прибавилъ:—ведите его!

Когда Львовъ былъ уже на порогѣ, предсѣдатель крикнулъ снова:

— Не назадъ, а въ другой мѣстъ!

И съ тѣмъ же солдатомъ, который привелъ его, Львовъ направился по тому же двору, въ тотъ же корридоръ, но его привели уже въ другой край дома и ввели въ крошечную каморку, почти чуланъ, гдѣ стояла деревянная кровать, покрытая рогожкой, стулъ и маленькая воючая лаханъ. Окно было рѣшетчатое и выходило во внутренній дворъ, который былъ виденъ лишь наискось, направо, а прямо передъ окномъ была стѣна. Оставшись одинъ, Львовъ сѣлъ на стулъ и точно такъ же, какъ когда-то, при побѣгѣ сына, уткнулъ локти въ колѣни и опустилъ голову на ладони.

— Времена!.. Господь прогнѣвался на россиянь. Или за какіе мои грѣхи Господь наказываетъ? Или конецъ свѣта? Нѣтъ, времена тяжкія, неописуемыя... Но, Богъ дастъ, пройдутъ, переживемъ.

V.

Дѣйствительно, времена были на Руси «неописуемыя», какъ выразился Львовъ,—времена, которыя въ памяти людской и въ исторіи остались подъ названіемъ бироновщины. Такихъ сравнительно тяжелыхъ эпохъ было въ Россіи нѣсколько. Общаго между всѣми мало, лишь только то, что онѣ были—каждая по своему времени—тяжелымъ игомъ. Каждая изъ этихъ эпохъ носить свое названіе: первая называется татарщина, вторая—опричина, третья—самозванщина, четвертая—бироновщина и, наконецъ, аракчеевщина. Конечно, между татарщиной и аракчеевщиной нѣтъ ничего общаго, кромѣ одного лишь гнета. Въ первомъ случаѣ—игу, лежавшее на всемъ народѣ, на всей Руси великой, во второмъ случаѣ—гнетъ, лежавшій надъ высшими слоями.

Въ тѣ дни, когда Львовъ съ сыномъ были арестованы, бироновщина восторжествовала вполнѣ. Это было нашествіе нѣмцевъ и заполоненіе русскихъ. Завоеваніе это совершилось безъ оружія, такъ сказать, Шемякинымъ судомъ, системой клеветъ, доносовъ, арестовъ и ссылокъ, при описи имѣнія у всякаго якобы виноватаго.

Нежданная ужасная судьба Львовыхъ была та-же, что и многихъ російскихъ дворянь. Вся вина заключалась въ томъ, что какому-нибудь нѣмцу, заглянувшему въ Жиздринскій уѣздъ, пожелалось попользоваться состояніемъ Львовыхъ. Нѣмецъ этотъ, по всей вѣроятности, имѣлъ пріятеля, нѣмца-же, въ Пе-

тербургъ, который былъ друженъ или въ родственныхъ отношеніяхъ съ какимъ-нибудь третьимъ нѣмцемъ, повыше стоявшимъ, а этотъ былъ родственникомъ любимца брата Бирона.

Доносъ и клевета—съ одной стороны, покровительство и рука въ Петербургъ, съ другой—вели, конечно, къ полному успѣху.

Павель Константиновичъ Львовъ, отслуживъ еще при Великомъ Петрѣ во флотѣ и будучи раненъ въ сраженіи со шведами, получилъ отставку, поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, женился и прожилъ около тридцати лѣтъ мирно, тихо и вполнѣ счастливо. Только не задолго предъ тѣмъ схоронилъ онъ жену и остался съ двумя дѣтьми—сыномъ и дочерью, и съ замужней сестрой, у которой было тоже двое маленькихъ дѣтей.

За все это время, однообразное и тихое, случилось только три выдающихся событія. Первое—было путешествіе и пребываніе сына Петра въ нѣмецкихъ предѣлахъ, второе—была смерть жены и третье—сватовство сосѣда по округѣ за молоденькую Софью Львову. Это послѣднее было потому изъ ряда выходящимъ случаемъ, что посватавшійся сосѣдъ былъ русскимъ лишь наполовину. Его фамилія была чисто русская, но мать и двое дядей были нѣмцы.

Львовъ отказалъ въ рукѣ дочери наотрѣзъ. И теперь, уже по дорогѣ изъ имѣнія въ Петербургъ, онъ, а равно и сынъ, одинаково были убѣждены, что ихъ арестъ есть прямое послѣдствіе этого отказа жениху полунѣмцу. Во всякомъ случаѣ, теперь, послѣ своего допроса, старикъ узналъ, что мотивомъ бѣды, на него стряшейся, была голая и возмутительная клевета. Пріятель его Архиповъ, къ которому онъ якобы писалъ противогосударственныя письма, дѣйствительно, былъ уже давно на томъ свѣтѣ и тѣ, кто клеветали, узнавъ о существованіи Архипова, не знали, что это существованіе уже прекратилось.

Одну минуту при допросѣ Львовъ наивно вообразилъ, что, доказавъ смерть пріятеля, онъ сразу очиститъ себя отъ обвиненія, но затѣмъ услышалъ отъ предсѣдательствующаго нѣчто, что глубоко возмутило его. Если будетъ доказано, что Архиповъ умеръ, то письма эти окажутся якобы адресованными иному, лицу, которое вскорѣ разыщутъ.

Что-же нужно имъ? Нужно, чтобы онъ съ сыномъ, а затѣмъ, конечно, и его молоденькая Соня и сестра съ дѣтьми, чтобы всѣ они были сосланы или просто изгнаны изъ родовой вотчины. А она поступитъ во владѣніе отринутаго жениха.

Да, времена! Жила семья мирно, богобоязненно, невинная ни въ чемъ, и къ чему все привело? Что будетъ черезъ мѣсяца два - три?.. Онъ, старикъ, отдастъ Богу душу, не стерпя пытокъ... Дочь, дѣвочка, полу-невѣста, полу-ребенокъ еще, пойдетъ по міру съ теткой и двумя дѣтьми ея... А сынъ? Сынъ— Богъ вѣсть, гдѣ и что. Можетъ быть, раненый, лежитъ гдѣ въ деревнѣ у мужиковъ. А, можетъ быть, смертельно раненый при побѣгѣ, уже на томъ свѣтѣ...

А, между тѣмъ, затѣя сына была ребяческой... Молодой Львовъ уже въ пути надумалъ, какъ спасти отца, сестру и себя. Увѣряя конвойнаго офицера, что они съ отцомъ взяты по недоразумѣнію и будутъ тотчасъ-же отпущены, молодой человекъ зналъ отлично, что это—неправда. Онъ, какъ и старикъ отецъ, зналъ, что ихъ засудятъ по доносу, чтобы отнять вотчину, и, сославъ, отпишутъ ее въ казну. Оставалось теперь спасти себя, не мечтая о спасеніи состоянія... То придетъ своимъ чередомъ.

У Львова были въ Курляндіи, дѣйствительно, истинные друзья, и онъ увѣрилъ отца, что онъ, отправившись въ Митаву, найдетъ «ходы» и сильную «руку» къ Бирону. Заручившись этимъ, онъ явится въ Петербургъ и повинится въ своемъ бѣгствѣ. Но за него и за старика уже заранѣе начнутъ хлопотать его друзья.

И все кончится благополучно.

Разумѣется, затѣя эта, надежда на курляндскихъ друзей, казалась старику Львову ребячествомъ, а, между тѣмъ, теперь изъ-за этого ребячества сынъ былъ бѣгуномъ, а можетъ быть и много хуже... на томъ свѣтѣ!

VI.

На углу двухъ улицъ, недалеко отъ небольшой бѣлой церкви— Казанскаго собора, привлекалъ вниманіе прохожихъ маленькій, одноэтажный съ мезониномъ домъ своей опрятностью и, пожалуй, даже привлекательностью. Онъ былъ новенькій, свѣжевыкрашенный въ свѣтло-желтый цвѣтъ, съ расписными наружными ставнями. Мезонинъ оканчивался высокою, острой крышей на манеръ голландскихъ домиковъ.

Въ этомъ домикѣ постоянно бывали гости, и жизнь, очевидно, шла веселая. По вечерамъ ежедневно черезъ маленькіе круглые вырѣзы закрытыхъ ставенъ лился на улицу яркій свѣтъ, слышались веселые голоса, а на улицѣ стояло всегда, по крайней мѣрѣ, пять-шесть экипажей.

Не только во всемъ кварталѣ, но и очень многимъ въ Петербургѣ домикъ былъ извѣстенъ—изъ числа тѣхъ людей, которые никогда не переступали его порога. Здѣсь жила сама хозяйка-вдова со своими дѣтьми, и, несмотря на то, что она была женщина съ небольшими средствами, она имѣла огромный кругъ знакомыхъ и пользовалась уваженіемъ. Этотъ кругъ друзей и знакомыхъ былъ исключительно нѣмецкій.

Женщина лѣтъ сорока, Амалия Францевна Кнаусъ, появилась въ Петербургѣ лѣтъ десять тому назадъ, пріѣхавъ изъ Курляндіи съ мужемъ и маленькими дѣтьми. Г. Кнаусъ былъ не изъ послѣднихъ въ числѣ курляндцевъ, которыхъ потянуло въ Петербургъ послѣ воцаренія Анны Иоанновны и неожиданнаго возвышенія Бирона.

Лично извѣстный герцогу Кнаусъ дѣлалъ быстро карьеру. Ухаживаніе за нимъ соотчичей и русскихъ все усиливалось. Его уже начинали называть чуть не въ числѣ главныхъ любимцевъ герцога. Но вдругъ, года четыре тому назадъ, Кнаусъ на масленицѣ, простудившись на кегельбанѣ, въ три дня отправился на тотъ свѣтъ.

И только послѣ его смерти оказалось, что значеніе Кнауса зависѣло собственно не отъ него самого, а отъ его жены. Положеніе Амалии Францевны нисколько не измѣнилось, и многіе стали подозрѣвать, что кто-то, ближній всемогущественнаго временщика, протезировалъ Кнаусу по милости его жены. Во всякомъ случаѣ вдова съ дѣтьми получила пенсію, равную содержанію мужа при его жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, Богъ вѣсть какъ, сохранила то же общественное положеніе. И не проходило дня, чтобы кто-нибудь изъ нѣмцевъ, вновь прибывавшихъ постоянно въ столицу изъ прибалтійскихъ провинцій, а равно и изъ Германіи, не явился имѣть честь представиться и познакомиться.

Было хорошо извѣстно въ средѣ иноземцевъ, что черезъ Амалию Францевну можно было легко получить мѣстечко, маленькое, но тепленькое. Было равно всѣмъ извѣстно, что главный и властный правитель дѣлъ канцеларіи герцога по отдѣленію судейскихъ и розыскныхъ дѣлъ былъ ея хорошимъ другомъ и, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю бывалъ у нея на вечерахъ. А дружба съ такимъ лицомъ, какъ Негг Адольфъ Шварцъ, изъ всѣхъ близкихъ къ герцогу лицъ самымъ близкимъ, имѣла огромное значеніе.

Сорокалѣтняя вдова была еще очень недурна, безъ сѣдины въ свѣтлыхъ волосахъ, безъ морщинки вокругъ большихъ, че-

резчуръ свѣтлыхъ, сѣрыхъ глазъ. Вдобавокъ, невѣдомо какъ, быть можетъ, благодаря огуречному умыванію, у нея былъ удивительный цвѣтъ лица. Наконецъ, то, что въ ней не нравилось многимъ, крайне нравилось нѣкоторымъ. Амалія Францевна была настолько полна и при этомъ мала ростомъ, что казалась четырехугольной и ходила по-утиному, переваливаясь съ боку на бокъ, а въ случаѣ прохода черезъ узкую дверь входила профилемъ и съ той же медленностью и плавностью, съ какой большой корабль входитъ въ мелкій портъ.

Вершитель судебъ въ застѣнкѣ бироновскомъ, пользовавшійся славой злодѣя и изувѣра, г. Шварцъ, находилъ особую прелесть въ этомъ способѣ своей пріятельницы пролѣзать въ дверь. Впрочемъ, дружба его съ г-жей Кнаусъ была давнишняя, и если была и любовь, то издавна искусно скрытая, такъ какъ покойный Кнаусъ былъ, дѣйствительно, его пріателемъ съ дѣтства. Въ данномъ случаѣ на нихъ оправдывалось повѣрье, что противоположности сходятся. Насколько Шварцъ былъ сухъ и тѣломъ, и душой, ехиденъ и жестокосердъ, настолько г-жа Кнаусъ была полная, истинно добродушная и кроткая женщина.

Двое дѣтей ея—дочь Доротей, восемнадцати лѣтъ, и сынъ Карлъ—шестнадцати, были въ мать—милые, добрые и ласковые. Мальчика всѣ любили вдобавокъ за его веселый нравъ и остроуміе, а юная Доротей или, какъ ее звали, Тора — всѣхъ сводила съ ума своей миловидностью. Она была очень похожа на мать, но съ волосами нѣсколько темнѣе и съ глазами болѣе синими.

Разумѣется, у Торы была куча жениховъ, конечно, по большей части, нѣмцевъ, такъ какъ всякій отлично понималъ, что, ставъ мужемъ Fräulein Торы, можно тотчасъ-же получить великолѣпное мѣсто и протекцію г. Шварца. А между тѣмъ Торѣ шелъ уже девятнадцатый годъ, а замужемъ она еще не была.

Случилось это исключительно потому, что умная, очень красивая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень честолюбивая дѣвушка была разборчивой невѣстой. Однако, она искала не состоянія и не положенія. Она говорила, что выйдетъ замужъ исключительно по любви за человѣка, который сумѣетъ ей понравиться, хотябы даже и за русскаго. Она же сама сумѣетъ при помощи крестнаго отца, Шварца, и при своемъ собственномъ дарѣ нравиться—облегчить будущему мужу карьеру.

Тому назадъ около года Тора чуть-чуть не вышла замужъ за преображенскаго офицера, русскаго. Онъ понравился ей тѣмъ,

что былъ ея противоположностью, былъ страшно смугль, съ типомъ какого-то кавказца. Понравился онъ Торѣ одной чертой характера—необычайной дерзостью во всемъ.

Тора, чистокровная нѣмка по отцу и матери, настолько въ Россіи обрусѣла, явившись маленькой дѣвочкой, что теперь уже дѣлала ошибки на своемъ родномъ языкѣ и отлично говорила по-русски. Вдобавокъ она находила, что ея соотечественники какъ-то всѣ на одинъ ладъ. Она сердила свою мать, говоря, что всякій молодой нѣмецъ—размазня или кисляй. Амалія Францевна эти два русскія слова даже не знала и первый разъ услышала ихъ отъ дочери.

Разумѣется, Тора и вышла бы замужъ за черномазаго офицера, но этому браку отчаянно воспротивился г. Шварцъ. А видя, что съ своевольной Доротеей Кнаусъ, избалованной матерью, ничего не подѣлаешь, онъ распорядился по своему... Преображенецъ и красавецъ съ кавказскимъ типомъ, неожиданно и невѣдомо какъ, исчезъ съ береговъ Невы.

Тора, конечно, подозрѣвала, что случилось, плакала около мѣсяца, дулась на крестнаго, но затѣмъ понемногу утѣшилась, въ особенности когда ей объяснили, что у ея предмета была тоже куча предметовъ въ числѣ разныхъ петербургскихъ нѣмокъ и шведокъ.

Сынъ г-жи Кнаусъ, Карль, былъ тоже предметомъ ухаживанія среди всѣхъ нѣмцевъ, отчасти потому, что его обожала мать и что черезъ нее можно было многое получить, а отчасти и потому, что шестнадцатилѣтній юноша уже чѣмъ-то числился при особѣ самого всемогущаго герцога. А такъ какъ онъ былъ малый умный, одаренный, симпатичный, то всякій понималъ, что этотъ юный Кнаусъ черезъ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ сдѣлается почти важнымъ человѣкомъ. Герцогъ быстро выводилъ въ люди очень юныхъ людей и, не стѣсняясь, назначалъ ихъ на важныя должности, разумѣется, когда они были его соотечественники—курляндцы.

За послѣднее время въ домѣ г-жи Кнаусъ стало еще оживленнѣе, еще веселѣе. Казалось, и народу стало бывать больше. Случилось это потому, что вдовѣ бывшаго чиновника канцеляріи герцога удвоили пенсію невѣдомо почему, но, однако, всѣмъ совершенно понятнымъ образомъ. Кромѣ того, прошелъ слухъ, что ея бездѣтный родственникъ, нѣчто вродѣ дяди, умеръ въ Курляндіи и оставилъ юной Торѣ свое состояніе тысячъ въ двадцать.

Нѣкоторые среди нѣмецкаго кружка усумнились въ существованіи и кончинѣ этого дяди. Прошелъ слухъ, конечно, тайкомъ, что богатая невѣста никакого наслѣдства не получала, а получить приданое. А кто ей таковое намѣренъ дать—невѣдомо, можно только догадываться.

Разумѣется, злые языки и враги семейства Кнаусъ стали говорить, что приданое будетъ дано самимъ герцогомъ; однако, близкіе люди имѣли доказательства, что это была истинная клевета, такъ какъ дѣти г-жи Кнаусъ не были лично извѣстны герцогу, и только г-жу Кнаусъ видѣлъ онъ мелькомъ раза два или три въ жизни.

VII.

Однажды въ сумерки, когда уже начинала спадать іюньская жара, у домика г-жи Кнаусъ остановилась небольшая колымага четверней.

Изъ нея вышелъ при помощи двухъ лакеевъ, соскочившихъ съ запятокъ, пожилой человекъ и вошелъ въ домъ. При видѣ его въ домѣ все засуетилось, люди побѣжали доложить барынѣ, барышнѣ и въ мезонинъ молодому барину.

— Herr Adeltгеймъ! — повторилось заразъ во всѣхъ концахъ дома.

Амалія Францевна, переваливаясь, вывалилась изъ своей спальни въ гостиную и, восклицая:

— Lieber Herr Adelheim! — протянула ему обѣ руки.

Гость, г. Адельгеймъ, почтительно поцѣловалъ у хозяйки ручку и справился о здоровьѣ дѣтей, но въ ту же минуту въ гостиную вошла стройная и красивая молодая дѣвушка, съ правильными чертами лица, весело слѣдша къ гостю навстрѣчу. Гость точно такъ же и у дѣвушки поцѣловалъ ручку, хотя съ меньшимъ почтеніемъ, но продолжительнѣе и какъ бы съ большимъ удовольствіемъ. А затѣмъ тотчасъ же влетѣлъ въ двери молодой малый, съ оживленнымъ лицомъ, быстрымъ взглядомъ, и сталъ обниматься съ гостемъ.

Всѣ усѣлись, и начались разспросы. Г. Адельгеймъ былъ тоже когда-то большимъ другомъ ихъ отца, а теперь другомъ и семьи.

Онъ находился въ отсутствіи изъ Петербурга около мѣсяца, гдѣ-то около Харькова или Воронежа, и, вернувшись наканунѣ, явился съ первымъ визитомъ въ семейство Кнаусъ.

Адельгеймъ только числился гдѣ-то на службѣ, но собственно не былъ чиновникомъ; однако, ходили слухи, что онъ все-таки исполняетъ какія-то тайныя порученія, никому невѣдомыя, важныя. Во всякомъ случаѣ, Адельгеймъ очень часто видѣлся съ г. Шварцомъ.

Послѣ первыхъ разспросовъ, обоюдныхъ, какъ здоровье, какъ и что, нѣтъ ли чего новаго, Амалія Францевна, усмѣхаясь, но многозначительно прищуривая одинъ глазъ, говорила:

— Ну, а какъ устроили дѣло?

Адельгеймъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Какія же у меня дѣла? У меня никакихъ дѣлъ нѣтъ! Это все на меня сочиняютъ. Я просто хотѣлъ проѣхать въ Малороссію, да надоѣло трястись по сквернымъ дорогамъ, — и вернулся, не повидавши хохловъ.

— Ну, ну, хорошо! Скрытничайте! Я не любопытна. Не хотите сказать — не говорите! Я все равно позднѣе отъ кого-нибудь другого узнаю, уладилось-ли дѣло?

Рѣчь зашла объ общихъ знакомыхъ. Тора, весело и смѣясь, рассказала про какой-то случай на Невѣ съ ихъ знакомыми, причемъ цѣлая компанія чуть не потонула. При этомъ братъ вставлялъ свои замѣчанія и острилъ, Адельгеймъ, а равно и г-жа Кнаусъ, смѣялись до слезъ, но затѣмъ гость все-таки сказалъ:

— Какіе мы злые! Люди чуть не погибли, а мы смѣемся надъ этимъ.

— Я ихъ не люблю! — отозвалась Тора. — Они злые, на всѣхъ клеветуютъ. И вы не должны ихъ защищать! Они и про васъ много дурного говорятъ. Ужъ, конечно, не вамъ бы слѣдовало ихъ спасать!...

— Ну, Богъ съ ними! — отозвался Адельгеймъ, и, обратясь къ Амаліи Францевнѣ, онъ вдругъ выговорилъ: — ахъ, вѣдь, главное-то я и забылъ! Прошу у васъ позволенія завтра или послѣ-завтра привезти къ вамъ и представить молодого человѣка.

— Кто же это? Кого?..

— Моего новаго пріятеля...

— Старика?! — воскликнула Тора.

— Да, старика... лѣтъ двадцати пяти.

— Что это значитъ?

— А значитъ, что онъ настолько разсудительный молодой человѣкъ, что въ нѣкоторомъ смыслѣ старикъ.

— Да кто же такой? Откуда? Гдѣ вы съ нимъ познакомились, если только вчера прѣѣхали? — закидала Тора вопросами.

— Самый удивительный случай! Если рассказывать все подробно, то надо будетъ говорить цѣлый часъ, а я вамъ скажу вкратцѣ. Верстъ за сто отъ Петербурга, въ одной деревнѣ, гдѣ я отдыхалъ въ дорогѣ и ужиналъ, оказался молодой человѣкъ, только что спасшійся отъ смерти.

— Какъ?! Что?!—вскрикнули и г-жа Кнаусъ, и дѣти.

— Да! Его, бѣднаго, ограбили на дорогѣ и чуть не убили. Онъ спасся совершенно чудомъ въ одномъ лишь бѣльѣ, безъ гроша денегъ, даже безъ шапки и безъ сапогъ. Разумѣется, я его тотчасъ же накормилъ, напоилъ, даже, могу сказать, пригрѣлъ, ибо одѣлъ, т.-е. далъ ему свой сюртукъ и все, что нужно было... Конечно, я взялъ его съ собой и привезъ въ Петербургъ. Пока онъ поселился у меня и написалъ роднымъ о высылкѣ ему денегъ. Молодой малый этотъ мнѣ понравился, какъ рѣдко кто нравился. Умный, образованный, дѣльный, степенный! И знаете—что вдобавокъ я забылъ прибавить—онъ то же, что и вы: онъ—курляндецъ, ребенкомъ маленькимъ прѣѣхавшій въ Россію. Онъ говоритъ по-нѣмецки, пожалуй, что не лучше васъ, Fräulein Тора, а по-русски говоритъ, конечно, совсѣмъ уже не на нѣмецкій ладъ.

— Какъ его фамилія?—спросила Тора.

— Генрихъ Зимерь. Я увѣренъ, что онъ вамъ очень понравится, и вы будете со временемъ сожалѣть такъ же, какъ и я теперь, что онъ въ Петербургѣ не задержится. Онъ, какъ только получить отъ родныхъ деньги, двинется далѣе, Богъ вѣсть, на край свѣта.

— Куда-же?—спросила Тора.

— И догадаться трудно... Онъ ѣдетъ въ Архангельскъ.

— Зачѣмъ?!—ахнулъ и воскликнулъ Карлъ.

На его лицѣ отразилось недоумѣніе. Онъ сталъ соображать.

— Этого онъ мнѣ не сказалъ и просилъ не спрашивать. Мнѣ кажется, что по какому-то довольно важному дѣлу, но какъ-будто торговому. А, между тѣмъ, онъ—дворянинъ фонъ-Зиммеръ. Онъ говорилъ, что у него есть родственники однофамильцы—бароны. И мнѣ сдается, что я въ юношества слышалъ объ одномъ баронѣ фонъ-Зиммеръ, живущемъ въ Саксоніи или въ Силезіи, хорошо не упомню.

— Вы, конечно, доложите г. Шварцу объ этомъ случаѣ?—
сказалъ юноша.

— Разумѣется! Но, милый Карль, ничего сдѣлать нельзя. Около Новгорода разбойное мѣсто испоконъ вѣка, и каждый годъ на многихъ проѣзжихъ нападаютъ. Спасибо еще, что не убиваютъ, а отпускаютъ живьемъ. Тутъ сдѣлать ничего нельзя! Два года тому назадъ и на меня чуть не напали. Я спасся только тѣмъ, что приказалъ людямъ, которые ѣхали за мной въ бричкѣ, не дожидаясь приближенія какихъ-то людей изъ опушки лѣса, палить по нимъ изъ мушкетовъ. Тутъ сдѣлать ничего нельзя! Надо просто всѣмъ путешествующимъ запастись оружіемъ.

— Скажите,—прервала Тора гостя,—этотъ молодой человекъ... Какъ вы его назвали?

— Фонъ-Зиммеръ.

— Этотъ фонъ-Зиммеръ красивъ?

— Ну, вотъ!—разсмѣялась Амалія Францевна и махнула на дочь рукой.—Кому что, а она первый вопросъ—красивъ-ли?

— Что-же изъ этого?—заступился Адельгеймъ.—Совершенно понятно, что должно интересоваться молодую дѣвушку. Да, Тора, отвѣчу вамъ на это, что мой новый пріятель даже очень красивъ собой. Очень!

— Бѣлокурый?—съ какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ голоса сказала Тора.

— Вотъ и нѣтъ! Извините! Если-бы онъ былъ бѣлокуримъ, то я бы и не посмѣлъ вамъ назвать его красивымъ. Слава Богу, я знаю давно, кто вамъ нравится. Нѣтъ-съ, отъ черноволосый. Черныя брови, черные глаза, черные, какъ деготь, волосы, да еще курчавые. Ну, чисто арабъ, изъ бѣлой Арапіи прибывшій. Чернѣе, однимъ словомъ, любого трубочиста. Стало быть, долженъ вамъ, Fräulein, понравиться страшно.

И Адельгеймъ звонко засмѣялся.

— Это что-же такое?—засмѣялся и Карль,—онъ, стало быть... ну, того... Догадываетесь?

— Кого?—спросилъ Адельгеймъ.

— Знаю!—отозвалась Тора.—Братъ хочетъ сказать, что вашъ найденышъ похожъ на того... ну, помните, что я замужъ-то собиралась.

— Вотъ, вотъ, именно!—воскликнулъ Адельгеймъ.—Номеръ второй! Но только, воля ваша, мой будетъ покрасивѣе вашего жениха, да и поумнѣе, да и смѣлости у него будетъ не меньше. Тотъ, вашъ, былъ смѣлъ въ пустякахъ, а этотъ отъ разбойни-

ковъ, отъ четырехъ или пяти человѣкъ, однимъ дорожнымъ топорикомъ отбился и, конечно, убѣжалъ, однако, говорить, одного ранилъ. Ну-съ, такъ позвольте, Амалія Францевна, представить вамъ ограбленнаго дворянина?

— Конечно, конечно!—воскликнула Тора, не дожидаясь отвѣта матери.—Хоть сегодня-же вечеромъ!

— Извините, нельзя!

— Почему?

— Не въ чемъ ему будетъ явиться! Вѣдь, вы забыли, что у него все украдено, ну, а мой сюртукъ на немъ сидитъ нѣсколько смѣхотворно. Надо дать ему время обшиться, какъ причлещуется дворянину, да и парикъ новый купить. Вотъ, такъ черезъ недѣлю, я его привезу.

— Какъ черезъ недѣлю?—воскликнула Тора чуть не съ отчаяніемъ.

— Постараюсь и раньше! Если онъ согласится взять у меня денегъ займы, то и раньше. Но боюсь, не согласится. Обѣщать не могу, но, однимъ словомъ, всячески постараюсь!..

VIII.

Адельгеймъ былъ добрѣйшій и сердечнѣйшій нѣмецъ, уроженецъ Ревеля. Доброта заставила его привезти съ собой какого-то найденыша на большой дорогѣ. Доброта заставила везти его и къ г-жѣ Кнаусъ. И дня черезъ три около полудня онъ былъ въ домѣ Амаліи Францевны вмѣстѣ съ своимъ новымъ *protégé*—найденышемъ среди столбовой дороги. Прихотливая, избалованная матерью и своенравная Тора, отчасти по легкомыслию, а отчасти изъ праздности, настолько приставала два дня къ Адельгейму—привезти молодого человѣка, что онъ долженъ былъ поневолѣ уговаривать Зиммера тотчасъ поѣхать познакомиться съ важною дамой и съ ея красавицей дочерью.

Напрасно Зиммеръ—очень степенный молодой человѣкъ—увѣрялъ, что знакомство совершенно излишне, ибо, какъ только онъ справится съ дѣлами, то выѣдетъ дальше въ Архангельскъ. Адельгеймъ упросилъ его сдѣлать хоть одинъ визитъ г-жѣ Кнаусъ. Вдобавокъ, у молодого человѣка оказались дальніе родственники въ Петербургѣ, онъ на другой же день уже досталъ деньги и могъ тотчасъ-же прилично одѣться.

Черезъ двое сутокъ рано утромъ у него было уже новое франтовское платье и всѣ аксессуары туалета, включая и парикъ по самой послѣдней модѣ.

И, добродушно улыбаясь, слегка пожимая плечами, но любезно, Зиммеръ заявилъ добрѣйшему и веселому Адельгейму, что онъ готовъ для него на все.

— Вы меня подобрали на большой дорогѣ, какъ нищогобродягу, довели до Петербурга, поселили у себя, какъ же мнѣ не исполнить простой просьбы—познакомиться съ почтенной дамой, да вдобавокъ еще съ красавицей-дѣвушкой!

Около полудня они были уже въ гостиной г-жи Кнаусъ. Зиммеръ, смуглый брюнетъ, съ красивыми и выразительными черными глазами, сразу понравился и матери, и дочери, но въ особенности понравился юной Торѣ двумя отличительными чертами своей личности: изяществомъ и скромностью. Эти два качества и красивая наружность дѣлали его вполне привлекательнымъ.

Разумѣется, Тора заставила его рассказать про опасность, которой онъ подвергся въ дорогѣ, и Зиммеръ добродушно и серьезно, безъ хвастовства, рассказалъ свой случай. Его, дѣйствительно, чуть не убили, онъ бѣжалъ, даже сапоги свои оставилъ добровольно въ рукахъ разбойниковъ.

Пока Адельгеймъ о чемъ-то перешептывался съ г-жей Кнаусъ у окна, Тора, бесѣдуя наединѣ съ Зиммеромъ, разспросивъ его обо всемъ на свѣтѣ, продолжала все-таки свои разспросы.

— Отчего вы такъ плохо, съ такимъ страннымъ произношеніемъ говорите по-нѣмецки?—спросила она.

— Я слишкомъ маленькимъ пріѣхалъ въ Россію!—отвѣтилъ Зиммеръ.

— Такъ же, какъ и мы съ братомъ!—воскликнула дѣвушка.— Но все-таки мы, выучившись отлично по-русски, такъ же, какъ и вы, все-таки сохранили произношеніе. Вы же изъясняетесь, какъ здѣшніе русскіе, выучившіеся по-нѣмецки уже послѣ восшествія на престолъ императрицы, понявъ, что этотъ языкъ имъ необходимъ въ будущемъ, такъ какъ Россія должна же отнынѣ сдѣлаться полунѣмецкимъ государствомъ.

— Неужели вы думаете, что это возможно?—холодно выговорилъ вдругъ Зиммеръ.

— Что?

— Чтобы Россія—огромная страна, православная и русская, сдѣлалась совершенно нѣмецкой и лютеранской?

— Непремѣнно! Всѣ такъ говорятъ. Вѣру заставлять всѣхъ перемѣнить и сдѣлаться лютеранами, а языку заставить учиться.

— А крестьяне?—спросилъ Зиммеръ, нѣсколько улыбаясь.

— Понемножку и крестьянъ заставятъ. Говорять же въ Германіи крестьяне по-нѣмецки.

Тора говорила все это утвердительно и твердо, какъ самую простую истину.

— И мы—я и вы—какъ нѣмцы, должны желать этого!—прибавила она.

— Конечно!—заявилъ Зиммеръ.—Но я думаю, что этого никогда не будетъ. Вѣдь, вотъ, вы, какъ и я, живя здѣсь долго въ Россіи, стали говорить отлично по-русски. И даже мы, вотъ, теперь, начавъ съ нѣмецкаго языка, перешли на русскій.

Тора засмѣялась.

— Я, право, не знаю... Я и русскихъ, и нѣмцевъ одинаково люблю. А иногда даже бываетъ, что иной русскій мнѣ нравится больше нѣмца. Наши всѣ какіе-то сонные. И, вотъ, я скажу правду: васъ перваго нѣмца я нахожу мало похожимъ на всѣхъ. Вы мнѣ напоминаете одного русскаго офицера и лицомъ, да и вообще что-то у васъ есть похожее на него.

И затѣмъ Тора весело, отчасти кокетничая, спросила, ѣдетъ ли Зиммеръ на сѣверъ, когда и зачѣмъ,

— Конечно, какъ только придутъ деньги, такъ я уплачу то, что взялъ здѣсь займы, и выѣду въ Архангельскъ. Когда это будетъ, право, не знаю... Черезъ недѣли двѣ, не ближе.

— Ну, а тогда...—воскликнула Тора и запнулась, какъ-будто то, что ей пришло на умъ, сказать было немислимо.

Она даже немного покраснѣла.

А мысль ея была такая:

«За двѣ недѣли я, быть можетъ, сумѣю заставить тебя и отложить это путешествіе!»

Зиммеръ видѣлъ ясно, что или юная Доротея—большая кокетка, проводитъ время въ томъ, чтобы стараться нравиться всѣмъ, или же онъ, дѣйствительно, ей сразу понравился. Она какъ-то особенно смотрѣла на него. Иногда взглядъ ея прекрасныхъ голубыхъ глазъ, заглядывая въ его глаза, смущалъ его. Онъ что-то читалъ въ этомъ взглядѣ, недоумѣвалъ и конфузился.

— Скажете ли вы мнѣ или нѣтъ, зачѣмъ вы ѣдете въ Архангельскъ?—спросила дѣвушка.

— По очень важному дѣлу.

— Нельзя сказать, по какому?

— Оно не интересно, но секрета, конечно, нѣтъ.

— И думаете вы долго пробыть тамъ?

— Совершенно неизвѣстно... Или мѣсяць, или цѣлый годъ!

— Годъ?!—воскликнула Тора.

И, подумавъ, она прибавила:

— Но, вѣдь, раньше двухъ недѣль вы не выѣдете?

— Не думаю!

И, опустивъ глаза, Тора подумала:

«Двѣ недѣли! За двѣ недѣли можно многое сдѣлать, но надо, чтобы онъ бывалъ у насъ всякій день»...

И, подумавъ это, она вздохнула.

Въ это время Адельгеймъ съ хозяйкой приблизились къ нимъ тобы окна и сѣли рядомъ.

Тора передала кое-что матери изъ того, что слышала отъ Зиммера. И, вѣроятно, дочь сказала что-нибудь взглядомъ матери, потому что г-жа Кнаусъ вдругъ обратилась къ Зиммеру со словами:

— Я прошу васъ быть у насъ сегодня вечеромъ. Вы пере-знакомитесь со многими очень пріятными людьми и даже съ такими, которые когда-нибудь, если вы будете вновь въ Петербургѣ, могутъ быть вамъ полезны. Вообще, пока вы въ Петербургѣ, я прошу бывать у насъ часто, не стѣсняясь.

Зиммеръ поблагодарилъ и общалъ, но по его голосу можно было догадаться, что это—простое вѣжливое свѣтское общаніе ни къ чему не обязывающее.

Тора при этомъ какъ-будто встревожилась. Она быстро поднялась и позвала Адельгейма къ тому же окну въ углу гостиной, у котораго онъ только что шептался съ ея матерью. И здѣсь началось тоже шептаніе.

— Г. Адельгеймъ,—зашушукала весело дѣвушка,—вы меня любите?

— Это что за вопросъ?

— Говорите, вы меня любите? Много?

— Конечно! И давно! Да и кто же васъ не любитъ? Весь Петербургъ...

— Ну, а если любите, то исполните мою просьбу, такую, съ какой въ другой разъ я никогда къ вамъ не обращаюсь... Привезите мнѣ сегодня вечеромъ Зиммера. И если онъ самъ, одинъ, не захочетъ ѣздить къ намъ, то пріѣзжайте къ намъ каждый вечеръ непременно и привозите его съ собой. Дайте мнѣ въ этомъ ваше честное слово!

Адельгеймъ разсмѣялся, подмигнулъ дѣвущкѣ и выговорилъ:

— Понимаю! Сразу побѣдилъ всѣхъ вашихъ воздыхателей. Даю слово! Но подумайте, Fräulein, если онъ упрется и не захочетъ, что же мнѣ дѣлать?

— Тогда дайте мнѣ слово, что вы будете дѣлать все на свѣтѣ, чтобы заставить его пріѣзжать. Говорю вамъ откровенно, онъ мнѣ—и странно это, почему—онъ мнѣ очень, очень понравился!..

Адельгеймъ разсмѣялся снова.

— Вѣдь, это не первый разъ, Fräulein! Сколько разъ я отъ васъ слышалъ, что молодой человекъ вамъ сразу страшно понравился. А потомъ черезъ недѣлку, вы-же мнѣ говорили: «Я ошиблась, онъ—совсѣмъ дуракъ», или: «Онъ злой клеветникъ, лгунъ, хвастунъ!»

— Да, можетъ быть, бывало. Но теперь это совсѣмъ не то.. Вы сами знаете, этотъ, вашъ—не таковъ.

И, глянувъ пристально въ глаза Адельгейма, Тора вдругъ задумалась и почти печально поникла головой.

— Что съ вами?—спросилъ Адельгеймъ.

— Я думаю...—отозвалась дѣвушка,—что онъ то же самое, что, вотъ, мы съ братомъ. Русскій нѣмецъ или нѣмецкій русскій. Но онъ взялъ все хорошее у нѣмцевъ и хорошее у русскихъ. Онъ не сонный, какъ нѣмцы!

— Спасибо!—поклонился Адельгеймъ.

— Да, вы всѣ сонные! Что-же дѣлать? Я правду говорю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не грубый, благовоспитанъ, какъ нѣмцы. А русскіе всѣ грубоваты. У него есть вашъ свѣтскій лоскъ.

— Спасибо на иной ладъ!—снова поклонился Адельгеймъ.

— Итакъ, дайте мнѣ ваше честное слово, что съ нынѣшняго вечера онъ будетъ у насъ всякій день?

— Даю въ томъ, что буду стараться, но отвѣчать, конечно, не могу.

— Только слово дайте!

— Постараюсь. Въ этомъ даю слово.

IX.

Адельгеймъ упорно взялся за своего новаго пріятеля. Между ними тотчасъ зашелъ странный разговоръ о г-жѣ Кнаусъ и ея дочери. Зиммеръ заявилъ прямо, что Доротея настолько красивая и симпатичная дѣвушка, что онъ бы не желалъ жить въ Петербургѣ и часто ее видѣть, потому что она опасна для молодого человека.

Ею можно увлечься легко! Спасибо, что я отсюда скоро уѣду, а бывать у нихъ я не буду.

Адельгеймъ насутился.

— Ну, а я вамъ вотъ что скажу, мой милый Генрихъ! Вы мнѣ нѣсколько разъ говорили, что никогда не забудете одолженія, которое я для васъ сдѣлалъ, хотя въ немъ не было ничего особеннаго. Не взять васъ съ собой въ свой экипажъ и не доставить въ Петербургъ было бы поступкомъ совершеннѣйшаго невѣжи и брюзги, человѣконенавистника. Не только васъ, но и всякаго другого въ вашемъ положеніи каждый проѣзжій взялъ бы съ собой. Но вы сами называете это одолженіемъ, котораго вы никогда не забудете. Въ такомъ случаѣ вы должны отплатить мнѣ. Вы у меня въ долгу. Признаете-ли вы это?

— Конечно!—отозвался Зиммеръ.

— А если такъ, то я требую уплаты, а вы должны дать честное слово, что уплатите по моему требованію.

— Даю! весело воскликнулъ Зиммеръ.—Но какого рода?

— Остаться. Не уѣзжать.

— Какъ не уѣзжать?—удивился молодой человѣкъ.—Я васъ не понимаю.

— Остаться здѣсь въ Петербургѣ, елико возможно дольше, и затѣмъ...

— Двѣ недѣли довольно?—перебилъ Зиммеръ.

— Нѣтъ! Елико возможно дольше. Неволить васъ я не стану и разстраивать ваши дѣла не стану. Вы по доброй волѣ останетесь елико возможно дольше. Но это не все! Вы всякій день, вѣрнѣе, всякій вечеръ, а то, пожалуй, хоть и раза два въ день, будете бывать или со мной, или одни у г-жи Кнаусъ.

— Зачѣмъ?—изумился Зиммеръ.

— Затѣмъ, чтобы увлечься красавицей Торой и, можетъ быть, понравиться и ей. А, можетъ быть, кончить тѣмъ, чѣмъ кончается любовь молодыхъ людей.

— Это невозможно! Да она никогда и не пойдетъ за меня. Я—человѣкъ съ очень маленькимъ состояніемъ и не имѣющій никакого положенія по службѣ.

— Зато, милый Генрихъ, у нея очень большое приданое—наслѣдство, полученное недавно отъ дальняго родственника, умершаго въ Курляндіи. А что касается до положенія, то даю вамъ честное слово, что мужъ Торы, крестницы г. Шварца,

будеть важной персоной черезъ мѣсяць или два послѣ своей женитьбы.

— Г. Шварцъ? Кто это?!

Адельгеймъ разсмѣялся.

— Только вы, мой милый, прибывшій Богъ вѣсть откуда и ѣдущій Богъ вѣсть куда, къ бѣлымъ медвѣдямъ, можете задать такой наивный вопросъ. Быть можетъ, дѣйствительно, г. Шварцъ неизвѣстенъ въ провинціи, но въ Петербургѣ, если вы найдете хоть одного человѣка, не знающаго, кто это, то я кладу въ закладъ тысячу рублей и выиграю! А наша красавица — его крестница. А выйдетъ она замужъ по собственной волѣ, по собственному выбору, если не будетъ противодѣйствовать Шварцъ. Это однажды уже случилось. Но въ данномъ случаѣ я думаю, что вы и Шварцу понравитесь. Тамъ былъ русскій, а вы — нѣмецъ, тотъ былъ нахаль, вы же — скромный молодой человѣкъ. Итакъ, согласны-ли вы не оставаться у меня въ долгъ и отплатить той же монетой?..

Зиммеръ задумался и молчалъ. Лицо его приняло странное выраженіе... Глаза его заблестѣли такъ сильно, что, казалось, въ немъ происходила какая-то внутренняя тревога и тревога радостная. А между тѣмъ лицо было какъ-будто сумрачно, или же онъ притворялся и старался сдѣлать лицо задумчивымъ.

— Ну, что же, какой отвѣтъ вы дадите мнѣ? — заговорилъ Адельгеймъ.

— Я не имѣю возможности отказать вамъ! Все, что прикажете, то и буду дѣлать! Прикажете бывать у г-жи Кнаусъ хоть два раза въ день, и я буду исполнять ваше приказаніе, если только они сами меня не прогоняютъ. Но все-таки черезъ двѣ недѣли, когда я по расчету времени долженъ получить деньги, я выѣду въ Архангельскъ.

Адельгеймъ обнялъ молодого человѣка и выговорилъ:

— Поцѣлуйте! Умница вы, Генрихъ! Посмотрите, предсказываю вамъ, что вы въ нашемъ Архангельскѣ никогда не будете. Не зачѣмъ будетъ! Вы найдете ваше счастье здѣсь, на берегахъ Невы. Счастье въ вашей жизни зависитъ отъ прихоти или отъ одного слова молодой дѣвушки, красивой и милой. И, повѣрьте, что если она сама — не придворная дама, приближенная къ императрицѣ дѣвушка и не важный чиновникъ, то, тѣмъ не менѣе, имѣетъ въ Петербургѣ, во всей столицѣ, большее значеніе, нежели иной именитый сановникъ, служащій при герцогѣ.

Зиммеръ улыбнулся и казался смущеннымъ.

И, дѣйствительно, со слѣдующаго дня Зиммеръ сталъ бывать ежедневно въ домѣ госпожи Кнаусъ. Тора была съ нимъ крайне любезна и каждый разъ, когда онъ прощался, настойчиво просила быть снова на другой день, иногда брала съ него даже слово, что онъ непременно будетъ.

На третій разъ, что молодой человѣкъ былъ въ домѣ Кнаусовъ, онъ замѣтилъ, однако, что въ числѣ своихъ новыхъ знакомыхъ лицъ, бывавшихъ тоже постоянно у Кнаусовъ, былъ одинъ еще, сравнительно молодой человѣкъ, который странно относился къ нему—сдержанно, холодно, будто подозрительно и даже будто враждебно.

Зиммера, повидимому, озабочивало это обстоятельство. Онъ всячески старался догадаться, откуда и отчего явилась эта враждебность въ господинѣ Лаксѣ, чиновникѣ канцеляріи самого герцога.

Наконецъ, молодой человѣкъ догадался... Это было ничто иное, какъ ревность.

Желая убѣдиться въ этомъ своемъ соображеніи, онъ однажды заговорилъ съ Доротеей о непріязни, которую замѣтилъ въ Лаксѣ.

— Не обращайтесь на него никакого вниманія!—разсмѣялась дѣвушка.—Ну, и пускай ненавидитъ васъ.

— Я не люблю имѣть враговъ, Fräulein, — замѣтилъ Зиммеръ.

— Мало что... Не любите... Это отъ васъ не зависитъ. Враговъ наживаешь поневолѣ,—безъ нихъ и прожить нельзя. И у меня есть, и я сама—врагъ нѣкоторыхъ лицъ, и лютей врагъ!

— Вы?—улыбнулся Зиммеръ.

— Не смѣйтесь. Я страшнымъ, опаснымъ врагомъ могу быть. Я ничего не дѣлаю въ половину. Я или люблю сильно, или ненавижу и презираю... И тогда я преслѣдую...

И глаза дѣвушки вспыхнули.

— Впрочемъ, вашимъ врагомъ я никогда не буду. Не могу быть!—какъ-то странно добавила Тора.

Зиммеръ отчасти понялъ намекъ и задумался.

Однако, въ этотъ вечеръ и особенно на слѣдующій день, благодаря поведенію Торы, Лаксъ сталъ какъ-будто еще непріязненнѣе относиться къ Зиммеру. Онъ какъ-будто даже съ трудомъ сдерживалъ себя, чтобы скрыть свое озлобленіе.

И это было такъ въ дѣйствительности.

Лаксъ, чиновникъ въ канцеляріи герцога, былъ уже съ годъ сильно влюбленъ въ Доротею. При этомъ онъ ясно видѣлъ, что и дѣвушка благоволитъ къ нему. Прямой его начальникъ и крестный отецъ молодой дѣвушки уже давно относился къ нему радушно и всячески отличалъ отъ другихъ своихъ подчиненныхъ. Поэтому Лаксъ имѣлъ полное основаніе думать, что начальнику все извѣстно, и что онъ ничего противъ его брака съ крестницей не только не имѣетъ, а можетъ быть даже и желаетъ этого.

Недавнее извѣстіе, что Тора получила крупное наслѣдство, конечно, повліяло на Лакса и удесятерило его чувство.

— Красавица и богачка! — думалъ и говорилъ онъ самъ себѣ. Да, кромѣ того, впереди блестящее высокое положеніе. Близкимъ лицомъ самого герцога можно сдѣлаться... и въ концѣ концовъ... Кабинетъ-министромъ барономъ фонъ-Лаксъ!

Х.

Въ числѣ арестованныхъ и заключенныхъ въ большемъ зданіи, помѣщавшемся въ глубинѣ двора, принадлежавшаго канцеляріи герцога, былъ одинъ, который долго и упорно надѣялся на прощеніе и, наконецъ, узналъ, что онъ погибъ безвозвратно.

Это былъ офицеръ Коптевъ, конвоировавшій Львовыхъ. Онъ всячески, чрезъ друзей, хлопоталъ, умоляя о помощи молодого графа Миниха и его отца фельдмаршала. Но все оказалось напрасно. На его дѣло, его вину, взглянули въ канцеляріи особенно строго.

Теперь у несчастнаго молодого человѣка оставалась одна надежда.

Однажды, когда онъ уже въ четвертый разъ былъ вызванъ снова къ допросу, онъ узналъ отъ Шварца, что будетъ разжалованъ, и по снятіи чина съ нимъ уже будутъ поступать не какъ съ дворяниномъ: онъ подвергнется допросу съ пристрастіемъ, дабы узнать истину, бѣжалъ-ли Львовъ по его неосторожности или плохому досмотру, или же бѣжалъ съ его согласія, быть можетъ, откупившись большими деньгами.

— Дѣло это такъ оставить нельзя!—сказалъ Шварцъ строго.—Если тѣ, которыхъ вышнее правительство считаетъ нужнымъ арестовать и судить, будутъ убѣгать изъ-подъ ареста или

изъ-подъ надзора конвойныхъ, то это поведетъ къ весьма важнымъ послѣдствіямъ.

Несчастный Коптевъ, блѣдный, какъ полотно, стоялъ передъ Шварцемъ и весь трясся, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, онъ вымолвилъ, едва произнося слова:

— Дозвольте мнѣ искупить свою вину, дозвольте мнѣ взяться за розыски Львова! Если я не успѣю въ своемъ предпріятіи, то черезъ мѣсяца два-три меня можно разжаловать и судить. Я увѣренъ, что разыщу Львова! Я буду просить, чтобы меня командировали въ Калужскую губернію. Съ людьми, которыхъ мнѣ дадутъ, я поселюсь около Жиздры и около ихъ имѣнія и увѣренъ, что накрою его. Бѣжавши, онъ, навѣрное, не долго остался на свободѣ, а, вѣроятно, вернулся въ свои края и поселился, разумѣется, не въ своей усадьбѣ, а гдѣ-нибудь около, въ деревушкѣ. И тамъ я его могу накрыть и привезти.

— А сами вы не сбѣжите?—произнесъ, усмѣхаясь, Шварцъ.

— Прикажите за мной неослабно смотрѣть всѣмъ мѣстнымъ властямъ или обяжите меня вернуться подъ страхомъ смерти. Приставьте ко мнѣ соглядатая, который долженъ вамъ обязаться глядѣть за мной, не мѣшать мнѣ дѣйствовать въ розыскахъ, но смотрѣть, чтобы я не бѣжалъ самъ.

Въ словахъ офицера было столько искренности и убѣдительности, что Шварцъ, подумавъ, согласился.

— Все-таки, скажу, мнѣ кажется ваше предложеніе сомнительнымъ. Это все очень трудно... И я думаю, что вы сами знаете, что предлагаете вздоръ, предлагаете исполнить неисполнимое.

— Божусь Богомъ!—воскликнулъ Коптевъ.—Это даже самое простое дѣло.

— Скажите, какъ вы намѣрены дѣйствовать?

— Я поѣду въ Новгородъ и прежде всего разыщу тамъ хворающаго офицера, который мнѣ сдалъ Львовыхъ.

— А если онъ уже выздоровѣлъ?

— Я поѣду въ Москву и его тамъ разыщу. Отъ него я узнаю подробно, гдѣ имѣніе Львовыхъ, и кой-что о семьѣ. Я слышалъ отъ старика Львова, что тамъ остались его сестра и дочь...

— Ну-съ, далѣе...

— Я поѣду въ Жиздру и поселюсь тамъ... А для большей предосторожности, на случай, если бѣжавшій скрывается около

своей усадьбы, я буду просить дать мнѣ пропускной подорожный указъ не на мое имя, а на какое-либо другое...

— Да, это лучше. Это умно.

— Если скрывающійся отъ властей Львовъ и услышитъ про меня, то будетъ обмануть именемъ. А эдакъ, понятно, что, услыхавъ, что офицеръ Коптевъ въ предѣлахъ его уѣзда—онъ тотчасъ бѣжитъ, и все дѣло пропало... А я увѣренъ, что онъ около своей вотчины.

Шварцъ усмѣхнулся ехидно.

— А какъ же вы въ прошлый разъ увѣряли меня, что бѣглецъ былъ опасно раненъ солдатомъ и, если живъ, то валяется гдѣ-нибудь въ деревушкѣ у мужиковъ, раненый и безъ всякой помощи?..

— Я и теперь въ это вѣрю, ваше превосходительство!—убѣжденно проговорилъ Коптевъ. — Къ несчастію, я говорилъ не съ самимъ убитымъ солдатомъ, а знаю все со словъ другого солдата.

— Такъ вы будете искать въ Жиздрѣ раненаго, лежащаго гдѣ-либо въ Новгородской губерніи? Объяснитесь.

— Собравъ всѣ малѣйшія свѣдѣнія о бѣглецѣ въ его вотчинѣ и узнавъ навѣрное, что его нѣтъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ—я точась вернусь и объѣзжу всѣ деревушки въ уѣздѣ, гдѣ онъ отъ меня бѣжалъ. Или въ Калужскомъ намѣстничествѣ, или въ Новгородскомъ—но я найду его и представлю вамъ!—рѣшительно и энергично кончилъ Коптевъ.

— Тогда вы получите прощеніе,—сказалъ Шварцъ.

— Надѣюсь на эту милость. Я приложу всѣ старанія, чтобы заглядить свою вину.

— Сколько вамъ дать сроку на поиски Львова?—произнесъ Шварцъ, задумчиво глядя на Коптева.

— Трудно сказать, ваше превосходительство! Разукиваніе офицера въ Новгородѣ или въ Москвѣ, затѣмъ прибытіе на мѣсто возьмутъ, конечно, около мѣсяца, да тамъ понадобится для обыска мѣсяць—полтора самое большее. И ровно черезъ три мѣсяца я вернусь самъ и привезу съ собой Львова. Или переберусь для поисковъ въ эти предѣлы, тогда надо положить еще мѣсяць.

— Хорошо! Я вамъ вѣрю и распоряжусь!

Черезъ нѣсколько дней молодой офицеръ съ тремя данными ему въ помощь дѣльными молодцами собирался выѣзжать изъ Петербурга. Двое изъ нихъ были довольно искусные сыщики,

третій—гвардейскій солдатъ Прохоровъ. Однако, тайно отъ Коптева, этому солдату было внушено присматривать за своимъ начальникомъ и въ случаѣ неуспѣха его задачи строже глядѣть, чтобы офицеръ самъ не вздумалъ бѣжать.

Прохоровъ, по прозвищу Жгутъ, умный и расторопный, бывалый и видавшій виды, былъ очень польщенъ такимъ порученіемъ и отвѣчалъ головой, что будетъ служить Коптеву въ его дѣлѣ вѣрой и правдой, а въ случаѣ сомнѣнія въ начальникѣ отъ неудачи въ розыскѣ зорко присмотритъ за нимъ самимъ.

Коптевъ получилъ подорожный листъ и указъ изъ канцеляріи на имя подпоручика Лаврентьева, офицера, недавно еще служившаго въ распоряженіи Шварца, но умершаго лишь за недѣлю предъ тѣмъ.

За три дня до выѣзда Коптевъ, сидѣвшій безвыходно дома и все обдумывавшій свое предпріятіе со всѣхъ сторонъ, вдругъ оживился, пріободрился. Онъ додумался до чего-то, что показалося ему залогомъ успѣха.

Онъ явился тотчасъ къ Шварцу и объяснился...

— Вы совсѣмъ молодецъ. Вы — умница! — сказалъ Шварцъ, узнавъ отъ офицера про его измышленіе и выслушавъ всѣ доводы.

Коптевъ просилъ дать ему другіе документы. Не на имя Лаврентьева, а на имя капитана Андрея Львова.

— И чинъ важнѣе... и фамилія понятнѣе... — сказалъ онъ. — Я побываю въ вотчинѣ у барынь и подружусь съ ними въ качествѣ дальняго родственника, про котораго забыли... и въ качествѣ родни возьмусь якобы хлопотать и о старикѣ, и о бѣглецѣ сынѣ. Да бѣгунъ и самъ ко мнѣ явится!

— Молодецъ! Прямо молодецъ! — воскликнулъ Шварцъ.

Черезъ три дня изъ Петербурга выѣзжалъ въ двухъ бричкахъ съ тремя солдатами капитанъ Львовъ.

Названецъ былъ радостенъ и увѣренъ въ успѣхѣ.

XI.

Прошло болѣе двухъ недѣль, что Адельгеймъ въ первый разъ привезъ къ своимъ старымъ друзьямъ найденыша на Новгородской дорогѣ. Теперь его забавляло соперничество двухъ влюбленныхъ въ молодую Тору. Кромѣ того, его веселило, что найденышъ бралъ верхъ надъ чиновникомъ канцеляріи герцога. Въ домикѣ г-жи Кнаусъ по прежнему ежедневно бывало много

гостей, и было въ особенности весело по вечерамъ. Зиммеръ, видимо увлеченный дѣвушкой, бывалъ всякій день, иногда по два раза, и молчалъ объ отъѣздѣ.

Аделгеймъ, пробывъ нѣсколько дней въ Петербургѣ, снова выѣхалъ, не говоря куда. По нѣсколькимъ неосторожнымъ словамъ г-жи Кнаусъ, ея друзья знали, что Аделгеймъ постоянно командируется самимъ герцогомъ въ разные пункты Россіи, иногда очень далеко, по самымъ разнообразнымъ, иногда очень важнымъ дѣламъ.

Зиммеръ, оставшись одинъ въ квартирѣ своего новаго кровителя, конечно, продолжалъ и одинъ бывать у Кнаусовъ. Юная Доротея была съ нимъ не только особенно и исключительно любезна, но положительно равнодушна къ нему. Всѣ знакомые уже замѣтили ея благорасположеніе къ вновь явившемуся молодому человѣку, и никто не могъ удивляться этому, такъ какъ нельзя было положительно ничего найти противъ него. Онъ былъ уменъ, вѣжливъ, скромнъ и равно любезенъ со всѣми.

Но, однако, всѣмъ, даже г-жѣ Кнаусъ и даже отчасти самой Доротеѣ, казалось въ этомъ Зиммерѣ что-то особенное, что выразить было бы трудно. Какая-то постоянная забота, пожалуй, даже тревога, изрѣдка нападавшая сильная задумчивость и отсюда какая-то загадочность. Какъ-будто молодой человѣкъ былъ подъ гнетомъ чего-то и старался скрыть это.

Однажды, когда Доротея замѣтила ему откровенно, что въ немъ есть какая-то странность, Зиммеръ смутился и заявилъ, что у него есть крайне важное дѣло въ Архангельскѣ, отъ котораго зависитъ его благосостояніе. Онъ можетъ сдѣлаться богатымъ или стать совершенно нищимъ.

Тора передала это матери и брату, а затѣмъ и всѣ знакомые узнали это, и загадочная личность была разгадана тотчасъ и просто.

За все это время Тора очень часто уговаривала Зиммера не ѣздить въ Архангельскъ, оставаясь въ Петербургѣ, но узнавъ, что тамъ рѣшится дѣло первостатейной важности, она спросила, нѣтъ-ли возможности устроить это дѣло, пославъ кого-либо другого вмѣсто себя. Зиммеръ объяснился съ дѣвушкой откровенно, и выяснилось, что если бы у него была протекція въ Петербургѣ или если бы онъ самъ былъ на службѣ, то, конечно, дѣло уладилось бы.

— Такъ, очень просто, — воскликнула Тора, — вамъ надо тотчасъ же поступить на службу! Я могу вамъ это устроить самымъ простымъ образомъ. Мнѣ стоитъ только сказать нѣсколько словъ моему крестному отцу.

Зиммеръ ничего не отвѣчалъ и казался въ нерѣшительности, принять ли предложеніе молодой дѣвушки.

Черезъ два дня послѣ этого разговора Тора объявила Зиммеру, чтобы онъ былъ непременно у нихъ на другой день ровно въ четыре часа, и взяла съ него честное слово, что онъ будетъ. По лицу и голосу молодой дѣвушки можно было догадаться, что это не простое приглашеніе на чашку кофе, а нѣчто важное.

Въ назначенный часъ онъ явился. Тора, веселая, заявила ему, что черезъ нѣсколько минутъ рѣшится его судьба, ибо она сдѣлала все, отъ себя зависящее, но успѣхъ, конечно, зависитъ онъ него самого — Зиммера. Онъ долженъ понравиться тому господину, который сейчасъ пріѣдетъ къ нимъ въ гости.

— Если вы ему понравитесь, то все устроится. Я надѣюсь, что вы догадываетесь, кому мы васъ сейчасъ представимъ?

Зиммеръ, конечно, догадался, но все-таки отвѣчалъ, что не знаетъ.

— Сейчасъ будетъ здѣсь крестный отецъ, господинъ Шварцъ. Вы, вѣроятно, знаете, какое это важное лицо въ Петербургѣ? Онъ — одно изъ близкихъ лицъ къ самому герцогу.

Дѣйствительно, черезъ четверть часа подѣхала къ домику большая карета, запряженная красивыми лошадьми, съ ливрейными лакеями на запяткахъ.

Войдя въ домъ, а затѣмъ въ гостиную, господинъ Шварцъ запросто расцѣловалъ Доротею и Карла, а затѣмъ, поцѣловавъ ручку вышедшей въ гостиную г-жи Кнаусъ, заговорилъ съ ними, какъ всегда, по-нѣмецки.

— За тѣмъ ты меня заставила непременно сегодня пріѣхать? — обратился онъ къ крестницѣ.

— У насъ къ вамъ просьба! — весело заявила Тора. — Мы вамъ сейчасъ представимъ молодого человѣка и будемъ за него просить...

— Ну, такъ!... Вѣчно одно и то же! Если бы я бралъ къ себѣ всѣхъ, кого ты мнѣ рекомендовала и навязывала, то теперь у меня бы набрался цѣлый полкъ. И въ числѣ прочихъ было бы, по крайней мѣрѣ, дюжины двѣ никуда негодныхъ, лѣнивыхъ или непутныхъ молодыхъ людей.

— Нѣтъ, этотъ не таковъ, и вамъ можетъ понравиться!— сказала г-жа Кнаусъ.—Только у него есть одинъ недостатокъ. Не важный, но именно такой, какой вы не любите—то, что вы людямъ не прощаете.

— Что такое?—спросилъ Шварцъ.

— Онъ—нѣмецъ, съ дѣтства прожившій въ Россіи, отлично говорящій по-русски.

— И забылъ свой родной языкъ!—выговорилъ Шварцъ и сухо, презрительно засмѣялся.

— Да, правда!

— Да, сотый разъ скажу вамъ, Frau Амалія, худшей рекомендаціи для нѣмца быть не можетъ. Вы знаете, какъ я васъ люблю — и давно, и какъ люблю, вотъ, ихъ обоихъ! — показалъ онъ на молодую дѣвушку и ея брата, — а между тѣмъ и вамъ никогда не прощу этого. У Торы и у Карла невозможный, срамной нѣмецкій акцентъ, и я увѣренъ, что они по-русски думаютъ.

Г-жа Кнаусъ не поняла, дочь ея тоже, и собирались уже спросить, что хочетъ сказать г. Шварцъ, но Карлъ предупредилъ ихъ.

— Это—правда, вы правы! Мама думаетъ по-нѣмецки, а я и сестра положительно по-русски.

— Ну, вотъ, это—срамъ, это—позоръ! Если бы всѣ нѣмцы поступали такъ, живя въ другихъ странахъ, то это было бы равносильно предательству своего отечества. Нѣмцы за границами своего государства, находясь среди иноплеменной націи, должны стараться другихъ обучить своему языку, а не учиться умышленно ихъ языку. Возьмите меня въ примѣръ. Я въ Россіи съ того самаго дня, когда государыня вступила на престолъ, вотъ, ужъ, стало быть, десять лѣтъ приблизительно, а я едва знаю пятьсотъ русскихъ словъ и стараюсь неправильно ими пользоваться. Я говорю по-русски только съ тѣми, кто мнѣ нуженъ, полезенъ, а по-нѣмецки ни слова не понимаетъ. А вы хотите мнѣ теперь рекомендовать молодого человѣка, который такъ же, какъ и вы—природный нѣмецъ и позабылъ свой языкъ.

— Онъ не позабылъ его! — вступилась Тора.—Онъ очень хорошо говорить, но только съ особеннымъ выговоромъ, который... который...

И Тора нѣсколько сконфузилась и запнулась.

— Что же?—спросилъ Шварцъ.

— Его выговоръ таковъ, что онъ даже хуже моего...

Шварцъ усмѣхнулся, потомъ покачалъ головой.

— Ну, милая Тора, выговоръ нѣмецкій у нѣмца, который хуже твоего выговора, это должно быть что-нибудь ужасное.

— Зато онъ умный, честный, дѣльный, трудолюбивый! — воскликнула Тора.

— Вотъ какъ! На основаніи чего же ты одарила его всѣми этими качествами? Давно ли вы его знаете?

— Двѣ недѣли! Даже больше...

Шварцъ разсмѣялся.

— Что же вы хотите? Что я долженъ для него сдѣлать?

— Онъ бы желалъ быть на службѣ и именно у васъ, чтобы посвятить себя, всѣ свои силы, дѣлу, которому вы отдали всего себя.

Шварцъ присмотрѣлся къ лицу дѣвушки и выговорилъ:

— Вотъ, ужъ какъ стала ты изъясняться! Впрочемъ, ты это повторяешь мои слова, которыя я часто говорю при тебѣ. Ну, хорошо! Пришли мнѣ своего любимца, я погляжу на него, но скажи мнѣ прежде всего правду. Если солжешь, то, все равно, твоя мать не солжетъ и скажетъ правду. Неужели это опять избранникъ твоего сердца?

Тора слегка покраснѣла, хотѣла что-то отвѣтить, произнесла нѣсколько словъ безъ связи и смолкла.

— Вы отчасти правы,—заговорила г-жа Кнаусъ,—онъ ей дѣйствительно нравится, но до того, что вы думаете, еще далеко. Впрочемъ, увидимъ—и я, и вы. Почему знать, можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ окажется такимъ, какимъ намъ кажется—вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ..

— Никогда!...—вскрикнулъ Шварцъ.—Повторяю, молодой малый, умный, какъ вы говорите, отказавшійся отъ своего языка, сдѣлавшійся почти русскимъ, не можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ!...

Шварцъ излагалъ это настолько рѣзко и сталъ настолько хмуръ, что г-жа Кнаусъ и ея дѣти какъ бы вдругъ присмирѣли и притихли. Они знали, что Шварцъ упрямъ, а въ упрямствѣ своемъ какъ бы прихотливъ. Онъ часто легко соглашался исполнить какую-нибудь довольно мудреную просьбу съ ихъ стороны и часто самое простое дѣло, которое зависѣло отъ одного его слова, онъ отказывался исполнить наотрѣзъ. И никогда нельзя было догадаться, что имъ руководить, если не простая прихоть вдругъ заартачившагося человѣка.

Тора, собиравшаяся уже сказать Шварцу, что молодой человекъ у нихъ въ домѣ въ сосѣдней комнатѣ, и что она можетъ представить его тотчасъ же, теперь не рѣшалась. Она переглядывалась съ матерью, какъ бы предлагая ей взять это объясненіе на себя.

Г-жа Кнаусъ тоже не рѣшалась. Она не боялась Шварца, но не любила его сердить. Среди наступившаго молчанія Карлъ звонко разсмѣялся и выговорилъ, обращаясь къ Шварцу:

— Смотрите! Поглядите! И мутерхень, и Тора испугались васъ! Ихъ хитрая затѣя не удалась! А знаете ли, что они затѣяли?

Веселое лицо и смѣхъ Карла какъ бы подѣйствовали на Шварца. Лицо его прояснилось.

— Что именно? Какой заговоръ?

— Да, вѣдь, этотъ обрусѣлый нѣмецъ такой же, какъ и я, здѣсь въ домѣ. Мы хотѣли его вамъ сегодня же здѣсь представить.

Наступило молчаніе, послѣ котораго Шварцъ выговорилъ нѣсколько холодно:

— Позовите его! Я только взгляну на него.

Тора, смущаясь или, вѣрнѣе, волнуясь за судьбу молодого человека, которая должна сейчасъ рѣшиться, поднялась и вышла въ другую комнату. Черезъ нѣсколько мгновеній она вернулась снова, а за ней въ дверяхъ показался Зиммеръ и, не двигаясь далѣе, сталъ около порога. Онъ былъ страшно смущенъ и стоялъ, какъ потерянный, какъ если бы предсталъ предъ судомъ и ожидалъ рѣшенія не только своей участи, а приговора, жестокаго и беспощаднаго.

Шварцъ, сидѣвшій въ креслѣ лицомъ къ дверямъ, въ которыя вошелъ молодой человекъ, пристальнымъ, твердымъ и зоркимъ взглядомъ мѣрилъ его съ головы до пятъ, раза три морщилъ брови и, наконецъ, проговорилъ:

— Подойдите ближе! Вотъ, сюда.

Зиммеръ двинулся и сталъ шагахъ въ четырехъ отъ сановника. Этотъ задалъ ему нѣсколько незначущихъ вопросовъ. Молодой человекъ смущенно отвѣтилъ. Плохой сравнительно выговоръ удивилъ Шварца.

— Все, что я могу сказать,—произнесъ онъ, наконецъ,— что вы говорите по-нѣмецки, какъ русскій, недавно языку обучившійся. Даже хуже Торы и Карла. Но, вообще, вы мнѣ нравитесь.

Молодой человекъ поклонился и, видимо, посмѣлѣлъ.

— Итакъ, г. фонъ-Зиммеръ, завтра явитесь ко мнѣ въ управленіе поутру и прикажите о себѣ доложить. По первому разу, такъ сказать, съ первыхъ словъ, вы мнѣ кажетесь пригоднымъ вообще на службу государынѣ императрицѣ и его свѣтлости. Завтра мы обсудимъ, куда именно мнѣ васъ опредѣлить и какое дѣло вамъ дать.

И Шварцъ наклонилъ голову, а Тора и Карлъ поднялись съ мѣсть, такъ какъ Зиммеръ, очевидно, не догадывался, что онъ долженъ снова выйти изъ гостиной.

— Отлично! Все слава Богу!—весело, почти восторженно проговорила Тора, когда всѣ трое были въ другой комнатѣ.

Г. Шварцъ, оставшись съ хозяйкой, объяснилъ ей, что молодой человекъ, дѣйствительно, довольно привлекательной наружности и, повидимому, благовоспитанный и порядочный. Онъ, судя по глазамъ—несмотря на его смущеніе — долженъ быть энергичнымъ, даже упорнымъ въ дѣлѣ, за которое возьмется.

— Меня удивило то, что онъ сказалъ, и, по правдѣ, я впервые слышу подобное,—заговорилъ Шварцъ.—Каждый разъ, что обрусѣлые нѣмцы жаловались мнѣ, что они забыли нѣсколько свой родной языкъ, вслѣдствіе невозможности гдѣ-либо въ глуши говорить на немъ, въ особенности безсемейные, мнѣ никогда и на умъ не приходило, что они могли дѣлать то же, что, со словъ Зиммера, дѣлалъ онъ—читать. Это очень умно! Онъ, очевидно, умный малый. А теперь у меня есть, по крайней мѣрѣ, готовый совѣтъ всѣмъ обрусѣлымъ нѣмцамъ изъ глуши Россіи. Скажу вамъ по секрету, Frau Амалія, что я этого молодца, по всей вѣроятности, завтра же опредѣлю къ себѣ. И мнѣ почему-то представляется, что онъ для одного особаго дѣла окажется случайно самымъ подходящимъ и надежнымъ изо всѣхъ, какіе у меня есть. Да, онъ не похожъ на всѣхъ тѣхъ шалопаевъ, которыхъ вы и Тора мнѣ рекомендовали часто.

Г-жа Кнаусъ весело размѣялась.

— Ну, а крестница сильно увлечена имъ?

— И да, и нѣтъ. Вы знаете, какъ она непостоянна. Вспомните, какъ она быстро утѣшилась, когда вы ея жениха выслали изъ Петербурга.

— А, знаете что, моя дорогая?—воскликнулъ Шварцъ.—Вѣдь, этотъ Зиммеръ похожъ на того черномазаго.

— Да. Мы всѣ это находимъ.

— Стало быть, крестницѣ еще легче въ него влюбиться. По старой памяти или за сходство. Что же? Если онъ окажется таковымъ, какимъ мнѣ теперь сдается—пускай. Все-таки «фонъ». А этимъ пренебрегать нельзя.

ХП.

На другой же день Зиммеръ явился въ управленіе, гдѣ властвовалъ г. Шварцъ. Прошло около двухъ часовъ, прежде чѣмъ онъ былъ вызванъ въ свой чередъ. Комната, въ которой онъ дожидался, была предназначена для просителей и для всѣхъ лицъ, являвшихся къ Шварцу со своимъ дѣломъ.

Въ числѣ прочихъ дожидался старикъ лѣтъ семидесяти, очевидно, дворянинъ и, вѣроятно, не изъ послѣднихъ въ Петербургѣ. Онъ былъ настолько благообразенъ и привлекателенъ своими большими, старчески-спокойными глазами, въ особенности грустью, будто разлитою во всемъ лицѣ, что Зиммеръ невольно присматривался къ нему. Если-бы не обычай бриться и носить пудренный парикъ, то, конечно, этотъ благообразный незнакомецъ былъ-бы съ большой снѣжно-бѣлой бородой и снѣжно-бѣлыми волосами.

Когда два человѣка, вызванные одинъ за другимъ къ Шварцу, образовали пустое пространство между Зиммеромъ и старикомъ, молодой человѣкъ невольно, самъ не зная почему, пересѣлъ ближе къ нему и заговорилъ съ нимъ. Разумѣется, разговоръ былъ о пустякахъ. Касаться какихъ-либо вопросовъ, помимо погоды, было опасно, а тѣмъ паче въ стѣнахъ самого управленія, гдѣ чинилась жестокая расправа, быстрая и беспощадная, надо всѣми, кого произвольно причисляли къ врагамъ герцога.

Несмотря на то, что старикъ ничего особеннаго не сказалъ, молодой человѣкъ понималъ, что старикъ попалъ въ бѣду. Онъ является почти поневолѣ объясниться, но надежды спастись отъ бѣды, которая надъ нимъ стряслась, конечно, не имѣетъ никакой.

Зиммеръ, вѣроятно, тоже понравился старику, потому что онъ назвалъ и просилъ его къ себѣ въ гости.

Это былъ отставной полковникъ Бурцевъ. Онъ прибавилъ, нѣсколько грустно улыбаясь, что выдаетъ теперь очень мало людей, новыхъ знакомыхъ страшно избѣгаетъ, но что Зиммеръ ему особенно понравился—Богъ вѣсть почему.

Пока они говорили, Шварцъ продолжалъ принимать, и, наконецъ, въ комнатѣ осталось только три человѣка. Первымъ, изъ трехъ былъ вызванъ Зиммеръ. Пройдя небольшую комнату-полукорридорчикъ, гдѣ дежурилъ чиновникъ, вызывавшій всѣхъ по очереди, Зиммеръ вошелъ въ большую комнату и былъ сразу нѣсколько удивленъ тѣмъ, что нашелъ въ ней.

Г. Шварцъ сидѣлъ за длиннымъ письменнымъ столомъ, гдѣ лежали кипами бумаги, но что поразило Зиммера — это были шкафы съ безчисленнымъ множествомъ книгъ. На столѣ, на окнахъ, даже на полу виднѣлись большіе печатные листки. И только благодаря тому, что Зиммеръ самъ былъ человѣкъ грамотный и отчасти просвѣщенный, онъ понялъ, что эти печатные листки — газеты.

Когда онъ появился въ дверяхъ, Шварцъ выговорилъ тихо ту же фразу, что и у г-жи Кнаусъ:

— Подойдите ближе! Вотъ, сюда!

И онъ показалъ черезъ столъ. Когда Зиммеръ подошелъ, онъ своими маленькими, пронизательными глазами долго всматривался въ молодого человѣка, какъ бы впился въ него. Постороннему наблюдателю показалось бы, что молодой человѣкъ нравится умному и дальнозоркому человѣку, искушенному во всякаго рода путанныхъ дѣлахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его опытъ или дальновидность, или способность читать чужія мысли, рыться глазами въ потемкахъ чужой души, заставляють его поневолѣ относиться къ этому молодому человѣку нѣсколько недовѣрчиво.

Помолчавъ нѣсколько времени, Шварцъ опустилъ глаза и вымолвилъ, конечно, по-нѣмецки:

— Расскажите мнѣ всю свою жизнь съ рожденія и до сего дня. Гдѣ вы родились, гдѣ вы жили, что дѣлали? Предупреждаю васъ, что впредь я буду изрѣдка задавать вамъ тѣ же вопросы касательно вашего прошлаго, и, если въ чемъ-либо, хотя-бы въ какой мелочи, явится вдругъ противорѣчіе, то вы немедленно будете уволены отъ той должности, въ которую я васъ теперь опредѣлю. Память у меня хорошая, все, что вы скажете теперь, я заномню и даже вкратцѣ запишу. Ну-съ, говорите!

Зиммеръ былъ готовъ къ этому, предвидѣлъ, съ чего начнется разговоръ со Шварцемъ. Доротей еще вчера вечеромъ предупредила его объ этомъ. Всю ночь, плохо спавъ, вѣрнѣе, почти не смыкавъ глазъ, Зиммеръ приготовилъ мысленно свое

жизнеописание, даже съ подробностями, и теперь онъ бойко, сжато, ясно рассказалъ все свое прошлое пытливому и хитрому сановнику.

— Ну, я вижу, г. фонъ-Зиммеръ, что вы—дѣльный молодой человекъ. Даже не по годамъ разумный и разсудительный. Тѣмъ лучше для меня. Объясните мнѣ теперь подробно, какимъ образомъ могли вы забыть языкъ вашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ? По вашему отвѣту я буду, можетъ быть, въ состояніи, по крайней мѣрѣ, васъ оправдать. До чего иной выговоръ можетъ измѣнить и обезобразить нашъ прекрасный нѣмецкій языкъ!—воскликнулъ Шварцъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ въ голосъ.—Ну-съ, говорите.

Зиммеръ заговорилъ твердо; но, изрѣдка дѣлая ошибки въ произношеніи, все-таки волновался.

— Я не виноватъ въ томъ, что позабылъ свой родной языкъ. Я маленькимъ мальчикомъ попалъ въ Россію, и вокругъ меня не было ни единого человекъ, съ которымъ бы я могъ говорить по-нѣмецки и отъ котораго могъ бы слышать тотъ же языкъ. Но такъ какъ я любилъ свой языкъ, то я самъ съ собой наединѣ разговаривалъ. Если бы не это, то я бы теперь, быть можетъ, не зналъ даже ни единого слова по-нѣмецки. Когда я сталъ нѣсколько старше, мнѣ было лѣтъ пятнадцать, то я старался доставать себѣ съ величайшимъ трудомъ нѣмецкія книги и много читалъ. Это помогло мнѣ не утерять способности объясняться, но книги не могли мнѣ помочь усвоить и сохранить настоящей нѣмецкій выговоръ. Позднѣе, когда мнѣ было уже около двадцати лѣтъ...

— Довольно!—перебилъ Шварцъ.—То, что вы сказали, дѣлаетъ вамъ честь. А вашъ выговоръ, по совѣсти, по правдѣ... порядочный...

Разумѣется, лицо Зиммера просіяло... Онъ сразу вполнѣ овладѣлъ собой и смотрѣлъ уже иначе.

— И правду сказать,—продолжалъ Шварцъ,—если вашъ выговоръ не хуже выговора Карла, то вы менѣ виноваты, чѣмъ онъ. Живя въ своей семьѣ, онъ могъ бы говорить по-нѣмецки ежедневно, съ утра до вечера, а, между тѣмъ, я знаю, онъ говоритъ постоянно по-русски и только со мной да вечеромъ кое съ кѣмъ объясняется на родномъ языкѣ. А вы, какъ оказывается, живя одинъ-одинехонекъ, могли совершенно свой языкъ забыть. Ну-съ, господинъ фонъ-Зиммеръ, близкой родни у васъ нѣтъ, говорите вы?

— Нѣтъ-съ!—отозвался молодой человѣкъ.

— Сирота?—вымолвилъ, улыбаясь, Шварцъ.

— Точно такъ-съ...

— Тогда надо поскорѣе васъ женить!—засмѣялся сановникъ милостиво, но покровительственно, какъ бы снисходя...

Г. Шварцъ былъ, однако, видимо, доволенъ исповѣдью молодого человѣка. Затѣмъ онъ сталъ еще довольнѣе, когда узналъ, что Зиммеръ очень порядочно читаетъ и пишетъ, равно и по-русски, и по-нѣмецки. Только за нѣмецкое правописание Зиммеръ вполне ручаться не могъ, прибавивъ, однако, что за полгода постарается сдѣлать успѣхи.

— Ну, писать вамъ много не придется, — сказалъ Шварцъ, — а все, что придется, будетъ такъ похоже одно на другое, что можно сказать, что вы въ продолженіе пѣлаго мѣсяца будете на бумагѣ повторять одни и тѣ же слова.

Затѣмъ онъ объяснилъ, что онъ беретъ Зиммера въ управленіе и отдастъ его подъ начальство человѣка еще молодого, но опытнаго дѣльца, и совѣтуетъ Зиммеру съ нимъ поладить и у него уму-разуму поучиться.

— Вы его, вѣроятно, знаете? — сказалъ Шварцъ. — Онъ постоянно бываетъ у г-жи Кнаусъ. Это—мой любимецъ—господинъ Лаксъ.

— Такъ точно!—отвѣтилъ Зиммеръ.—Я много разъ встрѣчалъ его у г-жи Кнаусъ.

И въ то же время Зиммеръ подумалъ про себя: «Странная судьба! И не будетъ добра»...

Отпустивъ Зиммера, Шварцъ принялъ другого просителя, а вышедшій Зиммеръ остался глазъ-на-глазъ со старикомъ Бурцевымъ. Они стали прощаться, и Бурцевъ вымолвилъ:

— Итакъ, не забудьте меня, милости прошу! И не откладываете, а то, Богъ вѣсть, что еще можетъ быть. Можетъ быть, меня въ Петербургѣ уже и не найдете.

— Вы уѣзжаете?—спросилъ Зиммеръ.

— Нѣтъ, но, можетъ быть, меня заставятъ выѣхать... Впрочемъ, можетъ быть, и вы въ томъ же положеніи. Оттого и удивились?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Я пріѣхалъ въ Петербургъ не надолго, но теперь, очевидно, совсѣмъ останусь въ немъ. Я поступаю на службу.

— Куда?

— А, вотъ, именно въ это управленіе!

Старикъ какъ-будто вдрогнулъ, выпрямился, гордо закинулъ голову. Его печальные глаза стали строги, онъ оглянулся кругомъ себя и, убѣдившись, что они остались наединѣ, произнесъ:

— Въ такомъ случаѣ, молодой человѣкъ, не трудитесь навѣщать меня! Человѣку, служащему въ этомъ гнѣздѣ кровопійцъ, я—древне-русскій дворянинъ и христіанинъ—не позволю никогда переступить порога моего дома.

Зиммеръ былъ, видимо, пораженъ. Бурцевъ снова сѣлъ и отвернулся отъ него, но послѣ недолгой паузы Зиммеръ быстро двинулся, сѣлъ на стулъ около старика и выговорилъ:

— Вы—человѣкъ старый, много видѣли на свѣтѣ. Вы не должны судить дѣла и обстоятельства по тому, какъ они сдаются на первый взглядъ, по первому разу. Я прошу васъ, умоляю васъ, позволить мнѣ быть у васъ, хотя бы только одинъ разъ и на нѣсколько минутъ. Я скажу вамъ, вѣроятно, кое-что, что заставитъ васъ отнестись ко мнѣ иначе.

Старикъ молчалъ и только слегка отрицательно дернулъ головой.

— Что вамъ стоитъ? Умоляю васъ позволить мнѣ быть на нѣсколько минутъ, сказать вамъ только нѣсколько словъ.

— Это излишне!—отвѣтилъ Бурцевъ.—Я уже сказалъ вамъ и повторяю. Молодой человѣкъ, служащій тѣмъ злодѣямъ, которые рѣшились рубить неповинную голову Артемія Петровича,—онъ самъ въ числѣ злодѣевъ, искаріотовъ, кайновъ, кровопійцъ россійскихъ. Сатанинское навожденіе на Руси! Если бы я зналъ ранѣе, что у васъ недаромъ нѣмецкое имя и что вы на половину, хотя бы только по отцу, нѣмецъ, то я бы и не заговорилъ съ вами, не только что сталъ звать васъ къ себѣ. Впрочемъ, утѣштесь, молодой человѣкъ, будущій Бироновскій прислужникъ. Утѣштесь! Вамъ бы и не пришлось долго бывать у меня въ гостяхъ, такъ какъ я—старый служака Великаго Императора, раненый два раза—и шведомъ, и туркой, вскорѣ буду причтенъ къ измѣнникамъ и высланъ изъ Петербурга. Вотъ, этими же злодѣями!

И онъ показалъ на дверь въ комнату Шварца.

— Тѣмъ паче умоляю васъ, воскликнулъ вдругъ Зиммеръ,—принять меня! Я пробуду у васъ нѣсколько минутъ и знаю, что вы позволите мнѣ остаться дольше и бывать часто. Вѣдь, вы не можете знать впередъ, что услышите отъ меня.

— Если хорошее,—отозвался Бурцевъ угрюмо,—то это будетъ ложь!

— Нѣтъ, вы увидите, поймете, вы почувствуете, что я...

Но Зиммеръ не успѣлъ договорить... Въ дверяхъ показался принятый Шварцемъ господинъ, а за нимъ чиновникъ, который попросилъ старика «пожаловать».

— Видите,—прошепталъ Бурцевъ,—какой я важный человекъ въ столицѣ. Меня принимаютъ послѣднимъ! Меня, облаканнаго великимъ, первымъ императоромъ, нѣмецъ ставитъ ниже приказныхъ и подъячихъ. Какая-же польза вамъ, начинающему службу въ столицѣ, заводить знакомство съ такимъ, какъ я?..

И старикъ, отвернувшись, двинулся къ двери...

ХІІІ.

На другой день утромъ Зиммеръ уже сидѣлъ въ канцеляріи за большимъ столомъ въ числѣ двухъ другихъ чиновниковъ, одного стараго, а другого молодого, а напротивъ ихъ сидѣлъ ихъ общій ближайшій начальникъ Лаксъ. Онъ встрѣтилъ Зиммера съ любезно-горькой или ядовитой улыбкой, объяснивъ, что очень радъ имѣть его своимъ помощникомъ, что онъ уже давно оцѣнилъ его, видая у г-жи Кнаусъ.

Все, что говорилъ Лаксъ, было просто шипѣніемъ змѣи, и послѣ перваго же дня, проведеннаго на службѣ въ этомъ управленіи подъ его начальствомъ, Зиммеръ сталъ не только сумраченъ, но былъ, повидимому, въ отчаяніи.

Злая судьба, дѣйствительно, насмѣялась надъ нимъ, толкнувъ его подъ начало именно къ тому человеку, который изъ всѣхъ знакомыхъ г-жи Кнаусъ относился къ нему особенно ненавистно. Это была роковая случайность или же—какъ мгновеньями казалось Зиммеру — случай не игралъ тутъ никакой роли. Все это, быть можетъ, дѣло хитраго, ехиднаго и даже загадочнаго Шварца.

Зиммеръ, бывая всякій день въ канцеляріи, разбиралъ дѣла и дѣлалъ о нихъ доклады, краткіе и обстоятельные, которые Лаксъ передавалъ Шварцу. Дѣла эти были всѣ на одинъ покрой: судъ и допросъ разныхъ арестантовъ, виновныхъ всегда въ одномъ и томъ же—въ нелюбленіи нѣмцевъ, противодѣйствіи властямъ и неуваженіи къ герцогу.

За время сидѣнія въ канцеляріи Лаксъ почти не разговаривалъ съ новымъ подчиненнымъ, только изрѣдка косо взглядывалъ на него. Зиммеръ читалъ въ этомъ взглядѣ, что этотъ

человѣкъ думаетъ лишь объ одномъ: какъ-бы ему не только избавиться отъ молодого человѣка, но и совсѣмъ похерить его, выжить не только изъ управленія, но и изъ Петербурга.

Одновременно всякій вечеръ Зиммеръ, разумѣется, видѣлся со своимъ начальникомъ и у г-жи Кнаусъ. Здѣсь при хозяйкѣ и при ея дочери Лаксъ бывалъ любезенъ со своимъ подчиненнымъ, но Зиммеръ чувствовалъ, что тотъ лукавитъ. Если губы его улыбались, то глаза ехидно впивались въ него.

Наконецъ, однажды, черезъ недѣлю постѣ того, какъ Зиммеръ поступилъ на службу, г. Лаксъ вдругъ неожиданно заговорилъ съ нимъ любезнѣе и пригласилъ вечеромъ къ себѣ въ гости. Зиммеръ удивился, хотѣлъ было отказать, но тотчасъ же понялъ, что не принять приглашенія—значило нажать себѣ страшнаго врага въ своемъ ближайшемъ начальникѣ.

И въ тотъ же вечеръ Зиммеръ въ указанный часъ явился на квартиру Лакса, на Невскомъ проспектѣ. Онъ ждалъ увидѣть много гостей, но, къ своему крайнему удивленію, не нашелъ никого, а хозяинъ объяснилъ ему, что у него вечера никакого нѣтъ, что ему хотѣлось побыть съ нимъ вдвоемъ и переговорить о нѣкоторомъ важномъ дѣлѣ, не относящемся къ службѣ. Зиммеръ нѣсколько смутился.

Переговоривъ о разныхъ пустякахъ, Лаксъ задалъ вопросъ и сразу заставилъ молодого человѣка успокоиться. Лицо его просіяло настолько, что хозяинъ, замѣтивъ это, былъ крайне удивленъ. Но послѣ отвѣта Зиммера лицо Лакса тоже прояснилось.

Его постоянно злые, ехидные глаза, ядовитая улыбка—все исчезло... Предъ Зиммеромъ былъ другой Лаксъ, простой, добродушный человѣкъ. И это была не маска. Одно слово, сказанное попросту и искренно, преобразило сразу ихъ взаимныя отношенія. Такъ лучъ солнца пронизываетъ черную тучу и озаряетъ цѣлую окрестность, которая среди окружающаго мрака сіяетъ еще ярче и будто искрится чистымъ золотомъ.

Вопросы Лакса, на которые отвѣчалъ Зиммеръ, были простые, но имѣли громадное значеніе для перваго. Онъ спросилъ, правится-ли ему Fräulein Доротея, признается-ли онъ въ томъ, что она къ нему равнодушна, по всеобщему убѣжденію всѣхъ знакомыхъ, и, наконецъ, думаетъ-ли онъ воспользоваться ея расположеніемъ, чтобы жениться на ней?

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать уклончиво, Зиммеръ въ свой чередъ спросилъ Лакса, даетъ-ли онъ ему честное слово держать про себя то, что онъ отвѣтитъ? Лаксъ далъ слово.

— Въ такомъ случаѣ я скажу вамъ откровенно, что Fräulein Доротея — чрезвычайно милая, умная и привлекательная дѣвушка, но я ее любить не могу, а жениться и тѣмъ паче не могу.

— Почему?!—воскликнулъ просіявшій Лаксъ.

— Не могу!.. Довольно съ васъ этого отвѣта.

— Нѣтъ, мнѣ этого мало! Вы должны объяснить, если вы хотите приобрести во мнѣ настоящаго друга. Мнѣ нечего объяснять вамъ, почему я пригласилъ васъ къ себѣ и завелъ эту бесѣду. Вы отлично понимаете, вѣроятно, уже замѣтили, что руководить мной... Вы говорите теперь, что не хотите и не можете жениться на Доротеѣ, если она захочетъ этого, но, вѣдь, вы можете перемѣнить ваше мнѣніе... Черезъ мѣсяцъ вы можете думать совершенно иначе. Поэтому я и хочу знать настоящую причину, чтобы судить, можетъ ли эта причина перемѣниться.

— Извольте!—отвѣтилъ Зиммеръ, улыбаясь:—Я не могу согласиться на бракъ съ Fräulein Доротеей по той причинѣ, что я уже давно люблю одну молодую дѣвушку. И никто, кромѣ нея, никогда не будетъ моею подругой жизни. Достаточно ли вамъ этого?

— Да! Но давно ли вы ее любите и давно ли ждете возможности жениться?

— Семь лѣтъ!—сказалъ Зиммеръ.

— О, тогда я совершенно спокоенъ! Тогда я объявляю вамъ, что я—вашъ другъ, готовый для васъ на все.

— Слѣдовательно, вы мнѣ поможете,—сказалъ Зиммеръ,—и въ томъ, о чемъ я сейчасъ же буду просить васъ?

— Въ чемъ хотите! Во всемъ!

— Прежде всего я буду просить васъ помочь мнѣ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, помогая мнѣ, вы будете дѣйствовать въ свою пользу.

— Какимъ образомъ?—удивился Лаксъ.

— Какъ только все семейство замѣтитъ, что я избѣгаю вопроса о бракѣ и не могу жениться на Доротеѣ, я боюсь, что г-жа Кнаусъ будетъ дѣйствовать мнѣ во вредъ и повліяетъ снова на г. Шварца, но уже иначе: не на пользу, а во вредъ мнѣ. И, вотъ, вы должны мнѣ въ данномъ случаѣ помочь.

— Будьте спокойны!—воскликнулъ Лаксъ.—Нашъ Шварцъ—умнѣйшій человѣкъ. Онъ сейчасъ же пойметъ все. Кромѣ того, знайте, что у него дѣла людскія, общежитейскія, и дѣла служебныя, государственныя не смѣшиваются вмѣстѣ. Онъ могъ бы вамъ запретить жениться на Доротеѣ, не признавая васъ достойнымъ ея, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ бы вамъ важную должность въ своемъ управленіи. И, наоборотъ, вы бы женились съ его согласія на Fräulein Кнаусъ, онъ бы явился праздновать ваше бракосочетаніе, а на другой день за какую-нибудь оплошность прогналъ бы васъ со срамомъ изъ этой канцеляріи. Слѣдовательно, если семья Кнаусъ станетъ вдругъ къ вамъ враждебна, то вы не должны ничего опасаться.

Послѣ этого объясненія Зиммеръ едва узнавалъ Лакса... Это былъ добрѣйшій, вполне радушно и искренно относившійся къ нему человѣкъ.

Разумѣется, одновременно Зиммеръ сразу сталъ рѣже бывать у Кнаусовъ. Тора стала угрюма и озабочена. Каждый разъ, какъ онъ являлся, дѣвушка энергично, но и грустно просила его объяснить свое исчезновеніе. Зиммеръ всякій разъ ссылался на дѣла, работу, на порученія отъ Шварца, серьезныя и неотложныя.

Наконецъ, чрезъ дней десять Зиммеръ, дѣйствительно, исчезъ изъ Петербурга. Шварцъ далъ молодому человѣку важное порученіе въ Нарву.

Но Зиммеръ выѣхалъ въ Шлиссельбургъ и тамъ застрялъ. По какому дѣлу—онъ одинъ зналъ. Онъ познакомился и даже подружился съ главнымъ начальникомъ и комендантомъ крѣпости, гдѣ было такъ много заключенныхъ. Знакомство это произошло какъ-будто случайно, а вполне пріятельскія отношенія возникли сами собой.

Пробывъ недѣлю въ Шлиссельбургѣ, Зиммеръ съѣздилъ въ Нарву, исполнилъ порученіе Шварца и, вернувшись, объяснилъ ему, что замѣшкался по порученному дѣлу. О своемъ пребываніи въ крѣпости и дружбѣ съ комендантомъ онъ, однако, ни единымъ словомъ не обмолвился своему начальнику. Очевидно, это было его личное дѣло.

По возвращеніи въ Петербургъ онъ встрѣтился вновь въ своей канцеляріи со старикомъ Бурцевымъ, который такъ поправился ему. Старикъ являлся по вызову Шварца. Зиммеръ заговорилъ съ нимъ, но Бурцевъ отвѣчалъ неохотно и сурово, какъ бы желая прекратить знакомство, сдѣланное опрометчиво.

Эта уклончивость еще болѣе расположила Зиммера въ его пользу, и черезъ два дня онъ вдругъ отправился по адресу, который еще въ первый разъ далъ ему Бурцевъ, рѣшивъ настоять быть принятымъ. Зачѣмъ собственно — онъ хорошо самъ не зналъ. Бурцевъ чрезвычайно былъ ему по душѣ, а съ другой стороны у старика было, очевидно, какое-то дѣло, недавно приключившаяся бѣда. Недаромъ его вызывали къ Шварцу. Молодой человѣкъ надѣялся хоть отчасти помочь въ этой бѣдѣ привлекательному старику.

За послѣднее время, приглядѣвшись къ Петербургу, Зиммеръ вообще рѣшилъ, что ему бы надо сдѣлать нѣсколько новыхъ «русскихъ» знакомствъ. До сихъ поръ онъ ограничивался сидѣниемъ на вечерахъ г-жи Кнаусъ, гдѣ бывали одни нѣмцы, и гдѣ бывало ему довольно скучно.

Разъ уже зачисленный на службу и пользуясь нѣкоторымъ расположеніемъ Шварца, Зиммеръ положилъ понемножку совершенно отдѣлаться отъ этого семейства и тѣмъ даже услужить своему ближайшему начальнику. Что касается до новыхъ знакомствъ, то Зиммеръ рѣшилъ заводить ихъ и въ средѣ нѣмцевъ, и въ средѣ русскихъ безъ различія, хотя были рускіе, которыхъ всякому слѣдовало избѣгать.

Въ эти дни было не мало лицъ и цѣлыхъ семействъ, которыхъ жиди отъ зари до зари въ страхѣ вдругъ пострадать. Это были всѣ тѣ, которые считались въ родствѣ или въ близкомъ знакомствѣ съ приближенными павшаго кабинетъ-министра. Судъ надъ партией казеннаго Волынскаго все еще длился и не приходилъ къ концу, а въ Петербургѣ со страхомъ и трепетомъ все еще ходилъ слухъ, что всѣ бывшіе его любимцы постепенно должны поплатиться даже головой или, по крайней мѣрѣ, подвергнуться дальней ссылке. Въ числѣ этихъ лицъ называли и Бурцева, но Зиммера все-таки тянуло къ старику. И онъ отправился...

Домъ Бурцева оказался на набережной Невы, большой деревянный, съ большимъ дворомъ, но въ сосѣдствѣ съ простыми лачугами. Это было именно то мѣсто, на которое власти уже обратили вниманіе. Было уже извѣстно, что всѣ эти домики на набережной будетъ приказано снести и заставить домовладѣльцевъ строить приличныя каменные палаты, а купцовъ и мѣщанъ совершенно не допускать къ постройкѣ домовъ въ этой части города.

Зиммеръ, войдя во дворъ и затѣмъ на большое крыльцо,—спросилъ Бурцева. Двое дворовыхъ лакеевъ, сидѣвшихъ въ передней, заявили ему, что барина дома нѣтъ. На вопросъ Зиммера, когда легче застать дома ихъ барина, лакеи отвѣчали согласно, какъ нѣчто заученное, что баринъ Алексѣй Михайловичъ никогда не бываетъ дома.

— Что ты тутъ подѣлаешь?!.—проворчалъ Зиммеръ, сходя съ крыльца.

XIV.

Въ глуши калужскаго намѣстничества, верстахъ въ пятидесяти отъ маленькаго городишка Жиздры, живописно расположена небольшая усадьба, гдѣ по всему видно было, что живеть помѣщичья семья средней руки, но съ достаткомъ.

Въ домѣ и во флигелѣ, вообще во дворѣ, было уже съ мѣсяцъ мертво-тихо, такъ какъ все живое притихло. Всѣ обитатели имѣли видъ пришибленныхъ людей, не то хворыхъ, не то пораженныхъ обстоятельствами.

Дѣйствительно, здѣсь случилось нѣчто ужасное, роковое, страшное... Очень недавно явились власти изъ Калуги, явились солдаты. Дворянинъ-помѣщикъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ были взяты и увезены въ Петербургъ безъ объясненія причинъ.

Теперь въ усадьбѣ оставалась молодая дѣвушка Софья Львова, съ теткой, пожилой вдовой, Брянцевой и ея двумя дѣтьми, двѣнадцати и четырнадцати лѣтъ.

Разумѣется, дѣвушка плакала отъ зари до зари по отцѣ и братѣ, которыхъ могла считать на половину похороненными. Брянцева точно такъ же плакала и отчаявалась, но, кромѣ того, тревожилась еще и по другой причинѣ, о которой умышленно умалчивала, не желая окончательно поразить племянницу.

Женщина умная, жившая долго въ Москвѣ, понимала, какія времена наступили на Руси, понимала, что братъ и племянникъ взяты по доносу вслѣдствіе ябеды, и знала, что надо ожидать результатовъ, обыкновенныхъ въ этихъ случаяхъ. И старика, и его сына, очевидно, засудятъ, соплотъ невѣдомо въ какіе предѣлы, на границы Сибири, имѣніе все опишутъ, а дѣвушку и ее съ дѣтьми просто выгонятъ на улицу.

Дворовые люди, даже крестьяне, тоже ходили тоскливые, жалѣя добраго барина и добраго барчука, котораго, несмотря

на его двадцать пять лѣтъ, продолжали звать такъ. Люди предвидѣли и предусматривали то же, что чудилось и г-жѣ Брянцевой.

Въ ихъ уѣздѣ уже случилось... Молодой баринъ былъ увезенъ точно такъ же съ солдатами въ Москву или въ Петербургъ, невѣдомо за что, и пропалъ безъ вѣсти, а вотчина его родовая принадлежала теперь по закону какому-то рыжему нѣмецкому барину, ни слова не говорившему по-русски.

И со дня, вѣрнѣе съ часа отъѣзда Львовыхъ съ солдатами, здѣсь въ домѣ и въ усадьбѣ водворилась грустная тишина и тоскливое уныніе. Молодая барышня ходила съ опухшимъ лицомъ, заплаканными глазами, почти не притрогивалась къ кушанью, почти не спала по ночамъ и изводилась.

И такъ прошло около мѣсяца.

Однажды въ сумерки въ усадьбѣ появился крестьянинъ и велѣлъ доложить о себѣ барышнѣ, что у него есть до нея дѣльце. Идетъ онъ изъ Москвы въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню и хочетъ по дорогѣ переговорить съ барышней.

Люди догадались, что мужикъ просто хочетъ просить помощи, и, конечно, тотчасъ же доложили Софьѣ Павловнѣ. Печальная Соня даже обрадовалась извѣстію. Въ томъ положеніи, въ которомъ она была, всякому захотѣлось бы что-либо сдѣлать богоугодное, а тутъ вдругъ является паломникъ въ Іерусалимъ. Помочь ему даже себѣ польза: Господь за это награждать.

Когда мужика, рослаго, бородатаго, молодцоватаго на видъ, лѣтъ сорока, впустили въ домъ, онъ заявилъ при всѣхъ, что не можетъ говорить при нихъ, что хочетъ говорить съ глазу на глазъ съ барышней. Всѣ подивились, но и согласились на его просьбу. Славное у него было лицо. Да и что же онъ можетъ сдѣлать барышнѣ? Не убьетъ же ее? О такомъ дѣлѣ не слыхано.

Когда Соня позвала за собой крестьянина въ свою комнату и притворила, по его просьбѣ, дверь, то спросила:

— Ну, что же тебѣ? Денегъ, небось? Много дать не могу, а все-таки рубля два дамъ.

Крестьянинъ, усмѣхаясь, потрясъ головой.

— Прости, барышня! Все это—выдумки, все это—враки! Никогда я ко Гробу Господню не собирался, хотя, знамо-дѣло, кабы пришлось, то и пошелъ бы. А, вотъ, дѣло какое.

И, разстегнувъ свой зипунъ, слазавъ за пазуху, онъ вытащилъ оттуда замасленную бумагу, развернулъ ее и изъ нея вынулъ сложенный листъ бумаги, исписанный.

— Вотъ, зачѣмъ я, барышня, пришелъ: передать тебѣ эту писулю и уйти тотчасъ обратно. Только попрошу меня накормить.

Софья протянула руку, взяла сложенный листокъ и изумленно глядѣла въ лицо мужика, ничего не понимая.

— А, вотъ, разверни, родная моя, и узнаешь.

София взяла листъ, развернула и стала глядѣть. Было страницы три, исписанныхъ нетвердымъ почеркомъ, но довольно ясно. Подержавъ листъ въ рукахъ, она сказала:

— Отъ кого же это? Кто это?

— Того я не знаю! Догадка есть у меня, да что же про это сказывать? Разбери писулю, и сама узнаешь.

— Ну, хорошо! Спасибо! Больше ничего?

— Какъ есть, барышня, ничего! Только прикажи меня накормить.

София спрятала полученное посланіе, не заглянувъ въ него снова по той простой причинѣ, что была неграмотна. Отпустивъ крестьянина въ людскую и приказавъ его накормить, она, разумѣется, тотчасъ же побѣжала къ теткѣ съ письмомъ.

Анна Константиновна тоже была не очень прытка въ чтеніи и письмѣ. Съ дѣтства ея этому не обучили. И только уже въ тридцать лѣтъ она сама, овдовѣвъ, чуть-чуть обучилась и, если довольно свободно читала печатное, то писанное разбирала съ великимъ трудомъ. Однако, тотчасъ же встревоженная женщины, догадавшись, откуда можетъ быть это письмо, принялись за чтеніе.

Съ величайшимъ трудомъ Анна Константиновна кончила тѣмъ, что прочла все письмо, за исключеніемъ двухъ-трехъ словъ. И женщина, и молодая дѣвушка сразу повеселѣли, пріободрились и смотрѣли радостнѣе. Письмо было отъ молодого Львова, было подписано «Петръ», безъ фамиліи.

Львовъ въ общихъ чертахъ рассказывалъ о своемъ побѣгѣ около Новгорода, говорилъ, что онъ находится въ безопасности и намѣренъ, во что-бы то ни стало, хотя бы пришлось пожертвовать жизнью, спасти отца отъ суда и какой-либо бѣды. При этомъ онъ говорилъ, что надѣется на успѣхъ вслѣдствіе того, что надумалъ удивительно хитрую затѣю, такъ какъ съ нѣмцемъ

силой не возьмешь, и только хитростью можно что-либо сдѣлать.

Онъ кончалъ письмо, говоря, чтобы помолились Богу, чтобы Господь помогъ ему въ его трудномъ дѣлѣ—спасти и отца, да и самого себя, чтобы снова вернуться невредимыми въ родное гнѣздо. При этомъ Львовъ прибавлялъ, что каждая двѣ недѣли сестра и тетка будутъ получать отъ него извѣстія. Если же пройдетъ долгое время безъ извѣстій, то это не будетъ значить, что дѣла идутъ худо, а будетъ значить, что трудно прискаты посланца, такъ какъ подобныя письма—дѣло опасное.

Разумѣется, и крѣпостные люди тотчасъ увидѣли, что и барышня, и барыня повеселѣли. Самымъ преданнымъ и вѣрнымъ была сказана правда. Остальнымъ объявили, что просто получены хорошія вѣсти и что, если Богъ милостивъ, то оба барина вернуться въ усадьбу.

И послѣ этого знаменательнаго, счастливаго дня молоденькая Соня, быть можетъ, въ первый разъ крѣпко и сладко проспала всю ночь.

Кто другой, мужчина, конечно, не очень бы обрадовался и ободрился, узнавъ, что одинъ арестованный все-таки подъ судомъ, а другой въ бѣгахъ и совсѣмъ внѣ закона. Но дѣвушка, еще полудѣвочка, повѣрила брату на слово, что все—слава Богу.

Вдобавокъ, теперь молоденькая Соня пріободрилась уже и потому, что знала, какъ ей дѣйствовать.

Ея отвергнутый отцомъ претендентъ, ей ненавистный полунѣмецъ, послѣ ареста и увоза отца и брата снова, чрезъ какую-то барыню-помѣщицу, повторилъ свое предложеніе руки и сердца, и на этотъ разъ онъ—въ случаѣ согласія Сони—обѣщалъ свое покровительство и помощь, увѣрялъ, что тотчасъ поѣдетъ въ Петербургъ и освободитъ обоихъ Львовыхъ.

Соня была сильно смущена и не знала, что дѣлать. Брянцева затруднялась подать племянницѣ какой-либо совѣтъ. Назойливый полунѣмецъ-женихъ могъ просто обмануть. Наконецъ, какимъ образомъ дѣвушка въ отсутствіе отца и якобы ради его спасенія рѣшить такое важное дѣло.

Соня рада была бы пожертвовать собой, но не смѣла этого сдѣлать безъ вѣдома отца. Теперь дѣвушка знала, что надо ждать, ничего рѣшительнаго жениху не отвѣчать и только Богу молиться.

XV.

Переставъ проводить свободные часы дня и всѣ вечера въ домѣ г-жи Кнаусъ, Зиммеръ началъ бывать въ разныхъ домахъ. Скоро накопилось у него довольно много новыхъ знакомыхъ, изъ коихъ нѣкоторые были сановниками. И вдругъ онъ замѣтилъ, что къ нему самому большинство стало относиться съ большимъ почтеніемъ.

Придя къ заключенію, что извѣстнаго рода знакомство въ столицѣ можетъ только быть полезно, онъ уже взялся за дѣло, какъ брался всегда за все, рѣшительно и пылко. И теперь, всякій день бывая въ разныхъ домахъ, онъ ежедневно знакомился съ новыми и новыми лицами. При этомъ онъ старался равномерно знакомиться съ нѣмцами и съ русскими.

Среди нѣмцевъ онъ слылъ за обрусѣлаго нѣмца и, конечно, вторилъ тому, что слышалъ кругомъ себя, начиная съ подобострастнаго восхваленія герцога. Среди русскихъ онъ держался осторожно, такъ же, какъ и они сами. Онъ не высказывалъ ничего противъ нѣмцевъ. Равно не принималъ тоже подъ свою защиту русскихъ. А о скомпрометированныхъ въ дѣлѣ бывшего кабинетъ-министра даже и не заикался, якобы не зная ихъ по именамъ.

Однажды онъ былъ позванъ къ Шварцу и, какъ сказали ему, по какому-то важному дѣлу. Зиммеръ нашелъ начальника за писаніемъ бумагъ и настолько углубившагося въ свою работу, что тотъ не замѣтилъ присутствія молодого человѣка; наконецъ, остановившись и задумавшись надъ написаннымъ, онъ бессознательно оглядѣлъ комнату, увидѣлъ Зиммера и удивился.

— Давно вы тутъ?—спросилъ онъ.

— Нѣсколько мгновеній!—отозвался Зиммеръ.

— Въ другой разъ,—сурово заговорилъ Шварцъ,—я васъ попрошу, если вы войдете и найдете меня такимъ же разсѣяннымъ, немедленно заявить о вашемъ присутствіи. У меня дурная привычка: разговаривать вслухъ съ самимъ собой, и я вовсе не желаю, чтобы вы подслушали что-нибудь, что случайно можетъ имѣть и значеніе. Я васъ вызвалъ по дѣлу. Я хочу вамъ дать порученіе, какъ умному и свѣтскому человѣку. До меня дошло, что вы теперь много возвращаетесь въ петербургскомъ обществѣ, какъ среди нашихъ соотечественниковъ, такъ и среди русскихъ. Вы даже настолько неосторожны и наивны—ничему иному я приписать этого не могу—что зна-

комитесь даже съ клеветами бывшаго государственнаго преступника, справедливо и заслуженно обезглавленнаго. Еслибы я васъ не зналъ лично и не былъ вполне убѣжденъ въ вашей преданности, то, конечно, не оставилъ бы этой дерзости безъ должнаго взысканія. Я знаю, что вы познакомились съ однимъ старикомъ, по фамилиі Бурцевымъ. Вы, вѣроятно, и не подозрѣвали, что онъ—родственникъ Теплова, а Тепловъ былъ любимецъ Волынскаго. Мы только потому теперь его не трогаемъ, что онъ собственно—пустой человѣкъ, готовый служить и русскимъ, и нѣмцамъ, и хотя бы голландцамъ, и американцамъ. Человѣкъ легкомысленный, котораго можно купить всячески, кому угодно и для чего угодно. И, вотъ, ввиду того, что вы, оказываясь, свѣтскій человѣкъ по природѣ, я вамъ дамъ самое простое порученіе. Но знайте, что оно въ то же время и крайне важное. То, что я вамъ сейчасъ скажу, почти государственная тайна. Если вы ее разболтаете, то, конечно,—вы не ребенокъ и поймете, что вы очутитесь гдѣ-нибудь на границѣ Сибири, если не въ крѣпости. Если вы сумѣете услужить мнѣ, то получите очень высокое мѣсто въ моемъ управленіи и будете моимъ вполне довѣреннымъ лицомъ. А быть моимъ фаворитомъ, г. Зиммеръ—все равно, что быть фаворитомъ его свѣтлости, самого герцога, такъ какъ то, что вы будете дѣлать и докладывать мнѣ, будетъ мною немедленно передаваться самому герцогу. Поняли вы все, что я сказалъ?

— Понялъ-съ,—тихо отвѣтилъ Зиммеръ.

— Слушайте теперь внимательно и поймите всю важность того, что я сообщаю вамъ! Садитесь. И знайте, что это—особая честь. Я рѣдко кого сажаю съ собой въ моемъ кабинетѣ, а изъ подчиненныхъ мнѣ лицъ никогда никого не посадилъ.

Зиммеръ, сильно взволнованный, сѣлъ. Воображеніе его уже рисовало ему почему-то всякія бѣды. Онъ ожидалъ, что Шварцъ дастъ ему такое порученіе, которое въ качествѣ честнаго и сердечнаго человѣка исполнить будетъ немислимо, и, слѣдовательно, ему только придется бѣжать изъ Петербурга.

— Итакъ, слушайте, мой милый Генрихъ,—мягко заговорилъ Шварцъ.—Отнынѣ я буду называть васъ такъ, считая уже теперь въ числѣ мною особо покровительствуемыхъ молодыхъ людей. Вы будете какъ можно больше знакомиться и какъ можно больше вращаться въ обществѣ. Я даю вамъ право знакомиться съ такими стариками, какъ Бурцевъ, который брюзжитъ на правительство и на насъ, иноземцевъ. Мы его не трогаемъ

отчасти и потому, что онъ — старый служака, когда-то лично известный государю Петру Алексѣвичу. Иначе, конечно, мы бы его упрятали или выслали изъ Петербурга за невоздержанность на языкъ. Я вамъ даю право знакомиться въ Петербургѣ даже съ людьми, самыми скомпрометированными, съ такими, которыхъ не нынче — завтра арестуютъ и посаждать въ крѣпость. Скажу болѣе, съ такими преимущественно вы и должны познакомиться. Тогда будетъ больше пользы.

— Стало быть, я долженъ сдѣлаться сыщикомъ и доносить вамъ на тѣхъ лицъ, которыя...

И Зиммеръ зашнулся.

Онъ заговорилъ такимъ дрожащимъ голосомъ и съ такимъ чувствомъ на сердцѣ, какъ если-бы бросался съ высоты въ пропасть, чтобы разбиться на смерть.

— Довольно! Стойте! — воскликнулъ Шварцъ. — Я знаю, что вы хотите сказать! Вы хотите заявить, что вы — честный человекъ и въ шпионы не пойдете. На это отвѣчу вамъ, что шпионовъ у насъ достаточное количество. Отъ одного короля прусскаго мы получили партію чуть не въ полсотни человекъ. Помимо того, много и своихъ курляндскихъ да петербургскихъ.

Шварцъ разсмѣялся сухо и продолжалъ:

— Смѣю васъ увѣрить, что я — не дуракъ. А вы, кажется, обо мнѣ приблизительно такого мнѣнія.

Зиммеръ хотѣлъ что-то сказать, но Шварцъ перебилъ его.

— Помолчите! Да-съ, вы вообразили, что я хочу васъ сдѣлать шпиономъ въ высшемъ кругу или въ средѣ петербургскаго дворянства, относящагося къ намъ враждебно. Ну, вы очень ошибаетесь! Это могъ сдѣлать только дуракъ! Я знаю, что вы настолько порядочный человекъ, что въ шпионы не пойдете, да, вдобавокъ, еще выдавать русскихъ, когда вы сами какой-то, по правдѣ сказать, сомнительный нѣмецъ или, вѣрнѣе, нѣмецъ, обрусѣлый настолько, что способенъ былъ бы отнестись враждебно къ нѣмцамъ, если бы не былъ умнымъ малымъ. Васъ спасаетъ умъ отъ этой подлости. Порученіе, которое я вамъ даю, гораздо важнѣе! Вы вашими глупыми соображеніями отвлекаете меня въ сторону и заставляете говорить о пустякахъ. Итакъ, молчите, пока я не кончу! Слушайте!

— Слушаю-съ! — отозвался Зиммеръ нѣсколько бодрѣе и съ лицомъ, болѣе спокойнымъ.

— Вы будете вездѣ бывать, — чѣмъ больше, тѣмъ лучше! Въ канцелярію можете хотя бы и не приходите или заглядывать на

минуту, хотя бы ради одного приличія, чтобы васъ считали служащимъ въ ней. Вы будете знакомиться со всѣми и, преимущественно, съ личностями видными, будете бывать въ гостяхъ и будете звать къ себѣ. Для этого вы съ завтрашняго дня будете получать въ пять или въ шесть разъ больше, чѣмъ получаете теперь. А на такія средства вы можете тотчасъ нанять большую квартиру и дѣлать обѣды и вечера. И всѣхъ лицъ, мало-мальски имѣющихъ значеніе въ Петербургѣ, вы постараетесь привлечь къ себѣ, сдѣлаться ихъ другомъ, нисколько не фальшивить и нисколько—съ цѣлью предательства. Поймите это хорошенько, мой милый Генрихъ! Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что государыня очень опасно больна, что дни ея, можно сказать, сочтены. Это имѣетъ огромное значеніе для судьбы Россіи и для судьбы насъ—нѣмцевъ. Права на российский престолъ принадлежатъ лишь двумъ лицамъ: дочери императора Петра, цесаревнѣ Елизаветѣ, которую въ Петербургѣ любятъ, у которой есть своя партія, но ведущая себя скромно, и которую не за что придавить, и затѣмъ, тѣ же права принадлежатъ малолѣтнему, почти новорожденному, принцу Брауншвейгскому. Мы хотимъ, чтобы мальчикъ, подъ именемъ Іоанна VI, сталъ императоромъ. Но мать его не способна быть регентшей по крайнему своему скудоумію и еще по многимъ причинамъ, о которыхъ я умолчу и которыя вамъ знать не нужно. Скажу только, что она способна завести какого-нибудь любовника, который будетъ править вмѣсто нея. Слѣдовательно, по провозглашеніи младенца-принца императоромъ, необходимъ руководитель—полновластный и всемогущій—всѣми дѣлами. Мы хотимъ, понятно, чтобы это былъ герцогъ—единственный человекъ во всей Россіи, способный на такое важное дѣло. Онъ долженъ быть при воцареніи императора Іоанна VI объявленъ полновластнымъ регентомъ имперіи, но мы очень опасаемся сильнаго противоdвѣйствія не только со стороны партизановъ цесаревны, но и со стороны всѣхъ русскихъ. Устранить отъ престола молодую цесаревну намъ не будетъ стоить никакого труда. И лаской, и угрозами мы заставимъ ее быть тише воды, ниже травы, и почти отречься отъ своихъ правъ. Но увидѣть нашего герцога регентомъ будетъ гораздо мудренѣе. И вотъ вся задача, простая и сложная вмѣстѣ, которую я вамъ даю, заключается въ одномъ: разузнавать въ Петербургѣ побольше людей вліятельныхъ, знакомиться съ ними, сходитья близко и, раздѣливъ ихъ на три категоріи, записывать ихъ имена. Первая категорія—

будутъ люди, безусловные сторонники герцога и всѣхъ насъ; вторая—будутъ люди колеблющіеся; третья—безусловные противники.

Зиммеръ при послѣднихъ словахъ опустилъ голову, будто смущаясь.

— Вы воображаете, — усмѣхнулся Шварцъ, — что, вотъ, эта третья категорія, этотъ листъ или реестръ, вами составленный, будетъ предательство съ вашей стороны, и что всѣ лица этой категоріи будутъ нами жестоко наказаны? Вы ошибаетесь! Единственная мѣра, которую мы примемъ по отношенію къ нимъ, будетъ закупить ихъ. И не одними деньгами, а и чѣмъ-либо инымъ. Слѣдовательно, я вамъ не предлагаю ничего, чтобы вы не могли, какъ честный человѣкъ, на себя принять. Согласны ли вы? Отвѣчайте прямо, честно...

— Готовъ служить, — отозвался Зиммеръ тихо.

— Я, стало быть, могу на васъ рассчитывать?

— Приложу всѣ силы быть вамъ угоднымъ. Буду всячески стараться угодить, но я не знаю...

— Ну, хорошо... знайте только, — перебилъ Шварцъ, — что за такого рода службу, повидимому, незначашую, вы вскорѣ же получите должное вознагражденіе. Начать съ того, что завтрашній день состоится приказъ о выдачѣ вамъ большого оклада жалованія, которое дастъ вамъ возможность зажечь большимъ бариномъ въ Петербургѣ. Вотъ все!

Зиммеръ поблагодарилъ, но какъ то нервѣшительно, и вышелъ отъ начальника задумчивый.

Однако, черезъ нѣсколько дней вся канцелярія ахнула, а за нею и многіе знакомые молодого чиновника тоже немало дивились тому превращенію, которое съ нимъ приключилось.

Зиммеръ нанялъ большую квартиру, завелъ цѣлый десятокъ дворовыхъ людей, экипажи, ливрейныхъ лакеевъ и сталъ дѣлать вечера, на которыхъ бывало много гостей.

Семейство Кнаусъ было поражено не менѣе другихъ и тоже ничего не понимало въ этой перемѣнѣ въ положеніи молодого человѣка. Всѣмъ было извѣстно, что онъ получаетъ очень большое жалованье, но за что—никто не зналъ.

— Моя совѣсть чиста, — говорилъ онъ самъ себѣ: — лгать можно и сколько угодно можно кривить душой: доказательствъ двуличности человѣка или лукавства въ такомъ дѣлѣ нельзя достать.

XVI.

Заживъ чуть не сановникомъ, и, вдобавокъ, получивъ отъ Шварца разрѣшеніе знаться со свѣми, даже съ сомнительными и вредными людьми, Зиммеръ рѣшилъ широко воспользоваться этимъ позволеніемъ.

И снова вспомнилъ онъ о своемъ миломъ старикѣ, который отталкиваетъ его и не хочетъ съ нимъ знаться. И упрямый во всемъ Зиммеръ рѣшилъ переупрямить Бурцева; теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, хотѣлось ему сойтись съ нимъ.

И снова отправился онъ на набережную, придумавъ войти въ домъ, какъ посланный властью, Шварцемъ. Но прибѣгать ко лжи не пришлось. Онъ нашелъ дворъ и крыльцо пустыми. Не было ни души. Онъ поднялся по лѣстницѣ и сѣлъ на стулъ около дверей большой залы, такъ какъ и здѣсь не нашелъ ни души прислуги.

Онъ слышалъ голоса гдѣ-то вдали, но къ нему никто не выходилъ.

Прошло минутъ десять въ ожиданіи. Наконецъ, онъ услышалъ шаги, приближающіеся, тихіе, мѣрные... Въ залѣ появился изъ гостиной самъ Бурцевъ, шагавшій, задумчиво опустивъ голову и заложивъ руки за спину. Зиммеръ поднялся и перешагнувъ порогъ. Старикъ дошелъ до окна, медленно повернулся и двинулся обратно, такъ же мѣрно шагая. Онъ, очевидно, настолько забылся въ думахъ, что ему было невозможно замѣтить гостя у порога дверей.

Зиммеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и выговорилъ:

— Извините, Алексѣй Михайловичъ. Я все-таки рѣшаюсь насильственно явиться къ вамъ!

Старикъ пришелъ въ себя, поднялъ голову и, узнавъ Зиммера, сразу вспыхнулъ гнѣвомъ, и взглядъ его сталъ грозенъ.

— Что вамъ угодно? Я же имѣлъ честь объяснить вамъ, что опрометчиво позвалъ васъ! Узнавъ потомъ, какого вы сорта человѣкъ, я просилъ васъ не переступить этого порога!

— А я просилъ васъ быть справедливымъ,—отвѣтилъ Зиммеръ,—дать мнѣ возможность съ вами побесѣдовать. У васъ. Безъ всякой опаски. И поговорить откровенно, по сердцу! Мы живемъ въ такія особыя времена, что надо во всякое дѣло внимательно и осторожно вникать. Вы считаете меня чиновникомъ шемакиной канцеляріи, клеветомъ бироновскимъ или,

по крайней мѣрѣ, шварцевскимъ. А почему вы знаете, что я за человѣкъ? Хотите, я вамъ побожусь Богомъ, Алексѣй Михайловичъ, что, если вы меня примете у себя въ такой комнатѣ, гдѣ мы, заперши дверь, можемъ поговорить по душѣ, то черезъ полчаса вы обо мнѣ будете совсѣмъ другого мнѣнія?

Лицо ли Зиммера или его громкій и искренній голосъ, или особо тяжелое безпомощное состояніе, въ которомъ Бурцевъ находился уже нѣсколько дней, заставили старика вдругъ перемѣнить рѣшеніе. Онъ поглядѣлъ на Зиммера уже не сердито, вздохнулъ и произнесъ:

— Пожалуйте! Можетъ, вы—истый бироновскій сыщикъ, но мнѣ, право, отъ этого хуже не будетъ!

Бурцевъ провелъ гостя, идя впередъ, черезъ нѣсколько комнатъ, затѣмъ ввелъ его въ маленькую угольную, затворилъ за собой дверь и показалъ на стулъ.

— «Незванный гость хуже татарина», говоритъ пословица,— произнесъ онъ, — а въ наши дни такой, какъ вы, незванный гость хуже Богъ вѣсть кого. Хуже разбойника въ лѣсу. Сейчасъ мы съ вами побесѣдуемъ—а ввечеру вы меня упрячете въ казематъ! Ну, что же? Тѣмъ лучше для васъ! Наградятъ!

— Не обижайте зря человѣка, не выслушавъ его! — отвѣтилъ Зиммеръ:—будете потомъ раскаиваться! Васъ удивляетъ, съ чего я къ вамъ такъ назойливо лѣзу? А дѣло простое... У васъ теперь бѣда въ домѣ, правда, вѣдь?

— Правда! — отозвался Бурцевъ, садясь противъ молодого человѣка. — Да вамъ нельзя и не знать, вы сами при сыскныхъ дѣлахъ и доносахъ состоите.

— Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ, хоть я и при сыскныхъ дѣлахъ, ваша правда, но я еще недавно только при нихъ и всѣхъ дѣлъ не знаю. Я просто заключилъ, что съ вами бѣда, по тому печальному виду, который я у васъ еще тогда замѣтилъ, у Шварца. Такъ, вотъ, видите ли, чтобы облегчить вамъ со мной объясняться откровенно, я скажу вамъ, что у меня бѣда тоже и пуцая, чѣмъ у васъ. Но только я не могу сообщить вамъ, какая она. А пока я являюсь только за тѣмъ, чтобы узнать, какая ваша бѣда. Вѣдь это же — не тайна? можетъ быть, мнѣ можно будетъ вамъ въ чемъ-либо помочь.

Бурцевъ усмѣхнулся презрительно.

— Не понимаю, какимъ образомъ и съ какой стати судейскій чиновникъ, крючекъ, ябедникъ или сыщикъ и доносчикъ

желаетъ помочь русскому дворянину, ненавидящему всѣхъ нѣмцевъ, начиная съ самого герцога?

Однако, Зиммеръ краснорѣчиво убѣдилъ Бурцева, успокоилъ и заставилъ его рассказать про себя все съ нимъ приключившееся.

У старика были заразъ двѣ бѣды. Во первыхъ, онъ былъ родственникъ, хотя и дальній, съ нѣкимъ Тепловымъ, который былъ приближеннымъ лицомъ къ Волинскому. Тепловъ пока еще оставался въ сторонѣ, подъ судъ не попалъ, такъ какъ человекъ былъ ловкій и лукавый. А, между тѣмъ, всѣ лица, близкія съ нимъ, ожидали себѣ бѣды. Его, Бурцева, уже призывали три раза къ Шварцу, и тотъ допрашивалъ его кое о чемъ, касающемся прямо до Болынскаго.

Бурцевъ не былъ, конечно, ни въ чемъ виноватъ, кромѣ нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій, которыя кто-то подслушалъ или узналъ и о которыхъ донесъ клеветамъ Бирона. Но ни въ чемъ иномъ, кромѣ этихъ неосторожныхъ словъ, онъ не былъ виновенъ.

— Что дѣлать? — прибавилъ старикъ: — языкъ мой—врагъ мой, не могу не выражать вслухъ то, что думаю. Вотъ, теперь поговариваютъ, что приверженцы несчастнаго Артемія Петровича будутъ всѣ казнены отсѣченіемъ головы. Я вездѣ сказываю, что это — неправда! Что такого быть не можетъ! Что тогда, стало быть, Бога нѣтъ на небеси или прогнѣвался Господь на матушку Россію? И всякому истинному христіанину и истинному россиянину надо, стало быть, бѣжать изъ предѣловъ своего отечества, какъ бѣжалъ именитый Курбскій отъ царя Ивана.

— Но вамъ все-таки ничѣмъ не пригрозили въ канцеляріи? — спросилъ Зиммеръ. — Что сказалъ вамъ г. Шварцъ въ послѣдній разъ, что вы были у него?

— Сказалъ мнѣ, что я—мастеръ на продерзости, что я оскорбительно выражался на счетъ государыни и герцога. Я поклялся ему, что о государынѣ никогда ни единого слова не вымолвилъ, а что касается до герцога, то повинился прямо, по совѣсти.

— Зачѣмъ?! — воскликнулъ Зиммеръ.

— Не могу! Никогда не лгалъ и не теперь на старости начиналъ лгать.

— Въ чемъ же вы повинились?

— Въ томъ, что думаю, что герцогъ немилостивъ къ русскимъ, преслѣдуетъ ихъ и изводитъ.

— Зачѣмъ же было говорить это, Алексѣй Михайловичъ?

— Онъ спросилъ, я отвѣтилъ! Я всегда правду отвѣчаю. Я Великому Первому императору два раза правду сказалъ, такъ что два раза разгнѣвалъ его. Одинъ разъ чуть не попалъ въ палки по его указу, но былъ прощень, а въ другой разъ императоръ обнялъ меня и поцѣловалъ. Съ этой самой минуты я и сталъ гордецомъ Бурцевымъ, смотрю на всѣхъ свысока, считая себя выше другихъ съ этимъ поцѣлуемъ императора на щекѣ. И, конечно, въ такія времена, какъ наши, головы мнѣ не сносить. А теперь къ тому же меня или судьба, или враги тайные оскорбили, надъ моей дворянской честью надругались... Да еще хоть бы надо мной самимъ, а то надъ дѣвухой, чуть не надъ малымъ ребенкомъ, надъ моей внучкой!

— Какимъ образомъ?—спросилъ Зиммеръ.

И Бурцевъ рассказалъ, что онъ одинъ на свѣтѣ, потерявъ жену и дѣтей, и что у него одно только въ жизни счастье и одна радость, и одна причина желать жить на свѣтѣ — семнадцатилѣтняя внучка, дочь его старшаго сына.

— И, вотъ, надъ ней-то и надругались!.. — воскликнулъ старикъ и заплакалъ.

Онъ подробно рассказалъ Зиммеру, что его внучка, Лиза, имѣя хорошій голосъ, изрѣдка участвовала въ хорѣ дѣвицъ, которыя пѣли въ разныхъ домахъ у знакомыхъ. Дошла вѣсть объ этомъ хорѣ и до государыни. Государыня потребовала всѣхъ дѣвицъ, числомъ до двѣнадцати, во дворецъ. Пѣніе ихъ очень понравилось ей, и хоръ сталъ являться часто. Государыня дѣвицъ ласкала и всегда угощала, а двухъ изъ нихъ взяла даже въ свои фрейлины и оставила жить во дворцѣ.

Однажды, съ недѣлю назадъ, императрица была особенно сумрачна, чѣмъ-то озабочена и въ дурномъ расположеніи духа. Хоръ былъ вызванъ рано утромъ, и дѣвицъ заставили пѣть. И онѣ пѣли до полудня. Потомъ, наскоро накормивъ, снова привели ихъ въ комнаты государыни и снова заставили пѣть безъ перерыва.

И такъ дѣло тянулось до сумерекъ. Всѣ онѣ очень устали, а внучка его, въ разныхъ пѣсняхъ пѣвшая одна и отдѣльно запѣвавшей и, стало быть, больше другихъ, совершенно измучилась, выбилась изъ силъ, захрипѣла и, наконецъ, объяснила

на вопросъ государыни, почему такъ скверно поеть, что устала и больше пѣть не можетъ.

Государыня разгнѣвалась сильно и, прикрикнувъ на всѣхъ, приказала гнать дѣвицъ вонъ, а на другое утро Бурцевъ узналъ, что въ наказаніе за дерзость монархинѣ его внучкѣ приказано одѣться въ простое платье—сарафанъ и передникъ и отправляться въ дворцовую прачечную мыть бѣлье впредь до слѣдующаго указа.

И вотъ, уже недѣлю, что каждое утро внучка поднимается съ зарей, одѣвается въ крестьянское платье и отправляется въ придворную прачечную, а тамъ съ простыми прачками, мужичками, моетъ бѣлье до сумерекъ. Мыть она, конечно, не умѣетъ, но дѣло не въ томъ. Дѣло въ срамѣ, въ надруганіи! Спасибо еще, что завѣдующая прачечнымъ дворомъ нѣмка не бьетъ ея такъ же, какъ и другихъ.

— Ну, вотъ-съ!...—кончилъ Бурцевъ.—Хорошее это дѣло—дворянку въ прачки нарядить? И за что?... За то, что она, пропѣвши часовъ десять подъ-рядъ, стала хрипѣть!...

Зиммеръ сидѣлъ молча и, наконецъ, вымолвилъ рѣшительно:

— Обѣщаюсь вамъ въ это дѣло вступитья, но не сейчасъ! Я еще мало привыкъ ко всему, но надѣюсь, что скоро многое пойму! Буду знать разныя нѣмецкія увертки и финты. И тогда прежде всего постараюсь освободить вашу внучку съ прачечнаго двора. Но только съ однимъ условіемъ! Дайте мнѣ честное слово дворянина, что вы исполните мою просьбу.

— Коли немудрено, понятно, исполню! Мнѣ внучка дороже всего на свѣтѣ,—отвѣтилъ Бурцевъ, просявъ.

— Условіе мое будетъ заключаться въ томъ, что вы съ нынѣшняго дня, съ этого самаго часа и до того времени, что ваша внучка явится съ извѣстіемъ, что она прощена, и больше гонять ее на прачечный дворъ не будутъ, вы ни разу ни единого слова не скажете противъ герцога, противъ нѣмцевъ и вообще противъ правительства, будете держать языкъ за зубами такъ крѣпко, какъ никогда въ жизни не дѣлали. Согласны ли вы?...

— Я думалъ, вы попросите совсѣмъ иное!—произнесъ Бурцевъ съ чувствомъ, а затѣмъ, приподнявшись, обнялъ Зиммера, и они поцѣловались.—Но скажите и вы мнѣ, что же вы за челоуѣкъ, что служите нѣмцамъ, а дѣйствуете какъ-то совсѣмъ

особенно? Вы для нихъ человѣкъ не подходящій, зачѣмъ же вы пошли къ нимъ на службу?

— А, вотъ, хоть бы именно за тѣмъ, Алексѣй Михайловичъ, чтобы хорошими людямъ помогать!...

— А ихъ водить за носъ, обманывать!..—вскрикнулъ Бурцевъ.

— Пожалуй, что и такъ!

Бурцевъ подумалъ нѣсколько мгновений, а потомъ вымолвилъ:

— Ну, поцѣлуетесь еще разъ! Кабы было побольше такихъ въ Петербургѣ, какъ вы, то, быть можетъ, все бы пришло къ благому концу. Только вотъ что: трудное это дѣло и, смотрите, какъ бы тоже съ вами не приключилось чего. Если будетъ какая проруха, то вамъ головы не сносить!...

— Мнѣ головы моей не жаль. Я ею играю, правда, но это—моя ставка, чтобы проиграть или выиграть нѣкое душевное дѣло. Когда-нибудь, скоро, я повѣдаю вамъ все искренно. Вамъ одному на весь Петербургъ, потому что сердце мое лежитъ къ вамъ, и Богъ вѣсть почему, — судьба. Или именно потому, что вы меня обидѣли, заподозривъ, что я—прислужникъ нѣмцевъ.

XVII.

За эти же дни въ домѣ г-жи Кнаусъ, гдѣ всегда бывало весело и беззаботно, было нѣкоторое смущеніе. Больше всѣхъ была смущена всегда игриво настроенная, веселая Тора.

Однажды около полудня къ Амаліи Францевнѣ явился давнишній близкій знакомый и даже ухаживатель за молодой дѣвушкой—Лаксъ. Онъ былъ въ парадномъ кафтанѣ, и во всемъ туалетѣ его было что-то особенное, какъ-бы праздничное. Онъ заявилъ, что имѣетъ сказать нѣчто важное г-жѣ Кнаусъ, и, оставшись съ ней наединѣ, объяснился. Онъ повѣдалъ о своей давнишней сердечной привязанности къ Fräulein Доротеѣ и просилъ сдѣлать ему честь принять его предложеніе руки и сердца.

Г-жа Кнаусъ уже давно, конечно, подозрѣвала намѣреніе Лакса. Сама она не была бы противъ подобнаго брака дочери, но Доротея, прежде относившаяся къ нему довольно милостиво, съ появленіемъ въ Петербургѣ Зиммера совершенно переѣнилась и въ разговорахъ съ матерью заявляла, что сама не понимаетъ, какимъ образомъ Лаксъ могъ ей хоть недолго

правиться. А теперь, разумеется, она и слышать не хотѣла о такомъ замужествѣ.

Г-жа Кнаусъ отвѣтила Лаксу обычнымъ образомъ. Она объявила, что дочь ея слишкомъ молода, что ей надо обождать выходить замужъ, что сама она—г-жа Кнаусъ, вышла двадцати двухъ лѣтъ и желала, чтобы и дочь ея обождала.

Лаксъ сконфузился, какъ бы не ожидая отказа. Съ той минуты, что онъ узналъ отъ Зиммера про равнодушіе къ молодой дѣвушкѣ и вообще про его намѣренія, онъ вообразилъ себѣ, что препятствій уже никакихъ нѣтъ. Наивно единственнымъ препятствіемъ себѣ онъ считалъ намѣреніе молодого соперника сдѣлать тоже предложеніе Торѣ.

Лаксъ заявилъ г-жѣ Кнаусъ, что, если онъ рѣшается сдѣлать предложеніе, то по совѣту самого г. Шварца, которому этотъ бракъ былъ бы пріятенъ. Амалія Францевна отвѣтила, что она знаетъ, насколько г. Шварцъ цѣнитъ Лакса, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ, что ея старинный другъ никогда не будетъ настаивать на томъ, чего не захочетъ сама Доротея—его крестница.

Лаксъ попросилъ позволенія объясниться съ самой Торой, но г-жа Кнаусъ нашла это не совсѣмъ благоприличнымъ, противнымъ обычаямъ, изстари заведеннымъ. Лаксъ удалился со стыдомъ, но и внѣ себя и отъ досады, и отъ изумленія. Онъ слишкомъ былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ.

И въ тотъ же вечеръ, несмотря на то, что было много народа у г-жи Кнаусъ, Лаксъ удучилъ минуту и все-таки заговорилъ съ Торой. Онъ спросилъ у нея, извѣстно ли ей то, что произошло утромъ? Тора нѣсколько смутилась и тихо отвѣтила:

— Да...

— Ваша матушка передала вамъ, что я просилъ вашей руки?

— Да...— снова отвѣтила Тора, все болѣе смущаясь.

— Мнѣ бы хотѣлось услышать отъ вамъ самой, Fräulein, что вы не находите меня достойнымъ быть вашимъ супругомъ.

— Вы не такъ выразились! — отвѣтила Тора. — Матушка вамъ передала главное препятствіе. Я повторю то же самое... Я вообще замужъ пока не собираюсь и ранѣе двадцати двухъ-трехъ лѣтъ ни за кого не пойду.

— А я знаю человека, за которого вы бы сейчас пошли!... — вспыхливо и резко выговорил Лаксъ.— А ужь въ особенности теперь...

Тора изумленно поглядѣла ему въ лицо.

— Да, сейчас же бы пошли, если бы онъ посватался; но онъ не можетъ этого сдѣлать и никогда не захочетъ! И вы напрасно ожидаете этого!... Я знаю, что у него уже давно есть невѣста—дѣвушка, которую онъ давно уже любитъ и ни на комъ, кромѣ нея, никогда не женится.

Тора, сильно смутившись услышаннымъ, забыла всякія приличія и выдала себя.

— Кто вамъ сказалъ это?—выговорила она быстро.— Онъ самъ никогда не говорилъ этого! Напротивъ, онъ говорилъ, что совершенно свободенъ и можетъ располагать собой. Я это знаю навѣрное, стало быть, вы хотите обмануть меня! Я надѣюсь, что г. Зиммеръ будетъ здѣсь сегодня вечеромъ, и я сама спрошу у него.

— Замѣйте, Fгаulein, — ядовито отозвался Лаксъ, — что я г. Зиммера не называю... Вы сами его называли!..

Тора вспыхнула и рассердилась. Какъ избалованная матерью и всѣми дѣвушка, она не умѣла себя сдерживать въ приливахъ гнѣва.

— Г. Лаксъ, — произнесла она гордо, холодно и свысока, — такъ благовоспитанные люди не поступаютъ и не говорятъ. А отъ неблаговоспитанныхъ людей всякій старается себя оградить и таковыхъ въ своемъ домѣ не имѣть!

Лаксъ перемѣнился въ лицѣ, но ехидно размѣялся и выговорилъ тихо:

— Г. Зиммеръ никогда вашимъ не будетъ, потому что васъ не любитъ. Ваше за нимъ ухаживаніе его даже стѣсняетъ и сердитъ. А теперь послѣ своего возвышенія онъ и бывать у васъ перестанетъ. Да-съ! А что касается до меня, то, помяните мое слово, придетъ время, что вы сами пожелаете выйти за меня, но я этого не захочу!..

— О!.. — воскликнула Тора на всю гостиную, такъ что всѣ невольно прекратили разговоръ и обернулись въ ихъ сторону.

И при наступившемъ затишьѣ раздалися явственно сказанныя слова:

— Да вы—совсѣмъ невѣжа!..

Амалия Францевна вскочила съ своего мѣста и взволнованно подошла къ дочери. Многіе изъ числа гостей тоже поднялись, и всѣ глядѣли на Тору и Лакса.

— Простите!—выговорилъ Лаксъ, наклоняясь предъ Торой и обратясь къ г-жѣ Кнаусъ, онъ прибавилъ:

— Я пошутить съ Fräulein Доротеей. Она же меня не такъ поняла и назвала невѣжей. Она неправа, но, тѣмъ не менѣе, я самъ прошу у нея извиненія за то, что не сумѣлъ ясно выразить мою мысль.

Понемногу всѣ гости успокоились, и снова начался оживленный разговоръ, шутки и смѣхъ... Когда снова вспомнили о Лаксѣ, то оказалось, что его уже въ гостиной не было. Онъ незамѣтно отъ всѣхъ вышелъ и уѣхалъ.

Онъ вернулся домой внѣ себя.

Послѣдствіемъ всего было, однако, то обстоятельство, что вновь явившійся въ столицу молодой человѣкъ, степенный и добродушный, недѣлавшій никому зла, тѣмъ не менѣе, нажилъ въ самолюбивомъ и зломъ Лаксѣ заклятаго врага.

— Все-таки во всемъ виноватъ этотъ Зиммеръ! — рѣшилъ Лаксъ внѣ себя отъ злости разочарованія.—Изъ-за какого-то проходимца вся моя жизнь поворачивается иначе. Все рухнуло!.. Сиди всю жизнь за столомъ канцеляріи господина Шварца и ужь, конечно, никогда въ сановники не попадешь.

И Лаксъ, какъ мелкая и ехидная личность, какъ бы ради утѣшенія, рѣшился мстить своему сопернику, несмотря на его возвышеніе.

Но онъ понятія не имѣлъ о томъ, чѣмъ собственно за послѣднее время сталъ этотъ ненавистный ему человѣкъ. Онъ не зналъ, что Зиммеръ завелъ три записи, въ которыя заносилъ поименно не только простыхъ дворянъ, но и имена крупныхъ сановниковъ, генераловъ, а иногда даже и ихъ женъ, если это были умныя женщины. А доклады его всегда внимательно выслушивалъ его начальникъ.

И немного прошло времени, а, однако, вновь появившійся въ Петербургъ полурусскій, полунѣмецъ Зиммеръ былъ уже не близкимъ лицомъ, а почти наперсникомъ Шварца. Онъ былъ даже извѣстенъ теперь страшному генералу Ушакову и, наконецъ — хотя и ошибочно — былъ во мнѣннн своего большого круга знакомыхъ почти клеветомъ самого Бирона.

Дѣйствительно, Зиммеръ былъ представленъ герцогу, но этотъ не обратилъ на него никакого вниманія въ первый разъ.

Но вторично увидя его, герцогъ призналъ его, отвѣтилъ на его поклонъ и сказалъ:

— Шварцъ вами доволенъ. Служите мнѣ вѣрно, и я васъ не забуду!

Эти слова, сказанныя или брошенныя молодому человѣку при нѣсколькихъ лицахъ, возымѣли огромное вліяніе не только на всѣхъ въ управленіи, но даже и на самого начальника его. Шварцъ сталъ еще любезнѣе и обходительнѣе съ молодымъ человѣкомъ, а главное, видя его почти всякій день, бесѣдовалъ съ нимъ уже совсѣмъ запросто.

Зиммеръ, продолжая бывать повсюду и дѣлая вечера у себя, гдѣ перемѣшивались русскіе и нѣмцы, велъ себя просто, открыто, казалось, душа на распахку; и всѣ его любили, и всѣ довѣрялись... А онъ дѣлалъ свое дѣло. Онъ даже дѣлалъ или велъ два дѣла за разъ. Одно по порученію Шварца, а другое свое, скрытное и странное.

Одновременно онъ выпросилъ разрѣшеніе у Шварца быть въ той комиссіи, которая исключительно занималась разными сыскными дѣлами подмосковныхъ намѣстничествъ и допрашивала разныхъ заключенныхъ, какъ прежнихъ, уже давно ожидавшихъ своей участи, такъ и вновь привозимыхъ и судимыхъ.

Однажды онъ явился къ Шварцу и заявилъ, что у него есть серьезное дѣло до него, которое можетъ показаться страннымъ, если не объяснить, въ чемъ оно заключается.

— Я хочу доложить вамъ объ одномъ человѣкѣ, котораго вы не любите. Есть нѣкто въ Петербургѣ Бурцевъ! — заявилъ онъ шутливо и улыбаясь. — Онъ вамъ извѣстенъ хорошо.

— Отлично. Близко даже! — отвѣтилъ, смѣясь, Шварцъ. — Ему надо на-дняхъ прищемить хвостъ или, вѣрнѣе, языкъ.

— Нѣтъ! Простите! Напротивъ того, его надо сдѣлать нашимъ слугой, — отвѣтилъ Зиммеръ смѣло. — Онъ — старикъ умный, почтенный, и недаромъ когда-то былъ лично извѣстенъ императору Петру Алексѣевичу. Онъ пользуется очень большимъ уваженіемъ среди русской партіи въ столицѣ, и, если бы перетянуть его изъ враждебнаго лагеря въ нашъ, это имѣло бы большое значеніе въ Петербургѣ. Я съ нимъ теперь близко познакомился и вижу, что онъ былъ бы крайне полезенъ.

— Что же, пожалуй... — отозвался Шварцъ. — Попробуйте.

— Позвольте мнѣ тщательно заняться этимъ Бурцевымъ и узнать, чѣмъ и какъ привлечь его на нашу сторону.

— Разумѣтся. Разузнайте... Я заранѣе на все согласенъ. Лучше этакихъ переманивать, чѣмъ ссылатъ и тѣмъ увеличивать число враговъ.

XVIII.

Послѣ этого свиданія и якобы откровеннаго объясненія со Шварцемъ, на слѣдующее же утро Зиммеръ, прежде чѣмъ отправляться на службу, отправился ко дворцу государыни и сталъ спрашивать у встрѣчныхъ, гдѣ находится прачечный дворъ. Его направили внутрь большого двора, и здѣсь безъ труда онъ увидѣлъ черезъ настежь отворенныя во дворъ окна нѣскольکو большихъ комнатъ ниже уровня земли. Повсюду виднѣлись, по крайней мѣрѣ, тридцать или сорокъ женщинъ, возившихся съ бѣльемъ.

Зиммеръ смѣло вошелъ въ двери, въ корридоръ, а затѣмъ въ первую комнату. Появленіе его удивило всѣхъ. Женщины и дѣвушки—простыя крестьянки—прекратили мытье и глаженъе и всѣ обернулись на него.

— Кто тутъ у васъ распоряжается всѣмъ?—спросилъ Зиммеръ.

— Анна Дувардовна!—былъ отвѣтъ ближайшихъ.

Зиммеръ переспросилъ. Услыхавъ снова то же отчество—«Дувардовна,» онъ догадался и заявилъ, что онъ бы желалъ видѣть Анну Эдуардовну, чтобы переговорить съ ней.

Черезъ нѣсколько мгновеній явилась маленькая, худенькая старушка, прилично одѣтая, и спросила, что ему нужно.

— Вы ли здѣсь распорядительницей?—спросилъ Зиммеръ по-нѣмецки.

— Я!—отвѣчала старушка.

— Есть ли у васъ въ числѣ прачекъ одна дворянка, присланная сюда ввидѣ наказанія?

— Есть двѣ!—отвѣчала нѣмка.

— Знаете ли вы ихъ фамиліи?

— Знала, да, признаюсь, забыла! Я по-русски очень плохо говорю, недавно пріѣхала въ Петербургъ.

— Покажите мнѣ ихъ обѣихъ. Я съ ними долженъ переговорить по дѣлу! Я—изъ канцеляріи герцога.

— Пожалуйте!—почтительно заспѣшила старуха и повела Зиммера въ уголокъ третьей горницы къ открытому окну.

Здѣсь за особымъ столомъ стояли двѣ молодыя дѣвушки въ простыхъ крестьянскихъ платьяхъ, но, тѣмъ не менѣе, рѣзко отличались отъ всѣхъ другихъ и, казалось, не одной лишь

чистотой и опрятностью одежды. Помимо ихъ платья, видно было, что это—не мужички. Къ тому же онѣ были на босу ногу, и на земляномъ полу виднѣлись чистыя, бѣлыя, не загорѣлыя и не грубыя ноги. А руки, занятыя утюгами, были точно также руки барышень, а не мужичекъ.

Зиммеръ, быстро окинувъ ихъ взглядомъ, тотчасъ призналъ самъ, которая изъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ—внучка Бурцева. У дѣвушки былъ тотъ же носъ съ горбинкой, только маленькій, и были тѣ же прелестныя большіе глаза. При появленіи Зиммера, она смутилась отъ его пристальнаго взгляда, и видно было, что она даже испугалась, какъ бы ожидая, что надъ ней сейчасъ стряется новая пуцающая бѣда.

Зиммеръ приблизился къ ней.

— Ваша фамилія—Бурцева?—сказалъ онъ, насколько могъ мягче.

— Да-съ!—отозвалась дѣвушка едва слышно.

— Я недавно чуть не силкомъ познакомился съ вашимъ дѣдушкой,—улыбнулся Зиммеръ.—Вѣроятно, онъ говорилъ вамъ объ этомъ. Слѣдовательно, вы не должны меня опасаться.

— Г. Зиммеръ?!—удивилась молодая дѣвушка.

— Точно такъ!

— Да, дѣдушка мнѣ говорилъ про васъ...

— А васъ зовутъ Елизаветой... но какъ по батюшкѣ?

— Андреевна!

— Такъ, вотъ, Елизавета Андреевна, я пришелъ сюда узнать васъ лично, видѣть тоже, какимъ способомъ и при какихъ условіяхъ вы отбываете свое наказаніе.

— Вотъ, здѣсь, какъ видите! Всякій день до сумерекъ!—печально отозвалась дѣвушка.

— Васъ не заставляютъ мыть?

— Нѣтъ, благодаря Бога! Только гладить! И это по милости Анны Эдуардовны!—показала она на старушку.—Она бы могла заставить насъ стирать простыя грязныя тряпки. Единственное, что было не въ ея волѣ, а было строго указано—это заставлять насъ снимать обувь. Какъ мы только приходимъ сюда, мы разуваемся!

И при этомъ Бурцева, вспомнивъ о своихъ голыхъ ногахъ, покраснѣла.

— Вы приходите?—спросилъ Зиммеръ.—Не пріѣзжаете?

И молодой человекъ почти нѣжно взглянулъ на дѣвушку.

— Нѣтъ! Первый разъ я прѣѣхала сюда. Меня привезъ самъ дѣдушка. На другой же день ему было объявлено, чтобы онъ не смѣлъ меня провожать. А въ особенности привозить въ каретѣ. Было приказано, чтобы я приходила изъ дома пѣшкомъ въ сопровожденіи одной горничной, а не лакеевъ въ ливреяхъ.

«Какая ты прелестная!»—думалось, между тѣмъ, Зиммеру.— «Личико свѣтлое, какія на иконахъ пишутъ. Ангельское или херувимское».

И, задумчиво смотрѣвшій, почти не спускавшій глазъ съ лица дѣвушки, Зиммеръ вдругъ невольно, безсознательно и глубоко вздохнулъ. Это повело къ тому, что нѣмка, Анна Эдуардовна, ничего не понявшая изъ разговора, обратилась къ нему съ вопросомъ на своемъ языкѣ:

— Эта дѣвица—ваша родственница.

— Да, родственница, дальняя!—отвѣтилъ Зиммеръ по-нѣмецки.—Мнѣ захотѣлось видѣть, въ какомъ положеніи и какъ она здѣсь работаетъ.

— О, я дѣлаю, что могу!—сказала догадавшаяся нѣмка.—Мнѣ ее жаль! Я увѣрена, что не нынче - завтра ее простятъ.

— Да, я точно также надѣюсь!—отвѣтилъ Зиммеръ и затѣмъ, смущаясь, самъ не зная почему, онъ поклонился молодой дѣвушкѣ и слегка взволнованный направился вонъ.

Вернувшись въ канцелярію, а затѣмъ сидя уже дома, онъ все время, не переставая, раздумывалъ, какъ ухитриться, чтобы заставить Шварца помочь старику и ей... милой дѣвушкѣ. Ему, однако, казалось, что хотя дѣло это простое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень важное, такъ какъ Бурцева была послана на прачечный дворъ по личному приказанію разгнѣванной государыни. Въ подобное дѣло вмѣшиваться постороннимъ могло оказаться прямо опаснымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки рѣшилъ переговорить кой съ кѣмъ и посоветоваться, какъ въ данномъ случаѣ поступить. Писанаго «дѣла» объ Елизаветѣ Бурцовой не было. Было личное и устное приказаніе государыни. Какъ тутъ взяться? Къ чему прицѣпиться?

На счастье Зиммера, въ Петербургѣ появился вновь вернувшійся Адельгеймъ. Разумѣется, онъ тотчасъ-же обратился съ дѣломъ къ своему покровителю.

Приключеніе съ молоденькой петербургской дворянкой удивило Адельгейма.

— Ничего подобнаго никогда не слышалъ! — отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ, между нами сказать, государыня теперь вслѣдствіе своей болѣзни бываетъ иногда настолько раздражительна, что даетъ иногда и строгія приказанія. Но, однако, она сейчасъ же смягчается и, если не забыла, то тотчасъ же прощаетъ. Въ данномъ случаѣ, она, навѣрно, позабыла объ этой Бурцевой. Все дѣло сводится къ тому, чтобы напомнить и попросить объ дѣвушкѣ. Ее сейчасъ же простятъ. Если вы съ ними мало знакомы, то найдите кого-нибудь, кто ихъ знаетъ близко, и посоветуйте этому Бурцеву подать просьбу тому же Шварцу. Одна бѣда: у Бурцева этого репутація плохая.

Этого совѣта Адельгейма было достаточно для Зиммера, чтобы рѣшиться. Впрочемъ, образъ молодой дѣвушки на прачечномъ дворѣ настолько преслѣдовалъ его, что онъ и безъ того рѣшился бы дѣйствовать въ защиту ея.

Повидавъ снова Шварца, онъ снова заговорилъ съ нимъ о Бурцевѣ, объ крайнемъ уваженіи, какимъ онъ пользуется въ своей средѣ, объ его извѣстномъ значеніи въ обществѣ и, наконецъ, объ упорномъ своемъ желаніи «переманить» стараго служаку великаго императора.

Черезъ два дня Зиммеръ явился къ начальнику ликующій и заявилъ радостно:

— Дѣло мое ладится. Бурцевъ будетъ даже распинаться ради нашего главнаго дѣла. Но для этого нужно его купить. Я свое дѣло сдѣлалъ. Теперь все отъ васъ зависитъ.

— Денегъ ему дать? — удивился Шварцъ.

— Нѣтъ, онъ — человекъ съ большимъ состояніемъ. Но, если вы пожелаете, то черезъ день или два онъ будетъ изъ благодарности вѣрнымъ слугою герцога. Купите! Торговаться не стоитъ, ибо цѣна, право, дешевая. Купите!

— Какимъ образомъ? — обрадовался Шварцъ.

Зиммеръ передалъ начальнику, что онъ въ своемъ мудреномъ дѣлѣ переманиванія разныхъ важныхъ лицъ въ столицѣ на сторону герцога всячески старается прежде всего разузнавать обстоятельства ихъ жизни.

То же онъ сдѣлалъ и теперь по отношенію къ Бурцеву.

По счастью, оказалось, что въ данномъ случаѣ имѣющій большое общественное значеніе гордецъ дворянинъ случайно попалъ въ исключительное положеніе. Онъ долженъ сдѣлаться или самымъ отчаяннымъ врагомъ нѣмецкой партіи, или слугою ея.

И Зиммеръ разскалъ странную исторію юной Елизаветы Бурцевой, которая по личному приказанію государыни была отправлена на прачечный дворъ для стирки. Приключеніе это до слезъ разсмѣшило Шварца.

— Государыня разсердилась, приказала, а потомъ забыла!— прибавилъ Зиммеръ.—А доложить о ней некому. А кто и помнить, тотъ боится.

— Дѣло простое,—отвѣтилъ Шварцъ,—но думаете-ли вы, что мы такой дешевой цѣной—прощеніемъ молодой дѣвушки—можемъ закупить Бурцева?

— За это я берусь!—смѣло заявилъ Зиммеръ.

— Въ такомъ случаѣ, повидайте его и переговорите. Сторгуйтесь! И если онъ пойдетъ на наше условіе, то черезъ два дня его дѣвочка будетъ прощена.

Разумѣется, Зиммеръ, повидавъ старика, не сталъ убѣждать его въ необходимости регентства герцога Бирона и не поставилъ ему никакихъ условій. Онъ объяснилъ искренно, въ чемъ дѣло, какъ онъ дѣйствуетъ, и просилъ только Бурцева держать себя тише, не давать волю языку. А въ крайнемъ случаѣ, если кто-нибудь когда-либо спроситъ его мнѣніе о будущемъ регентствѣ герцога, то отвѣчать осмотрительно, не выражая ни особеннаго согласія и удовольствія, ни негодованія и гнѣва.

Старикъ, конечно, обѣщаль молчать. Это все, что онъ могъ, и то съ трудомъ.

На третій день послѣ этого разговора въ домъ явился дворцовый офицеръ, и Бурцевъ узналъ, что его внучка прощена государыней и на утро можетъ на прачечный дворъ не ходить.

Между тѣмъ, Зиммеръ, перейдя изъ-подъ начальства Лакса въ другое отдѣленіе, гдѣ вѣдались подмосковныя сыскныя дѣла, дѣятельно занимался и по должности.

Однажды онъ попросилъ разрѣшенія Шварца самостоятельно заняться кое-какими дѣлами и сдѣлать ему особый докладъ. Были по его мнѣнію арестованные и заключенные, которыхъ слѣдовало освободить немедленно, и были такіе, которыхъ слѣдовало заключить въ болѣе надежныя мѣста, чѣмъ подвалы и сараи, прилегавшіе въ канцеляріи. Шварцъ согласился и даже поблагодарилъ молодого человѣка, усерднаго мастера на всѣ руки.

Занявшись нѣсколькими сыскными дѣлами, Зиммеръ представилъ докладъ. Оказалось человѣкъ двѣнадцать, которыхъ слѣдовало отпустить немедленно, такъ какъ никакихъ доказательствъ ихъ виновности не было. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалось человѣка три, которыхъ, по мнѣнію Зиммера, слѣдовало передать Ушакову въ Петропавловскую крѣпость для суда въ тайной канцеляріи. Что касается до одного изъ арестантовъ, то дѣло его показалось Зиммеру настолько страннымъ, загадочнымъ, что онъ попросилъ Шварца разрѣшить ему заняться имъ исключительно. Сдѣлать новый сыскъ, привлечь новыхъ лицъ къ допросу, а подсудимаго посадить пока въ Шлиссельбургскую крѣпость. Этотъ послѣдній былъ нѣкто Львовъ.

— А, знаю! — замѣтилъ на это Шварцъ. — Дѣйствительно, дѣло это осложнилось еще и тѣмъ, что везли сюда двухъ Львовыхъ — отца и сына. А сынъ съ дороги бѣжалъ, убивши конвойнаго солдата, быть можетъ, даже закупивъ офицера...

— Совершенно вѣрно! сказалъ Зиммеръ, — но къ этому дѣлу примѣшивается нѣчто. У меня есть подозрѣніе, что Львовъ-сынъ находится въ Петербургѣ, что у него здѣсь есть родные и довольно богатые. Все это можетъ кончиться тѣмъ, что отецъ его точно такъ же бѣжить. Вотъ поэтому я и прошу это дѣло, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ, поручить мнѣ!

Шварцъ, конечно, согласился на предложеніе Зиммера, и около дюжины дѣлъ совсѣмъ перешло къ нему на разсмотрѣніе, въ томъ числѣ дѣло о двухъ дворянахъ Львовыхъ — одномъ, бѣжавшемъ, и другомъ, находящемся въ заключеніи при канцеляріи.

Черезъ дня три послѣ объясненія Зиммера съ начальникомъ, старикъ Львовъ былъ перевезенъ и заключенъ въ казематъ Шлиссельбургской крѣпости.

XIX.

Павелъ Константиновичъ Львовъ, конечно, уже давно бы извелся въ заключеніи и отъ отчаянія, и вслѣдствіе слабаго здоровья... Но онъ былъ бодръ. Нѣчто удивительное и необъяснимое поддерживало въ немъ эту бодрость... Онъ твердо вѣрилъ въ благополучный исходъ своего дѣла.

Да и какъ было не вѣрить? Совершилось чудо! Раза два и три въ недѣлю въ открытое отъ жары окно его камеры, въ которой онъ сидѣлъ одинъ — и всегда среди ночи — падалъ ка-

мушекъ, завернутый въ бумагу. Львовъ жадно бросался къ нему, раздѣртывалъ и читалъ... Это были краткія записки. Но какія? Чьи?! Львовъ зналъ, чей это почеркъ, и почиталъ все прямо чудомъ милости Божіей. Писалъ на этихъ бумажкахъ его сынъ, его Петя, бѣжавшій изъ-подъ конвоя цѣль и невредимъ и жившій теперь въ томъ же Петербургѣ, и хлопотавшій по дѣлу отца, и надѣявшійся на его освобожденіе.

И Павелъ Константиновичъ ждалъ, вѣрилъ и горячо молился Богу, прося помиловать его съ семьей.

Однажды онъ былъ, однако, пораженъ и упалъ духомъ. У него былъ солдатъ, служившій ему, приносявшій пищу и выводившій его иногда погулять во дворъ по разрѣшенію главнаго смотрителя. Солдатъ полюбилъ стараго барина, обращался съ нимъ почтительно и часто задерживался въ его камерѣ, ради собесѣдованія и развлеченія старика.

Однажды этотъ солдатъ объявилъ Львову, что барина увезутъ на утро, невѣдомо куда, но по всей вѣроятности въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ ему будетъ много хуже отъ строгостей тамошнихъ.

— Ваше дѣло перешло въ руки другого, — сказалъ солдатъ. — Вотъ, онъ, должно, это и порѣшилъ. Звать его Зиммеръ. Онъ у генерала Шварца въ первыхъ любимцахъ. Ехидна нѣмецкая!

Слова солдата оправдались. Ранехонько утромъ слѣдующаго дня старика вывели и, посадивъ въ бричку съ двумя солдатами, повезли въ Шлиссельбургъ. Однако, опасенія Павла Константиновича не оправдались. Онъ былъ посаженъ въ большую и свѣтлую камеру, много лучшую, чѣмъ каморка въ надворномъ зданіи канцеляріи.

Старикъ-солдатъ, сторожъ того корридора и тѣхъ камеръ, гдѣ былъ заключенъ Львовъ, оказался добрымъ и веселымъ болтуномъ и сразу подалъ надежду заключенному, что ему будетъ хорошо.

— Да и дѣломъ-то вашимъ завѣдуетъ душа-человѣкъ, хоть и нѣмецъ, — сказалъ старикъ, по имени Игнатъ, когда на второй день Львовъ уже полюбился ему.

— Зиммеръ? — сказалъ Павелъ Константиновичъ.

— Да, Генрихъ Иванычъ. Золотой человѣкъ.

— А мнѣ въ Петербургѣ говорили, что онъ злющій.

— Какъ можно! — воскликнулъ Игнатъ. — Добрѣе не сыщешь,

Этотъ васъ не обидить зря и въ обиду не дастъ. Я его ужъ давно знаю. Мѣсяць-ли, больше—не упомяну.

И Игнатъ разсказалъ Львову, что Зиммеръ—большой пріятель съ комендантомъ и бываетъ у нихъ запросто въ гостяхъ, а теперь станетъ бывать по дѣлу, такъ какъ двухъ или трехъ арестантовъ, дѣлами которыхъ онъ завѣдуетъ, перевезли къ нимъ въ Шлиссельбургъ.

Черезъ три дня Игнатъ весело заявилъ, что Генрихъ Ивановичъ пріѣхалъ.

Дѣйствительно, Зиммеръ явился въ Шлиссельбургъ и, проведя день спокойно въ бездѣльѣ и бесѣдѣ съ комендантомъ, на другой день занялся своими арестантами, которыхъ по очереди вызывалъ къ себѣ и допрашивалъ...

Однако, очередь до Львова не допла. Старикъ сидѣлъ цѣлый день въ тиетномъ ожиданіи, что его вызоветъ нѣмецъ, отъ котораго теперь во многомъ зависитъ его судьба. Дѣло его вообще тянулось и затягивалось. Казалось, что начальство было занято исключительно однимъ—найти его бѣжавшаго сына и тогда уже приняться за обоихъ вмѣстѣ.

А, между тѣмъ, Павелъ Константиновичъ, зная, что сынъ на свободѣ въ самой столицѣ—недоумѣвалъ... Какъ же они его ищутъ и гдѣ ищутъ? И какъ «Петя» не боится, что попадетъ здѣсь кому-нибудь изъ нихъ на глаза? Впрочемъ, правда, помимо офицера Коптева, никто здѣсь «Петю» не знаетъ въ лицо.

Сидя въ вечеру въ своей камерѣ среди полной, мертвой тишины, Павелъ Константиновичъ думалъ и вздыхалъ о томъ, что здѣсь уже не услышишь и не увидишь среди ночи камушка въ бумажкѣ, влетающаго въ окно. Камера его была во второмъ этажѣ, окно высоко отъ земли, а внизу кругомъ былъ не дворъ, а разстилалась пустынная равнина.

«Да и знаетъ ли Петя»,—думалось Львову,—«гдѣ я теперь? Скажутъ, увезли. А когда онъ допытается, что я въ Шлиссельбургѣ? И найдетъ ли здѣсь у него способъ давать о себѣ вѣсточки?»

Уже было совершенно темно, и только молодой мѣсяць, свѣтившій въ окно, освѣщалъ камеру Львова, когда онъ, не слыхавъ шаговъ по корридору, услыхалъ вдругъ скрипѣніе ключа въ замкѣ. Дверь пріотворилась немного, что-то упало на полъ, а дверь снова заперлась, и снова скрипнулъ замокъ.

Сердце подсказало Львову, что это—все то же, это—записка от сына. Это—все та же диковина. А здѣсь, въ крѣпости, это уже—чудо полное.

Старикъ бросилъ и поднялъ, дѣйствительно, маленькій камешекъ въ бумагѣ. Но это не былъ исписанный листъ. На немъ было только нѣсколько строкъ.

Но напрасно старался Павелъ Константиновичъ прочесть ихъ. Было слишкомъ темно. Онъ вздохнулъ, положилъ бумажку за пазуху и рѣшилъ терпѣливо ждать утра.

Въ то же время отъ двери Львова по корридору осторожно шелъ Зиммеръ и, войдя въ каморку сторожа Игната, повѣсилъ на гвоздь связку съ нѣсколькими большими ключами. Рядомъ висѣло еще двѣ такихъ же связки, по пяти и по шести ключей каждая. Затѣмъ Зиммеръ сѣлъ на ступеньки лѣстницы, которая начиналась у каморки и спускалась во дворъ. Черезъ минутъ пять по ней поднялся Игнатъ съ жестяной кружкой, въ которой былъ квасъ.

— На вотъ...—сказалъ онъ,—въ другой разъ ночью, воля ваша, не пойду въ подвалъ. Чуть было въ темнотѣ не свернулся. Расшибся бы до смерти.

— Спасибо, Игнатъ...—отвѣтилъ, смѣясь, Зиммеръ.—Такъ приключилось. Днемъ буду всякій день вашимъ квасомъ пользоваться. Просто диво, а не квасъ. А ночью общаюсь тебя не гонять за нимъ.

И, напившись, Зиммеръ простился и пошелъ внизъ. Выйдя во дворъ и перейдя его, онъ вошелъ въ другое зданіе, гдѣ было его временное помѣщеніе въ три комнаты, изъ коихъ одна была большая со столомъ, покрытымъ сукномъ, гдѣ лежали тетради и книги. Здѣсь Зиммеръ допрашивалъ всѣхъ своихъ подсудимыхъ, переведенныхъ въ Шлиссельбургъ.

Онъ раздѣлся, легъ и, улыбаясь въ темнотѣ, былъ, казалось, особенно радостно настроенъ.

Между тѣмъ, Павлу Константиновичу плохо спалось. Едва началъ брезжить свѣтъ, какъ онъ уже всталъ и пробовалъ близъ окна прочесть написанное на бумажкѣ. Наконецъ, ему удалось разобрать все... Старикъ ахнулъ тихо, задохнулся, затѣмъ доплелся до кровати и сѣлъ. Онъ прочелъ:

«Батюшка-родитель! Завтра въ полдень поведутъ тебя къ допросу. Увидишь меня. Не выдай себя. Приготовься. Не погуби замѣшательствомъ и себя, и меня, при постороннихъ людяхъ».

Какъ провелъ время отъ зари и до полудня встревоженно-счастливый Павелъ Константиновичъ, онъ самъ не помнилъ. Но онъ былъ готовъ глазомъ не сморгнуть. Конечно, ни г. Зиммеръ, ни кто-либо другой, чиновникъ или писарь, ничего не замѣтятъ.

Однако, ровно въ полдень, переведенный чрезъ дворъ и введенный въ большую комнату, гдѣ сидѣло начальство—судьи, старикъ смутился и перемѣнился въ лицѣ. За столомъ, въ срединѣ, между двухъ чиновниковъ сидѣлъ его «Петя», бодрый, веселый, улыбающійся, но смущенный тоже...

И начался допросъ! Важно и строго допрашивалъ его самъ «Петя». А самого судьи, г. Зиммера, не было на лицо.

Допросъ длился недолго...

— Вамъ, кажется, г. Львовъ, что-то не по себѣ?.. Хвораете что-ль? — сказалъ «Петя». — Отложить допросъ до завтра.

Павелъ Константиновичъ вернулся въ свою камеру, и, когда за нимъ заперлась дверь, онъ опустил на колѣни, заплакалъ и началъ креститься.

XX.

Въ маленькой деревушкѣ, среди глуши Жиздринскаго уѣзда, верстахъ въ пяти отъ села Караваева, принадлежащаго гг. Львовымъ, появились новые, незнаемые люди, размѣстились по разнымъ избушкамъ, объявивъ себя землемѣрами. Имъ было поручено исправить межу между имѣніемъ московскаго помѣщика, которому принадлежала эта деревушка, и сосѣдомъ его—другимъ помѣщикомъ—нѣмцемъ, недавно пріобрѣтшимъ конфискованное у дворянина имѣніе.

Барина, которому принадлежала деревушка, не было въ имѣніи, онъ жилъ всегда въ Москвѣ. Его управитель—простой крестьянинъ, узнавъ о прибытіи землемѣровъ, только развелъ руками и струхнулъ. Слѣдовало бы барину написать, а грамотныхъ никого не было. Какъ разъ оттягаютъ землицу у барина въ пользу нѣмца.

Землемѣры—три человекъ, два простыхъ, уже пожилыхъ, которые смахивали на солдатъ, и съ ними начальникъ ихъ, одѣтый не то по-русски, не то по-нѣмецки, но, по счастью, очень добрый, тихій и даже ласковый со всѣми.

Сначала крестьяне деревушки были перепуганы, сами не зная чего, но затѣмъ привыкли къ своимъ новымъ обывателямъ.

Землемѣры занялись своимъ дѣломъ, ходили по полямъ, мѣрили землю, но довольно лѣнливо. Пробывъ въ лѣсу или въ полѣ нѣсколько часовъ, они возвращались, а затѣмъ дня два-три вовсе не выходили на работу.

Сказывали, что межевой чиновникъ въ эти дни пишетъ въ бумагу все, что смѣрилъ. Въ дѣйствительности чиновникъ ничего не дѣлалъ и отсутствовалъ, Богъ въсть гдѣ и почему.

— Чудные землемѣры!—говорили крестьяне.

Но бариновъ управитель объяснилъ имъ, что, по всей вѣроятности, жалованье у нихъ хорошее, и чѣмъ дольше протянуть они свою работу, тѣмъ имъ выгоднѣе. Убьютъ цѣлое лѣто на то, что можно бы сдѣлать въ двѣ недѣли.

— Ну, и пушай ихъ, лишь бы не обидѣли! — сказалъ управитель.

Межевой чиновникъ навѣдывался раза три и въ сосѣднюю усадьбу помѣщика Львова, вѣроятно, ради прогулки и просто-го любопытства.

Но вдругъ оказалось—и немало удивило весь околотокъ,—что землемѣръ самъ по чину военный и капитанъ, да вдобавокъ по фамиліи—Львовъ.

И чрезъ недѣли двѣ послѣ своего появленія капитанъ-землемѣръ, снова побывавъ въ Караваевѣ, представился барынѣ Брянцевой и молоденькой барышнѣ. Такъ какъ онъ оказался человекомъ, совершенно благовоспитаннымъ да вдобавокъ однофамильцемъ, пожалуй, и дальнимъ родственникомъ, то г-жа Брянцева, хотя и не хозяйка, но сестра владѣльца и пожилая женщина, пригласила капитана бывать у нихъ въ гостяхъ. Онъ, конечно, тотчасъ же воспользовался приглашеніемъ и сталъ бывать раза два въ недѣлю, но, конечно, не надолго. Посидѣвъ часъ, онъ уѣзжалъ.

Занятіе межевое шло своимъ чередомъ, а крестьяне удивлялись тому, что капитанъ-землемѣръ и его два помощника толклись преимущественно все въ одномъ мѣстѣ, близъ проселка, который, свернувъ съ большой дороги, что шла между Калугой и Жиздрой, велъ въ Караваево. Кромѣ того, дивило обывателей деревушки, что землемѣры—полуночники: имъ случалось не ночевать, а гдѣ-то пропадать по ночамъ.

— Шатуны какіе-то, прости Господи!—говорили въ деревнѣ.

Не прошло недѣли, какъ всѣ огуломъ стали относиться подозрительно къ этимъ землемѣрамъ, такъ какъ, что это были за люди—сказать было очень трудно. Къ этому прибавилось еще

одно странное обстоятельство. Въ усадьбѣ Львовыхъ, еще за недѣлю до прибытія землемѣровъ, нанялся въ садовники какой-то пришлый человѣкъ. И его-то именно два раза видѣли въ деревушкѣ приходящимъ повидаться съ землемѣрами.

— Совсѣмъ дѣло диковинное!—перешептывались крестьяне.

Кое-кто собирався отправиться и тайкомъ доложить барынѣ Брянцевой, что нанятый ею садовникъ шатается къ нимъ и видится съ землемѣрами, невѣдомо зачѣмъ. Но собиравшіеся и все откладывали. Времена были лихія, даже для дворянъ, поэтому крестьяне тоже опасались всего на свѣтѣ. Долго ли до грѣха? Попадешь, какъ куръ во щи, и пропадешь задаромъ.

Разумѣется, землемѣръ Львовъ былъ поручикъ Коптевъ съ двумя солдатами. Онъ выбралъ самъ въ Петербургѣ съ разрѣшенія начальства трехъ самыхъ смѣтливыхъ молодцовъ лѣтъ по тридцати—сорока, уже искушенныхъ во всякаго рода сыскныхъ дѣлахъ. Двухъ онъ взялъ съ собой, якобы для орудованія межевыми инструментами, а третьяго, самаго шустраго, подослалъ впередъ въ Караваево. Этотъ Христомъ и Богомъ упросилъ Брянцеву взять его на службу безъ жалованья и, рекомендуясь отличнымъ садовникомъ, былъ, разумѣется, тотчасъ же принятъ въ услуженіе, такъ какъ харчи ничего не стоили.

Этотъ третій, по имени Прохоровъ и съ прозвищемъ Жгутъ, давно служилъ въ канцеляріи и оказался для Коптева въ высшей степени полезнымъ. Проживъ немного болѣе недѣли въ усадьбѣ Львовыхъ, онъ уже былъ первымъ другомъ всей дворни. Рѣчистый, мастеръ рассказывать, много выдавшій на своемъ вѣку и въ Россіи, и въ столицѣ, онъ скоро сдѣлался первымъ лицомъ во дворѣ. Даже сама барыня Брянцева призывала его въ горницы и заставляла кое-что рассказывать себѣ и племянницѣ.

Между тѣмъ, Коптевъ, выдавая себя за однофамильца и бывая раза по три въ недѣлю въ усадьбѣ, вскорѣ понравился и Брянцевой, и молоденькой Софьѣ. Среди тоски и однообразія ихъ жизни, молодой человѣкъ, бывавшій въ столицахъ, былъ дорогимъ собесѣдникомъ. Но этого было мало. Судьба захотѣла, чтобы еще очень юной Сонѣ понравился этотъ землемѣръ изъ военныхъ. Быть можетъ, это былъ первый молодой человѣкъ, котораго она въ своей жизни встрѣчала, и вдобавокъ, умный, благовоспитанный, красивый лицомъ, да къ тому же еще принявшій участіе въ ихъ судьбѣ.

Разумѣется, и Брянцева, и молодая Львова вскорѣ откровенно рассказали молодому человѣку про свою ужасную судьбу, но

не скрыли отъ него и своихъ надеждъ на счастливое окончаніе всего, освобожденіе отца, а равно и прошеніе молодого Львова, находящагося въ бѣгахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они жаловались на притѣсненіе мѣстнаго воеводы, который раза три былъ у нихъ и дѣлалъ незаконные поборы, грозился и велъ себя неприлично по отношенію къ женщинамъ дворянкамъ.

Капитанъ Львовъ съ охотой взялъ на себя задачу усмирить тотчасъ и окончательно этого воеводу тѣмъ или другимъ способомъ. И къ удивленію Брянцевой, дѣйствительно, при его заступничествѣ воевода, являсь еще разъ, былъ гораздо тише и приличнѣе.

Капитанъ сталъ все чаще бывать въ гостяхъ въ Караваевѣ. Запоздавъ однажды вечеромъ настолько, что его пришлось просить остаться ночевать, онъ началъ бывать уже каждый день и вошелъ совсѣмъ въ дружескія отношенія и съ пожилой женщиной, и съ молоденькой дѣвушкой. И онъ, повидимому, не притворялся... Зато иногда онъ становился сумраченъ и задумчивъ, какъ бы безъ причины...

Однажды, вечеромъ, въ деревушкѣ появился новый садовникъ Львовыхъ, т.-е. солдатъ Прохоровъ, и достучавшись въ избушку, гдѣ жилъ Коптевъ, который собирался спать, заявилъ ему радостно, что дѣло ихъ, наконецъ, наладилось совсѣмъ. Онъ объяснилъ, что уже очень давно знаетъ кой-что, хотя еще ничего ни разу не доложилъ своему начальнику. Онъ вывѣдалъ въ Караваевѣ отъ дворовыхъ самое важное дѣло.

Бѣжавшій и невѣдомо гдѣ скрывавшійся молодой Львовъ присылаетъ время отъ времени писули сестрѣ и теткѣ. За послѣднее время посланцы перестали бывать, но зато самый довѣренный человѣкъ Львовыхъ, буфетчикъ Евдокимъ, невѣдомо зачѣмъ выѣзжаетъ изъ имѣнія невѣдомо куда и, пробывъ въ отсутствіи часовъ двѣнадцать и болѣе, возвращается обратно.

Прохоровъ-Жгутъ и прежде самъ замѣтилъ это и заподозрилъ. Теперь же онъ узналъ навѣрное, черезъ дворовую женщину—его сестру, что Евдокимъ ѣздитъ по тайному порученію своихъ господъ. И Жгутъ, какъ настоящій сыщикъ, сообразилъ, что буфетчикъ ѣздитъ навстрѣчу къ посланцу получать отъ него письма молодого барина и привозить ихъ въ усадьбу.

Жгутъ рѣшилъ самъ, что, какъ только Евдокимъ соберется изъ усадьбы въ тѣлѣгѣ или пѣшкомъ, то сейчасъ же дать знать объ этомъ Коптеву.

И, вотъ, теперь онъ спѣшно явился донести, что Евдокимъ выѣхалъ въ сумерки изъ усадьбы и, стало быть, утромъ будетъ обратно.

Удивленный и отчасти взволнованный Коптевъ сейчасъ собрался, взявъ съ собой своихъ двухъ солдатъ и, конечно, самого Прохорова. Черезъ часа два уже всѣ они сидѣли на опушкѣ лѣса, скрываясь въ кустахъ и зорко приглядываясь къ проселку. По расчету Жгута дворовый человѣкъ долженъ былъ на зарѣ появиться на дорогѣ.

Дѣйствительно, около трехъ часовъ утра, на пустынномъ проселкѣ, пролежавшемъ по полной глуши и дебрямъ, показалась телѣжка, запряженная крестьянской лошадкой, а въ ней ѣхалъ старый Евдокимъ. Коптевъ вмѣстѣ съ мнимымъ садовникомъ, хорошо извѣстные буфетчику, конечно, не появились, а остались въ кустахъ и отрядили своихъ двухъ солдатъ на дорогу.

Все, что нужно было сдѣлать, было сдѣлано въ какихъ-нибудь десять минутъ, просто и почти мирно. Одинъ изъ двухъ, якобы межевыхъ помощниковъ, остановилъ лошаденку, другой потребовалъ отъ буфетчика слѣзть долой, что перепуганный старикъ сдѣлалъ тотчасъ же.

Разбоевъ никогда не бывало въ ихъ мѣстности, и Евдокимъ ничего не понималъ. Однако, оба молодца, на видъ одѣтые довольно прилично, стали раздвѣвать его и обыскивать и тотчасъ же за голенищами его сапогъ нашли письмо, довольно большихъ размѣровъ.

Оба грабителя потребовали у старика денегъ, но ихъ не оказалось ни гроша. На немъ былъ только серебряный крестикъ на шнуркѣ, и Евдокимъ взмолился креста не брать. Грабители оставили его у него, но, однако, сняли съ него кафтанъ, говоря, что нельзя же человѣка отпустить, не ограбивши. Сдѣлано все это было, конечно, нарочно, для отвода глазъ.

Старикъ, нѣсколько ободрившись, сталъ слезно просить снять хоть все платье съ него, но не брать господскаго письма, въ которомъ не было, клялся онъ, ни гроша денегъ. Но грабители ему не повѣрили и утверждали, напротивъ, что въ письмѣ непременно должны быть деньги. И, посадивъ старика снова въ телѣжку, они хлестнули снова по лошади.

Евдокимъ уже не шагомъ, а крупной рысью и вскачь помчался въ усадьбу, понимая всю важность происшествія. Если бы когда-либо въ ихъ околоткѣ бывали грабежи, онъ бы былъ теперь спокойнѣе. Письмо, которое было, дѣйствительно, имъ

и, Богъ вѣсть, когда снова будетъ имѣть возможность назваться своимъ настоящимъ именемъ.

И, вотъ, именно эта фраза, одна изъ послѣднихъ, заставила Коштева ломать себѣ голову. Что значило, что Львовъ не скоро можетъ назваться своимъ настоящимъ именемъ? Стало быть, теперь онъ проживаетъ подъ подложнымъ. Онъ—названецъ, такъ же, какъ и онъ самъ—Коштевъ. А въ Петербургѣ онъ не только не скрывается, но даже вертится въ обществѣ.

Разумѣется, письмо это вполне раскрывало слѣды, по которымъ можно было найти бѣглеца немедленно и спасти себя.

Коштевъ, перечитавъ нѣсколько разъ посланіе Львова, положилъ его въ карманъ и глубоко задумался. Только предъ обѣдомъ, не спавъ всю ночь, онъ прилежъ и заснулъ на нѣсколько времени. Но сильное волненіе дозволило ему только подремать часа два.

Около полудня онъ снова былъ на ногахъ и, сѣвъ верхомъ, отправился къ своимъ новымъ знакомымъ и даже друзьямъ. Онъ нашель Брянцеву, тревожной и печальной, а когда явилась молоденькая Соня, то Коштевъ поневолѣ участливо и тоже грустно взглянулъ на нее.

Отношенія теперь были уже настолько близки, что молодая дѣвушка, не ожидая ого опросовъ, сама заявила, что у нихъ случилось нѣчно горестное, но что именно—она отказалась объяснить, говоря, что недостаточно близко знаетъ г. Львова.

— Вотъ, пройдетъ нѣкоторое время, можетъ быть, мы вамъ все повѣдаемъ!—прибавила Брянцева.—Можетъ, вы, какъ человѣкъ столичный и многознающій, намъ поможете въ нашемъ горестномъ состояніи. Если вы такъ искусно сумѣли приручить и усмирить нашего воеводу-командира, то, можетъ быть, вы сумѣете помочь намъ и инако.

Коштевъ заявилъ печально и задумчиво, что онъ радъ всей душой помочь имъ, но что у него у самого большая бѣда.

— Какого рода?!—воскликнула Соня съ крайнимъ участіемъ.

И она такъ взглянула на молодого человѣка, что этотъ смутился, а затѣмъ вздохнулъ и поникъ головой.

— Скажите, у васъ-то какая бѣда можетъ быть?—повторила она съ чувствомъ.

— Моя бѣда, Софья Павловна, такая, которой совсѣмъ поправить нельзя! Одинъ Господь Богъ можетъ все это распутать

и разрѣшить. Дѣло совсѣмъ невѣроятное, совсѣмъ небывалое на свѣтѣ, невиданное и неслыханное. Будто испытаніе Господне или наказаніе за грѣхи.

— Вы мнѣ скажете, въ чемъ дѣло? — сказала Соня тихо и нѣжно.

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ скажете! Все расскажете! Тогда и я вамъ все расскажу! Слышите.

И въ этотъ день, запоздавъ до вечера въ гостяхъ, поужинавъ вмѣстѣ съ хозяйками и оставшись въ вечеру, Коптевъ становился все задумчивѣе и все печальнѣе. Перемѣна въ немъ была настолько очевидна, сильна и загадочна, что молоденькая хозяйка не узнавала молодого человѣка, который ей въ этотъ день какъ-будто еще болѣе, еще сильнѣе и даже очень сильно понравился. Прощаясь, она взяла съ него слово, что онъ непременно будетъ у нихъ завтра и не позднѣе полудня.

— Пообѣдаемъ и поужинаемъ вмѣстѣ, и погуляемъ вмѣстѣ! — сказала она. — И погуляемъ одни! — тихо добавила она.

— Одни? — повторилъ онъ.

— Да! Безъ тетушки... Не благоприсойно это, да что же дѣлать? Безъ тетушки, я знаю, вы мнѣ скажете все. Все ваше горе повѣдаете. Вмѣстѣ потолкуемъ, пожалуй, даже вмѣстѣ поплачемъ... А я вамъ все свое расскажу... Я вамъ помочь не могу, хотя бы готова за васъ на многое... Но вы намъ, можете быть, и поможете...

И Соня заплакала.

— Да! Да! Помогу. Клянусь вамъ, — воскликнулъ Коптевъ, — что себя загублю я скорѣе, но...

Онъ запнулся и прибавилъ отчаянно:

— Завтра! До завтра. Надо подумать... Надо все обсудить, обо всемъ размыслить. Ужасное дѣло! Невиданное и неслыханное приключеніе...

Разумѣется, Соня дивилась и ничего не понимала...

Капитанъ Львовъ уже пріѣхалъ къ нимъ, правда, печальный, но теперь почему-то сталъ уже не грустенъ, а взволнованъ... Какъ-будто что-либо случилось за день у нихъ въ домѣ. А, между тѣмъ, ничего особеннаго не произошло.

Соня, конечно, не могла знать, что случилось нѣчто роковое въ сердцѣ капитана Львова, или Коптева. Еще утромъ онъ жалѣлъ себя самого. Онъ боролся съ собой. Теперь онъ усту-

пиль и готовъ былъ пожертвовать собой ради себя же, ради любви своей.

Выѣзжая изъ усадьбы, Коптевъ говорилъ вслухъ и съ отчаяніемъ въ голосъ:

— Какая диковинная моя судьба! Кто повѣритъ, чтобы эдакое могло приключиться.

Молодой человѣкъ хотѣлъ за сутки, прежде свиданія и разговора съ юной Львовой, обдумать все и рѣшиться.

Но обдумывать было нечего. Все было ясно, какъ день. Онъ видѣлъ и чувствовалъ, что не властенъ въ своихъ поступкахъ, и надъ нимъ тяготѣетъ роковая судьба. Все здѣсь удалось въ его дѣлѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все пропало.

Имѣя теперь свѣдѣнія вѣрнѣйшія, что его бѣглець въ Петербургѣ, имѣя возможность вывѣдать все до мелочей объ Львовѣ отъ его же довѣрчивой сестры, Коптевъ видѣлъ, что онъ не въ состояніи дѣйствовать противъ этой семьи, противъ семьи этой Сони, которую онъ полюбилъ, и которая его любитъ.

Отчаяніе отъ безвыходности положенія овладѣло имъ.

Въ ту-же ночь снова явился въ деревушку Прохоровъ и доложилъ начальнику, что Львовы страшно перепуганы и встревожены приключеніемъ съ буфетчикомъ. Жгутъ сталъ спрашивать Коптева, что онъ намѣренъ дѣлать въ виду такого успѣха?.. Офицеръ не зналъ, что отвѣтить.

— Барыня и барышня, — доложилъ Жгутъ, — такъ васъ полюбилъ и такую вѣру въ васъ имѣютъ, что если вы пожелаете, то всю подноготную теперь можете отъ нихъ вывѣдать.

Коптевъ отвѣтилъ, что такъ и думаетъ поступить и отпустилъ своего шпіона. Но Жгутъ, возвращаясь въ Караваево, какъ умный и хитрый малый, уже кой-что подозрѣвалъ... Или начальникъ его черезчуръ уже довокъ и искусенъ, притче много его самого, или дѣло запуталось, и офицеръ становится сомнителенъ. Онъ обворожилъ и барышню Львову, и ея тетку, но самъ-то не обворожень ли тоже. Тогда дѣло приметъ совсѣмъ другой видъ, и ему, Жгуту, придется дѣйствовать иначе — такъ, какъ ему было указано въ столицѣ главнымъ начальствомъ.

На другой день Коптевъ, почти не спавъ ночь, былъ въ Караваевѣ...

То, что онъ смутно предвидѣлъ и ожидалъ, именно и случилось.

Нѣсколько часовъ пробылъ онъ въ саду, наединѣ съ дѣвушкой... И судьба его была рѣшена—и безповоротно, и роковымъ образомъ.

Соня наивно, горячо и искренно повѣдала капитану Львову ихъ семейную страшную тайну: что и гдѣ братъ, бѣжавшій изъ-подъ конвоя, какъ надѣется онъ, чрезъ своихъ петербургскихъ друзей, спасти отца изъ заключенія, а затѣмъ устроить и все горестное дѣло. Разумѣется, Соня рассказала и объ исчезновеніи послѣдняго письма брата, о нападеніи на буфетчика сомнительныхъ разбойниковъ.

Офицеръ, взволнованный, признался во всемъ... Онъ—не капитанъ Львовъ, а тотъ самый Коптевъ, отъ котораго и бѣжалъ ея братъ. Онъ же, послѣ всякаго соглядатайства, и накрылъ Евдокима съ письмомъ... Но онъ безоруженъ... Онъ самъ погибнетъ во всемъ этомъ дѣлѣ, потому что доносить объ ея братѣ не станетъ. Онъ явится въ Петербургъ съ повинной, что не можетъ найти бѣглеца, и, стало быть, долженъ подвергнуться заслуженному наказанію. А все это потому, что она ему дорога стала.

Дѣвушка была настолько поражена и перепугана этимъ открытіемъ, что съ ней сдѣлалось дурно... Когда она пришла въ себя, то начала отчаянно рыдать и умолять Коптева ихъ не губить.

— Губить? Васъ?!—воскликнулъ онъ.—Я себя загублю ради васъ. Я все на свѣтѣ готовъ для васъ сдѣлать. Поймите, что я полюбилъ васъ... Мы теперь вмѣстѣ, сообща, обсудимъ, что предпринять... Но теперь вамъ, вашему брату, не грозитъ ничего. Мнѣ надо себя отъ бѣды избавить, выпутаться.

Разумѣется, на это признаніе въ любви Соня отвѣчала тѣмъ же...

И молодые люди рѣшили, однако, ничего не сообщать Брянцевой и хранить свою тайну до болѣе счастливыхъ дней!

Авось, Богъ милостивъ,—рѣшили они,—все уладится. Петръ Львовъ добьется своего въ столицѣ... Онъ, Коптевъ, чрезъ сильныхъ покровителей избѣгнетъ наказанія... И когда-нибудь здѣсь вотъ, въ Караваевѣ, онъ будетъ не чужой всей семьѣ Львовыхъ.

Конечно, офицеръ сталъ бывать уже ежедневно и проводить время въ усадьбѣ отъ зари до зари, не стѣсняясь дворовыхъ. Всѣ ясно увидѣли и поняли, чѣмъ пахнетъ: капитанъ-землемѣръ, однофамилецъ господъ, чуть не женихъ.

Одновременно и Жгутъ все понялъ...

Коптевъ продолжалъ отлично играть роль землемѣра и называться капитаномъ Львовымъ, продолжалъ поощрять Жгута шпиювить и, конечно, старался его провести... Но завзятый сыщикъ зналъ теперь, какъ повернулось дѣло сыска и соглядатайства ихъ въ усадьбѣ. Равно зналъ онъ, что именно должно предпринять немедленно по отношенію къ своему начальнику.

Его собственный тайный посланецъ вскорѣ выѣхалъ въ столицу.

И когда гроза стала надвигаться уже, Коптевъ и Соня продолжали ворковать, какъ голубки...

XXXI.

Въ Петербургѣ было уже осеннее ненастье.

Въ семьѣ Кнаузовъ всё тоже «глядѣли сентябремъ».

Амалия Францевна была озабочена. Ея всегда веселая Тора становилась все грустнѣе, даже похудѣла.

Зиммеръ за послѣднее время совсѣмъ пересталъ бывать у нихъ, и каждый разъ, что онъ, будто спѣша, на минуту являлся къ нимъ, онъ напрасно убѣждали его остаться долѣе. А юная Тора, увлеченная имъ, становилась потомъ еще печальнѣе.

Однажды г-жа Кнаусъ около полудня послала ему приглашеніе непременно пріѣхать къ ней среди дня ради особаго и важнаго дѣла. Молодой человекъ отвѣтилъ, что можетъ быть лишь на другой день. Но затѣмъ только черезъ цѣлыхъ три дня Зиммеръ, якобы сильно занятый взятыми на себя сыскными дѣлами, насилу улучилъ свободную минуту, чтобы явиться. Г-жа Кнаусъ приняла гостя нѣсколько оффиціально и была, видимо, смущена и взволнована.

Послѣ нѣсколькихъ упрековъ, что г. Зиммеръ окончательно забылъ ихъ, и послѣ разныхъ упрековъ въ томъ, что онъ много бываетъ у другихъ и не занятъ, а весело проводить время, г-жа Кнаусъ, наконецъ, переломила себя и рѣшилась заговорить прямо. Нѣсколько конфузясь, она заявила, что г. Зиммеръ давно очень нравится ея дочери и что, вопреки всякимъ приличіямъ, она сама первая рѣшается заговорить объ этомъ. Она желаетъ уяснить его чувства къ ея семейству вообще и къ ея дочери въ особенности. Смутившійся гость объ-

яснилъ, что онъ ее любить и уважаетъ съ перваго же дня знакомства.

И послѣ нѣсколькихъ намековъ, которые молодой человѣкъ, конечно, отлично понялъ, но сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, Амаля Францевна прямо спросила у него, думаль-ли онъ когда-нибудь вообще о женитьбѣ, и, если ничего не имѣетъ противъ этого вообще, она была бы счастлива, если бы ея дочь вышла за него замужъ. При этомъ г-жа Кнаусъ быстро прибавила, что у дочери большое приданое.

Уже отчасти приготовленный къ этому внезапному заявленію, собесѣдникъ отвѣтилъ, стараясь выражаться какъ можно мягче, что онъ, при полномъ своемъ уваженіи ко всей семьѣ, притомъ находя Fräulein Доротею привлекательной и даже прелестной, все-таки не можетъ помышлять о бракѣ съ нею.

— Почему?—вдругъ насупилась г-жа Кнаусъ.

— Потому что у меня есть невѣста уже нѣсколько лѣтъ!— отвѣтилъ онъ рѣшительно.—Родные мои давно всѣ желаютъ этого брака.

Амаля Францевна начала убѣждать его, что его бракъ съ ея дочерью былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ выгоденъ ему, и, не слушая его, горячо и наивно убѣждала, усовѣщевала. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что молодой человѣкъ нѣсколько нетерпѣливо объяснилъ женщинѣ, что разговоръ этотъ слѣдуетъ прекратить, такъ какъ онъ ни къ чему не поведетъ.

Когда онъ выходилъ изъ дому, то г-жа Кнаусъ проводила его съ такимъ лицомъ, какого онъ никогда не видалъ у нея. Казалось, что она сдерживалась отъ порыва сильнѣйшаго гнѣва. И, разумѣется, онъ вернулся къ себѣ, нѣсколько озабоченный. Не было никакого сомнѣнія, что эта женщина имѣла, давно имѣла извѣстнаго рода вліяніе на его прямого начальника. Слѣдовательно, его отказъ могъ имѣть для него неприятыя, а можетъ быть и совершенно худыя послѣдствія. И онъ не зналъ, что сдѣлать: предупредить-ли самому, забѣжавъ впередъ, умнаго Шварца или ждать, чтобы тотъ, узнавъ все отъ г-жи Кнаусъ, самъ заговорилъ съ нимъ. Онъ рѣшился ждать.

Прошло нѣсколько дней, а въ отношеніяхъ его со Шварцемъ не случилось ничего новаго. Онъ уже надѣялся, что, несмотря на заявленіе или даже жалобы г-жи Кнаусъ, Шварцъ дѣйствовалъ по русской пословицѣ: «дружба—дружбой, а служба—службой», и даже не считалъ нужнымъ заговаривать съ своимъ подчиненнымъ о чемъ-либо, помимо дѣлъ служебныхъ.

Между тѣмъ, увлеченная и даже сильно влюбленная Доротея была, какъ избалованная всѣми, мелкосамолюбивая дѣвушка. Категорическій отказъ Зиммера подѣйствовалъ на нее почти страннымъ образомъ. Ея любовь къ молодому человѣку быстро перешла въ неприязнь, чуть не въ ненависть и въ желаніе мщенія.

Недавно отверженный женихъ, съ которымъ Тора имѣла даже очень непріятный разговоръ, тотчасъ же снова появился у нихъ въ домѣ, былъ принятъ любезно, а молодая дѣвушка отнеслась къ нему такъ же милостиво, какъ когда-то до появленія Зиммера. Она ни слова не сказала Лаксу о своихъ намѣреніяхъ по отношенію лично къ нему или о какой-либо перемѣнѣ въ этомъ, но, однако, объяснила, что она раскаивается въ своихъ нѣкоторыхъ поступкахъ за послѣднее время. А между прочимъ она особенно якобы раскаивается въ томъ, что увлеклась было недостойной личностью.

Лаксъ, какъ человѣкъ или сильно влюбленный, или ограниченный, или совсѣмъ не знающій женской натуры, вообразилъ себѣ, что Доротея снова вернулась къ нему сердцемъ и помыслами. Да и трудно было бы догадаться, что Доротея рѣшила выбрать его орудіемъ мести человѣку, который якобы оскорбилъ ее.

Во второй или третій разъ, что Лаксъ снова бесѣдовалъ наединѣ съ Торой, она объяснила ему, что личность Зиммера для нея крайне загадочна. Доказательствъ на это у молодой дѣвушки, конечно, не было никакихъ, но она будто чуяла это. Если прежде это казалось ей лишней интересной чертой въ личности Зиммера, то теперь она дѣлала изъ этого обвиненіе.

— Я увѣрена,—сказала Тора,—что, если бы кто тщательно занялся этимъ господиномъ Зиммеромъ, его поведеніемъ, поступками, его сношеніями съ самыми разными людьми среди огромнаго круга знакомыхъ, то непременно дошелъ бы до открытія чего-нибудь особеннаго и очень важнаго, т. е. худого.

Лаксъ долженъ былъ сознаться, что для него это мнѣніе Торы о Зиммерѣ—полнѣйшая новость. Затѣмъ въ тотъ же день и на другой день, много обдумывая слова Доротеи и обдумывая кое-что, извѣстное ему изъ поступковъ Зиммера, Лаксъ понемногу пришелъ къ убѣжденію, что—какъ оно ни удивительно—молодая дѣвушка права!... Во всемъ, что окружаетъ новаго наперсника Шварца, есть, дѣйствительно, что-то темное, таинственное.

Кончилось все союзомъ между Лаксомъ и молодой дѣвушкой: разнюхать—что собственно за человѣкъ Зиммеръ, и, если удастся въ чемъ-либо странномъ поймать его, то немедленно довести объ этомъ до свѣдѣнія Шварца.

И первое, что Лаксъ узналъ, заключалось въ томъ, что Зиммеръ ежедневно бываетъ у стараго капитана Бурцева, и это, по-видимому, не простое знакомство, а вполне дружескія отношенія. Между тѣмъ, старикъ Бурцевъ былъ на самомъ плохомъ счету у Шварца и у нихъ у всѣхъ.

Лаксъ задался вопросомъ, зачѣмъ именно Зиммеръ постоянно, якобы въ качествѣ друга, сидитъ у старика Бурцева, только у него проводить онъ цѣлые вечера? О чемъ могутъ они бесѣдовать? Быть можетъ, онъ лукаво обманываетъ старика, желаетъ что-либо выманить у него, зная, что тотъ—приверженецъ цесаревны и коноводъ русской партіи. Онъ, стало быть, поровитъ провести старика и выдать его головой своему начальнику, который, въ виду разныхъ пустяжныхъ доносовъ, не имѣетъ возможности серьезно взяться за гордеца и дерзкаго ворчуна.

Но это соображеніе было не подходящимъ и не могло имѣть мѣста. Лаксъ отъ того же Шварца отлично зналъ, что на старика давно махнули рукой и рады были, что за это послѣднее время, послѣ наказанія его внучки, онъ сталъ поскромнѣе.

Продолжая снова постоянно бывать у Кнаузовъ, Лаксъ уже совѣщался съ Торой на счетъ ихъ общаго врага, а вскорѣ за всѣми дѣйствіями Зиммера уже началъ слѣдить вѣрный человѣкъ, преданный Лаксу.

И однажды онъ явился и доложилъ, что Зиммеръ ввечеру, переодѣтый, въ простомъ русскомъ платьѣ, былъ на Смольномъ дворѣ и, по-видимому, былъ принятъ самой цесаревной, вернулся же домой только часа черезъ два или три.

Это открытіе имѣло огромное значеніе.

Лаксъ, довольный, почти счастливый, полетѣлъ заявить объ этомъ Доротей, и они тотчасъ же рѣшили довести объ этомъ до свѣдѣнія Шварца. Тора ликовала. Она уже видѣла Зиммера не только изгнаннаго со службы, но, пожалуй, даже, и отданнаго подъ судъ. Такъ какъ Лаксъ не рѣшился самъ доложить или донести объ этомъ Шварцу, то Доротея попросила сдѣлать это свою мать.

И черезъ два дня, ожидая къ себѣ въ гости Шварца, г-жа Кнаусъ черезъ Лакса приказала въ то же время явиться къ

себѣ на квартиру и тому самому полулакею, полусущику, который могъ бы подтвердить ея слова, въ случаѣ если бы Шварцъ не повѣрилъ.

Амалия Францевна, принимая Шварца, искусно перевела разговоръ на Зиммера и довольно убѣдительно и краснорѣчиво стала доказывать, что она перестала его принимать, такъ какъ онъ—человѣкъ странный, сомнительный, и что, наконецъ, въ настоящую минуту онъ замѣченъ въ одномъ поступкѣ, который имѣетъ серьезное значеніе.

— Служа у васъ въ канцеляріи,—сказала она,—онъ въ то же время тайкомъ, переодѣтый, бываетъ у цесаревны.

Шварцъ, къ удивленію Амаліи Францевны, улыбнулся, а потомъ началъ смѣяться.

— Знаете что, Грау Амалія,—сказалъ онъ,—я бы вамъ совѣтовалъ не заниматься государственными дѣлами! Оно дамѣ не приличествуетъ, да и дѣло это и скучное, а иногда и опасное. Изъ дамскихъ сплетенъ возникаютъ часто сыскныя дѣла, и то, что начинается простой болтовней отъ праздности подъ вечерокъ или на сонъ грядущій, кончается дыбой, поджиганіемъ тѣла огнемъ, вырѣзываніемъ языка, ссылкой въ Сибирь. Разумѣется, ничего подобнаго съ вами случиться не можетъ, такъ какъ вы не русская, да и при этомъ близкое мнѣ лицо. Но, вообще, скажу—не занимайтесь этими дѣлами и не позволяйте никому являться къ вамъ съ разными доносами на разныхъ лицъ.

Амалия Францевна разсердилась и стала говорить, что у Шварца двѣ мѣры: всякій другой, если бы его уличили въ посященіи цесаревны, немедленно былъ бы схваченъ и допрошенъ, а г. Зиммеру это яко бы дозволяется.

— Нѣтъ!—рѣзко воскликнулъ Шварцъ.—Это ему не дозволяется!

— Такъ почему же вы такъ странно, со смѣхомъ, отнеслись къ тому, что я узнала и чѣмъ хотѣла услужить вамъ?

— Если не дозволяется, то приказывается! — рѣзко произнесъ Шварцъ.

Г-жа Кнаусъ не поняла и только вытаращила глаза.

— Зиммеру не дозволяется бывать у цесаревны, а приказывается бывать! Достаточно-ли съ васъ, уважаемая Амалія?

Г-жа Кнаусъ только разинула ротъ и не отвѣтила ни слова. А Шварцъ, думалъ про себя:

— «Странно! Если это—не сплетня, то... странно».

XXIII.

А Зиммеръ, дѣйствительно, побывалъ на Смольномъ дворѣ. Онъ былъ постояннымъ, ежедневнымъ и дорогимъ гостемъ Бурцевыхъ, а это обстоятельство привело его и въ Смольный.

Молодой человѣкъ безвыходно сидѣлъ у старика, съ нимъ и его внучкой; и почти пересталъ вращаться въ столичномъ обществѣ и дѣлать вечера у себя. Онъ сталъ не только ихъ другомъ, но будто роднымъ...

Дѣло въ томъ, что между Бурцевымъ и молодымъ человѣкомъ произошло одно важное объясненіе. Зиммеръ повѣдалъ старику то, что было его тайной, самой сокровенной. И послѣ этого Бурцевъ сталъ не только дружески относиться къ молодому человѣку, а сталъ любить его, какъ родного сына.

Бурцевъ узналъ то, что зналъ только одинъ человѣкъ на свѣтѣ, да и тотъ былъ не въ столицѣ и не на свободѣ, а сидѣлъ въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости.

Бурцевъ узналъ отъ Зиммера, что онъ—не Зиммеръ, что онъ—Петръ Львовъ... играющій своей головой, чтобы спасти отца.

Пораженный этимъ открытіемъ, Бурцевъ рѣшился, не говоря юному другу ни слова, начать усердно хлопотать за него и за его отца. У старика былъ сильный заступникъ въ Петербургѣ. Но чье покровительство защищало его—было тайной, было загадкой.

Между тѣмъ, сидя у Бурцевыхъ, чиновникъ канцеляріи герцога «Зиммеръ», дѣлалъ свое дѣло.

Онъ, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, ѣздилъ въ Шлиссельбургъ ради сыска и допросовъ... Особенно усердно онъ якобы занимался дѣломъ одного арестанта, дворянина Козлова. Онъ такъ сумѣлъ устроиться, что видалъ теперь старика отца наединѣ: или у него въ камерѣ, или вызывая, якобы къ экстренному добавочному допросу къ себѣ въ комнаты, когда при немъ не было никакихъ приказныхъ и писарей...

Одновременно онъ сталъ любимымъ бариномъ старика сторожа. Игнатъ обожалъ «Генриха Иваныча» и, что бы ни дѣлалъ господинъ Зиммеръ, ослѣпленный Игнатъ ничего не видѣлъ и не замѣчалъ. Такъ, сторожъ нисколько не удивлялся, что Зиммеръ часто приходилъ самъ наверхъ ради допроса заключенныхъ Львова и Козлова. Онъ бралъ ключи отъ ихъ ка-

мерь, отпралялся къ нимъ и сидѣлъ подолгу... Каждый разъ, что Зиммеръ приходилъ или уже выходилъ, онъ просилъ Игната принести себѣ квасу изъ подвала, который былъ довольно далеко. Игнатъ бѣгалъ съ удовольствіемъ, но просилъ барина посидѣть у себя въ каморкѣ и «посторожить» за него. Хотя всѣ заключенные были на запорѣ, но Игнату все-таки не дозволялось отлучаться съ мѣста.

— Ужъ ты, Генрихъ Ивановичъ, посиди покуда,—говорилъ Игнатъ.

— Посижу, посижу... Пустое мѣсто постерегу!—отзывался шута «Генрихъ Ивановичъ».

Однажды сыскаго судья пришелъ повидать заключеннаго Львова, взялъ ключъ отъ его камеры и послалъ Игната за квасомъ.

Съ нимъ вмѣстѣ былъ какой-то парень вродѣ мастерового.

— Веду, вотъ, его,—сказалъ онъ, шута, старику,— чтобы уличить упряму Львова.

Игнатъ, конечно, не обратилъ на парня никакого вниманія. А, между тѣмъ, пока сторожъ бѣгалъ въ подвалъ, а судья сидѣлъ на кровати заключеннаго, мастеровой что-то орудовалъ у замка двери камеры и, наконецъ, сказалъ:

— Готово!

— Не ошибешься?—спросилъ Львовъ.

— Какъ можно. Не впервой. Дѣло простое.

Такъ понемногу ладилося и готовилося все до мелочей, чтобы старикъ Львовъ очутился на свободѣ.

Но, вмѣстѣ съ заботой объ отцѣ, у молодого человѣка явилась новая тайная, сердечная забота, въ которой онъ никому не сознавался.

Постоянное пребываніе у Бурцевыхъ не обошлось даромъ.

Если молодой человѣкъ полюбилъ старика, какъ родного отца, то одновременно въ немъ возникло какое-то новое, дотолѣ имъ еще неиспытанное чувство къ молоденькой Лизѣ Бурцевой. И онъ привязался къ ней самымъ наивнымъ образомъ. Будучи уже сильно влюбленъ, онъ этого самъ какъ бы не подозрѣвалъ.

Быть можетъ, изъ-за этого-то онъ у Бурцевыхъ и бывалъ такъ часто.

Между тѣмъ, это сближеніе было нѣсколько опасное. У старика дворянина была установившаяся твердо репутація

заклятаго врага нѣмцевъ, и только тайный заступникъ спасъ его.

Старикъ пользовался давно особымъ расположеніемъ и уваженіемъ самой цесаревны, какъ вѣрный слуга ея великаго отца. Вотъ въ чемъ была вся сила. И, конечно, если бы не это, то онъ былъ бы давно уже взятъ, судимъ и сосланъ. При его невоздержности на языкъ и при его большомъ состояніи ему слѣдовало уже давно сгинуть. Для этого было даже два повода: было на что сослаться при обвиненіи и было чѣмъ воспользоваться при осужденіи, т.-е. было что конфисковать. Однако, тайна, что Бурцевъ былъ цѣль, заключалась собственно еще и въ томъ, что цесаревна была въ отличныхъ отношеніяхъ съ герцогомъ, и всѣ просьбы, съ которыми она обращалась къ нему, неизмѣнно имъ исполнялись.

Однажды, давно, Елизавета Петровна, узнавъ отъ старика, что онъ опасается за свою судьбу, переговорила съ Бирономъ и попросила не трогать стараго слугу ея отца, отвѣчая за него, что онъ, помимо ворчанія, ни въ чемъ не виновенъ и никогда не будетъ виновенъ. И самъ герцогъ однажды на докладъ Шварца приказалъ разъ на-всегда оставить Бурцева въ покоѣ.

Въ другой разъ страшный начальникъ тайной канцеляріи, генералъ Ушаковъ, доложилъ самой императрицѣ о глупыхъ рѣчахъ стараго дворянина на счетъ нѣмцевъ. Государыня разсердилась и приказала тотчасъ арестовать его, но герцогъ страшно воспротивился, и дѣлу не было дано хода.

Желая теперь какъ-нибудь прійти въ помощь молодому другу, Бурцевъ доложилъ объ немъ цесаревнѣ. Львовъ былъ представленъ ей старикомъ, конечно, тайно, тѣмъ не менѣе сыщикъ Лакса видѣлъ его на Смольномъ.

Цесаревна общалась въ случаѣ бѣды заступиться за молодого человека, но дѣло его было мудреное.

Наконецъ, у молодого Львова была и третья забота теперь, которая кончилась только недавно успѣхомъ. Онъ рѣшилъ, чтобы ко времени освобожденія отца сестра Соня была бы въ Петербургѣ.

Послѣ долгаго ожиданія онъ, наконецъ, наканунѣ дня именинъ сестры, встрѣтилъ ее и обнялъ послѣ долгой разлуки. Соня пріѣхала съ старой няней и, хотя была счастлива и рада, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему-то задумчива.

Львовъ, опасаясь присутствія сестры, которая могла его выдать, поселилъ ее внѣ Петербурга въ деревнѣ, называвшейся Казачьей слободкой, и сюда тайно ѣздилъ онъ верхомъ въ сумерки и возвращался ночью домой.

Соня была грустна иногда, но на разпросы брата изъ ложнаго стыда ни словомъ не обмолвилась на счетъ сближенія съ Коптевымъ.

Львовъ ждалъ, что все понемногу устроится, но вдругъ случилось нѣчто, что, какъ страшный ударъ грома, поразило его.

Однажды, переходя дворъ канцелярїи, онъ увидѣлъ офицера съ двумя солдатами, которые направлялись къ нему навстрѣчу. Онъ сразу замѣтилъ, что солдаты идутъ около офицера не въ качествѣ подчиненныхъ ему, а скорѣе—въ видѣ конвоя. Вглядѣвшись въ лицо офицера, онъ ахнулъ, оторопѣлъ, какъ-то странно засмѣнилъ на мѣстѣ и, наконецъ, бросился въ сторону.

Онъ сразу узналъ въ офицерѣ того самаго Коптева, изъ подъ конвоя котораго бѣжалъ.

Появленіе офицера послѣ долгаго исчезновенія было загадочнымъ. Стало быть, онъ не былъ разжалованъ и сосланъ, и, стало быть, дѣло о бѣжавшемъ изъ-подъ его охраны снова начнется теперь.

Вернувшись домой, Львовъ былъ настолько взволнованъ, что даже не могъ обѣдать, и въ сумерки отправился къ Бурцеву, чтобы объявить ему о новости и просить совѣта.

— Нехорошо!—сказалъ старикъ Алексѣй Михайловичъ.— Прежде всего вамъ надо быть осторожнымъ и избѣгать встрѣчаться съ нимъ. Это—понятное дѣло. Но, кромѣ того, ожидайте чего-нибудь. Мы думали, что онъ канулъ совсѣмъ! Богъ вѣсть куда! въ ссылку! А вдругъ онъ опять здѣсь! Это очень плохо!

И было рѣшено, что Львовъ скажется больнымъ и останется нѣкоторое время дома, не являясь въ канцелярїю, гдѣ вдругъ случайно можетъ появиться Коптевъ и признать его.

На другой день, рано поднявшись и собираясь написать Лаксу, прося его доложить Шварцу, что онъ нездоровъ и на службѣ быть не можетъ, Львовъ увидѣлъ солдата, который явился къ нему на квартиру. Онъ передалъ приказъ Шварца немедленно явиться, не мѣшая ни минуты.

Львовъ не зналъ, что дѣлать. Поразмысливъ, онъ рѣшилъ, что въ такое раннее время врядъ-ли можетъ случиться такая

незадача, чтобы снова попасться на глаза приводимаго къ допросу Коптева. Онъ приободрился, одѣлся и менѣе чѣмъ черезъ часъ стоялъ уже предъ начальникомъ.

Шварцъ былъ сумраченъ; будто не въ духѣ.

— А, Генрихъ...—выговорилъ онъ все-таки ласково.— Два дѣла... Одно пустое, другое важное. Скажу въ двухъ словахъ. Мнѣ не время. Вотъ, видите—тетрадища... Герцогъ поручилъ мнѣ такую работу, что голова трещить... Ну-съ... коротко... Первое давно хотѣлъ спросить, да все забывалъ. Случалось ли когда вамъ быть въ Смольномъ дворѣ?..

Львовъ опѣшилъ и смутился. Шварцъ замѣтилъ это сразу и улыбнулся.

— Испугались. Ничего. Отвѣчайте правду.

— Былъ-съ... Но неужели вы можете подумать, что...

— Заподозрить васъ въ приверженствѣ цесаревнѣ, якобы имѣющей право на російскій престолъ? Нѣтъ, г. Зиммеръ, я—не ребенокъ. Но скажите, зачѣмъ вы попали къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ?

— Просто изъ любопытства... Каюсь. Хотѣлось повидать ее вблизи.

— Были ей представлены?

— Да-съ.

— Понравилась она вамъ?

— Да-съ.

— А польза намъ отъ этого вашего посѣщенія будетъ ли? Полагаю, никакой.

— Никакой, ваше превосходительство. Что же тамъ на Смольномъ?.. Вечера, жмурки, танцы и всякое ребячество. Цесаревна—совсѣмъ младенецъ...

— Это—личное мнѣніе самого герцога, милый Генрихъ, а вы въ этомъ убѣдились сами. Ну, что же? И это хорошо, какъ свѣдѣніе. Спасибо и за это... Теперь другое дѣло. Важное! Сюда къ намъ не то прибылъ, не то доставленъ офицеръ Коптевъ... Иначе говоря, ему было строго указано, вслѣдствіе доноса, неожиданно явиться изъ командировки и дать какое-то объясненіе... Скажите, дѣло о Львовыхъ, вѣдь, у васъ?.. Вы за него взялись?

И Шварцъ, напрасно ожидая отвѣта, поднялъ глаза.

«Зиммеръ» нѣсколько измѣнился въ лицѣ.

— Что съ вами?—удивился Шварцъ.

— Угорѣлъ сегодня...—отозвался глухо молодой человекъ и прибавилъ:—дѣло Львовыхъ у меня, но я еще...

— Ну, вотъ... Такъ займитесь этимъ теперь... Вызовите Коптева, допросите... Тутъ какая-то новая путаница, что, не помню... Онъ ѣздилъ искать бѣжавшаго Львова... а тутъ какой-то доносъ, какого-то солдата, что онъ якобы пересталъ искать... не знаю, не помню.—Какая-то путаница! Допросите этого Коптева и распутайте, насколько возможно. Но не забудьте, что онъ еще не разжалованъ. Пытать его вы не можете, и, стало быть, допросъ будетъ мудренъ, если онъ, дѣйствительно, виноватъ. Однимъ словомъ, я вамъ его поручаю, такъ какъ все дѣло о Львовыхъ въ вашемъ вѣдѣніи. Ну вотъ...

Шварцъ кивнулъ головой, а Львовъ вышелъ изъ его комнаты, и двигаясь, почти пошатывался, какъ если бы, дѣйствительно, голова кружилась отъ угара.

— Коптевъ?—шепталъ онъ самъ себѣ.—Мнѣ допрашивать? Что же это? Конецъ! Погибель! А отецъ еще въ заключеніи. Нѣтъ! Вздоръ. Я пропаду, но не прежде, а послѣ его освобожденія...

XXIV.

Разумѣется, приключившееся было подобно разразившейся грозѣ и удару грома...

Молодой человекъ рѣшился дѣйствовать неотложно... Онъ отлично сознавалъ, что пришелъ всему конецъ... Онъ можетъ и, конечно, будетъ дерзко бороться съ обстоятельствами. Онъ ближе стоитъ къ Шварцу, чѣмъ этотъ Коптевъ... Но, вѣдь, кого Шварцъ сочтетъ дерзкимъ лгуномъ и нахальнымъ выдумщикомъ, еще неизвѣстно. Въ правдѣ есть что-то... какая-то невѣдомая сила, власть...

Отъ безысходности положенія и изъ-за невозможности придумать что-либо разумное для своего спасенія Львовъ сталъ придумывать вздорные планы. Ему показалось возможнымъ попросить тайно отъ Шварца кого-либо изъ чиновниковъ взяться за дѣло Львовыхъ, допрашивать Коптева и стараться, если можно, въ глазахъ его сойти за Зиммера. Офицеру не придется на умъ узнавать, кто его допрашиваетъ, какъ фамилія чиновника.

Однако, придумавъ нѣсколько подобныхъ вздорныхъ способовъ спасенія, Львовъ возвращался къ мысли и рѣшенію упорно опровергать «нахальную выдумку» офицера, если онъ начнетъ вдругъ утверждать, что предъ нимъ не Зиммеръ, а самъ Львовъ.

— Но прежде всего—отецъ!—рѣшилъ онъ.

И на другой же день онъ побывалъ у слесаря, которому заказалъ ключъ, и получилъ послѣдній.

«Когда подумаешь, что все зависитъ отъ пустяка, отъ прорѣзовъ въ этомъ ключѣ!..» — уныло думалось ему. — «Если мастеровой ошибся, то все пропало»...

Затѣмъ Львовъ собрался просить Лакса доложить начальнику, что онъ считаетъ нужнымъ побывать въ Шлиссельбургѣ по одному важному сыскному дѣлу дворянина Козлова и отлучится на два дня. Но тотчасъ же онъ рѣшилъ, что отъ волненія и смущенія теряетъ голову, сообразительность и начинаетъ дѣйствовать, какъ глупецъ. Надо тайно побывать въ Шлиссельбургѣ! Надо, чтобы одновременно съ побѣгомъ старика Львова не знали въ канцеляріи, что онъ былъ въ крѣпости. И, не сказавшись, рано утромъ слѣдующаго дня Львовъ выѣхалъ верхомъ изъ Петербурга по хорошо знакомой ему дорогѣ.

Разумѣется, комендантъ радушно встрѣтилъ пріятеля Зиммера. И цѣлый день весело пробесѣдовали они о всякихъ пустякахъ, о столицѣ, объ увеселеніяхъ ея и зрѣлищахъ. Въ камеры онъ не пошелъ.

Старикъ Игнатъ тоже обрадовался пріѣзду ласковаго барина, любителя ихъ кваса, но напрасно прождалъ его къ себѣ въ казематъ.

Пробывъ сутки—день и ночь, Львовъ, не переставая, обдумывалъ, какъ именно произвести дерзкій замыселъ, чтобы все удалось. Откладывать было невозможно, такъ какъ и за стѣнами крѣпости было уже кой-что подготовлено. Плохо проспавъ ночь, онъ на утро поднялся со зрѣло обдуманнѣмъ планомъ, примѣненнымъ къ обстоятельствамъ. Онъ началъ одѣваться. Если бы кто увидѣлъ его одѣваніе, то ахнулъ бы или принялъ его за сумасшедшаго...

Прежде всего Львовъ приказалъ осѣдлатъ лошадь, а самъ отправился проститься съ комендантомъ... Затѣмъ онъ пошелъ въ камеры заключенныхъ.

— Дай-кась ключъ,—сказалъ онъ Игнату,—надо мнѣ повидать буяна Козлова.

Игнать передалъ ему связку ключей.

Львовъ быстро двинулся по всему длинному корридору, но прошелъ камеру Козлова и скоро былъ у двери камеры, гдѣ былъ отецъ. Онъ досталъ изъ кармана другой, свой ключъ, и сердце его невольно трепетно забилось...

«Что, если ключъ не подойдетъ?.. Что, если слесарь ошибся?..»

Но замокъ заскрипѣлъ, и дверь растворилась. Онъ быстро вошелъ, снова заперъ за собой дверь и, обернувшись, увидѣлъ, что заключенный отецъ спитъ на своей кровати. Онъ бросился къ нему, схватилъ его за руки и почти вскрикнулъ:

— Скорѣй!.. Скорѣй!.. Батюшка!

Павель Константиновичъ проснулся, открылъ глаза, ахнулъ и, какъ молодой, быстро съѣлъ на кровати, а затѣмъ тотчасъ же поднялся на ноги. Онъ обнялъ сына, какъ бывало всегда, и сталъ горячо цѣловать его.

— Не время!.. Не время!.. Скорѣй!..—повторялъ тотъ.

И съ этими словами онъ началъ быстро раздѣваться и бросать на полъ кафтанъ, камзолъ и все остальное свое платье. Подъ ними оказалось другое, поношенное и испачканное платье— русская рубаха, зипунъ и шаровары. Онъ быстро снялъ все это, и, пока началъ снова одѣваться, продолжалъ повторять:

— Скорѣй!.. Скорѣй!..

Павель Константиновичъ, сбросивъ арестантское платье, началъ надѣвать снятое сыномъ. Крестьянская одежда отлично шла къ нему, такъ какъ за время заключенія у него отросла длинная борода.

Но вдругъ старикъ остановился и произнесъ робко:

— Боюсь я...

— Полно! Полно, батюшка. Чего бояться?..

— Боюсь за тебя... Что за важность, если меня поймаютъ опять и засадятъ, а ты... Съ тобой что будетъ?..

— Ничего не будетъ! — отчаянно вскрикнулъ Львовъ. — Никто не видѣлъ, какъ я пришелъ, никто не знаетъ, что я здѣсь. И ключъ этотъ — мой ключъ, а не сторожа. Поймаютъ тебя — засадятъ, то на меня все-таки никто мысли имѣть не можетъ! Пойми хорошенько!

— Ну, тогда ладно, тогда не боюсь! — бодро произнесъ старикъ и быстро одѣлся.

Львовъ, уже одѣтый, давно снова растворилъ дверь.

— Ну, слушай же, батюшка. Стой тутъ и тихонько читай «Вѣрую.» Читай совсѣмъ не спѣша. Прочитай ее шесть разъ и тогда иди! Понялъ ли ты меня? Шесть разъ.

— Да. Немудреное что...

— Хорошо ли понялъ: шесть разъ не спѣша! Я тоже буду дѣлать, и какъ разъ сойдемся во дворѣ. Меня увидишь, я буду болтать съ рабочими у стѣнки. Только тани лучше молитву... Лучше позже, чѣмъ раньше. Я прочту про себя шесть разъ, могу и седьмой разъ начать — это не бѣда. Но я буду знать, что, когда я въ четвертый или пятый разъ буду читать молитву, то старика Игната уже не будетъ. А какъ — ужъ это мое дѣло. За это время я успѣю все сладить... А ключъ въ двери оставь снутри. Помни, оставь. Дверь то не забудь за собой затворить. Избави Богъ, коли тотчасъ хватится Игнатъ. Ну, вотъ, благослови, Господи! Авось, все то къ благополучному концу теперь идетъ!

Выйдя отъ отца, Львовъ быстро прошелъ по всему зданію и спустился во дворъ. Сторожа къ его удивленію нигдѣ не было. Онъ снова вернулся наверхъ и, проходя мимо одной изъ камеръ, увидѣлъ Игната, выходящаго оттуда. Онъ передалъ ему ключи и сказалъ:

— Ну-ко, угости меня на дорогу. Я уѣзжаю!

— Какъ это — угостить? — не понялъ старикъ.

— Дай мнѣ кваску. Аль забылъ?

— Объ эту пору? — удивился Игнатъ. — Не обѣдавши?

— Что же! Что дѣлать, коли жажда.

— Ну, ладно. Обожди и карауль.

— Нѣтъ, старина, мнѣ не время. Я тоже спущусь. На дворѣ напьюсь и на коня! — заявилъ Львовъ.

— Какъ же быть-то, баринъ?

— Что за важность! Камеры всѣ заперты.

— Нѣтъ, Генрихъ Ивановичъ, не годно. Никогда я такъ-то не ухожу. Мало, что можетъ: придетъ кто и отопретъ. На грѣхъ мастера нѣтъ. Обожди, пока я въ подвалѣ.

— Не могу, родимый, — спѣшу... Стой! И мы оба — дураки. Бери всѣ связки съ собой. Что за важность! Не сто пудовъ.

— Это, вотъ, пожалуй, — согласился Игнатъ.

Старикъ забралъ всѣ связки ключей съ гвоздей. Оба двинулись и спустились по лѣстницѣ.

Игнатъ прошелъ весь большой дворъ, гдѣ въ глубинѣ жилъ крѣпостной ключникъ, и были кладовыя, подвалы и погреба.

Львовъ оглянулся среди двора. Невдалекѣ рабочіе кляли стѣнку... Правѣ ходилъ по двору конюхъ и водилъ его лошадей, уже осѣдланную.

Волнуясь въ высшей степени, онъ старался сообразить, сколько за это время успѣлъ бы онъ прочесть «Вѣрую?» По его убѣжденію какъ разъ, — если не слѣшить и произносить каждое слово съ маленькой паузой, — то раза три, а пожалуй — четыре.

И онъ направился къ тому мѣсту, гдѣ каменщики работали у стѣны. Онъ весело заговорилъ съ ними съ шутками и прибаутками.

Но, разговаривая, онъ постоянно оглядывался на крыльцо, съ котораго вышелъ. По времени выходило, что онъ успѣлъ бы ужъ разъ семь прочесть молитву, а, между тѣмъ, никто на крыльцѣ не показывался. Онъ началъ тревожиться. Наконецъ, вдругъ оглянувшись назадъ, онъ чуть не вздрогнулъ... Сердце стукнуло въ немъ... На подъѣздѣ показался мужикъ съ сѣдой бородой и тихо, не слѣша, направился черезъ дворъ въ крѣпостныя ворота.

Молодой человѣкъ хотѣлъ продолжать болтать съ рабочими, но не могъ... Языкъ его не слушался... Волненіе, его охватившее, было настолько сильно, что онъ, казалось, готовъ былъ сѣсть на землю, чувствуя, что ноги его дрожатъ.

Черезъ минуту появился въ концѣ двора Игнатъ съ ковшикомъ.

— Ну, спасибо, старина, — сказалъ Львовъ, выпивъ весь квасъ. — Ключи-то не растерялъ въ подвалѣ?

— Какъ можно! — отозвался старикъ. — А все таки съ ними было не повадливо тамъ! — усмѣхнулся онъ.

— Ну, прощай, старина! Черезъ недѣлю буду опять, — сказалъ Львовъ и прибавилъ, обращаясь къ рабочимъ: — Богъ помочъ вамъ, ребята! Работай!

И, сѣвъ на свою лошадь, которую держалъ конюхъ, онъ двинулся за ворота. Часовые отдали ему честь. Онъ выѣхалъ на пустырь. Невдалекѣ, на дорогѣ, среди голаго поля, стояла фигура молодого парня и при видѣ его стала разводить руками по воздуху. Это былъ условленный знакъ, что тулупъ и сапоги уже переданы по назначенію, и, стало быть, отецъ въ полномъ платьѣ и въ обуви уже зашагалъ по дорогѣ.

Львовъ припустилъ коня шибкой рысью и вскорѣ нагналъ старика мужика.

— Ну, вотъ, и милостивъ Господь! — закричалъ онъ, осаживая лошадь. — Но все-таки, батюшка, скорѣй! Коли можешь, рысцой иди и, вотъ, все прямо. Спрашивай у прохожихъ... коли собьешься. Въ деревушкѣ третья изба налѣво.

— Знаю, знаю!..—восторженно, со слезами на глазах отвѣтил Павелъ Константиновичъ.

Невдалекѣ показались дрожки съ какимъ-то военнымъ. Львовъ пришпорилъ коня и тотчасъ отскочилъ отъ пѣшехода мужика.

Въ дрожкахъ оказался одинъ изъ адъютантовъ генерала Ушакова. Раскланявшись, онъ крикнулъ что-то «Зиммеру», но тототъ сдѣлалъ видъ, что не видитъ и не слышитъ, и, поклонившись, промчался мимо. Но онъ невольно оглядывался и ждалъ, какъ проѣзжій минуетъ старика-крестьянина, который плетется по дорогѣ. И, вотъ, дрожки повстрѣчались ему и промчались дальше... И на душѣ сына стало легко.

— Слава Богу! Слава Богу!—воскликнулъ онъ. Завтра будетъ въ слободкѣ, а послѣ нея «на слободѣ», какъ говоритъ народъ.

И, давъ ходъ коню, онъ уже понесся шибкой рысью по большой ровной дорогѣ.

Въ первой же деревушкѣ, верстахъ въ пяти отъ крѣпости, Львовъ остановился у одной избы и спросилъ:

— Былъ-ли Демьянычъ?

Рослый мужикъ, стоявшій у воротъ, поклонился, снялъ шапку и отвѣтилъ, что Демьянычъ еще не бывалъ. Львовъ строго заговорилъ:

— Ну, какъ придетъ, дай ему вздохнуть, а тамъ сажай и вези..! И прямо въ Питеръ, въ Казачью слободку. Спрашивай избу, гдѣ стоитъ барышня Макарова. Ей и сдай старика.

— Ладно, ладно. Будьте благонадежны. Мы это все отъ васъ который-то разъ слышимъ. Немудреное что... Все въ порядкѣ будетъ, лишь бы старый пришелъ.

— Сегодня, по-моему, долженъ быть!—сказалъ Львовъ.—А не придетъ, обманеть, я другого раздобуду себѣ. Вездѣ маляры есть. Придетъ коли завтра, то и не вези. Вотъ что! Скажи, что я, прождавши, осерчалъ и другого нашелъ. Такъ и скажи. Впрочемъ, думается мнѣ, что сегодня будетъ къ тебѣ.

Молодой человѣкъ пришпорилъ лошадь и двинулся далѣе...

— Да. Не умѣю я хитрить,—ворчалъ онъ себѣ подъ носъ.— Все у меня—шило въ мѣшкѣ выходитъ. Да, авось, Богъ милостивъ. Благо, всякое удивительное никого не дивить. Глупъ народъ, да и довѣрчивъ: что Игнатъ, что этотъ, что мужики въ Казачьей слободкѣ—всѣ вѣрятъ, и никому въ голову не приходитъ, что изъ мѣшка шило торчитъ.

XXV.

Прошло два дня, и Львовъ былъ спокоенъ, узнавъ, что отецъ уже на мѣстѣ, встрѣтился съ дочерью и не вѣритъ счастью своему. Однако, навѣстить тотчасъ «Макаровыхъ» въ слободкѣ онъ опасался, ожидая, что его вызоветъ Шварцъ.

Въ канцелярію уже пріѣхалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что арестантъ Львовъ бѣжалъ изъ крѣпости Шлиссельбургской.

Всѣ подивились, что старикъ Львовъ теперь бѣжалъ точно такъ же, какъ когда-то бѣжалъ и его сынъ.

«Г. Зиммеръ» былъ изумленъ болѣе всѣхъ и объяснилъ Лаксу и другимъ чиновникамъ канцеляріи, что онъ еще третьяго дня, будучи въ крѣпости, допрашивалъ Львова.

Разумѣется, «Зиммеръ» заявилъ, что на утро отправится въ Шлиссельбургъ, произвести строжайшее слѣдствіе о бѣгствѣ арестанта.

— А скажите, г. Зиммеръ, — спросилъ вдругъ Лаксъ, — вы, кажется, по приказанію его превосходительства должны заняться еще дѣломъ офицера Коптева, который упустилъ молодого Львова? Скажите, вы его допрашивали?

— Нѣтъ еще... отвѣтилъ Львовъ, смущаясь.

— Отчего же? — страннымъ голосомъ спросилъ Лаксъ.

Львовъ хотѣлъ отвѣчать, но появился писарь и доложилъ, что начальникъ требуетъ его къ себѣ. Онъ двинулся смѣло...

Дежурный чиновникъ, увидя его, остановилъ его и передалъ ему приказаніе подождать.

Это показалось Львову сомнительнымъ. Обыкновенно, когда онъ являлся по вызову Шварца, то прямо проходилъ въ его кабинетъ, не дожидаясь очереди. Теперь же ему приходилось изображать изъ себя такого же просителя, какими всегда была полна пріемная.

Едва только вошелъ онъ въ пріемную и сѣлъ въ углу, смущаясь и волнуясь, какъ растворились двери, и въ нихъ показался тотъ же Коптевъ въ сопровожденіи солдата, который сталъ въ дверяхъ. Львовъ перемѣнился въ лицѣ, и сердце застучало въ немъ молотомъ. Онъ тотчасъ же невольно отвернулся, но укрыться отъ Коптева не было никакой возможности. Можно было только сѣсть бокомъ къ нему.

Прошло нѣсколько минутъ. Львовъ невольно скосилъ глаза, глянулъ на Коптева и увидѣлъ, что тотъ пристально смотритъ

на него и смотреть странно. Очевидно, что онъ узналъ его. А между тѣмъ офицеръ какъ-будто нисколько не удивленъ, какъ-будто онъ заранѣе, еще наканунѣ или нѣсколько дней тому назадъ уже зналъ, что Львовъ не только въ Петербургѣ, но что онъ встрѣтитъ его, и именно здѣсь встрѣтитъ!

Совершенно пораженный, понимая отлично, что погибъ, что сегодня же вечеромъ онъ будетъ подъ арестомъ, а черезъ день—и въ застѣнкѣ, Львовъ совершенно потерялся. Если бы въ эту минуту Шварцъ вызвалъ его къ себѣ, то одинъ его видъ предалъ бы его. Но прошло много времени. Львовъ видѣлъ смутно, какъ во снѣ, какъ нѣкоторые лица входили въ дверь кабинета и выходили, и приѣмная все пустѣла... Наконецъ, осталось не болѣе десятка лицъ.

Онъ успѣлъ, однако, успокоиться, нѣсколько пріободриться. У него явилось соображеніе, что доказать, кто онъ — невозможно. Коптевъ будетъ говорить, что онъ — Львовъ, а онъ будетъ говорить, что онъ — Зиммеръ. Но, вѣдь, онъ — близкій человѣкъ къ Шварцу и полезный, нѣсколько разъ оказавшій ему нѣсколько очень важныхъ услугъ, искусно исполнившій много его порученій.

Наконецъ, чиновникъ, стоявшій у дверей, пропустивъ кого-то изъ кабинета, вышелъ тотчасъ же и обернулся къ Львову со словами:

— Г. Зиммеръ, пожалуйста!

Молодой человѣкъ, какъ часто бываетъ у людей рѣшительныхъ, умѣющихъ владѣть собой, сразу сталъ спокойнѣе. Лицо его стало почти веселымъ, улыбающимся, беззаботно-довольнымъ. И онъ твердымъ шагомъ вошелъ въ кабинетъ начальника.

— А? Мой милый Генрихъ!—встрѣтилъ его Шварцъ.—Подойдите!

И когда Львовъ былъ у самаго стола, Шварцъ, весело улыбаясь, спросилъ, будто заигрывая:

— Я имѣю свѣдѣніе, что вы еще не исполнили мое порученіе. Вы еще не занялись дѣломъ офицера Коптева и его не допрашивали. Такъ, вѣдь?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я все время былъ занятъ тѣмъ, что...

— Хорошо...—перебилъ Шварцъ.—Ну-съ? Видѣли вы тутъ, въ приѣмной, офицера?

— Видѣлъ,—отвѣтилъ Львовъ, слегка робѣя.

— Знаете вы—кто это?

— Нѣтъ-съ...

— Совсѣмъ не знаете?

— Совсѣмъ не знаю...

— Никогда его не видали?

— Никогда не видалъ-съ!—твердо произнесъ Львовъ.

— Ну, и я такъ думаю, милый Генрихъ! Да, повторяю, и я вашего мнѣнія. Иначе говоря, вѣрю вамъ. Но, видите ли, какое любопытное обстоятельство! Wunderbar! Этотъ офицеръ—Коптевъ.

— Коптевъ?!—удивленно произнесъ Львовъ.

— Да. Это—Коптевъ... И, вдобавокъ, Коптевъ говорящій, что онъ васъ хорошо знаетъ... Что вы на это скажете?

— Странно!—отозвался Львовъ, пожимая плечами.—Я его еще не допрашивалъ. Вѣроятно, ему меня во дворѣ кто-нибудь показалъ и назвалъ.

— Вы меня не поняли. Коптевъ не по фамиліи лишь васъ знаетъ. Онъ говоритъ, что онъ съ вами давно знакомъ. И хотя это очень странно... Но это еще не все. Это—пустяки... Онъ говоритъ...

Шварцъ разсмѣялся.

— Знаете-ли вы, Генрихъ, что онъ говоритъ? Ужъ, конечно, не догадываетесь! Онъ говоритъ, во-первыхъ, что вы—не Зиммеръ,—что вы—не нѣмецъ, а чистокровный русскій... Что вы на это скажете?

Львовъ, будто предчувствовавшій подобное заявленіе и какъ-бы вдругъ приобрѣтя способность комедіанствовать, изобразилъ крайнее удивленіе вытаращенными глазами и открытымъ ртомъ; потомъ онъ развелъ шутиливо руками предъ столомъ.

— Да, онъ говоритъ, что вы—не Зиммеръ. А, во-вторыхъ, онъ говоритъ, что вы—Львовъ...

— Какъ Львовъ?!—вскрикнулъ этотъ.

— Да такъ! Что вы—Львовъ,—тотъ самый Львовъ, который бѣжалъ у него въ дорогъ. Ну-съ, что вы скажете?

— Ничего не могу сказать, ваше превосходительство! Все это—такая чепуха, такой вздоръ, что на это нельзя ничего отвѣчать. Послѣ этого ему остается только заявить, что я—самъ кабинетъ-министръ Волинскій, воскресшій изъ мертвыхъ.

Шутка очень понравилась Шварцу, и онъ разсмѣялся весело и раскатисто.

— Согласенъ съ вами, Генрихъ, но прибавлю, что все это я пошутилъ. Ничего этого самъ офицеръ Коптевъ никогда не

говорилъ. Все это сочинили ваши враги! И, вотъ, сію минуту мы вашихъ враговъ присраимъ самымъ простымъ образомъ.

Шварцъ крикнулъ дежурнаго чиновника и приказалъ просить къ себѣ сейчасъ же Лакса.

— А когда онъ явится, то вмѣстѣ съ нимъ введите и офицера Коптева!

Чиновникъ исчезъ. Шварцъ молчалъ и, задумавшись, глядѣлъ на бумагу. Львовъ снова перемѣнился въ лицѣ, понимая, что сейчасъ произойдетъ, и второй припадокъ, но уже сильнѣйшій,—страха и отчаянія—заставилъ его поблѣднѣть... Даже руки его, опущенныя вдоль туловища, слегка дрожали.

«Конецъ... конецъ!...»—повторялъ онъ про себя.

Если бы въ эту минуту Шварцъ не былъ занятъ чтеніемъ какой-то толстой тетради, то, конечно, одинъ видъ Львова сказалъ бы ему все.

Сколько прошло времени, Львовъ не помнилъ, но, наконецъ, дверь отворилась, и появился Лаксъ, веселый, улыбающійся, довольный. Онъ приблизился тоже къ столу.

Шварцъ поднялъ голову и сухо сказалъ:

— Здравствуйте!

Переведя глаза на Львова, онъ замѣтилъ въ немъ перемѣну и уставился на него своими пронизательными глазами.

— Вы волнуетесь, Генрихъ? Вы стали какъ-будто блѣднѣе...

— Можетъ быть!—отозвался Львовъ.—Подобнаго рода обстоятельства заставляютъ всякаго смутиться. Долго-ли всякаго чловѣка сдѣлать самымъ отчаяннымъ преступникомъ... на словахъ!

— Успокойтесь! Не въ моихъ глазахъ. Сію секунду правда сдѣлается правдой, а ложь сдѣлается ложью. Путаницы никакой не будетъ. Введите офицера Коптева!—прибавилъ Шварцъ, обращаясь къ чиновнику.

И Львовъ, вмѣсто того, чтобы окончательно оробѣть, потерять разумъ отъ отчаянія, почувствовалъ въ себѣ приливъ необычайной рѣшимости или необычайной дерзости.

«Все равно погибать!»—думалъ онъ.—«По крайней мѣрѣ, буду дерзко бороться, если не оружіемъ, то разумомъ!»

Но сердце стучало сильно, а кровь прилиwała къ головѣ.

«Неужели сейчасъ конецъ всему?»—спрашивалъ онъ у себя самого мысленно.

Въ дверяхъ появился Коптевъ, и Львовъ удивился, замѣтя, что офицеръ входитъ какъ-то особенно робко, будто на осужденіе.

— Подойдите!—выговорилъ Шварцъ свое обычное слово.

Офицеръ приблизился къ самому столу. Шварцъ своими маленькими глазками странно, будто ехидно улыбаясь, сталъ глядѣть на всѣхъ трехъ въ рядъ стоящихъ лицъ. Львовъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, Лаксъ стоялъ въ срединѣ стола, а приближившійся Коптевъ сталъ у противоположнаго лѣваго угла.

— Вы заявляли, г. офицеръ, по прибытіи въ Петербургъ, что найти бѣжавшаго Львова въ предѣлахъ его вотчины нѣтъ никакой возможности, такъ какъ онъ находится гдѣ-то далеко, быть можетъ, даже въ самой столицѣ. Правда-ли это?

— Одно лишь предположеніе заставило меня это сказать!—отозвался офицеръ.—Могу-ли я навѣрно знать, что Львовъ въ Петербургѣ? Я знаю вѣрно только то, что около Жиздры его нѣтъ и не было.

— Ну-съ, а теперь что вы думаете?—усмѣхнулся Шварцъ. Коптевъ молчалъ.

— Что же вы ничего не говорите?

— Простите, ваше превосходительство,—отвѣтилъ офицеръ, опустивъ глаза,—я не понимаю, что вамъ угодно?

— Я спрашиваю у васъ, думаете-ли вы теперь, что Львовъ въ Петербургѣ?

— Не знаю...—тихо отвѣтилъ этотъ.

— Не знаете?—усмѣхнулся Шварцъ.

— Какъ не знаете?! воскликнулъ вдругъ Лаксъ такъ громко, что начальникъ строго глянулъ на него и прибавилъ гнѣвно:

— Что вы кричите?!

— Виновать, ваше превосходительство!—отозвался Лаксъ.— Но я не понимаю... Можетъ быть, г. Коптевъ совсѣмъ близорукій человѣкъ, подъ носомъ ничего не видитъ?.

И, обернувшись къ офицеру, онъ прибавилъ:

— Вы близоруки?

— Нѣтъ!—отозвался Коптевъ.

— Такъ тогда...

И Лаксъ протянулъ руку по направленію къ своему правому сосѣду.

— Позвольте, это—не ваше дѣло!—выговорилъ Шварцъ сухо и, обратясь къ Коптеву, онъ прибавилъ:—Долго-ли Львовы находились подъ вашимъ конвоемъ?

— Дней девять или недѣлю,—не упомню, ваше превосходительство! Однимъ словомъ—отъ Новгорода до столицы. Двигались мы очень тихо на крестьянскихъ подводахъ.

— И вы хорошо знаете обоихъ Львовыхъ. Если бы увидели ихъ, то признали?

— Да-съ...—едва слышно отозвался Коптевъ.

— Если бы около васъ вдругъ очутился бѣглець или старикъ Львовъ, вы бы ихъ узнали?

— Да-съ...—снова такъ же отвѣтилъ офицеръ, не опуская глаза.

Наступило молчаніе... Шварцъ глядѣлъ на офицера и недоумѣвалъ. Ему казалось страннымъ, что такіе простые вопросы заставляютъ этого человѣка смущаться и терять самообладаніе. И, наконецъ, какъ-будто что-то сообразивъ про себя, Шварцъ выговорилъ:

— Я намѣренъ, г. офицеръ, показать вамъ бѣглеца Львова и просить васъ удостовѣрить, что это именно онъ. Вамъ будетъ это, конечно, не трудно. Если же вы, ради какихъ-либо неизвѣстныхъ мнѣ побужденій, солжете и притворитесь, что не узнаете Львова, то вы будете немедленно преданы жесточайшей пыткѣ и все равно черезъ сутки, благодаря дыбѣ и огню, скажете правду. Итакъ, извольте сію минуту отвѣчать! Во-первыхъ, поднимите глаза! Вотъ такъ. Поглядите направо! Вотъ, на г. Зиммера поглядите! Видите вы его?

— Вижу-съ!

— Ну, какъ вы его находите? Красивый молодой человѣкъ?

— Да-съ!—отозвался снова едва слышно Коптевъ.

— Ну-съ, отвѣчайте тотчасъ же и рѣшите свою собственную судьбу: быть вамъ живому или послѣ пытки быть черезъ два-три дня на томъ стѣтѣ! Отвѣчайте мнѣ: этотъ Зиммеръ—не Львовъ, бѣжавшій отъ васъ въ дорогѣ?

Прошло нѣсколько секундъ молчанія, и Коптевъ выговорилъ тихо:

— Нѣтъ!..

— Что—нѣтъ?! Говорите прямо, яснѣе.

— Не понимаю...—пробурчалъ Коптевъ.

— Чего вы не понимаете?—воскликнулъ Шварцъ.—Я васъ толкомъ спрашиваю, дѣйствительно-ли г. Зиммеръ есть названецъ, облыжно назвавшій себя чужой фамиліей—Зиммеромъ, а въ дѣйствительности онъ—тотъ самый Львовъ, который бѣжалъ у васъ изъ-подъ конвоя? Понимаете вы?..

Коптевъ замоталъ головой.

— Такъ этотъ Зиммеръ—не Львовъ?—вскрикнулъ Лаксъ.

— Нѣтъ!..—твердо отвѣтилъ Коптевъ.

Лаксъ двинулся, и у него невольно вырвалось:

— Что же это?!

— Что это?!—вскинулся вдругъ на него Шварцъ.—А это—клеветничество! Это—соперничество, доводящее людей до мерзкихъ и подлыхъ поступковъ! Извольте выйти вонъ!..

И такъ какъ этотъ, совершенно потерявшись, продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ передъ столомъ, то Шварцъ вскрикнулъ уже гнѣвно:

— Убирайтесь вонъ, или я васъ велю вывести!

Лаксъ робко и виновато вышелъ.

Затѣмъ Шварцъ обернулся къ Коптеву.

— А васъ я прикажу тотчасъ освободить. Васъ тоже всячески оболгали, чтобы... не знаю, зачѣмъ. Въ бабьихъ дрязгахъ и умный человѣкъ запутается пуще, чѣмъ въ важномъ дѣлѣ. Вы поступили честно, правдиво. Другой на вашемъ мѣстѣ могъ совсѣмъ запутать дѣло.

И, обратясь къ своему любимцу, Шварцъ заговорилъ мягче:

— Вы, надѣюсь, поняли, въ чемъ дѣло, мой милый Генрихъ? Дѣло и мудреное, и простое. Ваши враги, которыхъ вы себѣ здѣсь нажили совершенно безвинно, хотѣли васъ погубить... и потому только, что васъ полюбила молодая дѣвушка, которая вамъ не по сердцу, и у которой много поклонниковъ, ею изъ-за васъ отверженныхъ. Васъ оклеветали! Въ чемъ и какъ—вы, вѣроятно, сообразили. Но, конечно, совершенно достаточно свидѣтельства г. офицера, что все это—клевета. Впрочемъ, я и раньше былъ вполне увѣренъ, что все это—дерзкая комедія и нелѣпость.

И, обернувшись къ Коптеву, онъ прибавилъ:

— Ну, ступайте, завтра будете свободны.

Коптевъ двинулся и украдкой глянулъ на Львова. Молодой человѣкъ замѣтилъ крайне печальное выраженіе лица офицера.

Когда онъ вышелъ, Шварцъ приказалъ «Генриху» сѣсть на стулъ противъ себя и заговорилъ совершенно гнѣвнымъ голосомъ:

— Полюбуйтесь, что творится, и подумайте... Что это такое?! И безъ того, кажется, у насъ достаточно всякаго рода дѣлъ государственныхъ первѣйшей важности. Достаточно у насъ путаницы во всемъ! Сами мы знаемъ, что много безвинныхъ людей зря беремъ и зря осуждаемъ. А теперь близкіе люди

къ намъ, чего же лучше, моя собственная крестница—и та прибавляетъ мнѣ заботъ, тоже пустилась пугаться въ государственныя дѣла! Вѣдь, это она черезъ этого дурака Лакса и другихъ дошла якобы собственной догадкой, что вы, Генрихъ, названецъ, или, какъ говорится, облыжникъ. Вы—якобы Львовъ, назвавшійся полунѣмцемъ Зиммеромъ. И вы сами еще не знаете, не догадываетесь, что могло произойти? Могло произойти самое ужасное, несправедливое дѣло! Офицеръ Коптевъ находится въ положеніи человѣка, который не нынче—завтра долженъ быть судимъ и сосланъ за то, что изъ-подъ его охраны бѣжалъ арестантъ. Онъ вызвался искать его и, разумѣется, найти не можетъ и не найдетъ. Его спасеніе было-бы найти этого Львова, хотя-бы даже и не настоящего... И что же вдругъ? Ему здѣсь охотники до чужихъ дѣлъ подготовили фальшиваго Львова. И теперь, нѣсколько минутъ назадъ, въ этой самой комнатѣ Коптевъ могъ бы единымъ словомъ, при помощи нѣкотораго криводушія, спасти себя отъ строгаго наказанія: ему стоило только сказать, что вы—Львовъ. А что стали бы вы дѣлать противъ свидѣтельства нѣсколькихъ человѣкъ? Пока бы дѣло разъяснилось, вы все-таки просидѣли бы въ крѣпости. Ну, теперь я васъ прошу отправиться прямо къ г-жѣ Кнаусъ, повидать крестницу и сказать ей отъ моего имени, что ей да будетъ стыдно! Скажите, что я васъ прислалъ и черезъ васъ прошу болѣе ни на кого не клеветать, важныхъ дѣлъ не сочинять и меня ими не обременять; отъ праздности-ли, или ревности, или досады дѣйствовала она—мнѣ все равно! Скажите, что я, во всякомъ случаѣ, на нее сердитъ. Что касается Лакса, то я его только потому не прогоню изъ канцеляріи, что онъ дѣйствовалъ не самостоятельно: его подбила Тора, а онъ, съ ума сходящій отъ нея, конечно, по ея приказанію рѣшается на всякій вздоръ. Ну, вотъ... Ступайте! Надѣюсь, что во второй разъ такой комедіи не только съ вами, но и ни съ кѣмъ другимъ въ стѣнахъ этой комнаты не произойдетъ. Вы правы, говоря, что въ такіе дни, какіе мы переживаемъ, разные языки, разные доносчики могутъ изъ служащаго въ канцеляріи сдѣлать воскресшаго кабинетъ-министра Волинскаго; могутъ про меня донести герцогу, что я—не кто иной, какъ тайный агентъ турецкаго султана или бывшій великій визирь.

Шварцъ сухо разсмѣялся и кивнулъ головой.

Львовъ вышелъ изъ комнаты и не пошелъ, а почти побѣжалъ черезъ всѣ остальные. Будучи уже среди двора и шагая такъ,

какъ если бы спѣшили по важнѣйшему дѣлу, онъ уже не думалъ, а вслухъ повторялъ:

— Что же это?! Почему онъ сказалъ это? Что его заставило?.. Вотъ ужъ понять совершенно невозможно...

Разумѣется, Львову страшно хотѣлось повидаться съ Коптевымъ тотчасъ же, такъ какъ онъ имѣлъ право бывать въ камерахъ всѣхъ заключенныхъ. Но это было опасно... Онъ рѣшился ждать.

XXVI.

Ждать долго не пришлось. Шварцъ сдержалъ свое обѣщаніе, и на третій день послѣ очной ставки офицера съ «Зиммеромъ» онъ приказалъ его освободить.

Шварцъ былъ пораженъ добросовѣстностью молодого чловека, который, имѣя возможность признать Зиммера якобы Львовымъ, могъ затануть свое дѣло, свое осужденіе. И онъ не пошелъ на это.

Разумѣется, никто иной, какъ Лаксъ, разыскалъ солдата, бывшаго въ конвоѣ Коптева, и этотъ солдатъ заявилъ, что, дѣйствительно, господинъ Зиммеръ—«живой бѣгунъ Львовъ». Одновременно офицеръ, по доносу Жугута изъ Калужской губерніи, былъ вытребованъ и доставленъ въ столицу. Лаксъ рассчитывалъ, что Коптевъ будетъ счастливъ, вдругъ накрывъ своего бѣглеца. Онъ рѣшилъ, сообщая съ Торой, заявить Шварцу, что его любимецъ Зиммеръ—названецъ, и что это якобы уже заявилъ самъ Коптевъ, что и подтвердить, конечно, при очной ставкѣ. Лаксу хотѣлось устроить поразительный, театральннй эффектъ, не предупреждая ни «Зиммера» о подозрѣніи, на немъ лежащемъ, ни Коптева—о сюрпризѣ, который его ожидаетъ—быть спасеннымъ.

Вышло же что-то невѣроятное! Шварцъ посмѣивался и даже хототалъ надъ сочинительствомъ Лакса и Кнаузовъ.

И вдругъ онъ оказался правъ.

Когда Лаксъ бросился къ солдату съ опросомъ, откуда онъ взялъ свою выдумку и заявилъ, что самъ офицеръ не призналъ Зиммера Львовымъ, то солдатъ тотчасъ струхнулъ и повинился, говоря:

— Стало, выходить, я обшибся!

И всѣ козни Лакса не только рухнули, но онъ еще навлекъ на себя справедливый гнѣвъ своего начальника за нелѣпое, почти ребяческое сочинительство.

Между тѣмъ Львовъ, не вѣрившій очевидности, пораженный поистинѣ невѣроятнымъ поступкомъ Коптева, едва узнавъ объ его освобожденіи, тотчасъ бросился къ нему. Только одно наивное соображеніе останавливало его. Какъ итти благодарить Коптева и, стало быть, сознаться самому, что онъ именно—бѣжавшій Львовъ. А если офицеръ обманывается, забылъ его лицо и не признаетъ?.. Или, отлично признавъ, по какимъ-то своимъ соображеніямъ не хочетъ начинать борьбу съ любимцемъ всевластнаго Шварца. Можетъ быть, Коптевъ воображаетъ, что Шварцъ самъ знаетъ правду и скрываетъ ее. Тогда офицеръ, стало быть, явится обличителемъ самого Шварца. А это глупо, даже опасно!

Но, размысливъ хорошенько, Львовъ, конечно, пришелъ къ убѣжденію, что все это—бредни. Поступокъ Коптева основанъ на чемъ-нибудь иномъ. Надо итти къ нему благодарить и узнать все.

Черезъ нѣсколько часовъ по освобожденіи офицера Львовъ былъ уже у него на квартирѣ.

Коптевъ встрѣтилъ гостя съ печальной улыбкой и со словами, странными и загадочными:

— Я васъ ожидалъ къ себѣ, господинъ Зиммеръ. Но вы напрасно думаете, что я могу вамъ что-либо объяснить въ этомъ странномъ дѣлѣ. Вызванный къ г. Шварцу, я ничего не зналъ заранѣе и былъ удивленъ его вопросомъ такъ же, какъ и вы... Кто и съ какой стати выдумалъ эту басню, что вы—Львовъ, бѣжавшій у меня въ пути—я рѣшительно не понимаю. Даже сходства простого между Львовымъ и вами нѣтъ почти никакого. И такъ, не ждите отъ меня никакихъ разъясненій.

Львовъ, озадаченный этой рѣчью, окончательно не зналъ, что сказать, съ чего начать.

— Вы, вѣроятно, пришли у меня спросить,—началъ снова Коптевъ,—какъ у меня хватило дерзости заявить, что чиновникъ канцеляріи и довѣренное лицо г. Шварца—названецъ? Но я никогда никому этого не заявлялъ. Кто это сочинилъ, я не знаю. Все равно, я не знаю, кто на меня донесъ, что я, живя въ Жиздрѣ, около имѣнія Львовыхъ, якобы знаю и укрываю мѣстонахождение Петра Павловича Львова, потому что я—женехъ его сестры. Я, правда, глубоко, всѣмъ сердцемъ привязался къ молодой Софьѣ Павловнѣ, и она ко мнѣ благо-

волила, и при иныхъ обстоятельствахъ я, конечно, посватался бы...

Львовъ, долго не зная, что сказать, при этихъ словахъ Коптева не выдержалъ и по прямотѣ своего характера прекратилъ комедію сразу, однимъ словомъ.

— Виновата во всемъ Соня!—выговорилъ онъ горячо.— Если-бъ она повѣдала мнѣ, какъ брату, все искренно... Призналась, съ кѣмъ близко свелъ ее Господь... съ какимъ добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, тогда...

— А! Если сами вы такъ заговорили...—воскликнулъ Коптевъ,—если вы сами... Ну, да! Вы—Петръ Павловичъ Львовъ! Но... но поймите... я люблю вашу сестру... Полюбилъ поэтому васъ и вашего батюшку... Какъ же мнѣ губить брата той, которую я бы желалъ назвать моей женой?..

Львовъ, все понявшій, все-таки удивленно глядѣлъ на офицера.

«Какъ все спуталось»,—думалъ онъ.

— Но ничего этого не будетъ! Чуетъ мое сердце, что это—временная удача...— снова воскликнулъ Коптевъ.—А скоро все раскроется, и мы всѣ погибнемъ... всѣ!..

Разумѣется, молодые люди объяснились подробно, вполне искренно, и сразу стали друзьями.

Коптевъ, выѣхавшій изъ Жиздринскаго уѣзда въ столицу по приказанію изъ канцеляріи, покинулъ Соню Львову въ Караваевъ и считалъ, что дѣвушка и теперь въ вотчинѣ. Онъ не зналъ, что, вызванная братомъ, она чрезъ три дня, почти вслѣдъ за нимъ, тоже выѣхала.

Узнавъ, что дѣвушка въ Петербургѣ, Коптевъ сразу взволновался страшно и вдругъ бросился на шею къ Львову со словами:

— Я хочу съ ней видѣться.

— Конечно!—отозвался Львовъ.

— И скорѣе, скорѣе!.. Почему знать, можетъ быть, чрезъ дня два-три я опять буду въ казематѣ за обманъ, за ложь... Да и вы тоже погибнете... Намъ бы слѣдовало всѣмъ вмѣстѣ, всѣмъ четверымъ—бѣжать тотчасъ и безъ оглядки бѣжать въ Польшу.

— Да. Знаю. Обдумалъ я бѣгство наше всячески, —отвѣтилъ Львовъ какъ-то грустно,—и, конечно, намъ терять время нельзя. Сегодня ввечеру переговоримъ вмѣстѣ всѣ...

Разумѣется, въ тотъ же вечеръ двое всадниковъ въ простыхъ русскихъ платьяхъ шибоко вѣхали по темнымъ улицамъ столицы. Чрезъ часъ оба были въ Казачьей слободѣ и остановились у небольшой новой избы.

Здѣсь жилъ купецъ Макаровъ съ дочерью, недавно прибывшіе въ столицу по своимъ дѣламъ, но не имѣющіе средствъ жить въ самомъ городѣ.

Такъ думали обыватели слободки.

Встрѣча Коптева съ Соней, неожиданная молодыми людьми, была такова, что не только старикъ Павелъ Константиновичъ прослезился, но и у Петра Львова слезы навернулись на глаза.

Совѣщаніе стало семейнымъ совѣтомъ.

Времена и обстоятельства были не простыя, а лихія и лютыя. Нынче живъ и здоровъ, а завтра, быть можетъ, и головы на плечахъ не будетъ.

Немудрено, что Соня стала въ глазахъ старика отца нареченной невѣстой Коптева сразу, въ нѣсколько минутъ. Къ тому же этотъ молодой человекъ, любимый дочерью, только что спасъ его сына цѣною собственной гибели.

Все было просто, желательно, но мудрено и печально. Прежде всего надо было рѣшить главный вопросъ: когда, какъ и куда спастись?!

Вопросъ, не менѣе важный, былъ уже благополучно рѣшенъ, а именно: чѣмъ жить на чужбинѣ?

Бурцевъ общалъ молодому Львову, что отстоятъ опись имущества и конфискацію въ казну Караваева. Цесаревна общала ему попросить самого герцога, въ виду бѣгства двухъ Львовыхъ и исчезновенія молодой Львовой, не обижать ни въ чемъ неповинную Брянцеву и позволить ей наследовать.

Разумѣется, Анна Константиновна поступить честно. Она будетъ знать, гдѣ они всѣ обрѣтаются, и будетъ посылать имъ съ тайными гонцами разъ, два въ годъ доходы съ ихъ имѣнія.

Изъ всѣхъ четверыхъ одинъ Петръ былъ того мнѣнія, что можно обождать съ бѣгствомъ. Онъ былъ увѣренъ, что несмотря на вражду и происки Лакса и семьи Кнаузовъ, положеніе его неопасно. Послѣ удостовѣренія Коптева Шварцъ никому не повѣритъ вновь, что якобы его Генрихъ Зиммеръ—хитрый и дерзкій названецъ, его обманывающій самымъ нахальнымъ образомъ.

Разумѣется, никто, ни отецъ, ни сестра, не знали, что руководить Петромъ въ его желаніи отсрочить отъѣздъ изъ столицы, да и самъ онъ наивно не сознавался и себѣ самому, что было тому причиною.

А это была мысль объ Лизѣ Бурцевой.

Если-бъ она одна или съ отцомъ присоединились къ этому добровольному изгнанію, то Петръ тотчасъ же сталъ бы собираться, не рискуя продолжать именоваться Зиммеромъ и вертѣться около тѣхъ самыхъ лицъ, которыя имѣли власть въ одинъ день запытать его до смерти, а то и прямо присудить къ казни.

Съ этого дня почти всякій день двое всадниковъ и вмѣстѣ, и порознь пріѣзжали въ Казачью слободку къ Макаровымъ, но всегда поздно вечеромъ, и возвращались въ столицу далеко за полночь.

XXVII.

Наступилъ октябрь. Уже раза два выпадалъ снѣгъ и снова сходилъ.

Въ столицѣ было какъ-то особенно тихо, будто все замерло. Уныніе и боязнь, вмѣстѣ, заставили обывателей притихнуть. И было отчего!..

За послѣдніе два года императрица постоянно хворала. У нея была подагра, которая все усиливалась, и иногда отъ припадковъ болѣзни она сильно страдала. За годъ назадъ болѣзнь осложнилась, и появились новыя страданія отъ каменной болѣзни. Къ этому примѣшалось еще и нравственное угнетеніе: императрица была поражена гибелью близкаго ей человѣка Вольнскаго и продолжала раскаиваться и упрекать себя въ томъ, что уступила другому любимцу—Бирону.

Появленіе новой болѣзни и жестокихъ припадковъ заставили ее тотчасъ же рѣшить насущный вопросъ государственной важности. У нея не было наслѣдника престола. Уже давно жила при ея дворѣ родная племянница, дочь герцогини Мекленбургской. Она взяла ее къ себѣ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее наслѣдницей престола или же, выдавъ замужъ, объявить наслѣдникомъ будущаго внука.

Еще семь лѣтъ тому назадъ, когда принцесса была только дѣвочкой, императрица выбрала ей жениха принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго. Принцъ прибылъ въ Россію тотчасъ же и былъ при дворѣ. Предполагали, что бракъ будетъ заключенъ, какъ только принцессѣ минетъ лѣтъ пятнадцать-шест-

надцать. Но, къ удивленію всѣхъ, дѣло о бракосочетаніи, имѣвшемъ въ данномъ случаѣ государственное значеніе, все затягивалось.

Вельможи, сановники и весь дворъ, гадая, недоумѣвая, пришли, наконецъ, къ подозрѣнію, а затѣмъ и къ полному убѣжденію, что бракосочетаніе отлагается вслѣдствіе всякихъ происковъ и совѣтовъ Бирона.

Герцогъ возмечталъ женить на будущей наслѣдницѣ престола своего собственнаго сына.

Однако, за годъ назадъ обострившаяся болѣзнь императрицы настолько смутила ее, что по совѣту разныхъ близкихъ лицъ, отчасти непріязненно расположенныхъ къ Бирону, бракъ принцессы Анны былъ рѣшенъ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ пышно и блестяще отпразднованъ.

Въ этомъ году, въ августѣ, когда болѣзнь императрицы вдругъ усилилась, произошло событіе, имѣвшее огромное значеніе. У принцессы Анны родился ребенокъ-мальчикъ. Появленіе на свѣтъ мальчика и, стало быть, настоящаго наслѣдника престола, такъ подѣйствовало на императрицу, что она временно казалась совершенно выздоровѣвшей. При крещеніи ребенокъ былъ названъ въ честь отца императрицы Іоанномъ.

Это было въ концѣ августа. Теперь, въ первыхъ числахъ октября, императрица вдругъ почувствовала себя хуже, чѣмъ когда-либо...

Наконецъ, шестого октября за обѣдомъ, съ ней сдѣлалось дурно, и ее безъ чувствъ унесли въ спальню и положили на постель. И ей уже не суждено было подняться. Ежедневно ей становилось все хуже.

Смущеніе, овладѣвшее всѣми въ Петербургѣ, уже постепенно распространялось и далѣе—въ Москву и въ провинціи. Наслѣдникъ престола—двухмѣсячный ребенокъ! Его отецъ и мать—чуждые Россіи принцы! такіе же нѣмцы чистокровные!

Лежа въ постели и не имѣя возможности подняться, Анна Іоанновна все-таки не сознавала опасности, и все, о чемъ докладывали ей высшіе сановники, о серьезности ея положенія, она принимала съ гнѣвомъ и раздражалась, говоря, что не собирается вовсе умирать. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней ее убѣдили составить актъ о престолонаслѣдіи и объявить младенца Іоанна наслѣдникомъ престола.

Черезъ нѣсколько дней весь Петербургъ, вся гвардія присягнули будущему императору Іоанну VI, но вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ вопросъ: кто же будетъ править Россіей? И вокругъ по-

стели умирающей началась ожесточенная борьба, начались козни, интриги, соперничества, цѣлая буря...

Биронъ, когда-то сломившій сопротивление императрицы и заставившій ее согласиться на казнь Волынскаго, теперь напрасно старался сломить ее волю и убѣдить, чтобы она назначила его всевластнымъ регентомъ государства. И онъ началъ дѣйствовать энергичнѣе, пользуясь раболѣпьемъ и слабодушиемъ всѣхъ окружающихъ.

Прежде всего онъ заручился согласіемъ первыхъ вельможъ двора, вліятельныхъ лицъ, графа Остермана, князя Черкаскаго, графа Левенвольда и, наконецъ, энергичнаго графа Миниха.

Императрица, несмотря на увѣщаніе всѣхъ этихъ лицъ, стояла на своемъ и, наконецъ, однажды сказала Бирону:

— Желая быть регентомъ Россіи, ты ищешь свою погибель!

Не зная, что предпринять, герцогъ дошелъ до послѣдней крайности. Онъ сталъ уговаривать самое принцессу Анну Леопольдовну и ее мужа, чтобы они просили о назначеніи его регентомъ. Принцесса отказалась наотрѣзъ, говоря, что, съ одной стороны, считаетъ положеніе тетки якобы неопаснымъ, а съ другой—не желаетъ вліять на нее, привыкши повиноваться ей во всемъ. Однимъ словомъ, принцесса Анна искусно отстояла себя въ ограниченіи ее права.

Однако, лукавый Остерманъ, видя кругомъ однихъ льстецовъ, считая Бирона единственнымъ энергическимъ человѣкомъ, рѣшился дѣйствовать упорнѣе и, по крайней мѣрѣ, обезпечить свое положеніе въ будущемъ. Полновластный регентъ — думалось ему—не забудетъ его услуги, будетъ его другомъ и при его регентствѣ онъ—Остерманъ, можетъ играть вторую роль въ имперіи.

Такъ какъ положеніе императрицы все ухудшалось, и она уже лежала по цѣлымъ часамъ въ полусознаніи, то Остерманъ написалъ и подалъ ей манифестъ о назначеніи герцога Бирона регентомъ надъ младенцемъ-императоромъ до его семнадцатилѣтняго возраста. Императрица, взявъ изъ рукъ Остермана бумагу, вымолвила только:

— Я просмотрю!—и положила бумагу подъ подушку.

И только черезъ три-четыре дня оказалось, что она подписала ее... Когда и кѣмъ побуждаемая—осталось неизвѣстнымъ. Ненавистники герцога увѣряли даже, что онъ самъ, поддѣлаваясь подъ руку императрицы, подписалъ бумагу. Тѣмъ не менѣе герцогъ немедленно объявилъ Миниху и другимъ, что, по-

мимо воли императрицы, онъ желалъ-бы имѣть оффиціальное согласіе на свое регентство всѣхъ высшихъ сановниковъ Петербурга.

И таковыхъ нашлось болѣе пятидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ отчаянныхъ его ненавистниковъ, которые изъ трусости явились цѣлой депутаціей и просили его спасти Россію и принять званіе регента.

Черезъ два дня императрица, лежавшая безъ сознанія, пришла въ себя и, вѣроятно, уже примирившись съ мыслью о смерти, приказала созвать всѣхъ, чтобы проститься. Съ шестнадцатаго на семнадцатое октября всѣ высшіе сановники и весь дворъ ночевали во дворцѣ, т. е. оставались всю ночь, сидя и перешептываясь въ разныхъ аппаратахъ.

Семнадцатаго государыня исповѣдывалась и причастилась, затѣмъ съ ней сдѣлался еще болѣе сильный припадокъ. Она уже никого не узнавала и признала только одного человѣка, на мгновеніе приблизившагося къ ея кровати, и вымолвила тихо:
— Прощай, Минихъ.

Въ девять часовъ вечера императрица скончалась.

На слѣдующее же утро первый человѣкъ въ имперіи, равно ненавистный всему Петербургу и прокливаемый всей Россіей, сталъ дивить всѣхъ своей любезностью и своей лаской. Созвавъ къ себѣ главнѣйшихъ сановниковъ, герцогъ Биронъ просилъ ихъ помочь ему въ его трудной задачѣ и просилъ во всякомъ дѣлѣ обращаться къ нему лично. Онъ заявилъ, что онъ—слуга имперіи и слуга всѣхъ желающихъ ея благоденствія.

Все, что помогало русскому кровопійцѣ изъ всевластнаго любимца императрицы сдѣлаться самому первымъ лицомъ, всевластнымъ въ имперіи, притихло, потерялось и какъ-бы само себя не вѣрило, чему помогло, не вѣрило тому, что случилось.

И на другой же день послѣ кончины императрицы система управления Бирона дала себя знать. Штатъ сыщиковъ и доносчиковъ былъ увеличенъ вчетверо, и съ первыхъ же дней началась расправа, начались аресты тѣхъ, кто казался регенту сомнительнымъ. А таковыми казались ему почти всѣ. Не было человѣка, котораго бы онъ не подозрѣвалъ. Только Остермана да Миниха считалъ онъ вѣрными себѣ помощниками. Всѣхъ остальныхъ онъ считалъ тайными врагами, готовыми его погубить, если бы не малодушіе и трусость.

XXVIII.

Однако, герцогъ-регентъ былъ отчасти правъ, принимая нѣкоторыя строгія полицейскія мѣры, такъ какъ въ столицѣ замѣчалось или, вѣрнѣе, чувствовалось какое-то подспудное волненіе, даже смятеніе. Все было тихо, но эта тишина черезчуръ походила на душное, мертвое затишье передъ бурей.

Въ Петербургѣ былъ одинъ сановникъ, особенно недружелюбно относившійся къ Бирону уже давно, съ первыхъ дней его появленія въ Россіи. Это былъ старикъ графъ Головкинъ, жена котораго приходилась двоюродной сестрой самой императрицѣ и теткой Аннѣ Леопольдовнѣ.

Только благодаря этому родству, несмотря на частыя жалобы Бирона, государыня постоянно защищала старика, убѣждая любимца, что враждебность ея дальняго родственника ограничивается бурчаніемъ на дому и даже въ спальнѣ, такъ какъ графъ Головкинъ—человѣкъ уже хилый, часто хворалъ и лежалъ въ постели.

Это родство съ царицей, а теперь родство съ Анной Леопольдовной, ограждало Головкина отъ всякихъ покушеній на него Бирона. Теперь, когда герцогъ сталъ вдругъ полновластнымъ и всемогущимъ рѣшителемъ судебъ всей имперіи, всѣ недовольные сгруппировались вокругъ Головкина.

Нѣкоторые были, какъ и онъ самъ, приверженцами принцессы и ея сына—императора, другіе были собственно приверженцами цесаревны, имѣвшей, по ихъ мнѣнію, больше правъ на престолъ, нежели младенецъ Іоаннъ. Но эти тоже группировались вокругъ Головкина, такъ какъ у обѣихъ партій былъ собственно одинъ общій врагъ—ненавистный нѣмецъ, облеченный теперь какъ бы императорскою властью.

Такимъ образомъ, старикъ Бурцевъ бывалъ тоже часто на вечернихъ сборищахъ у Головкина и однажды взялъ съ собой и своего новаго молодого друга—Зиммера-Львова. Появленіе молодого человѣка въ домъ графа Головкина сначала многихъ встревожило, на него косились, зная, что Зиммеръ—клеветръ Шварца, клеветра Бирона. Но послѣ нѣсколькихъ вечеровъ, проведенныхъ у Головкина, Зиммеръ доказалъ всѣмъ, что, несмотря на свою службу въ канцеляріи герцога, онъ все-таки по душѣ, по своимъ личнымъ убѣжденіямъ, можетъ скорѣй быть причтеннымъ къ приверженцамъ младенца-императора.

Только одинъ старикъ Бурцевъ зналъ, что если бы этому «Зиммеру» было дозволено высказаться искренно, по душѣ, то, конечно, онъ оказался бы горячимъ приверженцемъ цесаревны, какимъ онъ сталъ съ перваго же дня знакомства своего и дружбы съ нимъ, Бурцевымъ.

Однажды, когда еще не прошло недѣли со дня смерти императрицы и возвышенія герцога, у графа Головкина, какъ всегда, въ вечеру было многочисленное сборище. Явились и офицеры гвардіи, и состоящіе не у дѣлъ дворяне, и нѣкоторые придворные. Всѣ единодушно стали бесѣдовать о томъ, какъ избавить Россію отъ ненавистнаго регента.

Присутствіе на вечерѣ нѣсколькихъ лицъ, близкихъ самому принцу Брауншвейгскому, и, между прочимъ, присутствіе начальника его канцеляріи Грамматина еще болѣе воодушевляло всѣхъ. Между прочимъ, отъ Грамматина, считавшагося вмѣстѣ съ тѣмъ и любимцемъ принца, всѣ узнали, что принцъ и принцесса равно тяготятся регентствомъ, ненавидя герцога и молчатъ лишь изъ боязни. Регентъ, якобы ради пользы государственной, ради спокойствія и порядка во внутреннихъ и иностранныхъ дѣлахъ, способенъ и принца, и принцессу выслать въ Германію.

Въ этотъ вечеръ всѣ единогласно рѣшили начать тотчасъ дѣйствовать и просили совѣтовъ и указаній Головкина, просили его даже встать во главѣ движенія. Головкинъ, или изъ осторожности и страха за себя, или, дѣйствительно, по своей старости и хворости, объяснилъ, что, по его мнѣнію, они должны поступить такъ же, какъ было поступлено до прибытія Анны Іоанновны въ Петербургъ.

Тогда многіе сановники и дворянство, съ княземъ Черкасскимъ во главѣ, явились къ новой императрицѣ просить изорвать условія, подписанныя ею, и начать править по старому обычаю—самодержавно. Если князь Черкасскій былъ главаремъ тогдашняго движенія и важнаго событія, то и теперь, по мнѣнію Головкина, всѣ должны были обратиться къ нему же и просить князя стать во главѣ движенія.

Всѣ присутствующіе единодушно согласились, и только одинъ голосъ раздался противъ этого—голосъ Зиммера. Молодой человекъ объяснилъ, что, по его личному мнѣнію, по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія онъ имѣетъ, князь Черкасскій—близкое лицо, болѣе близкое, нежели думаютъ, къ герцогу-регенту. Онъ никогда не согласится на низверженіе его. Заявленіе молодого

человѣка было принято странно, его будто заподозрили сразу въ чемъ-то, хотя и не могли опредѣлить, въ чемъ. Въ лукавствѣ?

На другой же день почти всѣ, кто былъ вечеромъ у графа Головкина, за исключеніемъ какого-нибудь десятка лицъ и въ томъ числѣ Зиммера, всѣ рано утромъ явились какъ бы депутатами къ князю Черкасскому. Всѣ заявили о своей приверженности къ матери и отцу императора и желаніи, чтобы они были освобождены отъ власти, даже отъ гнета надъ ними регента. Всеобщее желаніе было видѣть племянницу покойной государыни и мать императора правительницею до его совершеннолѣтія.

Князь Черкасскій радушно принялъ всѣхъ, объяснился со всѣми и попросилъ отсрочки до вечера, ссылаясь на множество серьезныхъ дѣлъ. Всѣ разошлись и развѣхались съ тѣмъ, чтобы быть снова въ вечеру. Черкасскій же, проводивъ послѣдняго изъ гостей, тотчасъ же вывѣхалъ изъ дому и черезъ полчаса, сидя у регента, уже все дословно передалъ ему.

Ровно черезъ два часа послѣ этого всѣ до единого человѣка, бывшіе у князя со своимъ заявленіемъ, были арестованы. Вечеромъ всѣ уже были подвергнуты пыткамъ, не только ради признанія въ своей винѣ, но и ради того, чтобы вывѣдать имена другихъ сообщниковъ. И всякій, не стерпя пытки, оговорилъ еще нѣсколько лицъ.

Начальникъ канцеляріи принца превзошелъ всѣхъ. Грамматинъ не только назвалъ нѣсколько лицъ, сочувствовавшихъ ихъ замыслу, но открылъ и другой, болѣе серьезный заговоръ, въ которомъ участвовала масса офицеровъ семеновскаго полка, вслѣдствіе того, что принцъ Брауншвейгскій былъ въ немъ подполковникомъ.

Этотъ заговоръ, извѣстный, конечно, принцу, заключался въ томъ, чтобы среди ночи весь полкъ двинулся во дворецъ и захватилъ герцога, а затѣмъ и всѣхъ его приверженцевъ по всему городу.

Грамматинъ прибавилъ, что самымъ дѣятельнымъ его помощникомъ былъ капитанъ князь Путятинъ, а этотъ послѣдній, взятый въ свою очередь, на пыткахъ назвалъ по именамъ и всѣхъ другихъ своихъ товарищей по полку.

Въ манифестѣ о назначеніи герцога регентомъ была выражена непремѣнная воля императрицы, чтобы регентъ старался особливо уважать и всячески блюсти достоинство родителей

малолѣтняго императора и относился къ принцу Антону и къ принцессѣ Аннѣ съ должнымъ уваженіемъ, какъ къ членамъ императорской фамиліи.

Однако, герцогъ черезъ сутки вызвалъ къ себѣ принца Антона и при нѣсколькихъ десяткахъ сановниковъ и придворныхъ началъ выговаривать ему о его странномъ поведеніи. На цѣлую грозную рѣчь, настоящій выговоръ, принцъ не отвѣтилъ ни слова и только въ концѣ рѣчи, передвигаясь на одномъ мѣстѣ, машинально положилъ руку на эфесъ своей шпаги. Герцогъ, забывшись совершенно, въ пылу гнѣва принялъ это за намекъ и вскрикнулъ, что и подобнымъ образомъ онъ тоже готовъ потягаться съ принцемъ.

Въ тотъ же день вечеромъ онъ послалъ къ принцу близкаго человѣка, требуя, чтобы тотъ отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и, между прочимъ, отъ командованія гвардіей. И черезъ день отецъ императора былъ ничѣмъ, былъ почти частнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, даже не военнымъ.

Герцогъ, конечно, съ умысломъ поступалъ такъ, не ради того, что, дѣйствительно, опасался происковъ принца, а чтобы показать примѣръ всѣмъ другимъ. Всякій долженъ былъ разсудить, что, если регентъ не стѣсняется съ самимъ отцомъ императора, то что же будетъ со всякимъ простымъ человѣкомъ въ случаѣ какой-либо строптивости.

Впрочемъ, вѣрный другъ герцога, умный и энергичный фельдмаршалъ Минихъ, оправдывалъ строгость его и совѣтовалъ, не стѣсняясь, ограждать себя отъ всякихъ козней. Болѣе же всего совѣтовалъ Минихъ герцогу опасаться происковъ принца, который, конечно, долженъ втайнѣ мечтать и желать сдѣлаться регентомъ самому.

«Ласка и награды! Угрозы и ссылка! Вотъ два оружія, съ которыми всегда побѣдишь.»

Такъ думалъ герцогъ.

И онъ старался «закупить» врага, когда видѣлъ, что это возможно. Когда это не дѣйствовало, онъ отдавалъ приказъ объ арестѣ...

XXIX.

На третій день послѣ вечера у графа Головкина, рано утромъ, Львовъ, собирався въ канцелярію, увидѣлъ вдругъ въ своей квартирѣ офицера съ двумя солдатами. Цѣль посѣщенія была ясна: арестъ!

Офицеръ, дѣйствительно, заявилъ «Зиммеру», что онъ является взятъ его по строжайшему приказанію самого начальника тайной канцеляріи генерала Ушакова. Зная, что наканунѣ всѣ, побывавшіе у князя Черкаскаго, были уже въ крѣпости, Львовъ, конечно, не удивился и спокойно послѣдовалъ за офицеромъ. Черезъ часъ онъ былъ уже въ крѣпости, а въ сумерки предсталъ на допросъ передъ генераломъ Ушаковымъ, которому былъ давно лично извѣстенъ.

Умный, суровый, безпощадно-жестокій Ушаковъ, послѣ первыхъ же вопросовъ «Зиммеру» и его отвѣтовъ, былъ нѣсколько озадаченъ.

— Если вы служите въ канцеляріи г. Шварца, — сказалъ онъ, — то какимъ образомъ попали вы на преступное совѣщаніе, бывшее въ вечеру у графа Головкина?

Зиммеръ смогъ все объяснить кратко, признавшись, что онъ служить у г. Шварца соглядатаемъ, и, кромѣ того, въ оправданіе свое сослался равно на расположеніе къ нему не только Шварца, но даже и самого герцога.

Однако, Ушаковъ, подумавъ нѣсколько мгновеній, заявилъ Зиммеру, что касающееся до него кажется ему все-таки крайне сомнительнымъ. Многіе изъ участниковъ преступнаго движенія показали почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что Зиммеръ на ихъ сходкахъ горячо уговаривалъ ихъ не обращаться къ князю Черкасскому, такъ какъ тотъ — близкое и преданное лицо герцогу, что все дѣло пропадетъ.

— Это не можетъ быть вымысломъ или клеветой! — сурово и рѣшительно сказалъ Ушаковъ. — Нѣсколько человекъ, не выдавшихъ другъ друга послѣ ихъ ареста, высказали это про васъ чуть не въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Всѣ приводятъ одни и тѣ же сказанныя вами слова. Уговора тутъ быть не можетъ! Это — улика противъ васъ неопровержимая. Впрочемъ, если бы г. Шварцъ считалъ васъ неправильно арестованнымъ, то, конечно, онъ уже теперъ прислалъ бы ко мнѣ справиться о васъ, а изъ вашей канцеляріи нѣтъ никакихъ извѣстій.

Ушаковъ, говоря это, долго и пристально смотрѣлъ на Львова, ожидая отвѣта.

— Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, написать моему прямому начальнику, прося его о заступленіи. Онъ такъ же, какъ и я, самъ знаетъ, насколько я могу быть виновенъ въ

чемъ либо предпринимаемомъ противъ его свѣтлости регента Россійской имперіи,—отвѣтилъ Ушакову Львовъ.

— Хорошо, напишите! Пришлите ко мнѣ, а я велю доставить вапе письмо сегодня же г. Шварцу. А завтра, по всей вѣроятности, вы будете или освобождены, или подвергнетесь той же участи, что и всѣ остальные, вчера арестованные, т.-е. пыткѣ.

Львовъ тотчасъ же написалъ краткое письмо Шварцу, въ которомъ высказалъ удивленіе, что онъ—его прямой начальникъ, зная, какая постигла его судьба, не предпринимаетъ ничего для выясненія всѣхъ обстоятельствъ. Онъ высказалъ свое убѣжденіе, что Шварцъ не можетъ сомнѣваться въ поведеніи его. Если онъ былъ на разныхъ совѣщаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ противъ особы регента, то, конечно, на томъ же основаніи и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, что и прежде.

Письмо это черезъ офицера было передано генералу Ушакову и въ тотъ же вечеръ отправлено Шварцу.

Однако, прошелъ слѣдующій день, потомъ еще день, а Львовъ сидѣлъ въ казематѣ. Его не вызывали къ допросу и не освобождали. Молодой человѣкъ началъ сильно смущаться и рѣшился, наконецъ, просить позволенія видѣть снова генерала Ушакова.

Генераль отвѣтилъ черезъ офицера, приказывая сказать Зиммеру, чтобы онъ написалъ кратко, что онъ желаетъ. Львовъ написалъ, что у него есть враги въ самой канцеляріи и, быть можетъ, письмо его даже не дошло до Шварца—или дошло, но враги оклеветали его передъ Шварцемъ, и единственное средство спасенія заключается теперь въ томъ, чтобы повидать и лично переговорить съ однимъ человѣкомъ. Личность эта не можетъ показаться генералу сомнительной. Это—молодой человѣкъ, юноша, братъ крестницы самого Шварца, нѣкто Карлъ Кнаусъ. Если Ушаковъ разрѣшитъ ему повидаться съ нимъ, то онъ вполне увѣренъ, что козни его враговъ будутъ уничтожены.

Черезъ нѣсколько времени офицеръ явился назадъ и объяснилъ «Зиммеру» на словахъ, что генераль отвѣчалъ согласіемъ и что на утро г. Карлу Кнаусу будетъ разрѣшено посѣтить его въ мѣстѣ его заключенія. При этомъ офицеръ взялся передать лично Кнаусу записку, съ тѣмъ, чтобы она была не запечатана.

Львовъ тотчасъ же сѣлъ за писаніе цѣлаго посланія. Обращаясь къ Карлу Кнаусу, онъ, собственно говоря, обращался

къ Торѣ. Припоминая прежнія хорошія отношенія, благодаря за гостепрѣимство и дружескія чувства къ нему, онъ говорилъ, что между семействомъ Амаліи Францевны и имъ произошло большое недоразумѣніе, что истинныя чувства его ко всему семейству вообще и къ Доротеѣ въ особенности все-таки совершенно имъ неизвѣстны. Въ настоящую же минуту, находясь въ крѣпости вполнѣ неожиданно, несправедливо, даже непонятно какимъ образомъ, онъ проситъ объ одномъ одолженіи... проситъ Карла посѣтить его, чтобы лично переговорить о многомъ, касающемся не только его ареста и его дѣла, которое непременно выяснится очень скоро, но переговорить и о другихъ важныхъ обстоятельствахъ, чисто личныхъ, сердечныхъ...

Разумѣется, письмо это, прочитанное Амаліей Францевной, Торой и Карломъ вмѣстѣ, произвело на нихъ большое впечатлѣніе. Ограниченная женщина, г-жа Кнаусъ, влюбленная попрежнему Тора и юный, довѣрчивый Карлъ равно повѣрили искренности посланія прежняго близкаго человѣка.

Тора, ненависть которой къ Зиммеру въ нѣсколько мгновений отъ прочтенія нѣсколькихъ фразъ перешла снова въ любовь, настояла на томъ, чтобы братъ ѣхалъ немедленно въ Петропавловскую крѣпость на свиданіе съ заключеннымъ, а сама рѣшила тотчасъ же приступить къ дѣлу и заняться немедленнымъ освобожденіемъ Львова чрезъ крестнаго отца.

Амалія Францевна сообразила, однако, что, если ужъ такъ долго самъ Шварцъ не вступается за своего любимца и оставляетъ его въ крѣпости, то, стало быть, есть на это серьезныя основанія, и хлопотать за него, если для нихъ и не опасно, то будетъ совершенно безцѣльно.

Однако, Тора настояла на своемъ, и братъ ея немедленно отправился въ крѣпость. О немъ доложили, и начальникъ тайной канцеляріи разрѣшилъ немедленно провести юношу въ камеру Зиммера.

Одновременно Тора уговорила мать просить Шварца немедленно пріѣхать къ нимъ по весьма важному дѣлу. Шварцъ отвѣтилъ посланному, что ему не время и что онъ проситъ или обождать, или пускай, если не сама Амалія Францевна, то его крестница пріѣдетъ къ нему объяснить, въ чемъ заключается важное дѣло.

И въ тотъ же вечеръ Тора сидѣла въ гостиной своего крестнаго отца и горячо просила его спасти ни въ чемъ неповиннаго Зиммера.

— А я думалъ, — насмѣшливо улыбаясь, вымолвилъ Шварцъ, — что Fräulein Тора — моя крестница, будетъ просить о томъ, чтобы я приказалъ пытать «Львова» и сослать. Я думалъ, что она относится къ «названцу» непріязненнымъ образомъ, желала бы скорѣй его погибели, нежели спасенія. Вотъ вы, дѣвушки! У васъ семь пятницъ на одной недѣлѣ, какъ говоритъ русская пословица.

Затѣмъ Шварцъ объяснилъ Торѣ, что онъ собирается самъ, немного обождавъ, заступиться за Зиммера и, во всякомъ случаѣ, не допустить, чтобы его пытали. Если же онъ не освобождаетъ его тотчасъ же, то по одной причинѣ. Въ дѣлѣ есть нѣчто крайне странное. Есть единогласное показаніе пытаныхъ лицъ, котораго онъ, Шварцъ, окончательно понять не можетъ, а оно имѣетъ большое значеніе. Чиновникъ, служащій въ канцеляріи самого герцога, изъяснялся на одномъ вечерѣ такъ, что выходило, что онъ — врагъ, а не приверженецъ, герцога. Разумѣется, это обстоятельство, можетъ быть, еще и выяснится.

Во всякомъ случаѣ Шварцъ обѣщалъ крестницѣ, что Зиммеръ не будетъ допрошенъ съ пристрастіемъ, такъ какъ его виновность далеко не доказана.

Къ изумленію и счастью Торы, на третій день утромъ, у нихъ въ домъ появился самъ Зиммеръ.

Онъ былъ освобожденъ и явился горячо благодарить семью за покровительство.

Обстоятельства научили прямодушнаго Львова быть коварнымъ Зиммеромъ.

Пробывъ долго у Кнаусовъ и затѣмъ оставшись наединѣ съ Торой, молодой человекъ велъ себя вполне недобросовѣстно, лукаво и лживо, думая: «Своя рубашка къ тѣлу ближе!»

Разумѣется, Тора тотчасъ же заговорила съ Зиммеромъ, хотя и не прямо, а прозрачными намеками объ ихъ отношеніяхъ, объ ея привязанности къ нему...

И «Зиммеръ» не отвѣчалъ такъ, какъ когда-то г-жѣ Кнаусъ, прямо и рѣзко отказываясь отъ любви молодой дѣвушки. Теперь онъ говорилъ, что въ виду поступка Торы, ея защиты и спасенія его изъ заключенія, онъ относится къ ней совершенно иначе... Онъ теперь только оцѣнилъ ее. Все дѣло теперь въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Надо только потерпѣть, не слѣшать съ рѣшеніемъ какого-либо важнаго вопроса.

— Надо вообще подождать, пока я не устрою свои дѣла въ Архангельскѣ,—говорилъ Зиммеръ.

«Надо обождать, пока я не убѣгу изъ Петербурга и не повѣнчаюсь съ Лизой!—думалъ въ то же время Львовъ, мысленно спѣша къ Бурцевымъ.

Разумѣется, молодой человѣкъ, привыкшій теперь лукавить, оставилъ Тору въ полномъ убѣжденіи, что онъ, дѣйствительно, относится къ ней теперь совершенно иначе, хотя бы изъ чувства благодарности.

Прямо отъ Кнаусовъ Львовъ проѣхалъ къ Бурцеву и пробылъ у него почти весь день. И старикъ, и его внучка были счастливы, видя его на свободѣ.

Вопросъ о бракѣ молодыхъ людей никогда еще не бывалъ поднимаемъ. Никто изъ троихъ никогда не обмолвился объ этомъ ни единымъ словомъ. А между тѣмъ всѣ трое знали, что это—вопросъ рѣшенный,—необходимо только обождать, какъ распутается дѣло о Львовѣ-Зиммерѣ.

Вечеромъ, прямо отъ Бурцевыхъ, Львовъ поскакалъ въ Казачью слободку, гдѣ тоже встрѣтили его восторженно, радостно.

У отца въ гостяхъ онъ нашелъ и Коптева, который былъ теперь для нихъ уже не чужой.

И пока они весело бесѣдовали и, какъ всегда, строили планы бѣгства изъ столицы, они не подозрѣвали, что среди темноты какая-то подозрительная фигура бродила около ихъ домика, заглядывала въ освѣщенные окна, даже прислушивалась чутко и ловила ихъ слова...

XXX.

Разумѣется, если бы у Львова-Зиммера не было личныхъ враговъ, то онъ могъ бы теперь долго продолжать безнаказанно свое самозванство. Но за нимъ тщательно слѣдили, ибо одновременно Лаксъ не дремалъ.

Онъ оказался дальновиднѣе своего начальника или, быть можетъ, жажда мщенія и злоба заставили его дѣйствовать. Онъ завелъ трехъ своихъ собственныхъ сыщиковъ и всячески слѣдилъ за дѣйствіями «лже-Зиммера», или «названца» и «облыжника», какъ онъ попеременно называлъ своего прежняго соперника.

Конечно, Тора Кнаусъ, прихотливо возненавидѣвшая молодого человѣка, такъ же, какъ, быть можетъ, прихотливо любила его, заставила влюбленнаго въ нее Лакса дѣйствовать рѣшительно и даже искусно.

Впрочемъ, Лаксъ послѣ объясненія со Шварцемъ при очной ставкѣ Коптева съ Зиммеромъ остался почему-то при убѣжденіи, что Коптевъ по совершенно непонятнымъ причинамъ жеть, а Зиммеръ-Львовъ дерзко пользуется этою ложью.

Однажды одинъ изъ сыщиковъ, нанятыхъ Лаксомъ, явился доложить ему, что въ Петербургѣ находится солдатъ по прозвищу «Жгутъ», который подъ пьяную руку объяснялъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ офицеромъ Коптевымъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Львовыхъ, и что въ настоящее время долженъ молчать о всѣхъ тѣхъ удивительныхъ обстоятельствахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ.

Лаксъ немедленно велѣлъ разыскать Жгута и привести его. Солдатъ Прохоровъ былъ тотчасъ же доставленъ и, въ виду угрозъ Лакса, что онъ будетъ немедленно взятъ и пытанъ, передалъ тотчасъ же, что зналъ.

А зналъ онъ все!... Онъ не только зналъ навѣрное, что г. Зиммеръ есть г. Львовъ, но зналъ, что офицеръ Коптевъ—почти женихъ сестры его, Софьи Павловны Львовой, и, наконецъ, онъ зналъ, что старикъ Львовъ бѣжалъ изъ заключенія при помощи своего сына, а теперь находится подъ столицей въ Казачьей слободкѣ вмѣстѣ со своей дочерью, прибывшей изъ вотчины.

Лаксъ даже не могъ обрадоваться всему этому, и только потому, что былъ слишкомъ пораженъ, слишкомъ счастливъ.

— Да правда ли это!? Правда ли это?!—восклицалъ онъ, слушая Жгута. Ему отъ радости казалось, что онъ бредитъ или видитъ все во снѣ.

Въ тотъ же вечеръ Лаксъ отправилъ одного изъ своихъ сыщиковъ въ Казачью слободку и зналъ черезъ три часа, что, дѣйствительно, въ одномъ изъ домиковъ проживаетъ старый человѣкъ съ очень молоденькой дочерью и что они—дворяне. Прозываютъ же они себя не Львовыми, а Макаровыми, а старикъ выдаетъ себя за купца.

На другое же утро Лаксъ явился въ кабинетъ Шварца и, торжествуя, даже не только самонадѣянно, но и гордо передалъ своему начальнику все, что узналъ. Богъ вѣсть почему, изъ упрямства или вслѣдствіе какого-либо особеннаго ослѣпле-

ніа, Шварць только страшно разсердился и приказалъ Лаксу немедленно подать въ отставку.

— Однимъ досужимъ врелемъ будетъ въ канцеляріи меньше! — сказалъ онъ.

Лаксъ тотчасъ же бросился за защитой къ Кнаусамъ и передалъ Торѣ результатъ своего дознанія и доклада.

Молодая дѣвушка смутилась. Ей было совѣстно сознаться Лаксу, что все перевернулось снова, и что Зиммеръ опять сталъ для нея дорогъ. Ничего не объяснивъ Лаксу, она только отказалась наотрѣзъ заговорить о Зиммерѣ со своимъ крестнымъ отцомъ. Но Амалія Францевна рѣшилась полужаковать съ Лаксомъ. Она объяснила ему, что давно знаетъ Шварца лучше другихъ и знаетъ, что онъ сильно упрямъ и убѣжденъ своихъ, въ чемъ-бы то ни было, никогда не мѣняется. Разъ онъ увѣрился въ томъ, что Зиммеръ — его вѣрный слуга, нужно что-нибудь совершенно невѣроятное и ясное, какъ день, чтобы переменить его мнѣніе. Слѣдовательно, нечего и пробовать.

Лаксъ вышелъ отъ Кнаусовъ совершенно смущенный и бросился къ разнымъ своимъ друзьямъ. И друзья его подали совѣтъ, отъ котораго онъ пришелъ въ восторгъ.

По ихъ мнѣнію, Лаксу нужно обратиться прямо къ начальнику тайной канцеляріи, ибо генералъ Ушаковъ, какъ главный заправитель всѣхъ дѣлъ сыскныхъ всей Россіи, имѣлъ право кого хотѣлъ арестовать, посадить въ крѣпость, судить, пытать и сослать.

Слѣдовательно, можно было обойтись и безъ Шварца.

На утро Лаксъ уже явился къ Ушакову и доложилъ ему все подробно до малѣйшихъ мелочей. Онъ рассказалъ цѣлую исторію, рассказалъ подробно о появленіи въ домѣ Кнаусовъ молодого Зиммера и поступленіи его на службу, благодаря покровительству молодой Торы и г. Адельгейма. Кончилъ онъ свое повѣствованіе, или свой доносъ, объясненіемъ, что бѣжавшій изъ Шлиссельбурга и извѣстный Ушакову старикъ Львовъ находится у него подъ рукой въ Казачьей слободѣ.

Ушаковъ, несказанно изумленный, выслушавъ все, выговорилъ:

— Что же г. Шварць? Онъ-то что же? Ума рѣшился? Или ослѣпъ, оглохъ?

Лаксъ въ отвѣтъ развелъ руками и прибавилъ:

— Уму непостижимо, ваше превосходительство? Я при очной ставкѣ Львова и Коптева понялъ сейчасъ, въ чемъ дѣло... Всякій младенецъ понялъ бы все, а г. Шварць сидѣлъ, именно,

какъ вы выражаетесь, точно ослѣпленный! Если бы не солдатъ Жгутъ, то все бы такъ и осталось безнаказанно.

На другой же день, по приказанію властнаго начальника тайной канцеляріи, было приказано арестовать въ разныхъ мѣстахъ Петербурга нѣсколько лицъ и доставить въ Петропавловскую крѣпость. Это были: довѣренное лицо г. Шварца—Зиммеръ, дворянинъ Львовъ и его дочь, и офицеръ Коптевъ.

И всѣ они, захваченные врасплохъ, недоумѣвали и не понимали, что произошло. Львовъ-Зиммеръ написалъ и послалъ тотчасъ же записку отцу, заявляя, что арестованъ, а затѣмъ успѣлъ послать докладъ Шварцу, прося спасти его отъ клеветническаго доноса. Но, однако, онъ не получилъ отъ начальника никакого отвѣта.

Старикъ Львовъ, взятый съ дочерью среди ночи, совершенно не могъ понять, кто раскрылъ его мѣстопробываніе и кто погубилъ его, и тоже успѣлъ послать разыскать г. Зиммера и передать ему объ ихъ судьбѣ.

Коптевъ, однако, избѣжалъ ареста, рано выйдя изъ дому. Узнавъ о распоряженіи на счетъ себя отъ деньщика, онъ приказалъ ему добѣжать въ Казачью слободку и объяснить г. Макарову, что ему грозить арестъ.

Разумѣется, всѣ эти гонцы не смогли исполнить порученій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коптевъ, конечно, не вернулся домой и отправился прямо къ графу Миниху, моля о защитѣ.

Онъ мало надѣялся на заступничество графа и былъ удивленъ, когда вельможа со странной усмѣшкой сказалъ ему:

— Оставайся и скрывайся у меня до поры, до времени. А тамъ уже самъ себя отъ враговъ защити—нападеныемъ. Удастся—честь и слава, и счастье всей твоей жизни! Не удастся—твоя голова на плахѣ будетъ.

Коптевъ остался въ домѣ фельдмаршала.

Конечно, здѣсь онъ могъ скрываться, чтобъ избѣжать ареста. Но долго-ли? Вельможа, повидавъ еще разъ офицера, спросилъ его, согласенъ-ли онъ «поиграть» своей головой?

— Ставка крупная, но и выигрышъ большой,—сказалъ Минихъ, загадочно улыбаясь.—Ты не одинъ будешь, вась наберется съ полдюжины. На міру и смерть красна.

Коптевъ поклялся, что готовъ на все на свѣтѣ по указу своего защитника и покровителя.

— Ну, хорошо. Дня черезъ три-четыре я тебя призову...

Разумѣется, будучи на свободѣ. Коптевъ зналъ, какая злая судьба постигла Львовыхъ. Теперь и старика, и сына надо было считать окончательно погибшими.

На другой же день предъ полуночью офицеръ отправился къ Бурцеву, котораго лично не зналъ, велѣлъ его разбудить и объявилъ ему объ арестѣ старика Львова въ Казачьей слободкѣ и арестѣ Петра одновременно. Очевидно, что теперь дозвано по доносу, какой это нѣмецъ Зиммеръ.

Бурцевъ сначала пришелъ въ отчаяніе, но затѣмъ успокоился и общалъ на утро ѣхать умолять цесаревну вступить въ дѣло.

— Она уприситъ регента, ради меня... — Я скажу ей, что это—моя послѣдняя и самая близкая сердцу просьба. Я знаю, что регентъ сказалъ цесаревнѣ на прошлой недѣлѣ: «Теперь просите, что хотите, и все будетъ по-вашему. Только не увеличивайте вы со своими количества моихъ враговъ!..» Ну, стало быть, и эту просьбу ея герцогъ исполнить. Чудно это и диковинно, а, между тѣмъ, воистину выходитъ такъ, что регентство Бирона для цесаревны — благополучіе. Будь принцъ Антонъ—было-бы хуже... А будь вашъ фельдмаршалъ регентомъ, то и совсѣмъ намъ бы, приверженцамъ Елизаветы Петровны, карачунъ былъ.

— Что вы?!—удивился Коптевъ.

— Вѣрно вамъ говорю, мой дорогой. Минихъ не любитъ цесаревну, да и она его не долюбливаетъ. Вы не сказывайте ему, что были у меня, а я не скажу ей, что узналъ васъ и бесѣдовалъ съ вами, любимцемъ его. Диковинныя времена. Все—лагери, все—враги. А мы, грѣшные, только путаемся въ ихъ лагеряхъ и ихъ враждѣ, будто ныряемъ въ морѣ бѣдствій. Одинъ погубилъ, другой спасъ, третій опять погубить... Диковина! Вотъ, теперь кровопійца всероссійскій—чуть не монархъ, а цесаревнѣ и ея приверженцамъ будетъ легче... Желалъ бы я ему погибели скорѣйшей, но боюсь регента-принца или регента-фельдмаршала. Помилуй Богъ тогда!.. Вотъ уже двѣ недѣли, что герцогъ крутитъ все и въ столицѣ, и по всей Россіи, а еще ни одинъ изъ насъ, елизаветинскихъ вѣрныхъ слугъ, не тронуть...

XXXI.

Часто бываетъ, что люди ссылаются на злую судьбу-мачиху. А судьба—не при чемъ: будто ея нѣтъ, будто она отсутствовать, не видить, не слышитъ, и на нее только одинъ поклепъ.

Но бываетъ и такъ, что человѣкъ, даже люди, и много людей, единодушно стремятся къ одной цѣли, немудреной для достиженія... а «она»—тутъ, истая мачиха, упрямо-злая, будто остервенѣлая въ безпричинномъ гнѣвѣ. И невидимой рукой борется она съ человѣкомъ, съ людьми и, заслоня желанное ими, творить свое наперекорь... И тѣмъ отчаяннѣе съ ней, судьбой, борьба, тѣмъ и она злѣе, безпощаднѣе и побѣдоноснѣе.

Старикъ Бурцевъ тотчасъ же отправился къ своей покровительницѣ и, объяснивъ цесаревнѣ все дѣло Львовыхъ, умолялъ защитить. Елизавета Петровна немедленно побывала сама у регента съ тѣмъ же, съ объясненіемъ и просьбой. Герцогъ общалъ все, но подивился мысленно тому, насколько же наперсникъ долженъ быть наивенъ и неостороженъ, чтобы ловкій малый могъ его провести, какъ младенца. Призвавъ Шварца, герцогъ строго пожурилъ его. Однако, не находя особой вины въ дѣлѣ старика Львова и оправдывая сына въ томъ, что онъ пожелалъ дерзкой комедіей спасти безвиннаго отца, герцогъ рѣшилъ, что можно обоихъ освободить. Шварцъ уже былъ возмущенъ и озлобленъ тѣмъ, что генераль Ушаковъ, послѣ перваго же допроса Львовыхъ, доказалъ ему его ослѣпление и наивность. Теперь онъ еще болѣе обозлился, что дѣло объ названцѣ дошло до самого герцога, отъ котораго онъ хотѣлъ все скрыть, и онъ попросилъ разрѣшенія герцога обождать съ освобожденіемъ Львовыхъ, съ цѣлью добиться только, откуда у Петра Львова взяли документы на чужое имя и затѣмъ достать самого настоящаго Зиммера.

По желанію, высказанному герцогомъ, Шварцъ общалъ не пытаться лже-Зиммера, но объ его отцѣ рѣчи не было. И въ тотъ же день начальникъ канцеляріи регента снесся съ начальникомъ тайной канцеляріи, предлагая «сугубымъ пристрастіемъ» вывѣдать у старика, гдѣ его сынъ досталъ бумаги на имя Зиммера.

Павель Константиновичъ былъ подвергнутъ пыткамъ... Но онъ ничего не могъ отвѣчать, ибо ничего объ этомъ не зналъ. Послѣ двукратнаго поднятія на дыбу и тридцати ударовъ плетью, онъ повисъ безъ сознанія и, отцѣпленный, не скоро пришелъ въ себя...

Разумѣется, Тора Кнаусъ, узнавъ о новомъ арестованіи Зиммера, дѣйствительно, на этотъ разъ оказавшагося Львовымъ, тотчасъ бросилась къ крестному отцу съ мольбой простить ея полужениха, оправдывая его тѣмъ же соображеніемъ, что и герцогъ.

Шварцъ тогда заявилъ крестницѣ, что Львовъ—двойной обманщикъ. Онъ обманулъ также дѣвушку, ибо есть свѣдѣнія, что онъ—почти женихъ внучки Бурцева, за него распинавшася предъ цесаревной. Тора была поражена извѣстіемъ, но рѣшила собрать свои свѣдѣнія о коварствѣ молодого человѣка.

Черезъ дня три послѣ разговора съ наперникомъ о ловкомъ и дерзкомъ «названцѣ» случилось нѣчто, что озадачило самого герцога.

Когда Бурцевъ бросился къ цесаревнѣ просить ее за Львовыхъ, одновременно другъ ихъ, Коптевъ, рѣшился тоже просить объ нихъ и своего покровителя.

Фельдмаршалъ уже прослышалъ кой-что, такъ какъ въ Петербургѣ ходилъ слухъ и были толки о молодцѣ лже-Зиммерѣ. Узнавъ отъ Коптева все въ подробностяхъ, графъ Минихъ воскликнулъ:

— Чудо-парень! Вотъ, теперь мнѣ бы эдакихъ.

— Спасите его,—заявилъ Коптевъ,—и я отвѣчаю вамъ головой, что онъ станетъ вашимъ вѣрнымъ слугою.

Минихъ обѣщалъ помощь, но рѣшилъ не просить почему-то регента лично, а дѣйствовать вѣрнѣе и лучше. Онъ тотчасъ же обратился съ просьбой къ самой принцессѣ. Анна Леопольдовна, конечно, согласилась поговорить съ регентомъ о такомъ, собственно пустомъ дѣлѣ. И при первомъ же посѣщеніи герцога принцесса обратилась къ нему съ просьбой о Львовѣ-Зиммерѣ и его отцѣ.

Почему-то озадаченный Биронъ спросилъ принцессу, откуда она знаетъ о «названцѣ»? Принцесса, не желая ссылаться на графа Миниха по его просьбѣ, стала лгать, путать и, наконецъ, совсѣмъ запуталась.

Биронъ былъ совсѣмъ озадаченъ... Ему думалось:

«Если за одного и того же человѣка просятъ равно и цесаревна, и принцесса, при чемъ послѣдняя скрываетъ, откуда и какъ знаетъ про это дѣло—то этотъ «названецъ», должно быть, личность незаурядная и, конечно, личность прямо сомнительная!..»

Въ тотъ-же день къ регенту явился съ докладомъ Шварцъ и въ числѣ другихъ дѣлъ доложилъ объ освобожденіи Львовыхъ. Причиной было то, что крестница, не добившаяся никакихъ доказательствъ, что Львовъ—женихъ Бурцевой и ее обманывалъ, заболѣла отъ волненія и отчаянія... Она, вдобавокъ, узнала, что Ушаковъ будетъ пытаться обоихъ Львовыхъ.

Разумѣтся, горе крестницы, которую Шварцъ любилъ, по-дѣйствовало. И онъ рѣшилъ самъ ходатайствовать теперь за челоуѣка, нагло насмѣявагося надъ нимъ.

Но Шварцъ изумился... Герцогъ насупился и сказалъ:

— Ну... mein lieber, теперь вы за Львова, а я противъ!.. Пускай сидитъ. Да прикажите, чтобъ Ушаковъ немедленно выяснилъ, что это за люди. Вашъ Львовъ-Зиммеръ мнѣ крайне подозрителенъ. Такихъ молодцовъ я въ столицѣ не потерплю!.. Это—не простой комедіантъ, а первосортный!.. Если онъ васъ проведетъ, то онъ такъ же проводитъ за носъ и другихъ лицъ, болѣе высоко стоящихъ, чѣмъ вы... А съ какой цѣлью и какъ—вотъ это и надо узнать. Дайте знать Ушакову отъ моего имени. Строжайшій сыскъ и допросъ!..

Шварцъ вышелъ отъ герцога совершенно смущенный. Очевидно, казалось ему, что онъ самъ не знаетъ всего того, что знаетъ герцогъ, чтобъ такъ выражаться.

Въ тотъ-же день поздно вечеромъ, почти въ полночь, въ застѣнкѣ Петропавловской крѣпости двое челоуѣкъ, по особому приказу регента, были подвергнуты сугубой пыткѣ... Одинъ молодой, былъ послѣ дыбы и кнута доведенъ въ свою камеру двумя солдатами, такъ какъ самъ съ трудомъ двигался.

Другой не только самъ итти не могъ, но былъ уже на томъ свѣтѣ. Съ дыбы сняли мертое тѣло и отнесли прямо чрезъ дворъ въ покойницу...

Было два часа пополуночи. Въ шестомъ часу спавшій генералъ Ушаковъ былъ разбуженъ гонцомъ отъ принцессы съ приказомъ. Онъ ахнулъ и сталъ собираться во дворецъ среди ночи въ полной парадной формѣ. Одѣваясь быстро, онъ все хватался за голову и бормоталъ:

— Дѣла! Дѣла! Непостижимо! Не во снѣ-ли я?!

XXXII.

Съ того рокового дня, что проявился всемогущій монархъ подъ скромнымъ именемъ регента и въ обѣихъ столицахъ, и въ провинціи, по лицамъ всѣхъ нѣмцевъ, а равно и по ихъ поведенію видно было, какое наступило время, и чего ждать въ будущемъ.

Разумѣтся, превыше всѣхъ, недосыгаемъ вполне былъ теперь Шварцъ. Какъ одинъ изъ главныхъ и видныхъ представителей нѣмецкой партіи, шефъ канцеляріи рѣшилъ отпраздно-

вать возвышеніе своего покровителя. Но масса дѣлъ и хлопотъ за первые дни регентства заставляли все откладывать. Такъ прошло три недѣли. Шварцъ жилъ одинъ, какъ холостякъ, но однако, устраивая обѣды и вечера, онъ, помимо своихъ безчисленныхъ друзей, приглашалъ и дамъ—ихъ женъ и дочерей.

Обязанности хозяйки брали на себя по очереди двѣ дамы высшего нѣмецкаго кружка. Одна изъ нихъ была Амалія Францевна Кнаусъ, другая по своимъ родственнымъ связямъ стояла гораздо выше, будучи свояченицей графа Левенвольда.

Ее просилъ Шварцъ распоряжаться преимущественно на обѣдахъ, когда приглашаемыхъ накоплялось до двухсотъ человѣкъ. Какъ женщина болѣе свѣтская, чѣмъ г-жа Кнаусъ, она могла распоряжаться всѣми хозяйственными подробностями хотя и хуже г-жи Кнаусъ, но зато умѣла принимать и занимать гостей.

На вечера и ужины Шварцъ приглашалъ гораздо менѣе народу, не болѣе тридцати—сорока человѣкъ. Это были не простые знакомые, приглашаемые лишь въ качествѣ нѣмцевъ, а болѣе близкіе люди, если не друзья, то давнишніе знакомые. Разумѣется, это былъ кружокъ не только нѣмецкій, но и исключительно ярыхъ приверженцевъ герцога, готовыхъ за него и въ огонь, и въ воду.

Назначивъ день праздника въ честь герцога-регента, Шварцъ позвалъ къ себѣ теперь еще меньшее количество гостей. Всѣхъ было не болѣе двадцати человѣкъ. Разумѣется, ранѣе всѣхъ явилось семейство Кнаусъ, и, пока Амалія Францевна хлопотала въ домѣ, все осматривая, отъ буфета до кухни, пока Карлъ вступилъ тоже въ свою должность—осматривалъ карточные и шахматные столы,—Тора, явившаяся печальная и тревожная, осталась наединѣ со Шварцемъ и рѣшительно, энергично повела атаку на своего крестнаго отца.

Она заявила, что считаетъ лже-Зиммера положительно и окончательно своимъ женихомъ. И, если онъ въ своемъ самозванствѣ кругомъ виновенъ, то его все-таки надо простить. Разъ онъ станетъ ея мужемъ, то, конечно, будетъ вѣрнымъ слугою герцога.

Шварцъ ни словомъ не обмолвился крестницѣ о томъ, какой въ этотъ же день былъ отданъ приказъ Ушакову, по желанію самого герцога.

Теперь онъ возражалъ, что могъ, а Тора горячо называла все клеветой, иногда соглашалась, но повторяла свое:

— Когда онъ будетъ моимъ мужемъ, то вполне перемѣнится!
 Кончилось тѣмъ, что Шварцъ обѣщалъ крестницѣ снова просить герцога о Львовыхъ, но съ непремѣннымъ условіемъ брака.

— Полное прощеніе и забвеніе всего,—сказалъ онъ,—явится съ моей стороны только послѣ того, что ты выйдешь изъ церкви, обвинянная съ нимъ. А до тѣхъ поръ я буду его опасаться и никакого дѣла съ нимъ имѣть не стану. Кто меня разъ обманулъ, тому я вѣрить не могу. Развѣ съ условіемъ, чтобы онъ переродился. Въ данномъ случаѣ это перерожденіе будетъ ваше бракосочетаніе! Да и то, Богъ вѣсть!—прибавилъ Шварцъ.—Можетъ быть, ты съ нимъ не сладитъ, и онъ останется сомнительнымъ человѣкомъ. Хуже даже: очень не сомнительнымъ приверженцемъ нашихъ враговъ.

— Вздоръ! Вздоръ!—отчаянно замахала руками Тора.

— Ну, хорошо! Завтра я снова имъ займусь и доложу о немъ. А затѣмъ, если герцогъ дозволитъ его освободить, то распоряжись тотчасъ и дамъ тебѣ знать.

— Но надѣетесь-ли вы убѣдить герцога?

— Сдѣлаю все, что могу. Буду прямо ради тебя просить заступиться, какъ за твоего жениха. И это именно обстоятельство, я думаю, подѣйствуетъ на герцога.

Едва только окончилась бесѣда хозяйна съ крестницей, какъ появились уже человѣка три гостей, а затѣмъ менѣе, чѣмъ черезъ часъ времени, всѣ были на лицо. Въ числѣ прочихъ явились Адельгеймъ и Лаксъ, не только прощенный, но награжденный Шварцемъ. Молодежь усѣлась въ одной гостиной, занялась всякими конфетами и печеньями. Пожилыя дамы отправились въ другую гостиную толковать о своихъ домашнихъ и хозяйскихъ дѣлахъ. Мужчины заговорили о томъ, о чемъ толковала вся столица—о вопросѣ важномъ, государственномъ: о принятіи свѣтлѣйшимъ герцогомъ титула «высочества».

Женщины, жены нѣмецкихъ сановниковъ, были, конечно, менѣе осторожны въ своихъ бесѣдахъ. То, о чемъ ихъ мужья и братья толковали наединѣ и шепотомъ, барыни со словъ мужей говорили громко. Поэтому теперь въ гостиной темой разговора вдругъ сдѣлался вопросъ не только щекотливый, но и опасный: судьба принца Антона Ульриха съ женою.

Всѣ эти пожилыя и старыя дамы, не стѣсняясь, обсуждали и рѣшали, что свѣтлѣйшій герцогъ можетъ отправить принца и принцессу въ Германію, оставить лишь одного императора и быть полновластнымъ вершителемъ судебъ имперіи впредь до его со-

вершеннолѣтія. По крайней мѣрѣ, принцесса не будетъ упрямитъся въ важныхъ дѣлахъ, а принцъ не будетъ путаться не въ свое дѣло и замышлять всякія глупости, и оба, мужъ и жена, не будутъ беспокоить и сердить его свѣтлость.

Въ то же время половина гостей мужчинъ усѣлись за карточные столы. На большинствѣ столовъ шла игра въ «ломберъ», для которой недавно уже появились особые столы съ наклееннымъ на нихъ сукномъ, и уже получившіе отъ игры свое названіе: «ломберные». На нихъ же играли въ «кадрилью». На другихъ столахъ, простыхъ деревянныхъ, шла другая игра, въ «фаро» и, главнымъ образомъ, въ «лабѣтъ», т.-е., *la bête*.

Ровно въ одиннадцать часовъ ужинъ былъ уже готовъ, и веселое общество, человекъ съ двадцать, шумно сѣло за столъ. Хозяйка, г-жа Кнаусъ, и другая, въ качествѣ ея помощницы, ея дочь Тора, распорядились. Тора, послѣ бесѣды съ крестнымъ, была настолько въ духѣ, даже восторженно радостна, что ея оживленіе подѣйствовало на многихъ, тѣмъ паче, что эти многіе очень ее любили.

Разумѣется, почти всѣ знали, въ какомъ горестномъ положеніи молодая дѣвушка, но были убѣждены, что ея крестный изъ-за нея проститъ поддѣльнаго нѣмца Зиммера и согласится на ея бракъ.

И только одному человекъ изъ всѣхъ гостей Шварцъ теперь заявилъ сумрачно и озабоченно:

— Бѣдная Тора не знаетъ, что я сегодня докладывалъ его свѣтлости о Зиммерѣ... тѣфу!.. о Львовѣ. И герцогъ приказалъ не только его не освобождать, но тотчасъ начать пытать. И завтра утромъ, а можетъ быть именно теперь, пока мы ужинаемъ, генераль Ушаковъ приступилъ къ истязанію.

Бесѣда за ужиномъ оживилась и все сильнѣе оживлялась, хотя поднимались только важные государственные вопросы. Хозяинъ и гости на этотъ разъ были всѣ одинаково восторженно настроены.

За десятилѣтнее пребываніе ихъ въ Россіи никогда еще не было такихъ благополучныхъ дней. Конечно, за все царствованіе покойной императрицы они и помышлять не могли о томъ, что теперь произошло. Могли ли они предвидѣть, что, когда императрица будетъ въ гробу, герцогъ займетъ почти ея мѣсто, а поэтому и ихъ положеніе станетъ тоже неизмѣримо выше?

Часто думалось имъ, что въ случаѣ смерти Анны Іоанновны имъ придется скорѣй, вслѣдъ за герцогомъ, не только просто покидать Петербургъ, но почти спастись и бѣжать въ Курлян-

дію. И вдругъ оказалось, что они остались въ Россіи и стали въ Петербургѣ гораздо болѣе властными лицами, чѣмъ когда-либо въ царствованіе императрицы.

Пройдетъ еще нѣсколько времени и, по всей вѣроятности, при удаленіи родителей императора уже не «его свѣтлость», а «его высочество» станетъ почти тѣмъ же монархомъ. Враговъ, конечно, у него много и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и по всей Россіи, но онъ не уступаетъ и не уступить. Каждый день «эта гидра» теряетъ нѣсколько головъ. Ежедневно арестовывается куча народа, и, конечно, силы враждебной партіи слабѣютъ.

Разговоръ само собою перешелъ на то, что, въ виду массы арестовъ, дѣла у г. Шварца все прибавляется. Самъ генераль Ушаковъ, окончательно заваленный дѣлами, уже проситъ о расширеніи своей тайной канцеляріи на два отдѣленія и о прибавкѣ, по крайней мѣрѣ, двухъ дюжинъ новыхъ чиновниковъ. Онъ уже заявилъ, что въ дѣлѣ о заговорѣ противъ регента, возникшемъ по докладу князя Черкаскаго, можно будетъ допросить всѣхъ арестантовъ только черезъ мѣсяць. А подобныя дѣла не могутъ ждать.

Добрѣйшій Адельгеймъ заявилъ, что есть вѣрное средство ускорить сужденіе дѣлъ, только стоитъ измѣнить условія пристрастія и пытки. По его мнѣнію, Россія, какъ варварская страна, опоздавшая во многомъ, запоздала и въ отношеніи обычаевъ судопроизводства.

Шварцъ горячо согласился со своимъ гостемъ-пріятелемъ и сталъ доказывать то же самое, но уже со ссылками, съ аргументами. Допросъ съ пристрастіемъ и вообще сыскъ былъ конекъ Шварца. Онъ относился къ этому вопросу, какъ специалистъ и какъ ученый.

Но, едва хозяинъ началъ чуть не лекцію, при чемъ началъ повѣствованіе чуть не съ Адама, все дамское общество воспротивилось такой бесѣдѣ.

— Ну, хорошо... послѣ! — сказалъ Шварцъ. — Дамы важныхъ государственныхъ вопросовъ не любятъ.

XXXIII.

Тотчасъ послѣ ужина, уже за полночь, гости стали разѣзжаться, и въ первомъ часу уѣхала и семья Кнаусъ. Остались лишь самые близкіе друзья и ровни хозяина. Подчиненный Лаксъ тоже уѣхалъ.

Трубки и сигары задымились еще пуще, и настоящее нѣмецкое пиво, получаемое моремъ, полилось рѣжкой.

Рѣчь снова зашла о невѣроятномъ счастьѣ для дикой Россіи, что судьбы ея очутились въ рукахъ герцога. Однако, вскорѣ же хозяинъ перевелъ разговоръ на свой конекъ.

Разгоряченный бесѣдой, а. главнымъ образомъ, пивомъ, Шварцъ началъ говорить воодушевленно и краснорѣчиво и, дѣйствительно, прочелъ цѣлую лекцію своимъ слушателямъ. Нѣкоторыхъ онъ очень удивилъ заявленіемъ, что все, что творится теперь въ судахъ Европы и у нихъ, въ Россіи, существовало еще до Рождества Христова.

— Вы думаете, мы, что-ли, выдумали, — говорилъ онъ, — какъ заставить виновнаго перестать лгать, а начать говорить правду? Все, чѣмъ мы пользуемся, придумали люди, которые жили чуть не за двѣ тысячи лѣтъ передъ нами. У древнихъ римлянъ уже было цѣлыхъ пять главныхъ приемовъ пытать преступника. Первое было «verbera» — это самое простое сѣченіе розгами, которому подвергались всѣ, за исключеніемъ важныхъ римлянъ. Въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ обращались къ «equuleus», т. е. растяженію рукъ и ногъ на дѣревянномъ козлѣ, то, что такъ любили и здѣсь, въ Россіи, при Великомъ Петрѣ Алексѣевичѣ. И хоть онъ и приказалъ рѣже обращаться въ неважныхъ случаяхъ къ этому способу пытки, тѣмъ не менѣе ничего подѣлать не могъ. Ужъ очень она понравилась судьямъ по всей Россіи. Теперь это бросили и замѣнили другимъ, а оно тоже было у римлянъ и называлось «fidiculae». Глупые россияне воображаютъ, что это — нѣчто менѣе свирѣпое, чѣмъ «equuleus», и, конечно, ошибаются. Это — растяженіе не на козлѣ, а на веревкахъ, которое гораздо мучительнѣе, поѣтому для судьи гораздо полезнѣе. Наконецъ, теперешніе желѣзные крючья или теперешнее поджиганіе огнемъ-ли, или горячими угольями — все это опять-таки существовало двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Пытку съ крючьями римляне называли по своему «ungulae», а полезные намъ для допроса угольки и вообще огонь называли «laminae». При этомъ, какъ у насъ теперь, такъ и тысячи двѣ лѣтъ назадъ, поднятіе тѣла на веревкахъ и сѣченіе розгами было, конечно, легкой пыткой. Разумѣется, теперь не въ такой дикой странѣ, какъ Россійская имперія, а въ нашемъ отечествѣ — въ Германіи, государственная власть придумала многое, о чемъ римлянамъ, конечно, и не снилось. Если бы не упрямство покойной императрицы, то всѣ эти изо-

обрѣтенія германскія уже давно были бы и здѣсь и, конечно, теперь оказали бы намъ громадную пользу. Теперь придуманы средства заставить виновнаго заговорить тотчасъ и даже выложить всю свою душу на ладонь. И должно честь отдать Германіи, что всѣ эти новоизобрѣтенія принадлежать ей. Такъ, изобрѣтенъ былъ особый инструментъ для пытки въ Мекленбургѣ, а другой, еще болѣе сложный, изобрѣтенъ въ Бамбергѣ. Они такъ и называются именами этихъ городовъ. Наконецъ, есть замѣчательная, получше козелъ и веревокъ, хорошо извѣстная въ судахъ Германіи, «мангеймская скамья». А еще того лучше—головной уборъ въ Пруссіи, такъ называемая «померанская шапка», подъ которой черепъ, хрустя, изъ большого дѣлается маленькимъ. А еще забылъ диво дивное—«люнебургскій стулъ». Эта вещь, такъ сказать, бессмертная. И, пока міръ стоитъ, люнебургское изобрѣтеніе будетъ только распространяться, и всякій судья Люнебургу спасибо скажетъ. Но ничего этого, къ несчастью, у насъ подъ рукой нѣтъ. Только теперь я хочу сдѣлать докладъ его свѣтлости и надѣюсь, что герцогъ согласится со мной. Если мы заведемъ хоть-бы только померанскую шапку и люнебургскій стулъ вмѣсто дурацкой русской дыбы, то, повѣрьте мнѣ, вы не будете жаловаться, что всякіе розыски и допросы затягиваются на цѣлый годъ. Отвѣчаю вамъ, что съ этими прелестными изобрѣтеніями, сколько бы народа ни было арестовано по всей Россіи, мы за два мѣсяца покончимъ всѣ дѣла.

И, разсмѣявшись весело, Шварцъ продолжалъ.

— Теперь съ дыбой и съ огнемъ надо возиться, возобновлять пытку по нѣскольку разъ. А посади я завтра самаго отчаяннаго и упорнаго лгуна на люнебургскій стулъ всего только на пять минутъ, то онъ послѣ второй минуты уже начнетъ мнѣ рассказывать не только все, что скрываетъ, но и все то, что я захочу. Русскій человѣкъ, какъ дуракъ, только и могъ придумать, что грубую и опасную для жизни пытку... При легкой пыткѣ никогда ничего не добьешься, а при сугубой, жесточайшей, человѣкъ съ изодраннымъ мясомъ и изломанными костями иной разъ не скажетъ всю правду потому, что сразу потеряетъ возможность говорить— и радъ-бы сознаться, да сознание потеряетъ. А, вмѣсто этой возобновляемой пытки, берущей огромное время, дайте мнѣ «стульчикъ» или хоть «мангеймскую скамеечку», и я на каждомъ виновномъ потеряю, говорю вамъ, всего пять минутъ.

Шварцъ увлекся и, рассказавъ о судейскихъ порядкахъ во всей Европѣ, вспомнилъ и объ Англіи. Но изъ радостнаго настроенія онъ перешелъ въ ожесточенное. Одинъ изъ его друзей-собесѣдниковъ замѣтилъ, что въ Англіи уже почти двѣсти лѣтъ пытки не существуетъ и что, однако, суды и судьи обходятся безъ нея,—какъ?—Богъ ихъ знаетъ!..

— Они тамъ,—сказалъ онъ,—не желаютъ и знать виновнаго. Имъ его какъ бы и видѣть не нужно! Они собираютъ о немъ свѣдѣнія во всемъ околоткѣ, сзываютъ его сожителей, пропасть свидѣтелей, всѣхъ спрашиваютъ, а потомъ этому же собранному народу самому предлагаютъ рѣшить: виновенъ или нѣтъ человѣкъ? И вмѣстѣ, сообща, дѣло рѣшается! И якобы ошибокъ никогда не бываетъ.

Шварца это мнѣніе пріятеля почти разсердило. Онъ началъ доказывать, что въ такой крошечной странѣ, какъ Англія, можно заводить иные порядки, которые въ Россіи были бы шутковскою комедіей. Привезутъ заподозрѣннаго человѣка, напримеръ, съ границы Крымскаго ханства и, вмѣсто пытки, надо его заключить подъ арестъ? А на этой границѣ ханства надо еще искать, разыскивать, брать и привозить въ Петербургъ по дюжинѣ и по двѣ дюжины всякихъ свидѣтелей, чтобы судить его дѣло.

— Этакъ вся Россія теперь очутилась бы въ одномъ Петербургѣ!—почти раздражительно разсмѣялся Шварцъ.

Однако, мнѣнія собесѣдниковъ раздѣлились, и начался оживленный споръ...

Въ ту минуту, когда хозяинъ, вдругъ вспомнивъ нѣчто, прочитанное имъ недавно объ англійскомъ судопроизводствѣ, хотѣлъ своимъ аргументомъ поразить гостей, дверь его кабинета растворилась. На порогѣ появился офицеръ и притворилъ за собой дверь.

Шварцъ и всѣ гости, за исключеніемъ Адельгейма, который уже давно незамѣтно уѣхалъ, обернулись къ явившемуся, какъ бы упавшему съ неба... Отъ изумленія всѣ молчали.

Мертвая тишина на мигъ воцарилась въ комнатѣ...

— Что вы?!. Кто вы?!.—вскрикнулъ, наконецъ, Шварцъ, тихо вставая съ кресла.

Онъ былъ настолько пораженъ, даже оскорбленъ подобнымъ нахальствомъ, что уже озирался: не взять ли что въ руки и не хватить ли по головѣ этого нахала?

— Я—подпоручикъ измайловскаго полка Коптевъ!—выговорилъ вошедшій холодно.—Вы ли г. Шварцъ.

— Что?!—вскрикнулъ этотъ, наступаая.

— Я знаю хорошо, что вы—г. Шварцъ, но я желаю, во исполненіе требованія закона, чтобы вы мнѣ сами себя назвали!

— Ахъ, ты, мерзавецъ!...—задохнулся Шварцъ отъ гнѣва.

Гости его уже были за нимъ вплотную... Казалось, что, подъ вліяніемъ обильнаго поглощенія пива и кнастера, они готовы были броситься и растерзать этого офицера—нахала.

— Откуда ты?... Какъ ты смѣлъ?... Эй, люди!.. Связать негодяя!..—раздались крики и хозяина, и гостей.

Шварцъ, опасаясь, что офицеръ ускользнетъ, подошелъ и схватилъ его за борть мундира... Но Коптевъ грузнымъ ударомъ кулака въ грудь отшвырнулъ его на стоящихъ за нимъ. И, если бы не гости, то конечно, Шварцъ полетѣлъ бы на полъ отъ сильнаго удара. Одновременно Коптевъ обернулся, растворилъ дверь настежь и крикнулъ:

— Сюда!..

И вслѣдъ за этимъ въ комнату, гремя, ворвалось полдюжины рядовыхъ съ ружьями.

— Хватай ихъ! Вяжи!—скомандовалъ Коптевъ.

Нѣмцы обезумѣли, но не отъ страха, а отъ того сверхъестественнаго, что творилось на ихъ глазахъ. Однако, одинъ изъ нихъ тотчасъ далъ здоровую плюху налѣзавшему на него солдату и поэтому былъ схваченъ первый. Но, будучи силенъ, онъ отшвырнулъ отъ себя и повалилъ двухъ солдатъ. И это стало какъ бы сигналомъ свалки. Рядовые остервенились.. Посыпались удары ружейными прикладами по головамъ.

И хозяинъ, и гости валились на полъ, вскакивали и, кидаясь, падали отъ новыхъ ударовъ. Два-три гостя уже были окровавлены.

— Смирно, вы!.. крикнулъ на нихъ Коптевъ!—Заколотимъ до смерти! Зря! Лучше покорно сдайтесь. Вяжи ихъ!..скомандовалъ онъ солдатамъ.

У одного изъ рядовыхъ были заготовлены нѣсколько веревокъ. Мигомъ расхватали ихъ солдаты, а черезъ минуту и Шварцъ, и гости его были всѣ перевязаны.

Еще черезъ нѣсколько минутъ нѣмцевъ, окровавленныхъ, блѣдныхъ, вели черезъ всѣ комнаты квартиры и вывели на улицу, гдѣ стояло трое саней и еще съ полдюжины солдатъ.

Пока ихъ проводили по дому, не показалось не единого человѣка... Было очевидно, что вся прислуга Шварца отъ страха уже разбѣжалась и что домъ пустъ.

Здѣсь на крыльцѣ, при видѣ саней и другой команды солдатъ, Шварцъ вдругъ вскрикнулъ отчаянно по-нѣмецки:

— Я понялъ! Я понялъ! Это—доносъ на меня его свѣтлости! Я знаю, кто доносчикъ! И я знаю, что черезъ три дня я себя оправдаю! Оправдаю и васъ всѣхъ! А эти негодяи за ихъ обращеніе съ нами пойдутъ на вѣчную каторгу!..

— Ну, хорошо, хорошо! Мели, мельница!—отвѣтилъ Коптевъ тоже по-нѣмецки и весело смѣясь.—Умень ты, г. Шварцъ, самый умный изъ всѣхъ здѣшнихъ столичныхъ нѣмцевъ, а вотъ, теперь, ввиду твоей догадки и того, что ты сказалъ, я вижу ясно, что ты—дуракъ! Ein Narr!—произнесъ Коптевъ. И онъ повторилъ это слово четыре раза подъ рядъ особенно весело.

— Ты будешь въ каторгѣ!—крикнулъ на него Шварцъ.—Герцогъ меня...

— Твой герцогъ,—крикнулъ Коптевъ, перебивая и снова весело смѣясь,—герцогъ—мерзавецъ, злодѣй, кровопійца... ехидное сатанинское навожденіе на Русь! Вотъ что твой герцогъ! Ну, садись, родименькій,—показалъ онъ на сани,—садись, пока еще можешь сидѣть, а пройдеши черезъ сыскъ и допросъ, то и сидѣть тебѣ будетъ нельзя. Не на чемъ!

И офицеръ громко разсмѣялся... Солдаты отъ шутки начальника тоже приснули со смѣха... Умный Шварцъ не двигался, глядѣлъ и соображалъ. Онъ будто догадывался, будто достигъ, наконецъ, мысленно, до чего-то непостижимо-невѣроятнаго...

XXXIV.

За два часа до ареста Шварца съ друзьями, свершилось въ Петербургѣ малое, но и великое дѣло, произошло простое, но и многознаменательное событіе.

Иныя великія историческія событія совершаются такъ, какъ приключается внезапная смерть. Просто и непостижимо! Ясно, какъ день, и поражающе-загадочно, темно, какъ мракъ.

И, чѣмъ проще совершается это событіе, влияющее на судьбу народовъ, тѣмъ болѣе поражаетъ... И именно своей простотой поражаетъ разумъ людской.

Фактъ дѣйствительности, очевидный, крупный, влияющій кругомъ—вдругъ исчезаетъ, какъ тѣнь, вдругъ оказывается маревомъ, а мечта, греза, становится фактомъ и факторомъ!..

Да, многое, что есть на свѣтѣ,—условность и поэтому—почти полная фикція, существованіе несуществующаго.

Вся Россія десять лѣтъ трепетала передъ простымъ чужеземцемъ, выходцемъ.

Одинъ солдатъ повалилъ его прикладомъ ружья, другой заткнулъ глотку платкомъ, третій увезъ въ казематъ...

Но какъ же произошло это? Проще простого...

Много тяжелыхъ дней пришлось Петербургу пережить за царствованіе императрицы, но такихъ дней, какіе наступили послѣ ея смерти, еще не бывало. Весь городъ отъ высшаго общества и придворныхъ до послѣдняго обывателя-мѣщанина, всѣ были подъ гнетомъ боязни...

Всякій, хотя бы не имѣвшій ничего общаго съ борьбой, происходящей среди высшаго правительства, все-таки ожидалъ всякій день быть взятымъ въ крѣпость, въ застѣнокъ и пасть на дыбу. Всякій понималъ, что, когда офицеровъ, чиновниковъ, занимавшихъ, если не высокое, то крайне видное положеніе, хватаютъ и пытаются, то недолжностному человѣку, не военному, можно ожидать еще худшаго.

Болѣе всего поразило всѣхъ то обстоятельство, что управляющій канцеляріей самого принца, Грамматинъ, былъ пытанъ, какъ настоящій злодѣй, и оговорилъ еще кучу лицъ, а затѣмъ принцъ, лишенный всѣхъ своихъ должностей и своего почетнаго положенія, конечно, не посмѣлъ заступиться за близкаго человѣка.

Послѣ этого принцесса при каждомъ посѣщеніи регента дрожала отъ страха и опасалась за себя.

Общее убѣжденіе все крѣпло, что она и мужъ будутъ высланы за-границу, а младенецъ-сынъ останется въ Россіи, чтобы служить поводомъ и ширмами для всевластнаго управленія, вѣрнѣе—для царствованія Бирона надъ имперіей.

Прошло двадцать дней регентства, и 8-го ноября, поутру, графъ Минихъ явился къ принцессѣ и долго бесѣдовалъ съ ней. Онъ вышелъ отъ нея довольный, бодрый, улыбающійся. Анна Леопольдовна осталась у себя смущенная болѣе, чѣмъ когда-либо, оробѣвшая...

Въ этотъ же день графъ Минихъ отправился къ регенту и былъ принятъ настолько любезно, что остался на цѣлый день и даже обѣдалъ въ семьѣ герцога. А послѣ него, уже вечеромъ, его невѣстка, жена сына, состоявшаго камергеромъ при младенцѣ императорѣ, пріѣхала къ герцогинѣ и провела тоже весь вечеръ.

Самъ герцогъ объяснилъ молодой графинѣ Минихъ, что настолько любить и уважаетъ ея свекра, что на дняхъ хочетъ доказать это всенародно. Онъ намекалъ на какую-то высшую награду.

Между тѣмъ, въ два часа ночи фельдмаршалъ явился въ Зимній дворецъ и черезъ сестру своей невѣстки, фрейлину баронессу Менгденъ, велѣлъ разбудить принцессу и просить принять его. Но Анна Леопольдовна оказалась на ногахъ и еще не ложилась спать.

Черезъ часъ вслѣдъ за Минихомъ явилось нѣсколько офицеровъ, которые тоже были приняты принцессой, и она объяснила имъ, что просить ихъ «избавить императора и Россію отъ изверга»—дѣйствовать по приказанію фельдмаршала. Офицеры поклялись повиноваться.

Фельдмаршалъ спустился изъ апартаментовъ въ караульную и, взявъ съ собой только трехъ офицеровъ, отобралъ еще восемьдесятъ grenадеръ.

Черезъ полчаса онъ былъ уже около Лѣтняго дворца, гдѣ въ это время было еще выставлено тѣло покойной императрицы, для прощанія... Въ другомъ концѣ этого дворца жилъ регентъ съ семьей въ нѣсколькихъ комнатахъ, собираясь переехать въ Зимній дворецъ только послѣ похоронъ.

Лѣтній дворецъ былъ въ эту ночь подъ охраной преобразенскаго полка, который былъ любимымъ полкомъ фельдмаршала, вдобавокъ состоялъ подъ его личной командой. Разумѣется, это была не случайность.

Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца, графъ Минихъ послалъ приказаніе караульному капитану явиться немедленно съ двумя другими офицерами. И здѣсь фельдмаршалъ объявилъ имъ приказъ:

— Всему караулу стоять смирно на своемъ мѣстѣ, что ни произойди во дворцѣ!

Послѣ этого Минихъ вступилъ на самый подѣздъ, и выбравъ довѣреннаго человѣка, офицера Манштейна, приказалъ ему взять двадцать рядовыхъ, подняться наверхъ и немедленно доставить регента или живымъ, или мертвымъ!

Двадцать солдатъ осторожно, безъ шума поднялись и прошли нѣсколько комнатъ въ поискахъ, такъ какъ Манштейнъ совсѣмъ не зналъ, гдѣ находится спальня регента. Наконецъ, отворивъ одну дверь, онъ вошелъ въ комнату и увидѣлъ большую постель

за занавѣсомъ, полуосвѣщенную лампадой. Онъ подошелъ къ кровати, отдернулъ занавѣсъ и увидѣлъ двѣ спящія фигуры.

Въ тотъ же моментъ герцогъ открылъ глаза, вскрикнулъ и бросился съ кровати. Манштейнъ схватилъ его за воротъ сорочки и кликнулъ солдатъ.

Послѣ мгновенной борьбы, отъ удара прикладомъ ружья, герцогъ валялся уже на полу, ему завязывали ротъ платкомъ и вязали руки шарфомъ за спиной... Затѣмъ его тотчасъ повели изъ комнатъ, а за нимъ въ одномъ спальномъ бѣльѣ побѣжала его жена... Несмотря на холодъ и снѣгъ, герцогиня выбѣжала такъ на улицу вслѣдъ за солдатами, ведшими мужа.

Здѣсь, по приказанію фельдмаршала, Биронъ былъ посаженъ въ экипажъ и увезенъ, а герцогиню приказано было отвести назадъ во дворецъ. Но солдатъ довелъ ее только до крыльца и ткнулъ въ ближайшій сугробъ. Здѣсь нашелъ ее какой-то офицеръ и повелъ обратно во дворецъ, такъ какъ женщина, казалось, ничего не сознавала.

Минихъ отрядилъ тотчасъ же Манштейна арестовать командира измайловскаго полка — брата регента, а затѣмъ одновременно другого офицера, своего адъютанта, послалъ арестовать кабинетъ-министра графа Бестужева. Коптевъ былъ посланъ къ Шварцу.

Въ четыре часа въ Зимнемъ дворцѣ принцесса, въ восторгѣ отъ счастья, благодарила и цѣловала Миниха.

Злодѣй, страшный и всевластный, смиренхонько сидѣлъ на гауптвахтѣ, запертый въ отдѣльной комнатѣ.

Рядомъ, въ другой комнатѣ, точно такъ же сидѣли арестованные его братъ и Бестужевъ.

Еще было темно, солнце еще не поднималось, когда важные сановники уже съѣзжались, а непроходимыя толпы окружали Зимній дворецъ. Вѣсть, что кровопійца взять и арестованъ, облетѣла весь Петербургъ съ такой быстротой, какая врядъ ли приключалась когда-либо.

Чрезъ два часа послѣ того, что Биронъ былъ подъ арестомъ, даже дальніе обыватели Петербурга выскакивали изъ своихъ домовъ и бѣжали по направленію къ дворцу.

Едва только поднялось солнце, какъ въ Петербургѣ уже началась пушечная пальба. Въ придворной церкви было все высшее и знатнѣйшее чиновничество, и всѣ присягали Аннѣ Леопольдовнѣ, принявшей званіе «правительницы».

Одновременно на площади были собраны все войска, и все полки принимали присягу. Затѣмъ въ одномъ изъ оконъ дворца былъ показанъ народу младенецъ-императоръ.

Все утро до полудня и весь день прошелъ въ томъ, что во всѣхъ церквахъ народъ присягалъ правительницѣ. Вечеромъ уже поскакали гонцы и внутрь Россіи, и за границу съ извѣстіемъ о важномъ событіи.

Ровно черезъ сутки послѣ того часа, когда Биронъ обѣщалъ графинѣ Минихъ высшую награду ея свекру фельдмаршалу за его усердіе, онъ со всемъ своимъ семействомъ въ нѣсколькихъ каретахъ выѣзжалъ подъ конвоемъ изъ столицы въ Шлиссельбургъ. А въ его апартаментахъ Лѣтняго дворца уже осматривались все его вещи, все бумаги, и нарочно назначенная комиссія должна была тотчасъ приняться за разборку всѣхъ бумагъ.

На слѣдующій день весь Петербургъ ликовалъ, а болѣе всего высшіе сановники, получившіе каждый какую-либо награду. Принцъ, лишенный недавно всѣхъ своихъ должностей, сдѣлался «генералиссимусомъ», графъ Минихъ — первымъ министромъ, графъ Остерманъ — великимъ адмираломъ и руководителемъ иностранныхъ дѣлъ. Сама же правительница возложила на себя орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Вѣсть о паденіи Бирона, о томъ, что россійскій «кровопивица» укрошенъ и самъ засаженъ, и будетъ судимъ, и будетъ сосланъ, пробѣжавъ по столицѣ, выѣжала въ заставы и метнулась во все края великой имперіи. И врядъ ли какая вѣсть когда-либо, за многовѣковое существованіе православной земли, бѣжала по ней съ такой же молніевидной быстротой, чуть не опережая вѣтеръ въ полѣ. И это была не простая вѣсть, а нѣчто иное, чудное, великое, торжественное, заставляющее креститься... Эта вѣсть бѣжала и разносилась, какъ звукъ пасхальнаго благовѣста...

«Биронъ палъ», — значило на душѣ россіянина: «Правда воскресла!.. Воистину воскресла!»

И все православные ровно, дружно крестились на всѣхъ далекихъ окраинахъ, на границѣ королевствъ Шведскаго и Польскаго, на границахъ Крымскаго и всѣхъ азіатскихъ ханствъ.

Кара Господня, небесная, равная казни египетской, миновала!

XXXV.

Пока Тора Кнаусъ, узнавъ о новомъ арестѣ Зиммера-Львова, хлопотала о немъ, умоляя крестнаго простить его, Карлъ по просьбѣ сестры уже два раза повидалъ заключеннаго. На третій день Карлъ, поднявшись рано утромъ, около семи часовъ, по обыкновенію выѣхалъ на свою прогулку верхомъ. Проѣхавъ шибкой рысью по нѣсколькимъ улицамъ, онъ невольно замѣтилъ какое-то особенное движеніе и даже одушевленіе въ толпѣ прохожихъ.

Сдѣлавъ свою обычную часовую прогулку за Московскую заставу, онъ вернулся домой, но, уже слѣзая съ лошади, вспомнилъ, что наканунѣ обѣщался сестрѣ отправиться снова возможно раньше къ заключенному и передать ему, въ какомъ положеніи находится его дѣло.

Несмотря на хлопоты всей семьи, новаго по поводу Львова не было еще ничего. Кнаусы имѣли только извѣстіе, что самъ суровый генераль Ушаковъ находилъ, что преступленіе его—только присвоеніе чужого имени и обманъ начальника, но помимо этого—ничего. Помощь въ бѣгствѣ отца доказать было нельзя. По его мнѣнію, молодой Львовъ былъ взятъ въ вотчинѣ неизвѣстно за что, такъ сказать, прихваченъ при арестѣ его отца, тоже ни въ чемъ невиннаго.

Зато самъ Шварцъ былъ сильно озлобленъ противъ молодого человѣка, который провелъ его и дерзкимъ образомъ насмѣялся надъ нимъ.

Карлъ, подѣхавъ къ дому, вызвалъ человѣка и приказалъ ему принести себѣ изъ его комнаты бумагу, въ которой было оффиціальное разрѣшеніе видѣться съ заключеннымъ. Лакей вынесъ бумагу, и Карлъ помчался по Невскому, а чрезъ полчаса былъ уже Петропавловской крѣпости. Здѣсь, такъ же, какъ всякій разъ, прошелъ онъ ворота, вошелъ на одно большое крыльцо и послѣ всякихъ формальностей, показавъ свое разрѣшеніе три раза, вступилъ въ корридоръ, гдѣ находилась камера № 7. Унтеръ-офицеръ съ ключами отъ камеры былъ на своемъ мѣстѣ.

При видѣ Карла онъ выговорилъ угрюмо, почти проворчалъ:

— Къ кому нонѣ? Въ какую камеру?

— Да все въ ту же!—отозвался Карлъ.

— Въ ту же? № 7?

— Да!

Карль хотѣлъ достать изъ кармана бумагу, но унтеръ сторожъ сдѣлалъ движеніе рукой, говорящее, что не стоитъ того показывать. Онъ двинулся, бормоча:

— Диковина! Все вамъ № 7 подавай! Этакого не запомню! Или ужъ вашихъ благопріятелей завсегда въ этотъ седьмой указано!

Карль, ничего не понимая въ словахъ унтеръ офицера, шель за нимъ и думалъ:

«Или по глупости путаешь что-то, или подъ хмелькомъ?»..

Унтеръ отомкнулъ замокъ, раскрылъ дверь, впустилъ Карла и тотчасъ же снова захлопнулъ дверь за нимъ.

Войдя въ камеру и ступивъ два шага, Карль остолбенѣлъ и стоялъ, какъ истуканъ... Предъ нимъ въ углу у окна, на томъ же стулѣ, на которомъ вчера сидѣлъ Львовъ, точно такъ же сидѣлъ другой человѣкъ, его знакомый, но не Львовъ. И онъ тоже, замѣтно изумленный, глядѣлъ на Карла.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, такъ какъ оба — и заключенный, и гость,—были равно озадачены, каждый на свой ладъ.

— Что такое? — проговорилъ чуть не шепотомъ Карль. — Что это?..

И онъ поднялъ руку, чтобы протереть себѣ глаза.

Сидѣвшій поднялся и приблизился со словами:

— Съ доброй вѣстью? Спасибо вамъ...

Карль ничего не отвѣчалъ, продолжая таращить глаза. Заключенный, замѣнившій Львова, былъ не кто иной, какъ Лаксъ, еще вчера вечеромъ поздно игравшій въ шахматы въ гостяхъ у Шварца.

— Что это значитъ? Какъ вы здѣсь очутились? Я не къ вамъ шель... Что это? Я ничего не пойму... За что?.. — заговорилъ, наконецъ, Карль.

— Я самъ не знаю... Но вы не ко мнѣ? Не для меня?.. — смутился Лаксъ.

— Нѣтъ, я шель къ Зимеру, т. е. къ Львову... Я общался ему... Съ какихъ же поръ вы здѣсь?

— Уже часа четыре! Я взятъ былъ тотчасъ же послѣ того, какъ вернулся отъ г. Шварца.

— За что? — воскликнулъ Карль.

— Понятно, не знаю... Ничего не знаю... ничего не понимаю... Г. Шварцъ былъ со мной за эти дни особенно любезенъ. Наконецъ, за мной не можетъ быть никакой вины. Если я

заарестованъ, то, очевидно, по приказанію его свѣтлости и, стало быть, очевидно, вслѣдствіе какихъ-либо клеветъ.

— Это поразительно!—воскликнулъ Карль.—Но, вѣдь, именно здѣсь былъ Львовъ?

— Да. Его утромъ перевели, чтобы засадить меня. Подумайте, Львовъ въ крѣпости и я тоже. Онъ виновенъ на всѣ лады, а я-то? Подумайте, въ чемъ же я могу быть виновенъ?

— Это невѣроятно.

— Да, дѣйствительно, невѣроятно,—вздыхнулъ Лаксъ,— но все-таки ваше нечаянное посѣщеніе меня обнадеживаетъ... Это— счастье! Ради Бога, Карль, ступайте сію минуту и доложите г. Шварцу о томъ, что приключилось. Скажите, что я умоляю его объяснить мнѣ, за что я могъ навлечь на себя его гнѣвъ или гнѣвъ его свѣтлости. Объясните, что это не можетъ не быть самая отчаянная злодѣйская клевета. Я ни въ чемъ не виновенъ! Если бы у меня былъ хоть одинъ однофамилецъ въ Петербургѣ, то я бы подумалъ, что это ошибка какого-нибудь офицера. Впрочемъ, нѣтъ! При арестѣ у меня спросили, служу ли я въ канцеляріи г. Шварца. И, когда я отвѣтилъ утвердительно, меня немедленно связали по рукамъ и повели. И, ни дорогой, ни здѣсь, я ни отъ кого ничего добиться не могъ. Меня привезли, провели сюда и втолкнули въ эту камеру. Сторожъ сказалъ мнѣ, что это одна изъ лучшихъ, что мнѣ дѣлается, стало быть, уваженіе. Хорошо уваженіе! Ради Бога, помогите, Карль!

Лаксъ сталъ горячо умолять молодого человѣка тотчасъ же взяться за его дѣло.

Разумѣется, Карль обѣщался, и было рѣшено не откладывать. Карль сталъ стучать въ дверь. Снова заскрипѣлъ замокъ, и унтеръ выпустилъ его.

Первое мгновеніе молодой Кнаусъ хотѣлъ объяснить сторожу, что произошло недоразумѣніе, но затѣмъ онъ подумалъ, что лучше помолчать. Пускай тотъ думаетъ, что у него разрѣшеніе видѣть обоихъ заключенныхъ.

— А гдѣ же тотъ, что былъ тутъ? — спросилъ Карль. — Тотъ, у котораго я былъ?

— А его перевели въ другой корридоръ. Этотъ, стало быть, важнѣе. Тому дали камеру похуже. Да теперь придется по три и четыре человѣка сажать въ каждую, а не въ одиночку!—разсмѣялся унтеръ.

— Отчего такъ?

— Да ужь больно много народу за ночь навезли къ намъ! Страсть! Никогда столько не бывало! Должно, въ столицѣ чтой-то новое затѣялось. Разные буяны! Диковинное время! Сказывали мнѣ, что потрафилось... Да я—не дуракъ, чтобы адакое пересказывать! Вѣстимо—выдумки...

Карлъ не обратилъ вниманія на слова унтера.

Когда юноша выходилъ снова изъ воротъ Петропавловской крѣпости, то встрѣтилъ цѣлую кучку людей подъ конвоемъ, но не простолодиновъ, а дворянъ. Нѣкоторые были въ мундирахъ, другіе—въ обыкновенныхъ дворянскихъ кафтанахъ и въ парикахъ, третьи—въ такомъ платьѣ, какъ если бы, взятые въ постели, они наскоро надѣли, что попало подъ руку. Одинъ старикъ, котораго Карлъ зналъ хорошо въ лицо, но теперь не могъ вспомнить его фамиліи, былъ въ простомъ халатѣ и съ ермолкой на головѣ.

Увидавъ его въ числѣ конвоируемыхъ, Карлъ изумился... Старикъ былъ нѣмецъ и занималъ довольно важную должность.

Юноша, быстро переѣхавъ Неву, взявъ вдоль набережной и почти въ карьеръ понесся къ дому на Фонтанкѣ, гдѣ была канцелярія Шварца. Онъ увѣренъ, что Лаксъ арестованъ или по возмутительному клеветническому доносу, или же прямо по ошибкѣ. Онъ ни минуты не сомнѣвался, что, если сейчасъ увидитъ Шварца, то изумить его извѣстіемъ, что Лаксъ взятъ и въ крѣпости.

XXXVI.

Завернувъ въ ворота и рысью въѣхавъ во дворъ, Карлъ соскочилъ съ коня и сталъ оглядываться. Во дворѣ было какъ-то пусто, не виднѣлось никого, а между тѣмъ обыкновенно по двору всегда шнырялъ всякій народъ. Онъ крикнулъ. Въ дверяхъ сарая показалась фигура какого-то солдата. Онъ позвалъ его и приказалъ поддержать лошадь, но солдатъ, удивленно глядя ему въ лицо, спросилъ:

— Да вы къ кому?

— Въ канцелярію! — рѣзко отозвался Карлъ на глупый вопросъ.

— Въ какую канцелярію? Да нешто вы... Нешто канцелярія...

— Что ты пьянь, что ли?! — вскрикнулъ Карлъ. — Держи лошадь!

И бросивъ поводья, которые подхватилъ солдатъ, юноша быстро двинулся на главный подъѣздъ. Двери были заперты. Этого никогда не бывало.

— Баринъ, а баринъ! — крикнулъ солдатъ.— Вамъ же сказываютъ! Заперто все.

— Какъ, заперто? Почему? Что такое?

— Да нешто вы не знаете!— кричалъ солдатъ, и, взявъ лошадь, онъ приблизился вмѣстѣ съ нею и продолжалъ:— вѣдь, вамъ же сказываютъ, баринъ, никого нѣтъ. Заперто! Оттого я васъ и опрашивалъ, къ кому вы. Я одинъ тутъ. Еще есть два человѣка, да они со двора ушли.

— А въ канцеляріи?

— Какая вамъ канцелярія! Ни души, баринъ! И двери, видите, заперты.

— Да гдѣ же всѣ?

— А кто ихъ знаетъ! Нынѣ ранымъ рано пріѣхалъ офицеръ съ солдатами, спросилъ, есть ли кто въ домѣ, и, узнавъ, что нѣтъ никого, замкнулъ двери и ключъ увезъ. Думали мы, хоть кто изъ господъ придетъ по должности. Анъ, вышло, никто и не приходилъ.

— Да что же все это значитъ?

— Да значитъ, баринъ, имъ, стало быть, всѣмъ карачунъ пришелъ...

— Кому, дурень?

— Да всѣмъ!

— Кому всѣмъ? Что ты?

— Да имъ же, канцелярскимъ! Они же, вѣдь, все нѣмцы были. Кровопивицы! Коли его самого въ три погибели скрутили да скрючили, то, вѣстимое дѣло, и эфтимъ всѣмъ досталось.

Карль, недоумѣвая, глядѣлъ на солдата, ничего не понималъ и видѣлъ только, что солдатъ не пьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, смущеніе закралось въ сердце юноши. Онъ вспомнилъ оживленіе на улицахъ, которое его удивило, затѣмъ арестъ Лакса, неожиданный и необъяснимый!... Кучка конвоируемыхъ въ воротахъ крѣпости! Наконецъ, эта канцелярія, запертая какимъ то офицеромъ съ солдатами.

Карль перемѣнился въ лицѣ, руки его слегка дрожали... Онъ начиналъ понимать, что нѣчто невѣроятное и худое для его семьи совершилось въ Петербургѣ! А онъ, какъ ребенокъ, скача по улицамъ столицы, ничего еще не знаетъ. Онъ вскочилъ въ сѣдло и уже маршъ-маршемъ полетѣлъ домой.

Въ концѣ первой же улицы ему попалась коляска и въ ней Адельгеймъ. И тотъ, и другой вскрикнули... Одинъ съ маху пріостановилъ коня, а другой приказалъ кучеру остановиться.

— Это ужасно! Невѣроятно! — вскрикнулъ Адельгеймъ по-нѣмецки.

— Что?!—вскрикнулъ Карлъ.

— Вы не знаете?

— Не знаю!... Знаю!... Не знаю что!... Говорите!...

— Его свѣтлость схваченъ ночью, заарестованъ... Братъ его и сынъ—тоже. На площади Зимняго дворца уже полки гвардейскіе принимаютъ присягу на вѣрность правительницѣ російской.

Карлъ, слушая, сидѣлъ на лошади, онѣмѣвъ отъ изумленія или, скорѣй, отъ ужаса. Мгновенно понялъ онъ, что подобное происшествіе страшно отзовется и на нихъ.

Адельгеймъ, будто угадавъ его мысль, прибавилъ:

— Дѣлайте то же, что и я! Вы знаете, куда я ѣду? Вы думаете — въ гости? Я ѣду за Нарвскую заставу, тамъ найду крестьянскихъ лошадей и двинусь, куда глаза глядятъ—хотя бы на время. Теперь всё мы погибнемъ. Со всѣми будетъ по-ступлено такъ же, какъ со Шварцемъ.

— Со Шварцемъ?!—вскрикнулъ Карлъ.—Что? Гдѣ онъ?

— Арестованъ этой ночью, послѣ того, что мы разѣхались отъ него, и, вѣроятно, сидитъ гдѣ-нибудь въ казематѣ.

— О-о!.. — только воскликнулъ Карлъ, бросилъ поводья и схватилъ себя за голову.

— Скачите скорѣй домой! Скажите отъ меня вашей матушкѣ собираться вамъ всѣмъ сію минуту и выѣзжать. Куда — все равно. Лучше всего въ Курляндію. Я могу укрыться около Ревеля. А вамъ нужно за границу спастись. Сгоряча будетъ много арестовъ и ссылокъ всѣхъ приверженцевъ герцога. Потомъ, конечно, все успокоится, и незахваченные теперь останутся на свободѣ. Ну, прощайте! Часа черезъ два-три я буду уже далеко отъ заставы. Скажите это вашей матушкѣ! Я—не ребенокъ и, если спасаюсь изъ столицы, то, стало быть, всѣмъ намъ выжидать опасно! Соберитесь и вы тотчасъ! Прощайте!

Карлъ пустился въ карьеръ и, прискакавъ домой, бросилъ лошадь во дворѣ и стремглавъ кинулся въ домъ. Но въ домѣ онъ нашель уже необычайную сумятицу. Люди сновали, бѣгали и охали. Оказалось, что Амалія Францевна лишилась чувствъ при страшномъ извѣстіи и, положенная въ постель, уже давно лежитъ безъ движенія.

Онъ бросился въ спальню къ матери и на порогѣ встрѣтился съ сестрой. Тора была блѣдна, какъ смерть. При видѣ

брата, она бросилась къ нему на шею. Послѣ страннаго, какъ бы омертвѣлаго состоянія, въ которомъ дѣвушка находилась уже часа два, она теперь сразу разразилась рыданіями на весь домъ.

— Тора! Тора!—восклицала Карль. — Надо скорѣй... Надо уѣзжать! Сейчасъ Адельгеймъ сказалъ... Онъ говоритъ, насъ могутъ арестовать. Я не думаю, но все-таки лучше бы уѣзжать изъ Петербурга.

— Непремѣнно...—черезъ силу выговорила Тора и прибавила:—не успѣемъ. Я жду каждую минуту. Если бы матушка была не въ такомъ положеніи, мы теперь уже сѣли бы въ экипажи.

— Стало быть, и ты думаешь, что мы будемъ взяты?

— Ахъ, Карль, конечно! Непремѣнно... Сегодня же. Крестный отецъ уже съ солдатами увезенъ изъ столицы. Куда—невѣдомо. По всѣмъ вѣроятностямъ, въ Шлиссельбургскую крѣпость. Мы, какъ близкіе ему люди, непременно окажемся виновны.

— Въ чемъ, Тора? Господь съ тобой! Въ чемъ?

— Въ чемъ?!—вскрикнула дѣвушка отчаянно, и глаза ея блеснули ярко.—Въ томъ же, въ чемъ были виновны сотни и вся тысяча русскихъ, которыхъ пытали и ссылали за все лѣто и всю осень. И вотъ... вотъ возмездіе. Я молчала, боялась признаться, но мнѣ всегда чужалось, что кончится все... вотъ этакъ... Да! — и, помолчавъ, Тора выговорила глухо: — герцогъ — регентъ... и въ казематѣ! Крестный—сановникъ, властный, грозный, и самъ въ застѣнкѣ, на дыбѣ... Это невѣроятно! Все-таки невѣроятно!

— Неужели ты думаешь, Тора, что даже до этого дойдетъ?..

— Милый, ты толкуешь, какъ ребенокъ...

— Герцогъ и Шварцъ все-таки были... не простые какіе дворяне...

— А Волынский, обезглавленный по ихъ прихоти?! Сами показали примѣръ...

И махнувъ рукой, Тора смолкла.

Разумѣется, молодая дѣвушка оказалась права, ожидая бѣды. Послушаться совѣта Адельгейма и выѣхать тотчасъ, бѣжать, куда глаза глядятъ, было невозможно, такъ какъ Амалія Францевна, пораженная событіемъ, не вставала съ постели.

Однако, Тора не разочла, что было все-таки благоразумнѣе уѣзжать и увозить мать даже и больную...

Черезъ два дня послѣ ареста Шварца, г-жу Кнаусъ все равно заставили подняться на ноги.

Въ домѣ появились солдаты съ простымъ капраломъ, который ими командовалъ. Поднятая дерзко и грубо больная женщина съ дочерью и сыномъ была перевезена въ ту самую канцелярію, гдѣ властвовалъ долго Шварцъ. Всѣ трое были заключены вмѣстѣ въ одну изъ большихъ камеръ.

Въ чемъ заключалась вина семьи Кнаусъ, разумѣется, никто не говорилъ, ибо не зналъ. Были составлены списки близкихъ лицъ герцога и его клеветовъ. Кнаусы были въ числѣ первыхъ... Этого было достаточно.

Заарестованіе семьи немедленно повело къ тому, что ихъ квартиру ограбили... сначала солдаты, а затѣмъ всякіе «незванные» люди, явившіеся съ улицы, когда раскрытый домъ былъ брошенъ на произволъ судьбы, а прислуга со страха разбѣжалась.

Допросъ Кнаусовъ и многихъ другихъ, арестованныхъ по тѣмъ же соображеніямъ, былъ, однако, отложенъ на неопредѣленное время... Канцелярія была заперта. Все, ее изображавшее, ея наличный составъ, преобразилось за двое сутокъ въ арестантовъ. Ходили слухи, что обночная канцелярія составляется изъ приверженцевъ перваго министра графа Миниха, но вступать въ должность и начать чинить судъ и расправу они еще не скоро.

Положеніе Кнаусовъ и имъ подобныхъ было исключительно въ томъ отношеніи, что имъ окончательно не у кого было просить покровительства и защиты.

Народилась новая нѣмецкая же партія—приверженцы правительницы и принца-генералиссимуса, которая относилась къ нимъ, казалось, даже враждебно, чѣмъ русскіе.

Все, что поднялось къ власти, ненавидѣло своихъ павшихъ соотчичей и презрительно звало ихъ кличкой Die Kurländer (курляндцы).

XXXVII.

Петръ Львовъ, освобожденный по дѣлу, возникшему вслѣдствіе доноса князя Черкаскаго, и затѣмъ тотчасъ же арестованный вновь, не зналъ окончательно, какъ объяснить свой арестъ. Но съ первыхъ же словъ допроса предъ грознымъ Ушаковымъ онъ понялъ все и пришелъ въ отчаяніе. Онъ понималъ, что все открыто и извѣстно судьямъ и что его отецъ и сестра взяты тоже.

Разумѣется, онъ тотчасъ снова обратился къ Торѣ Кнаусъ. Она хлопотала за него. Карлъ явился къ нему въ крѣпость. Но вѣсти были плохія. Наконецъ, дѣло повернулось ужасно...

Теперь онъ лежалъ на кровати съ глухой болью во всѣхъ членахъ и съ жгучей болью въ спинѣ. Вчера вечеромъ, вызванный предъ полночью къ допросу, онъ былъ подвергнутъ пыткамъ. Но тѣлесное страданіе заглушалось чувствомъ стыда и страшнаго озлобленія. Впрочемъ, вообще мысль о себѣ самомъ приходила лишь изрѣдка. Постоянная мысль объ отцѣ и сестрѣ преобладала и лежала на сердцѣ гнетомъ. Онъ ничего не зналъ объ ихъ судьбѣ. Вина его увеличилась, а виновникомъ этого былъ онъ же самъ, давшій отцу средство бѣжать. Теперь, почему знать, старика могутъ тоже начать пытать. А развѣ онъ, дряхлый и хилый здоровьемъ, можетъ выдержать истязаніе? Сестра тоже жила болѣе или менѣе спокойно въ деревнѣ, а по его винѣ теперь попала въ число заключенныхъ.

Навѣрное Львовъ ничего еще не зналъ, но былъ все-таки глубоко убѣжденъ,—кое-что угадавъ изъ своего допроса,— что старику-отцу грозитъ та же бѣда: допросъ съ пристрастьемъ или дыба!

Бѣдный молодой человекъ, вчера пытанный и лежащій на кровати, не зналъ и даже не предчувствовалъ, что старикъ-отецъ, тоже пытанный вчера послѣ него, на той же дыбѣ, не выдержалъ страшнаго и смертельнаго для его лѣтъ истязанія. Въ это утро изъ крѣпости уже вывезли покойника въ досчатомъ гробу на одно изъ ближайшихъ кладбищъ.

«Какіе дни! Какіе дни!»—воскликнулъ мысленно Львовъ.— «Все сказываютъ—лютые... Правда!.. Но и диковинные тоже!.. Опасался я Коптева, и вышла диковина! А затѣмъ, считая себя навсегда спасеннымъ, думалъ вмѣстѣ съ отцомъ и сестрой убѣжать на край свѣта, а тутъ вдругъ какой-то невѣдомый іуда-предатель погубилъ всѣхъ и совсѣмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и бѣдный Коптевъ, благородно поступившій, тоже пострадалъ изъ-за насъ».

Около полудня унтеръ пришелъ къ заключенному, принесъ ему въ горшкѣ теплыхъ шей, краюху хлѣба и полбутылки квасу. Заперевъ за собой дверь, онъ весело и какъ-то странно поглядѣлъ на Львова.

— Ну, баринъ, кушай! А когда покушаешь, я тебѣ такое скажу, что ахнешь и запрыгаешь! Хотя и поковеркали тебя вчера въ застѣнкѣ, а все-таки запрыгаешь.

— Что такое?—тоскливо спросилъ Львовъ.

— А ты прежде покушай!

Но веселое лицо унтера настолько удивило молодого человека, что онъ отвѣтилъ рѣшительно и садясь на кровати:

— Нѣтъ, служивый, говори. Хорошія, вѣдь, вѣсти!

— Хорошія, баринъ!

— Прослышалъ ты, что меня г. Шварцъ требуетъ освободить?

— Шварцъ?

И унтеръ весело присвистнулъ.

— Вашъ вельможа Шварцъ теперь...

И онъ снова свистнулъ.

— Что такое? Что ты?

— А вотъ что, баринъ! Господь Богъ сжалился надъ нами грѣшными!—шепотомъ заговорилъ онъ, хотя за толстой дверью въ корридоръ никто бы не услышалъ его голоса:—злой російскій захваченъ и самъ отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Самъ—Биронъ!

Львовъ вскочилъ съ мѣста, бросился къ унтеръ-офицеру и схватилъ его за плечи.

— Да! Да!—разсмѣялся этотъ.—Не ты одинъ этакъ-то прыгаешь—весь Питеръ прыгаетъ да Богу молится.

— Да правда ли?!—вскрикнулъ Львовъ.

— Чего тебѣ? Правда,—говорятъ тебѣ! Ночью самъ фельдмаршалъ собственноручно захватилъ его въ кроваткѣ, скрутилъ, заткнулъ глотку и потащилъ! А таперича, поди, его уже нажариваютъ плетями.

Львовъ схватилъ себя за голову и опустилъ снова на кровать. Унтеръ что-то продолжалъ говорить, но онъ не слушалъ.

— Вѣдь, это—спасеніе! Наше спасеніе!—бормоталъ онъ самъ себѣ.

— И всѣ, всѣ, всѣ!—разслышалъ онъ слова, которыя повторялъ унтеръ чуть не въ десятый разъ.

— Что всѣ—спросилъ онъ.

— Да всѣ! Они всѣ—биронщики! Ни одинаго, говорятъ, не останется: всѣхъ заберутъ и всѣхъ, какъ клоповъ, передавать! Милостивъ Господь Богъ! Давай Богъ здоровья фельдмаршалу! Вѣдь, я, баринъ, его знаю. Я, вѣдь, сказывалъ тебѣ, что я съ нимъ Очаковъ бралъ. Такъ ужъ ты и разсуди. Коли онъ, стало быть, турку билъ, такъ что же ему этотъ кровопивецъ? Что блоха!

— Спасены! Всѣ спасены!—воскликнулъ Львовъ, снова вставая и тихо двигаясь изъ угла въ уголъ по камерѣ.

Даже боль въ плечахъ и спинѣ, казалось, если не исчезла, то была много легче.

— Уйдемъ въ Караваево,—восторженно говорилъ онъ вслухъ себѣ самому,—я съ женой... и Коптевъ съ женой... Черезъ годъ вокругъ Павла Константиновича Львова будутъ не только два сына и двѣ дочери, а и внуки...

И чрезъ мгновеніе онъ обернулся къ унтеру и сказалъ:

— Вѣдь, вотъ, судьба! Отложи Ушаковъ мой допросъ на сегодня, я бы и пытанъ не былъ. Захвати фельдмаршалъ злодѣя недѣлю назадъ, мы бы и арестованы не были.

Цѣлыхъ двое сутокъ, однако, волновался Львовъ въ своей маленькой каморкѣ, не зная ничего о своей судьбѣ... Но онъ волновался не отъ ужаса или отчаянія, а стъ свѣтлыхъ надеждъ, которыя почему-то все усиливались. Унтеръ, принося ему пищу, каждый разъ приносилъ и новыя извѣстія: о ликованіи столицы и всѣхъ обывателей, о томъ, какъ цѣлуются люди, будто христосуются, и празднуютъ карачунъ російскаго кровопійцы и всѣхъ биронщиковъ.

На третій день послѣ того, какъ Львовъ узналъ о великомъ совершившемся событіи, около полудня, ключъ заскрипѣлъ въ замкѣ его двери не въ урочный часъ.

Львовъ насторожился и будто чувствовалъ, что это не проста, что это — не сторожъ. Едва только дверь отворилась, какъ онъ вскочилъ и, изумляясь, шагнулъ навстрѣчу неожиданному гостю.

Онъ сразу даже не призналъ вошедшаго. Онъ увидѣлъ только, что лицо это ему знакомо. Только послѣ нѣсколькихъ мгновеній, будто сообразивъ, онъ узналъ кто передъ нимъ стоитъ.

— Глазамъ не вѣрится! — тихо произнесъ онъ. — Слава Богу.

Предъ нимъ былъ Коптевъ, но уже въ формѣ Преображенскаго полка.

Однако, изумленіе Львова перешло въ тревогу, потому что Коптевъ казался смущеннымъ и даже печально глядѣлъ на него.

— Говорите! Рассказывайте! Знаете ли что про батюшку, про сестру?

Офицеръ отвѣтилъ, смущаясь, что ничего не знаетъ, и, уклоняясь отъ другихъ вопросовъ Львова, сталъ говорить, конечно, о событіи, рассказывая все въ подробностяхъ. Прежде всего онъ объяснилъ, что долженъ былъ тоже быть арестованъ, но

скрылся у Миниха, а затѣмъ сталъ и участникомъ въ сокрушении злодѣя и въ награду переведенъ въ полкъ графа чиномъ выше.

— Первые два дня не было ни минуты своей. Я все справлялъ порученія графа, а сегодня на разсвѣтѣ я уже началъ хлопотать о васъ,—сказалъ Коптевъ.—Просилъ, конечно, фельд-маршала за васъ, и онъ даже обѣщался не только приказать васъ освободить, но даже хочетъ васъ къ себѣ на службу взять. Онъ много смѣялся, какъ вы Шварца провели за ночь, именуюсь Зиммеромъ...

И, посидѣвъ еще немного, Коптевъ поднялся, говоря, что идетъ просить разрѣшенія повидать его сестру Соню, вѣроятно, заключенную, по его свѣдѣніямъ, на дворѣ воеводской канцеляріи.

— А батюшку-родителя развѣ вы не хотите повидать?—спросилъ Львовъ горячо.

— Да... но я... я не знаю...—началъ Коптевъ, запинаясь.

— Вы не хотите, имѣя возможность, повидать старика, который полюбилъ васъ, какъ родного?.. Наконецъ, вы и мнѣ тогда сообщите, что онъ... Я ничего, вѣдь, не знаю о батюшкѣ.

Коптевъ, видимо, смущаясь, какъ-то переминался на мѣстѣ съ ноги на ногу. Казалось, онъ собирается заговорить о чемъ-то другомъ, но не рѣшается.

— Что съ вами?—замѣтилъ, наконецъ, Львовъ:—Вы будто что-то на умѣ держите, чего сказать не хотите?

— Да... это вѣрно, Петръ Павловичъ!—вдругъ рѣшительно выговорилъ Коптевъ.—Да... Но я боюсь... васъ огорчить боюсь... Слушайте... На все воля Божья... велѣнья Господни неисповѣдимы! Я долженъ сообщить вамъ горестное для васъ... Послѣ вашего допроса съ пристрастьемъ—допрашивали и Павла Константиновича... и такъ же!

Коптевъ смолкъ и ждалъ.

— Такъ же?!—повторилъ Львовъ робко.—Такъ же? Его пытали?!

— Да,—едва слышно отозвался Коптевъ.

— Пытали!! На дыбѣ?!

— Да.

— И что же? Что?!

— Въ его года...—тихо началъ офицеръ, потупляясь,—въ его возрастѣ, конечно... Несчастный Павелъ Константиновичъ не смогъ вытерпѣть и поэтому...

И Коптевъ опять смолкъ.

— Онъ истерзанъ! При смерти?!—вскрикнулъ Львовъ, хватаясь за голову.

— Да... очень... совсѣмъ... почти кончается... Можетъ быть, теперь даже...

Львовъ вздрогнулъ, потомъ отошелъ, опустился на кровать и закрылъ себѣ лицо руками.

— Я понялъ...—прошепталъ онъ.—Скажите, вѣдь, я понялъ? Да?..

Коптевъ молчалъ.

— Скажите,—когда?.. ночью?.. утромъ?.. недавно?

— Тогда же... На самой дыбѣ...—тихо отвѣтилъ офицеръ.

Сидящій Львовъ вдругъ пригнулся, какъ отъ удара, и глухое рыданіе огласило камеру.

Черезъ сутки по приказу самага властнаго въ столицѣ сановника, графа Миниха, заключенные Петръ Львовъ и его сестра были освобождены... Но ихъ радость была отравлена горемъ. И къ этому горю примѣшивалось что-то необъяснимое. Это была неотступная, гложущая сердце мысль или соображеніе:

«Однимъ днемъ, даже нѣсколькими часами раньше погибни Биронъ—и старикъ-отецъ былъ бы живъ!»

Дѣйствительно, приказъ регента о допросѣ съ пристрастіемъ былъ полученъ Ушаковымъ въ сумерки, но къ пыткѣ было приступлено имъ въ полночь, даже послѣ полуночи... Въ два часа ночи старикъ Львовъ потерялъ сознание отъ истязаній и скончался... Въ три часа ночи Биронъ былъ уже государственнымъ арестантомъ.

И съ этой мыслью не могли примириться ни Петръ, ни Соня.

Но, если у молодой дѣвушки должны были наступить тотчасъ же свѣтлые дни—бракъ съ любимымъ человѣкомъ послѣ столькихъ мученій,—то у Петра Львова горе по отцѣ усугубилось еще и другимъ, новымъ горемъ.

— Господи! Что за времена! — восклицалъ Львовъ: — изъ огня да въ полымя.

Едва освобожденный, несмотря на то, что онъ чувствовалъ себя слабымъ и разбитымъ отъ послѣдствій пытки, онъ, конечно, тотчасъ бросился въ домъ близкихъ, почти родныхъ людей...

«Конечно, тоже не медля вѣнчаться!» — думалось ему съ грустной радостью.—«Батюшка съ того свѣта простить, что не дождался годовщины его кончины. Нельзя: времена на вѣрныя... Минихъ да правительница—тѣ же нѣмцы».

Но, когда Львовъ подъѣхалъ къ дому Бурцева, то нашелъ ворота запертыми и едва добился дворника, отъ котораго узналъ нѣчто, ставшее новымъ страшнымъ ударомъ.

Бурцевъ съ внучкой былъ арестованъ наканунѣ и увезенъ...

— Куда?—вскрикнулъ Львовъ, цѣпляясь за зипунъ мужика, какъ бы утопающій.

— Въ ссылку, сказалъ намъ капралъ. А куда—не вѣлно ему сказывать никому.

— За что?— снова вскрикнулъ Львовъ, но, разумѣется, самъ онъ мысленно отвѣтилъ себѣ:

«Нѣмцы! А онъ—приверженецъ цесаревны, а Минихъ ея не любить»...

И, вернувшись домой, Петръ вдругъ почувствовалъ себя совѣмъ дурно. Вечеромъ онъ былъ въ постели и въ бреду.

Все, споряча не сказавшееся, теперь сказалось сразу и шибче: и истязанье на допросѣ, и душевная пытка, нравственная дыба!

И цѣлый мѣсяцъ вылежалъ сильный и здоровый молодой человекъ отъ болѣзни, именуемой «бѣлой» горячкой. При этомъ плечи, часть спины, шея и руки сильно опухли. Дыба отзывалась не тотчасъ, но зато отзывалась долго.

За время болѣзни Петра, Соня при помощи жениха разыскала могилу отца и поставила памятникъ. Затѣмъ, по неотступнымъ просьбамъ Коптева, она стала кой-что покупать и готовить сама свое приданое...

— Какъ встанетъ Петръ Павловичъ, такъ сейчасъ же въ храмъ Божій!—говорилъ Коптевъ.—Хоть я и любимецъ нынѣшняго вельможи, чуть не втораго россійскаго регента, а все-таки лучше спѣшить: времена наши перемѣнчивы. Богъ вѣсть, что впереди? У фельдмаршала тоже враговъ много всегда было, а теперь ихъ еще больше набралось изъ завистниковъ.

Выздоровѣвшій Львовъ, конечно, согласился съ этимъ мнѣниемъ. И рѣшено было послѣ наступившаго уже Рождественскаго поста вѣнчаться немедленно, не отлагая въ долгій ящикъ.

Впрочемъ, Львовъ тѣмъ охотнѣе старался ускорить свадьбу сестры, что ему не на кого было оставить ее въ Петербургѣ.

А разставаться приходилось. Львовъ рѣшилъ твердо добиться, куда сосланы Бурцевы, и ѣхать за ними, къ нимъ. Теперь у него на свѣтѣ, по замужествѣ сестры, оставалось одно близкое существо—Лиза.

Однако, всё хлопоты и старанія вывѣдать что-либо о Бурцевыхъ были безуспѣшны. На Смольномъ дворѣ, у цесаревны, не было никакихъ свѣдѣній объ ея приверженцѣ, изъ-за нея, очевидно, пострадавшемъ, какъ и съ десятокъ другихъ петровыхъ старыхъ служаекъ.

Въ канцеляріи новаго «перваго» министра, несмотря даже на принадлежность къ ней Коптева, ничего добиться не удалось. Миниховскіе клеветы были, очевидно, хитрѣе и осторожнѣе бироновскихъ.

Львовъ, пожелавшій изъ-за одного лишь любопытства узнать, гдѣ находятся Шварцъ, семья Кнаузовъ, Лаксъ и его благодѣтель Адельгеймъ, наивно много ему помогшій, не могъ, однако, ничего вывѣдать. Онъ узналъ только, что Шварцъ былъ сначала заключенъ въ Шлиссельбургъ, но куда дѣвался или сгинулъ — было неизвѣстно. Старикъ Игнатъ, котораго Петръ поводадъ, нарочно съѣздивъ для этого въ крѣпость, объяснилъ ему:

— Этотъ злючій нѣмецъ врядъ ли живъ теперь... Такъ злился, такъ злился, сидючи у меня, что на стѣнки швырялся... Опасался я его, чтобы какъ меня не укусилъ. Ей-Богу... Ну, вотъ, полагаю я—и не ради смѣха—что онъ отъ злости лопнулъ и померъ гдѣ въ ссылкѣ или дорогой.

Въ разговорѣ Игнатъ называлъ Львова по старому «Генрихъ Ивановчъ». Петръ, ни слова не объяснивъ ему, пожелалъ видѣть камеру, гдѣ содержался его отецъ... Но это оказалось невозможнымъ. Въ ней былъ заключенъ теперь, по словамъ старика «кто-то изъ биронщиковъ» подъ величайшимъ «секретомъ», и къ нему никого не допускали. Даже ключъ былъ въ канцеляріи, и пищу ему приносилъ капралъ изъ преображенскаго полка.

И Львовъ уѣхалъ, оставивъ Игната въ убѣжденіи, что онъ—Генрихъ Ивановчъ Зиммеръ.

Потерявъ всякую надежду разузнать, куда сосланъ Бурцевъ съ внучкой, онъ рѣшился снова во второй разъ на комедію служебную. Онъ рѣшился проситься въ управленіе фельдмаршала, чтобы, въ качествѣ чиновника по сыскнымъ дѣламъ, все-таки добиться, гдѣ Бурцевы. Коптеву доложилъ о немъ графу, и Львовъ былъ зачисленъ.

Свадьба сестры и поступленіе на службу состоялись почти одновременно—въ началѣ января.

Два мѣсяца Львовъ дѣятельно и усердно служилъ въ управленіи властнаго «перваго» министра и былъ, наконецъ, имъ замѣченъ и обласканъ.

«Еще мѣсяць обожду»,—думалъ Петръ,—«и прямо въ награду за службу попрошу разыскать, гдѣ Бурцевы, и простить ихъ—вернуть изъ ссылки!»

По тому, насколько фельдмаршалъ милостиво относился къ нему и отличалъ его, Львовъ могъ вполне надѣяться на успѣхъ. А одного слова Миниха было достаточно для спасенія Бурцевыхъ.

Храбраго воина и героя, спасаго Россію отъ «кровопійцы» и предоставившаго власть въ руки матери императора, всѣ благообразные и честные люди считали спасителемъ отечества. Могуществу его не было предѣла. Правительница во всемъ совѣщалась съ нимъ и во всемъ дѣйствовала по его совѣтамъ и указаніямъ.

И завистниковъ горсть скоро превратилась въ сонмъ. А во дворцѣ говорилось и неустанно повторялось людьми, близкими къ правительницѣ:

— Человѣкъ, однажды произведшій государственный переворотъ хитро и смѣло, можетъ и второй разъ то же затѣять. Первый министр, конечно, легко можетъ пожелать сдѣлаться регентомъ имперіи. А для этого необходимо прежде удалить изъ предѣловъ Россіи отца и мать младенца императора. При сокрушеніи властнаго курляндца у него былъ только вѣрный ему полкъ—преображенцы, а теперь у него въ столицѣ своя сильная партія. Прозвище «миниховець» уже въ ходу въ столицѣ... «Регентъ-фельдмаршалъ» уже слышится подчасъ въ бесѣдахъ среди сановниковъ и дворянъ. Измайловцы и конный полкъ,—офицеры и солдаты равно,—уже соперничаютъ съ преображенцами, кто больше любитъ и чтитъ покорителя турокъ... Такой человѣкъ опасенъ!.. Да и зазнался онъ не въ мѣру: желаетъ быть почитаемъ выше правительницы и выше принца-генералиссимуса. Пора избавиться отъ него... Не было бы поздно!...

Вотъ, что слышала Анна Леопольдовна чуть не отъ зари до зари и равно отъ всѣхъ своихъ окружающихъ. Даже главные сановники имперіи: Остерманъ, Левенвольдъ, Головкинъ и другіе, тихо нашептывали все то-же самое.

— Пора! Не было бы поздно!.. Его можно и не трогать, но клеветовъ его, шайку его, надо распугать... Въ этомъ вся его сила. А одинъ онъ не страшень...

Наступилъ мартъ мѣсяцъ, и ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ сокрушенія курляндца «спасшій отечество» отъ злодѣя оказался самъ чуть не злодѣемъ...

Фельдмаршалъ въ одну недѣлю былъ понемногу лишень всѣхъ своихъ должностей и очутился у себя на дому какъ бы арестованнымъ. Правительница рѣшилась избавиться отъ опаснаго человѣка, яко бы претендующаго на регентство.

Но, если графъ Минихъ остался въ столицѣ, живя, какъ простой дворянинъ, безъ влiянiя на дѣла государственныя, безъ власти, даже безъ права бывать при дворѣ правительницы... то „миниховцамъ“ сразу пришлось круто.

Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ клеветы павшаго министра исчезали изъ Петербурга.

И однажды преображенецъ Коптевъ съ женой выѣхалъ изъ Петербурга въ Кострому за грубое якобы поведенiе и побои при арестованiи близкихъ Бирону лицъ.

Черезъ недѣлю послѣ выѣзда Коптева нѣсколькимъ лицамъ бывшаго управленiя бывшаго перваго министра было указано покинуть столицу и выѣхать, куда угодно.

Въ числѣ прочихъ былъ изгнанъ и «сомнительный» Львовъ-Зиммеръ безъ права навѣдываться въ столицу.

Петръ выѣхалъ къ себѣ въ Караваево, гдѣ не было теперь даже и сестры. А, главное, онъ уѣзжалъ, потерявъ окончательно всякую надежду узнать, гдѣ и что Бурцевы, и увидить ли онъ когда-либо Лизу!..

XXXIX.

Прошло лѣто, прошла и осень... Въкомъ цѣлымъ показалось время для безвинно виноватыхъ. Пришла зима и минулъ годъ, что палъ Биронъ, а власть перешла къ правительницѣ, и совершилось новое событiе!

Послѣ смерти императора Петра II, безусловное и исключительное право вступленiя на престолъ принадлежало, конечно, цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Петербургскiе сановники, весь придворный кругъ, обошли цесаревну и рѣшились избрать дочь царя Иоанна Алексѣевича лишь потому, что могли ей предшiать свои условiя. Олигархическое движенiе не привело, однако,

ни къ чему. Явившаяся въ Петербургъ принцесса курляндская по просьбѣ цѣлой партіи дворянъ изорвала условіе, подписанное ею въ Митавѣ.

Впрочемъ, сама цесаревна, веселая, безпечная, любящая свѣтъ и шумъ, и не мечтала о престолѣ, предпочитая частную беззаботную жизнь въ своемъ Смольномъ дворѣ.

Такъ прошло болѣе десяти лѣтъ. Теперь, когда ей было уже около тридцати лѣтъ, она вела жизнь менѣе суетливую и начинала невольно подумывать о своихъ правахъ на престолъ. Вдобавокъ около нея явился умный и преданный ей чело-вѣкъ—французъ Лестокъ въ качествѣ доктора.

Одновременно появился въ Петербургѣ новый французскій посланникъ маркизь Шетарди, присланный Франціей почти исключительно за тѣмъ, чтобы дѣйствовать въ пользу дочери Петра Великаго, попробовать произвести переворотъ въ ея пользу при помощи денегъ и, конечно, ради собственныхъ выгодъ.

Франціи было нужно разстроить союзъ—недавно заключенный—Россіи съ Австріей, и, кромѣ того, достигнуть, чтобы Швеція получила обратно всѣ тѣ земли, которыя отнялъ у нея Петръ Великій. Все это должна была въ случаѣ успѣха обѣщать будущая императрица Елисавета.

Въ концѣ лѣта цесаревна вдругъ перемѣнила свой образъ жизни, менѣе выѣзжала, менѣе принимала у себя и почти не участвовала ни въ какихъ увеселеніяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, она начала часто бывать въ разныхъ казармахъ различныхъ полковъ, преимущественно въ Преображенскомъ полку, и становилась все болѣе и болѣе любимой гвардейскими солдатами, съ которыми обращалась ласково, запросто, какъ съ равными. Между прочимъ, она постоянно крестила дѣтей солдатскихъ, такъ какъ въ казармахъ солдаты жили семьями, съ женами и дѣтьми, и даже съ отдѣльнымъ хозяйствомъ, какъ крестьяне на деревнѣ.

Осенью Лестокъ сошелся близко съ однимъ преображенцемъ изъ иностранцевъ. Это былъ нѣкто Грюнштейнъ, бывшій негодянтъ, разорившійся и перешедшій въ русское подданство съ тѣмъ, чтобы поступить въ гвардію. Ему первому сознался Лестокъ въ своихъ мечтаніяхъ.

Грюнштейнъ отозвался на это съ полнымъ сочувствіемъ и взялся дѣйствовать въ пользу цесаревны среди своихъ товарищей.

Черезъ нѣсколько дней онъ уже объявилъ о полномъ согласіи двѣнадцати человѣкъ преобразенцевъ. Черезъ нѣкоторое время ихъ уже было тридцать, поклявшихся постоять за цесаревну, хотя-бы пришлось поплатиться жизнью.

И постепенно партія, мечтавшая о переворотѣ, начала вслухъ выражать свое желаніе.

Видно, что бразды правленія ослабли.

Дѣйствія Лестока и всѣхъ приверженцевъ цесаревны были настолько неосторожны, что многіе разумные люди, петербургскіе сановники или придворные, дивились, что противъ нихъ не принимается никакихъ мѣръ.

Объяснилось это лишь въ послѣдствіи отчасти безпечною, отчасти невѣроятнымъ упрямствомъ правительницы. Отдаливъ отъ себя когда-то Миниха, жившаго теперь въ Петербургѣ вполнѣ частнымъ человѣкомъ безъ всякаго вліянія на дѣла, Анна Леопольдовна отдалила отъ себя и другого человѣка еще болѣе полезнаго, опытнаго и дальновиднаго, старика графа Остермана.

При дворѣ главную роль, вліятельную и властную, игралъ саксонскій посланникъ Линарь и все дѣлалось по его желанію. Только ему вполнѣ повиновалась правительница, и онъ же изъ-за прихоти, простого каприза, поссорилъ ее съ Остерманомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ, впервые находясь въ Россіи, Линарь не зналъ и не видѣлъ ничего, и воображалъ, что положеніе правительницы такъ же сильно и крѣпко, какъ и всякаго монарха въ Европѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Анна Леопольдовна была занята по его же наущенію подготовленіемъ своего рода переворота. Она хотѣла принять титулъ императрицы и царствовать какъ-бы вмѣстѣ со своимъ сыномъ до его совершеннолѣтія.

Пришелъ ноябрь, и до правительницы начали доходить слухи о «продерзостной» затѣѣ приверженцевъ цесаревны. Но цесаревна была въ дружескихъ съ ней отношеніяхъ, бывала ежедневно у нея и, когда заходила рѣчь объ ея претензіи очутиться на мѣстѣ Анны Леопольдовны или императора, то обѣ пріятельницы—и правительница, и цесаревна—вмѣстѣ смѣялись надъ слухами и сплетнями.

Наконецъ, однажды давно удаленный правительницей старикъ Остерманъ попросилъ аудіенціи, явился и увѣщевалъ ее принять мѣры осторожности, такъ какъ приверженцы цесаревны

все увеличиваются и, не стѣняясь, ведутъ противогосударственныя рѣчи.

— Такъ напримѣръ,—заявилъ Остерманъ,—докторъ цесаревны прямо рассказываетъ повсюду, что вскорѣ произойдутъ въ Петербургѣ важныя обстоятельства, которыя удивятъ всю Европу.

Правительница отнеслась къ словамъ старика, какъ къ шуткѣ, и, вмѣсто всякаго отвѣта, стала показывать ему красивое платье, только что доставленное для младенца—императора. Остерманъ уѣхалъ изумленный и недоумѣвающий.

Не прошло нѣсколько дней, какъ другой человѣкъ, личность не послѣдняя въ столицѣ, графъ Левенвольдъ, получилъ такого рода извѣстіе отъ кого-то изъ друзей, что рѣшился поздно вечеромъ отправиться во дворецъ. Онъ узналъ, что правительница уже легла почивать, написалъ записку и послалъ ее съ фрейлиной Менгденъ, прося видѣть правительницу немедленно. На отказъ ея, онъ велѣлъ ей передать, что въ Петербургѣ замышляется противъ нея заговоръ.

Фрейлина Менгденъ принесла Левенвольду отвѣтъ правительницы рѣзкій и краткій: Ея высочество приказала отвѣтить, что вы сошли съума!»

Черезъ недѣлю послѣ этого Анна Леопольдовна получила письмо пространное, но анонимное изъ Бреславля. Въ немъ ее извѣщали о заговорѣ въ Петербургѣ съ цѣлью низвергнуть императора Иоанна и провозгласить императрицей Елисавету Петровну. Въ письмѣ были малѣйшія подробности, какъ все затѣвается, и почти всѣ главные участники были названы по именамъ.

Помимо именъ французскаго посланника Шетарди и доктора Лестока были и имена нѣкоторыхъ сановниковъ и даже имена нѣкоторыхъ преображенскихъ солдатъ изъ дворянъ.

Правительница смутилась въ первый разъ.

Въ тотъ же вечеръ у нея, по обыкновенію, собралось много гостей и въ томъ числѣ была, конечно, и цесаревна. Анна Леопольдовна рѣшилась объясниться съ ней. Выйдя изъ гостиной къ себѣ въ спальню, она черезъ ту-же фрейлину Менгденъ вызвала къ себѣ цесаревну, которая играла въ карты.

Правительница стала серьезно говорить съ ней о тѣхъ слухахъ, которые ходятъ по Петербургу. Цесаревна отвѣчала ей такъ же, какъ и всегда, шутливо. Анна Леопольдовна заявила,

что на этотъ разъ дѣло иное... она получила письмо изъ-за границы.

Кончилась тѣмъ, что довѣрчивая женщина взяла это письмо и прочла его цесаревнѣ. И эта, слушая чтеніе, увидала сама, что письмо—отъ первой строки до послѣдней—было достовѣрное и точное изложеніе всего того, что творилось вокругъ нея и даже въ ея комнатахъ.

Разумѣется, она тотчасъ же стала увѣщевать правительницу, что все это—ложь, и кончила тѣмъ, что расплакалась. Увидя ея слезы, правительница тоже расплакалась. Обѣ расцѣловались и вмѣстѣ вышли снова въ гостиную... Но теперь, уже наоборотъ, правительница была совершенно спокойна, а цесаревна скрывала свое волненіе.

На другой же день австрійскій посланникъ, увѣдомленный своимъ правительствомъ, что французскій посланникъ Шетарди затѣваетъ въ Петербургѣ переворотъ въ пользу Елисаветы, явился къ правительницѣ и передалъ ей все то, что узналъ изъ Вѣны. Анна Леопольдовна только разсмѣялась и объяснила, что слухи эти слишкомъ поздно дошли до него. Вотъ уже сколько времени ей покоя нѣтъ отъ всякихъ вралей и доносчиковъ, и даже она удивляется, какъ онъ, въ качествѣ посланника, такъ поздно узналъ то, что знаетъ послѣдній обыватель.

Австріецъ вышелъ отъ правительницы, горячо воскликнувъ:

— Умоляю васъ спасти себя и императора! Вотъ мои послѣднія слова, какъ представителя дружественнаго государства!

За это время принцъ Антонъ былъ въ сильной размолвкѣ съ женой, и, хотя до него, конечно, тоже доходили всякіе слухи о дѣйствіяхъ приближенныхъ цесаревны, но онъ ничего не говорилъ женѣ. Впрочемъ, и онъ мало довѣрялъ этимъ слухамъ, видя цесаревну ежедневно веселую, безпечную, думающую только о балахъ и увеселеніяхъ. Но теперь, однако, и принцъ былъ однажды озадаченъ и встревоженъ. Увѣдомленный близкими ему людьми, онъ явился къ женѣ, требуя отъ нея ради безопасности императора—его сына, тотчасъ же разставить пикеты по разнымъ мѣстамъ Петербурга, а одновременно приказать арестовать нѣсколько лицъ и прежде всего доктора Лестока.

Можетъ быть, правительница и согласилась-бы на это, но она посовѣтывалась съ Линаромъ и затѣмъ отвѣтила мужу, что ему такъ же, какъ и многимъ, мерещится всякій вздоръ.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности движеніе въ пользу цесаревны становилось все серьезнѣе, и былъ уже заранѣе опредѣленъ день для исполненія опаснаго предпріятія. Было назначено шестое января—Крещеніе. Но вдругъ пришлось поневолѣ начать спѣшить.

Стало навѣрно извѣстно, что правительница въ виду минованія года со смерти Анны Иоанновны объявить себя императрицей. Кромѣ того, вслѣдствіе всяческихъ стараній, внушеній и убѣжденій старика Остермана, правительница согласилась на отправку трехъ батальоновъ гвардейцевъ на границы Швеціи съ тѣмъ, чтобъ въ эти батальоны были зачислены всѣ тѣ гвардейцы, которыхъ подозрѣвали, что они—главные приверженцы цесаревны.

Шетарди и Лестокъ поняли, что поневолѣ наступило время дѣйствовать...

И 24-го ноября, почти ровно черезъ годъ послѣ паденія герцога и возвышенія Анны Леопольдовны, Петербургъ увидалъ повтореніе, почти буквальное, того же самаго...

Такой-же государственный переворотъ произошелъ точно тѣмъ-же способомъ. Только дѣйствующія лица перемѣнились, а событіе было какъ бы простымъ повтореніемъ предыдущаго.

Утромъ Лестокъ уговорилъ царевну рѣшиться, не откладывая ни единого дня. Цесаревна плакала и не рѣшалась. Она была собственно довольна своимъ существованіемъ и счастлива, а ей грозила ссылка или заточеніе въ монастырь въ случаѣ неудачи.

Чтобы подѣйствовать сильнѣе на воображеніе робкой и малодушной Елисаветы, Лестокъ привезъ съ собой и показалъ ей двѣ картинки: одна изображала ее императрицей на тронѣ въ коронѣ и порфирѣ, другая изображала ее же въ иноческомъ одѣяніи и въ монастырской кельѣ.

Въ ту же ночь, долго промолвившись у себя въ спальнѣ, цесаревна послѣ полуночи сѣла въ сани и въ сопровожденіи Лестока и Воронцова выѣхала въ преображенскія казармы.

Недалеко отъ казармъ ее ожидали тридцать человекъ рядовыхъ, самыхъ преданныхъ.

Они были посланы въ казармы объявить, что цесаревна сейчасъ явится и объяснить, съ какой цѣлью она является. И въ нѣсколько минутъ до трехсотъ рядовыхъ единодушно и громогласно заявили, что готовы слѣдовать за «матушкой», куда она прикажетъ.

Цесаревна вошла въ казармы и приняла присягу этихъ трехсотъ человекъ, между которыми не было ни одного офицера.

Затѣмъ она тотчасъ же двинулась съ ними ко дворцу. И здѣсь опять повторилось и опять буквально то же самое, что было годъ назадъ...

Какъ Минихъ подошелъ съ солдатами къ Лѣтнему дворцу, арестовалъ въ постели и отослалъ подъ арестъ регента Бирона, точно такъ же теперь только тридцать рядовыхъ были посланы наверхъ въ апартаменты арестовать правительницу.

Цесаревна осталась въ дворцовой караулнѣ.

Черезъ полчаса ей доложили, что правительница и принцъ уже взяты изъ постели, посажены въ экипажъ и увезены, а сына ихъ подъ конвоемъ уже несетъ нянька по лѣстницѣ. Все произошло мирно и тихо. Раздавался только одинъ громкій голосъ: отчаянно плакалъ перепуганный во снѣ солдатами полторагодовой императоръ.

На утро вступила на престолъ императрица Елисавета Петровна...

И хотя Петербургъ бурно ликовалъ, но въ немъ не было и тѣни того, что было во всей Россіи до самыхъ дальнихъ предѣловъ. Всѣ россияне до послѣдняго крестьянина, если не поняли тотчасъ, какое событіе произошло, то почували, что «лютое время» миновало, и взошло новое красное солнышко!—дщерь Великаго Петра Алексѣевича засіяла въ коронѣ императорской надъ всѣмъ православнымъ людомъ.

XI.

Черезъ полгода, уже весной, на «красной горкѣ», вокругъ ярко освѣщеннаго дома на набережной толпилась туча народа...

Въ домѣ было торжественное и блестящее празднество, сотни гостей, балъ и ужинъ.

Старикъ, воинъ-служака и любимецъ еще перваго императора, опраздновалъ утромъ свадьбу внучки, тезки императрицы, а теперь на подъѣздѣ ожидалъ къ себѣ монархиню въ гости.

Наконецъ, грянуло на набережной гулкое «ура». Императрица въ большомъ рыдванѣ почти шагомъ двигалась отъ Зимняго дворца.

Черезъ полчаса встрѣченная старикомъ Бурцевымъ царица открыла балъ «польскимъ», идя съ хозяиномъ. Во второй парѣ шли новобрачные Петръ и Лиза Львовы, а въ третьей Соня

Коптева съ мужемъ, за ними гости, бесконечно длинной вереницей, важной и блестящей...

Въ тѣ же минуты на набережной, затерянная въ толпѣ, стояла худенькая и болѣзненно блѣдная молодая дѣвушка и глазами, полными слезъ, глядѣла на сверкающія окна дома.

Она недавно вернулась въ столицу изъ ссылки въ Вятку, гдѣ потеряла мать, умершую отъ горя и всякихъ лишеній...

«Кто-бы могъ эдакое все предвидѣть!»—думалось ей, Торъ Кнаусъ.—«Люди—игрушки, и невѣдомо—чьи!»

Подложный самоубійца.

ПОВѢСТЬ.

I.

БЫЛЪ третій часъ ночи, а Парижъ все еще гу-
дѣлъ. Во всемъ городѣ, не только на бульва-
рахъ и большихъ улицахъ, но даже въ пере-
улкахъ было особенное оживленіе. Весь Парижъ былъ на ногахъ.

Причина была особо-важная. Наканунъ разразилась сразу революція, и король Людовикъ-Филиппъ тайно и поспѣшно бѣжалъ изъ дворца гѣшкомъ до площади «Согласія», оттуда въ каретѣ на край Парижа, а затѣмъ на почтовыхъ лошадяхъ выѣхалъ изъ предѣловъ Франціи.

Въ одной изъ небольшихъ улицъ, прилегающихъ къ «Елисейскимъ полямъ», было особенно много народа. Изъ большого дома среди сада расходилась толпа во всѣ стороны; шумно, весело, говорливо, двигались группы людей. Но здѣсь, въ этой толпѣ, расходящейся по домамъ въ третьемъ часу ночи, не было ничего общаго съ событіями во Франціи, ничего общаго со смутой, скопищами и баррикадами.

Это мѣсто была знаменитая «Альгамбра»—одинъ изъ главныхъ игорныхъ домовъ Парижа.

Впрочемъ, среди гулливой, шумящей толпы были и нѣкоторые индивидуумы, выходившіе молчаливо и угрюмо. Это были тѣ, которые въ эту ночь проигрались въ пухъ и прахъ.

Въ числѣ послѣднихъ былъ высокій, плотный, рыжій, въ золотыхъ очкахъ, круглолицый, съ румянцемъ во всю щеку, пятидесятилѣтній человекъ, медленно и мѣрно шагавшій по тротуару, глядя себѣ подъ ноги. Это былъ не парижанинъ, а иностранецъ, англичанинъ родомъ, американецъ подданствомъ, гражданинъ города Нью-Йорка, банкиръ-милліонеръ, по имени Вильямъ Дикъ. Состояніе его духа было таково, что онъ даже не зналъ о совершившемся во Франціи событіи. Онъ не зналъ, что произошла революція, а въ кварталѣ св. Антонія уже строятся баррикады. Конечно, на весь Парижъ онъ одинъ не зналъ этого. Причины были простыя: во-первыхъ, онъ былъ не парижанинъ, а иностранецъ, во-вторыхъ, почти ни слова не зналъ по-французски, а въ третьихъ, за послѣдніе три дня онъ спускалъ послѣдніе стофранковые билеты, которые были у него въ бумажникѣ.

Уже болѣе полугодомъ былъ онъ въ Парижѣ. Приѣхалъ онъ, имѣя въ карманѣ ровно сто тысячъ долларовъ, а именно сегодня онъ оставилъ въ «Альгамбрѣ» послѣдній франкъ. Выйдя и направляясь въ гостиницу, гдѣ онъ жилъ, онъ старался припомнить нѣчто крайне важное: дѣйствительно-ли въ правомъ ящикѣ его письменнаго стола есть мелочь, франковъ пятьдесятъ или шестьдесятъ, которые онъ какъ-то на-дняхъ случайно вынулъ и бросилъ туда изъ жилетнаго кармана. Пятьдесятъ франковъ могли-бы немножко пригодиться завтра поутру. Если же ихъ нѣтъ и это ему только почудилось, то тогда у него буквально нѣтъ ни гроша за душой.

Гостиница была на бульварѣ и около воротъ Сенъ-Дени, т.-е. довольно далеко отъ «Елисейскихъ полей». Тѣмъ не менѣе, мистеръ Дикъ шелъ пѣшкомъ, потому что нанять фіакръ было не на что. Въ послѣднюю минуту предъ закрытіемъ игорнаго дома онъ случайно ощупалъ въ карманѣ панталонъ мелочь—серебро и одну золотую монету, и, прежде чѣмъ выходить, какъ настоящій игрокъ, вѣчно старающійся отыгратъ, онъ поставилъ и эти двадцать или тридцать франковъ, убѣжденный, что колесо фортуны повернется и за полчаса, которые остаются до закрытія игорнаго дома, онъ успеетъ отыграть, пожалуй, и всѣ свои сто тысячъ долларовъ. Изъ-за этого соображенія приходилось теперь итти домой пѣшкомъ.

Черезъ часъ мистеръ Дикъ уже поднялся по лѣстницѣ, вошелъ въ свой номеръ изъ двухъ комнатъ—гостиной и спальни, зажегъ свѣчку и прежде всего отворилъ ящикъ стола, чтобы

убѣдиться, есть-ли мелочь, брошенная въ ящикъ наканунѣ. Дѣйствительно, въ столѣ оказалось золотомъ и серебромъ около семидесяти франковъ.

Дикъ сталъ надъ раскрытымъ ящикомъ и задумался...

Завтра можно будетъ поставить эти деньги, раздѣливъ на два куша. И почему знать? Можетъ быть колесо фортуны...

Но сердито захлопнувъ ящикъ, онъ отперъ другой, рѣшивъ мысленно, что находящееся въ этомъ другомъ—лѣвомъ, въ данный моментъ гораздо нужнѣе и цѣлесообразнѣе. То, что судьба готовитъ ему на эти остающіеся семьдесятъ франковъ, неизвѣстно навѣрное, а то, что находится въ лѣвомъ ящикѣ, есть нѣчто, на что вполне можно положиться безъ ошибки и безъ всякаго разочарованія.

Въ лѣвомъ ящикѣ лежала пара большихъ пистолетовъ знаменитаго Кухенрейтера, огнестрѣльное оружіе котораго распространяется со славой по всему міру. Да, кто положится на карты, можетъ быть сто разъ обмануть, а кто положится на пистолетъ и даже на пару заразы, кто поручитъ свою судьбу г. Кухенрейтеру, тотъ никогда не будетъ обмануть.

Дикъ сбросилъ съ себя пальто, снялъ шляпу, потомъ скинулъ платье. Жилетъ упалъ на полъ, а часы которые онъ забылъ въ немъ, стукнули объ полъ.

— Ай!..—неволью вырвалось у мистера Дика.

Онъ поднялъ жилетъ, вынулъ часы и приставилъ ихъ къ уху. Они продолжали итти. Довольство выразилось на лицѣ англичанина: было бы обидно, если бы такой прекрасный хронометръ былъ испорченъ при паденіи. Однако, не все ли равно для человѣка, собирающагося застрѣлиться, испорчены или нѣтъ его часы.

«Большая разница!»—думалось мистеру Дику:—«тутъ ничего общаго... Можно собраться испортить и даже совѣмъ похерить человѣческій механизмъ, но зачѣмъ же при этомъ совершенно напрасно портить и хорошій часовой механизмъ?..»

Положивъ на столъ золотые часы, которые показывали двадцать пять минутъ четвертаго, Дикъ задумался надъ вопросомъ, когда застрѣлиться: половина четвертаго или ровно въ четыре? Въ половинѣ четвертаго—мудрено, такъ какъ надо еще написать письмо и записку. Въ гостиницѣ накопился снова маленькій счетъ, еще не уплаченный, кажется, за недѣлю. Отправляться на тотъ свѣтъ, не уплативши за номеръ и обѣды, было нехорошо.

Разумѣется, Дикъ увидѣлъ, что въ половинѣ четвертаго застрѣлиться невозможно, а до четырехъ часовъ все можно успѣть сдѣлать. Онъ быстро сѣлъ за столъ и началъ писать. Сначала онъ написалъ записку къ одному знакомому соотечественнику-богачу, прося его расчитаться за него въ гостиницѣ и уплатить всѣ расходы скромныхъ похоронъ. Затѣмъ онъ сѣлъ писать письмо, начинавшееся словами:

«Милая жена, я тебя и всѣхъ васъ обманулъ. Я еще живъ. Вѣрнѣе сказать, я еще былъ живъ, когда вы считали меня мертвымъ, но я буду, дѣйствительно, мертвъ, когда вы будете читать эти строки. Я былъ, такъ сказать, обманщикомъ, подложнымъ самоубійцей. Это было нѣсколько нечестно, во всякомъ случаѣ не по-джентльменски. Теперь, когда эти строки дойдутъ до Нью-Йорка, я буду настоящимъ, неподдѣльнымъ самоубійцей»...

Письмо вышло пространное; Дикъ объяснялъ въ немъ всѣ обстоятельства своей жизни въ Парижѣ въ теченіе полугода. Когда онъ уже кончилъ письмо, дописалъ четвертую страницу и собирался расписаться со своимъ обычнымъ росчеркомъ, кудряватымъ, очень похожимъ на какую-то летящую птицу, онъ взглянулъ на часы и снова произнесъ едва слышно:

— Ай!..

Время, назначенное для того, чтобы застрѣлиться, было пропущено... На часахъ было восемь минутъ пятаго.

— Какая досада!—выговорилъ Дикъ вслухъ.—И какимъ это образомъ? Я былъ увѣренъ, что успѣю написать!..

И затѣмъ онъ началъ думать и разсуждать:

«Не все-ли равно, когда, собственно, «прекратить жизненные платежи?» Чась тутъ не причемъ!..»

Однако, онъ рѣшилъ, что нѣтъ, не все равно: надо все дѣлать аккуратно, всякое занятіе на свѣтѣ дѣлается по часамъ, все начинается въ извѣстный часъ, не только работы въ мастерскихъ, но и занятія въ банкирскихъ конторахъ, даже обѣдня начинается въ извѣстный часъ, поѣтому отправляться въ путь на тотъ свѣтъ какъ-то приличнѣе тоже въ извѣстный часъ.

Но вдругъ Дикъ пришло на умъ новое соображеніе: ночью застрѣлиться—полная бессмыслица. Онъ даже удивился, какимъ образомъ такая нелѣпость, несообразица, могла ему прійти на умъ. Вдругъ сейчасъ въ гостиницѣ, гдѣ масса народа, и всѣ благодушно спятъ, человѣкъ, пожалуй, до полутораэта — мужчины, женщины, дѣти, хозяинъ, прислуга — вдругъ раздадутся

два гулкихъ выстрѣла, да еще какихъ выстрѣла! Изъ прелестнѣйшихъ пистолетовъ Кухенрейтера! Что же это будетъ? Всѣ повскакають, начнутъ бѣгать, кричать, наконецъ, прибѣгутъ къ нему и, увидавъ на полу его мертвое тѣло, узнають, что это именно онъ — мистеръ Дикъ — человѣкъ, считавшійся благовоспитаннымъ, поступилъ самымъ невѣжливымъ образомъ, во всякомъ случаѣ поступилъ не такъ, какъ подобаетъ джентльмену.

— Какъ это глупо! — досадливо выговорилъ англичанинъ.

Черезъ полчаса въ номерѣ было уже темно, а въ постели лежалъ и мѣрно дышалъ человѣкъ, рѣшившій на утро, проснувшись, напиться чаю, проглотить два яйца всмятку, съѣсть сочный, кровавый бифштексъ, запить все стаканомъ портвейна, а затѣмъ, конечно, не ради пищеваренія, прибавить ко всему этому, какъ бы ввидѣ сладкаго блюда, нѣчто изъ кухенрейтеровскаго изобрѣтенія.

Пусть себѣ въ голову заразы двѣ пули въ оба виска было давнымъ-давно рѣшено Дикомъ на томъ основаніи, что одна пуля — дура.

II.

Мистеръ Дикъ былъ бы оригинальный человѣкъ, если бы не былъ англичаниномъ. Но, если онъ просто только уподоблялся многимъ своимъ соотечественникамъ, то былъ безспорно въ оригинальномъ положеніи. Онъ мирно и сладко спалъ теперь въ постели, какъ бы досыпая свою послѣднюю ночь на бѣломъ свѣтѣ, а между тѣмъ онъ хорошо зналъ и часто вспоминалъ съ чувствомъ стыда, что у себя на родинѣ, у себя въ семьѣ, въ домѣ, въ кругу знакомыхъ и чуть не во всемъ городѣ Нью-Йоркѣ онъ уже болѣе полугода считается на томъ свѣтѣ.

Тому назадъ мѣсяцевъ шесть-семь онъ написалъ длинное письмо на имя жены, гдѣ объяснялъ, что онъ не настолько глупъ, чтобы продолжать существовать на свѣтѣ, и, желая всякаго благополучія женѣ и дочери, заявлялъ, что, исчезнувъ изъ дома, онъ покончитъ съ собой, но такъ аккуратно, что и тѣла его нигдѣ не найдутъ. Затѣмъ Дикъ тотчасъ же вышелъ изъ дому, захвативъ съ собой сто тысячъ долларовъ ввидѣ крупныхъ процентныхъ бумагъ.

Пробывъ менѣе сутокъ въ маленькой гостиницѣ, онъ сѣлъ на отходящій въ Европу пароходъ, черезъ двѣ недѣли былъ

въ Шербургѣ, чрезъ сутки въ дилижансѣ явился въ Парижъ, черезъ часъ уже ѣхалъ въ фіакрѣ въ Елисейскія поля, еще черезъ нѣсколько минутъ былъ уже за игорнымъ столомъ въ «Альгамбрѣ» и сразу въ этотъ день спустилъ двадцать тысячъ франковъ, въ надеждѣ, что завтра отыграется.

Сто тысячъ долларовъ, увезенныхъ изъ дому, и были поступкомъ мистера Дика очень скромнымъ и благоразумнымъ. Домъ, изъ котораго онъ вышелъ, былъ извѣстенъ во всемъ Нью-Йоркѣ. Этотъ домъ былъ не простой домъ: это былъ банкирскій домъ. Контора Вильяма Дика и К^о была извѣстна во всей Америкѣ.

Люди, посвященные въ финансовыя дѣла, часто спорили о томъ, какую сумму изображаютъ обороты дома Дика. Одни, отчасти враги, считали, что обороты идутъ до трехъ и четырехъ милліоновъ. Люди безпристрастные были убѣждены, что эти обороты доходятъ и до двѣнадцати милліоновъ. Во всякомъ случаѣ, банкирская контора была одной изъ первыхъ въ городѣ. Если бы мистеръ Дикъ былъ болѣе жадный или легкомысленный человекъ, то онъ, написавъ женѣ, что отправляется на тотъ свѣтъ, отправился бы въ Старый свѣтъ, по крайней мѣрѣ, съ милліономъ въ карманѣ.

Но зачѣмъ и почему все это произошло?

Мистеръ Дикъ былъ женатъ уже болѣе двадцати лѣтъ, когда-то женился по любви, около десяти лѣтъ любилъ свою жену, затѣмъ второе десятилѣтіе очень уважалъ ее. У него были дѣти—дочь и сынъ. Мальчикъ девяти лѣтъ былъ глуповатъ и дурень, но дочь, всегда прелестная, теперь стала красавицей, причѣмъ была симпатичной, умной и сердечной дѣвушкой. Алису свою, конечно, отецъ очень любилъ. Были и друзья въ Нью-Йоркѣ, настоящіе, искренно его уважавшіе, въ особенности за его денежные обороты.

Казалось-бы, мистеръ Дикъ могъ считаться самымъ счастливымъ человекомъ на свѣтѣ и продолжать желать существовать. Но именно счастье въ семьѣ, уваженіе согражданъ и огромныя денежныя средства, именно то обстоятельство, что у мистера Дика было все, чего можетъ пожелать человекъ,— это все и понудило его пожелать прекратить скучныя «платежи существованія».

Національная болѣзнь, или хворость, испоконъ вѣка посѣщающая сыновъ Альбіона, посѣтила и его. Болѣзнь эта, вдобавокъ, была и остается до сихъ поръ неизлѣчимой. Она назы-

вается «сплинъ». Терминовъ этой болѣзни въ другихъ языкахъ всего свѣта не существуетъ.

На мистера Дика напалъ сплинъ. Единственное лѣченіе, которое онъ надумалъ, но которое было только палліативомъ, была игра. И онъ началъ проводить цѣлые вечера и часть ночи въ разныхъ игорныхъ притонахъ, въ разныхъ трущобахъ города, гдѣ никто не могъ бы признать въ немъ извѣстнаго банкира Дика.

Когда онъ спускалъ черезъ чуръ большія суммы, и это обращало на себя особое вниманіе, то уже болѣе въ этотъ притонъ онъ не возвращался, а искалъ другой. Такимъ образомъ, онъ проигралъ въ теченіе года огромную сумму денегъ, какую— онъ и самъ не зналъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ подсчитать, такъ какъ это было непріятно его самолюбію. Но, конечно, этотъ проигрышъ достигалъ до полумилліона долларовъ.

Однако, благоразуміе взяло верхъ, и мистеръ Дикъ рѣшилъ, что надо покончить.

Лѣкарство, очевидно, не дѣйствовало. По вечерамъ и ночамъ во время игры сплинъ его покидалъ, но на утро, при пробужденіи, снова какъ-бы хваталъ за горло и держалъ въ своихъ лапахъ до вечера. Такимъ образомъ, болѣзнъ продолжалась, а употребляемое лѣкарство, не излѣчивающее, все-таки губительно дѣйствовало по отношенію къ дому, семьѣ и имени. И однажды мистеръ Дикъ рѣшилъ самого себя обуздать, поставивъ въ безвыходное положеніе. Онъ рѣшилъ взять только сто тысячъ долларовъ, уѣхать въ Европу и начать играть на эти деньги столько времени, сколько судьба этого пожелаетъ. Когда же онъ проиграетъ все, то далѣе уже не будетъ въ состояніи запускать руку въ кассу банкирскаго дома, и на чужой сторонѣ ему волей-неволей придется ликвидировать себя самого.

Поселившись въ Парижѣ, Дикъ началъ тамъ аккуратно скучать днемъ, бродя по улицамъ и бульварамъ, и аккуратно играть по вечерамъ, постоянно проигрывая и рѣдко выигрывая. Однако, играя азартно, онъ все-таки иногда возвращался домой съ такимъ страшнымъ выигрышемъ, который возвращалъ проигрышъ цѣлаго мѣсяца. И мистеръ Дикъ съ ужасомъ убѣждался, что это только оттягиваетъ ликвидацію его особы.

Изрѣдка англичанинъ думалъ о своемъ второмъ отечествѣ— Америкѣ, о семьѣ, но вспоминалъ довольно хладнокровно. Его немножко удивляло, иногда раздражало, извѣстіе, полученное косвеннымъ путемъ, что въ Нью-Йоркѣ продолжаетъ процвѣтать

банкирскій домъ Дикъ и К°. Опредѣленія «вдова» или «на-слѣдники» не было. Это обстоятельство заключало въ себѣ нѣ-котораго рода загадку. Будь у него сынъ совершеннолѣтній или братъ, дѣло было бы ясно. Его жена была крайне огра-ниченная женщина, вялая, сонливая, а двадцатилѣтняя дочь— была только веселая, свѣтская дѣвушка. Какимъ же образомъ могли онѣ устроить свои дѣла такъ, что фирма существуетъ и даже якобы процвѣтаетъ?

«Тѣмъ лучше!..» — думалось иногда мистеру Дику. — «Это очень странно!» — мелькала у него зачастую мысль.

И иногда онѣ принимался спорить съ самимъ собой. Рѣ-шивъ, что если жена и дочь устроились хорошо, продолжаютъ отлично вести банкирскій домъ, то и слава Богу, онѣ тотчасъ раздражался, оскорблялся и начиналъ доказывать себѣ же, что онѣ поглупѣлъ, судить, какъ полоумный. Мистрисъ Дикъ и миссъ Алиса не имѣютъ права злоупотреблять именемъ покой-наго мужа и отца. Вѣдь, онѣ — покойникъ! Для нихъ! А не нынче—завтра онѣ, дѣйствительно, будетъ вообще покойникъ. Что же это такое? И какъ они изворачиваются, когда его нѣтъ налицо? Неужели никто изъ кліентовъ за полгода не потребо-валъ лично видѣться съ главой банкирскаго дома даже для переговоровъ?

— Странно! Странно! Странно!—говорилъ мистеръ Дикъ.

Влѣпить себѣ пулю въ лобъ, совершенно не зная, какимъ именно образомъ все это устроилось, казалось тоже нѣсколько досаднымъ. Существованіе банкирскаго дома Вильяма Дика въ Нью-Йоркѣ, когда самъ Вильямъ Дикъ категорически письменно заявилъ женѣ, что отправляется на тотъ свѣтъ, было оригинальнымъ казусомъ, не только загадочнымъ, но даже просто не въ порядкѣ вещей.

И, засыпая теперь, мистеръ Дикъ снова объ этомъ вспо-нилъ. Однако онѣ эгоистически, съ нѣкоторымъ облегченіемъ на сердцѣ, воображалъ, что завтра поутру, хорошенько вы-спавшись и позавтракавъ, онѣ это странное стеченіе обстоя-тельствъ разрѣшитъ моментально при помощи пары прелестнѣй-шихъ машинокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мистеръ Дикъ, засыпая, думалъ о томъ, какъ было бы неудобно жить на свѣтѣ, если бы не было изо-брѣтено огнестрѣльное оружіе, а въ особенности пистолеты. Обращаться къ помощи веревки или бритвы, или какого-либо вещества изъ аптеки—крайне непріятно, а вдобавокъ хлопот-

ливо. Между тѣмъ, порохъ и пули имѣютъ въ себѣ что-то особенное, граціозное, поэтическое. Даже болѣе! Они имѣютъ въ себѣ именно что-то...

Но мистеръ Дикъ не додумалъ, что именно, потому что заснулъ сладчайшимъ сномъ.

III.

На другой день, когда мистеръ Дикъ проснулся, яркое солнце свѣтило въ окна. День былъ великолѣпный. На улицѣ, какъ и всегда, было сильное движеніе и гулъ однотонный, непрерывный, какъ отъ прибоа волнъ океана.

Лежа въ постели, англичанинъ соображалъ, что нынѣшній день—интересный день въ его существованіи. Послѣдній! Сегодня чрезъ часъ произойдетъ задуманное имъ и вполнѣ рѣшенное «прекращеніе умственныхъ и тѣлесныхъ платежей» окружающему міру.

Медленно и порядливо окончивъ свой туалетъ, мистеръ Дикъ позвонилъ и спросилъ себѣ завтракъ. Прежде чѣмъ садиться за маленькій столикъ, уже накрытый, онъ снова отворилъ ящикъ стола и внимательно освидѣтельствовалъ пару пистолетовъ, чтобы окончательно убѣдиться, что это послѣднее угощеніе въ полномъ порядкѣ. Проглотивъ два яйца всмятку, мистеръ Дикъ взялся за бифштексъ, и лицо его насушилось.

— Черти французы!— проворчалъ онъ себѣ подъ носъ. — Не умѣютъ приготовить простой бифштексъ. Какая-то подошва!

И ему стало особенно досадно. Онъ всю жизнь любилъ, даже уважалъ сочный кровавый кусокъ мяса, но теперь хороший бифштексъ имѣлъ, вѣдь, особенное и огромное значеніе: вѣдь, это былъ послѣдній, который онъ съѣстъ на этомъ свѣтѣ! А на томъ свѣтѣ, почти навѣрное можно сказать, бифштексовъ никакихъ не будетъ, даже и этакихъ—пережаренныхъ.

Вообще, и американецъ, и англичанинъ, собирающіеся покончить съ собой, любятъ, чтобы въ послѣдніе дни, а въ особенности въ самый послѣдній день ихъ существованія, все было въ полномъ порядкѣ, удобно и пріятно.

Однако, мистеръ Дикъ, ворча, началъ все-таки рѣзать кусокъ мяса и обмакивать каждый кусокъ въ коричневый соусъ по имени «ворчестерширсось». У непривычнаго человѣка отъ этого соуса дѣлается во рту настоящій пожаръ, небо, языкъ и горло превращаются въ нѣчто огнедышащее, но нашъ англи-

чанинъ еще прибавилъ въ него немного перцу. Едва только съѣлъ онъ, ворча и бранясь «подошву», какъ въ его дверь постучали.

— Войдите! — отозвался онъ сурово и устремилъ глаза на дверь, такъ какъ лакей, служившій ему, уже приходилъ три раза, не стуча въ дверь.

«Кто бы это могъ быть?» — подумалъ онъ. — «Вотъ уже со-всѣмъ не кстати!..»

Дверь отворилась. На порогѣ стоялъ высокій, стройный, очень красивый молодой человекъ. Онъ почтительно раскланялся, держа сѣрый цилиндръ въ одной рукѣ и красивую трость въ другой. На рукахъ его были пунцовыя перчатки, а сѣрый клѣтчатый костюмъ былъ съ иголочки.

— Извините меня, — заговорилъ онъ, — что я осмѣливаюсь беспокоить васъ, но я счелъ долгомъ явиться...

— Что прикажете? — отвѣтилъ Дикъ, вставая вмѣстѣ съ салфеткой въ рукахъ и дѣлая шага три къ гостю.

— Я счелъ долгомъ своимъ явиться къ вамъ. Не будетъ ли, можетъ быть, какихъ приказаній?

Мистеръ Дикъ вытаращилъ глаза.

— Если я опоздалъ, — продолжалъ молодой человекъ, — и если вы меня обогнали, то это не моя вина! Въ дорогѣ у парохода слсмалось колесо, и мы чуть не цѣлую треть океана проѣхали на одномъ колесѣ, и вамъ немудрено было, конечно, выѣхавъ изъ Нью-Йорка хотя бы пятью днями позже меня, прибыть въ Парижъ прежде.

«Я ничего не понимаю!» — хотѣлъ сказать мистеръ Дикъ, но только подумалъ, промолчалъ, а вмѣсто этого спросилъ:

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я — агентъ вашего дома, Алексонъ. Винавать, что я самъ тотчасъ же не назвался. Извините, что я наивно вообразилъ, что вы меня сами узнаете. Это было наивностью съ моей стороны. У васъ столько служащихъ, и, кромѣ того, они имѣютъ честь видѣть васъ такъ рѣдко, мимоходомъ, что, если они хорошо знаютъ въ лицо васъ, то вамъ, конечно мудрено знать ихъ всѣхъ. Итакъ, честь имѣю представиться — агентъ вашего дома! Не будетъ ли какихъ приказаній? Я возвращаюсь послѣ-завтра.

— Вы — агентъ банкирскаго дома Вильямъ Дикъ и К^о въ Нью-Йоркѣ?

— Точно такъ-съ!

— И фирма эта продолжает существовать?

Молодой человек изумленно поглядѣлъ въ лицо Дика.

— Я хочу сказать обороты дома идутъ хорошо?

— Болѣе или менѣе хорошо, хотя, какъ вамъ извѣстно, не столь хорошо, какъ шли прежде. Но, я полагаю, — любезно улыбнулся молодой человекъ, — что ваша неожиданная поѣздка сюда поправить дѣла.

Гм..—мычнулъ Дикъ и прибавилъ мысленно:—«Самъ чертъ тутъ ничего не пойметъ»!..

Онъ двинулся и пригласилъ гостя сѣсть, затѣмъ предложилъ ему стаканъ портвейну и сигару, но молодой человекъ сталъ конфузливо отказываться. По всему было замѣтно, что онъ не прочь былъ бы отвѣдать и того, и другого, но считалъ предложеніе простой любезностью со стороны мистера Дика и счелъ долгомъ отказаться: согласіе было бы съ его стороны фамиллярностью по отношенію къ банкиру-патрону.

— Какимъ образомъ вы нашли меня? — спросилъ Дикъ, тараща глаза.

— Я пришелъ въ эту гостиницу, чтобы повидать одного знакомаго, и когда я искалъ его имя на доскѣ, то случайно прочелъ ваше имя. Сначала я страшно удивился, такъ какъ, выѣзжая изъ Нью-Йорка, я зналъ, что ѣду въ командировку по вашему же выбору и приказанію, переданному мнѣ г. Германомъ, но затѣмъ, вспомнивъ, что мой пароходъ отъ несчастнаго случая въ морѣ запоздалъ, я, конечно, тотчасъ же сообразилъ, что вы могли выѣхать послѣ меня и прибыть во Францію раньше.

— Давно ли вы служите въ банкирскомъ домѣ Дикъ и К°?

— Болѣе полутора года, почти два года. Я началъ съ довольно маленькой должности и только съ полгода тому назадъ сдѣлался агентомъ для поѣздокъ по Америкѣ, а теперь въ первый разъ по вашему порученію являюсь въ Европу.

— Но отчего у васъ такой акцентъ? У васъ выговоръ необыкновенный!—спросилъ Дикъ.

— Я—не американецъ и даже не англичанинъ. Я—русскій...

— О-о?! — Ре — шень!! — протянулъ, изумляясь, Дикъ, но, тотчасъ же, вспомнивъ главное, спросилъ:—За это послѣднее время часто ли вы видѣли мистера Вильяма Дика?

Молодой человекъ снова изумленными глазами уперся въ лицо говорящаго.

— Много ли разъ я имѣлъ честь васъ видѣть?—спросилъ онъ.

— Я спрашиваю, сколько разъ за два года имѣли вы случай видѣть близко или разговаривать съ мистеромъ Вильямомъ Дикъ, главой банкирскаго дома Дикъ и К^о? — холодно проговорилъ англичанинъ.

— Разговаривать мнѣ не приходилось ни разу, этой чести, какъ вамъ извѣстно, никто изъ мелкихъ служащихъ не удостоивается, но видѣть мнѣ приходилось васъ прежде нѣсколько разъ. Прежде, а не за эти послѣдніе полгода.

— И вы находите между нимъ и мной сходство, г. Алексонъ?..

Наступило молчаніе. Лицо красиваго молодого человѣка стало даже некрасивымъ, такъ какъ онъ широко разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза и сидѣлъ, какъ истуканъ, даже какъ дуракъ.

— Я долженъ вамъ сказать, молодой человѣкъ, — заговорилъ мистеръ Дикъ, — что вы ошибаетесь! Если я ношу то же имя, что и вашъ патронъ, то я не могу допустить мысли, чтобы, сверхъ имени, было между мной и имъ сходство. Это была бы слишкомъ странная игра судьбы. Я думаю, что одно и то же прозвище повліяло на васъ? Вы, вѣроятно, никогда не видали или плохо видѣли вашего патрона и вообразили себѣ теперь, что я на него похожъ.

Наступило снова молчаніе, но затѣмъ Алексонъ понемногу овладѣлъ собой, крайнее изумленіе исчезло съ его лица, и онъ выговорилъ:

— Извините меня за мою невольную ошибку, но все-таки я осмѣлюсь утверждать, что между моимъ патрономъ и вами очень большое сходство. Быть можетъ, между вами и имъ есть дальнее родство? Теперь, всматриваясь въ васъ, я могъ только замѣтить, что вы, быть можетъ, немножко моложавѣе, лѣтъ на пять, на шесть. Но такъ... вообще... извините... но это поразительное сходство! Я думаю, что, если бы мой патронъ, мистеръ Дикъ, увидѣлъ васъ, то онъ самъ былъ бы пораженъ! Ему бы показалось чудомъ!

«Да», — подумалъ про себя Дикъ, — «если бы я самъ себя встрѣтилъ и увидѣлъ себя гдѣ нибудь предъ собой, помимо зеркала, то, конечно, почелъ бы это чудомъ»...

— Очень вѣрю, — прибавилъ онъ вслухъ, — что я похожъ на вашего патрона, но все-таки повторяю вамъ, молодой человѣкъ, что, вѣроятно, вы преувеличиваете. На васъ просто сильно повліяла одна и та же фамилія, подѣйствовала на ваше воображеніе. Послѣдній разъ говорю вамъ, что между мной и вашимъ патрономъ нѣтъ ничего общаго, что мы — даже не родственники

и никогда не видѣлись, конечно, такъ какъ я никогда изъ Лондона не выѣзжалъ и только теперь въ первый разъ прїѣхалъ въ Парижъ на нѣсколько дней. Въ Америкѣ я тоже никогда не бывалъ. Но теперь я начинаю вспоминать, что слышалъ или читалъ въ газетахъ, что существуетъ въ Нью-Йоркѣ банкирскій домъ моего однофамильца. Да, я начинаю смутно вспоминать... но тоже вспоминаю нѣчто... Развѣ тому назадъ такъ около полугода не ходилъ слухъ, что мистеръ Вильямъ Дикъ, вашъ патронъ... какъ бы это сказать? Что-то такое случилось... именно около полугода... онъ закрылъ свою контору или, кажется, чуть ли не пропалъ безъ вѣсти? Что-то въ этомъ родѣ мнѣ смутно вспоминается...

И, говоря это, англичанинъ пытливо глядѣлъ въ лицо Алексона, но молодой человѣкъ снова изображалъ на своемъ красивомъ лицѣ одно только крайнее изумленіе.

— Не знаю! — замоталъ онъ, наконецъ, головой. — Ничего подобнаго не было. Онъ живехонекъ и...

— Стало быть, — оживляясь, заговорилъ мистеръ Дикъ: — банкирскій домъ существуетъ и процвѣтаетъ, и мой однофамилецъ точно такъ же?

— Да-съ, процвѣтаетъ, хотя не такъ уже, какъ бывало прежде, какъ я имѣлъ честь вамъ докладывать. Тутъ замѣнилось одно маленькое обстоятельство... И, коль скоро вы даже незнакомы съ моимъ патрономъ, то я и не считаю долгомъ скрывать отъ васъ то, что намъ всѣмъ извѣстно и что мы, служащіе въ банкирскомъ домѣ, конечно, въ самомъ Нью-Йоркѣ никому не рассказываемъ, а держимъ въ строжайшей тайнѣ, чтобы не нанести ущерба торговому дому. Но здѣсь, во Франціи, и притомъ вамъ, постороннему человѣку, который никогда Нью-Йоркѣ не былъ и не будетъ, я могу сообщить.

И, говоря это, Алексонъ краснорѣчиво уже два или три поглядѣлъ на бутылку портвейна. Теперь, когда онъ зналъ, что передъ нимъ сидитъ не его патронъ, а какой-то обыватель Лондона, однофамилецъ его хозяина, онъ, конечно, не считалъ фамиллярностью чокнуться съ нимъ.

Мистеръ Дикъ замѣтилъ взглядъ молодого человѣка и, такъ какъ передъ нимъ стоялъ чистый стаканъ, пододвинулъ его гостю и налилъ въ него вина. Наливъ и себѣ въ маленькій стаканъ, онъ протанулся съ нимъ къ гостю, чокнулся и выговорилъ:

— За ваше здоровье! А затѣмъ я все утро свободенъ, дѣлать мнѣ нечего, и, по правдѣ вамъ сказать, хоть я и зналъ, что существуетъ въ Нью-Йоркѣ г. Вильямъ Дикъ, я теперь крайне имъ заинтересованъ именно потому, что, вдобавокъ, вы увѣряете, будто между мной и имъ есть даже какое то сходство въ лицѣ. Влѣдствіе этого я прошу васъ рассказать мнѣ кое-что о моемъ двойникѣ. Это меня позабавитъ. Никакой нескромностью съ вашей стороны я, какъ честный человѣкъ, не воспользуюсь, да и не буду въ состояніи воспользоваться, такъ какъ черезъ день или два я уѣзжаю обратно въ Лондонъ, а у васъ въ Нью-Йоркѣ, конечно, я никогда въ жизни не буду. Скажите мнѣ, что мой двойникъ—умный человѣкъ или дуракъ? Вѣдь, бываютъ банкиры, блестящимъ образомъ ведущіе свои дѣла, наживающіе милліоны и при этомъ—пошлые дураки. У нихъ только удача. За нихъ работаетъ одна дама—г-жа Фортуна...

— О, нѣтъ!—воскликнулъ Алексонъ,—сэръ Вильямъ Дикъ—мой патронъ—умнѣйшая голова! Это былъ человѣкъ поистинѣ замѣчательныхъ способностей...

— Былъ?!.—воскликнулъ мистеръ Дикъ.—Что вы хотите сказать словомъ «былъ»? Вѣдь, вы же сами сказали, что онъ живехонекъ?

— Конечно, живехонекъ, но я не могу сказать «здравъ и невредимъ»...

— Какимъ образомъ?

— А потому, изволите видѣть, что съ полгода назадъ, болѣе или менѣе, съ нимъ нѣчто произошло...

Вниманіе и любопытство мистера Дика сразу насторожилось.

— Около полугода назадъ?!.—воскликнулъ онъ.

— Да-съ!

— Что же именно?

— Мой патронъ вдругъ перемѣнилъ образъ жизни.

«Да»,—быстро подумалъ мистеръ Дикъ,—«если ты называешь исчезновеніе человѣка, оставившаго письмо, что онъ хочетъ покончить съ собой, перемѣной образа жизни, то это опредѣленіе оригинально!»

И онъ задумался надъ оригинальнымъ опредѣленіемъ.

IV.

Но, пока англичанинъ думалъ, молодой человѣкъ уже началъ свое повѣствованіе и рассказалъ слѣдующее. Приблизительно около полугода назадъ его патронъ пересталъ выходить изъ

дома и затѣмъ пересталъ выходить изъ своего рабочаго кабинета. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ проводитъ жизнь очень странно: онъ завтракаетъ и обѣдаетъ одинъ въ томъ же кабинетѣ, не желая видѣть даже самыхъ близкихъ друзей, не только кліентовъ, и допускаетъ къ себѣ, въ свои двѣ комнаты — кабинетъ и спальню—только жену, сына, дочь, управляющаго банкомъ, г. Германа, и своего любимца-лакея.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ стѣнѣ, раздѣлявшей его кабинетъ отъ комнаты, гдѣ сидѣлъ всегда г. Германъ, гдѣ дѣлались ему доклады и гдѣ изрѣдка онъ принималъ наиболѣе важныхъ посѣтителей,—въ стѣнѣ этой было сдѣлано отверстіе, нѣчто вродѣ окна съ большимъ, толстымъ зеркальнымъ стекломъ. И, если мистеръ Дикъ никогда не выходилъ и никого не принималъ, то его можно было всегда чрезъ окно видѣть, бывая у Германа. И многіе, конечно, видѣли его и могли даже засвидѣтельствовать, что патронъ проводитъ цѣлые дни за работой. Впрочемъ, иногда онъ приказываетъ задернуть зеленую занавѣску, чтобы посѣтители Германа не могли его видѣть.

Если бы мистеръ Вильямъ Дикъ выходилъ изъ дому или работалъ нѣсколько меньше, то, конечно, это могло бы принести только пользу для банкирскаго дома въ общественномъ мнѣніи города. Но подобное домосѣдство и подобная нелюдимость, и всѣ привычки мизантропа, и эти чересчуръ усидчивыя занятія дѣлами, продолжающіяся съ утра и до вечера, повліяли на дѣла совершенно иначе, — принесли вредъ. Злые языки и враги банкирскаго дома, конечно, воспользовались этимъ.

— И вы, конечно,—прибавилъ Алексонъ,—поймете, къ чему это повело?

— Къ чему? — спросилъ слушатель, но такимъ страннымъ, упавшимъ голосомъ, какъ если бы былъ пораженъ на смерть.

— Вы не догадываетесь, что стали говорить въ городѣ?

Мистеръ Вильямъ Дикъ молчалъ, а затѣмъ выговорилъ, какъ очумѣлый:

— Стали говорить, что онъ съ ума сошелъ?

— Именно!

— И все пошло къ черту! — прошепталъ Дикъ будто себѣ самому и осунулся въ креслѣ, какъ бы испуская послѣднее дыханіе.

— Точно такъ-съ! Кредитъ сталъ падать!

Мистеръ Дикъ уже такъ задумался, очевидно, глубоко потрясенный разговоромъ молодого человѣка, что этотъ теперь

глядѣлъ на него снова съ крайнимъ изумленіемъ и молчалъ. Наконецъ, онъ собрался заговорить и сказалъ:

— Васъ все это удивляетъ?

Но мистеръ Дикъ не слыхалъ и не отвѣтилъ.

— Позвольте покинуть васъ, — сказалъ снова чрезъ полминуты Алексонъ:— у меня много дѣла сегодня. Очень радъ, что я имѣлъ случай...

Но молодой человекъ замолчалъ, видя, что собесѣдникъ такъ забылся, какъ если бы лишился сознанія.

Алексонъ поднялся, сталъ умышленно кашлять и, наконецъ, протянувъ руку, почти крикнулъ.

— До свиданія!

Дикъ пришелъ въ себя и поглядѣлъ, какъ бы спросонья.

— А? Что?.. Ахъ, да! Вы... вы уходите? Погодите!

— У меня много дѣла, поэтому я...

— Два слова, т.-е. нѣсколько словъ или одинъ вопросъ, и я отпущу васъ... Скажите, вы говорили, что я сижу по цѣлымъ днямъ за столомъ...

— Нѣтъ-съ. Я этого не говорилъ.

— Какъ не говорили?!

— Я этого не могъ сказать, не зная вашего образа жизни. Я говорилъ про моего патрона.

— Ну, да! Ну, да! Я шутя сказалъ: «я сижу»,— мой однофамилецъ сидитъ цѣлые дни?

— Точно такъ-съ.

— И вы его видѣли, видали?.. Предъ отъѣздомъ изъ Нью-Йорка вы его видѣли?

— Да-съ.

— Своими глазами видѣли?

— Видѣлъ!—удивился Алексонъ.

— Ваше честное слово?

— Даю вамъ слово джентльмена.

— Это... это чертъ знаетъ, что такое! — закричалъ Дикъ.— Это можно съ ума сойти!

— Да-съ. Но это ввидѣ сплетни уже бѣгаетъ по всему Нью-Йорку.

— Что?

— Всѣ говорятъ, что мистеръ Дикъ сошелъ съ ума.

— Нѣтъ... Нѣтъ! Я не про это... Вотъ что, г. Алексонъ... Дайте слово, что вы исполните мою просьбу, пустую, самую пустую.

— Извольте! Даю!

— Приходите ко мнѣ снова завтра въ эту пору.

— Извольте, съ удовольствіемъ!

Молодой человѣкъ вышелъ, а мистеръ Дикъ снова глубоко задумался и просидѣлъ такъ нѣсколько часовъ. Онъ изображалъ истукана.

О послѣднемъ предполагавшемся имъ блюдѣ или угощеніи онъ даже забылъ... Ему было не до самоубійства. Было нѣчто важнѣе...

Предъ обѣдомъ, часа за полтора, онъ вышелъ погулять на бульвары, но и здѣсь думалъ все объ одномъ и томъ же и изрѣдка говорилъ вслухъ. Мысли его вертѣлись все на одномъ соображеніи.

«Кто же этотъ мерзавецъ, который изображаетъ меня въ Нью-Йоркѣ?.. И если этотъ мерзавецъ обанкротится, то, вѣдь, банкротомъ сочтутъ не его, а меня. Какъ же поступить? Фхать назадъ и раскрыть все это комедіанство?! Никогда! Теперь меня это волнуетъ, но, когда я застрѣлюсь, то, понятно, съ того свѣта мнѣ все это будетъ представляться совершенно иначе, съ иной точки зрѣнія, болѣе разумной, менѣе условной. Если вся эта земля для меня вдругъ станетъ горошиной—и глупой, скучной горошиной — то, очевидно, что вся Америка будетъ пятышко, Нью-Йоркъ точка, а банкирская фирма Дикъ и К^о... что? Даже не атомъ, а какая-то сотая доля атома, если атомъ дѣлимъ...

И мистеръ Вильямъ рѣшилъ, что надо все-таки застрѣлиться. Но когда?.. Сейчасъ... До обѣда? Онъ подумалъ.

— Нѣтъ, лучше послѣ обѣда: съ полнымъ желудкомъ нервы спокойнѣе...—рѣшилъ мистеръ Дикъ.

Но вдругъ онъ вспомнилъ, что позвалъ на утро въ гости молодого агента своего дома, да еще какого агента—русскаго!

— Невѣжливо! Придетъ и найдетъ тѣло. Даже болѣе, чѣмъ невѣжливо—опасно! Онъ вернется въ Нью-Йоркъ и расскажетъ, что познакомился съ однофамильцемъ своего патрона, страшно на него похожимъ, и что этотъ «другой» Дикъ застрѣлился. Семья догадается. Нельзя! Надо завтра его принять, затѣмъ переѣхать въ другую гостиницу, а тамъ уже ликвидировать свою особу.

— А деньги для переѣзда.

И, подумавъ, онъ прибавилъ:

— Сегодня пойду въ «Альгамбру», захвачу эти 70 франковъ... и, навѣрно, выиграю. Если проиграюсь, то завтра послѣ визита этого Алексона выйду гулять и придумаю, какъ покончить съ собой, чтобы не попасть въ моргъ и не быть узаннымъ.

И, подумавъ еще, Дикъ рѣшилъ непременно итти вечеромъ въ «Альгамбру», затѣмъ принять на утро Алексона... а затѣмъ?.. Затѣмъ, конечно, не дожидаясь обѣда, такъ застрѣлится, чтобы его похоронили, какъ неизвѣстно кому принадлежащее тѣло.

Пообѣдавъ въ гостиницѣ съ особеннымъ аппетитомъ, мистеръ Дикъ отправился въ игорный домъ въ отличномъ расположеніи духа.

Тутъ было все то же, какъ и прежде: толпа съ странными лицами, фізіономіи довольныя и даже восторженныя, а рядомъ блѣдныя лица съ дико раскрытыми глазами: однимъ фортуна улыбалась, другихъ казнила.

«Удивительный народъ — люди!» — думалось мистеру Вильяму: — «проигрываютъ и сердятся, волнуются, кажутъ несчастными. Не все ли равно — выигрывать или проигрывать? Вѣдь, дѣло въ игрѣ!»

Раздѣливъ свои семьдесятъ франковъ на три куша, мистеръ Дикъ началъ ставить на Rouge et Noir. Бывало, онъ не ставилъ никогда менѣе пяти луидоровъ или ста франковъ и проигрывалъ до пятидесяти тысячъ въ вечеръ. На этотъ разъ, поставивъ первый кушъ въ одной золотой — онъ выигралъ. Оставивъ все на столѣ, онъ снова выигралъ. И такъ семь разъ. Послѣ седьмого удара, выиграннаго, онъ всю кучу золота перетащилъ съ «краснаго» на «черное». И опять выигралъ. Чрезъ часъ игры предъ мистеромъ Дикомъ на столѣ было 25 тысячъ франковъ приблизительно. Онъ не трудился считать, загребая золото...

— Глупо! Глупо! — повторялъ онъ, волнуясь отъ досады. — Глупо это потому, что, сколько бы я ни выигралъ, я эту канитель существованія продолжать не стану. Все-таки завтра предъ обѣдомъ я застрѣлюсь. Слѣдовательно, эти деньги останутся зря въ пользу хозяина гостиницы или въ пользу полиціи, которая мое тѣло подберетъ и обокрадетъ.

Впрочемъ, было вѣрное средство не остаться въ выигрышѣ и выйти изъ «Альгамбры» безъ гроша.

И мистеръ Дикъ употребилъ это средство. Въ два часа ночи онъ вышелъ изъ игорнаго дома съ билетомъ въ пятьсотъ франковъ и съ серебряной монетой въ два франка.

Съ великимъ трудомъ поборолъ себя игрокъ, чтобы не спустить все до послѣдняго франка. Благоразуміе взяло верхъ. Прежде Дикъ собирався застрѣлиться въ своей комнатѣ, и пріятель, извѣщенный запиской, могъ уплатить и въ гостиницѣ, и за похороны. Теперь, благодаря присутствію въ Парижѣ Алексона, Дикъ опасался поступить такъ и рѣшилъ, уплативъ хозяину, застрѣлиться въ окрестностяхъ. И онъ энергически оставилъ въ карманѣ пятьсотъ франковъ для гостиницы и два франка на извозчика.

V.

На одной изъ лучшихъ и шумныхъ улицъ Нью-Йорка въ большомъ домѣ помѣщалась контора и квартира банкира Дикъ. Здѣсь лѣтъ пятнадцать прожила семья ни хорошо, ни дурно...

Разумѣется, въ тотъ день, въ который отецъ семейства вдругъ исчезъ, оставивъ письмо, объяснявшее его рѣшеніе покончить съ собой, мистриссъ Дикъ и молодая Алиса были поражены. Но нельзя сказать, что бы это было тяжелое, безысходное горе.

За послѣдніе годы Дикъ какъ-то отдалился отъ жены и дочери. Онъ много и часто отсутствовалъ, а когда бывалъ дома, то былъ настолько сумраченъ и угрюмъ, что его присутствіе только тяготило всѣхъ. Г-жа Дикъ, давно охладѣвшая къ своему мужу, обожала дочь и мечтала только объ ея замужествѣ. Нежданное рѣшеніе Дика было лишь ужасно тѣмъ, что вело прямо къ катастрофѣ, т.-е. къ разоренію.

Г-жа Дикъ поэтому не столько жалѣла мужа, рѣшившагося на самоубійство, сколько попрекала его, что онъ не взялся за дѣло иначе. Онъ имѣлъ право, конечно, покончить съ собой, но не имѣлъ права, по ея мнѣнію, покончить съ банкирскимъ домомъ. Слѣдовало все привести въ порядокъ, ликвидировать свои дѣла или выдать дочь замужъ и основать новую фирму, а затѣмъ уже отправляться на тотъ свѣтъ. Отъ потрясенія г-жа Дикъ заболѣла и слегла въ постель.

Юная Алиса, конечно, могла только плакать и ухаживать за матерью, но ея личныя, тайныя мечты тоже рухнули. Она уже надѣялась быть г-жей Алексонъ, теперь же, если молодой человекъ попрежнему ее любитъ, то его родители врядъ ли согласятся на его женитьбу съ дочерью самоубійцы-банкрота.

Прошло нѣсколько дней послѣ исчезновенія; мистриссъ Дикъ была въ постели, но банкирская контора не закрывалась, и все шло своимъ чередомъ. Главный управляющій, уже давно служившій у Дика, старый, умный, дѣльный, но и очень хитрый и лукавый человекъ, г. Германъ, сначала тоже потерялъ голову, но затѣмъ вдругъ приободрился, ожилъ... Смущенія его не было и слѣда.

Случилось это послѣ краткой бесѣды его съ вѣрнымъ слугою исчезнушаго банкира. Камердинеръ, старикъ Томъ, пятнадцать лѣтъ служившій барину, очевидно, повліялъ на расположеніе духа и на рѣшеніе Германа.

Черезъ недѣлю послѣ прочтенія письма Дика, которое показала ему Алиса, Германъ велѣлъ доложить больной г-жѣ Дикъ, что ей пора подняться съ постели, чтобы рѣшить судьбу банкирскаго дома.

Женщина приняла Германа. Между ними произошло важное и роковое объясненіе. Онъ предложилъ женщинѣ, ничего не понимающей въ дѣлахъ, скрывъ самоубійство банкира, взять на себя постепенную, осторожную ликвидацію всѣхъ дѣлъ, чтобы спасти хотя бы около полумилліона для юной миссъ Алисы.

— Все зависитъ отъ васъ!—сказалъ Германъ госпожѣ Дикъ:— рѣшайте! Желаете ли вы вмѣстѣ съ дочерью итти, какъ говорится, на улицу, или желаете, чтобы у миссъ Алисы было очень приличное приданое? Я беру на себя все, но лишь съ однимъ условіемъ, чтобы вы вполнѣ подчинились моей волѣ и исполнили три мною поставляемыхъ условія. Первые два я вамъ тотчасъ же скажу, а о третьемъ я умолчу и объясню его вамъ впоследствии, когда все дѣло выяснится, когда я увижу, что все, дѣйствительно, обстоитъ благополучно.

Разумѣется, г-жа Дикъ согласилась на все.

— Первое мое условіе, конечно, ради вашей же пользы, заключается въ томъ, чтобы вы рѣшились подписывать всѣ тѣ бумаги, которыя я буду вамъ подавать. Вездѣ, гдѣ стояла подпись мистера Дика, должна стоять ваша, разумѣется, похожая на подпись вашего мужа.

— Но, вѣдь, это противозаконно?!—воскликнула г-жа Дикъ.

— Совершенно вѣрно!

— Вѣдь, это будетъ подлогъ?

— Совершенно вѣрно! Если не полный подлогъ, то на половину. Вы будете писать имя, которое носите, подражая по-

черку вашего мужа. Но поймите, что изъ этого никакой бѣды не произойдетъ. Мы понемногу ликвидируемъ всѣ дѣла и, когда все будетъ кончено, мы объявимъ о письмѣ мистера Дика и его рѣшеніи покончить съ собой. Никому и на умъ не придетъ, что мы, такъ сказать, оттянули его самоубійство! Да и кто-же пойдетъ рыться въ дѣлахъ банкирскаго дома, ликвидировавшаго свои дѣла и притомъ совершенно правильно, безъ ущерба своимъ кліентамъ? Вамъ придется подписаться какихъ-нибудь нѣсколько сотенъ разъ, но этимъ вы дадите вашей дочери полумилліонное приданое. Согласны-ли вы?

Разумѣется, г-жа Дикъ попросила отсрочки подумать, но на другой-же день согласилась и въ душѣ была даже благодарна преданному и умному Герману за то, что онъ придумалъ спасти ее отъ гибели.

Германъ заявилъ о второмъ условіи, которое оказалось гораздо легче исполнить, чѣмъ первое. За первое можно было итти подъ судъ, за второе, какъ за обманъ, г-жа Дикъ никакой отвѣтственности подвергнуться не могла. Германъ бралъ все на себя лично и просилъ женщину дать только свое молчаливое согласіе.

— Въ чемъ-же оно заключается? — спросила г-жа Дикъ.

— Это объяснять довольно долго и совершенно излишне. Завтра утромъ я вамъ покажу нѣчто, предупредивъ васъ не пугаться и попросивъ ни слова никому не объяснять.

На слѣдующій день въ комнатѣ, гдѣ всегда принималъ управляющій конторой, появились рабочіе, а самъ онъ временно принималъ посѣтителей и доклады конторщиковъ въ другой—сосѣдней. Рабочіе были заняты дѣломъ съ ранняго утра, съ разсвѣта и до поздней ночи. На второй день все было готово. Кабинетъ управляющаго принялъ свой обычный видъ, и Германъ снова переселился въ него. Но весь персоналъ конторы, а равно и постоянные посѣтители увидѣли новость. Въ стѣнѣ оказалось довольно большое окно, черезъ которое былъ виденъ кабинетъ самого мистера Дика.

Около полудня Германъ попросилъ г-жу Дикъ пожаловать къ себѣ. Онъ подвелъ ее къ этому занавѣшенному окну и, собираясь постучать въ него, серьезно и важно прибавилъ:

— Снова, въ третій разъ, прошу васъ, уважаемая мистрисъ, не пугаться, не падать въ обморокъ, хотя-бы вы увидѣли что-нибудь чрезвычайное. Готовы-ли вы? Помните, что все дѣлается для счастья вашей дочери. Поэтому старайтесь выдер-

жать всякій, какой-бы то ни было, нравственный ударъ. И такъ, готовы-ли вы увидать нѣчто чрезвычайное, даже, пожалуй, съ извѣстной точки зрѣнія, страшное?

Г-жа Дикъ, женщина очень религіозная, прочла мысленно молитву и объявила, что она готова. Германъ постучалъ въ стекло окна. Зеленая тафтяная занавѣска отдернулась за стекломъ, и мистрисъ Дикъ оторопѣла, затрепетала, собралась страшно закричать, но у нея не хватило силъ. Ноги ея задрожали, подкосились, и она едва не упала на полъ. Германъ поддержалъ ее и посадилъ въ кресло.

— Что это?!—воскликнула она.

Но Германъ молчалъ.

— Я васъ спрашиваю, что это значить? Онъ живъ? Онъ вернулся?

— Нѣтъ!—холодно отозвался тотъ.

— Что-же это?

— Это онъ для всей Америки, для всѣхъ кліентовъ, для всей конторы, но для насъ—васъ, вашей дочери, сына и меня—это нѣчто совершенно иное. Пойдемте въ кабинетъ!

И черезъ нѣсколько мгновеній Германъ, подавая руку г-жѣ Дикъ, провелъ ее кругомъ чрезъ другія комнаты и ввелъ въ кабинетъ ея мужа. За письменнымъ столомъ въ халатѣ сидѣлъ спиной къ нимъ самъ Дикъ. Германъ обвелъ свою даму кругомъ стола и поставилъ противъ фигуры сидящаго за работой банкира, держащаго перо въ рукѣ и склонившаго надъ бумагой голову. Женщина долго вглядывалась...

— Это поразительно!—воскликнула она, наконецъ.

— Да, ваша правда!—улыбаясь, отвѣтилъ Германъ.

— Но объясните мнѣ, откуда вы это достали? Когда успѣли вы это сдѣлать?

— Я ничего не доставалъ и ничего не дѣлалъ. Этому мистеру Дикъ уже, по крайней мѣрѣ, четыре года отъ роду. Объ его существованіи я не имѣлъ никакого понятія и узналъ лишь отъ вашего вѣрнаго слуги Тома. Позовите его, разспросите, и онъ объяснитъ вамъ все. Я-же теперь буду только просить васъ о томъ, чтобы быть одного мнѣнія со всѣмъ Нью-Йоркомъ объ этомъ нашемъ сундукѣ.

Вызванный Томъ объяснилъ барынѣ, что уже около пяти лѣтъ баринъ его часто исчезалъ изъ дому тотчасъ-же послѣ обѣда и иногда возвращался только на слѣдующій день утромъ и въ полдень. А тотъ, кого г-жа Дикъ, иногда заглянувъ въ

дверь, видала и вечеромъ, и утромъ и боялась обезпокоить, видя усиленно работающимъ за большимъ письменнымъ столомъ, былъ не настоящій, живой мистеръ Дикъ, а этотъ, стоявшій ему около тысячи долларовъ.

И, дѣйствительно, восковая кукла стоила этихъ денегъ вслѣдствіе своей жизненности, а, главное, поразительнаго сходства съ самимъ оригиналомъ. Можно было даже сказать, что въ куклѣ было больше жизни, чѣмъ въ самомъ банкирѣ. Вѣчно сумрачный и отъ этого съ неподвижными чертами лица Дикъ могъ скорѣй походить на куклу, нежели это восковое изображение, гдѣ ярко и весело свѣтились стеклянные глаза, широко и добродушно раскрытые, и пробивался легкій румянецъ на щекахъ, а губы не были, угрюмо сжаты, и на нихъ вѣчно играла привѣтливая улыбка.

VI.

Такимъ образомъ въ банковской конторѣ Дикъ и К^о все, обстоя благополучно, конечно, пошло своимъ чередомъ. Мистеръ Дикъ, труженикъ-домосѣдъ, подписывалъ всѣ бумаги по-прежнему, только, какъ замѣтили служащіе, подпись его стала нѣсколько мельче, короче. Банкиръ работалъ страшно, его видѣли за письменнымъ столомъ и рано утромъ, и въ сумерки. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ порвалъ всякую связь съ міромъ. Только одинъ Германъ ходилъ къ банкиру съ докладомъ, и иногда нѣкоторые служащіе видѣли чрезъ окошко, какъ онъ подавалъ патрону бумаги къ подписи и какъ Дикъ безъ разговоровъ, безстрастно подписывалъ ихъ, но не шевелясь за столомъ, даже не поднимая ни на секунду головы.

Мистриссъ Дикъ, мучимая своимъ положеніемъ, тѣмъ, что она ежедневно дѣлаетъ по нѣсколько подлоговъ, подписываясь вмѣсто мужа, разумѣется, ежедневно приставала къ Герману съ вопросомъ, когда наступитъ конецъ, когда кончитъ онъ ликвидацію и когда прекратится эта опасная и преступная комедія? Управляющій обѣщалъ, кратко говоря:

— Скоро, скоро!

Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ.

Однажды Германъ явился къ г-жѣ Дикъ и заявилъ ей, что настала пора имъ объясниться.

— Пришло время,—объявить вамъ, мистриссъ, о моемъ третьемъ условіи и просить васъ точно такъ же согласиться и

на него. Тогда все будетъ обстоять благополучно, и вы будете не только такъ же богаты, какъ при жизни вашего супруга, но, пожалуй, даже и богаче. Выслушайте меня! Я общалъ вамъ ликвидировать дѣла дома, но этого не сдѣлалъ. Я продолжалъ вести ихъ попрежнему, быстро расширяя и увеличивая обороты, вмѣсто того, чтобы сокращать ихъ. Теперь кредитъ дома Дикъ и К^о поднялся, и дѣла идутъ отлично. Но завтра же кредитъ можетъ уменьшиться, черезъ нѣсколько дней совершенно уничтожиться, а затѣмъ вскорѣ же наступятъ прекращеніе платежей и банкротство. Все это зависитъ отъ васъ. Въ настоящую минуту въ несгораемомъ шкафу, гдѣ было всего какихъ-нибудь пятьсотъ тысячъ наличными деньгами въ день исчезновенія вашего мужа, теперь на-лицо всякими бумагами, не только европейскими и американскими, но даже бумагами всего міра, находится наличность въ два милліона съ большимъ лишкомъ. Зачѣмъ я скопилъ ихъ, вы сейчасъ узнаете. Прежде скажите мнѣ, желаете ли вы, чтобы эти почти три милліона и страшный кредитъ банкирскаго дома Дикъ и К^о были вашимъ достояніемъ, или же вы предпочитаете остаться безъ гроша, быть подъ судомъ и въ тюрьмѣ за подлогъ и за обманъ вашихъ кліентовъ? Вопросъ разрѣшается очень просто. Я уже давно плѣненъ вашей дочерью, миссъ Алисой, и я предлагаю вамъ руку и сердце... не вамъ, конечно, лично, а вашей дочери. Послѣ торжественнаго бракосочетанія мы объявимъ новую фирму Дикъ, Германъ и К^о, а спустя мѣсяць сидящій теперь за рабочимъ столомъ мистеръ Дикъ исчезнетъ, изрѣзанный въ куски и преданный сожженію, а публика узнаетъ, что онъ уѣхалъ, оставивъ вамъ письмо, и, вѣроятно, уже на томъ свѣтѣ. И даю вамъ слово, что ко дню совершеннолѣтія вашего сына все наличное теперь будетъ ему принадлежать, а много другихъ новыхъ милліоновъ будутъ принадлежать супругамъ Германъ.

Г-жа Дикъ была настолько поражена объясненіемъ Германа, что только поблѣднѣла, помертвѣла и, не имѣя силъ произнести ни одного слова, очутилась въ обморокъ. Она очнулась въ постели.

Въ тотъ же день вечеромъ Германъ узналъ то, чего не ожидалъ... Мистриссъ Дикъ скорѣе соглашалась на катастрофу, нежели на замужество дочери съ старикомъ и Іудой-предателемъ.

Хладнокровный и упрямый Германъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Я даю еще мѣсяца два и болѣе на размышленіе. Я надѣюсь, что такая умная, молодая дѣвушка, какъ миссъ Алиса, сама убѣдитъ свою мать, что лучше быть обожаемой женой и миллионершей, нежели быть нищей и имѣть мать въ тюремномъ заключеніи.

И снова все шло по-старому. Банкирскій домъ существовалъ, хотя дѣла начинали итти хуже вслѣдствіе мизантропства мистера Дика. Слухи объ его подозрительномъ состояніи ума все росли. Вдругъ разнесся слухъ, что онъ и не ѣсть ничего. Одновременно хитрый Германъ почувалъ что-то въ отношеніяхъ миссъ Алисы и молодого конторщика Алексона. По приказанію якобы самого патрона онъ тотчасъ отправилъ послѣдняго съ порученіемъ въ Старый свѣтъ, а вслѣдъ за его отъѣздомъ явился разъяснить окончательно все съ мистриссъ Дикъ.

Разсказавъ и объяснивъ снова подробно все, онъ началъ какъ бы допросъ:

— Поняли-ли вы вполнѣ ваше положеніе?—началъ онъ отчасти раздражительно.

— Поняла,—сурово отозвалась госпожа Дикъ.

— Мнѣ кажется, что нѣтъ. Вы, какъ женщина, фантазируете, а не просто ясно обсудили и поняли, въ какомъ вы находитесь исключительно невозможномъ положеніи. Вѣдь, вы—преступница.

— Да, и вы—мой сообщникъ.

— Да, я скрываю якобы ваше преступленіе, сударыня,—усмѣхнулся Германъ.—Но неужели вы считаете меня дуракомъ?

— Нѣтъ, напротивъ!.. Вы—умный, хитрый и... на все способный человѣкъ.

— Совершенно вѣрно.

— На все...

— Да-съ, да-съ, на все! И этимъ хвастаюсь. Но есть нѣчто, на что я не способенъ.

— На все!—упрямо, но будто съ горечью въ голосъ повторила г-жа Дикъ.

— Нѣтъ-съ! Есть одно, на что я не способенъ. Я не способенъ на глупость. А быть или попасть въ положеніе сообщника по преступленію была бы глупость. Поэтому, повѣрьте, что я принялъ свои мѣры... Если разразится катастрофа, то я буду въ сторонѣ, чистъ и неповиненъ, какъ библейскій агнецъ. Итакъ, начнемъ сызнава. Желаете-ли вы принять мое предложеніе руки и сердца и назвать зятемъ?

— Никогда!

— Въ такомъ случаѣ я устрою или, вѣрнѣе, разстрою дѣла такъ, что домъ будетъ объявленъ банкротомъ вслѣдствіе прекращенія платежей, затѣмъ будетъ назначено слѣдствіе, которое раскроетъ все... отъ восковой куклы до подлоговъ подписи покойнаго мистера Вильяма.

— Ну, что же? Если иначе нельзя.

— И вы попадете на свамью подсудимыхъ. Вѣрите вы, мистриссъ, или думаете, что я васъ только пугаю?

— Нѣтъ. Я знаю, что я виновата, и расскажу суду присяжныхъ, какъ я стала виновна.

— Это—пустяки. Судъ не спросить: «какъ, да почему?» Онъ обсудитъ фактъ... И васъ заключать въ тюрьму по малой мѣрѣ на десять лѣтъ.

— Что дѣлать? Другого исхода нѣтъ!

— Какъ нѣтъ? Вамъ предлагаютъ такой исходъ, который только... извините... только безумные не предпочтутъ... Вамъ и миссъ Алисъ предлагаютъ богатство, милліоны.

— Чтобы быть вашей женой?!—вдругъ воскликнула г-жа Дикъ,—Алисъ! Знаете-ли, милостивый государь, это ваше предложеніе меня даже заставляетъ искренно вѣрить, что вы не вполне нормальны. Выйти молодой дѣвушкѣ и красавицѣ за старика, да еще за такого, какъ вы, противнаго нравственно и физически?.. Да это хуже, чѣмъ утопиться. Покончить съ собой—секунда, а прожить жизнь съ вами... Да это что же?!.

Германъ ехидно разсмѣялся.

— Я считаю себя не старымъ, а только пожилымъ. Не считалъ себя никогда красавцемъ и прежде, въ молодости. Но я—человѣкъ умный, даровитый, хорошо воспитанный и при мнѣ три милліона.

— Три милліона, сдѣланные моими подложными подписями!

— Нѣтъ-съ, моимъ талантомъ!

— Нѣтъ-съ, моими подлогами! Что бы вы могли безъ нихъ сдѣлать?

— А что бы вы могли сдѣлать вашей одной подписью, если-бъ не я велъ дѣло?

Наступило молчаніе.

Его чрезъ минуты три первый прервалъ Германъ.

— Итакъ, достоуважаемая мистриссъ Дикъ должна все-таки тотчасъ окончательно рѣшить вопросъ: быть-ли ей и ея дочери

милліонершами, или мистриссъ Дикъ быть въ тюрьмѣ, а миссъ Алисъ на улицѣ нищей, а обѣимъ—опозоренными. Ну-съ?

— Я вамъ на это уже отвѣчала.

— Но это, вѣдь, безумно съ вашей стороны.

— Нѣтъ. Съ вашей стороны безумно думать, что мать зарѣжетъ свою дочь или посовѣтуетъ ей зарѣзаться.

Послѣ новой паузы Германъ выговорилъ:

— Ну, я—добрый и разумный человекъ. Я даю вамъ еще недѣлю на размышленіе. Я буду ждать вашего окончательнаго рѣшенія, а затѣмъ...

Германъ ехидно улыбнулся и важно вышелъ.

VII.

Мистеръ Дикъ проснулся довольно рано и чувствовалъ себя чрезвычайно хорошо. Въ такомъ состояніи духа можно было застрѣлиться особенно пріятно... съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Онъ тотчасъ же, быстро окончивъ туалетъ, приказалъ подать завтракъ и счетъ. Оказалось 473 франка. Онъ уплатилъ и далъ 27 фр. на чай лакею и горничной. У него не осталось ни въ портфель, ни въ портмоне, ни въ столѣ ни единого су.

«Приму Алексона, поскорѣ спроважу»,—думалъ онъ,—«и тотчасъ же выйду гулять. Уйду верстъ за пять въ окрестности и тамъ кончу... Ликвидирую всѣ эти мысли, чувства, размышленія, желанія, досаду и, главное, скуку... гигантскую скуку! Пускай тамъ, въ Нью-Йоркѣ, сидитъ какой-то мошенникъ, выдающій себя за меня!»—рѣшилъ онъ окончательно.—«Дѣла фирмы идутъ нехорошо, но все-таки идутъ. Жена и дочь, очевидно, довольны, если допускаютъ эту комедію. Особенно Алиса... Да, вотъ, Алиса... Это даже обидно, и я такового отъ нея не ожидалъ!»

Единственное существо на свѣтѣ, къ которому у Дика было и осталось нѣчто вродѣ нѣжнаго чувства, была дочь, и теперь ему было даже грустно подумать, что молодая дѣвушка дала согласіе на отысканіе какого-то замѣстителя отца. Жена, глупая женщина, могла, по его мнѣнію, не сообразить ничего, а дочь, умная и честная дѣвушка, должна была понять, что это все—глумленіе надъ нимъ или его памятью и противозаконный, дерзкій обманъ согражданъ, не только однихъ знакомыхъ.

«Если жена и дочь на знают навѣрное, на томъ-ли я свѣтъ, или нѣтъ, то могутъ думать, что я въ Старомъ свѣтъ, но никакъ не въ Америкѣ и не въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ»,—разсуждалъ Дикъ и кончилъ рѣшеньемъ:—«да, застрѣлившійся якобы полгода назадъ человекъ и, слѣдовательно, обманщикъ—черезъ нѣсколько часовъ будетъ... не обманщикомъ, не луномъ, а джентльменомъ. Вѣриѣ сказать, мертвымъ тѣломъ джентльмена. Какая досада, что меня разыскалъ въ Парижѣ этотъ проклятый Алексонъ и теперь нельзя спокойно съ комфортомъ застрѣлиться здѣсь, у себя въ комнатѣ!»

Между тѣмъ, пока мистеръ Дикъ разсуждалъ въ ожиданіи агента своей конторы, этотъ справлялъ въ Парижѣ кое-какія порученія своего патрона, американскаго или подложнаго, данныя не лично, а чрезъ управляющаго конторой Германа.

Американецъ Алексонъ былъ коренной русской человѣкъ, уроженецъ Москвы и Полянки, но настолько освоившійся съ Новымъ свѣтомъ и нравами янки, что перемѣну, происшедшую въ немъ, можно было бы назвать перерожденіемъ, не только полной метаморфозой.

Когда-то, будучи двадцати лѣтъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы и изъ Россіи въ полной увѣренности, что, ознакомившись въ Америкѣ съ состояніемъ и развитіемъ дѣла, которое его интересовало, онъ тотчасъ вернется въ первопрестольную и начнетъ то же дѣло, огромное, сложное и прибыльное. Чрезъ двадцать лѣтъ у него будетъ миллионъ. Въмѣсто этого, онъ, отлагая свое возвращеніе на родину изъ года въ годъ, наконецъ, совсѣмъ застрялъ въ Америкѣ и сталъ Алексономъ, гражданиномъ Нью-Йорка на основаніи законныхъ документовъ.

Да, молодой человѣкъ «сталъ» Алексономъ, такъ какъ въ Москвѣ онъ былъ «Алексѣевъ», купеческій сынъ, окончившій курсъ коммерческихъ наукъ и обучившійся дома языкамъ англійскому и французскому.

Алексѣевъ, по имени Петръ, по батюшкѣ Николаевичъ, былъ сыномъ купца, фабриканта кумача и ситца, владѣвшаго тремя-четырьмя сотнями тысячъ оборотнаго капитала. Но у «Миколая Миколаевича» Алексѣева была такая большая семья, столько сыновей (а именно восемь), что, когда одинъ изъ младшихъ, шустрый Петя, собрался въ Америку изучать производство новаго предмета коммерціи — недавно изобрѣтенной гуттаперчи, или гутта-перки, то отецъ тотчасъ далъ свое благословеніе и далъ денегъ на дорогу, обѣщая высылать и на жительство.

— Ситець — ситцемъ. Отчего не попробовать мастерить въ Россіи и эту «гатаперцу» — фабриковать кота изъ перца! — шутилъ старикъ-купецъ.

Петръ Алексѣевъ уѣхалъ и только чрезъ три мѣсяца достигнулъ береговъ Америки, пересаживаясь съ корабля на корабль, пріѣзжая и ожидая подолгу въ разныхъ портахъ возможности двинуться далѣе. Такъ побывалъ онъ въ Кронштадтѣ, Ригѣ, Данцигѣ, Гамбургѣ, Гаврѣ, Ливерпулѣ и только отъ береговъ Англіи до береговъ Америки проѣхалъ прямо безъ мытарства.

Вскорѣ оказалось, что пресловутая гуттаперча не стоила того, чтобы изъ-за нея пріѣзжать, и вообще оказалось, что Алексѣевъ не обладаетъ ни той жилкой коммерческой, ни той энергіей, съ которыми въ Америкѣ пригодишься, и безъ которыхъ пропадешь совсѣмъ...

Пребываніе среди янки кончилось тѣмъ, что Алексѣевъ сталъ тѣмъ, чѣмъ легко могъ бы быть и на родинѣ — бухгалтеромъ въ банкирской конторѣ...

Между тѣмъ фамилія его положительно была обузой, даже помѣхой... Янки не могли ни натошакъ, ни даже послѣ сытнаго стола выговаривать ясно: «Алексѣевъ». Они говорили: «Алексиксо» или «Лекоксэ», или «Кекликси» и т. д. И молодой человѣкъ рѣшился стать удобопроизносимымъ, ставъ удобопонятнымъ «Алексономъ». Переимѣна была не велика, а, между тѣмъ, никто уже не ошибался. Сразу всѣ поняли и запомнили простую, ясную фамилію «Алексонъ».

Но, переимѣнивъ фамилію законнымъ порядкомъ, молодой человѣкъ сдѣлался и гражданиномъ великой республики. Подъ письмами въ Россію онъ подписывался по старому, но пересталъ даже собираться на родину и, слѣдовательно, не могъ снова стать Алексѣевымъ!

На это были важныя причины... Отецъ умеръ, братья раздѣлились и разорились, ухнувъ и его часть наслѣдства, и, наконецъ... наконецъ—и это было главное—его сердце принадлежало юной американкѣ!.. А она вытѣснила изъ этого русскаго сердца Москву златоглавую.

Если Алексѣеву-Алексонову не удалось пересадить на русскую почву производство того, чего въ ней самой и достать нельзя, то-есть, сырья для гуттаперчи, то ему удавалось все другое... Алексѣевъ былъ красивый, сравнительно образованный человѣкъ, знавшій Россію и видѣвшій Европу, говорившій на трехъ

языкахъ, и, кромѣ того, въ качествѣ истаго россиянина былъ прямой, благодушный, сердечный, а не сухой человѣкъ. Поэтому онъ всѣмъ легко нравился, всѣхъ привлекалъ, всѣмъ внушалъ симпатію. Поэтому и гражданка великой республики, юная и красивая, которой онъ отдалъ свое сердце, тоже плѣнилась имъ. И одно время счастье было, казалось, на подачу руки... Но вдругъ все измѣнилось къ худшему. Теперь Алексѣевъ считалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ на свѣтѣ... Собираясь по уговору въ гости къ однофамильцу своего патрона, онъ былъ даже грустенъ...

Мистеръ Дикъ успѣлъ позавтракать плотно и съ удовольствіемъ, когда въ двери его постучали.

— Войдите! — отозвался онъ и подумалъ: «Спроважу поскорѣе. Надо быть на томъ свѣтѣ, пока еще ясно, свѣтло и весело на этомъ свѣтѣ. Въ сумерки застрѣлиться какъ-то... какъ-то не то! совсѣмъ не то!» — Войдите! — крикнулъ онъ снова громче.

Вшедшій былъ, конечно, Алексѣевъ.

Дикъ любезно встрѣтилъ его, усадилъ, хотѣлъ предложить сигару и спохватился.

«Нѣтъ! Засидитса... Надо его поскорѣе спровадить»... — подумалъ онъ.

— Вы меня просили зайти къ вамъ, — началъ молодой человѣкъ: — слѣдовательно, я имѣю основаніе предполагать, что у васъ есть что-либо на умѣ...

— На умѣ?.. Да... есть... Вѣрнѣе сказать, было...

— Какъ было?

— Да, было, а теперь нѣтъ. Я много думалъ и...

И Дикъ не зналъ, какъ вывернуться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ смотрѣлъ на молодого человѣка, выжидательно разглядывалъ его и только теперь, сегодня, замѣтилъ, что предъ нимъ удивительно красивый и элегантный, вѣрнѣе, изящный въ манерахъ брюнетъ. Алексонъ былъ нисколько не похожъ на американца или на англичанина, а смахивалъ сильно на француза, и даже на южнаго француза, полуиспанца. Его черные волосы, слегка вьющіеся, черные, съ синеватыми бѣлками, глаза, густая черная борода, остриженная à la Henry IV, даже голосъ и оживленное лицо — все было не британское и не новосвѣтное.

— Все-таки я ничего не понимаю, — сказалъ Алексѣевъ, — и попрошу васъ объясниться.

— Извольте! — рѣшилъ Дикъ. — Въ двухъ словахъ... такъ какъ я очень спѣшу по одному важному дѣлу... Вы сказали, что про мистера Дика ходитъ слухъ, что онъ сошелъ съ ума?

— Точно такъ-съ!

— И дѣла идутъ плохо?..

— Не плохо, а хуже...

— Да... Ну, вотъ... вотъ!..

И Дикъ не зналъ, что бы придумать.

— Но сами-то вы, г. Алексонъ, какого мнѣнія обо всемъ этомъ?—вдругъ спросилъ онъ.

— Я?! Какъ бы сказать? Я...

И Алексѣевъ, слегка смущаясь, потупился. При этомъ лицо его стало вдругъ печально. Это странное обстоятельство не ускользнуло отъ пытливаго взгляда дальновиднаго Дика.

— Говорите откровенно, молодой человѣкъ! Вѣдь я же посторонній.

— Скажу вамъ откровенно,—отвѣтилъ тотъ:—я убѣжденъ, что, дѣйствительно, мой патронъ не въ своемъ умѣ! И не потому убѣжденъ, что онъ сидитъ съ утра до вечера, не двигаясь, за своимъ рабочимъ столомъ. Это бы еще ничего! Главнымъ доказательствомъ безумія служить иное. Мистриссъ Дикъ и ея дочь, прелестнѣйшая миссъ Алиса, сами служатъ лучшимъ доказательствомъ, что съ мужемъ и отцомъ случилось нѣчто нехорошее, печальное...

— Что же такое? Я ничего не понялъ, ни черта!

— Обѣ онѣ, уже мѣсяца три, какъ страшно перемѣнились, скучны, печальны. Про дочь можно даже сказать, что она убита горемъ. Какая-нибудь причина должна же быть! Одинъ только г. Германъ какъ-будто счастливъ и ликуетъ! И между нами, служащими, ходитъ слухъ, что вообще въ домѣ что-то неладно. Я же, лично я, знаю, что, дѣйствительно, неладно... Да, я — самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ!.. Самый несчастный!..

— Что-о?!—изумленно протянулъ мистеръ Дикъ, не сразу сообразившій, какимъ образомъ послѣ эпического повѣствованія появилось вдругъ чисто лирическое восклицаніе.—Причемъ-же тутъ,—прибавилъ онъ,—ваше несчастіе? ваше! личное?!

Молодой человѣкъ, уже нѣсколько румяный отъ волненія, съ оживленными глазами, но съ суровымъ выраженіемъ въ лицѣ, тряхнулъ головой. И этотъ жестъ говорилъ: была не была!

— Извольте, г. однофамилецъ моего патрона! Наша встрѣча— странная встрѣча!.. Точно судьба!.. Не думалъ я, что мнѣ въ

Парижъ вдругъ придется заниматься не счетами, а повѣствованіемъ! Я вамъ разскажалъ все и доскажу до конца. Когда я поступилъ около двухъ лѣтъ назадъ въ контору мистера Дика, то это случилось не потому, чтобы мнѣ хотѣлось имѣть больше средствъ къ жизни, а по иной причинѣ. Я — русскій и былъ тогда еще сыномъ очень богатыхъ родителей, московскихъ фабрикантовъ. Но мой отецъ затѣмъ скончался, а братья погубили крупное дѣло. Я вдругъ остался безъ средствъ, безъ денегъ, которыя мнѣ высылали изъ Россіи. Но меня это не смутило. Что за бѣда? Мой отецъ въ молодости не имѣлъ ни гроша за душой, а затѣмъ у него было почти около милліона. И я тоже рѣшилъ, что долженъ и могу начать ни съ чего, работать и сдѣлать себѣ самъ свое состояніе. Когда я еще только окончилъ образованіе, то далъ себѣ обѣщаніе упорно работать, а затѣмъ рѣшилъ даже съ этой цѣлью покинуть мое отечество. Дѣло, за которымъ я пріѣхалъ въ Америку, не удалось. Я собирался вернуться домой, но... судьба захотѣла иначе. Избравъ занятія по бухгалтеріи, я послѣ двухъ должностей въ небольшихъ фирмахъ, но на большомъ окладѣ, по рекомендаціи друзей своихъ, поступилъ къ мистеру Дикю на меньшій окладъ. Зачѣмъ именно—вы тотчасъ узнаете всю правду!.. Я былъ, вдобавокъ, поставленъ въ тѣ же условія, въ которыхъ находились другіе молодые люди конторы, бѣдняки, совершенно безъ всякаго образованія. Я—балованный сынъ богача, сидѣлъ, какъ бѣднякъ, точно такъ же за столомъ и писалъ, какъ простой писарь, съ девяти утра и до семи вечера! Единственная разница, которую дѣлали между мной и другими служащими, совсѣмъ неблаговоспитанными, была одна. Я бывалъ попрежнему въ гостяхъ у г. Германа, съ которымъ былъ знакомъ еще раньше и у котораго встрѣчалъ мистриссъ Дикъ съ дочерью. Послѣ первой же нашей встрѣчи случилось нѣчто... что—вы, вѣроятно, понимаете!.. И всюду, гдѣ бывала на вечерахъ и балахъ мистриссъ Дикъ съ очаровательной Алисой, сталъ бывать и я. Черезъ нѣсколько времени я убѣдился, что, если я безъ ума влюбленъ въ миссъ Алису, то и она благоволитъ ко мнѣ. И, вотъ, чтобы быть еще ближе къ семейству Дикъ, я и перешелъ въ ихъ контору, стараясь видать миссъ Алису всякій день, проходя съ бумагами къ г. Герману. Такъ прошло нѣкоторое время, и, наконецъ, однажды мы объяснились съ Алисой. Она заявила мнѣ, что послѣ откровенной бесѣды съ матерью и послѣ наведенныхъ тою справокъ о моемъ происхо-

жденіи и поведеніи дѣло наше далеко не въ плохомъ видѣ. Однимъ словомъ, мать Алисы соглашалась на то, чтобы дочь ея стала моею женою. Дѣло было за самимъ мистеромъ Дикомъ. Алиса увѣряла меня, что и отецъ, еще ничего не знающій, не будетъ противъ брака, такъ какъ репутація моя была отличная, а отсутствіе состоянія не могло препятствовать нашему браку. И, вотъ, все ладилось... Я уже ожидалъ, что черезъ мѣсяцъ-два мистеръ Дикъ призоветъ меня, пожелаетъ со мной лично познакомиться и дастъ мнѣ болѣе высокую должность въ своей собственной конторѣ, чтобы не выдавать дочь за простаго писца или маленькаго бухгалтера. И вдругъ случилось все это... мистеръ Вильямъ Дикъ исчезъ!..

— Какъ исчезъ?!—воскликнулъ мистеръ Дикъ. — Вы говорили, что онъ заперся, а не исчезъ, не бѣжалъ?

— Ну, да! Онъ исчезъ, какъ выразилась Алиса, но въ томъ смыслѣ, что, какъ именно вы выражаетесь, заперся, пересталъ видѣть людей, засѣлъ за свой столъ и, собственно говоря, рехнулся, свихнулся.

— И это вамъ сказала Алиса?

— Да, но давно... одинъ разъ, давно—полгода тому назадъ.

— А съ тѣхъ поръ она не повторила этого?

— Нѣтъ! Увы! Съ тѣхъ злополучныхъ дней Алиса стала чуждаться меня, будто избѣгать. Я часто видѣлъ ее всю въ слезахъ. Но на всѣ мои вопросы она упорно молчала и молчить. Много разъ спрашивалъ я ее, справедливъ ли слухъ, что ея отецъ помѣшался? Она никогда не пожелала отвѣтить мнѣ или отвѣчала «нѣтъ», — такъ отвѣчала, что это «нѣтъ» звучало, какъ «да». А теперь... теперь мнѣ остается только одно—застрѣлиться!

— Застрѣлиться?! Это, молодой человѣкъ, глупѣйшая глупость!.. т.-е. я хочу сказать—въ ваши годы. Вотъ, когда вы будете моихъ лѣтъ, тогда вы будете имѣть право на это. И это будетъ не глупостью. Наконецъ, и причинъ нѣтъ: вашъ патронъ излѣчится или умретъ, и вы можете жениться на Алисѣ. А я, признаюсь, очень бы желалъ видѣть Алису вашей женою, потому что вы мнѣ очень симпатичны..

Но, сказавъ это, мистеръ Дикъ поперхнулся и прибавилъ:

— Это я такъ... какъ посторонній человѣкъ, говорю! Вы мнѣ очень симпатичны, а миссъ Алиса, по вашему описанію, тоже, кажется, очень милая дѣвушка. Такимъ образомъ, вы—пара! Имѣйте терпѣніе—и все устроится.

— Никогда! Никогда!

— Почему же? Вѣрьте моей опытности, что...

— Никогда!.. Я, вѣдь, не все сказалъ вамъ...

— Не все?! — воскликнулъ мистеръ Дикъ. — Такъ говорите, договаривайте, безпощадный молодой человекъ!

И слова эти мистеръ Дикъ произнесъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ воодушевленіемъ, даже съ такимъ отгѣнкомъ гнѣва, что Алексѣевъ удивился.

— Да, увѣ! Устроиться бракъ не можетъ! Я и Алиса — мы самые несчастные люди. Помѣшавшійся мистеръ Дикъ рѣшилъ выдать ее замужъ за г. Германа.

— Что-о?! — протянулъ и заоралъ мистеръ Дикъ такимъ громовымъ голосомъ, что не только эхо пролетѣло по комнатѣ и по корридору, но даже посуда на столикѣ какъ бы задрожала. — Что?! — вскрикнулъ онъ снова. — За Германа?! Старого, плѣшиваго, поганаго?.. Да онъ старше меня!..

— А вы его развѣ знаете?! — удивился Алексѣевъ.

Мистеръ Дикъ опять поперхнулся, но прибавилъ:

— Какъ почему? Вы мнѣ сдѣлали его подробное описаніе, и я сужу по тому, что вы сказали.

— Ахъ, конечно, можетъ быть! — спохватился молодой человекъ.

— Это — пустяки! Этого не можетъ быть, не должно быть! Вздоръ! Безсмысліе! Несчастіе! Я этого не допущу!.. т. е. я хочу сказать, что вы не должны этого допускать. Вы должны дѣйствовать энергично! Это — чепуха! Мистеръ Вильямъ Дикъ не можетъ, какъ бы онъ съ ума ни сходилъ, требовать, чтобы его милая Алиса въ восемнадцать лѣтъ выходила за пятидесятилѣтняго, вонючаго Германа, который и въ двадцать лѣтъ, вѣроятно, былъ дурень, какъ чертъ, и пахнулъ обезьяной. Все, что вы мнѣ рассказали, меня поразило. Не удивляйтесь моему волненію! И, хотя все это до меня не касается, но все-таки это... это... этого допустить нельзя! Никогда! Надо дѣйствовать! Вы должны дѣйствовать!

— Я ничего не могу! — беспомощно отозвался молодой человекъ, сидѣвшій на стулѣ, понурившись отъ горькихъ соображеній.

— Ну-съ, вотъ что... Оставьте меня! Мнѣ нужно заняться дѣлами! — сказалъ вдругъ рѣшительно мистеръ Дикъ. — Но я приглашаю васъ вмѣстѣ пообѣдать и снова вмѣстѣ перетолковать о нашихъ дѣлахъ, т. е. о вашихъ дѣлахъ. Мы должны непременно прийти къ какому-нибудь рѣшенію! Я хочу помочь вамъ! Дѣло идетъ о васъ и о милой и несчастной дочери моего

однофамильца, даже, такъ сказать, моего двойника. И я обязанъ помочь вамъ. Мы что-нибудь придумаемъ! Мы не допустимъ этого! Я хочу, слышите ли вы? Я хочу, чтобы вы были мужемъ Алисы! Вы мнѣ нравитесь, чертъ васъ побери! И ее я люблю заглазно! И такъ, въ восемь часовъ я васъ жду, и мы здѣсь же пообѣдаемъ и переговоримъ обо всемъ подробно.

VIII.

Разумѣется, весь день мистеръ Дикъ провелъ тревожно. Онъ былъ взволнованъ такъ, какъ не бывалъ за всю свою жизнь. Отворивъ случайно ящикъ стола, гдѣ лежали пистолеты, онъ даже разсердился.

— Чертъ знаетъ, что такое!..—воскликнулъ онъ.—Чуть-чуть не сдѣлалъ гениальной глупости. Съ тѣхъ поръ, что этотъ свѣтъ стоитъ, ни одинъ человѣкъ никогда не отправлялся изъ него на тотъ свѣтъ при болѣе неподходящихъ обстоятельствахъ. Какъ! Я здѣсь, въ Парижѣ, уже полгода живу въ качествѣ самоубійцы, фальшиваго, подложнаго, играю и проигрываю, собираюсь отправиться въ Нирвану или къ черту... и въ то-же время въ Нью-Йоркѣ веду дѣла банкирскаго дома, сижу за рабочимъ столомъ отъ зари до зари, никого не выдаю, и никого не принимаю, а по слухамъ городскимъ — сошелъ съ ума. Я же!.. Нѣтъ, чертъ побери, подобная необъяснимая комедія должна прекратиться! Нужно, чтобы изъ двухъ мистеровъ Диковъ снова сдѣлался одинъ и потому единственно, что это раздвоеніе ведетъ къ несчастію всей жизни моей милой Алисы. Надо скорѣй дѣйствовать! Узнать, кто этотъ мерзавецъ, который занялъ мой кабинетъ, сѣлъ за мой письменный столъ и подписываетъ моимъ именемъ всѣ бумаги... и ведетъ домъ къ банкротству! Но это все ничего! Ничего!! А онъ еще собирается выдавать мою дочь, мою Алису, за стараго Германа.

Къ семи часамъ вечера у мистера Дика уже созрѣлъ полный планъ дѣйствій, даже въ малѣйшихъ подробностяхъ. Когда явился Алексѣевъ, то подложный самоубійца встрѣтилъ его весело, крѣпко пожалъ ему руку и выговорилъ, смѣясь:

— Я надумалъ, какъ все дѣло передѣлать—ваше дѣло—и привести все къ благополучному окончанію. Черезъ мѣсяцъ вы будете мужемъ миссъ Алисы Дикъ. Я вамъ даю въ этомъ честное слово!

Молодой человекъ чуть не бросился на шею къ полужнакому однофамильцу его патрона, настолько въ голосѣ послѣдняго было увѣренности.

Ровно въ восемь часовъ они сѣли за столъ и принялись за большой, сѣтный и вкусный обѣдъ. Нѣсколько бутылокъ вина стояли откупоренныя. Алексѣевъ выразилъ нѣкоторое удивленіе по поводу количества бутылокъ.

— Ну, это, молодой человекъ, условіе *sine qua non*! Если вы хотите, чтобы я за васъ началъ дѣйствовать, если вы хотите быть мужемъ миссъ Алисы, какъ я говорю вамъ, черезъ мѣсяць, то мы оба должны напиться сегодня мертво-пьяны. Если вы останетесь трезвы, то я отказываюсь вамъ помогать. А если я почувствую, что я трезвъ, то даю слово пить безъ передышки шампанское бутылку за бутылкой до тѣхъ поръ, пока не повалюсь на полъ. Если мы съ вами здѣсь ночуемъ на полу до завтрашняго дня, то никто насъ не увидитъ. Это — моя прихоть! Вы знаете, англичане — народъ эксцентричный! Даете ли вы мнѣ ваше честное слово, что будете пьяны, какъ стелька? Тогда вы будете мужемъ Алисы.

— Даю!..—весело воскликнулъ Алексѣевъ.

— И давайте на перегонки, мой будущій зять, мистеръ Алексонъ, или Алексиксеофъ — чертъ знаетъ, какъ мудрены русскія фамиліи!..—Давайте съ вами перегоняться, кто скорѣе дойдетъ къ цѣли, то-есть, кто скорѣй свалится!

— Какъ «вашъ будущій зять»?—изумился Алексѣевъ.

— Да, вѣдь, мое имя — Вильямъ Дикъ, такъ я имѣю право такъ шутить!

Оба сѣли за столъ, и къ половинѣ обѣда молодой человекъ уже говорилъ медленно, языкъ его изрѣдка заплетался.

— А, вѣдь, вы, мистеръ Алексонъ, кажется, меня обгоните?— шутилъ мистеръ Дикъ.

— Кажется....—отзывался Алексѣевъ, глядя полузакрытыми глазами и тыкая носомъ.

Пирожное, кофе и ликеръ были принесены лакеемъ, и молодой человекъ, глядя на служителя, видѣлъ уже двухъ служителей. На столѣ, гдѣ горѣлъ канделябръ въ четыре свѣчи, онъ видѣлъ восемь свѣчей, а предъ нимъ сидѣло два мистера Дика, улыбающихся, равно веселыхъ, даже счастливыхъ.

Онъ мысленно рѣшилъ, что это очень просто и понятно.

Его амфитріонъ пригласилъ изъ Америки своего однофамильца-банкира и его патрона, и оба Вильяма Дика угощаютъ его самымъ любезнымъ образомъ.

Сохраняя еще способность проговорить нѣсколько словъ, молодой человѣкъ обращался то къ одному мистеру Дикю, то къ другому, но который былъ патронъ и американецъ, и который былъ лондонецъ-однофамилецъ — онъ уже совершенно не зналъ. И все двоилось у него въ глазахъ до тѣхъ поръ, пока не начало трюиться.

Но, когда за столъ съ двѣнадцатью свѣчами сѣлъ уже третій мистеръ Вильямъ Дикъ, точно такъ же улыбающійся и такой же веселый, то молодой человѣкъ, вѣроятно, отъ удивленія свалился подъ столъ... буквально. Онъ привсталъ зачѣмъ-то, хотѣлъ снова сѣсть, но попалъ мимо стула и сѣлъ на полъ. Сидя на полу, онъ жалобно пищалъ только одно слово или, вѣрнѣе, имя:

— Алиса... Алиса...

Черезъ полчаса онъ уже спалъ мертвымъ сномъ, но на кровати.

Рано утромъ молодой человѣкъ открылъ глаза и, какъ безумный, сталъ осматриваться. Онъ былъ на постели, одѣтый, но не у себя, а въ чужой комнатѣ. Понемногу онъ призналъ эту комнату. Все было тихо и пусто. Это была комната, въ которой онъ никогда не бывалъ, но въ растворенную дверь онъ видѣлъ другую, уже хорошо знакомую.

Онъ быстро вскочилъ съ постели и прошелъ въ эту комнату, надѣясь увидеть тамъ на диванѣ своего новаго знакомаго, но въ ней было пусто.

«Удивительное дѣло!» — подумалъ онъ: — «положилъ меня на свою кровать, а самъ, вѣроятно, перешелъ на ночь въ другой номеръ... Какой любезный!..»

По инстинктивной привычкѣ молодой человѣкъ ощупалъ свои карманы... и замеръ... Ему что-то показалось. А именно показалось, что въ портфель, въ которомъ были деньги и всѣ документы, и который онъ аккуратно клалъ въ лѣвый карманъ (у этого кармана даже была петля и пуговица для большей предосторожности), ничего не было... ничего!

Но онъ ошибся...

Портфель оказался въ правомъ карманѣ, не глубокомъ, и торчалъ на половину наружу. Первымъ дѣломъ было, конечно, взять этотъ портфель и осмотрѣть... Развернувъ его, Алексѣевъ ахнулъ и чуть не закричалъ. Половины денегъ, около трехсотъ долларовъ, не оказывалось. А вмѣстѣ съ ними исчезъ билетъ, взятый изъ Нью-Йорка во Францію туда и обратно.

Молодой человекъ бросился къ звонку. Черезъ двѣ минуты передъ нимъ стоялъ лакей, котораго онъ видѣлъ вчера.

— Мистеръ Дикъ,—воскликнулъ Алексѣевъ,—гдѣ онъ? Онъ въ сосѣднемъ номерѣ?

— Никакъ нѣтъ!—отозвался служитель.—Онъ уѣхалъ.

— Когда онъ вернется? Онъ не сказалъ?

— Не могу знать! Вамъ это должно быть лучше извѣстно. Онъ сказалъ, что приблизительно черезъ мѣсяцъ или два.

— Какъ черезъ мѣсяцъ или два?!—заоралъ Алексѣевъ.

Лакей очень удивился и, на вопросы иностранца, объяснилъ, что мистеръ Дикъ еще съ вечера быстро уложился и выѣхалъ изъ гостиницы, расплатившись еще вчера утромъ за послѣднюю недѣлю. Онъ объяснилъ, что ѣдетъ въ Нью-Йоркъ, и при этомъ велѣлъ кланяться господину Аксиксо...

— Очень мудроно онъ назвалъ васъ, онъ приказалъ кланяться вамъ и благодарить!—прибавилъ лакей.

— И благодарить?!—вскрикнулъ Алексѣевъ.

— Точно такъ-съ!

— Да, вѣдь, онъ меня...—закричалъ молодой человекъ и не договорилъ.

Онъ хотѣлъ сказать «онъ меня ограбилъ», но что-то остановило его...

«Разумѣется»,—думалъ онъ, мгновеніе спустя,—«мошенникъ бѣжалъ съ деньгами и, конечно, не поѣдетъ въ Нью-Йоркъ, а уѣхалъ въ свой Лондонъ. Но тогда зачѣмъ же укралъ онъ у меня мой билетъ? Зачѣмъ же онъ, въ качествѣ мошенника, не укралъ всѣ деньги, а оставилъ мнѣ больше половины?..»

И молодой человекъ, схвативъ себя за голову, произнесъ:

— Съ ума сойти можно!..

IX.

«Да... Вотъ не думалъ я снова отправиться въ Америку. Что дѣлать? Я исполняю святую обязанность отца. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я—подлецъ предъ самимъ собой. Безчестно остался на этомъ свѣтѣ, чтобы ѣздить между Старымъ и Новымъ»...

Такъ думалъ и острилъ мистеръ Дикъ на пароходѣ среди океана на полпути между Шербургомъ и Нью-Йоркомъ.

И, еще не находясь въ своемъ городѣ, онъ уже зналъ много подробностей о банкирскомъ домѣ Дикъ и К°. Изъ разговоровъ и разспросовъ американцевъ-пассажировъ на пароходѣ

онъ узналъ, что кредитъ даже подорванъ вслѣдствіе всякихъ слуховъ, а, главное, вслѣдствіе подозрѣнія, что самъ банкиръ, если не окончательно сошелъ съ ума, то все-таки не вполнѣ нормальный человѣкъ. Главнымъ основаніемъ этого убѣжденія, конечно, служило исключительно только то, что мистеръ Дикъ сидитъ безвыходно дома и за столомъ въ своемъ кабинетѣ.

По прїѣздѣ въ Нью-Йоркъ мистеръ Вильямъ остановился въ небольшой гостиницѣ по близости отъ своего дома, конечно, подъ вымышленнымъ именемъ и тотчасъ же послалъ комиссіонера вызвать къ себѣ Тома, камердинера банкира Дика. Онъ приказалъ комиссіонеру передать Тому, что его проситъ явиться на свиданіе одинъ изъ друзей мистера Дика и по важнѣйшему дѣлу, слѣдовательно, немедленно.

Старикъ Томъ очень удивился, однако, тотчасъ же собрался.

Войдя въ номеръ неизвѣстнаго господина, Томъ чуть не лишился чувствъ отъ потрясенія... Передъ нимъ былъ его дорогой баринъ, котораго онъ считалъ на томъ свѣтѣ.

Когда старикъ успокоился, овладѣлъ собой, мистеръ Дикъ заставилъ его сѣсть, положивъ обѣ руки ему на плечи и усадивъ его почти силкомъ передъ собой. Затѣмъ онъ приказалъ Тому рассказывать:

— Но прежде всего,—воскликнулъ Дикъ,—скажите мнѣ, добрый мой Томъ, кто тотъ мерзавецъ, который, сидя въ моемъ кабинетѣ, выдаетъ себя за меня?

— Ахъ, сэръ, не надо называть ее такъ. Она даже не стоитъ этого эпитета.

— Кто она? Это—женщина?!—изумился Дикъ.—Переодѣтая мужчиной женщина!

— Нѣтъ, сэръ... Вспомните! Она... она... Вы сами когда-то ее заказали.

— Кукла! Ай!—вскрикнулъ Дикъ.—Стало быть, пока былъ въ Европѣ подложный самоубійца, здѣсь, въ Нью-Йоркѣ, былъ тоже подложный банкиръ! Рассказывайте, Томъ! Рассказывайте все подробно!

И Томъ рассказалъ все... Интереснаго во всемъ оказалось достаточно, а одна подробность имѣла даже огромное значеніе. Томъ объяснилъ, что не далѣе, какъ наканунѣ, было рѣшительное объясненіе между г-жей Дикъ и злодѣемъ Германомъ. Такъ какъ она отвѣчала отказомъ, то онъ пригрозилъ тотчасъ же заявить властямъ обо всемъ, что уже полгода происходитъ въ банкирской конторѣ, якобы по кознямъ и коварству самой мистриссъ Дикъ.

— Но можете-ли вы что-нибудь мнѣ сказать, дорогой Томъ,—спросилъ Дикъ,—про самое главное? Въ какомъ положеніи дѣла? Можно ли еще что-либо поправить? Я знаю, что кредитъ подорванъ. Но насколько? Вся сила въ этомъ... Ждать-ли, что на-дняхъ всѣ кліенты бросятся требовать свои вклады и придется прекратить платежи, или еще до этого далеко?

Томъ потупился, какъ бы смущаясь, и затѣмъ заговорилъ тихо:

— Я долженъ, сэръ, повиниться передъ вами въ поступкѣ не совсѣмъ благовидномъ, строго судя, и въ особенности, глядя со стороны. Но въ дѣйствительности это—поступокъ, на который я рѣшился не ради себя, а изъ любви къ вашей супругѣ и дѣтямъ. Помните-ли вы, что когда-то вы мнѣ дали ключъ отъ той двери, черезъ которую вы являлись по ночамъ или рано утромъ, а равно дали ключъ отъ желѣзнаго шкафа, гдѣ хранились всѣ деньги и документы? Помните-ли вы, что эти два ключа у меня?

— Еще бы! Отлично помню! Вы пользовались, Томъ, полнымъ моимъ довѣріемъ. Я вѣрилъ въ васъ больше, чѣмъ въ себя самого.

— Ну, вотъ, эти два ключа, которые послѣ вашего исчезновенія и якобы самоубійства мнѣ слѣдовало передать предполагаемой вдовѣ,—это было-бы честнымъ поступкомъ,—но я этого не сдѣлалъ съ умысломъ. Я оба ключа оставилъ у себя и до сихъ поръ пользуюсь ими...

— Какимъ образомъ?

— Черезъ эту дверь я ночью вхожу въ ваши комнаты и контролирую все, что могу. Другимъ ключомъ я отпираю шкафъ и всякій день слѣжу за тѣмъ, что въ немъ происходитъ.

— Какая цѣль во всемъ этомъ?

— Цѣль была. Но, надѣюсь, теперь она рушится сама собой. Цѣль была обокрасть этотъ шкафъ, украсть въ одну ночь все, что тамъ находится.

— Томъ, я не вѣрю этому!—воскликнулъ Дикъ.

— Нѣтъ, вѣрьте! Я вамъ даю честное слово, что цѣль моя была въ извѣстный моментъ явиться и захватить все, что имѣется въ шкафу, но съ тѣмъ, чтобы все это припрятать до поры, до времени, и все до послѣдняго гроша передать мистриссъ Дикъ. Я всегда подозрѣвалъ г. Германа и рѣшился, если онъ захочетъ погубить вашу семью, спасти ее цѣною преступленія. Но какого? Обокрасть вора, чтобы два раза

украденное возвратить владѣльцамъ. Клянусь, что я не взялъ бы себѣ ни единого гроша.

— Дорогой мой! Я вѣрю... вѣрю! Спасибо вамъ за все... Но скажите, много ли въ шкафу? Какая сумма?—спросилъ Дикъ тревожно.

— Неземлемо больше, чѣмъ бывало при васъ!—отвѣтилъ Томъ.—Зачѣмъ г. Германъ, оттягивая разные платежи и этимъ подрывая кредитъ, биткомъ набивалъ шкафъ—этого я не знаю! Могу только догадываться, что онъ хотѣлъ реализовать капиталъ, чтобы въ извѣстный моментъ присвоить его себѣ. И я думаю, что эта минута теперь наступаетъ, и вы являетесь какъ разъ во время.

— Но сколько же, однако, можетъ быть въ шкафу?

— Много болѣе двухъ милліоновъ... почти три.

— Что?!—вскрикнулъ Дикъ.

— Около трехъ милліоновъ, говорю вамъ!

— Наличностью?

— Да, наличностью!

— Это бессмысленно. Держать въ шкафу столько... Не можетъ быть, Томъ!

— Совершенно вѣрно! Шкафъ переполненъ всякими бумагами, которыхъ на всѣхъ полкахъ и во всѣхъ ящикахъ цѣлыя кучи. Вы сами лично тотчасъ можете въ этомъ убѣдиться.

— Да, да! И скорѣй, Томъ, скорѣй! Принеси мнѣ скорѣй ключи!

— Черезъ полчаса они будутъ у васъ.

И въ тотъ-же день, но уже послѣ полуночи, мистеръ Дикъ тайно приблизился пѣшкомъ къ своему дому, осторожно поднялся по особой лѣстницѣ со двора, отворилъ небольшую дверь карманнымъ ключомъ и черезъ нѣсколько мгновений оказался въ своемъ кабинетѣ, гдѣ такъ давно не бывалъ. Не думалъ онъ въ Парижѣ, что снова увидитъ себя у себя.

Отворивъ другимъ ключомъ огромный желѣзный шкафъ, мистеръ Дикъ, несмотря на то, что былъ уже предупрежденъ, все-таки невольно ахнулъ. Дѣйствительно, шкафъ никогда не бывалъ такъ переполненъ деньгами, какъ теперь. Очевидно, что Германъ умышленно и съ особой цѣлью реализовалъ, насколько могъ.

— Негодяй!—невольно выговорилъ Дикъ.—Но теперь вся сила въ томъ, какъ хитрѣе повести дѣло. Конечно, надо ско-

рѣй. Но надо тоже, чтобы Германъ былъ наказанъ за свое коварство.

Когда Дикъ уже былъ у себя и предъ шкафомъ, Томъ, по его порученію, отправился къ барынѣ, чтобы со всякаго рода предосторожностями приготовить ее къ происшедшему. Узнать сразу и перенести такое невѣроятное извѣстіе, хотя и радостное, могло быть все-таки въ извѣстномъ смыслѣ опаснымъ.

X.

Томъ, войдя къ барынѣ, волновался и не зналъ, съ чего начать. Ему приходилось ей доложить:

— Мистеръ Вильямъ Дикъ проситъ васъ пожаловать къ нему.

Но, если-бы Томъ прямо сказалъ эту фразу, войдя около полуночи, то, конечно, мистриссъ Дикъ испугалась бы, а затѣмъ она приказала бы людямъ его увести, а на утро отправить въ специальнуюъ больницу.

Для того, чтобы исполнить порученіе барина, не прослывъ за безумнаго, но и не поразивъ на смерть барыню, бѣдному Тому приходилось, какъ говорятъ французы, *une mer à boire*— выпить море. Заранѣе обдумавъ все, обсудивъ все со всѣхъ сторонъ, Томъ рѣшилъ начать «съ Адама» да, вдобавокъ, еще не въ повѣствовательной формѣ, а видѣ философствованія.

— Вспомните, сударыня, заговорилъ онъ вдругъ,— время, счастливое время, когда дорогой шагъ и гениальный мистеръ Вильямъ Дикъ былъ здѣсь съ вами, а я имѣлъ несказуемую честь ему служить, одѣвать, раздѣвать и... и...

Бѣдный старикъ смолкъ, перевелъ духъ, а затѣмъ, доставъ носовой платокъ, обтеръ себѣ лицо и лысину. Онъ уже сильно вспотѣлъ въ самомъ началѣ «питія моря». Что же будетъ дальше? Положеніе бѣднаго Тома было одно изъ самыхъ затруднительныхъ

Онъ началъ снова что-то говорить, вѣрнѣе, началъ что-то размазывать... Мистриссъ Дикъ невольно прервала вѣрнаго и любимаго слугу восклицаньемъ, искреннимъ и тревожнымъ:

— Что съ вами, Томъ? Вы нездоровы?..

— Нѣтъ-съ, здоровъ, какъ никогда!

— Стало быть, что-нибудь случилось съ вами?

— Да-съ... случилось... но не со мной лично...

— Особенное? Важное? Насъ касающееся?

— Совсѣмъ особенное и важное. За всю мою жизнь и вашу жизнь такого у насъ не бывало. За всю жизнь всѣхъ нынѣ живущихъ въ Нью-Йоркѣ врядъ-ли такое бывало часто... Можеть быть, разъ въ десять лѣтъ.

— Говорите скорѣе, Томъ, — взволновалась женщина и, видя, что старикъ медлитъ, будто не знаетъ, какъ выразиться, она засыпала его вопросами, разумѣется, касавшимися дочери, затѣмъ Германа, а затѣмъ банкирской фирмы и дѣлъ вообще.

Томъ на все отвѣчалъ отрицательно, но, наконецъ, самъ сталъ снова спрашивать:

— Давно-ли мистеръ Вильямъ исчезъ?

— Болѣе полугодя, Томъ.

— И онъ оставилъ вамъ письмо?

— Да.

— Въ которомъ заявилъ о своемъ намѣреніи покончить съ собой?

— Ну, да, да! Я не понимаю этихъ вопросовъ.

— И съ тѣхъ поръ, съ минуты исчезновенія барина, вы не имѣли о немъ никакихъ извѣстій?

— Вы знаете сами, Томъ, что онъ — человекъ слова. Онъ сказалъ въ письмѣ, что покончить съ жизнью. Стало быть...

— Ну, а если бы добрый баринъ рѣшилъ вдругъ не исполнять своего слова? Если бы... если бы мистеръ Вильямъ вдругъ оказался живъ?..

— Полноте, Томъ! Вы опять за старое? Вы всю жизнь способны будете мечтать, какъ ребенокъ! Это даже вредно, добрый Томъ... И я уже боюсь, что...

— Но, сударыня, теперь не то... Прежде я мечталъ, теперь... теперь я не мечтаю, а говорю вамъ, что баринъ живъ. По-моему, онъ живъ.

— Какія у васъ на это доказательства? — почти разсердилась г-жа Дикъ. — Никакихъ! Вы рехнулись...

— Доказательства, что мистеръ Вильямъ живъ, на-лицо!.. — торжественно произнесъ Томъ.

— Ну, сошли съ ума!.. Я этого ожидала!..

— Нѣтъ-съ! Я боюсь васъ испугать, а то бы я доказательство это сейчасъ представилъ или попросилъ бы васъ встать, и доказательство, которое, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ, самимъ...

И Томъ смолкъ, не зная, что говорить, а затѣмъ онъ вдругъ произнесъ:

— Сударыня, я боюсь васъ испугать, иначе я бы вамъ сказалъ, что мистеръ Вильямъ живъ и... и находится здѣсь въ домѣ, у себя въ кабинетѣ... и просить васъ... къ нему пожаловать. Но я не говорю этого!.. Нѣтъ! Я не утверждаю! Потому что боюсь васъ испугать...

— Томъ, неужели вы не сумасшедшій? Неужели...

— Нѣтъ съ!

— Мистеръ Дикъ живъ?!

— Да-съ... живехонекъ...

— И здѣсь? У себя? Вернулся?

— Да-съ.

— И я сейчасъ могу его видѣть?

— Да-съ.

Мистриссъ Дикъ перемѣнилась въ лицѣ и откачнулась на спинку кресла. Она тяжело дышала, а сердце стучало молотомъ. Кто-то говорилъ ей:

«Старикъ слуга сошелъ съ ума и тебя свелъ съ ума, потому что и ты будто ужъ повѣрила!»

Это говорилъ не человѣкъ, а ея собственный разумъ, пораженный, борвшійся, растерявшійся...

Конечно, сразу узнать, что близкій человѣкъ, котораго считаютъ мертвымъ, здравствуетъ на свѣтѣ и даже находится рядомъ у себя въ комнатахъ, хоть кого можетъ поразить чуть не на смерть.

Однако, г-жа Дикъ оказалась болѣе энергичной натурой, нежели можно было предполагать. Благодаря этому, въ часъ времени старикъ Томъ удачно исполнилъ трудное порученіе барина и приготовилъ барыню къ послѣднимъ словамъ:

— Мистеръ Дикъ у себя и желаетъ васъ видѣть!

И только при этихъ послѣднихъ словахъ г-жа Дикъ, какъ бы вполне повѣривъ дѣйствительности, схватила себя за голову, но затѣмъ черезъ минуту, уже спокойная, радостная быстро шла въ комнаты мужа.

Свиданіе произошло такъ, какъ подобаетъ благовоспитаннымъ и уважающимъ другъ друга пожилымъ супругамъ. Мистеръ Дикъ крѣпко пожалъ руку мистриссъ Дикъ и справился объ ея здоровьѣ, причемъ заявилъ, что самъ чувствуетъ себя отлично. Разумѣется, онъ объяснилъ, что является неожиданно и негаданно даже для самого себя. Цѣль—разстроить ухищренія коварнаго злодѣя. Иначе онъ былъ бы теперь не въ Старомъ свѣтѣ и не въ Новомъ, а въ третьемъ, именуемомъ «тѣмъ».

Около двухъ часовъ проговорили супруги, и часа въ три ночи все было рѣшено. Г-жа Дикъ подробно заучила и знала, что она должна дѣлать на утро. Однако, вернувшись къ себѣ, женщина не пошла среди ночи будить Алису, чтобы не перепугать ее невѣроятно радостной вѣстью. Она рѣшила посвятить дочь въ тайну воскресенія отца изъ мертвыхъ только на утро.

Мистеръ Дикъ, съ своей стороны, въ то-же время осторожно возвратился въ гостиницу, никѣмъ незамѣченный.

ХІ.

На другой день, въ тотъ часъ, когда вся контора была переполнена служащими и публикой, старикъ Томъ явился къ управляющему банкирскимъ домовъ и вѣжливо доложилъ, что г-жа Дикъ проситъ г. Германа немедленно пожаловать къ себѣ.

Лицо Тома было такое радостное и даже счастливое, что Германъ, приглядѣвшись къ камердинеру, тоже просіялъ. Онъ понялъ, что старикъ-слуга догадывается, зачѣмъ вызываетъ его барыня, и, любя семью, радуется, что все обойдется благополучно.

— Дѣло очень важное?—спросилъ онъ у Тома, какъ бы заигрывая.

— Да, г. Германъ, дѣло крайне важное! Важнѣе такого у насъ никогда и не бывало да и не будетъ.

— Вы все знаете, Томъ?—засіялъ Германъ и лицомъ, и лысиной.

— Все знаю...

— Стало быть, мистриссъ Дикъ образумилась и соглашается?

— Соглашается, г. Германъ, на то, что я ей посовѣтовалъ.

— Вы совѣтовали?—удивился управляющій.

На лицѣ Тома отразилось что-то особенно лукавое, но Германъ этого не замѣтилъ.

— Точно такъ-съ! По моимъ убѣдительнымъ просьбамъ она, наконецъ, рѣшилась, и черезъ нѣсколько минутъ вы узнаете вашу судьбу!—шалить счастливый старикъ.

— Какъ я вамъ благодаренъ, Томъ!—вскрикнулъ Германъ.—Думалъ-ли я найти въ васъ такого... такого... не знаю, какъ и сказать!

— Именно-съ! И даже мудрено вамъ сказать! Мудренѣе, чѣмъ кому-либо! Что бы вы ни сказали, вы можете ошибиться. Пожалуйте!

Германъ быстро поднялся, взявъ нѣкоторыя бумаги со стола, заперъ ихъ въ ящики и двинулся въ апартаменты г-жи Дикъ.

Женщина встрѣтила завѣдывающаго дѣлами конторы, сидя въ большомъ креслѣ. Лицо ея было тоже, какъ и у Тома, особенно радостное... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она холодно посмотрѣла на управляющаго и еще холоднѣе заговорила, процѣживая каждое слово:

— Я должна объявить вамъ, г. Германъ, мое рѣшеніе, принятое безповоротно!

Такъ какъ въ это мгновеніе Германъ собирался сѣсть въ кресло, то г-жа Дикъ вдругъ прибавила быстрѣе:

— Не трудитесь садиться! Мнѣ надо вамъ сказать только съ десятокъ словъ.

Удивленный Германъ остался на ногахъ и съ изумленіемъ глядѣлъ на женщину.

— Мое рѣшеніе я попрошу васъ исполнить немедленно, въ противномъ случаѣ я приму законныя мѣры, чтобы вы его исполнили. Вы должны сію минуту, не откладывая дѣла хотя бы на пять минутъ, начать сдавать всѣ дѣла г. Алексону, который уже для этого именно вернулся изъ Европы. Я назначаю его завѣдывающимъ конторой, а васъ увольняю въ полную отставку.

Германъ стоялъ истуканомъ, мысленно повторялъ самому себѣ слышанныя слова, которыя хорошо слышалъ, но все-таки никакъ не могъ понять ихъ смысла. Наконецъ, онъ расхохотался, сѣлъ въ кресло противъ женщины и отъ смѣха не могъ говорить.

— Почтеннѣйшая мистриссъ Дикъ, скажите мнѣ: вы сошли съ ума или въ здоровомъ разсудкѣ?

— Я не желаю слышать отъ васъ дерзостей! Прошу васъ встать и удалиться, и немедленно сдавать дѣла. Я назначаю Алексона на ваше мѣсто.

— Ну, въ такомъ случаѣ, выслушайте! Я дѣлъ никакихъ сдавать не стану, но и ничего не скажу никому. Даю вамъ еще сутки на размышленіе. Завтра утромъ, если я не получу удовлетворительнаго отвѣта отъ васъ или отъ миссъ Алисы и не буду немедленно объявленъ ея женихомъ, то я отправляюсь въ полицію, привожу съ собой вмѣстѣ всѣ власти, которыя только могу съ собой прихватить, и объясню все, т.-е. всѣ ваши подлоги и махинаціи. Я покажу имъ куклу на ея мѣстѣ передъ рабочимъ столомъ, покажу тоже совершенно пустой шкафъ, гдѣ нѣтъ даже одной тысячи долларовъ въ наличности, когда бы

слѣдовало имѣть полмилліона... И въ эту пору, почтеннѣйшая мистриссъ Дикъ, вы будете уже арестованы и отведены въ предварительное заключеніе. Вотъ мое послѣднее слово!

Германъ всталъ и насмѣшливо раскланялся.

— Мое же послѣднее слово, — отозвалась г-жа Дикъ: — чтобы вы немедленно передавали дѣла. Я вамъ даю честное слово, что завтра утромъ я сама обращусь къ властямъ, чтобы васъ силой принудили избавить банкирскій домъ отъ вашего присутствія и вашихъ мошенническихъ манипуляцій.

— Вы сошли съ ума! — прокричалъ Германъ. — Больше я ничего не могу сказать. Вы — женщина; дѣла не знаете и ничего не понимаете! Вы воображаете, что вы не совершали подлоговъ, что вы не будете судимы и осуждены. Вы... извините... вы — глухѣйшая женщина. Но передъ вами сутки, чтобы одуматься! Наконецъ, посоветуйтесь съ кѣмъ-нибудь... съ умными людьми, съ тѣмъ же Алексомъ, который, хотя и русскій, но не дуракъ, — хотя бы уже и потому, что сумѣлъ приглануться вдовѣ.

— Прошу васъ выйти вонъ! — отозвалась г-жа Дикъ, насколько не волнуясь, а будто забавляясь.

— Вы — сумасшедшая! По лицу видно...

— Если вы не выйдете сію минуту добровольно, то я позову людей, чтобы васъ вывели! — уже строго произнесла г-жа Дикъ, вставая и указывая на дверь.

Германъ громко, но дѣланно размѣялся и быстро вышелъ вонъ.

За весь день, повидимому, въ банкирской конторѣ не произошло ничего особеннаго. Служащіе замѣтили только, что г. Германъ нѣсколько взволнованъ, придиричивъ, угрюмъ, но причинъ этого никто, конечно, не зналъ. Одновременно всѣ замѣтили, что молодой человекъ, ѣздившій во Францію и вернувшійся поутру, уже былъ принятъ г-жей Дикъ и былъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ или же пріемомъ... Но съ нимъ уже происходило что-то совсѣмъ особенное. Всѣ ясно видѣли, что лицо его сіяетъ. Равно всѣ обратили вниманіе на то, что онъ рѣзко, почти невѣжливо, отвѣчалъ самому управляющему, вышедшему и что-то спросившему у него. Наконецъ, въ сумерки Германъ снова вышелъ, суровый и, обратясь къ Алексѣву, произнесъ тихо, но будто зловѣще, такъ что всѣ служащіе были удивлены:

— Я бы желалъ съ вами объясниться, г. Алексонъ, по одному вопросу.

- Говорите. Слушаю!—сухо отозвался тотъ.
- Германъ пытливо и удивленно глянулъ ему въ лицо, а затѣмъ холодно прибавилъ:
- Пройдемте за мной въ кабинетъ.
- Зачѣмъ?
- Что?
- Я говорю: «зачѣмъ»?
- Что-о?!.—протянулъ изумленно Германъ.
- Не понимаю васъ. Вы говорите, чтобы я прошелъ за вами въ вамъ...
- Ко мнѣ въ кабинетъ!—крикнулъ Германъ.
- А я отвѣчаю: зачѣмъ?—гораздо громче, но все-таки спокойно отозвался Алексѣевъ.
- Германъ, какъ умный и хитрый человѣкъ, сразу понялъ и сказалъ себѣ:
- «Что-то есть»,—затѣмъ онъ улыбнулся и прибавилъ мысленно:—«младенцы! Хотятъ бороться со мной. Агнцы!»
- Я васъ прошу пройти ко мнѣ, чтобы объясниться по одному простому, но важному дѣлу,—сказалъ онъ повелительно, какъ начальникъ.
- Вы можете объясняться здѣсь.
- Нѣтъ! Вы не знаете, въ чемъ дѣло, и не можете судить. Здѣсь при постороннихъ я не могу объясняться.
- Извините, — отвѣтилъ Алексѣевъ: — между мной и вами нѣтъ и не можетъ быть никакихъ тайнъ или секретовъ. Все, что вы имѣете мнѣ сказать, вы можете говорить публично. Стало быть, соблаговолите сказать, что вамъ отъ меня нужно, здѣсь.
- Германъ разинулъ ротъ и стоялъ истуканомъ. Вся контора, приглядываясь и прислушиваясь, ликовала. Голосъ Алексѣева звучалъ спокойно, съ достоинствомъ, голосъ Германа былъ озлобленный, шипящій гнѣвомъ.
- Тѣмъ хуже... хуже для васъ, г. Алексонъ! Если вы желаете, чтобы я объяснился здѣсь при постороннихъ, то извольте... Я желаю знать, въ какія отношенія вы вступили съ мистриссъ Дикъ? Вы говорите, что прѣхали сегодня утромъ, а вы... вы сами вчера вышли отъ нея въ три часа ночи.
- Мистеръ Германъ или сумасшедшій, или дуракъ!
- Какъ вы смѣете!.. Молокососъ!
- Мистеръ Германъ, повторяю я, или дуракъ, или человѣкъ, лишившійся ума!

— Я васъ прикажу сейчасъ выкинуть на улицу! — прокрипѣлъ Германъ.

— Тогда я васъ застрѣлю. Даю честное слово!

Между тѣмъ, всѣ уже давно повскакали съ своихъ мѣстъ, а болѣе важные служащіе приблизились къ спорящимъ.

— Успокойтесь, мистеръ Германъ! — сказалъ одинъ изъ нихъ.—А вы, мистеръ Алексонъ, возьмите ваше слово назадъ.

— Никогда!—гордо и рѣзко отозвался Алексѣевъ.

— Завтра вы сюда въ контору не явитесь. Слышите! — крикнулъ Германъ. — Сегодня получайте расчетъ. И чтобы я васъ болѣе здѣсь не видалъ!

— Извините! Мнѣ этого недостаточно. Вы — не патронъ фирмы. Я уйду, если услышу это приказаніе изъ устъ самого мистера Дика.

— Что о?!.—протянулъ Германъ.

— Я велю о себѣ доложить патрону и объясню ему, какой былъ между нами разговоръ, что вы себѣ позволили, и какое оскорбленіе и кого именно... заставило меня выразиться рѣзко.

— Но вы знаете, что мистеръ Дикъ никогда никого, кромѣ меня, не принимаетъ,—какъ то болѣе робко заговорилъ Германъ.

— Я настою, чтобы онъ меня принялъ. Я силой войду въ его кабинетъ.

— Но это... это—самонадѣянность, за которую...

— Я желаю слышать изъ устъ самого патрона приказъ подать въ отставку!—проговорилъ, растагивая слова, Алексѣевъ.

— Увидимъ!—произнесъ Германъ какъ-то странно и, будто побитый пѣтухъ, побѣжалъ рысью къ себѣ въ кабинетъ.

Служащіе обступили своего товарища Алексона, котораго всѣ любили, и стали совѣтовать ему просить прощенія, а не надѣяться на патрона.

— Онъ же не въ своемъ умѣ!—говорили всѣ.

— Неправда! Онъ въ своемъ умѣ и вскорѣ докажетъ, что... Алексѣевъ запнулся и прибавилъ:

— Да! Да! Успокойтесь! Не я, а Германъ вылетитъ на улицу. Всѣ были удивлены.

Между тѣмъ, Германъ, привязавшійся къ молодому человѣку, дѣйствовалъ на основаніи страннаго обстоятельства.

Служащій въ конторѣ, пріѣхавшій якобы сегодня изъ Стараго свѣта, еще вчера вечеромъ просидѣлъ у мистриссъ Дикъ до трехъ часовъ ночи и, конечно, при этомъ могъ бесѣдовать и съ красавицей Алисой.

Шпіонъ Германа не видалъ въ лицо человѣка, осторожно выходящаго ночью изъ дома, но почему-то вообразилъ, что это—Алексонъ, и доложилъ управляющему.

Въ дѣйствительности, судьба Алексѣева съ той минуты, что онъ былъ обокраденъ милліонеромъ, да еще собственнымъ патрономъ, была, по счастью, самая благополучная и становилась почти сказочной по удачѣ.

Черезъ два часа послѣ пробужденія Алексѣевъ уже досталъ въ Парижѣ у пріятеля денегъ. Въ сумерки онъ уже выѣхалъ въ дилижансѣ въ Сень-Назеръ. Когда Дикъ вступилъ на палубу парохода въ Шербургѣ, Алексѣевъ уже былъ въ одной милѣ отъ береговъ Франціи и Старога Свѣта. Однако, молодой человѣкъ пріѣхалъ позднѣе своего грабителя и тотчасъ узналъ отъ мистриссъ Дикъ, что его патронъ явился спасти все и всѣхъ, а, главное, онъ любитъ и уважаетъ того человѣка, котораго въ Парижѣ подпоилъ и ограбилъ... А что изъ этого можетъ воспослѣдовать—понятно... Вора нельзя назвать зятемъ, а обворованнаго, конечно, можно,—и тѣмъ паче, когда самъ же и обворовалъ его.

ХП.

Въ тотъ же вечеръ часовъ около десяти мужская фигура осторожно поднялась по задней лѣстницѣ, отворила маленькую дверь въ комнаты банкира и засвѣтила огонь. Это былъ Германъ.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ него, въ ту же дверь, оставленную растворенной, появился его лакей, близкое, преданное ему лицо. Онъ несъ большихъ размѣровъ ящикъ или дорожный сундучекъ. Германъ отворилъ желѣзный шкафъ. Бумаги всякаго рода, даже разныхъ цвѣтовъ, кипами стали переходить изъ шкафа въ сундукъ.

Черезъ четверть часа Германъ вмѣстѣ съ лакеемъ спустились по той же лѣстницѣ, неся сундукъ, туго набитый, и прошли въ квартиру управляющаго конторой. Поставивъ его подъ кровать, они взяли другой, нѣсколько [меньшихъ размѣровъ, и снова тѣмъ же путемъ вернулись въ комнаты и къ желѣзному ящику. Здѣсь опять произошло то же самое, и за исключеніемъ золота, всего на 500 или 600 долларовъ, нарочно оставленнаго, шкафъ опустѣлъ совершенно.

Второй сундукъ былъ точно такъ же переправленъ въ квартиру Германа и такъ же поставленъ подъ его кровать.

— Я вполне надѣюсь на тебя! — выговорилъ Германъ. — И помни, что крупная сумма будетъ принадлежать тебѣ за услугу и соблюденіе тайны, и ты будешь богатымъ человѣкомъ.

— Знаю, г. Германъ! Полагайтесь вполне!

Между тѣмъ, оба человѣка, орудовавшіе въ продолженіе болѣе получаса, не знали, что за ними все время наблюдаетъ старый Томъ.

Когда оба сундука были уже перенесены въ квартиру Германа, Томъ бросился въ гостиницу, гдѣ его нетерпѣливо ждалъ Дикъ. Вбѣжавъ въ его номеръ, онъ заявилъ:

— Унесли! Вы были правы! Сейчасъ унесли.

— Хорошо! Теперь, дорогой Томъ, дѣлать нечего, всю ночь простойте на часахъ, чтобы знать навѣрное, что сундуки вѣрно находятся въ его квартирѣ. Но предупредите, какъ я уже говорилъ, ближайшаго полицмена быть готовымъ на случай, если сундуки появятся снова на подъѣздѣ квартиры, чтобы во время захватить ихъ и не давать увозить.

— Будьте спокойны! Иду и всю ночь продежурю во дворѣ, не смыкая глазъ, а на всякій случай возьму съ собой моего внука. Если среди ночи или рано утромъ злодѣй велитъ привести себѣ извозчика, то я немедленно позову полицмена, не ожидая появленія сундуковъ.

— Хорошо. Ступайте! А затѣмъ помните, что, когда я воскликну: «Что же это? Колдовство или дерзкое преступленіе?» — то вы немедленно заявляйте, что знаете... и все кончится побѣдой.

ХІІІ.

На другое утро въ десять часовъ г. Германъ, явившись въ банкъ, тотчасъ же послалъ спросить у г-жи Дикъ, какое ея окончательное рѣшеніе. Черезъ минуту явился въ комнату управляющаго Алексѣевъ и строго заявилъ:

— Г-жа Дикъ приказала вамъ немедленно, тотчасъ же, начать сдавать мнѣ всѣ книги, дѣла и кассу, чтобы къ четверемъ часамъ все было окончено, и чтобы вы могли выйти изъ конторы въ послѣдній разъ. Если вы не приступите тотчасъ же къ тому, что она требуетъ, то г-жа Дикъ приказала мнѣ немедленно прямо изъ вашей комнаты итти въ полицію и заявить о томъ, что банкирскій домъ не можетъ отъ васъ избавиться, и что вы насильственно остаетесь.

— Это—последнее ея слово?

— Самое последнее, г. Германъ! Терпѣнію ея и даже моему терпѣнію наступилъ конецъ. Извольте немедленно передать мнѣ тѣ книги, которыя у васъ здѣсь въ столѣ, и начать процедуру сдачи всего, или же я сейчасъ прямо отправляюсь въ полицію.

— Хорошо, я согласенъ! — выговорилъ вдругъ Германъ, усмѣхаясь. — Я сейчасъ пойду къ себѣ на одну минуту взять двѣ книги, которыя у меня на квартирѣ, и вернусь сюда черезъ полчаса, можетъ быть, и черезъ часъ.

Когда Алексѣевъ вышелъ, Германъ нажалъ пружинку. Занавѣска на окнѣ отдернулась, и онъ глянулъ въ кабинетъ. Кукла сидѣла попрежнему на своемъ мѣстѣ, наклонясь надъ столомъ, только поза ея была нѣсколько иная. Профиль не вполне былъ виденъ. Очевидно, старикъ Томъ, вытирая пыль, убирая, передвинулъ кресло и придалъ куклѣ другую позу. Это случилось.

Германъ усмѣхнулся, злобно разсмѣялся и двинулся изъ комнаты, а черезъ полчаса ходьбы уже ораторствовалъ въ главномъ бюро полиціи.

Онъ заявлялъ о томъ, что требуетъ появленія полиціи въ банкирскомъ домѣ Дикъ и К^о, чтобы составить протоколъ. Онъ разъяснилъ все, но, чтобы доказать все, онъ просилъ начальника полиціи пожаловать немедленно въ самый домъ.

Разумѣется, когда полиція, въ числѣ трехъ человекъ, появилась въ банкирскомъ домѣ, то произошелъ всеобщій переполохъ. Никто ничего не могъ понять. Германъ пріостановился и громко заявилъ всѣмъ служащимъ, что въ ихъ конторѣ уже давно происходитъ возмутительный обманъ и мошенничество, но сейчасъ все раскроется.

— Я прошу, — прибавилъ онъ, — главныхъ служащихъ пожаловать вмѣстѣ со мной и съ властями въ кабинетъ г. Дика, чтобы узнать, что его тамъ нѣтъ и давно нѣтъ, а вмѣсто него — простая кукла.

Черезъ нѣсколько мгновеній смущенная кучка людей переполнила аппартаменты, нѣкоторые попали случайно даже въ спальню г-жи Дикъ, и, наконецъ, всѣ сошлись и появились въ кабинетѣ банкира.

— Вотъ она! — торжественно воскликнулъ Германъ, вступивъ всѣхъ и указывая на куклу, сидящую за столомъ. — И, вотъ, эта дерзкая выдумка позволяетъ г-жѣ Дикъ совершать

подлоги, обманывать своихъ кліентовъ и ихъ обворовывать. Согласитесь, однако,—вскрикнулъ, злобно смѣясь, Германъ,— что эта кукла все-таки сдѣлана замѣчательно хорошо.

И, двинувшись, онъ въ какомъ-то изступленіи или въ азартѣ вцѣпился у плеча въ халатъ куклы. Онъ дернулъ изо всей силы, какъ бы желая въ насмѣшку сошвырнуть ее съ кресла на полъ. Но кукла вдругъ поднялась, обернулась и строго выговорила:

— Что это такое? Что вы? Что вамъ нужно?

Наступило мертвое молчаніе. Всѣ лица были изумлены... Но въ ту же секунду раздался отчаянный крикъ, пронзительный, дикій...

Германъ, какъ бы ужаленный или раненый на смерть, отскочилъ въ сторону и упалъ на полъ...

— Что это? Что это?—въ изступленіи кричалъ онъ безумнымъ голосомъ:—неправда! Неправда! Это—кукла! Кукла!

Общее недоумѣніе и смятеніе не скоро разъяснились.

— Что вамъ угодно?—важно и строго спросилъ мистеръ Дикъ начальника полиціи.

Тотъ, извиняясь, объяснилъ про доносъ.

— Это—полное безуміе!—выговорилъ Дикъ,—и какое оригинальное.

— Конечно, этотъ человѣкъ просто безумный. Теперь я это вижу. Но я долженъ былъ явиться. Я не могъ предположить, что имѣю дѣло съ сумасшедшимъ,—въжливо объяснился полицейскій,—кромѣ того, слухи о плохихъ операціяхъ банка уже давно ходятъ въ городѣ. Давно говорятъ, что у васъ въ наличности нѣтъ ничего, что вы вскорѣ должны прекратить платежи. И это точно такъ же побудило меня повѣрить г. Герману.

— А! Если такъ!..—вскрикнулъ Дикъ,—я докажу вамъ, что дурацкіе слухи эти ни на чемъ не основаны!

Дикъ двинулся къ желѣзному шкафу, отперъ ключомъ, вынутымъ изъ кармана, и распахнулъ дверку настѣжь... Но самъ-же тотчасъ отступилъ и вскрикнулъ... Шкафъ былъ пустъ.

— Что это?.. Я обокраденъ!.. Что это? Колдовство или самое дерзкое преступленіе?!

Наступило гробовое молчаніе... Всѣ лица были снова удивленныя. Всѣ повѣрили банкиру, повѣрили, что не было никакой комедіи съ его стороны, что онъ, дѣйствительно, пора-

женъ отсутствіемъ того, чѣмъ хотѣлъ похвастать. Но среди общаго молчанія вдругъ раздался голосъ:

— Я объясню все!

Это заявлялъ, выступая изъ угла и изъ толпы, старикъ-камердинеръ.

— Позвольте заявить вамъ то, что я видѣлъ собственными глазами, но чего понять не могъ, и только сію минуту сообщилъ. Сегодня ночью черезъ дверь задняго хода видѣлъ...

И Томъ объяснилъ все, что онъ видѣлъ.

— Если шкафъ ограбленъ,—прибавилъ онъ,—то я заявляю, что мы сейчасъ же найдемъ все въ этихъ сундукахъ, которые переносили, и найдемъ все въ квартирѣ г. Германа.

— Неправда! Неправда! Это мое!.. Оно мнѣ принадлежитъ! Я скопилъ все это!—заоралъ Германъ, уже будто привыкшій къ тому, что кукла живая и разговариваетъ по-человѣчески.

— Замолчите!—строго крикнулъ полицейскій. Онъ заставилъ стараго слугу снова громко рассказать все, что тотъ видѣлъ ночью.

Томъ опять передалъ то же самое.

— Зачѣмъ же вы не доложили тотчасъ вашему барину такое странное ночное приключеніе?

Томъ не зналъ, что отвѣчать, и шепнулъ:

— Виновать!

— Идите! Ведите насъ въ его квартиру.

— Я вамъ самъ впередъ заявляю,—закричалъ Германъ,—что вы найдете сундукъ съ деньгами. Но они мои. Нахожденіе ихъ не будетъ доказательствомъ, что я ихъ укралъ отсюда. Старикъ лжетъ, клеветаетъ... Шкафъ пусть и былъ давно уже пустъ... Стало бытъ, если у васъ, г. полицменъ, найдутся въ домѣ деньги, то и они изъ этого шкафа?

— Полноте болтать вздоръ!—разсердился уже начальникъ полиціи,—идите, идите!

Всѣ двинулись.

— Стойте!—вскрикнулъ Германъ.—Во имя справедливости, которая всегда царствовала въ Америкѣ... Если деньги, находящіяся у меня, украдены мною отсюда ночью и принадлежать г. Дику, то, полагать надо, онъ знаетъ, какая сумма была у него въ шкафу... хотя-бы приблизительно... не считая сотенъ...

— Конечно, знаетъ!—выкликнулъ кто-то изъ толпы:—долженъ знать. Какой же онъ банкиръ, если...

— Такъ спросите у мистера Дика!—торжествуя воскликнулъ Германъ,—какая сумма украдена? Мы увидимъ, окажется-ли та же самая сумма у меня. Если онъ ошибется хотя бы даже на пятьдесятъ, на сто, на двѣсти тысячъ, то я признаю свои же деньги украденными мною. Ну-съ!

— Извольте сказать, сэръ!—обернулся полисменъ къ Дику.— Я нахожу, что онъ правъ.

— Хорошо,—спокойно отозвался Дикъ.—Но я, признаюсь, наизусть не помню... У меня память плохая.

— Ага! Плохая! Что-о?!—заоралъ Германъ.—Ошибетесь на 400 или 500 тысячъ, и я все таки признаю деньги вашими. Ну-съ!

— Повторяю, у меня память плохая,—отозвался Дикъ.—Но, однако, вся сумма была вчера мною провѣрена и записана. И, вотъ, я могу справиться.

Дикъ вынулъ маленькую книжку изъ кармана, развернулъ и прочелъ громогласно:

— Два милліона семьсотъ восемьдесятъ семь тысячъ девять-сотъ пять долларовъ, сорокъ центовъ.

Германъ схватилъ себя обѣими руками за голову и зашатался.

— Поддержите и держите его! — сказалъ полисменъ.— Идемте, господа!

Черезъ полчаса сундуки были перенесены обратно. Все было снова переложено въ шкафъ и, конечно, при этомъ сочтено.

Дѣйствительно, съ прибавкой золота оказалась точная цифра 2,787,905 долларовъ, но 42 цента.

— Странно!—воскликнулъ мистеръ Дикъ,—я не допускалъ ошибки. Да, я забылъ. Это—два цента лишнихъ; я не хотѣлъ ихъ счесть, такъ какъ они очень плохи, потерты. Я хотѣлъ ихъ выкинуть и забыть.

XIV.

Вѣсть объ удивительномъ скандалѣ въ банкирскомъ домѣ, разумѣется, быстро разнеслась по всему Нью-Йорку. Всѣ удивлялись странной формѣ сумасшествія управляющаго конторой. Вообразить патрона своего куклой и вообразить, что всѣ деньги фирмы (да еще сколько—три милліона!) принадлежатъ ему! Развѣ это не оригинальное сумасшествіе!

Однако, не это всего болѣе удивило всѣхъ янки. Изумились они самому мистеру Дикю. Полгода человѣкъ жилъ нелюди-мымъ, мизантропомъ, никого къ себѣ не пускалъ и никуда не выходилъ, прослылъ за человѣка спятившаго... и вдругъ онъ оказался умнѣе, пріятнѣе и любезнѣе, чѣмъ когда-либо. А что касается до нелюдимства, то настѣжь открытыя двери его сало-новъ, обѣды и балы чередовались теперь каждый день и за-ставили не вѣрить прошлому. Ужъ помнилъ-ли самъ Дикъ,— этотъ милый и любезный Дикъ,—что онъ сидѣлъ, запершись въ комнатѣ, одинъ за работой цѣлые шесть мѣсяцевъ?

Черезъ недѣли двѣ послѣ исторіи въ конторѣ, оригинальной и забавной, Нью-Йоркъ узналъ, что у миллионера будетъ пиръ.

Была объявлена свадьба его красавицы-дочери съ молодымъ конторщикомъ, уже исправлявшимъ, однако, должность управ-ляющаго съ того дня, какъ несчастный Германъ оказался душевно-больнымъ.

Свадьба миссъ Алисы была отпразднована блестящимъ об-разомъ и стоила пятьдесятъ тысячъ долларовъ, искусно и красиво превратившихся въ пыль, но не въ простую, обыкно-венную сѣру, не въ ту, что вѣтеръ поднимаетъ, а ту, что люди сами пускаютъ и не иначе, какъ въ глаза.

Впрочемъ, эта сумма, которая сама по себѣ могла быть хо-рошимъ приданымъ, была шестидесятою долею приданаго.

Мистеръ и мистриссъ Алексонъ послѣ свадьбы не уѣхали въ Европу, а только прокатились на Ніагару и вернулись черезъ мѣсяцъ.

Надъ входомъ въ банкирскую контору публика уже давно читала нѣчто новое. Большія буквы гласили: «Банкирскій домъ Дикъ, Алексонъ и К^о». Новый компаніонъ былъ при этомъ и главнымъ директоромъ банка, подписывающимъ все. Было из-вѣстно, что первое имя стояло только для проформы. Дѣла банкирской конторы пошли самымъ блестящимъ образомъ.

Бывшій управляющій не былъ судимъ за воровство, ибо былъ признанъ психически больнымъ и содержался въ самомъ лучшемъ сумасшедшемъ домѣ на полномъ иждивеніи Дика, доказавшаго этимъ, какой онъ благородный, добрый и не мсти-тельный человѣкъ.

Однако, послѣ свадьбы, не прошло и пяти дней, какъ од-нажды рано утромъ Томъ, явившійся будить барина, не нашелъ его въ его постели, а нашелъ на ночномъ столикѣ большой

конвертъ на имя мистриссъ Дикъ. Онъ передалъ его тотчасъ барынѣ, конечно, волнуясь и чуя худое.

Г-жа Дикъ тоже съ волненіемъ разорвала конвертъ и прочла точь-въ-точь и буквально то же самое, что тому назадъ болѣе полугода.

Мистеръ Вильямъ снова извѣщалъ жену, что существованіе ему надоѣло и что онъ уѣзжаетъ въ Европу, чтобы окончательно прекратить жизненные платежи, ввидѣ скучныхъ ощущеній.

Мистриссъ Дикъ вздохнула, но была менѣе поражена, чѣмъ когда-то, въ первый разъ. Теперь въ домѣ была счастливая чета, была замужняя дочь и симпатичный, добрый и почтительный зять, ведущій къ тому-же талантливѣйшимъ образомъ банкирское дѣло.

Съ этого дня прошло еще около десяти лѣтъ. Весь Нью-Йоркъ давно зналъ, что Дикъ уѣхалъ въ Европу и пропалъ безъ вѣсти, а можетъ быть даже находится и на томъ свѣтѣ. Объ его письмѣ и намѣреніи покончить съ собой мистриссъ Дикъ не сочла нужнымъ скрывать вполнѣ и говорила это по секрету всѣмъ своимъ пріятельницамъ, у которыхъ были свои пріятельницы.

Однако, былъ одинъ человекъ, который изрѣдка говорилъ мистриссъ Дикъ, вздыхая:

— Подождемъ! Кто знаетъ? Можетъ быть, онъ и опять вернется!

Это былъ старикъ Томъ, который глубоко вѣрилъ, что его дорогой баринъ вдругъ снова пришлетъ за нимъ изъ гостиницы или вдругъ очутится утромъ въ своей постели.

— Вѣдь, ключъ отъ двери своихъ комнатъ онъ взялъ съ собой на этотъ разъ!—глубокомысленно разсуждалъ Томъ.

Но черезъ десять лѣтъ по отъѣздѣ Дика старикъ умеръ, не дождавшись возвращенія дорогого барина.

XV.

Черезъ три недѣли послѣ этого дня, когда миссъ Алисса Дикъ стала называться мистриссъ Алексонъ и была еще съ мужемъ на Ниагарѣ, въ одной изъ дешевыхъ парижскихъ гостиницъ въ небольшомъ простенькомъ номерѣ послѣ полудня раздался гулкій двойной выстрѣлъ...

Прибѣжавшіе люди нашли на полу бездыханное тѣло при-
ѣхавшаго наканунѣ иностранца и два пистолета по бокамъ.
Онъ прострѣлилъ себѣ голову заразъ съ двухъ сторонъ. Въ
его вещахъ не оказалось ровно-ничего, что могло-бы служить
доказательствомъ, кто онъ и откуда...

Такъ одержимый сплиномъ человѣкъ пересталъ быть под-
ложнымъ самоубійцей, а сталъ настоящимъ.

UNA NINA.

РАЗСКАЗЪ.

Cosas de Espana!

(Испанская поговорка).

В десятокъ гостей поздно засидѣлись у общаго друга—человѣка съ большими средствами, старожила-москвича. Уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ у него собирались по четвергамъ; въ карты не играли, проводили вечера въ болтовнѣ, садились ужинать около полуночи и расходились не ранѣе трехъ часовъ.

Иногда вечеръ проходилъ вяло и скучно, иногда случайно завязывался интересный разговоръ или отчаянный споръ. Толковали и спорили обо всемъ на свѣтѣ.

Однажды разговоръ зашелъ на избитую тему, что самые хитросплетенные романы и драмы, сочиняемые писателями, не могутъ сравниться съ романами и драмами дѣйствительности. Въ жизни бываютъ такіе странные и страшные случаи, которые не могутъ и не должны служить сюжетомъ для произведенія; вслѣдствіе ихъ неправдоподобія.

Одинъ изъ присутствующихъ, когда-то много путешествовавшій, замѣтилъ:

— Да, въ жизни бываютъ такіе инциденты, выражаясь новымъ словомъ, которые уразумѣть мудрено, а расскажешь—съ

трудомъ повѣрять. Былъ у меня одинъ случай въ жизни, не страшный романъ, но тѣмъ не менѣе все-таки замысловатое драматическое приключеніе. Такъ оно и осталось въ моей памяти ребусомъ.

И на просьбы присутствующихъ рассказать «ребусъ», онъ подумалъ, какъ бы собираясь съ мыслями, и заговорилъ:

I.

Было это уже довольно давно, было въ Испаніи и при томъ въ самой, извините за выраженіе, «испанистой»—въ Андалузіи и вдобавокъ на самомъ югѣ ея.

Если бы влѣзть на гору, у подножія которой расположился маленькій, бѣленькій, граціозный городокъ, утопающій въ пальмахъ и померанцевыхъ деревьяхъ, то можно было бы при ясной погодѣ различить на горизонтѣ синюю, гладкую, блестящую, какъ зеркало, поверхность, а за нею тонкую розовую полоску. Зеркало это, вправо суживающееся, а влѣво расширяющееся и расходящееся на необозримое пространство, былъ Гибралтарскій проливъ. Полоска, розовая днемъ и нѣжнофіолетовая при закатѣ солнца—африканскій берегъ, Марокко.

Попалъ я въ этотъ городокъ случайно на недѣлю, Богъ вѣсть зачѣмъ, по пустому дѣлу, а пробылъ мѣсяца два. Достигъ я городка, конечно, въ громадномъ дилижансѣ, запряженномъ ни болѣе, ни менѣе, какъ шестнадцатью мулами, а не въ вагонѣ поѣзда. Въ тѣ времена въ Испаніи были лишь двѣ желѣзныя дороги, одна отъ границы Франціи чрезъ Мадридъ до Кордовы, не вполнѣ оконченная, а вторая отъ границы же до Барселоны.

Я остановился въ очень плохой, но лучшей гостиницѣ съ банальнымъ, страшно распространеннымъ названіемъ «Fonda de la Alameda». Кажется, нѣтъ города въ Испаніи, гдѣ бы не было такой «Фонды», а «Аламеда», или гулянье, есть во всякомъ городѣ.

Фонда былъ не очень большой домъ, двухъэтажный, съ десяткомъ номеровъ. Аламеда было нѣчто въ родѣ самаго обыкновеннаго бульвара, только липы или березы здѣсь замѣнялись пальмами, алоэ и какими-то большими деревьями съ чудными, большими розовыми цвѣтами. Деревья, покрытыя большими цвѣтами, для жителя сѣвера, видящаго въ цвѣту только липу или черемуху, конечно, особенно привлекательны.

Въ гостиницѣ всѣ номера напоминали мнѣ отечественныя захолустья. Родная обстановка... Деревянная кровать съ равнымъ матрацомъ, комодъ съ вырванными замками и, конечно, безъ ключей, замѣняемыхъ продѣтыми веревочками, столъ, неизмѣнно, прилежно и упрямо танцующій, пока подъ него не подложишь что-нибудь, затѣмъ поддюжины простыкъ грошевыхъ стульевъ, изъ которыхъ можно было безопасно сѣсть только на три. У одного на сидѣннѣ торчалъ гвоздь и рвалъ платье, у другого спинка изображала капканъ—разъѣзжалась, а потомъ прищемляла, а у третьяго передняя ножка, державшаяся, казалось, крѣпко, изрѣдка, невѣдомо почему сразу подъѣзжала подъ сидѣнье. И стулъ, вдругъ сдѣлавъ граціозный реверансъ, не хуже любой свѣтской барышни, избавлялся отъ сидѣвшаго...

На первыхъ порахъ типичный городокъ, уютный, мертвотихій и очень живописно разсыпавшійся по скату горы, меня очаровалъ. Въ особенности его забавно-узкія улицы, почти коридорчики, въ которыхъ справа и слѣва топырятся безконечные балконы, днемъ укрытые занавѣсами, а вечеромъ усѣянные «Розинами», чистенькія и миниатюрныя площадки съ каменными Распятіями или съ фонтанами, окруженными пальмами. Но все это, конечно, вскорѣ же надобло и уже не казалось ни оригинальнымъ, ни граціознымъ.

У меня завелось въ гостиницѣ человѣкъ пять знакомыхъ, изъ коихъ одинъ былъ Французъ, разумѣется, путешествующій приказчикъ, сначала тщательно это скрывавшій, а другой — красноватый волосами и лицомъ Англичанинъ, неговорившій ни слова по-испански, но знавшій сотню-другую французскихъ словъ. Впрочемъ, разговаривать съ нимъ было довольно мудро. Все, что онъ говорилъ, уподоблялось чириканію и щебетанію. Самую простую фразу надо было мысленно вертѣть на всѣ лады, чтобы, наконецъ, понять, что онъ хочетъ.

Французъ, по имени Прансакъ, былъ, какъ и быть слѣдуетъ, добрый и веселый малый, уроженецъ Каркасоны, привирающій въ качествѣ гасконца, боготворящій свое отечество, обожающій Наполеоновъ I и III и ихъ сыновей, короля Римскаго и принца «Loulou», который, къ слову сказать, былъ въ это время наслѣдникомъ престола и еще не былъ убитъ Зулусами. вмѣстѣ съ тѣмъ Французъ—конечно изъ принципа—глубоко презиралъ Испанію. Испанцы были, по его мнѣнію, отбросомъ рода человѣческаго. Климатъ вреднѣйшій, такъ какъ

нельзя же человѣку существовать на свѣтѣ, вѣчно изображая изъ себя жаркое, уже готовое къ подачѣ на столъ. Женщины, конечно, недурны, попадаются красавицы... Но гасконецъ клялся, давалъ свое честное слово, что Испанки никогда не умываются и что во всѣхъ грошевыхъ магазинахъ Испаніи, гдѣ продаются массама апельсины, шеколатъ и ваниль, врядъ-ли продадутъ въ мѣсяцъ десятокъ кусковъ мыла.

Наконецъ, всякая Испанка, къ какой бы средѣ ни принадлежала, была, по его мнѣнію, далеко не безупречнаго поведенія, да и мужья относятся къ этому легко. Невѣдомо почему Испанцы считаются ревнивцами, а на дѣлѣ они смотрятъ сквозь пальцы на то, за что Французъ расправится круто. Однимъ словомъ, нація—*peu de chose*.

И все, что говорилъ Прансакъ про Испанію вообще, онъ подтверждалъ честнымъ словомъ.

— Помилуйте!—воскликнулъ онъ.—У самой королевы Изабеллы фавориты смѣняются каждую недѣлю! *Je vous en donne ma parole d'honneur!*

Болтовня и вранье Француза сначала не надоѣдали мнѣ, напротивъ, явились на счастье, такъ какъ скука была убійственная, дѣлать было нечего, а онъ всякій день послѣ обѣда въ четыре часа дня болталъ до шести и семи,—до того мгновенія, когда, благодаря заходящему солнцу, можно было выгнать на свѣтъ Божій.

Видя мое угрюмое расположеніе духа и узнавъ, что мнѣ страшно скучно отъ ничегонедѣланія, а необходимо все-таки сидѣть въ городишкѣ, онъ заявилъ:

— Я отлично понимаю ваше положеніе, и я на вашемъ мѣстѣ поскорѣй постарался бы обзавестись предметомъ. *Une petite aventure n'est jamais de trop!* А это здѣсь, въ глуши Андалузій, легче чѣмъ гдѣ-либо. Только предупреждаю васъ, въ самомъ началѣ вашего романа подарите своему предмету мыло, зубочистку, полотенце и разные тому подобные предметы, которыхъ она никогда не видала; объясните ей, какъ это все употреблять, и заставьте поклясться, что она послушается.

Разумѣется, я только смѣялся въ отвѣтъ, не рассчитывая послѣдовать совѣту.

II.

Этотъ Французъ, Жакъ Прансакъ, былъ типомъ. Онъ былъ не глушь, бывалъ забавенъ, ибо бывалъ остроуменъ. Иногда болтовня его бывала особенно интересна, такъ какъ онъ зналъ

Испанію лучше и ближе своего собственнаго отечества. За пятнадцать лѣтъ онъ въ качествѣ торговаго агента исколесилъ всѣ провинціи отъ сѣверныхъ—Овiedo и Леона—до южныхъ и Андалузїи, а равно отъ границъ Португалїи до Каталонїи и Арагона. Главные города Испанїи онъ зналъ «какъ свой карманъ». Выше всѣхъ провинцій онъ ставилъ двѣ Кастиліи, такъ какъ въ нихъ *le commerce* уже начинаетъ прививаться... Ниже всѣхъ была для него Андалузїя, гдѣ ходко идетъ одинъ только товаръ: апельсины и кастаньеты! Выше всѣхъ городовъ были Валенсія и особенно «маленькій Парижъ»—Барселона, гдѣ и дома, и бульвары, и, отчасти, нравы—не испанскїе, а французскїе. Къ тому же барселонки—умываются!

Двѣ типическія черты личности моего Француза меня забавляли больше всего. Во-первыхъ, это искреннее и глубокое презрѣніе его къ Испанїи.

— *Ce sont des sauvages!* Совсѣмъ дикіе!—восклицалъ онъ постоянно.—Уже одинъ костюмъ женщинъ чего стоитъ! Всегда всѣ въ черномъ и всегда съ уродливою мантильей, скрывающею талїю и голову. Мавры никогда изгнаны не были... Они приняли христіанство и остались подъ именемъ Испанцевъ.

Разумѣется, на многое, что говорилъ каркасонецъ, я отвѣчалъ: «тѣмъ лучше!» Онъ смѣялся, убѣжденный, что я высказываю мое мнѣніе объ Испанїи и Испанцахъ только *par esprit de contradiction*, изъ упрямства спорщика. Онъ очень уважалъ меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что всякій «порядочный человекъ» долженъ относиться съ презрѣніемъ къ неразвитому, лѣнивому и фанатически религіозному народу, вдобавокъ грубому, злому, мстительному до кровожадности.

— Всякій Испанецъ полуосель, полутигръ!—кратко рѣшилъ однажды Прансакъ.

На этотъ разъ я возмущился и, чтобы лучше уязвить его, сталъ доказывать, что эпитеты, которыми онъ награждаетъ Испанїю, болѣе приложимы къ южной Франціи.

— Чѣмъ извѣстны,—отвѣчалъ я вопросомъ,—даже во всемъ образованномъ мірѣ, Гасконцы? Что значитъ слово, отчасти вошедшее и имѣющее войти во всѣ европейскїе языки, незамѣнимое слово, ставшее терминомъ: «гасконада»?

Вторая особенность моего каркасонца было его глубокое убѣжденіе, что онъ красавецъ собой и неотразимъ, что всѣ женщины должны отъ него съ ума сходить. Разумѣется, онъ вынесъ это наивное и искреннее убѣжденіе изъ того, что по-

всюду, гдѣ застревалъ по дѣламъ, онъ занимался дешевымъ донъ-жуанствомъ.

— Прежде мнѣ эти *petites aventures* были интереснѣе, потому что я боялся ревнивцевъ Испанцевъ и ихъ ножей, при которыхъ они всегда разгудиваютъ—заявлялъ онъ, какъ настоящій Гасконецъ.—Но теперь я убѣдился, что они всѣ—мужья, братья, отцы и женихи—подлые трусы. А этотъ обычай носить ножи или «навахи» на-показъ—фатовство. Боже мой! Сколькихъ Испанцевъ я украсилъ рогами.

Разумѣется, я часто ловилъ моего болтуна въ противорѣчїи самому себѣ и своимъ филиппикамъ по отношенію къ бѣдной Испанїи.

— Какъ же объясняете вы,—спрашивалъ я,—крайнюю трусость Испанцевъ при ихъ мстительности и кровожадности? Я никогда не слыхалъ о трусливыхъ и робкихъ тиграхъ.

Или я удивлялся его рѣшимости заводить романы съ женщинами, никогда не слыхавшими о существованїи на свѣтѣ мыла, зубочистокъ и гребней.

Прансакъ отдѣлывался шуткой, а иногда и каламбуромъ.

Иногда я его сердилъ и выводилъ изъ себя моимъ восхищенїемъ ото всего испанскаго, которое я умышленно преувеличивалъ.

— Всему міру извѣстно, что нѣтъ страны прекраснѣе Испанїи,—говорилъ я.—Вспомните древнюю легенду, замѣчательно умную и вѣрную. Когда сатана искушалъ Христа въ пустынѣ и, показывая съ неземной высоты всѣ царства земныя, сказалъ: «Поклонись мнѣ, и я дамъ тебѣ все это»... Христось отвѣтилъ: «Отойди отъ меня, сатана!» А почему не искусился Христось? Испанецъ искренно и съ твердою вѣрой говоритъ: «Потому что въ числѣ всѣхъ этихъ царствъ земныхъ не было Испанїи!»

— Да, вѣдь, это они сами, негодая, сочинили эту сказку!—ревѣлъ каркасомолецъ.—За такое лганье повѣсить мало...

— А знаете ли вы извѣстную пословицу,—продолжалъ я:—«*Si Dios no fuese Dios, seria rey de Espana, y el de Francia—su cosinero*» (если бы Господь Богъ не былъ Богомъ, то онъ былъ бы королемъ Испанїи, а французскій король—его поваромъ).

— Да, вѣдь, это опять же ихъ поговорка!—оралъ Прансакъ внѣ себя. — Ихъ! Испанская! Вотъ она настоящая, какъ вы выражаетесь, гасконада. Настоящее самохвалство и лганье о себѣ надо называть: *espaniada*.

— Да... А вотъ слова «испаніада» нѣтъ, а терминъ «гасконада» существуетъ уже столѣтія три или четыре!—возражалъ я.

Наши споры и препирательства несказанно забавляли хладнокровнаго сына Альбіона, и, приходя въ радостное настроеніе, онъ иногда даже рычалъ на насъ.

Смѣяться Англичанинъ не умѣлъ или не могъ, а, развеселясь, начиналъ рычать не хуже любого водолаза, — басисто и добродушно.

Помимо гасконца и щебетавшаго «просвѣщеннаго мореплавателя» были не менѣе интересны хозяева гостиницы, обѣдавшіе вмѣстѣ съ нами за общимъ столомъ. Это была оригинальная парочка.

Онъ, сеньоръ Кризостомо Фуэгосъ, былъ маленькій, чистенькій и скромный человѣчекъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, уже съ сильною просѣдью въ волосахъ и съ блестящими каеъ-то робко, красивыми, черными глазами. Вся его фигура была олицетвореніемъ уступчиваго благодушія и степенной разсудительности. Фамилія Фуэгосъ (fuego—огонь) была по отношенію къ ея обладателю—ироніей.

Зато она, сеньора Санча Фуэгосъ, съ честью могла носить фамилію мужа и равно имѣла нѣчто общее, помимо имени, съ наперсникомъ и оруженосцемъ «рыцаря печальнаго образа».

Взоръ доньи Санчи то пылко, то грозно вспыхивалъ и горѣлъ. Выдержать ея упорный и побѣдоносный взглядъ было нельзя. Я сузу по себѣ... Каждый разъ, какъ хозяйка пристально упиралась глазами мнѣ въ лицо, я робко, а иногда даже стыдливо, опускалъ очи свои долу... Мой каркасонецъ—на что былъ человѣкъ храбрый и испытанный въ бояхъ житейской суеты,—но и онъ отворачивался отъ доньи Санчи и бормоталъ:

— Oh! Sapristi, quelle femme! Si ça en est une!

Это сужденіе было вѣрно. Я до сихъ поръ не рѣшилъ—была ли сеньора Фуэгосъ женщиною или чѣмъ-либо инымъ, существомъ, коихъ въ родѣ людскомъ не бываетъ, но которыя могли бы быть... Въ антомологіи и ботаникѣ, кажется, подобное явленіе учеными найдено. Если это была, дѣйствительно, женщина, то все-таки причислять ее къ прекрасному полу, къ простымъ, обыкновеннымъ женщинамъ было бы несправедливо, даже наивно и бессмысленно.

Это было существо особое...

Извѣстно всякому грамотному человѣку, какиѣ были физически милый и добрый Санчо Панса. Если глобусообразнаго спутника Донъ-Кихота мысленно увидеть въ увеличительное стекло, то получится донья Санча.

При страшной тучности она была и огромнаго роста... Даже рука ея, вѣрнѣе—длань, привела бы, если не къ смущенію, то къ зависти самого Илью Муромца. Черты лица отсутствовали. Было что-то круглое, мясистое, содрогавшееся на ходу, красноватое и глянцевитое... Только большіе глаза, заплывшіе жиромъ, все-таки были велики и сверкали, какъ у военачальника.

Особенно сердита и строга была хозяйка съ прислугой въ гостиницѣ, въ числѣ которой была миловидная дѣвушка, служившая намъ за столомъ, по имени Mariquitta. Мы всѣ баловали ее, часто давали на чай и вмѣстѣ, случалось, заступались за нее предъ хозяйкой, которая положительно преслѣдовала ее, невѣдомо за что...

— Зависть пугала къ хорошенькой дѣвущкѣ! объяснялъ Прансакъ.

III.

«Въ одинъ прекрасный день» я собрался на прогулку, но не по городу, который мнѣ надоѣлъ, а за городъ, въ окрестности... Я прошелъ около версты полями, исключительно виноградными, и, поднявъ глаза на небо, къ величайшему своему удивленію увидѣлъ рѣдкое небесное явленіе. Съ горизонта наплывала туча, и собирался дождикъ. Разумѣется, это явленіе въ этомъ вѣчно поджариваемомъ уголкѣ міра могло почесться праздникомъ. Дождь на югѣ Испаніи, это — манна небесная. Ощущаешь неодолимое желаніе не укрываться отъ него, а, напротивъ, измокнуть, если возможно, до костей. Поневолѣ вспоминаешь и понимаешь, что дѣти любятъ бѣгать по дождю.

Однако, по привычкѣ, вѣрнѣе сказать, по глупой привычкѣ, я ускорилъ шагъ, чтобы добраться до моей Фонды, прежде чѣмъ пойдетъ дождь. Но это, однако, не удалось. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ крупныя, даже прямо—огромныя капли стали падать на меня. Особенно забавно шлепали эти капли на шляпу, точно кто давалъ по ней здоровые щелчки. Одна капля, попавшая по носу, заставила меня даже разсмѣяться...

«Вотъ ужь, можно сказать,» подумалось мнѣ, — «рѣдко да мѣтко! Нѣтъ дожда по мѣсяцу, по два, а ужь пойдетъ дождикъ, такъ тоже не европейскій, а какой-то, Богъ его знаетъ, атлантическій или африканскій.

При входѣ въ улицы городка пришлось спрятаться подъ большой сводъ или ворота перваго попавшагося дома. Дождь полилъ какъ изъ ведра... Это былъ ливень. Вдобавокъ небо сплошь покрылось такимъ свинцомъ, тяжело повисшимъ надъ всею окрестностью, что трудно было даже сказать, когда можно будетъ двинуться домой.

Подъ ворота, въ которыя я спасся, одновременно со мною явился благообразный старичокъ, прибѣжалъ мальчикъ, затѣмъ пришла, пыхтя, пожилая, очень тучная барыня лѣтъ пятидесяти на видъ. Ей, конечно, было не болѣе тридцати пяти, но андалузянки въ двадцать лѣтъ кажутся часто за тридцать, въ тринадцать же, случается, похожи на восемнадцатилѣтнихъ. И не мудрено повѣрить, поэтому, что якобы какой-то путешественникъ въ землѣ фараоновъ видѣлъ вдову двѣнадцати лѣтъ съ двумя дѣтьми.

Затѣмъ, тотчасъ же послѣ барыни примчались, весело прыгая, двѣ дѣвочки съ какими-то корзиночками. За ними вошли двѣ женщины. Наконецъ, вслѣдъ за всѣми, бѣгомъ и смѣясь, внеслась, а не вбѣжала, женская фигура, закутанная въ мантилью. Ее уже порядочно измочило. Она тотчасъ сняла мантилью съ головы, чтобы встряхнуть ее. И какъ характерно вѣрны, художественно близки къ истинѣ показались мнѣ, прийдя на умъ, слова гениальнаго поэта:

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркій день!..

Это опредѣленіе поэта показалось мнѣ здѣсь поразительно образнымъ и точнымъ... При этомъ сыромъ небѣ, сырости, ливнѣ, среди полумрака молодая женщина или дѣвушка какъ-будто освѣтила насъ всѣхъ своимъ прелестнымъ лицомъ, своею улыбкой, своими андалузскими глазами, въ которыхъ есть что-то не европейское. Во всякомъ случаѣ другой поэтъ правъ, говоря:

Эти очи—свѣтъ со тьмою!
Очи, полные зарницъ,
Окаймленные густою
Ночью темною рѣсницъ...

И, право, казалось, что среди бури и ливня сверкала молнія въ двухъ мѣстахъ: большая и маленькая. Большая—тамъ, гдѣ

грохотало небо, и маленькая молнія, вродѣ зарницы, по временамъ сверкала здѣсь, подъ сводомъ, и озаряла насъ.

Разумѣется, нечего объяснять, что это была «она»,—та, про которую я и собрался рассказывать. Героиня и виновница драматическаго... ребуса.

Около четверти часа мы стояли, какъ-то тупо оглядывая другъ друга. Между нами была одно общее, а именно: мы всѣ спасались равно отъ одной и той же бѣды—нежеланія быть вымоченными; но затѣмъ уже не было ничего общаго.

Барыня была крайне сумрачна, на видъ какъ будто спѣсива. Можетъ быть, она была супругою какого нибудь важнаго члена айюнтамента или думы. Старичокъ—бѣлокурый, добродушный, сутуловатый, столь же похожій на Испанца, какимъ его воображаютъ въ Европѣ, сколько на Афганца,—скорѣе смахивалъ на Нѣмца-профессора изъ Бонна или Гейдельберга; онъ поглядывалъ на всѣхъ чрезъ очки, улыбаясь привѣтливо и кротко.

Молодая дѣвушка, подвижная и нервная, казалось, съ трудомъ претерпѣвала пытку стоянія и выжиданія. Казалось, что она была именно изъ тѣхъ натуръ, которымъ не мыслимо спокойно устоять на мѣстѣ хотя бы пять минутъ.

Двѣ дѣвочки, обнявшись, все перешептывались и хихикали. Наконецъ, была еще одна фигура, самая интересная, а именно я, «эстранхеро», иностранецъ или «ингльсъ», какъ въ глуши Испаніи называютъ всѣхъ иностранцевъ. Если кто—не Испанецъ, то онъ—Ингльсъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что я началъ заглядываться на красавицу, которая, съ своей стороны, обводя всѣхъ глазами, пристально взглядывала на меня. Очевидно, она интересовалась мною по той единственной причинѣ, что я «Ингльсъ». Я началъ, однако, подумывать тоже и о томъ, какъ мнѣ быть. Дождь уже не лилъ какъ изъ ведра, перешелъ въ обыкновенный и сталъ таковъ, что могъ итти еще цѣлые часа два, если не больше. Небо продолжало оставаться совершенно свинцовымъ, низко нависшимъ... Казалось, въ немъ хватитъ воды хоть на три дня.

Я рѣшился на самое простое—заговорилъ съ мальчуганомъ и предложилъ сбѣгать въ Фонду спросить у горничной Марикиты мой зонтикъ и, принеся, получить песету, нашихъ копѣекъ тридцать.

Мальчикъ или сконфузился, или дичился меня, какъ иностранца, и молча kobенился. Я предложилъ двѣ песеты, что было почти уже суммой. Онъ заговорилъ, сказалъ: «гдѣ, какой зонтикъ?»

и прибавилъ, что его не дадутъ. А затѣмъ на мои увѣщанія и объясненія отвѣчалъ снова молчаніемъ.

Разумѣется, всѣ—и спѣсивая барыня, и красавица, и старичокъ—прислушивались къ нашему разговору. Барыня важно и презрительно мѣрила меня съ головы до пятъ, старичокъ улыбался, глядя на меня и на мальчика. Красавица не смотрѣла, а взглядывала выразительно и упорно, но опускала глаза или отводила ихъ въ сторону каждый разъ, что я смотрѣлъ на нее. Но чрезъ мгновеніе ея взоръ снова сверкалъ, устремленный на меня зорко и вызывающе.

Эта игра глазами, у которой есть въ Испаніи свое названіе *ojeadas*, совершенно не то, что во Франціи называется *faire de l'oeil*. Послѣднее есть, такъ сказать, серія взглядовъ, веселыхъ, двусмысленныхъ и, во всякомъ случаѣ, неблагоприличныхъ. «Охеадасть» есть серія взглядовъ гордыхъ, иногда величественныхъ, съ высоты величія своей красоты, но... милостивыхъ.

Старичокъ, понявъ упорство мальчугана, не выдержалъ и вступился. Но не успѣлъ онъ произнести трехъ словъ: «сеньору нуженъ зонтикъ», какъ этотъ отвѣчалъ:

— Я знаю! Я понялъ! Я сейчасъ сбѣгаю!

Ему былъ только нуженъ авторитетный совѣтъ соотечественника въ дѣлѣ съ иностранцемъ.

И онъ, выскочивъ изъ-подъ свода, пустился бѣжать по улицѣ и исчезъ.

Но старикъ, услужившій мнѣ, счелъ долгомъ продолжать бесѣду съ иностранцемъ и, разумѣется, бесѣду особую, подобающую въ такомъ случаѣ. Эти бесѣды надобѣдали мнѣ своимъ ежедневнымъ и трафаретнымъ повтореніемъ съ тѣхъ поръ, что я вѣхалъ въ Испанію. Онѣ походили на допросъ:

— Кто вы? Что вы? Откуда? Ваше имя? Сколько вамъ лѣтъ? Что вы дѣлаете? Много ли снѣга въ вашемъ отечествѣ? Большими ли стаями ходятъ волки на улицахъ въ вашихъ городахъ? Имѣетъ ли русскій императоръ ту же власть, что римскій папа. Служить ли онъ литургію? Давно ли умеръ Петръ Великій? Въ какомъ мѣстѣ Россіи находится самая страшная ея провинція—Сибирь? Выстроили ли снова Петербургъ послѣ того, что его сжегъ Бонапартъ? Неужели священники носятъ бороды? Ай-ай-яй!!.

На этотъ разъ, однако, предвидя впередъ безконечную и дикую серію вопросовъ, я рѣшилъ отвѣчать охотно и подробно,

чтобъ объяснить, что я Русскій, изъ Москвы, путешествую для своего удовольствія и зажилъ въ его городѣ.

Мою словоохотливостъ понять не трудно. Здѣсь была личность, которая прислушивалась и слушала внимательно, не упускала ни единого слова. И чѣмъ болѣе слушала, тѣмъ менѣе становились горды и строги ея «охеадась». Не прошло трехъ минутъ, какъ выраженіе лица моей красавицы было уже не только не гордое, а совсѣмъ привѣтливое... Въ лицѣ ея было даже нѣчто большее, чѣмъ привѣтливость,—нѣчто такое, что было уже нѣсколько неприятно. Таковы мужчины... Женщина, поразившая своей красотой или просто нравящаяся, вдругъ менѣе нравится потому, что оказалась черезчуръ податливою!.. Впрочемъ, на этотъ разъ я рѣшилъ, что если явится сама собой *une petite aventure*, какъ говорилъ мой Французъ, то нечего философствовать и анализировать, а надо спастись отъ удручающей скуки въ этой трущобѣ.

Изъ разспросовъ старика и моихъ отвѣтовъ внимательно слушавшая незнакомка узнала обо мнѣ всю подноготную, и, разумѣется, я сталъ сразу интереснымъ субъектомъ.

Да и какъ же иначе?

Въ этомъ захолустѣ, гдѣ почетнымъ званіемъ иностранца пользуется даже гренадинецъ или севильянецъ, вдругъ оказывается на лицо диво дивное—Русскій, уроженецъ такой страны, про которую красавица только разъ съ десятокъ въ жизни слышала, страны, которая находится тамъ, гдѣ-то далеко, такъ далеко, что даже неизвѣстно—прежде Америки или послѣ.

И я вскорѣ же замѣтилъ, что незнакомка смотритъ на меня уже болѣе чѣмъ милостиво.

Меня же занялъ вопросъ, замужня ли она или дѣвушка? Познакомимся ли мы тотчасъ? Пожелаетъ ли она избѣгнуть этого знакомства или, напротивъ, облегчить его? Познакомиться съ диковиннымъ Русскимъ ей можно было немедленно. Стоило только переждать всѣхъ, т. е. остаться подъ сводомъ, когда всѣ разойдутся.

—«И начнется романтъ...» думалось мнѣ, —«дешевенькій, грошевый, который не только рассказывать, но и вспоминать никогда не придется—изъ стыда».

И я ошибся... не только вспомнить, но и рассказать стоитъ.

IV.

Внезапное появленіе мальчугана съ зонтикомъ или, вѣрнѣе, самый зонтикъ, очутившійся у меня въ рукахъ, подѣйствовалъ сразу на погоду. Я замѣчалъ всегда, что лучшее средство предупредить дождь—имѣть зонтикъ съ собой.

Толстая и важная барыня подала примѣръ. Окинувъ насъ презрительно глазами, она двинулась изъ-подъ свода. Взглядъ ея сказалъ намъ:

— Довольно я простояла тутъ со всякою шушерой, пора избавиться...

За барыней, добродушно и любезно распрощавшись со мной, поклонясь и всѣмъ остальнымъ, вышелъ старичокъ. Затѣмъ и всѣ другіе. Незнакомка моя приблизилась къ самому краю воротъ или свода, стала и начала снова дергаться на мѣстѣ, то тянулась впередъ, глядѣла на улицу, выглядывала вправо и влѣво, то оборачивалась.

Я сталъ около нея и колебался въ моемъ рѣшеніи заговорить тотчасъ же, конечно, о погодѣ, о дождѣ... А отъ дождя перейти къ ея прекраснымъ глазамъ и, вообще, комплиментамъ, которые дѣйствуютъ на всѣхъ южанокъ неотразимо.

Потому ли, что я ближе сталъ около нея, или потому, что дождь окончательно прекратился, она вдругъ рѣшительнымъ шагомъ, вѣрнѣе—легкимъ прыжкомъ дикой козы, перескочила черезъ небольшой ручей мутной воды, бурлившей передъ нею, и медленно, даже степенно зашагала по улицѣ.

Разумѣется, я тѣмъ же степеннымъ шагомъ двинулся вслѣдъ за нею. Не заговоривъ подъ сводомъ, теперь заговорить было уже невозможно.

«Что же дальше?»—спрашивалъ я себя.—«Увы, ничего!..»

Пройдя одну улицу, мы повернули вправо, какъ разъ въ противоположную сторону отъ моей Фонды. Незнакомка быстро обернулась на меня, и почему-то мнѣ представлялось, что она усмѣхается, зная, что я, идя за нею, удаляюсь уже отъ дома.

«И иду совершенно напрасно...» думалось мнѣ.

И съ нѣкоторою досадой я воскликнулъ мысленно:

— Хоть бы дождь опять пошелъ, приударилъ бы хорошенько!

Не знаю, какими тайными чарами, средствами или наговорами обладали и дѣйствовали всякіе маги и кудесники сред-

нихъ вѣковъ. Можетъ быть, я случайно овладѣлъ такимъ средствомъ, потому что едва только успѣлъ я мысленно пожелать дождя, какъ тотчасъ же, будто по мановенію жезла волшебника, полыхнула ослѣпительная молнія, и разразился рѣзко краткій, но оглушительный ударъ грома; казалось, все небо разорвалось пополамъ, собираясь обрушиться на землю, а изъ отверстія разорванныхъ небесъ хлынулъ дождь, угрожавшій перейти въ наводненіе.

Незнакомка ускорила шагъ и стала оглядываться, но тамъ, гдѣ мы шли, спрятаться было негдѣ, развѣ прямо попроситься къ кому-нибудь въ домъ. Впрочемъ, домики, изъ суетвѣрной боязни грозы, были всѣ на-глухо заперты. Не теряя ни мгновенія, я ускорилъ шагъ, поровнялся съ красавицей и вымолвилъ:

— Сеньорита, позвольте вамъ предложить мой зонтикъ!

Она не отвѣтила ничего, какъ бы не слыша, и продолжала идти.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, возьмите зонтикъ!—повторилъ я.

И снова молчаніе...

— Вы измокнете совершенно!

И послѣ новаго молчанія я прибавилъ съ особою интонаціей:

— Въ моемъ отечествѣ, *mi paus*, отказъ въ подобномъ случаѣ считается незаслуженною обидой!

Я даже готовъ былъ прибавить, что въ Россіи существуетъ драконовскій законъ, обязывающій мужчинъ спасать отъ дождя своими зонтиками всѣхъ встрѣчныхъ женщинъ, иначе они ссылаются на каторгу. Можетъ быть, я и сказалъ бы это, но незнакомка обернулась ко мнѣ и улыбнулась. Глотая дождевыя капли, которыя текли по ея лицу, такъ что казалось, что она плачетъ, она выговорила нѣсколько жеманно:

— Защититесь сами вашимъ зонтикомъ!

— Никогда!..—театрально воскликнулъ я, подражая лицедѣямъ трагедій вродѣ «Рука Всевышняго отечество спасла».

Я былъ въ эту минуту несравненный Мочаловъ или хоть Каратыгинъ. И трагическій голосъ долженъ былъ подѣйствовать. Незнакомка, казалось, колебалась мгновеніе, но такъ какъ ея мантилья на головѣ все болѣе оттягивалась съ головы на плечи, намочая, а кружево уже прилипало къ мокрому лбу, то пришлось спѣшить согласіемъ.

— Но, вѣдь, вы сами будете тогда совершенно измочены! — выговорила она... сдаваясь.

— А если я и посылаю за зонтикомъ именно для васъ? — воскликнулъ я снова по-Мочаловски.

Между тѣмъ я уже давно развернулъ зонтикъ, поднялъ его надъ незнакомкой и несъ. Такъ какъ идти было неловко, и мы, конечно, стукались плечами, несмотря на всѣ мои старанія этого избѣжать, то я повторилъ:

— Возьмите зонтикъ!

Она взяла зонтикъ въ руку, выговорила кокетливо «gracias» и шла молча, какъ бы не зная, что сказать. Я началъ самъ, конечно, съ пошлыхъ комплиментовъ, и моя красавица начала улыбаться, но, снова проглотивъ немножко воды, достала платокъ и вытерла свое мокрое лицо.

Разговоръ налачился, хотя отъ гула дождя трудно было разслышать все, что отвѣчала она. Но дождикъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы продолжаться долго. И какъ сразу хлынулъ онъ, точно такъ же сразу стихъ.

На этотъ разъ уже проглянуло и солнце.

Незнакомка, передавая мнѣ зонтикъ, смѣрила меня съ головы до пятъ, и если не губы, то глаза ея засмѣялись. Это заставило меня посмотреть на самого себя, и я въ свой чередъ уже безъ церемоніи разсмѣялся. Видъ мой былъ плачевный. Легкое лѣтнее платье было въ такомъ видѣ, какъ если бы я упалъ въ рѣку одѣтымъ и вылѣзъ снова на берегъ.

— Теперь я уже около дома, — произнесла красавица, оставливаясь.

Я не зналъ, что сказать на это заявленіе, но вдругъ догадался.

— Вы не желаете, чтобъ я провожалъ васъ далѣе.

— Зачѣмъ? — улыбулась она. — Увидить сосѣди. Что подумаютъ?

— Однако, могу ли я надѣяться снова встрѣтиться съ вами?

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Вы произвели на меня такое впечатлѣніе...

Вы такъ восхитительно хороши.

И я принялся горячо увѣрять красавицу, что я вполнѣ уже очарованъ ею и, конечно, не смогу примириться съ мыслью не видаться и не говорить съ ней.

— Завтра я буду въ церкви San Pedro ради «rosario» — какъ-то нерѣшительно произнесла она.

И кокетливо глянувъ мнѣ въ лицо, она тотчасъ опустила глаза, какъ бы смутясь.

Я зналъ, что у gosaгiо, по нашему вечерня, бываетъ обыкновенно немного народа, иногда же, наоборотъ, всѣ церкви переполнены, если это канунъ праздника.

— Я буду непремѣнно,—сказалъ я,—но если будетъ куча народа, я васъ не найду въ толпѣ...

— И не надо!—улыбнулась она. — Станьте въ дверяхъ, а при моемъ выходѣ...

И, завидя вдругъ невдалекѣ какого-то прохожаго, она смолкла и быстро двинулась, едва кивнувъ головой.

V.

Почти черезъ сутки я былъ въ церкви у вечерни... Народа было мало... Но узнать женщину, хотя бы и въ маленькой толпѣ, когда всѣ онѣ одѣты одинаково въ черное, съ одинаковыми мантильями на головахъ, нѣтъ никакой возможности. Я, конечно, сталъ почти у самыхъ дверей. Вечерня еще не кончилась, когда у выхода показалась моя новая знакомая. Она вышла на паперть, и я послѣдовалъ за нею. Отойдя немного отъ церкви, она обернулась, и я приблизился. Завязавшійся разгоръ тотчасъ оживился.

Она заговорила со мной просто, естественно, лишь немного кокетничая. Разумѣется, я началъ ее тотчасъ разспрашивать, кто и что она.

Прежде всего я узналъ, что она сеньорита (а не сеньора), т. е. дѣвушка, уроженка городка, и съ дѣтства живетъ на Plaza de Hercules, въ собственномъ домѣ вмѣстѣ съ братомъ. Отца и матери она лишилась давно, а тетка, очень богатая, отъ которой они съ братомъ надѣются наследовать, живетъ въ Альмеріи.

Я узналъ, что ея имя Инкарнасіонъ и что брата зовутъ Фернаномъ, а фамилія ихъ Лопасъ. Если по нашему Фернанъ есть Фердинандъ, то объяснить женское имя Incarnacion двумя словами невысказано, и я объясню это дальше.

Я проводилъ незнакомку до самой площади, лучше сказать, маленькой площадки, невѣдомо почему окрещенной въ честь Геркулеса, когда ее слѣдовало назвать въ честь лилипута. Незнакомка остановилась, указала мнѣ въ уголъ площадки, гдѣ было нѣсколько красивыхъ деревьевъ съ крупными розовыми цвѣтами, а за ними виднѣлся небольшой домъ въ два этажа.

Особенность дома заключалась въ томъ, что прямо съ улицы поднималась ко второму этажу каменная лѣстница, переходившая въ терассу, шедшую вдоль всего дома, а на нее выходило нѣсколько дверей и оконъ.

— Вотъ гдѣ я живу!—сказала мнѣ Инкарнасіонъ.— Прошу васъ далѣе меня не провожать.

Я поклонился и спросилъ, когда я могу надѣяться встрѣтить ее, и снова прибавилъ нѣсколько фразъ, которыя всѣ показали бы въ иной странѣ, чѣмъ Андалузія, великолѣпно-глупыми. Я объяснилъ, между прочимъ, что всѣ мученія ада не сравнятся съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ я буду ожидать встрѣчи съ ней. Она подумала мгновеніе и вымолвила:

— Знаете ли вы Аламеду?

— Какъ же не знать, когда я живу тамъ!

— Знаете ли вы въ концѣ Аламеды кальехонъ Ильдефонсо?

Этого я, разумѣется, не зналъ, потому что «кальехонъ» не значитъ улица, не значитъ даже переулокъ, а скорѣй долженъ обозначать по-русски проходъ, если не «тупикъ». Однако, я отвѣтилъ, что, если не знаю, то могу тотчасъ же узнать.

— Ну, вотъ, завтра тоже послѣ rogatio, если будетъ можно, я буду тамъ!

Я раскланялся, снявъ шляпу. Красавица граціозно кивнула головкой, на-половину присѣла, но руки не подала.

Вернувшись домой и залершись отъ Француза въ своемъ номерѣ, я уже, какъ настоящий влюбленный, началъ мечтать о моей новой знакомой сеньоритѣ Инкарнасіонъ.

Но что же это за имя, длинное и уродливое? Очень мудреное и очень простое. По-русски оно значитъ «воплощеніе». Странныя женскія имена Испанокъ кратко не объяснишь.

Любимое имя въ Испаніи есть имя Пресвятой Богородицы. Поэтому не только въ каждомъ городѣ, но, я думаю, въ каждомъ кварталѣ города, даже и на одной улицѣ наберется по крайней мѣрѣ дюжина или двѣ женщинъ, которыя всѣ—Маріи. Очевидно, что неудобство этого имени, заставляющее откликаться десять Марій, когда зовутъ одну изъ нихъ, привело къ другому особому обычаю. Какъ у насъ есть иконы Божіей Матери разныхъ именованій—Иверской, Казанской, Всѣхъ Скорбящихъ, Трехъ Радостей и т. д., точно такъ же въ Испаніи всякая Santa Maria носитъ при этомъ еще другое названіе, прилагательное, опредѣляющее. Такимъ образомъ есть Santa Maria de las Maravillas—Св. Марія чудесь, Santa Maria de las Angustias—пе-

чалей, del Pilar — столба, del Rosario — четохъ или вечерни del Carmen—дачи, загороднаго дома.

И вотъ, ради удобства, всѣхъ этихъ безчисленныхъ Марій зовуть не ихъ именами, а зовуть: чудеса, печаль, вечерня, столбъ, дача. Дико, конечно, но что дѣлать! Что городъ,—то норовъ!

Конечно, обидно, что знаменитая, обворожительная Карменъ, героиня оперы Бизе, носить такое банальное имя, зовется «дача»...

Наконецъ, есть и Santa Maria de la Incarnacion—воплощенія.

Но дѣло, однако, не въ этихъ странныхъ именахъ, а въ прелестномъ „воплощеніи“ Андалузїи, которое занимало меня настолько, что я не зналъ, какъ дождусь завтрашняго дня.

Разумѣется, въ тотъ же день послѣ обѣда я откровенно разсказалъ про свою *petite aventure* моему прїятелю Французу.

Выслушавъ все, онъ поздравилъ меня и прибавилъ, что моя красавица—личность далеко не двусмысленнаго характера и поведенія, а вполне понятнаго. И по своему обыкновенію, Прансакъ подтвердилъ это честнымъ словомъ:

— *C'est une cocotte!*—сказалъ онъ непрекаемо.—*Je vous en donne ma parole d'honneur!*

Понятно, что я не соглашался съ мнѣніемъ моего гасконца и заявилъ, что, во-первыхъ, по внѣшности и манерамъ, а во-вторыхъ, и по годамъ своимъ моя новая знакомая «порядочная» и молоденькая дѣвушка, не сразу рѣшившаяся заговорить и познакомиться съ неизвѣстнымъ прохожимъ.

— Она крайне скромная, даже конфузливая,—сказалъ я.— При томъ ей не болѣе семнадцати лѣтъ.

— Ну да... *Una pına!* Конечно,—разсмѣялся Прансакъ.— Или *una chica*.

— Ну да, конечно!—отозвался я, не понимая, что именно хочетъ сказать мой самодовольный, все знающій и все рѣшающій гасконецъ.

Въ Испанїи обыкновение называть молодыхъ дѣвушекъ и очень юныхъ подростковъ, а равно и очень зрѣлыхъ дѣвицъ не словомъ «*joven*», или молодая, а словами *pına* и *chica*... По нашему будетъ: ребенокъ, дитя, малютка, крошка. Выговаривается: нинья и чика.

Эти оригинальные эпитеты становятся еще оригинальнѣе въ примѣненїи... Иногда при взглядѣ на шестнадцатилѣтнюю андалузянку, небольшого роста, не худую, но и не полную (каковы Испанки сѣвера), граціозную, съ дѣтски милымъ и кроткимъ

лицомъ, съ печатью неразвитости и недомыслия въ лицѣ, но всегда съ чуднымъ огнемъ въ большихъ арабскихъ глазахъ— сознаешься, что это, дѣйствительно, еще ребенокъ и малютка, а не дѣвушка, какихъ встрѣчаешь въ другихъ странахъ. Но она никогда дѣвушкой и не будетъ, и прямо изъ малютки превратится въ матрону, въ дуэнью... Станетъ очень полною, даже тучною женщиной, лѣнивою, несообразительною, съ опухшимъ лицомъ, съ тѣми же глазами, но суровыми или сонными, смотря по ея характеру... И увы! Тамъ, гдѣ прежде скользила очаровательная улыбка, являются усики, которыми удовольствовался бы любой корнетъ.

Между тѣмъ Прансакъ продолжалъ:

— Испанцы, говорю вамъ, если не дураки всѣ, то, согласитесь, всѣ дикіе чудаки... Сколько нелѣпаго, бессмысленнаго въ ихъ жизни, въ обычаяхъ и въ привычкахъ... Хотя бы это дикое обыкновеніе отъ зари до зари *se bourrer de chocolat*... Нагружаться имъ... Что это за манера называть 15-ти-лѣтнюю и 35-ти-лѣтнюю дѣвушку крошкой или дитятей?.. Вдобавокъ, не сморгнувъ, нахально называть красивою любую вѣдму. За мѣчали ли вы, что у нихъ нѣтъ выраженія: *une jeune fille*. Мы говоримъ иногда *une enfant* или *une charmante enfant*. И всякій заглазно понимаетъ, что увидитъ дѣвушку лѣтъ 16-ти или 17-ти, смахивающую личикомъ или сложеніемъ на дѣвочку. А здѣсь вамъ скажутъ всегда: *una chica lindissima*. А эта «преlestнѣйшая малютка» часто оказывается перезрѣлою дѣвицей, лѣтъ за тридцать. Что это? Ложь и хвастовство? Увѣренность, что всякая Испанка красавица, потому что она Испанка?

И на этотъ разъ я долженъ былъ по-неволѣ мысленно согласиться съ Французомъ... Онъ былъ совершенно правъ. Я самъ часто замѣчалъ, особенно въ Андалузій, то странное явленіе, что мужчины отзывались о крайне некрасивыхъ женщинахъ эпитетами: *myu bonita*, *myu linda*, *myu bella*... И разумѣется, совершенно искренно. Объяснить это невозможно. Это было и осталось для меня загадкой. Остается думать, что у всякаго Испанца при оцѣнкѣ женской красоты или слѣпота, или какая-то національная идіосинкразія, или, наконецъ... четвертое измѣреніе!

VI.

Разумѣется, на другой день въ назначенный часъ, когда народъ началъ выходить изъ большой церкви, вродѣ собора, послѣ вечерни, я былъ въ условленномъ кальяхонѣ Ильдефонсо.

Кальехонъ въ концѣ городка оказался несовсѣмъ тупикомъ, а глухимъ проулкомъ, вѣрнѣе, корридорчикомъ, гдѣ, конечно, никакой экипажъ не проѣдетъ. Начинаясь около гулянья, онъ другимъ концомъ упирался въ какое-то большое зданіе, а затѣмъ начинались уже огороды и поля.

Я прошелъ два раза взадъ и впередъ весь кальехонъ, а донья Инкарнасіонъ не появлялась. Я прогулялся тихимъ шагомъ еще два раза, посидѣлъ на низкомъ каменномъ заборѣ послѣдняго дома города съ садикомъ, переполненнымъ цвѣтами, и снова двинулся тихо по кальехону къ Аламедѣ. Меня начинало уже брать смущеніе. Послѣ окончанія вечерни прошло уже болѣе получаса.

Свиданіе могло не состояться, быть можетъ, даже помимо воли и желанія моей красавицы, а между тѣмъ, что въ подобномъ случаѣ предпринять—я не зналъ. Нельзя же итти къ ней въ домъ справляться. Встрѣтиться случайно было мудрено, такъ какъ до этихъ поръ, часто бродя по улицамъ маленькаго городка, я все-таки, однако, ни одинаго раза не встрѣчалъ ее нигдѣ.

Ждать записки и объясненія было невозможно, такъ какъ врядъ ли моя новая знакомая могла владѣть перомъ или карандашомъ. Я уже имѣлъ доказательства, что въ Испаніи женщина или дѣвушка, принадлежащая иногда къ аристократіи, пишетъ записки, подобно горничнымъ: «Милай другъ очинь я сажалею, что вчерась не могла»... и т. д.

Выйдя снова на Аламеду, я, смущенный и озадаченный, собирался уже итти домой, какъ вдругъ увидѣлъ женскую фигуру, быстро движущуюся ко мнѣ навстрѣчу. Разумѣется, я сразу призналъ донью Инкарнасіонъ, хотя мантилья ея была болѣе обыкновеннаго скрещена на лицѣ.

Мы поздоровались, т. е. раскланялись и двинулись вмѣстѣ снова по кальехону. Я тотчасъ же объяснилъ, что уже волновался, думая, что она не сдержитъ обѣщанія.

— Какъ можно, я дала слово! — отвѣтила она.—Но я не могла раньше: братъ былъ дома точно нарочно. Онъ никогда не остается дома въ эту пору, а тутъ вдругъ запоздалъ.

— Но развѣ вы не можете выйти изъ дома при немъ? — спросилъ я?

— Конечно, нѣтъ! Онъ спросилъ бы: куда и зачѣмъ? Онъ знаетъ, гдѣ и когда я могу бывать. Все знаетъ!

— Выдумали бы что-нибудь, какой-нибудь предлогъ.

— Никогда! Солгать ему нельзя...

— Почему?

— Онъ тотчасъ узнаеть, что это ложь, и тогда еще хуже.

— Стало быть, вы въ полной зависимости отъ вашего брата?

— Конечно!—отвѣтила она, какъ бы удивляясь нелѣпому вопросу.

— Но почему же такъ?—допрашивалъ я.

— Всегда такъ было. Онъ былъ мнѣ какъ отецъ, вѣдь, онъ гораздо старше меня. Мнѣ—семнадцать, а ему больше тридцати. Когда мы остались одни на свѣтѣ, я была крошкой, а онъ уже большимъ, уже работалъ, получалъ жалованіе. Онъ меня и воспиталъ...

— И, конечно, очень любить?—прибавилъ я.

— Обожаеть! Говорить, что никогда не женится, пока я не выйду замужъ, потому что боится, чтобъ его жена не стала надо мною умничать.

Я сталъ разспрашивать подробнѣе донью Инкарнасіонъ и узналъ, что ея братъ не что иное, какъ майораль (такъ называются въ Испаніи кондукторы дилижансовъ), и что онъ ѣздитъ три раза въ недѣлю за пятьдесятъ верстъ въ сосѣдній городъ. Это заставляетъ его отсутствовать по цѣлымъ днямъ. А изрѣдка, когда на обратный путь домой не накоплялось достаточно пассажировъ, и было невыгодно возвращаться, онъ ночевалъ и возвращался только на утро.

Со словъ Инкарнасіонъ я узналъ, что братъ ея—человѣкъ необщительный, угрюмый, друзей у него никакихъ въ городѣ нѣтъ, никто въ гостяхъ у нихъ не бываетъ и что вообще его не любить за его рѣзкость. Сама она, очевидно, брата боялась, какъ огня.

Вообще изъ словъ ея я могъ заключить, что донъ-Фернанъ не очень-то симпатичная личность. Мнѣ чудилось даже, что и я въ городокъ пріѣхалъ въ дилижансѣ, которымъ онъ командовалъ, потому что мнѣ помнилась высокая фигура хмураго человѣка, глядящаго изподлобья, отвѣчающаго пассажирамъ очень сухо и вообще производящаго непріятное впечатлѣніе.

Затѣмъ я узналъ, что донья Инкарнасіонъ—невѣста, женихъ ея въ солдатахъ, но чрезъ годъ и три мѣсяца кончить службу, вернется на родину, и тогда состоится бракосочетаніе.

Разумѣется, подобнаго рода объясненіе должно было бы подѣйствовать на меня извѣстнымъ образомъ—нѣсколько охладить пылъ всякихъ мечтаній. Но я зналъ хорошо Испанію и

ея нравы. Если все было и правдой, то все-таки не имѣло никакого значенія, абсолютнаго и рѣшающаго...

Однако, прогулявшись внѣ города болѣе часа и разставшись съ доньей Инкарнасіонъ въ томъ же кальехонѣ, я вернулся домой, нѣсколько разочарованный. Сестра нелюдима-майорала и невѣста солдата была далеко не похожа на то, чѣмъ предположилъ ее мой каркасонецъ, давшій даже честное слово въ подтвержденіе своего предположенія.

Его слово имѣло для меня, конечно, особаго рода значеніе. Онъ увѣрялъ меня однажды, что королева Изабелла недавно отравила одного изъ своихъ фаворитовъ и что, хотя это совсѣмъ неизвѣстно въ Испаніи, но онъ знаетъ это навѣрное. И на выраженное мною сомнѣніе онъ отвѣчалъ горячо:

— Je vous en donne ma parole d'honneur!

На слѣдующій день донья Инкарнасіонъ назначила мнѣ свиданіе въ томъ же кальехонѣ, но на третій день мы свидѣлись уже поздно вечеромъ на самомъ гуляньѣ, гдѣ было, помимо прохожихъ, нѣсколько паръ, явившихся сюда по тѣмъ же мотивамъ, что и я съ Инкарнасіонъ. Всѣ женщины были тщательно укутаны въ свои мантильи, а моя красавица, сидя со мной на скамьѣ, особенно внимательно приглядывалась къ прохожимъ и затѣмъ скрещивала мантилью на лицѣ такъ тщательно, что виднѣлись только одни глаза. Въ эту ночь было настолько свѣтло, что легко можно было признать всякаго знакомаго.

Надо прибавить, что бесѣды наши становились однообразны и скучны. Она все спрашивала меня о Россіи, нравахъ и обычаяхъ *mi pays*, а говоря о себѣ, повторяла все то же самое — объ обожающемъ ее и строгомъ братѣ и о женихѣ-солдатѣ. Я говорилъ и выслушивалъ терпѣливо то же самое въ десятый, въ двадцатый разъ. Но одновременно на всѣ мои вопросы, касающіеся того, что меня наиболѣе интересовало, она отзывалась двусмысленно или молча трясла головою. Только разъ звонко разсмѣялась она, когда я нѣсколько рѣзко предложилъ ей денегъ взаймы съ уплатою... на томъ свѣтѣ угольками. Она говорила о томъ, что желала бы поѣхать погостить къ своей теткѣ, какъ дѣлала раза три въ годъ.

— Такъ что же, поѣзжайте. И я поѣду за вами. Остановлюсь въ гостиницѣ поближе къ вамъ, и мы будемъ видѣться еще чаще. Поѣзжайте.

— Денегъ нѣтъ.

— Возьмите у меня...

— Взять не трудно. А какъ отдать...

— Отдавать не надо...

Инкарнаسیونъ отвѣтила на это звонко веселымъ смѣхомъ, въ которомъ былъ оттѣнокъ ребяческаго простодушія. Но этотъ смѣхъ мнѣ тоже ничего не сказалъ, ничего не объяснилъ и не подалъ никакой надежды.

На вопросъ: чему она смѣется, она пожала плечами и вымолвила тихо, какъ бы себѣ самой:

— Russo.

Должно быть «Русскій» объясняло все... но ей, а не мнѣ. Затѣмъ мы разстались, и она назначила мнѣ свиданіе на послѣзавтра, въ тотъ же поздній часъ и на той же Аламедѣ. Несмотря на мои просьбы видѣться на другой же день, она не согласилась.

Я, возвращаясь домой, думалъ:

«Ничего изъ этого не выйдетъ. Я, какъ «эстранхеро», не умѣю взяться. Или же просто ошибаюсь... и грубо... Ея поведеніе просто и ясно... А мое — еще яснѣе... «Нинья» — кокетка и забавляется невинно, а эстранхеро «возмечталъ», мѣряя ее на свой банальный аршинъ подъ вліяніемъ вранья гасконца, для котораго и двѣнадцатилѣтнія дѣвочки, и шестидесятилѣтнія старухи — всѣ сомнительнаго поведенія.»

VI.

На слѣдующее утро въ Фондѣ былъ пріятный сюрпризъ для всѣхъ обывателей, а для меня въ особенности. Къ намъ явился новый сожитель и также иностранецъ.

Это былъ Швейцарецъ изъ Цюриха, стало быть, Нѣмецъ, отлично говорящій по-французски, не приказчикъ или торговый агентъ, а туристъ. Имя его было Фридрихъ Принцъ.

Очень молодой еще человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, а на видъ даже и восемнадцати, онъ дѣлалъ честь своей родинѣ и не даромъ былъ изъ университетскаго города.

Этотъ юный Фридрихъ, котораго я тотчасъ же — но, конечно, мысленно — окрестилъ Фрицемъ, былъ сравнительно очень образованнымъ человѣкомъ изъ семьи стариннаго рода богатыхъ буржуа только потому, что дворянства въ Гельвеціи не полагается.

Принцъ не сталъ предлагать мнѣ дикихъ вопросовъ о Россіи. Исторія и географія не были для него астрологіей, какъ для Испанцевъ, да и для гасконца.

Въ первый же день его прїѣзда и нашихъ бесѣдъ я въ первый разъ за полгода пребыванія въ Испаніи могъ произнести имена Гёте, Шиллера, Лессинга, не встрѣчая недоумѣнія на лицѣ или въ глазахъ моего собесѣдника. Даже болѣе того... Въ чемоданѣ Принца оказались двѣ маленькія книжки: стихотворенія Гейне и иллюстрированный красивый томикъ «Германъ и Доротея».

Чѣмъ-то инымъ, новымъ и свѣжимъ повѣяло на меня отъ юнаго Швейцарца послѣ затхлости Англичанина и банальности Француза. За обѣдомъ мы уже спорили о характерѣ «Отіліи» и смѣялись вопросу каркасонца.

— Вы договорились до общихъ знакомыхъ. Кто это *mademoiselle* Отілія?

Я отвѣтилъ, что она чадо господина Гёте...

— Это вашъ общій знакомый?

— О, да!—весело воскликнулъ Принцъ, смѣясь отъ души.— Онъ всеобщій знакомый. Кто же его не знаетъ?

— Она дѣвушка или замужняя женщина?

— Замужняя,—сказалъ я тоже весело и хотѣлъ прибавить фамилію, но запнулся, позабывъ ее. Такъ какъ молодой малый тоже не могъ вспомнить сразу, то я обратился къ Прансаку и выпалилъ:

— Фамилія госпожи Отіліи для васъ, Француза, покажется странною и даже неудобопроизносимою.

— Ну, вотъ! Почему же это?—свысока произнесъ Прансакъ.

— Извольте. Вальфервандшафтъ (*Wahlverwandschaft*).

— Да, если эдакая... то вы правы!—разразился мой гасконецъ насмѣшливымъ смѣхомъ.—*Quel baragouin!*

Долженъ сказать, что я этотъ день провелъ такъ, какъ давно не случалось. Я отдохнулъ съ моимъ Фрицемъ отъ глупыхъ разсказовъ гасконца о себѣ самомъ и отъ полупонятныхъ разговоровъ, вѣрнѣе, отъ чириканья Англичанина, который принималъ близко къ сердцу только то, что касалось или было of *Birmingham*.

Надо прибавить, что молодой Принцъ имѣлъ чрезвычайно подходящую фамилію. Онъ, право, могъ бы быть членомъ королевской или хоть великогерцогской семьи. Онъ былъ очень красивъ, чрезвычайно изященъ манерами и даже элегантенъ костюмомъ.

Выше средняго роста, стройный, пропорціонально сложенный, съ правильными чертами лица, съ прелестными голубыми гла-

зами и съ вьющимися бѣлокурыми волосами—онъ могъ быть прямо причисленъ къ красавцамъ. А въ особенности на югѣ Андалузіи, среди черныхъ и смуглыхъ лицъ.

Вдобавокъ, въ лицѣ почти юнаго красавца была еще одна особенность: чрезвычайно симпатичная улыбка. Въ чемъ заключалась прелесть этой улыбки,—я объяснить себѣ или уловить не могъ.

Онъ улыбался любезно, кротко, мило и скажу даже... какъ-то поэтично. Такою улыбкой при его чудныхъ, небеснаго цвѣта глазахъ онъ, разумѣется, долженъ былъ съ ума сводить прекрасный полъ. Мягкія и степенныя движенія, звонкій, но не громкій и не рѣзкій, а пѣвучій, гармоничный голосъ, даже легкая поступь — все въ этомъ Принцѣ, истомъ «принцѣ», было изящно и привлекательно.

Мой каркасонецъ, находившій всѣхъ мужчинъ дурными, считавшій чуть не идеаломъ красоты только самого себя, все-таки послѣ обѣда сказалъ мнѣ покровительственно.

— *Il n'est pas mal, ce garçon... Mais pas mal du tout.* Онъ, пожалуй, можетъ сильно нравиться здѣшнимъ неумытымъ дурмамъ... Во Франціи его, разумѣется, наши женщины и не замѣтили бы. *Il passerait inaperçu...* Здѣсь же всѣ эти черномазые мужчины и женщины служатъ ему *comme un gerousoir*.

Я, конечно, и на этотъ разъ спорить съ гасконцемъ не сталъ... Онъ былъ столько же упрямъ, насколько былъ вралъ и хвастунъ... Хотя, прибавлю, добродушный вралъ и безсознательный хвастунъ... Онъ, какъ нашъ Иванъ Александровичъ, хочетъ сказать: «послали тридцать... курьеровъ!..» но послѣ слова «тридцать» и предъ словомъ «курьеровъ», какъ-то само собой, невѣдомо почему и уже, конечно, не по его волѣ, проскочило слово: «тысячъ». Вы ахнули, а онъ и не замѣтилъ, что, собственно, сорвалось съ языка.

Въ этотъ же день Прансакъ откомендовалъ себя Принцу на свой своеобразный ладъ. Мы замѣтили на нѣжно-розовой щекѣ молодого челоуѣка легкій рубецъ. Я полюбопытствовалъ узнать, неужели это сувениръ отъ нелѣпныхъ студенческихъ дуэлей.

Принцъ, улыбаясь, отвѣтилъ утвердительно, что это слѣдъ его временнаго пребыванія въ Гейдельбергѣ и въ корпораціи, и самъ тотчасъ призналъ, что, дѣйствительно, поединки эти въ германскихъ университетахъ большая несообразность.

Гасконецъ, узнавъ въ чемъ дѣло, заявилъ, что поединки— благородное изобрѣтеніе Франціи. И кто же въ жизни не дрался? У него самого былъ поединокъ въ молодости съ однимъ депутатомъ орлеанистомъ.

И рассказавъ намъ всю исторію дуэли въ подробностяхъ, онъ въ пылу увлеченія при описаніи удара противника, лихой и мастерской botte, показалъ намъ мѣсто полученной имъ глубокой раны.

— Здѣсь сердце!—замѣтилъ Принцъ, скромно недоумѣвая.

— Да, да. Именно.

— Если бы противникъ пронзилъ васъ здѣсь шпагой...—началь онъ совѣстливо объяснять невозможность подобной «глубокой» раны.

Прансакъ не слушалъ и стоялъ на своемъ... Шпага вонзилась прямо въ сердце. А что онъ остался живъ, конечно, странно. Чудо!

— C'est singulier! Mais c'est ainsi. Je vous en donne ma parole d'honneur!—воскликнулъ онъ.

Я, разумѣется, въ свой чередъ доказывалъ, что онъ «ошибается», и сталъ просто негодовать. Принцъ, не знавшій еще, откуда родомъ Французъ, только изумлялся.

— Eh bien, chère ami!—вдругъ добродушно сдался гасконецъ. — Вы правы... Я теперь вспомнилъ... Это было вотъ сюда.

И онъ показалъ пальцемъ на правую сторону груди.

— Но какъ же вы забыли это?—вымолвилъ Принцъ.

— Забылъ, забылъ! Это было давно, вѣдь. Очень давно.

— А слѣдъ шпаги. Рана... Рубецъ?!

— Слѣда никакого... Pas l'ombre!

— Однако, позвольте!..—невѣдомо съ чего вдругъ возмущился я.

— Слѣдъ глубокой раны въ грудь на всю жизнь остается.

— Вы опять не вѣрите! C'est trop fort! Tenez!

Онъ живо растегнулъ жилетъ, затѣмъ раскрылъ рубашку и показалъ намъ грудь на-голо...

Разумѣется, онъ торжествовалъ, потому что оказался правъ: слѣда раны не было! Не было тѣни слѣда!

Я не усмѣхнулся, а разсердился, но спорить пересталъ и мысленно рукой махнулъ. Мой Фрицъ глядѣлъ на меня, какъ бы спрашивая: «Да что же это такое?» Я мысленно отвѣтилъ Швейцарцу: «Погоди, братецъ, то ли услышишь! Это еще цвѣточки!»

Предположеніе, что Принц долженъ сильно нравиться въ Испаніи, оправдалось въ тотъ же день на нашихъ глазахъ. Молодой человѣкъ съ минуты пріѣзда еще не успѣлъ выйти на улицу, успѣлъ только два часа отдохнуть отъ ночи, проведенной въ дилижансѣ, и успѣлъ съ нами пообѣдать за table d'hôte съ хозяевами... А уже были двѣ жертвы его очаровательной фигуры.

Хорошенькая горничная Марикита, служа за столомъ, не спускала съ него глазъ и глядѣла какъ-то особенно забавно. Она тарачила глазки, раскрывъ улыбающійся ротъ, и не только восхищалась имъ, но, казалось, изумлялась. И по первому его слову и даже взгляду она кидалась служить ему, срываясь съ мѣста и съ такими жестами, съ такими взглядами, которые прямо говорили:

— Я не только хлѣбъ, или вилку, или котлету подамъ тебѣ... Потребуй, и я свою жизнь подамъ на тарелкѣ.

Мы всѣ это замѣтили тотчасъ по-невольт и не удивились. Принцъ былъ не мы, простые люди-человѣки.

Но одновременно мы были оригинально смущены, каждый на свой ладъ. Англичанинъ тарачилъ нещадно глаза, Французъ давился фдой, сдерживая смѣхъ, который его душилъ, а я просто конфузливо потупился или старался глядѣть въ стѣну и даже въ потолокъ. Причина была исключительно рѣдкостная.

Глазъ не спускала съ Принца, впиваясь въ него, пожирая его взглядомъ, пылкимъ, огненнымъ, съ нѣжнымъ и страстнымъ волненіемъ въ голосѣ... сама сеньора Санча Фуэгосъ...

Сомнѣнія быть не могло... Наша хозяйка, существо средняго рода или гиппопотамъ въ женскомъ платьѣ, была повержена къ ногамъ и во прахъ предъ Швейцарцемъ.

Она не владѣла собою... Ей было не до свѣтскихъ приличій и осторожности предъ нами. Она потеряла голову или сразу сошла съ ума отъ бѣлокураго и синеокаго красавца... И нельзя винить это страшилище. Если мы имъ любовались, то каково же было ей, нашей усатой амфитрионшѣ?.. При ея врожденной слабости къ непрекрасному полу выдержать такой искусь, появленіе и близость такого именно Париса,—было, конечно, не подъ силу...

И на нашихъ глазахъ гиппопотамъ млѣлъ, даже робѣлъ и будто смущался, тяжело дышалъ и, конечно, потѣлъ, какъ никогда. Къ жарѣ на дворѣ прибавился жаръ души.

А милый и наивный Принцъ только удивленно посматривалъ на это страшилище, и ему положительно на умъ не приходило, что донья Санча, годная лишь быть огороднымъ пугаломъ, всетаки ощущала въ себѣ:

— *Mulier sum et nihil mulieri proprium a me alienum puto.*

Да и кто бы догадался, что сеньора Фуэгось вдобавокъ считала себя не только женщиной, но и особенно, исключительно интересною, благодаря своимъ монументально могучимъ размѣрамъ?

Къ концу обѣда я тоже заразился весельемъ Француза, который все время тяжело охалъ и вздыхалъ, какъ отъ боли. А когда донья Санча особенно пронзительно и пламенно взглядывала на Принца, Прансакъ шепталъ мнѣ на ухо жалостливо.

— *Seigneur, mon, Dieu! Elle va l'avalier.*

Донъ Кризостомо, конечно, все видѣлъ и понималъ, но такъ давно привыкъ къ темпераменту, независимости супруги и своему убогому рабству, что только поглядывалъ на насъ съ удивленіемъ, и лицо его говорило:

— И какъ это они не боятся подсмѣиваться... Безстрашные! Помилуй Богъ!

VIII.

Эпизоды всякаго рода съ появленіемъ Швейцарца, оборотжительнаго, симпатичнаго юноши, заставили меня только въ сумерки вспомнить о той, которая за послѣдніе дни не выходила у меня изъ ума.

«Что-то дѣлаетъ моя прелестная Инкарнаسیونъ!» подумалъ я.

И мнѣ стало досадно, что я не увижу ея въ этотъ вечеръ. Хотя разговоры наши были убійственно монотонны, успѣха я никакого не достигалъ и не достигъ, ухаживанье мое не вело, очевидно, ни къ чему, но скука въ номерѣ гостиницы по вечерамъ бывала еще нестерпимѣе. Конечно, я безповоротно рѣшилъ:

— Лучше болтать и гулять съ красавицей, хотя и безъ всякой цѣли, чѣмъ сидѣть дома или бродить одному по улицамъ небольшого городка.

Человѣкъ, въ особенности молодой, легко способенъ увлечься женщиной отъ праздности и со скуки. И я чувствовалъ, что

увлеченъ довольно сильно и тѣмъ паче, что моя «нинья» все болѣе казалась мнѣ не тѣмъ, что выдумалъ и доказывалъ мой гасконецъ. Думая о ней, вспоминая и критикуя многое, я окончательно доказалъ себѣ, что донья Инкарнасіонъ—дѣвочка-кокетка и шалунья.

Сидя и бродя одинъ въ сумерки у себя въ номерѣ, я до того замечтался о красавицѣ, что сѣлъ на стулъ, дѣлающій реверансъ, и едва не очутился на полу.

Это было косвеннымъ доказательствомъ, что я положительно влюбленъ. Думая о «предметѣ», я вспомнилъ, чѣмъ именно она объяснила мнѣ, что на другой день мы не увидимся: она якобы не можетъ выйти ко мнѣ изъ дома ни днемъ, ни вечеромъ, потому что днемъ братъ будетъ дома, а вечеромъ она должна итти около восьми часовъ по дѣлу къ знакомымъ и вернется не ранѣе полуночи.

Не знаю почему, но теперь это послѣднее заявленіе показалось мнѣ лишь выдумкой. Какое дѣло могло быть у нея вечеромъ, да еще важное, на которое надо было употребить четыре часа времени? Если-бъ она мнѣ сказала, что просто отправится въ гости, тогда я скорѣе повѣрилъ бы... «Можетъ быть, и правда!» говорилъ я самъ себѣ; «но почему-то не вѣрится. Да, не вѣрится и конецъ!» Это было во мнѣ и говорило громко—ясновидѣніе влюбленныхъ. Наука еще игнорируетъ это явленіе. «Право, повидать на минуту? поймать на дорогѣ?» рѣшилъ я вдругъ. Въ восемь часовъ ровно я былъ уже около площадки Геркулеса, пристроился за угломъ крайняго дома, на какомъ-то выступѣ, и усѣлся, порѣшивъ терпѣливо дожидаться ея выхода. Вскорѣ послѣ моего появленія стало сразу темнѣть, и въ одномъ окнѣ, выходящемъ на терассу, появился свѣтъ. Я зналъ, что это окно комнаты Инкарнасіонъ.

Прошло полчаса. Прохожіе двигались часто, но не обращали на меня никакого вниманія, какъ и я на нихъ. Только одного прохожаго замѣтилъ я съ «монтерой» или андалузскою шапочкой, надѣтой набекрень, и въ широкомъ красномъ кушакѣ. Но особенно замѣтилъ я его потому, что онъ, пройдя разъ и два, появился снова въ третій разъ и, шагая медленно, какъ бы внимательно приглядывался ко мнѣ. Когда же онъ появился въ пятый разъ, шелъ еще тише и какъ-будто въ самомъ дѣлѣ пристально и настойчиво разглядывалъ меня, то я, конечно, особенно внимательно отнесся къ нему. Мое присутствіе ему

будто не нравилось, и поэтому его присутствіе меня заинтересовало.

Прошло еще около получаса. Я часто выглядывалъ изъ-за угла на домъ и террасу. Все было по-прежнему. Я началъ думать, что пришелъ слишкомъ поздно и что Инкарнасіонъ уже вышла изъ дома.

Какъ-то снова выглянувъ изъ-за угла, я увидѣлъ на наружной лѣстницѣ дома уже спускающагося высокаго мужчину. Медленно сойдя по ступенямъ, онъ двинулся въ мою сторону и прошелъ мимо меня. Огромная шляпа «сомбреро» и плащъ, густыми складками перекинутый черезъ плечо, помѣшали мнѣ разсмотрѣть его лицо. Я узналъ только, что онъ высокаго роста и очень широкъ въ плечахъ, по всему судя—человѣкъ крѣпкаго сложенія.

Не знаю самъ почему именно обратилъ я на это вниманіе. Какъ-будто это мнѣ не понравилось. Разумѣется, я догадался или почувствовалъ, что этотъ силачъ, прошедшій мимо меня особенно твердою и самоувѣренною походкой, именно извѣстный мнѣ и одновременно невѣдомый сенъоръ Фернанъ Лопѣсъ.

«Если это онъ», — подумалъ я, — «то, вѣроятно, она пережидала его ухода, выйдетъ сейчасъ и отправится къ своимъ знакомымъ». Слѣдовательно, надо еще потерпѣть, посидѣть минутъ пять.»

Едва только предполагаемый мною донъ Фернанъ прошелъ и исчезъ въ концѣ улицы, какъ снова появился прогуливающаяся молодой малый въ красивой монтерѣ и красномъ кушакѣ. На этотъ разъ онъ повернулъ на площадку. Быстрыми шагами пройдя ее, онъ еще быстрѣе поднялся по ступенямъ и вошелъ въ первую дверь, около того самаго окна, гдѣ сіялъ свѣтъ. Но свѣтъ былъ уже не въ правомъ, а въ лѣвомъ отъ дверей окнѣ...

Я понялъ уже вполне ясно, что прошедшій мимо меня высокій незнакомецъ непременно самъ майораль Лопѣсъ и что свѣтъ, вдругъ послѣ его ухода перемѣстившійся на другое окошко, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ условленный знакъ.

«Ну, вотъ, стало быть я и не даромъ пришелъ!» — подумалось мнѣ. «Мой маленькій грошевый романъ въ самомъ своемъ началѣ сталкивается съ другимъ, большимъ, вѣроятно, давнишнимъ и, стало быть, настоящимъ романомъ».

«Очевидно, что донья Инкарнасіонъ ни къ какимъ знакомымъ не пойдетъ, такъ какъ у нея у самой гость!» — кисло, а не досадливо соображалъ я.

Объяснять мое настроеніе не нужно. Всякій, кто попадалъ въ подобное положеніе, знаетъ все по себѣ. А съ кѣмъ же не случилось подобное? Однако, я все-таки просидѣлъ еще съ четверть часа и отправился домой, иронизируя и подшучивая надъ собою чрезвычайно ехидно.

Разумѣется, я тотчасъ же спросилъ: дома ли Прансакъ и, узнавъ, что онъ у себя въ номерѣ, пошелъ къ нему. У меня было неотразимое желаніе мщенія. Мнѣ надо было поговорить съ нимъ о моей красавицѣ и непремѣнно яростно позлословить и поклеветать. Это было, конечно, съ моей стороны законно.

Отомстить Инкарнасіонъ!... За что? А за то, что я, недавно прѣхавшій въ этотъ городокъ, пробывшій въ немъ безъ года недѣлю, не догадался, что у моей красавицы непремѣнно долженъ быть или ухаживатель, или любовникъ. А если она назначаетъ мнѣ свиданія и тянетъ и назначить еще десять свиданій, какъ заѣзжему иностранцу, то это съ ея стороны или простая шалость, или расчетъ правтическій. Во второмъ случаѣ она желаетъ выждать, чтобы лучше обморочить глупаго иностранца, а вмѣстѣ съ тѣмъ *se faire désirer*.

Разумѣется, считая себя оскорбленнымъ, обманутымъ, какъ самый настоящій глупый эстранхеро, я гордо и важно заявилъ тотчасъ же Французу, что я вполнѣ разочарованъ, но красавица меня на удочку не поймаетъ. Ей не удастся выдать себя за барышню, дочь «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей».

Я былъ, какъ и слѣдовало, нѣсколько раздраженъ. Да и какъ же иначе! Такое разочарованіе. Я уже началъ искренно вообразать, что попалъ въ настояціе Ромео, а она—сама Юлія. И вдругъ такая проза!

— Конечно,—заявилъ я Французу,—я ничего ей не скажу про то, что видѣлъ сегодня вечеромъ. Она все равно не сознается. Я ограничусь только тѣмъ, что не пойду завтра на свиданіе и забуду объ ея существованіи.

Прансакъ весело посмѣивался и совѣтовалъ мнѣ совершенно другое.

— Такъ какъ вы свободны совѣмъ и вамъ скучно,—объяснялъ онъ,—то я вамъ совѣтовалъ бы не прерывать сношеній съ хорошенькою *coiffeuse*, но одновременно каждый вечеръ, когда донья Инкарнасіонъ не назначитъ вамъ свиданія, отправляться на ваше сегодняшнее мѣсто и садиться.

— Зачѣмъ?—удивился я.

— А затѣмъ, что вы увидите нѣчто еще болѣе назидательное... Вы увидите, что послѣ перемѣщенія свѣта будетъ подниматься по лѣстницѣ всякій разъ не тотъ же самый молодой человѣкъ, а каждый разъ новый—другой.

И онъ хохоталъ, какъ если-бъ это предположеніе доставляло ему особенное удовольствіе.

Но мнѣ это предположеніе показалось совершенно нелѣпымъ. Я почему-то разсердился на самоувѣренность гасконца-всезнайки. Онъ попросилъ сказать ему адресъ Инкарнасіонъ, вызываясь помочь мнѣ въ наблюденіяхъ, но я заявилъ, что адреса никогда не скажу. Я боялся, что Прансакъ изъ-за самоувѣренности сдѣлаетъ какой-нибудь скандалъ.

Разумѣется, я остался при искреннемъ убѣжденіи, что у доньи Инкарнасіонъ настоящій романъ, и что еслибъ у меня хватило терпѣнія сидѣть по вечерамъ на своемъ мѣстѣ въ продолженіе хотя бы мѣсяца, то я, конечно, видѣлъ бы каждый разъ одно и то же, т. е. одного и того же молодого человѣка, тайно приходящаго къ ней въ отсутствіе брата.

IX.

— Бросить! Забыть и думать о своемъ романѣ! Лучше скучать, нежели имѣть дѣло съ милою, но ловкою кокеткой. Пожалуй, увлечешься серьезно.

Такъ рѣшилъ я на утро... Рѣшилъ твердо и безповоротно. А въ вечеру былъ на условленномъ свиданіи на Аламедѣ и нетерпѣливо ждалъ «коварную»...

Инкарнасіонъ явилась чрезвычайно веселая, довольная, какъ если бы съ нею приключилось что-нибудь особенно пріятное. Къ полному моему изумленію, она начала тотчасъ же сама намекать мнѣ на то, что удобнѣе видѣться у нея въ домѣ, нежели на гуляньѣ.

Не прошло и полчаса въ бесѣдѣ, какъ мы быстро договорились, условились и обсуждали подробности моего визита къ ней.

Я слушалъ, не вѣрилъ своимъ ушамъ и самъ себя не вѣрилъ, то-есть тому, что говорилъ. Мгновеніями мнѣ вспоминалось мнѣніе Француза, что всякій вечеръ у Инкарнасіонъ является новый гость. Но приглядываясь къ ней, прислушиваясь къ ея голосу, я убѣждался, что Французъ клеветецъ. Что-то

милое, дѣтское, наивное и правдивое въ этой дѣвушкѣ исключало возможность подозрѣвать ее.

Она назначила мнѣ свиданіе у себя на слѣдующій вечеръ, но болѣе всего настаивала при этомъ на одномъ условіи: внимательно приглядываться къ освѣщенному окну и отнюдь не являться прежде, чѣмъ свѣтъ не перемѣстится съ праваго окна на лѣвое.

— Иначе вы можете встрѣтиться съ братомъ на лѣстницѣ или на терасѣ. А то и хуже—найти его у меня въ комнатѣ,—объясняла она.

— Ну, и что же?—замѣтилъ я.—Я скажу, что я ошибся домомъ. Что-нибудь сочиню ему.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно!.. Его не обманешь. Онъ вдвое умнѣ насъ съ вами!—просто, но съ глубокимъ убѣжденіемъ въ голосъ заявила молодая дѣвушка.

Разумѣется, я соглашался на все, поклялся ничего не забыть и все въ точности исполнить. И на слѣдующій вечеръ, около десяти часовъ, я, волнуясь, собрался въ гости замѣстителемъ вчерашняго малаго въ «монтерѣ» и красномъ кушакѣ. Я отправился на свиданіе ранѣе условленнаго времени и нашелъ освѣщеннымъ правое окно. Пришлось переждать... Я, конечно, не сталъ прогуливаться по улицѣ и площадкѣ Negules, какъ вчера дѣлалъ мой невѣдомый предшественникъ. Будучи неизвѣстенъ лично суровому Лопэсу, я могъ безопасно встрѣчаться съ нимъ. Я усѣлся на углу площадки.

Не прошло минутъ десяти, какъ дверь комнаты Инкарнасіонъ отворилась, на порогѣ появилась уже знакомая мнѣ фигура мужская, высокая, а за нею еще болѣе знакомая, стройная и граціозная, женская...

Они разговаривали громко и весело... Инкарнасіонъ звонко разсмѣялась чему-то... А затѣмъ, двинувшись къ лѣстницѣ, майораль обернулся снова къ сестрѣ и сдѣлалъ жестъ, совершенно понятный мнѣ. Онъ показалъ рукою на одно окно, а затѣмъ на другое, которыя были по бокамъ двери...: «Не забудь переставить свѣчу!» сказалъ мнѣ этотъ жестъ.

Дѣвушка отвѣтила снова смѣхомъ... А я недоумѣвалъ нѣсколько мгновеній...

«Что же это такое?» спросилъ я себя. «Очень просто: комедія... И даже не съ одними лишь этранхѣрами, но и съ аборигенами».

И мнѣ стало непріятно, какъ всякому всегда непріятно бываетъ сознаніе, что онъ игрушка въ чьихъ-либо рукахъ. И даже болѣе чѣмъ игрушка. Французы говорятъ: être la dupe...

Майораль прошелъ снова мимо меня бодрою, твердою походкой, шагисто и еще болѣе самоувѣренно. Ото всей его фигуры вѣяло мощью, энергіей и самоувѣніемъ.

Едва успѣлъ донъ Фернанъ Лопѣсъ пройти, какъ я уже поднимался по лѣстницѣ на терассу. Свѣтъ еще не перешелъ на лѣвое окно...

Поступилъ я такъ изъ чувства досады... «Милые братецъ съ сестрицею», ворчалъ я себѣ подъ носъ, «кого другого дурачьте и въ шуты рядите, а я не дамся. Я понялъ въ чемъ тутъ вся суть и, конечно, не удивлюсь, если сегодня у насъ съ Инкарнасіонъ бесѣда будетъ не чужда математикѣ вообще и четырехъ правиламъ ариѳметики въ частности. До меня всего болѣе коснется второе правило, до нея — третье, а до нея вмѣстѣ съ братцемъ — четвертое. Да, грозный господинъ майораль. Неизвѣстно еще, кто тебѣ даетъ больше. Компанія дилижансовъ или комерція сестрицы?»

Признаюсь, я поднимался на терассу съ какимъ-то особымъ чувствомъ, которое возникло во мнѣ вдругъ и было ведромъ дегтя въ бочкѣ меда. И все надѣлалъ жестъ донъ-Фернана, который я объяснилъ по-своему. А правъ ли я былъ?

Уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ говорятъ, что «мужчины глупы». Говорятъ это, конечно, женщины, а мужчины повторяютъ это за ними какъ-то безпомощно: «правда, молъ, истинная. Да что же подѣлаешь?»

И я, очутившись въ комнатѣ Инкарнасіонъ, доказалъ немедленно, что «мужчины глупы», а затѣмъ въ продолженіе болѣе трехъ недѣль продолжалъ доказывать это на самомъ себѣ, самымъ нагляднымъ образомъ.

Впрочемъ, слѣшу оговориться... Въ разсказываемомъ мною случаѣ или происшествіи всякій разыгралъ бы роль «глупаго мужчины», такъ какъ и теперь, спустя много-много лѣтъ, я все-таки повторяю, что «исторія» на plaza de Hercules такова, въ которой чортъ ногу совѣмъ сломалъ... Cosas de Espana!

А если не отвѣчать такъ, то совѣмъ отвѣчать нельзя, а останется только развести руками. Жестъ, какъ извѣстно, объясняющій ясно, что объяснить нѣтъ никакой возможности.

Итакъ я вошелъ на терассу и взялся за ручку двери Инкарнасіонъ, когда ея братъ едва успѣлъ скрыться за угломъ площадки, а свѣча еще стояла на правомъ окнѣ.

Мое появленіе заставило Инкарнасіонъ непритворно ахнуть.

Она стояла спиной ко мнѣ у столика и обернулась, тихо произнося:

— Ты забылъ что-нибудь?

Но тотчасъ же ахнула... И нѣсколько мгновеній длилась пауза... Я улыбался насмѣшливо, а дѣвушка глядѣла на меня, слегка раскрывъ ротъ и положительно очень сильно озадаченная, если не перепуганная... Но продолжалась эта нѣмая сцена пять-шесть секундъ.

Инкарнасіонъ бросилась ко мнѣ и, отстранивъ меня рукой, выскочила въ дверь на терассу и стала озираться и прислушиваться. Затѣмъ, успокоившись, она вошла, заперла дверь на ключъ и обратилась ко мнѣ взволнованно:

— Что вы дѣлаете? Если такъ, то вы въ первый и въ послѣдній разъ здѣсь.

— Почему жъ это?

— Изъ всѣхъ иностранцевъ вы самый-то, ну, самый глупый или самый testarudo (упрямый). Я съ такими не желаю имѣть дѣла.

Инкарнасіонъ отошла и сѣла у столика, не глядя на меня и, какъ я думалъ, играя роль негодующей и возмущенной моимъ поведеніемъ.

Я сталъ оправдываться, но затѣмъ сталъ прямо просить прощенія и божиться, что впредь болѣе никогда не позволю себѣ ни малѣйшей неосторожности.

— Я всегда ставлю свѣчу на лѣвое окно по крайней мѣрѣ четверть часа спустя послѣ ухода брата... Вдругъ вернется, забывъ что-нибудь...

И воскликнувъ это въ минуту волненія, дѣвушка тотчасъ спохватилась.

— Я у васъ первый разъ,—замѣтилъ я, улыбаясь,—и я не могъ знать, какъ и что вы дѣлали для другихъ.

Инкарнасіонъ разсердилась.

— Послушайте, господинъ иностранецъ, *senor extranjero*. Я не знаю, что вы обо мнѣ думаете... Но что бы именно вы ни думали, знайте, что мнѣ это все равно... Во всякомъ случаѣ, будьте столь любезны, *hace usted el favor*, сдѣлайте одолженіе, ваша милость... Уйдите. *Vaya*.

Я возражалъ хладнокровно, потомъ горячо и убѣдительно, потомъ сталъ молить меня простить.

Инкарнасіонъ на все мое краснорѣчіе долго отзывалась однимъ и тѣмъ же словомъ:

— *Vaya usted! Vaya!*

Разумѣется, я добился своего, хотя и съ трудомъ.

Я остался...

Незадолго до полуночи Инкарнасіонъ, смѣнившая гнѣвъ на милость, и нѣжно, мило, хотя отчасти кокетливо, проболтавшая со мной около двухъ часовъ, заявила твердо, что я долженъ немедленно уходить.

— Тотчасъ послѣ полуночи братъ возвращается изъ кафе домой,—сказала она.— И если у меня въ комнатѣ свѣтъ, то онъ заговариваетъ черезъ дверь, а иногда и проситъ отпереть и заходить поболтать...

— Такъ потушите огонь,—сказалъ я.

Инкарнасіонъ улыбнулась прелестною улыбкой, и добродушною, и лукавою вмѣстѣ...

— Завтра,—тихо произнесла она.

— Почему же не сегодня?

— Завтра. Фернанъ выѣдетъ въ сумерки, а вернется въ полдень...

Помню хорошо, что я въ этотъ вечеръ вернулся въ мою Фонду сдавшійся и плѣненный, т. е. увлеченный болѣе чѣмъ когда-либо... Я уже окрестилъ красавицу именемъ *Manon Lescaut*, разумѣется, чтобъ оправдать свое «незаконное» увлеченіе.

На слѣдующій вечеръ я былъ снова на *Plaza de Hercules* и нашелъ огонь на лѣвомъ окнѣ. Но при этомъ сама Инкарнасіонъ стояла на терасѣ, ярко освѣщенная луной. Завидя меня, она вошла въ дверь своей комнаты, и когда я былъ уже около нея, она взяла меня за руку, потянула къ себѣ черезъ порогъ, заперла дверь и проговорила тихонько, будто боясь, что кто-либо ее услышитъ:

— Ну, теперь можете...

— Что?—глупо удивился я.

— Что?!—воскликнула она громко.— *Estranjero*. Вотъ и видно, что иностранецъ!

И на мое недоумѣніе она кокетливо наклонилась ко мнѣ, подставляя свое прелестное смуглое личико.

— Вы что просили сто разъ? А я отказывала.

— Поцѣлуй.

— Славу Богу. Догадался иностранецъ. Ну, дайте три. Одинъ сюда. И два сюда...

Она показала пальчикомъ своей крошечной, во истину дѣтской, руки на губы, а потомъ на оба глаза.

Когда я съ юношескимъ увлеченіемъ исполнилъ просьбу и хотѣлъ помножить три на десять и болѣе, Инкарнасіонъ остановила меня и отшатнулась.

— Я сказала — три... Меня надо слушаться... Помните: слушаться во всемъ. Особенно слушаться по отношенію къ брату. Быть осторожнѣе. Вы и не воображаете, что это за человѣкъ. Онъ меня обожаетъ и за меня самого сатану испугаетъ.

Вернувшись домой, я весь день сидѣлъ, запершись на замокъ въ своемъ номерѣ, и думалъ исключительно объ Инкарнасіонъ. Я былъ подъ властью полного очарованія и путался въ своихъ соображеніяхъ на ея счетъ.

Болѣе всего меня озадачивалъ ея рѣшительный отказъ и даже отчасти негодованіе на предложеніе взять денегъ, чтобы купить себѣ что-нибудь въ качествѣ подарка отъ меня.

Мужчины глупы.

X.

Такъ прошло недѣли три. Я почти черезъ день по вечерамъ бывалъ у Инкарнасіонъ и по ея требованію исполнялъ всѣ предосторожности, надъ которыми смѣялся Прансакъ. Однако, раза три или четыре, несмотря на запрещеніе быть вечеромъ, такъ какъ я могъ легко прямо налетѣть на пресловутаго брата, я все-таки отправлялся. Разумѣется, никакого свѣта въ лѣвомъ окнѣ я не находилъ, и, стало быть, запрещеніе прійти было дано не въ пользу молодого малаго въ «монтерѣ» и красномъ кушакѣ.

Каждый разъ, что я являлся такимъ сюрпризомъ, Инкарнасіонъ упрекала въ неосторожности, которая можетъ жестоко отозваться на мнѣ же самомъ, и умоляла пылко въ другой разъ подобнаго не дѣлать. Убѣжденный вполнѣ въ томъ, что это какая-то, если не комедія, то просто манія, я пересталъ дѣлать ей сюрпризы лишь въ виду ея угрозы, что она прерветъ со мной всякія сношенія.

Я замѣтилъ, однако, что, когда я являлся къ ней въ отсутствіе майорала изъ города, Инкарнасіонъ бывала спокойнѣе и веселѣе... Когда же донъ Фернанъ бывалъ не въ отъѣздѣ со своимъ дилижансомъ, то мы, запираясь на ключъ, тушили свѣчи на весь вечеръ. Въ тѣ мгновенія, когда раздавались шаги брата на терассѣ, иногда очень поздно возвращавшагося домой, Инкарнасіонъ притихала, какъ бы насторожившись. Но едва братъ минуетъ нашу дверь, войдетъ къ себѣ, и щелкнетъ у него дверной замокъ, дѣвушка оживлялась, иногда даже зажигала снова свѣчу.

Она увѣряла меня, что только ея огромная любовь, *gran-dissimo amor*, заставляетъ ее рисковать собой и мной, такъ какъ эти ночныя свиданія у нея—безуміе.

— *Que Dios nos guarde!*—постоянно повторяла она съ чувствомъ, прижимая руку къ груди и поднимая глаза вверхъ, на небо или въ потолокъ.

Однажды мнѣ пришелъ на умъ проектъ, какъ воспользоваться большею свободой. Я предложилъ Инкарнасіонъ сдѣлать путешествіе, поѣхать вмѣстѣ недѣли на двѣ въ Кадиксъ, а то и въ Севилью.

Инкарнасіонъ обрадовалъ этотъ планъ. Онъ былъ совершенно исполнимымъ, такъ какъ она могла объяснить брату, что отправится погостить къ своей теткѣ, какъ бывало всегда два и три въ году. Для этого необходимо нужно было, однако, заѣхать все-таки въ городъ, гдѣ жила тетка, и по-неволѣ пробыть тамъ по крайней мѣрѣ сутокъ трое, чтобы привезти брату извѣстіе и гостинцы отъ старухи.

Признаюсь, это возня заглазная и, по моему мнѣнію, нелѣпая съ этимъ братомъ, его строгостью и деспотизмомъ мнѣ надоѣдала. Я уже часто начиналъ отвѣчать сердито:

— Чортъ съ нимъ! Все глупости! Онъ тебѣ не отецъ и не мужъ.

Инкарнасіонъ отвѣчала на это каждый разъ, или волнуясь, или негодуя на меня:

— Какъ можно! Хороши глупости! Вотъ, видно иностранца! Какъ судить то, чего не знаешь?

— А если это все комедія, притворство?—заявилъ я однажды и объяснилъ мои подозрѣнія, что братъ ея знаетъ про мои посѣщенія.

Инкарнасіонъ вытаращила на меня свои красивые, большіе глаза, но тотчасъ отвернулась и какъ-будто разсердилась. Но

отвѣта я никакого отъ нея не добился и не зналъ, правъ ли я или нѣтъ.

Иногда я убѣждался, что она таится и страшно боится брата... А затѣмъ я снова думалъ, что все—комедія.

За это время у насъ въ Фондѣ было кой-что новое. Уѣхалъ Англичанинъ и, прощаясь, просилъ побывать у него въ гостяхъ въ Бирмингамѣ. Отсутствіе его было не замѣтно... На его мѣсто, по волѣ судьбы, тотчасъ же явился другой Британецъ, но совершенно иного типа: темноволосый, съ голубыми глазами, говорившій по-испански, веселый и нѣсколько нервный. Около него его уѣхавшій соотечественникъ показался бы совсѣмъ куклой или чучелой.

Даже Прансакъ тотчасъ рѣшилъ, что новый сынъ Альбіона лжетъ.

— Онъ не Англичанинъ, а Бельгіецъ или Швейцарецъ. А то Португалецъ. Это фантазія выдавать себя за Англичанина. *P n'a pas l'air d'un empallé... Donc—il n'est pas Anglais.*

Французъ оказался отчасти правъ, потому что Англичанинъ былъ Ирландцемъ.

Одновременно въ Фондѣ происходило нѣчто крайне забавное. Если у меня былъ одинъ романъ, то у красавца Принца ихъ было по одному каждый день. Но одинъ изъ таковыхъ былъ своего рода рѣдкостный.

Сеньора Санча Фуэгось оправдывала свою фамилію. Влюбившись въ прелестнаго Принца съ перваго дня его появленія, огненная, монументальная и усатая донья Санча пылала Везувіемъ по отношенію къ красавцу Швейцарцу. Сначала долго она ограничивалась усерднымъ ухаживаніемъ за нимъ и дошла до того, что готовила ему сама отдѣльныя блюда, и мясныя, и сладкія, но въ такомъ размѣрѣ, чтобы хватало на него одного и чтобы мы не могли пользоваться ея трудами. Когда Фрицъ (какъ я мысленно продолжать звать его) насъ угощалъ и съ нами дѣлился, донья Санча становилась угрюма, а иногда и озлоблялась. И Фрицу приходилось самому съѣдать все... чтобы не раздражать хозяйку.

Ухаживаніе Везувія въ юбкѣ сначала забавляло и смѣшило Швейцарца, такъ же какъ и насъ, но вскорѣ ему, бѣдному, пока мы продолжали все хохотать, стало совсѣмъ не подъ силу и не до смѣха.

Сеньора Фуэгось начала дѣйствовать относительно Принца, какъ дѣйствуетъ сорокалѣтній опытный и дерзкій ловеласъ по

отношенію къ робкой шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ-подростку, которая способна сдаться одного страха ради.

Этого подростка Принцъ изображалъ вполне успѣшно, такъ какъ, дѣйствительно, гиппопотамъ становился страшнѣе своимъ увлеченіемъ. Молодой человѣкъ смущался, стыдился, но и боялся отчасти, предвидя бурное объясненіе или нѣчто вродѣ эпизода, напоминающаго библейскую исторію о прекрасномъ Іосифѣ и женѣ Пентефрія.

Нѣчто подобное однажды и разыгралось. Но мой Фрицъ все утаилъ изъ стыда, и мы узнали о бурной бесѣдѣ его, почти поединкѣ съ доньей Санчей, три дня спустя, когда замѣтили ему, что хозяйка уже не нѣжно, а грозно поглядываетъ на него.

— Я выдержалъ одну хитрую и грозную атаку,—признался Принцъ,—но отразилъ ее.

Затѣмъ среди разнообразія и скуки нашей свѣренкой жизни въ Фондѣ de la Alameda произошло простое, но комическое событіе.

Сеньора Санча Фуэгосъ, «отраженная», начала еще пуще преслѣдовать нашу хорошенькую и вертлявую Марикитту. И кончила она тѣмъ, что подралась съ дѣвушкой. Почувала ли вдругъ она или пронюхала что-либо, или дѣйствительно поймала Фрица и Марикитту на мѣстѣ преступленія, но однажды дѣвушка начала плакать и завывать на всю гостиницу, получивъ такую полновѣсную и грубую пощечину отъ хозяйки, которая свалила ее съ ногъ.

Мы всѣ возмутились и заступились за нашу любимицу. Даже донъ Кризостомо заволновался и все взвизгивалъ: о-о! О-о-о! Съ его стороны это было почти анархизмомъ, колебаніемъ основъ его семейнаго очага. Юный нѣмецъ конфузился и оправдывался предъ хозяйкой и предъ нами, что онъ ни въ чемъ не повиненъ, кромѣ простого ласковаго отношенія къ служанкѣ.

Донья Санча ораторствовала съ жестами, повелительно и торжественно объясняя, что Fonda de la Alameda имѣетъ тридцатилѣтнюю репутацію, ничѣмъ не запятнанную, что въ Фондѣ останавливался самъ Эспартеро, что ея дѣдъ могъ бы быть грандомъ Испаніи, а тутъ вдругъ... о, ужасъ!.. Служанка! Дѣвчонка! Существо, похожее скорѣе на щенка, чѣмъ на дѣвушку... подрываетъ основы нравственности вообще и процвѣтаніе торговаго предпріятія въ частности.

Мы всё, слушая матрону, отлично понимали, однако, что бѣдная Марикитта виновна была лишь въ томъ, что якобы помѣшала чарамъ доньи Санчи воздѣйствовать на красавца Принца.

Донъ Кризостомо попробовалъ было урезонить супругу и заявилъ, что, по его личному убѣжденію, для всякаго осужденія человѣка въ чемъ-либо, крайне необходимо имѣть улики и доказательства виновности. Можетъ быть, это и не вѣрно, но онъ такъ думаетъ.

Сеньора Санча въ отвѣтъ на сей мудрый совѣтъ степеннаго благовѣрнаго взяла его или сцапала за отворотъ его куртки и, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, воскликнула:

— Que bicho! (Что за животное!)

И держа супруга чуть не за шиворотъ, она могучею рукою повела его въ свои апартаменты.

И что тамъ приключилось съ кроткимъ Кризостомо, я не знаю... На утро онъ имѣлъ крайне жалкій и печальный видъ и какъ то часто мигалъ лѣвымъ глазомъ. Французъ увѣрялъ, что глазъ подбитъ, а синякъ подкрашенъ. Въ это же утро вмѣсто Марикитты появилась другая горничная служить въ гостиницѣ. Старая, плотная, сердитая, лысая, съ огромными усами. Ну, просто запорожець, Тарасъ Бульба!

XI.

Вскорѣ послѣ того, что бѣдная Марикитта была ради Швейцарца изгнана изъ гостиницы, хотя нашъ Фрицъ, вѣроятно, былъ неповиненъ ни въ чемъ, со мною случилось нѣчто простое, бывалое со многими въ молодости.

Помянувъ снова Марикитту, посмѣявшись снова надъ юнымъ Фрицемъ, снова подивясь на новую служанку въ видѣ настоящаго казака-запорожца, я отправился, по обыкновенію, въ десять часовъ вечера къ Инкарнасіонъ.

Мы провели вечеръ такъ же, какъ и всегда... Только разговоръ нашъ на этотъ разъ вертѣлся исключительно около предполагаемаго путешествія. Мы рѣшили, что поѣдемъ въ Севилью...

Такъ какъ майораль былъ не въ отсутствіи изъ города, то около полуночи Инкарнасіонъ потушила огонь въ ожиданіи прихода брата, а говорить мы начали вполголоса.

Прошло около получаса въ ожиданіи, и послышались твердые шаги на лѣстницѣ, а затѣмъ на терасѣ.

Но тотчасъ я невольно вздрогнулъ не отъ страха, конечно, а отъ неожиданности.

Майораль остановился у нашей двери и началъ стучать пальцемъ.

— Queriditta? Nina? Миленькая? Дѣвочка? Ты спишь?—раздался голосъ.

Инкарнасионъ молчала, но я услышалъ въ темнотѣ около себя тяжелое, прерывистое дыханіе... Такое дыханіе бываетъ у чловѣка, пробѣжавшаго опрOMETRY цѣлую версту или же перепуганнаго на-смерть.

Я невольно улыбнулся.

— «Однако, моя «нинья» умѣетъ представлять, лицедѣйствовать»,—подумалъ я.

Я не могъ повѣрить въ искренность такого перепуга «на-смерть».

— Nina, спишь? Проснись. Пусти меня. Дѣло есть. На одну минуту...

Инкарнасионъ отозвалась, наконецъ, но даже я, будучи около нея, не могъ понять, что она говоритъ. Языкъ ея заплетался.

— Экъ ты заспалась!.. Встань, выпусти меня!—крикнулъ донъ Фернанъ.

— Luego! Сейчасъ! — откликнулась, наконецъ, дѣвушка, но все-таки нетвердымъ голосомъ.

И она, ощупавъ, схватила меня за руку и потащила... Я повиновался, ничего не понимая. Однако, тотчасъ все стало понятно. Инкарнасионъ довела меня до угла, гдѣ на вѣшалкѣ былъ ея необширный гардеробъ, висѣли разныя юбки и лифы подъ простыней. Я очутился подъ платьями и простыней, а чрезъ мгновенье чувствовалъ, что она въ темнотѣ стряпаетъ что-то около меня на полу, очевидно, закрываетъ мнѣ чѣмъ-то ноги.

Затѣмъ звякнулъ замокъ. Братъ вошелъ... Стало свѣтло, и я увидалъ... что я ничего не вижу, кромѣ бѣлаго полотна почти на лицѣ.

Майораль не сѣлъ, а заговорилъ, стоя недалеко отъ дверей. Онъ объявилъ сестрѣ, чтобъ она рано утромъ сходила къ какой-то теткѣ tia Francisca и попросила у этой тетки сто реаловъ займа, такъ какъ tio или дядя Pablo наотрѣзъ отказался уплатить.

Инкарнасионъ ахнула, удивилась и обѣщала непременно дойти рано утромъ къ Павлу. (Тетка и дядя не означали родныхъ, а просто пожилыхъ людей).

Затѣмъ донъ Фернанъ заговорилъ о чемъ-то, чего я понять не могъ. Дѣло шло о говядинѣ и о хлѣбѣ. Инкарнасіонъ не отвѣчала.

— Что ты стоишь и молчишь, какъ истуканъ!—вдругъ вскрикнулъ майораль раздражительно.—Спать хочешь?

— Да,—кратко отозвалась дѣвушка.

— Ну, такъ ложись... Но, смотри, уговори Павла. А то бѣда. Понимаешь?

— Понимаю. Конечно. Все сдѣлаю прежде, чѣмъ ты встанешь,—заговорила Инкарнасіонъ живѣе и бодрѣе.

Донъ Фернанъ вышелъ, и снова звякнулъ замокъ. Я самъ полѣзъ изъ-подъ юбокъ и простыни и, увидя свѣтъ Божій и дѣвушку, началъ смѣяться. Но она не смѣялась, а черезчуръ серьезная сѣла около стола и молчала.

Наконецъ, она вымолвила глухо какъ бы себѣ самой:

— Madre Santissima! Какъ я испугалась.

Я молчалъ и глядѣлъ.

«Лицедействовать ты умѣешь!» соображалъ я снова. Я былъ глубоко убѣжденъ, что дѣвушкѣ было нечего пугаться до такой степени. Могла произойти драка, и была бы, конечно, болѣе непріятна для меня, а не для нея. Что за важность ей получить отъ брата пощечину или колотушку? Да, наконецъ, и это сомнительно. Не вѣрнѣе ли нѣчто болѣе простое. Комедія. Подстроенное появленіе въ комнату и условленное объясненіе о деньгахъ, которыя очень нужны завтра же.

Пока я стоялъ подъ юбками, во мнѣ было только чувство стыда, что братъ и сестра со мною шалить и заставляютъ меня играть въ ихъ комедіи третью и глупую роль.

— Что бы случилось, если бы онъ васъ замѣтилъ? — вдругъ произнесла Инкарнасіонъ.—Что бы было? Что бы было?

— Ничего!—отозвался я досадливо.—Полно вздоръ выдумывать. Tontería! Глупости.

Инкарнасіонъ поглядѣла сурово и пристально мнѣ въ лицо, потомъ покачала головою, но, по обыкновенію, не сказала ни слова. Это угрюмое молчаніе меня озадачивало, однако. А встревоженный видъ былъ черезчуръ правдивъ или артистически разыгранъ. Разобраться было по-истинѣ трудно.

Согласиться, что она, дѣйствительно, имѣла основаніе быть перепуганною на-смерть, я положительно не могъ. Вѣдь я же, вѣроятно, не первый застигнутъ у нея ночью. Вѣроятно, и съ моимъ предшественникомъ было то же... Даже, вѣрнѣе, съ моими пред-

пештвенниками. И всѣхъ она прятала отъ брата подъ свой гардеробъ. Пора привыкнуть.

Еще стоя подъ юбками и слушая разговоръ брата съ сестрой, я рѣшилъ, что Инкарнасіонъ непременно заговоритъ со мною о дѣлѣ брата, необходимости достать займы сто реаловъ (около десяти рублей) и понудитъ меня предложить ей эту «сумму».

Но я ошибся вполнѣ. Она не говорила о порученіи брата. Когда же я, наконецъ, самъ предложилъ ей спокойно почивать на утро и не ходить къ теткѣ Францискѣ, а взять деньги у меня, — Инкарнасіонъ отказала и объяснилась откровенно, съ удивительною простотою, ребяческою...

— *Nombre!* (человѣче). Это невозможно при нашихъ отношеніяхъ. Я сейчасъ попаду въ положеніе уплаченной вещи. *Cosa pagada.*

Однако, я упорно стоялъ на своемъ и кончилъ тѣмъ, что положилъ деньги на столъ.

— Ну, хорошо, — сказала Инкарнасіонъ сурово. — Но дайте мнѣ честное слово, что вы дурно обо мнѣ не думаете теперь.

Разумѣется, я затруднился дать слово, такъ какъ ея согласіе будто подтвердило мои подозрѣнія. Я поклялся ей своею любовью и блескомъ ея прекрасныхъ глазъ. И Испанка удовольствовалась такой клятвой.

Вернувшись домой среди ночи, я легъ, но заснуть не могъ. Меня преслѣдовалъ вопросъ: комедія все, или нѣтъ?

XII.

Еще два-три дня сподрядъ мы обсуждали вопросъ о путешествіи или *partie de plaisir* въ Севилью. Инкарнасіонъ заявила брату о желаніи побывать у тетушки, и майораль согласился охотно. Все ладилось, но...

Но никуда мы не поѣхали! Все вдругъ перевернулось вверхъ дномъ. И какъ быстро, какъ просто перевернулось. И несказанно счастливо для меня... въ концѣ-концовъ.

Кажется, на третій день послѣ моего прятанья подъ юбками отъ майорала мы прогуливались среди дня съ Инкарнасіонъ какъ разъ тамъ же, гдѣ мнѣ было ею назначено первое свиданіе, среди садиковъ и огородовъ въ концѣ кальехона Ильдефонсо.

Не знаю, какимъ образомъ попалъ туда мой Фрицъ. Встрѣтивъ насъ, онъ обрадовался, раскланялся и подошелъ разго-

варивать. Замѣтивъ, что это скорѣй пріятно Инкарнасіонъ, нежели озадачило ее, и что она очень милостиво смотритъ на прелестнаго Швейцарца, я представилъ его.

Моему Фрицу, очевидно, крайне понравилась Инкарнасіонъ, о которой онъ уже зналъ и слыхалъ отъ меня. Ей же положительно сразу сильно понравился красавецъ, потому что она смотрѣла на него, кокетничала и жеманилась много больше и старательнѣе, чѣмъ когда-то со мною въ день встрѣчи, до и послѣ дождя.

Мы уже съ нею собрались было возвращаться въ городъ, такъ какъ она меня увѣряла, что спѣшитъ домой. Но послѣ встрѣчи съ Принцемъ она объявила, что можетъ вернуться домой немножко позднѣе и что готова еще прогуляться. Очевидное дѣло, что я съ мѣста сталъ уже ревновать и сознаваться, что поступилъ глупо, представивъ соперника. Да еще какого? Самаго опаснаго.

Затѣмъ я раскаялся еще больше, такъ какъ мы гуляли и гуляли безъ конца. По крайней мѣрѣ полтора часа, если не два, пробродили мы внѣ города, потому что Инкарнасіонъ повторяла, что погода (читай: Фрицъ) диво дивное, а домой еще успѣется. Вмѣстѣ съ тѣмъ она нисколько не стѣснялась, отчаянно любезничала и кокетничала съ красавцемъ.

Откровеннѣе и безцеремоннѣе дѣйствовать было трудно. Она обращала на меня столько же вниманія, какъ если-бъ я былъ ея новымъ знакомымъ, который сейчасъ былъ ей представленъ Швейцарцемъ. Когда мы вернулись въ калехонъ, чтобы, наконецъ, разстаться и не итти вмѣстѣ городомъ, Инкарнасіонъ заявила, и не одинъ разъ, а повторила три раза, что завтра въ сумерки она будетъ на Аламедѣ. Я прочиталъ ясно на ея лицѣ вопросъ: понимаетъ ли Принцъ или не понимаетъ?

— Неужели ты не понялъ, что тебя хотятъ встрѣтить опять?— говорили ея смѣющіеся глаза.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣдился по лицу моего херувима, что давно онъ отлично понималъ, но смущается своею ролью по отношенію ко мнѣ. Онъ сознавалъ, что мое положеніе крайне глупое и тѣмъ глупѣе, чѣмъ быстрѣе произошла вся эта метаморфоза. И хотя бѣдный малый былъ нисколько не виноватъ, а виноваты были его золотистая голова и прелестные глаза, тѣмъ не менѣе онъ смущенно поглядывалъ на меня.

Едва мы простились съ Инкарнасіонъ и двинулись вдвоемъ по Аламедѣ въ гостиницу, какъ я понялъ, что мой Фрицъ не

знать, что ему дѣлать: заговорить ли о томъ, о чемъ мы оба думаемъ, или молчать и ждать какого-либо заявленія съ моей стороны?

Я тоже не зналъ, что дѣлать. Сказать ли ему прямо, что онъ, очевидно, сразу прельстилъ Инкарнасіонъ, какъ прельщаль всѣхъ сеньоръ и сеньоритъ городка, или молчать? Лучше молчать! «Будь что будеть», рѣшилъ я. А что будеть, я, конечно, уже не сомнѣвался. Ясновидѣніе влюбленныхъ опять помогло.

«Вотъ тебѣ и Севилья!» думалось мнѣ. — «Вотъ тебѣ и grandissimo amor!»

Признаться, сильнѣйшая досада сказывалась во мнѣ на собственную свою наивность. Другой, болѣе практической и осторожный человекъ раскланялся бы съ этимъ сердцемъ и пожирателемъ андалузскихъ красавицъ и, конечно, не представилъ бы его своей дамѣ.

Мы дошли до гостиницы молча. Несмотря на все стараніе нѣсколько овладѣть собою, принять безпечный видъ или начать даже шутить,—я не могъ. Вѣдь, я все-таки былъ основательно влюбленъ въ эту «ниню». Впрочемъ, долженъ сказать, что къ вечеру я думалъ и размышлялъ уже нѣсколько спокойнѣе и благоразумнѣе.

Главнымъ моимъ доводомъ къ благоразумію было то соображеніе, что вскорѣ послѣ предполагаемой поѣздки въ Севилью все равно пришлось бы намъ разстаться, чтобы болѣе никогда въ жизни не встрѣчаться. И, очевидно, что съ моимъ отъѣздомъ вакантное мѣсто было бы тотчасъ же занято. Стало быть, не все ли равно, если это случится теперь, хотя и гораздо болѣе рѣзкимъ образомъ и на моихъ глазахъ?

Такъ какъ вечернее мое посѣщеніе было еще во время прогулки назначено не на этотъ день, а лишь на слѣдующій, то я просидѣлъ вечеръ дома. Я не зналъ равно, отправлюсь ли я къ ней завтра, или же отомщу измѣнницѣ, разыграю роль оскорбленнаго. Я даже не рѣшилъ вопроса, пойду ли я въ сумерки на Аламеду помѣшать свиданію. Я рассуждалъ, что если я и помѣшаю «коварной» очутиться на-единѣ съ Фрицемъ, то она условится съ нимъ на слѣдующій день.

— А то просто, безъ церемоній, прямо пригласить его воспользоваться сигналомъ, перестановкой свѣчи съ праваго окна на лѣвое!—ворчалъ я, ревнуя.

Впрочемъ, на другой день еще утромъ все рѣшилось! Ко мнѣ явился самъ Фрицъ, смущенный еще болѣе, чѣмъ вчера; поговоривъ о погодѣ, о всякомъ вздорѣ, онъ видимо ялся, даже ногами возилъ и топталъ по полу.

Степенный Швейцарецъ былъ нервенъ.

И по его лицу я догадался, что онъ имѣетъ нѣчто на умѣ, но не рѣшается сказать мнѣ. Я подумалъ и вымолвилъ à bout portant:

— Ну, что же говорите,—хватилъ я наповаль, — вы имѣете какое-нибудь извѣстіе отъ вашей вчерашней новой знакомой?

И я попалъ настолько вѣрно и мѣтко въ цѣль, что онъ удивился, слегка открылъ ротъ, помолчалъ мгновение и выговорилъ, смущаясь:

— Да... Вотъ я и хотѣлъ...

При этомъ юный красавецъ вспыхнулъ, какъ молодая дѣвушка. Его лицо загорѣлось румянцемъ, и, признаюсь, онъ мнѣ показался еще красивѣе, такъ такъ при румянцѣ глаза его блестяли чудною синевою.

— Что вы хотите? Скажите!—произнесъ я сухо, хотя всячески старался придать голосу равнодушный оттѣнокъ.

— Да вотъ... спросить у васъ... Такъ я не могу... Если вы разрѣшите... Это, по моему убѣжденію, было бы не хорошо... Такъ принято на моей родинѣ... Было бы нечестно, и я не могу... Если вы не разрѣшите, то я даю слово, что не сдѣлаю ни шага...

И много такихъ фразъ, темныхъ, отрывочныхъ, произнесъ Фрицъ, если не смущаясь, то уже волнуясь. Я довольно долго молчалъ, и онъ продолжалъ объяснять мнѣ, что якобы въ Германіи существуютъ особыя правила чести, въ особенности въ подобнаго рода щекотливыхъ дѣлахъ, гдѣ замѣшана женщина.

Разумѣется, все, что говорилъ Фрицъ, было чистѣйшимъ вздоромъ и только доказало его прямодушную натуру.

— Все это прекрасно,—выговорилъ я, наконецъ,—но вы мнѣ не сказали, въ чемъ дѣло.

— Вотъ!... Вы поймете!..

И, вынувъ изъ кармана, онъ протянулъ мнѣ листокъ почтовой бумаги. Я развернулъ и прочелъ:

«Manana, por la manana, di diez hasta las once en el callejon Idefonzo. Nina del Russo».

Это значило: «Завтра утромъ отъ десяти до одиннадцати въ Кальехонъ Ильдефонсо. Малютка Русскаго».

Назвать самое себя «малюткой»—было соблюденіемъ обычая, но опредѣлять себя мною, назначая свиданіе другому, было настолько характерно, что, кажется, только Испанка на подобное способна.

Я понялъ эту записку по-своему и оцѣнилъ ее лучше, чѣмъ Фрицъ. Чтобы личность, подобная Инкарнасіонъ, рѣшилась на величайшій подвигъ—на написаніе перомъ и чернилами цѣлыхъ двухъ строчекъ, нужно было предположить съ ея стороны особое, дѣйствительно, сильное увлеченіе. Эти, ею написанныя строчки имѣли то же значеніе, что для русской молодой дѣвушки сразу рѣшиться пройти версть сто пѣшкомъ.

И, конечно, далъ моему Фрицу разрѣшеніе отправляться на свиданіе, а самъ болѣе или менѣе благоразумно и спокойно примирился со своимъ положеніемъ. Положеніе это было нѣчто вродѣ чиновника, уволеннаго со службы по прошенію, коего онъ не подавалъ, при этомъ, вдобавокъ, безъ мундира и пенсіона и безъ всякихъ другихъ околичностей, *sans doger la pilule*.

Однако, я думаю, что былъ все-таки оскорбленъ и пристыженъ, потому что не рѣшился слова пикнуть моему Французу, боясь его раскатистаго гомерическаго хохота. Вѣдь, я же все увѣрялъ, что у меня маленькій романъ, а онъ увѣрялъ, что это пошлый водевиль.

И теперь оказывалось, что Французъ правъ, а мнѣ оставалось одно утѣшеніе — объяснять и опредѣлять поведеніе Инкарнасіонъ, называя ее *Manon Lescaut*.

Въ слѣдующіе дни мое положеніе показалось мнѣ еще глупѣе. На Аламеду я въ тотъ день не пошелъ, вечеромъ, конечно, тоже не пошелъ въ гости къ моей измѣнницѣ, а между тѣмъ на моихъ глазахъ за обѣдомъ не сидѣлъ, а ежился мой Фрицъ. Какъ ни старался онъ придать себѣ обыкновенный видъ, это ему не удавалось. Онъ былъ слишкомъ счастливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смущался этому счастью, какъ бы чувствуя, что я догадываюсь о результатѣ его свиданія въ калъехонѣ.

Должно ему отдать честь, что дня черезъ три онъ совсѣмъ пропалъ, и я его не видалъ. Очевидно, онъ старался избѣгать меня. Я былъ очень благодаренъ ему. Другой бы церемониться не сталъ и, смѣясь, рассказалъ бы все и Французу.

Прошло еще дня четыре, и я по малодушію собрался отправиться вечеромъ... Уже не въ гости, а подглядывать, чтобы вполнѣ убѣдиться... Убѣдиться, что Швейцарецъ дежуритъ на plaza de Hercules, чтобы при перемѣщеніи свѣта съ одного окошка на другое подниматься по ступенькамъ террасы. Но, однако, благоразуміе взяло верхъ. «За какимъ чортомъ,—рѣшилъ я,—отправляться убѣждаться въ томъ, въ чемъ и безъ того убѣжденъ!»

XIII.

Вотъ, ⁵казалось бы, и конецъ маленькому роману!

Да, при условіи, чтобы онъ происходилъ въ Россіи, во Франціи или гдѣ угодно въ Европѣ, только не тамъ, гдѣ бываетъ сплошь и рядомъ нѣчто, чего объяснить нельзя и что именуется терминомъ «Cosas de España». И иначе, какъ этимъ, ничего не говорящимъ, терминомъ и отвѣчать нельзя. Если хорошо перевести «Косась де Эспанья» по-русски, то надо сказать: «А чортъ его знаетъ, что это такое!..» Это будетъ вольный, но вѣрный переводъ.

Однажды, сидя въ своемъ номерѣ уже часовъ въ одиннадцать вечера, я разсѣянно читалъ какую-то книгу и одновременно размышлялъ о превратности судьбы въ мірѣ семъ вообще и о странностяхъ человѣческой природы въ особенности. Давно ли я не придавалъ никакой особой цѣны моему маленькому роману и возможности проводить вечера съ красавицей Инкарнасіонъ, подумывалъ даже, что не слѣдъ затягивать глупую исторію и слѣдъ собираться уѣзжать, — и вдругъ теперь я сижу съ кислою фізіономіей и сожалью, досадую, ревную, пожалуй, даже отчасти грустенъ.

Что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ! Есть такая глупая поговорка, но вмѣстѣ съ тѣмъ она изумительно вѣрна.

Итакъ, среди тишины, царствовавшей въ гостиницѣ и кругомъ нея, такъ какъ городъ, за исключеніемъ влюбленныхъ или novios, уже давно спалъ, вдругъ раздались въ корридорѣ голоса, какой-то шумъ, даже бѣготня... Въ головѣ моей по неволѣ мелькнула мысль: «не пожаръ ли?»

Говоръ все усиливался, количество голосовъ прибавлялось... Наконецъ, раздался громкій голосъ моего гасконца, говорящаго по-испански:

— Правда ли?.. Это невозможно! Не можетъ быть!

Затѣмъ, въ ту минуту, когда я собирался уже выйти въ корридоръ и на лѣстницу и спуститься въ нижній этажъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, за моею дверью раздались быстрые шаги. Дверь распахнулась, такъ что чуть-чуть не попала мнѣ въ голову, а Прансакъ, влетѣвшій ко мнѣ, какъ вихрь, чуть не сбилъ меня съ ногъ.

— Представьте... Это ужасно! Нашъ Принцъ зарѣзанъ! Egorgé! Entendez-vous! Egorgé comme un chien!

— Гдѣ?.. Что?!. Какъ!..—закричалъ я, какъ предполагаю теперь, потому что былъ настолько перепуганъ, что не помню, что кричалъ.

Мнѣ кажется, что, случись подобное въ Швейцаріи, я бы меньше взволновался, такъ какъ мой Фрицъ былъ бы у себя на родинѣ. А здѣсь мы всѣ были какъ бы соотечественники, были какъ-то солидарны, ибо были равно „estranjeros“ и равно чужды окружающему.

Вполнѣ придя въ себя, я снова спросилъ:

— Какимъ образомъ? на улицѣ? грабителемъ?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Прансакъ.—Въ какомъ-то домѣ! Ничего еще неизвѣстно... Прибѣжали сюда сказать хозяевамъ... Онъ самъ послалъ... Стало быть, еще живъ. Но что же это? Неужели это новое любовное приключеніе? Соперникъ? Не можетъ быть! Не вѣрю я... Или раненъ слегка, а не зарѣзанъ...

И затѣмъ, какъ самую простую подробность, Прансакъ прибавилъ:

— Въ домѣ какомъ-то... На маленькой этой plaza de Hercules! Знаете ее?..

— De Hercules!..—заоралъ я такъ, что Французъ остолбенѣлъ и стоялъ истуканомъ, глядя на меня.

— Что же?—изумившись, произнесъ онъ.

— Площадка Геркулеса?—повторилъ я еще раза три себѣ самому, затѣмъ отошелъ и сѣлъ.

Ноги у меня буквально подкашивались. Я закрылъ лицо руками и былъ въ состояніи такого ужаса, который передать нельзя.

Мнѣ сразу все стало ясно... И стало ясно нѣчто самое мудреное, запутанное и необъяснимое, нѣчто такое, чему именно имя: Cosas de España...

Ничего еще не зная, я зналъ навѣрное, что бѣдный Принцъ зарѣзанъ этимъ братомъ... Этимъ майоралемъ... И стало быть?.. Что?!

— Стало быть я-то... Я-то!.. — испуганно произносилъ я вслухъ, конечно, по-русски.

— *Qu'avez-vous?*—повторялъ Прансакъ.

И, сѣвъ около меня, онъ дергалъ меня за руку, удивляясь, что я настолько пораженъ извѣстіемъ.

— Я понимаю... Этотъ бѣдный малый! Се *raucge garçon!* Но все-таки онъ намъ чужой. Что же вы это? Однако, какое у васъ доброе сердце!

Очнувшись, я выговорилъ:

— Пойдемте туда сейчасъ. Къ нему! Быть можетъ, рана не опасна. Мы можемъ помочь. Вѣдь, здѣшніе доктора — коновалы, и мы, не будучи врачами, можемъ быть полезны.

— Конечно! Отличная мысль! Сейчасъ! Двигаемся! *En route, en route!*

Французъ поднялся и быстро пошелъ къ себѣ. Я тоже, надѣвъ шляпу, вышелъ на лѣстницу, но былъ настолько взволнованъ, что ничего, казалось, не видѣлъ и не понималъ. Я спустился внизъ, не дожидаясь Прансака, но онъ догналъ меня, и мы быстрыми шагами направились къ площадкѣ Геркулеса. Но вдругъ навстрѣчу намъ изъ-за угла появилась цѣлая кучка людей. Впереди несли фонарь невѣдомо зачѣмъ, такъ какъ ночь была ясная, даже яркая отъ полной луны.

Эта кучка людей, перекликающихся, будто спорящихъ, какъ-то толкущихся и пихающихся на ходу, врѣзалась у меня въ памяти своею мрачно-дикой, уродливо-ужасною обстановкой.

Сойдясь, мы разглядѣли пять человѣкъ, которые несли тѣло. Остальные шли около. Слышались тихіе, но ужасные стоны. И стоналъ знакомый голосъ...

У меня не хватило храбрости глянуть въ лицо бѣднаго юноши. Когда, пропустивъ кучку, я двинулся вслѣдъ за всѣми, Прансакъ появился, нагнулся ко мнѣ и шепнулъ:

— *C'est fini...* Конечъ!.. Вы видѣли?

Я молча мотнулъ головой.

XIV.

Доскажу кратко...

Бѣдный молодой человѣкъ, почти юноша, умеръ на другой день утромъ, послѣ ужасныхъ мученій. Рана его была страшная и безобразная. Испанская! Онъ былъ раненъ навахой въ животъ.

Этотъ способъ убійства, говорятъ, существуетъ въ Испаніи съ первыхъ дней ея существованія и, по всей вѣроятности, это тоже наслѣдіе Мавровъ. Подобныя раны навахами отличаются отъ другихъ тѣмъ, что на десятокъ—девять смертельныхъ. Ножъ, широкій съ узкимъ концомъ, кривой, всегда острый какъ бритва, распарываетъ животъ и кромсаетъ внутренности.

Разумѣется, майораль Лопэсъ тотчасъ былъ арестованъ, и всё, единогласно и наивно рѣшивъ, что онъ будетъ судимъ, рѣшили, что врядъ ли онъ будетъ строго осужденъ. Это не убійство. Это месть за сестру. Вдобавокъ, онъ нашелъ его въ собственномъ домѣ. Иностранецъ обезчестилъ его жилище.

Поэтому онъ можетъ быть осужденъ въ тюрьму на годъ или года на три при строгости суда, но уже на каторгу никакъ не попадетъ.

— А «винья» Инкарнасіонъ? Она что?..—является вопросъ.

Не знаю... У меня не хватило духа повидаться съ нею. Я даже забылъ о ней, думая о несчастномъ красавцѣ Швейцарцѣ, который пришелъ гулять въ кальехонъ Ильдефонсо и былъ представленъ красавицѣ...

Не приди, былъ бы живъ.

Но тогда Русскій — что же? Русскій, сердившійся на комедию и лицедѣевъ—брата съ сестрой—и обижавшійся, что его хотятъ морочить?..

Русскій поѣхалъ бы въ Севилью, потомъ вернулся бы, застрѣлъ въ городкѣ и непременно какъ-нибудь собрался бы доказать майоралю и виньѣ, что его не проведешь... И доказалъ бы, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходи.

Впрочемъ, какъ часто въ жизни видишь, что тамъ, гдѣ пахнетъ драмой — одна комедія, а гдѣ чудится глупый водевиль—близится роковая развязка и катастрофа.

ПАНДУРОЧКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСѢАЗЪ.

A roué, roué et demi!

Поговорка.

I.

Верстахъ въ тридцати отъ города Кирсанова, въ глухомъ мѣстѣ, съ трехъ сторонъ окруженномъ дремучимъ лѣсомъ, стояла усадьба Кузьминка. Барскій домъ и надворныя строенія помѣщика средней руки отличались тѣмъ, что были совсѣмъ новые, какъ бы съ иголки.

Кузьминка не была стариннымъ родовымъ имѣніемъ. Два года тому назадъ на этомъ же мѣстѣ былъ лишь поселокъ въ четыре двора и полная лѣсная глушь, гдѣ зимою бродили волки стаями.

Капитанъ пандурскаго полка въ отставкѣ, Кузьма Васильевичъ Карсановъ, купилъ у товарища по полку пятьдесятъ душъ крестьянъ и сталъ строиться, но не тамъ, гдѣ была деревня, а въ шести верстахъ отъ нея, на клочкѣ земли, принадлежавшемъ къ тому же имѣнію, и гдѣ былъ выселокъ въ одиннадцать душъ.

Здѣсь пандурскій капитанъ быстро выстроилъ домъ и службы, разумѣется, умышленно выбравъ глухое мѣсто. Обстоятельства его жизни сложились такъ, что онъ искалъ полного уединенія.

Пандуръ, сдѣлавшій три компаніи, отличившійся во всѣхъ встрѣчахъ съ непріателемъ, а дрался онъ и съ нѣмцемъ, и съ

туркой, и со шведомъ, былъ два раза раненъ и уже пятидесяти шести лѣтъ вышелъ въ отставку. Разумѣется, Кузьма Васильевичъ—бравый офицеръ, воинъ по призванію и склонностямъ характера, остался бы служить царицѣ до послѣдняго издыханія, если бы въ его жизни не приключилось нѣчто чрезвычайное.

Всю свою жизнь капитанъ училъ солдатъ военному артикулу, почти всю жизнь воевалъ, начавъ военное поприще еще во дни императрицы Елисаветы, и ни разу за всю свою жизнь не позволилъ себѣ увлечься чѣмъ-либо постороннимъ военному дѣлу. Что касается до женщинъ, то онѣ для капитана совсѣмъ не существовали. Когда ему говорили про прекрасный полъ, онъ отвѣчалъ, брюзжа:

— По-моему, его бы звать «подлый полъ»!

И капитанъ горячо доказывалъ, что всѣ гадости на свѣтѣ происходятъ отъ женщины.

— Кабы не баба—на землѣ бы рай былъ, какъ на то указываетъ священное писаніе.

— Что вы! Что вы! Откуда вы это взяли?—изумлялись себе сѣдники.

— Посудите,—объяснялъ Карсановъ совершенно серьезно.—Первая же уродившаяся на свѣтѣ женщина—наша праматерь Ева, какъ только ступила первый шагъ въ рай, такъ сейчасъ же съ чортомъ связалась. Сказывается въ священномъ писаніи, что якобы это былъ змій. Это такъ... иносказательное повѣствованіе. Это былъ ея пріятель, съ которымъ она мужа обманывала. За это ее Господь и выгналъ вмѣстѣ съ супругомъ изърая, иначе сказать, рай исчезъ, и они просто очутились на землѣ.

Когда капитану доказывали, что въ тѣ поры помимо Адама не было ни единого другого человѣка на свѣтѣ, то капитанъ объяснялъ:

— Я же вамъ и не говорю, что это былъ человѣкъ, а чортъ въ видѣ молодого человѣка. И вотъ отъ него-то Каинъ и родился, отъ него-то и пошло въ мірѣ зло. Второй сынъ былъ отъ Адама. И вотъ хорошіе люди—потомки Авеля, дурные люди—потомки Каина. И въ этихъ двухъ потомствахъ добро и зло и борются между собой.

Цѣлая исторія, даже цѣлая теорія имѣлась у Карсанова на этотъ счетъ. Впрочемъ, не онъ самъ ее придумалъ, а передавалъ со словъ своего друга, одного архимандрита.

— Нѣтъ на свѣтѣ ни единой женщины честной, нѣтъ ни единой супруги вѣрной. Всѣ въ праматерь свою! — добавлялъ капитанъ.

Когда Карсанову было уже за сорокъ лѣтъ, онъ былъ извѣщенъ, что его товарищъ и другъ, убитый на войнѣ, назначилъ его по завѣщанію своимъ душеприказчикомъ, да вдобавокъ опекуномъ дочери-крошки лѣтъ двухъ.

Дѣлать было нечего. Пандуръ занялся дѣлами и дѣвочкой сиротой. Разумѣется, онъ оставался въ полку и заглазно управлялъ ея маленькимъ имѣніемъ въ Воронежской губерніи, а ее самое тоже заглазно передалъ на воспитаніе и попеченіе своей дальней родственницѣ. И только спустя десять лѣтъ, посланный по дѣламъ службы въ Воронежъ, онъ заѣхалъ поглядѣть на свою питомицу.

Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка удивила капитана. Она была и красива, и умна, и бойка удивительно, только черезчуръ мала. Ей казалось лѣтъ семь или восемь, такъ что если еще и подрастетъ немножко, то все-таки будетъ карлицей.

Однако, проживъ мѣсяцъ у родственницы, старикъ пандуръ привязался къ сиротѣ. Вернувшись въ полкъ, онъ чаще писалъ старухѣ, чаще справлялся о питомицѣ, а черезъ два года опять поѣхалъ въ Воронежъ уже исключительно за тѣмъ, чтобы поглядѣть, подрасла ли маленькая Аннушка. Оказалось, что дѣвочка подрасла, стала еще красивѣе и умнѣе и еще бойчѣе. Но ростомъ... чутъ не бирюлька!

Въ этотъ пріѣздъ Карсановъ пробылъ мѣсяца два и окончательно привязался къ Аннушкѣ, не отходилъ отъ нея ни на шагъ, но, однако, странное, не отеческое чувство овладѣло имъ.

За нѣсколько дней до того, какъ приходилось снова возвращаться въ полкъ, семидесятилѣтняя старушка родственница объяснила Кузмѣ Васильевичу, что ему придется озаботиться судьбой питомицы больше, чѣмъ когда-либо: придется ее взять къ себѣ.

— Зачѣмъ, матушка сестрица?

Капитанъ всегда величалъ такъ родственницу.

Старушка объяснила:

— Я умирать собираюсь и скоро. Стало быть, лучше бы вамъ ее съ собой теперь же взять.

На рѣшительный отказъ Карсанова старушка настаивала, говоря, что съ кѣмъ же дѣвочка останется, когда она помретъ,

Капитанъ объяснилъ старушкѣ, что она можетъ еще прожить смѣло лѣтъ десять-пятнадцать. Старушка обидѣлась:

— Что же ты меня за лгуню что ли считаешь? Говорю я вамъ, черезъ недѣлю Богу душу отдамъ. Я, слава Богу, никогда во вралихахъ не была.

Капитанъ пересталъ спорить, но все-таки продолжалъ собираться въ дорогу. Видя это, старушка настояла, чтобы родственникъ обождалъ до слѣдующаго вторника.

— Да зачѣмъ, матушка сестрица?

— А зачѣмъ, батюшка братецъ, что подъ вторникъ или въ самый во вторникъ на зарѣ я помру. Ты меня похоронишь, а Аннушку съ собой увезешь по-неволѣ.

«Ну, старуха, — думалъ капитанъ, — упряма!»

Нечего дѣлать, пришлось остаться Карсанову до вторника, надѣясь, что старуха его не заставитъ ждать опять своей предполагаемой смерти до слѣдующаго вторника, и что можно будетъ выѣхать. Однако, Карсановъ ошибся.

Пришелъ вторникъ. Старушка была въ добромъ духѣ и послѣ полудня, сидя и вышивая въ пяльцахъ, кротко пересмѣивалась съ сидѣвшей около нея дѣвочкой. Обѣ онѣ были заняты важнымъ дѣломъ: работали на перегонки. Аннушка наматывала клубокъ шерсти, а старушка доканчивала какой-то листокъ по канвѣ. Ради шутки онѣ условились, что кто кого перегонитъ, выиграетъ крымское яблочко. Бойкая и шустрая Аннушка слѣшила изъ всѣхъ своихъ силъ размотать шерсть, чтобы обогнать бабушку и получить румяное яблочко, соблазномъ лежавшее на столѣ.

— Готово! — воскликнула она, наконецъ, вскочивъ съ мѣста и держа клубокъ надъ головой.

— Умница! — произнесла твердо старушка. — Но вотъ... Вот и у меня... — тише сказала она, выпрямляясь отъ пялецъ и прислоняясь къ спинкѣ своего кресла.

Аннушка поглядѣла... И дѣйствительно, зеленый листикъ былъ тоже оконченъ.

— А все-таки же я первая! — вскрикнула она.

Бабушка ничего не отвѣчала. Аннушка испугалась: «неужели бабушка надуетъ, заспорить!»

— Вѣдь я? Я? — опять спросила дѣвочка, но бабушка продолжала сидѣть молча и глядя на нее какими-то чудными глазами. Потомъ она склонила голову на бокъ, да какъ-то удиви-

тельно. Голова все повисала и повисала и такъ совѣмъ повисла, что ухомъ почти легла на плечо.

Старушка доказала въ послѣдній разъ, что никогда во вралихахъ не была.

Послѣ похоронъ волей-неволей капитанъ, смущаясь, все-таки взялъ питомицу и съ ней вмѣстѣ выѣхалъ въ полкъ.

II.

Поселившись вдвоемъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ стоялъ пандурскій полкъ, Кузьма Васильевичъ и крошечная Аннушка зажили весело и обожали другъ друга. Капитанъ въ питомицѣ души не чаялъ, она же любила его не меньше своихъ куколъ и звала «Кузинькой», причемъ цѣловала его всякій день столько же, сколько и свою любимицу, фарфоровую Машу во французскомъ платьѣ, которую ей выписалъ капитанъ изъ Москвы, уплативъ цѣлыхъ десять рублей. Не даромъ Маша на кораблѣ въ Питеръ пріѣхала и оттуда въ Москву попала.

Не прошло, однако, и году, какъ Карсановъ получилъ свой «абшидъ», но по собственному желанію. Онъ выѣхалъ съ питомицей въ дальній путь, черезъ мѣсяцъ былъ въ городѣ Карсановѣ и уже покупалъ маленькое имѣніице. Капитанъ рѣшилъ, что ему, Карсанову, надо жить въ Карсановѣ или по близости. Но здѣсь произошло главное событіе его жизни: онъ женился на своей питомицѣ, которой еще не хватало двухъ мѣсяцевъ до полныхъ пятнадцати лѣтъ.

Когда Кузьма Васильевичъ разъяснилъ Аннушкѣ, какимъ способомъ она можетъ его осчастливить, и сдѣлалъ ей предложеніе, то она бросила куклы и прыгала чуть не до потолка. Выйти замужъ, да еще вдобавокъ за «Кузиньку», ей представлялось такимъ веселымъ, такимъ прелестнымъ, что занятіе, конечно, ничего не выдумаешь.

— А долго это будетъ продолжаться?—спросила она.

— Что такое?

— А вотъ, наша свадьба?

— Самая свадьба около часу.

— А потомъ, я долго буду вашей супругой?

— Всю жизнь.

— И меня барыней будутъ звать, Анной Семеновной?

— Понятное дѣло.

— И тоже на всю жизнь?

— Тоже.

— На всю жизнь!—воскликнула Аннушка и стала прыгать еще пуце.

Справивъ скромно свою свадьбу въ городѣ Кирсановѣ, капитанъ занялся устройствомъ своего будущаго мѣстожителства. Стройка пошла быстро, и осенью онъ уже переѣхалъ въ новую усадьбу, при которой только еще не было службъ.

И вотъ теперь минуло уже почти два года съ тѣхъ поръ, что капитанъ женился на пятнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, которой тогда на видъ можно было дать и двѣнадцать. Теперь Аннушка стала немножко повыше и немножко круглѣе, но все-таки при своей миниатюрности съ трудомъ могла въ глазахъ всякаго почестья замужней женщиной. Диковинно она была мала.

Однако, за эти два года много воды утекло. Анна Семеновна начала скучать среди лѣса дремучаго, изрѣдка плакать и убиваться, собираясь бѣжать то въ монастырь, то на край свѣта, а чаще всего въ прорубь рѣчки за садомъ. Капитанъ волновался, тревожился, боялся этихъ угрозъ, такъ какъ притворства въ Аннушкѣ не было. И несмотря на то, что онъ былъ страшно ревнивъ, онъ рѣшился нѣсколько разъ выѣхать съ женой изъ своего гнѣзда въ Тамбовъ, а два раза въ Москву, и наконецъ, однажды объѣзжалъ женѣ вскорѣ собраться къ святымъ угодникамъ въ Кіевъ помолиться о дарованіи имъ потомства.

Эти путешествія перевоспитали маленькую капитаншу, принесли ей пользу, а капитану одинъ вредъ, ибо послѣ каждаго путешествія Аннушка еще болѣе скучала въ усадьбѣ среди лѣса. Понятно, что она кое-что сообразила, сначала неясно, потомъ яснѣе, и стала досадовать на себя. Вспоминая, какъ прыгала она при извѣстїи, что выйдетъ замужъ за Кузьму Васильевича и станетъ барыней, она понемногу пришла къ раскаянію, пеняла на него и на себя, а вскорѣ начала втихомолку плакать горько и неутѣшно. Теперь она уже отлично поняла все, понимала, что не только не слѣдовало ей никогда выходить за Кузьму Васильевича, но и ему, старику, не слѣдовало и даже грѣхъ было на ней жениться, будучи на сорокъ лѣтъ старше ея.

Состоявшаяся среди лѣта поѣздка въ Кіевъ подлила масла въ огонь. Не до молитвы было Аннушкѣ. И наконецъ, къ довершенію всѣхъ золъ, особый случай по дорогѣ изъ Кіева обратно домой, окончательно пересоздалъ капитаншу, если не совсѣмъ съ ума свелъ. Да и было отчего...

Верстахъ въ семидесяти отъ Кіева они должны были остановиться по-неволю на станціи среди степи. Тутъ было много народа, съѣзжихъ съ двухъ концовъ дворянъ. Всѣ застряли. Лошадей почтовыхъ никому не давали, такъ какъ ожидался проѣздъ главнокомандующаго русской арміей по пути въ предѣлы турецкіе. Ёхалъ самъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ!

Капитанша несказанно рада была увидѣть знаменитаго вельможу, про котораго мужъ много и часто рассказывалъ ей. Самъ Карсановъ былъ тоже очень доволенъ неожиданнымъ случаемъ представиться и даже представить жену, благодаря исключительной обстановкѣ и особымъ, все упрощавшимъ обстоятельствамъ. Въ маленькой деревушкѣ среди степи какой же можетъ быть этикетъ?

И дѣйствительно, при появленіи на станціи именитаго и славнаго любимца государыни, заслуженный пандуръ не только представился съ женой, но былъ обласканъ вельможей и приглашенъ въ числѣ прочихъ проѣзжихъ дворянъ къ столу, то-есть къ завтраку, который былъ, конечно, сервированъ такъ, какъ если бы всѣ находились въ Петербургѣ, а не среди степи. Не только дивная посуда и серебро явились, какъ по манію волшебника, не только угощеніе было по-царски роскошно, но даже всякія рѣдкія заморскія вина полились рѣкой. Не даромъ за экипажемъ вельможи двигалась цѣлая вереница фургоновъ съ прислугой и провіантомъ. Но этого мало. Свѣтлѣйшій почему-то посадилъ около себя именно капитаншу и угощалъ ее предпочтительнѣе, и любезничалъ съ ней сугубо.

Старый пандуръ, какъ ревнивецъ отъ природы, сидя нѣсколько въ отдаленіи, приглядывался и краснѣлъ отъ удовольствія, но и отъ боязни, что жена будетъ очарована. Онъ, конечно, не зналъ, да и никто на его мѣстѣ не могъ бы предположить, что вельможа, падкій на прекрасный полъ, остановился здѣсь лишніхъ два-три часа исключительно за тѣмъ, чтобы полюбезничать съ женщиной крошкой. А крошка эта именно сразу ему сильно приглянулась своей рѣдкой миниатюрностью, и онъ ее прозвалъ уже тотчасъ «пандурочкой».

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ ревновать было нельзя—и неудобно, и бессмысленно. Благоклонность вельможи не могла быть истолкована въ дурную сторону, такъ какъ черезъ часъ-два вельможа двинется далѣе, по пути... чуть не край свѣта, во всякомъ случаѣ на край Россіи, къ границѣ Турціи.

Приближенные князя знали и понимали больше пандурскаго капитана и крошечной капитанши. Они знали, что завтрак на этой станціи не предполагался, и что его вдругъ по неожиданному приказу кое-какъ съ трудомъ состряпали. Но близкіе люди, и свита, и прислуга, давно привыкли къ своему обожаемому князю и ко всѣмъ его «чудесамъ». Сегодня онъ изъ-за прихоти всѣхъ и все кверху ногами перевернетъ, а завтра самъ удивится и спросить:

«Что такое приключилось? Кто таковое приказалъ? Я же!?... Да что вы на меня все поклепы взводите! Идолы!»

И приближенные сообразили, конечно, тотчасъ, что красивая и крошечная, не то женщина, не то куколка, оказавшаяся 17-ти лѣтней капитаншей, женой пандурскаго офицера съ шестымъ десяткомъ лѣтъ на плечахъ, заинтересовала среди тоски и однообразія дальняго пути ихъ всевластнаго и прихотливаго повелителя.

— Вотъ такъ пандурочка!—воскликнулъ онъ.—Никогда еще такой крохотули не видалъ. Тринадцать лѣтъ дать нельзя. Подавать завтракъ. Поспѣемъ. Турка отъ насъ не уйдетъ!

И около станціоннаго дома на лугу вдругъ состоялось пированіе. Всѣхъ дворянъ позвали къ столу, но «стола» не было, ибо такого большого, на тридцать человекъ, никогда въ этихъ краяхъ и не бывало. На травѣ были разостланы ковры, и всѣ усѣлись кругомъ, какъ кто могъ удобнѣе и вѣжливѣе.

— Не бойсь, государи мои!—воскличалъ весело хозяинъ, радушный и привѣтливый.—Не стѣсняйте себя... Турки завсегда такъ кушаютъ... Ноги подъ себя, а не на бокъ. Вотъ такъ...

Приглашенная Анна Семеновна Карсанова, сидѣвшая на коврѣ около могучей фигуры князя, казалась совсѣмъ такой куколкой, которую онъ могъ бы легко спрятать у себя за пазухой. Долго ли продолжался завтракъ, и что говорилъ ей вельможа, какъ и о чемъ онъ шутилъ, капитанша не помнила, потому что была, какъ въ чаду.

Она очнулась вполне только тогда, когда все, какъ навoждение какое-то мимолетное,—вдругъ исчезло изъ глазъ ея, а сама она сидѣла въ тарантасѣ около мужа... А кругомъ была пустота, голая степь.

Гдѣ же этотъ красавецъ-великанъ, его чудные глаза и чудный голосъ, проникающіе въ сердце, волнующіе его какой-то еще неизвѣданной сладостью. Неужели это больше никогда не повторится? Да и было ли оно?

Встрѣча съ именитымъ вельможей, который обладалъ даромъ очаровывать всѣхъ женщинъ безъ исключенія, разумѣется, сдѣлала то, что пандурочка, вернувшись въ свою глушь — въ Кузьминку, среди дремучаго лѣса, окончательно стала чахнуть. Она стала жить воспоминаніями о своемъ путешествіи въ Кіевъ и завтракъ съ вельможей. «Онъ и Кузьма Васильевичъ!» — думала и восклицала она наединѣ.

Разумѣется, теперь она знала уже вѣрно, что ея собственное существованіе — каторга. Остается ей лишь одно: скорѣе руки на себя наложить.

И это случилось бы, если бы не появилась старая Макарьевна, толстая и здоровенная женщина, вольноотпускная, побывавшая въ Москвѣ въ няняхъ, и такая умная, передъ которой Кузьма Васильевичъ самъ пасовалъ. Видавшая всякіе виды, знавшая, какъ люди живутъ на свѣтѣ, Макарьевна разсуждала не хуже любой важной дворянки-помѣщицы.

Себѣ на шею и какъ на грѣхъ нанялъ ее теперь капитанъ въ Тамбовѣ, чтобы супругѣ было съ кѣмъ душу отвести въ бесѣдахъ. И Аннушка немного ожила.

За одно только слово сразу полкубила она старуху. Макарьевна сказала ей какъ-то вскорѣ по пріѣздѣ, что Кузьма Васильевичъ Аннушкѣ не въ супруги годился бы, а въ дѣдушки. За этакое золотое слово капитанша, конечно, чрезъ полчаса уже висѣла у нея на шеѣ и цѣловала ея морщинистыя щеки.

Вскорѣ она стала обожать старуху, и обѣ съ первыхъ же дней не разставались ни на минуту.

Однако, Макарьевна сумѣла такъ себя поставить въ домѣ, что если барыня Анна Семеновна ее обожала, то и баринъ Кузьма Васильевичъ тоже ее полюбилъ. Впрочемъ, Макарьевна старалась всегда поглядѣть, хорошо ли и плотно ли приперта дверь ихъ комнаты, гдѣ она съ молодой барыней бесѣдовала шепотомъ и толковала обо всемъ томъ, что творится на свѣтѣ, и о томъ, какъ добрымъ людямъ на бѣломъ свѣтѣ жить слѣдуетъ.

Эти бесѣды шестидесятилѣтней старухи съ молодой женщиною кончались тѣмъ, что обѣ печаловались, какъ мудрена ея, Аннушкина, жизнь. Но подѣлать ничего нельзя. Руки на себя наложить — глупо и рано. Надо другого какого выхода ждать. Жизнь всю такъ прожить нельзя. Все равно отъ тоски зачахнешь и на тотъ свѣтъ уйдешь. Надо терпѣть и ждать. Можетъ, что и навернется. Мало-ль что на свѣтѣ приключается.

Въ сказкѣ не разказать, что наяву, глядь, потрафилось... Таково просто, а міру на аханье.

Однако, Анна Семеновна все-таки постоянно, раза по два въ недѣлю, чтобы душу отвести, грозилась мужу утопиться въ той проруби на рѣкѣ, гдѣ для хозяйства воду берутъ.

III.

Не въ русскихъ предѣлахъ, хотя въ единовѣрной Руси странѣ, ярко бѣлѣется и будто блеститъ маленькій городокъ безъ садовъ, безъ растительности кругомъ, утонувшій среди голой степи, раскаленной солнцемъ, кажется одинокимъ, затеряннымъ, какъ корабль среди моря. Но если пустынно все кругомъ, то въ самомъ городкѣ многолюдство, движеніе. Видъ городка совершенно необычайный, какимъ онъ не можетъ быть всегда, а можетъ быть только временно, вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Дѣйствительно, обстоятельства эти не заурядныя—война.

Въ городкѣ главный штабъ побѣдоносной арміи. А какой и чей штабъ? Главнокомандующаго князя Потемкина.

Въ небольшомъ, но все-таки самомъ большомъ домѣ городка тѣснится, движется и суетится настоящій муравейникъ, но не сѣрый, а яркій, сіяющій, всѣхъ цвѣтовъ радуги, и блеститъ въ лучахъ солнца, пылающаго надъ окрестностью и всей южной страной.

Десятки и даже вся сотня разнообразнѣйшихъ мундировъ придаетъ этой суетнѣ особый отпечатокъ чего-то высокаго, едва достижимаго для всѣхъ обывателей. Еще сѣрѣе, убожѣе кажутся эти обыватели, въ числѣ которыхъ нѣтъ русскихъ. Тутъ и турки, и молдаване, и евреи.

Въ уютной комнатѣ этого дома лежитъ на диванѣ въ одномъ легкомъ халатѣ изъ шелковистой ткани большой и грузный человѣкъ съ босыми ногами, съ обнаженной грудью и съ голыми руками, потому что рукава по плечи засучены.

Уже дня четыре валяется онъ такъ...

Жара и духота измучили его. Но главное не въ этомъ. На него напала обычная періодическая хворость. Имени ей нѣтъ, и назвать ее нельзя, объяснить тоже нельзя, можно только разказать. Хворость въ томъ, что нигдѣ не болитъ, тѣло едорово, но духъ томится, изнываетъ. Если болитъ что, такъ

развѣ сердце, да и не болить, а болѣть о себѣ, о другихъ, обо всемъ мірѣ.

«Не стоитъ жить на свѣтѣ! Все суета. Марев! Умереть страшно, а то ни за что бы жить не сталъ. Люди глупы и злы; друзья—одни предатели; враги неумолимы и безпощадны. Одна надежда на нее, да и она—человѣкъ. И она—самодержица надъ миллионами, сама подвластна невидимкѣ — клеветѣ. Не стоитъ жить и, пожалуй, лучше умереть! Стоитъ прожить еще самую малость, чтобы успѣть уничтожить полумѣсяцъ, выгнать турокъ изъ Европы, снова назвать Константинополь Царьградомъ и, отворивъ его русскимъ войскамъ, положить основаніе новому византійскому царству съ новымъ царемъ Константиномъ, ея внукомъ, теперь младенцемъ. Только изъ-за этого и стоитъ еще немного прожить, а то бы сейчасъ умеръ съ охотой».

Такъ разсуждаетъ, хвораая, тоскуя и мучась духомъ, всемогущій вельможа, Григорій Александровичъ Потемкинъ. Отъ этой хворости нѣтъ лѣкарствъ. Надо обождать, чтобы немощъ сама прошла.

Между тѣмъ, пока валяется онъ на диванѣ, все стало кругомъ, нѣтъ отвѣта ни на какой важный вопросъ. Изъ дома не выходитъ и не уѣзжаетъ ни одинъ курьеръ, тогда какъ этихъ курьеровъ во многихъ мѣстахъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Даже иная осажденная крѣпость непріятельская еще держится, еще не взята штурмомъ, потому что Григорій Александровичъ думаетъ о томъ, что не стоитъ жить.

Въ сосѣднихъ комнатахъ, въ маленькой залѣ, на лѣстницѣ и вокругъ крыльца на улицѣ, вся эта залившая домикъ толпа, пестрая, разноцвѣтная, золотая и серебряная, кишить муравейникомъ, разсуждаетъ вполголоса или шепчется, или только переглядывается. И у всѣхъ на языкѣ, у всѣхъ даже на лицѣ только одинъ вопросъ:

— Ну, что?

И у всѣхъ только одинъ отвѣтъ:

— Все то же...

— Не прошло еще?

— Нѣтъ, не прошло.

— Что сказываютъ?

— Сказываютъ, еще денегъ-два протянется, не больше.

Четвертая сутки тоже прошли такъ же, но на пятый день около полудня Григорій Александровичъ глядѣлъ еще суровѣе, но менѣе грызъ ногти, рѣже вздыхалъ тяжело, а главное—

приказаль подать чулки и туфли. Стало быть, онъ не будетъ больше лежать, а будетъ снова по своей комнатѣ. Это начало выздоровленія. Будетъ еще одинъ «встрясъ» быстрый и бурный, какъ всегда, но зато уже, какъ послѣднее проявленіе хворости. Этотъ припадокъ, или «встрясъ», какъ выражаются приближенные, всегда внезапенъ, всегда разный, но равно странный или даже диковинный, иногда совершенно непонятный для окружающихъ. Для глупцовъ этотъ финалъ безыменной хворости—самодурство прихотника, но для умниковъ загадка, задача.

Наступилъ шестой день.

— Приказаль подать одѣваться!

— Одѣвается! Одѣвается!

— Прошло. Прошло. Слава Богу!

Слова эти облетѣли домикъ, достигли крыльца и побѣжали по улицамъ городка. И все ожило. Всѣ просіяли.

Одѣвшись, князь сѣлъ въ любимое кресло, пріѣхавшее вслѣдъ за нимъ изъ Петербурга. Онъ задумался, но лицо было ясное.

И чрезъ полчаса закипѣла работа, начались доклады, приемы, указы, подписи и распоряженія государственной важности. Уже въ сумерки, сбывъ дѣло съ рукъ, князь вдругъ ухмыльнулся и приказаль:

— Позвать Девлетку?

Офицера князя Девлета-Ильдишева не оказалось въ залѣ. Посланный разыскалъ офицера на дому, гдѣ онъ обливался въ сараѣ ключевой водой. Молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, съ удивительнымъ искусствомъ въ пять минутъ одѣлся въ полную форму—привычка великое дѣло — и чуть не бѣгомъ пустился къ дому главнокомандующаго.

Не прошло, конечно, полчаса послѣ требованія вельможи, какъ камердинеръ уже докладываль ему:

— Князь Девлетъ Ильдишевъ.

Между тѣмъ молодой князь въ залѣ, окруженный кучкой офицеровъ и двумя генералами, любезно кланялся и здоровался. Его всѣ знали, всѣ любили, потому что, добрый малый самъ по себѣ, онъ, вдобавокъ, съ нѣкоторыхъ поръ начиналъ какъ-будто дѣлать быструю и блестящую карьеру. Всѣ замѣчали, что главнокомандующій все болѣе его къ себѣ приближаетъ, и молодой князь становится будто любимцемъ.

Впрочемъ, этому офицеру какъ бы пристало быть фаворитомъ высокопоставленнаго лица или даже временщика. Если, указавъ на него, объяснить, что онъ фаворитъ всемогущаго

вельможи, то никто бы не удивился, и это благодаря только наружности молодого человека.

Князь Девлетъ-Ильдишевъ былъ настоящій типическій красавецъ христіанско-мусульманскихъ предѣловъ, то-есть кавказецъ по происхожденію. Будучи сыномъ и братомъ двухъ знаменитыхъ красавицъ города Тифлиса, онъ не уступалъ имъ обѣимъ ни въ чемъ, скорѣе дѣлалъ имъ честь. Оригинальный, строго правильный профиль, чистый, матовый цвѣтъ лица, гладко выбритаго, чудные черные глаза съ синими бѣлками, красивое сложеніе и стройность, наконецъ, что-то привѣтливо-доброе и правдивое во взглядѣ и улыбкѣ—все дѣлало изъ князя Девлета настоящаго красавца.

Черезъ минуту офицеръ стоялъ уже на вытяжку у дверей комнаты, гдѣ сидѣлъ въ креслахъ главнокомандующій. Потемкинъ смотрѣлъ на офицера молча и весело улыбался. Ему нравился этотъ молодой, красивый и изящный кавказецъ, вдобавокъ ловкій и смѣтливый, отлично исполняющій всякаго рода порученія.

Видя довольное и веселое лицо князя, офицеръ выговорилъ, тоже улыбаясь:

— Что прикажете, Григорій Александровичъ?

Это обращеніе, часто поражавшее окружающихъ и свидѣтельствовавшее о близости отношеній главнокомандующаго къ офицеру, было, однако, результатомъ простой случайности и простой прихоти.

Однажды, случайно, князь приказалъ офицеру никакъ не титуловать его, такъ какъ это замедляетъ всякій разговоръ, да, наконецъ, и надоѣдаетъ слуху. Онъ приказалъ ему говорить просто «Григорій Александровичъ», безъ всякихъ титулованій и даже избѣгать повторять слишкомъ часто и имя съ отчествомъ.

IV.

Князь, помолчавъ и подумавъ, заговорилъ:

— Скажи, Девлетка, я знаю, ты—красавецъ. Знаю, что прытокъ. Знаю, что дуракомъ не бывалъ, но скажи, бывалъ ты когда въ дуракахъ.

Офицеръ ежился, ибо отвѣчать «не могу знать» было запрещено.

— По сю пору, сдается, еще не бывалъ. Но все же если въ однихъ дѣлахъ я не дуракъ, то въ другихъ дѣлахъ, можетъ, окажусь совсѣмъ дуракомъ.

— Хочу я тебя послать съ порученіемъ важнымъ. И не близко: къ чорту на кулички. То, бишь, вру. Отъ чорта на куличкахъ, гдѣ мы теперь, въ христіанскія мѣста, въ Тамбовскую или Воронежскую губернію. Дорогу найдешь?—улыбнулся Потемкинъ.

— Найду-съ!

— А дѣло справишь мое?

— Какое дѣло? Постараюсь справить всякое. А что Богъ дастъ.

— Надо мнѣ, видишь-ли, привезти сюда російскую луну. Обождавши тамъ, въ Тамбовѣ или въ Воронежѣ, пока не родится новый мѣсяцъ и станетъ подниматься съ земли на небо, въ эту самую пору подпрыгнуть, ухватить его, запрятать въ карманъ и привезти. Хочу я поглядѣть, похожъ ли російскій полумѣсяцъ на здѣшній—турецкій. Можешь?

Офицеръ, уже привышій къ вельможѣ, усмѣхнулся и вымолвилъ:

— Попробую!

— Случалось тебѣ когда мѣсяцъ съ неба хватать и въ карманъ класть?

— Нѣтъ-съ, еще не приходилось. Да это что? Попробую. Только за удачу не отвѣчаю. Впередъ прошу не гнѣваться, если обмахнусь.

Потемкинъ разсмѣялся и вымолвилъ, помолчавъ:

— Вотъ что, голубчикъ Девлетушка, если послать тебя луну ловить, то ты хотя ее и не поймаешь, но за это тебѣ ничего не будетъ. Никто не разсердится на тебя, не побьетъ, не убьетъ и даже не тронетъ. Я даже не трону. А вотъ приходится мнѣ тебя послать за инымъ дѣломъ: словить и украсть нѣкое махонькое красное солнышко. А за это тебя могутъ пришиллить, уходить тѣ, что стерегутъ это солнышко. Не бойшься?

— Никогда ничего не боялся!—быстро, смѣло и какъ-то горделиво отвѣтилъ офицеръ.

— Ну, такъ слушай, Девлетка! Расписывать не стану, скажу кратко. Стало, всякое слово лови и зарубай на носу. Былъ я проѣздомъ изъ Питера среди степей Малороссіи, пріѣхалъ на станцію, гдѣ изъ-за меня видимо-невидимо въ дорогѣ народу

сидѣло. Кто изъ-за нехватки лошадей, потому что всѣхъ забрали подѣ меня, а кто изъ-за любопытства поглядѣть на Гришку Потемкина. Ну, вотъ я на этой станціи лошадей тотчасъ не перемѣнилъ, а остался на цѣлыхъ три часа кушать и бесѣдовать. Всѣхъ дворянъ пригласилъ къ себѣ и угощалъ среди поля около станціоннаго дома. Да. Вотъ сказалъ, что расписывать не буду, а самъ принялся, какъ баба, къ дѣлу примѣшивать пустяковину. Слушай. Промежъ дворянъ былъ пандурскій капитанъ въ отставкѣ, съ женой. Пойми, глупый! Онъ у нея въ отставкѣ, а не она у него. И любопытны показались они мнѣ! Ему подѣ шестьдесятъ, а она, ей-ей, писаная красавица. Думалъ я—дочь, а то и внучка, а она—законная жена. А ей хотъ и семнадцать лѣтъ, а уже года два замужемъ. Вотъ изъ-за нея я и угощалъ дворянъ, а угощая ихъ, больше все съ пандурочкой бесѣдовалъ. И за это время узналъ я, что она смотритъ на капитана и на свое супружество, какъ волкъ, прикормленный на деревнѣ, въ лѣсъ смотреть. Понялъ я изъ нашихъ бесѣдъ съ нею, что не только ко мнѣ согласится она убѣжать, а хотъ къ кому ни на есть. Такъ ей сладко. Хотѣлъ я тогда же, позапоздавъ на станціи, приказать ее выкрасть. Да тутъ прискакалъ курьеръ изъ Петербурга и привезъ отъ государыни такое письмо, что было не до пандурскихъ супружницъ. А затѣмъ изъ головы выскочило. И вотъ прошлую ночь, во снѣ ли, на яву ли,—навожденіе. Пришла она въ мою опочивальню, плачетъ да говоритъ; «Не хорошо, Григорій Александровичъ. Обѣщались меня изъ-подъ неволи моей высвободить, а сами занимаетесь пустяками разными и о важномъ дѣлѣ не помните. А важное дѣло это, самое важное на Руси, то, что я мучусь съ моимъ капитаномъ...». Точно колдовство или прямо навожденіе. Ну, вотъ, понялъ ты, зачѣмъ я тебя позвалъ?

— Понялъ, Григорій Александровичъ! Съѣздить и выкрасть.

— Вишь, какой пряткій... Этого мало!

— Приказывайте, что еще?

— А еще то будетъ: себя и ее убережъ, доѣхать и доставить. Пандуръ-то этотъ по виду изъ такихъ, что запросто жены никому не уступитъ. Попадешья, онъ тебя пристрѣлитъ, не боясь ни меня, ни Сибири. А ее потомъ изведетъ. И тебя-то мнѣ жаль, да и ее-то жаль. Стало бытъ, не скажывай «съѣздить да выкрасть», а съѣздить, поорудовать съ опаской и, если Богъ поможетъ, то благополучно вернуться, доста-

вить живу и невредиму. Сначала пощи въ Воронежскомъ намѣстничествѣ, потому что я таково туманно помню, что она про Воронежъ говорила больше, а про Тамбовъ меньше. Ну, вотъ...

— Слушаю-сь,—отозвался Девлетъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, видимо, хотѣлъ сдѣлать вопросъ и, быть можетъ, не одинъ, но смущался и какъ-то топтался на мѣстѣ. Онъ не зналъ, что сдѣлать, выходить или рѣшиться спросить.

Потемкинъ понялъ выраженіе лица офицера.

— Ну, сказывай. Чего?

— Обѣ оныя губерніи обширны, Григорій Александровичъ. Если-бъ вотъ вы вспомнили...

— А!.. Тебѣ бы хотѣлось, чтобы всякая губернія была съ наперстокъ. Небось, хочешь у меня спросить, въ какомъ мѣстѣ, близъ какого города и въ какой усадьбѣ или вотчинѣ проживаетъ моя пандурка? Такъ ли?

— Точно такъ!—нѣсколько робко отозвался князь Девлетъ.

— Вишь, какой догадливый! Кабы я это зналъ, такъ давно бы съ этого началъ. Порыщи. Все-таки намѣстничество — не Африка. Въ мѣсяцъ, въ два, а по-моему и недѣлки въ три можешь разыскать. Такой другой пары во всѣхъ намѣстничествахъ быть не можетъ. Онъ капитанъ и пандуръ, и старый, а она крохотуля, писаная красавица и ему во внучки годится. Коли не найдешь, дуракъ будешь. Коли не привезешь, такъ прапоромъ на всю жизнь и останешься, въ люди не выйдешь. А привезешь,—проси, чего хочешь, съ однимъ исключеніемъ— не мое мѣсто, не мою должность главнокомандующаго. Ну, съ Богомъ, въ путь. Буду ждать черезъ мѣсяца два и награду заготовлю...

Когда офицеръ появился снова въ комнатахъ, переполненныхъ свитой, его тотчасъ окружили. Когда же онъ заявилъ, что выѣзжаетъ курьеромъ по важному дѣлу и секретному, все оживилось еще пуще. Стало быть, дѣятельность совсѣмъ пришла, снова начнутся важнѣйшія порученія и приказанія, и снова вслѣдъ за офицеромъ поскачутъ курьеры въ разныя стороны.

Разумѣется, молодой человѣкъ ни слова никому не сказалъ о характерѣ своего порученія и даже не сказалъ, куда ѣдетъ, объяснивъ только, что въ свои предѣлы, російскіе, и по близости Москвы.

Князь Девлетъ Ильдигевъ зашелъ въ канцелярію, спросилъ правителя и наперсника вельможи — Попова. Увѣхъ, не совѣтовавшись съ этимъ человѣкомъ, было неосмотрительно. Василій Степановичъ Поповъ, фаворитъ князя, былъ умный, тонкій и хитрый, но самолюбивый человѣкъ. Онъ былъ во многихъ случаяхъ важнѣе самого князя Григорія Александровича, въ особенности для маленькихъ людей. Его любимая поговорка была: «До Бога далеко... Молись больше святымъ угодникамъ, да приговаривай: моли Бога о насъ. Угодниковъ много, а Богъ-то одинъ. Гдѣ-жъ Ему съ ними...» А главное, не терпѣлъ онъ тайнъ и секретовъ князя съ другими, желалъ все знать, что затѣвается и творится около вельможи.

А князь расскажетъ почти всегда самъ все Попову, такъ лучше раньше забѣжать и рассказать, какое дано порученіе...

— Помню, помню эту карлицу!—заявилъ Поповъ на объясненіе Давлета.—Смазливенькая. Да и диковинно мала. Такъ мала, что ужъ совсѣмъ бы не для нашего Григорія Александровича. И смѣхъ, и грѣхъ! Ей-Богу.

И онъ началъ смѣяться.

— Этимъ, вѣдь, и понравилась, поди, что совсѣмъ не подхо- дяща. А найти, дорогой мой, будетъ не мудрено. Старый пандуръ съ женой карлицей! Всякій укажетъ. Другой такой пары,—правъ князь,—во всей Россіи не найдется. Только берегись, дорогой, этого пандура. Не укусить, а съѣсть.

— Богъ милостивъ,—отозвался Девлетъ.

— На этакія дѣла не слѣдъ бы и быть ему милостивымъ.

— Да, вѣдь, я не для себя. Свыше приказъ. По службѣ!—извинился Девлетъ.

— Да. Тоже служба!—двусмысленно улынулся Поповъ.

V.

Пандурскій капитанъ, наконецъ, убѣдился и самъ, что напрасно сѣзидилъ на богомолье въ Кіевъ. Онъ просилъ кіево-печерскихъ угодниковъ о двухъ вещахъ: послать ему наслѣдника и снять тоску и грусть съ души его маленькой супруги. Прошло уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ съ ихъ возвращенія, а Аннушка не «зачала». Зато она начала тосковать, повидимому, еще болѣе прежняго. Макарьевна всячески старалась ее развлекать, обѣщала капитану съ недѣлю на недѣлю, что барыня повеселѣетъ, но Кузьмѣ Васильевичу казалось, что старуха ошибается, да и не такъ за дѣло берется.

Подслушавъ однажды тайкомъ и случайно два разговора Макарьевны съ женой, пандуръ даже разсердился и сталъ ей выговаривать:

— Что же это вы, сударыня, глупости какія вчера и съ недѣлку назадъ моей супругѣ выкладывали! Первое дѣло, все описуете молодцовъ разныхъ, какихъ видали, да какъ они пляшутъ, да какъ чужихъ женъ воровать, а то и крадутъ... А вчера-то, что вы такое измыслили. Что вы, — мужчина развѣ, чтобы знать въ точности обязанности супруга. Всякъ въ этомъ по своему характеру, здоровью и тѣлосложенію поступаетъ. И опять надо сказать—мнѣ шестой десятокъ. Требовать отъ меня расторопности, какъ отъ 25-ти-лѣтняго мужа, нельзя. Да и разговоры эти не только не скромные, но и вредительные для нашего супружескаго согласія. Вы еще, пожалуй, внушите Аннушкѣ, что и въ безплодіи ея—я причиной.. Вы замужемъ не были, то всего досюда касательнаго знать и понимать не можете. Бракъ—тайнство, и не состоявшій самъ въ бракѣ постигнуть, стало быть, всего, въ немъ сокровеннаго, не можетъ и обучать супруговъ тотъ не въ состояніи. Я полагаю, что я мужъ изрядный, и большаго отъ меня требовать нельзя... Да и Аннушка не требовала и не требуетъ... А вы, вотъ, науськиваете и сочиняете... Прямо сочиняете... Слышалъ я, что вы про какого-то московскаго кирасира расписывали, у коего якобы одиннадцать человѣкъ дѣтей отъ жены и семеро отъ двухъ полюбовницъ. Браки это! А если бы такое и было, то не слѣдъ Аннушкѣ это знать. Всякъ на свѣтѣ долженъ довольствоваться тѣмъ, что имѣетъ, и на чужой каравай рта не развѣвать.

Макарьевна на эту отвѣдь капитана ничего не отвѣтила, а рѣшила мысленно еще осторожнѣе бесѣдовать съ юной барыней.

Выпалъ снѣгъ. Наступила зима и первопутокъ. Жизнь въ усадьбѣ, конечно, все-таки шла своимъ чередомъ и была, по словамъ Макарьевны, «хуже монастырской». Ужъ если ей, старухѣ, было отъ скуки «тошнехонько», такъ чего уже требовать отъ жены 17-ти лѣтъ, жены старика. Одно только удовольствіе и было: гадать на картахъ, такъ какъ въ нихъ выходило что-то диковинно хорошее для Аннушки, да не на сердцѣ и не въ головахъ, а на порогѣ.

И однажды, въ октябрѣ, вечеромъ, часовъ около восьми, въ ясную и тихую погоду на дворѣ усадьбы кирсановскаго помѣщика Карсанова произошло нѣчто особенное, приключился рѣд-

кій случай. Во дворъ вѣхала кибитка тройкой. Это случалось не болѣе раза въ мѣсяць. Помѣщики сосѣдніе не любили заѣзжать къ угрюмому, суровому ревнивцу, а двое изъ тамбовскихъ молодыхъ помѣщиковъ такъ были приняты пандуромъ, что дали себѣ слово никогда больше къ нему ноги не ставить.

Разумѣется, появленіе кибитки взволновало всѣхъ отъ мала до велика: отъ самого помѣщика до рябятишекъ дворни. Изъ кибитки вылѣзъ старикъ съ сѣдой бородой и, войдя на крыльцо, объяснилъ дворецкому, что просить доложить господину капитану о его бѣдѣ и причинѣ заѣзда.

Онъ купецъ липецкій съ сыномъ, по фамиліи Пастуховъ. Съ ними приключилось въ дорогѣ лихое дѣло. Вывалили ихъ, наткнувшись на пенекъ, и упали они оба. Ему, старику, ничего не приключилось, а сынъ зашибъ грудь и ногу, да такъ, что двинуться не можетъ, а до города Тамбова ѣхать далеко.

Купецъ Пастуховъ просилъ, однимъ словомъ, барина-помѣщика изъ милости и ради человѣколюбія позволить у него переночевать до слѣдующаго утра.

Черезъ минуту капитанъ принялъ сѣдого, благообразнаго купчину и, конечно, согласился тотчасъ. Изъ кибитки люди вынесли молодого малаго съ черной бородкой, красиваго и глазастаго. Даже очень красиваго! Это первое, что не укрылось отъ вниманія ревнивца пандура. Зато этотъ красавецъ былъ совсѣмъ, какъ пришибленный, и его пришлось внести и въ столовую.

Черезъ полчаса самая дальняя изъ комнатъ была уже устроена, а въ ней появились двѣ кровати и все, что было нужно для неожиданныхъ гостей. Молодой человѣкъ тотчасъ же легъ въ постель, все пуще жалуясь на лѣвую ногу, а его отецъ усѣлся ужинать съ супругами. И за одинъ часъ времени удивительно полюбился купецъ липецкій и пандуру, и молодой барынѣ, потому что онъ оказался такимъ купцомъ, какіе на рѣдкость: все-то онъ видѣлъ, все-то онъ зналъ, обо всемъ могъ разсуждать толково, и занимательно.

«Живописецъ!» — думалось Карсанову.

Послѣ ужина и купецъ, и капитанъ настолько подружились и сошлись, что когда неожиданный гость объяснилъ, что на утро двинется съ ушибленнымъ ранымъ-рано, стало быть, слѣдъ имъ проститься съ вечера, — капитанъ заявилъ, что спѣшить некуда. Онъ предложилъ, напротивъ, послать въ Кирсановъ за тамошнимъ знахаремъ, который пользуется большой славой во всемъ околоткѣ, а къ тому же и костоправъ. Приѣдетъ онъ посмо-

грѣхъ ушибленнаго и первую помощь подасть, а тамъ черезъ день можно купцу везти сына и въ Тамбовъ.

Аннушка изумилась любезности мужа, но сама ни словомъ не обмолвилась, какъ хозяйка.

Старикъ Пастуховъ долго не соглашался, боясь беспокоить гостепрѣимныхъ хозяевъ, но, наконецъ, согласился. Рѣшено было, что онъ самъ на утро съѣздитъ въ Кирсановъ за знахаремъ-костоправомъ и привезетъ его, а затѣмъ послѣ первой помощи ввечеру или черезъ сутки выѣдетъ съ сыномъ въ Тамбовъ.

Какъ было сказано, такъ и сдѣлано. Молодой купецъ остался въ усадьбѣ, а отецъ поутру поѣхалъ въ Кирсановъ. А пока старикъ долженъ былъ быть въ отсутствіи, къ больному посадили Макарьевну. Долго ѣздилъ Пастуховъ, вернулся только къ ночи, да, вдобавокъ, одинъ. Знахарь былъ гдѣ-то въ отсутствіи, и обѣщали прислать его только черезъ сутки.

А другой настоящій докторъ, который не хотѣлъ ѣхать, имѣя опасно больного въ Кирсановѣ, но которому онъ рассказалъ, въ какомъ видѣ находится его сынъ, Богъ вѣсть чего наговорилъ. Напугалъ онъ купца—страсть, и приказалъ прежде всего никакъ отнюдь не тревожить больного, не таскать съ мѣста на мѣсто, ибо главное дѣло покойнѣе лежать.

Капитанъ былъ озадаченъ не зная, что дѣлать: оставлять или спроваживать гостей. Однако, вдругъ сразу обстоятельства совсѣмъ перемѣнились. Макарьевна заявила барину на ушко, что молодого купца грѣхъ отпускать, что онъ въ такомъ видѣ, что долженъ помереть. У него прямо Антоновъ огонь, коли не «узрѣшиха».

— Что такое?—ахнулъ капитанъ.—Узрѣшиха?

— Такъ полагаю, Кузьма Васильевичъ?

— Антоновъ огонь не только слыхалъ я, а и видѣлъ два раза въ Турецкую кампанію. А вотъ узрѣшиху никогда. Что это такое!..

— Ужъ не могу, Кузьма Васильевичъ, сказать.

— Какъ не можете! Сами говорите, да не знаете—что. Зря болтаете.

— Воля ваша,—заявила Макарьевна, ухмыляясь.—А я по совѣсти и Бога ради, Бога бояся, не прогнала бы умирающаго человѣка на улицу. Грѣхъ великій!.. Вспомните притчу Евангельскую о болѣющемъ.

— Какую?

Макарьевна тоже затруднилась объяснить, про какую она притчу напомнила, но прибавила:

— Поглядите сами больного, на его ногу взгляните разокъ, и васъ, знаю я, жалость возьметъ, потому что у васъ сердце золотое... Анна Семеновна даже говоритъ, что у васъ сердце бриллиантовое. Вотъ теперь, говоритъ барыня, я бы обоихъ заѣзжихъ сейчасъ со двора сбыла, а мой Кузьма Васильевичъ, поглядите, возиться съ ними будетъ по добросердію своему: ихъ бы въ три шеи, а онъ ласкать начнетъ.

Капитанъ, съ которымъ супруга за послѣднее время была чрезчуръ холодна въ обращеніи, любилъ, когда Макарьевна передавала ему что-нибудь лестное, сказанное женой заглазно.

Капитанъ въ хорошемъ расположеніи духа отправился въ горницу жены посовѣтоваться, какъ быть.

Аннушка удивилась. Никогда мужъ не просилъ еще ни въ чемъ ея совѣта.

— Какъ тутъ быть? Разсудимъ. Я, какъ ты.

— Я не знаю, Кузьма Васильевичъ. Вы гостей не любите. А тутъ еще, какъ говоритъ Макарьевна, предсмертный гость.

— Это ничего, дорогая моя. Это Господь изъ милости къ намъ послалъ такого гостя!—вдругъ заявилъ капитанъ, будто рѣшаясь высказать нѣчто, что хотѣлъ было удержать про себя, какъ тайну.

— Изъ милости? Господь?—удивилась капитанша.

— Да, примѣта есть такая. Если въ домѣ чужой покойникъ, неожиданный и незнаемый, то онъ якобы за хозяевъ помираетъ. Онъ какъ бы въ зачетъ идетъ. И сами-то они, свои, стало быть, дольше проживутъ. Стало быть, я или ты дольше проживемъ.

Капитанша не отвѣтила, будто «себѣ на умѣ». Понравилось ли ей услышанное или нѣтъ, было неизвѣстно. Но она мысленно сказала себѣ:

— Если правда, что сказывала по секрету Макарьевна, якобы больной гость совсѣмъ загадка живая, то, конечно, надо его задержать. Любопытно, что изъ этого выйдетъ.

Макарьевна, вызванная тоже на совѣтъ, твердила одно:

— Грѣхъ. Грѣхъ. Вспомните притчу евангельскую.

— Да. Примѣта вѣрная и хорошая. Чужой покойникъ въ домѣ—благодать!—думалъ капитанъ.

Иные люди, да въ иномъ мѣстѣ, да въ иное время, безъ сомнѣнія, при такихъ обстоятельствахъ, далеко не заурядныхъ, постарались бы какъ можно скорѣй сбить съ рукъ подобныхъ

гостей, но капитанъ, супруга его и Макарьевна рѣшили вмѣстѣ совершенно обратно.

— Пускай у насъ помретъ, Богъ съ нимъ. Дѣло Богу угодное. Отпоемъ и похоронимъ! — сказали они: капитанъ искренно, а капитанша и Макарьевна «себѣ на умъ».

Сходилъ самъ пандуръ поглядѣть на молодого купчика и подивился. Молодецъ чудно очень дышалъ, будто собака, пробѣжавшая нѣсколько версть. Не хватало только, чтобы онъ языкъ высунулъ и вывѣсилъ. Видъ раненаго былъ совсѣмъ жалкій и, конечно, ему недѣлю, а, можетъ, и всего дня четыре остается жить. Можетъ, Макарьевна и впрямь права, утверждая, что это узрѣшиха. Если капитанъ такого слова никогда не слыхалъ, то все-таки опасное положеніе больного было несомнѣнно.

— Можетъ быть, у него всѣ ребра переломаны, — подумалъ капитанъ. — Оттого и грудь болить, и вздохнуть не можетъ.

Когда было рѣшено, что Пастуховъ съ сыномъ останутся въ усадьбѣ, то старику просто сказали: «пока не оправится немножко молодецъ»... Сыну ничего не сказали. А сами хозяйка съ приживалкой повторяли:

— Пока не помретъ.

И всѣ были довольны, но менѣе всѣхъ старикъ Пастуховъ. Онъ, конечно, благодарилъ, но имѣлъ видъ растерянный отъ неудачи. Понятно, много любилъ онъ единственнаго сына, но дѣла его были настолько важны, денежные и торговые, что онъ на третій же день не усидѣлъ и, объяснившись съ капитаномъ, собрался уѣзжать, препоручивъ сына добрымъ людямъ. А добрые люди, капитанъ и Макарьевна, горячо обѣщались купцу не отходить ни на шагъ и всячески беречь больного и ухаживать за нимъ.

— И всего-то еще на какихъ-нибудь три-четыре дня ухода, — говорила Макарьевна. — Приѣдетъ старикъ черезъ пять дней или шесть и попадетъ ужъ какъ разъ къ похоронамъ.

Старикъ Пастуховъ простился съ сыномъ и уѣхалъ, а больной остался умирать въ домѣ пандура. Макарьевна почти не отходила отъ него и сидѣла въ креслѣ около его постели цѣлыми днями, а ночью укладывалась спать на полу, подстлавъ матрацъ.

Капитанъ часто среди дня приходилъ посидѣть съ больнымъ; но бесѣдовать много было нельзя. Молодой купчикъ былъ

слишкомъ слабъ и еле ворочалъ языкомъ и все дышалъ, какъ борзая послѣ погони за зайцемъ.

— Вотъ вѣкъ живи, вѣкъ учись!—думалъ и часто говорилъ женѣ капитанъ.—Узрѣшиха!? И не слыхивалъ.

Жена, однако, на это ни разу не отозвалась ни единымъ словомъ, а про себя думала:

«Дура Макарьевна. Нешто можно этакъ шутить. Скажи-ка вотъ кому это слово раза три, да повразумительнѣе, какъ разъ и догадается человѣкъ».

VI.

День за день, прошла цѣлая недѣля. Старикъ Пастуховъ не возвращался, никакого доктора не присылалъ. Капитанъ началъ даже тревожиться, не случилось ли чего съ Пастуховымъ. Можетъ быть, разбойники убили на дорогѣ. Онъ передалъ свои опасенія женѣ и Макарьевнѣ.

Женщины отнесли къ этому безучастно.

— Намъ-то что же? — сказала Макарьевна. — Мы и безъ старика свое дѣло сдѣлали отлично.

— Какое дѣло?—спросилъ пандуръ.

Аннушка будто оторопѣла, а Макарьевна, улыбаясь, объяснила:

— Ещо спрашиваете—какое? Выходили молодца его... Онъ скоро совсѣмъ поправится и можетъ уѣзжать... Ну, хоть черезъ недѣлю.

Дѣйствительно, у гостя врядъ ли были переломаны ребра, потому что онъ давно уже дышалъ, какъ слѣдуетъ, и только слабость удерживала его въ постели.

Конечно, капитану захотѣлось, въ виду выздоровленія больного, поскорѣе сбыть его съ рукъ. Ревнивцу было неприятно имѣть въ домѣ даже хвораго молодца и красавца. Жена видѣла купчика только разъ, когда его перенесли изъ кабинета въ постель, но теперь... Теперь «глупыя мысли» одолевали капитана. Онъ за все это время, по давнишнему обычаю, всякій день выѣзжалъ изъ дому на часъ и два и по хозяйству, и ради дозора въ лѣсной дачѣ, гдѣ участились за зиму порубки.

«Неужто за мое отсутствіе жена рѣшится навѣстить больного въ его комнатѣ?»—спрашивалъ себя ревнивецъ, но тотчасъ же отвѣчалъ себѣ, что это подозрѣніе совершенно нелѣпо съ его стороны.

Однако, изрѣдка Кузьма Васильевичъ на всякіе лады заговаривалъ и бесѣдовалъ съ женой о больномъ, надѣясь, что она по молодости и женской непонятливости проболтается и себя выдастъ въ чемъ-нибудь.

Но ни разу ничего подобнаго не случилось.

Однажды капитанъ прямо спросилъ вдругъ у жены:

— А вѣдь, поди, любопытенъ тебѣ красавецъ молодецъ, что лежитъ у насъ въ домѣ?

Аннушка удивленно поглядѣла на мужа.

— Да и Макарьевна, небось, масла въ огонь подливаетъ. День денской о немъ тебѣ живописатьъ.

— Тутъ ли онъ, нѣтъ ли, мнѣ совсѣмъ любопытствія нѣтъ!— сурово отозвалось капитанша.

— Ну... А все-таки красавецъ!—задорно вымолвилъ онъ.

— Не примѣтила.

— Какъ не примѣтила? Зачѣмъ душой кривишь!

— Удивительно!—воскликнула вдругъ Анна Семеновна, какъ бы говоря сама съ собою, а не съ мужемъ. — Стало быть, встрѣнувъ всякаго мужика, всякаго холопа, должна дворянка разглядывать—красавецъ онъ или уродъ.

Капитанъ просіялъ, настолько эти слова были отвѣтомъ на его помышленія.

— Да, правда твоя. Купецкій сынъ...

— Лавочникъ! А отецъ его вольноотпущенный одной рязанской помѣщицы,—объявила капитанша.

— Онъ самъ это сказывалъ? Макарьевнѣ?

— Да... А вы спрашиваете еще, красавецъ ли?

И Аннушка, будто совсѣмъ разобиженная, надула свои маленькія и хорошенькія алыя губки. Капитанъ потѣзъ цѣловаться, какъ бы прося прощенія, но жена только позволила себя поцѣловать, сама же дать поцѣлуй наотрѣзъ отказалась.

Послѣ этого объясненія прошло дня два, и капитанъ по-прежнему спокойно отлучался изъ дому, зная, что обычное, но глупое и непонятное женское любопытство въ женѣ не существуетъ, и она не пойдетъ сидѣть у постели «лавочника» ради того, чтобы съ нимъ болтать. На третій день капитанъ проснулся ранѣе обыкновеннаго и тотчасъ, не будя жену, всталъ, одѣлся и вышелъ въ столовую... Онъ былъ сумраченъ. И не мудрено было ему подняться не въ духѣ. Онъ видѣлъ сонъ или, вѣрнѣе, видѣлъ всякую чертовщину.

Ему приснилось, что больной купчикъ ходитъ по его дому, но не въ длинномъ кафтанѣ, а въ генеральскомъ мундирѣ, и, обнявъ, даже облапивъ его маленькую Аннушку, цѣлуетъ ее и говоритъ ей, указывая на него, капитана: «Наплевать намъ на него! Онъ, вѣдь, собака на снѣгѣ!».

Пуще всего волновало и злило Кузьму Васильевича это выраженіе. Какъ могло такое присниться.

«Не въ бровь, а прямо въ глазъ! А кто же этотъ неучъ и дуракъ? Никто. Сновидѣніе дурацкое. Стало быть, самъ же онъ этакое на себя взвелъ, пока спалъ. Чудны сны бываютъ.»

Послѣ полудня капитанъ, въ виду хорошей погоды, яркаго солнечнаго дня съ легкой оттепелью, развеселился, забылъ о своемъ «дурацкомъ» сновидѣніи и предложилъ женѣ ѣхать кататься.

Аннушка заявила, что у нея голова что-то болитъ, и будто знобитъ, что она предпочитаетъ даже прилечь на постель...

Кузьма Васильевичъ даже встревожился, но затѣмъ, послѣ увѣреній Аннушки и Макарьевны, что ничего худого нѣтъ, успокоился.

Яркое солнышко и чудный день все-таки тянули его изъ дому. Поглядѣвъ, какъ жена прилегла на постель и тотчасъ задремала, капитанъ вышелъ изъ спальни, а черезъ полчаса уже выѣхалъ въ своихъ маленькихъ саночкахъ...

Среди снѣгу и лѣса, подъ золотыми лучами солнца, вдругъ капитану представился золотой съ бѣлыми нашивками мундиръ генерала... генерала-лавочника, да еще говорящаго съ дерзкой усмѣшкой: «собака на снѣгѣ!».

И начало Кузьму Васильевича снова томить, какъ поутру, а затѣмъ начало что-то мутить и тянуть домой. Проѣхалъ онъ еще съ полверсты и не выдержалъ... повернулъ лошадь и припустилъ обратно въ усадьбу.

Чѣмъ ближе подѣзжалъ пандуръ къ дому, тѣмъ болѣе проникало въ него особое чувство, какого онъ никогда еще не испытывалъ. Пожалуй, раза два въ жизни испыталъ онъ его, но, вѣдь, при совершенно особыхъ и иныхъ обстоятельствахъ... Первый разъ это было въ первомъ сраженіи, когда еще онъ былъ 19-ти-лѣтнимъ сержантомъ. Второй разъ это было много позднѣе, при штурмѣ Измаила подъ картечью, когда онъ увидѣлъ, что изъ полсотни ближайшихъ офицеровъ и солдатъ онъ одинъ двигается, мыслить, остальные валяются и страшно.

стонуть или совсѣмъ молча лежать. Тогда Карсановъ зналъ, какое въ немъ чувство бушуетъ: страхъ, трусость.

А теперь почему же въ немъ то же чувство, то же боится онъ до смерти. Кого? Чего?

— Предчувствіе что ли?—бормоталъ капитанъ. — Глупости! Нѣтъ. Стало быть...

И онъ не могъ сказать, назвать, выяснитъ себѣ то, что смутно, какъ въ туманѣ, представлялось ему... Ъдучи кататься, онъ все думалъ о женѣ, потомъ о больномъ, потомъ о старой Макарьевнѣ и, вспоминая, вдумываясь, рассуждая, соображая, взвѣсивая, онъ будто собралъ въ кучу сразу многое и многое... Не десятки, а, пожалуй, сотни всякихъ мелочей и пустяковъ. Слова, взгляды, недомолвки, улыбки... И еще что-то, непонятное и неуловимое, что призракомъ завелось и живетъ въ его домѣ...

— И не сегодня, не со вчерашняго дня, а давно!—бурчалъ онъ трусливо.—Ты видѣлъ и чувствовалъ все, Кузьма Васильевичъ, но будто не хотѣлъ уразумѣть и себѣ самому толково доложить, себя самого о бѣдѣ упредить.

Завидя свою усадьбу, старый пандуръ погналъ лошадь и отчаянно восклицалъ вслухъ:

— Да что же это? Да какъ же это? Какъ же раньше-то... раньше... Почему сейчасъ прояснилось? Все чужое наружу полѣзло и въ глаза бросилось..

VII.

Оставивъ лошадь за воротами двора и приказавъ попавшемуся подъ руку дворовому мальчугану держать ее до его возвращенія, капитанъ направился къ заднему крыльцу...

Когда онъ вошелъ въ людскую, то переполошилъ всю дворню своимъ неожиданнымъ появленіемъ и ради отвода глазъ сталъ выговаривать за нечистоплотность въ комнатѣ, а затѣмъ прошелъ далѣе...

Но капитанъ не зналъ, что горничная жены уже видѣла его въ окно и уже слетала предупредить: «баринъ!».

Когда Кузьма Васильевичъ очутился въ домѣ и прошелъ быстро въ комнату больного, то нашелъ его одѣтымъ и сидящимъ въ креслѣ. А по утру онъ былъ въ постели.

Капитанъ изумился, а купчикъ улыбался, глядя на него, да еще какъ-то странно, будто подсмѣивался.

— Что же это вы? — спросилъ капитанъ.

— Что-съ...

— Да вотъ... Были въ постели, когда я выѣхалъ, а тутъ вдругъ одѣлись и сѣли.

— Да-съ. Слава Богу, могу-съ.

— Можете?.. А-а?..

— Мнѣ много лучше. Какъ-то даже сразу полегчало сегодня, — улыбаясь, сказалъ молодецъ.

— Стало быть, теперь сидѣть будете? — угрюмо спросилъ Кузьма Васильевичъ.

— Да-съ, надобно лежать...

Пандуръ помолчалъ и, наконецъ, сурово вымолвилъ, сдвигая брови.

— Сидѣть и въ кибиткѣ можно.

— Если прикажете, я соберусь... Я и такъ уже давно злоупотребляю вашимъ гостепріимствомъ. Что дѣлать, все задерживала узрѣшиха.

Особенно ли какъ произнесъ гость это слово, но капитанъ, мысленно повторивъ его, вспомнилъ другое слово, наименованіе: «узрѣшительница».

«Есть такая святая, — подумалъ онъ и тотчасъ же разсердился самъ на себя. — Тьфу! Во всякихъ пустякахъ сталъ выискивать разныя киванія на себя и жену».

Капитанъ прошелъ къ женѣ и нашелъ ее попрежнему на кровати; она дремала, но открыла глаза при его появленіи. Онъ объяснилъ, что вернулся вдругъ домой, безпокоясь тѣмъ, что она хвораетъ.

— Я здоровехонька, — отозвалась Аннушка.

— Да? Ну, вотъ и нашъ купчикъ здоровехонежъ! Стало, пора ему и со двора долой.

Аннушка не отвѣтила, смотрѣла равнодушно и разсѣянно.

Но капитанъ сталъ объяснять женѣ все-таки, что такъ какъ молодца они выходили, и онъ можетъ уже двигаться, — то нечего его удерживать.

— Вѣдь, я призрѣлъ у себя умирающаго! — горячился капитанъ. — А если умиравшій теперь вовсе не собирается умирать, то почему же его у себя удерживать и за нимъ ухаживать. Усадьба дворянская — не больница и не перевязочный пунктъ. Богъ съ нимъ совсѣмъ. Дождетъ теперь до Тамбова отлично и одинъ. Такъ ли?

Но жена, ни единымъ словомъ не отозвавшись на всѣ рѣчи мужа, молчала и теперь.

— Что же ты молчишь?—воскликнулъ капитанъ.

— Что же я буду говорить,—отвѣтила она. — Стоитъ того изъ-за всякаго лавочника себя утруждать.

— «Лавочникъ, да лавочникъ!»—сердито подумалъ про себя пандуръ.—«Не опасно, якобы, и не сумнительно. А чѣмъ чортъ не шутить. Лучше спровадить...»

И онъ прибавилъ:

— Такъ я его спроважу... И сейчасъ... Ну его...

Аннушка не отвѣтила.

И воинъ, побывавшій во многихъ битвахъ со шведами, нѣмцами и турками, распорядился по военному.

Черезъ два часа кибитка стояла у подъѣзда, а купецкій сынъ, нисколько не смущенный, благодарилъ чувствительно хозяина за гостепрѣимство и просилъ не поминать его лихомъ.

— Все это по волѣ Божіей... Узрѣшиха!—говорилъ онъ, ехидно ухмыляясь и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показалось капитану, будто облизываясь, точно котъ, мышей наѣвшійся по горло.

— Противъ узрѣшихи не пойдешь, господинъ капитанъ!—было опять его послѣднее слово уже изъ кибитки.

— «Типунъ тебѣ на языкъ!»—думалъ капитанъ, провожая глазами выѣзжавшую со двора кибитку. Не нравилось ему это диковинное слово.

Была барыня-капитанша весела и довольна, пока хворалъ въ домѣ молодой гость, а Макарьевна о немъ ей расписывала—и ждалъ пандуръ, что теперь жена, снова оставшись безъ заботы среди тишины и глуши лѣса, опять затоскуеть. Однако, онъ ошибся.

Аннушка послѣ отъѣзда гостя была еще веселѣе, прыгала, наѣввала и на все была согласна, кромѣ одного — цѣловаться съ мужемъ.

Но чрезъ двое сутокъ ввечеру въ усадьбѣ произошло невѣроятное и поразительное событіе, даже два событія.

Въ полуверстѣ отъ усадьбы, среди полумрака лѣса, появилась и ждала тройка. Въ большихъ саняхъ сидѣлъ тотъ же молодой кучикъ, но уже обритый, безъ бороды и усовъ, и хотя былъ онъ въ простомъ полушубкѣ и въ бараньей шапкѣ, но удивительно походилъ теперь на красавца-князя Девлетъ-Ильдишева, любимца свѣтлѣйшаго вельможи. Вскорѣ въ этомъ же мѣстѣ появились двѣ женскія фігуры, одна очень маленькая

и быстрая въ движеніяхъ, а другая полная и грузная, едва ползущая по снѣгу.

— Слава Богу!—воскликнулъ поджидавшій.

Женщины сѣли въ сани. Молодецъ усѣлся на облучкѣ около ямщика и... все исчезло!

И такъ исчезло, какъ только въ сказкахъ бываетъ!

Черезъ часъ послѣ исчезновенія тройки лихихъ коней въ усадьбѣ началось вдругъ сильное движеніе, бѣготня, оханье и сущій Вавилонъ.

Барыни не было нигдѣ... Капитанша пропала, какъ иголка. Оно, при ея маленькомъ ростѣ, было бы, пожалуй, и не мудрено, но здоровенная Макарьевна тоже пропала.

Старикъ пандуръ волновался, ничего не понимая, не зная, какъ объяснить шутку жены или прихоть... Хорошо ли въ поздній часъ ночи отлучиться погулять на деревнѣ! А здѣсь, въ лѣсу, оно было и опасно... Вокругъ и близко видали волковъ зачастую...

Обождая, обшаривъ всѣ мышинныя норки въ домѣ, во дворѣ и въ саду и вокругъ усадьбы, капитанъ сталъ терять разсудокъ и вдругъ побѣжалъ къ рѣчкѣ, на прорубь, гдѣ брали воду для хозяйства.

«Вѣдь она все грозила прорубью этой?!»

Пандуръ не соображалъ, что найти кого-либо, ухнувшаго въ прорубь, можно только весной, да и то не на самомъ мѣстѣ, а ниже, по теченію. Онъ тоже забылъ, что если его Аннущка и утопилась, то зачѣмъ же пригласила съ собой подъ ледъ и Макарьевну.

Однако, сама «правда» потихоньку стала приближаться къ разуму стараго ревнивца и стала выступать все ближе и яснѣе.

«Можетъ ли это быть? Купецкаго сына на капитана?!.. Купушку на ястреба?!»

«Да и былъ ли онъ боленъ!»

«А хворость смертельная, что именуется узрѣшихой... Узрѣшихой, узъ рѣшительницей. Ихъ узъ! Брачныхъ узъ!»

Пандуръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, вернулся въ домъ, прошелъ въ спальню вѣроломной супруги и опустился грузно въ кресло.

«Это самое, гдѣ сидѣла часто старая bestія!»

«Да! Это все она, старая. Все она...»

Все въ спальнѣ, будто подшучивая надъ бариномъ-помѣщикомъ, начало вдругъ подпрыгивать, плясать и вертѣться. Все пошло ходуномъ. Кровать, столъ, шкафъ, стулья...

Старикъ закричалъ...

Прибѣжавшіе на крикъ буфетчикъ и горничная увидѣли стараго барина на полу и посинѣлаго лицомъ. Горничная въ перепугѣ бросилась звать людей, а буфетчикъ присѣлъ около барина на полу. Баринъ бормоталъ что-то и страшно глядѣлъ, а тамъ задергалъ правой рукой безъ толку, но наконецъ толку добился... Рука дернулась сильнѣе, къ самой груди, и онъ перекрестился.

Буфетчикъ перекрестился тоже и заплакалъ.

VIII.

Былъ уже конецъ ноября.

Въ новомъ городѣ Екатеринославѣ, на постояломъ дворѣ, уже мѣсяцъ цѣлый пребывала парочка проѣзжихъ: молодой красавецъ-офицеръ изъ арміи князя Потемкина, а съ нимъ его сестра, провожающая его чуть не до самой границы Турціи, но ѣдущая собственно къ родственникамъ.

Это обстоятельство нисколько не удивляло хозяина двора и другихъ лицъ. Удивительно же было только то, что пріѣхала парочка и остановилась отдохнуть отъ дальняго пути, а живетъ почему-то уже двѣ недѣли. А главное, все ѣдутъ они, все собираются чуть не ежедневно, вещи укладываются и опять раскладываются. Будто малоумные, или имъ не хочется ѣхать, а надо...

И такъ прошелъ, шутка сказать, почти цѣлый мѣсяцъ.

Дѣйствительно, князь Девлетъ-Ильдишевъ и похищенная имъ Анна Семеновна Карсанова пріѣхали сюда и остановились, намѣреваясь пробить двое сутокъ. Но здѣсь въ тотъ же вечеръ бесѣда ихъ между собой, хотя и была послѣдствіемъ многихъ бесѣдъ въ долгомъ пути, приняла совершенно неожиданный оборотъ. Какъ это случилось вдругъ, они и сами не знали.

Во время всего пути иносказательно, всякими намеками радовали они другъ друга и печалили. Все было ясно и въ то же время не совсѣмъ ясно. А тутъ вдругъ въ Екатеринославѣ совсѣмъ невзначай,—или ужъ время пришло,—объяснились они напрямки. И оказалось, конечно, что они, не зная, знали все и только боялись ошибиться. Оказалось, что въ пути они полюбили другъ друга, невѣдомо кто кого больше.

И вотъ, оставшіе еще на лишнія сутки, потомъ еще на трое сутокъ, потомъ на недѣлю, они живутъ уже почти цѣлый мѣсяцъ. Временами они на седьмомъ небѣ, а временами за-

думчивы и грустны такъ, какъ если бы были самые несчастные люди на свѣтѣ.

— Хоть въ гробъ ложись! — восклицаетъ часто князь Девлетъ.

— Да я лучше на себя руки наложу! — опять повторяетъ Аннушка такъ же, какъ и своему мужу.

Только теперь причина совсѣмъ другая.

Пустились они въ путь, чтобы ѣхать прямо въ армію. Аннушка съ радостью согласилась бѣжать отъ мужа къ кому и куда бы то ни было. Прихоть вельможи, заставившая Девлета разыграть цѣлую комедію, отпустить усы и бороду, нанять ловкаго старика въ Тамбовѣ для роли купца и отца—все это сначала испугало Аннушку.

Когда князь Девлетъ появился въ усадьбѣ, то осторожно сошелся прежде всего со своей сидѣлкой. Но дружба и полное согласіе между переодѣтымъ офицеромъ и Макарьевной установились тотчасъ же, такъ какъ Девлетъ подарилъ ей за хлопоты двѣсти рублей впередъ и общалъ еще триста въ случаѣ удачи. Деньги, о которыхъ старуха и мечтать не могла, получая пять рублей жалованья отъ капитана, и, кромѣ того, мысль, что она будетъ стараться для именитаго вельможи съ одной стороны, а съ другой—для любимой и несчастной барыни,—заставили Макарьевну ревностно, ретиво и ловко взяться за дѣло.

Самое мудреное было не сокрытие тайны отъ стараго ревнивца: несчастный видъ ушибленнаго, фіолетовая нога и его удивительное дыханіе затмили собою все, что могло бы при иныхъ обстоятельствахъ броситься ему въ глаза, благодаря его подозрительности и извѣстной долѣ хитрости. Впрочемъ, ревнивцы, въ особенности старые, видятъ зорко за версту и ничего не видятъ подъ носомъ.

Самымъ мудренымъ оказалось успокоить, уговорить и убѣдить самое капитаншу, испуганную дерзостью предпріятія, дальнимъ путешествіемъ къ предѣламъ Турціи и въ особенности одной мыслью — вдругъ очутиться «предметомъ» свѣтлѣйшаго князя Таврическаго... Въ грезахъ это было дивомъ, счастьемъ... А наяву, въ дѣйствительности, оно было трепетно страшно даже, пожалуй, страшнѣе нырка въ прорубь.

Однако, когда при первой же отлучкѣ мужа изъ дома Аннушка познакомилась съ красавцемъ офицеромъ, то дѣло представилось ей почему-то проще... Почти всякій день стала ви-

даться она съ Девлетомъ, но искусно и осмотрительно, такъ что мужъ ни единого разу не накрылъ ихъ. И со всякимъ новымъ свиданьемъ согласіе и желаніе бѣжать съ нимъ все крѣпло, а затѣмъ стало представляться даже простымъ дѣломъ.

Послѣ бѣгства и уже въ пути Аннушка сдѣлала въ себѣ самой неожиданное открытіе. Она поняла то, что сначала только смутно сознавала, будто сама себя обманывая. Она поняла, что положительно влюблена—и съ перваго дня знакомства—въ самого князя Девлета.

«А онъ?—спрашивала она мысленно и рассуждала:—онъ и не догадывается... Онъ исполняетъ порученіе своего начальника добросовѣстно и усердно, поэтому ему и на умъ не приходитъ, что онъ самъ можетъ понравиться... Но послѣ?.. Когда-нибудь? Можетъ быть, онъ тогда иначе взглянетъ на нее... Макарьевна говорила: «дѣло не въ князѣ, вельможѣ». «Дѣло въ томъ, что это единственный способъ стать свободной и счастливой въ новомъ замужествѣ».

— Блажной вельможа отплатитъ вамъ тѣмъ, что освободитъ отъ старика супруга,—говорила ей старуха.

Правда, онъ всемогущъ, а при такомъ положеніи дѣла, каково ея, расторгнуть бракъ даже легко. Карсановъ женился на ней полуробенкѣ, и хотя подобные браки бывають сплошь и рядомъ, но все-таки всегда брачующійся проситъ разрѣшенія митрополита, а иногда и синода. Капитанъ же ничего подобнаго не сдѣлалъ. Слѣдовательно, разводъ съ нимъ, да еще при покровительствѣ Потемкина, самое простое дѣло. А такъ какъ прихотливый вельможа долго ее при себѣ не удержитъ, дастъ денегъ и отпуститъ, то она и выйдетъ замужъ, за кого пожелаетъ.

Въ Тамбовѣ пришлось ей по-неволѣ разставаться съ Макарьевной, такъ какъ старуха рѣшила ѣхать опять въ Москву, чтобы спрятаться отъ капитана. И ради себя самой, и ради сокрытія слѣдовъ Девлета съ Аннушкой. При прощаніи старуха сказала: «Смотри ты, въ сопровождаателя своего не втюрься!» И эти слова подлили масла въ огонь. Съ каждымъ днемъ въ пути она все менѣе и менѣе думала о вельможѣ и, когда думала, то только пугалась и ужасалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ все «удивительнѣе» относилась къ спутнику.

И вотъ, когда они прибыли въ Екатеринославль, то она уже вполне ясно поняла, что просто была позарѣзъ влюблена въ красавца князя Девлета. Но на бѣду она узнала здѣсь, что

онъ точно также безъ памяти влюбился въ «крохотулю» и «пандурочку» вельможи и готовъ второй разъ похитить ее. Послѣ искренняго обоюднаго признанія и перваго пыла на седьмомъ небѣ молодые люди очнулись и стали разсуждать о томъ, какъ быть. Положеніе было ужасное и безвыходное. Князь Девлетъ, конечно, не могъ теперь везти прихотливому вельможѣ въ полное распоряженіе ту, которая стала ему дороже всего на свѣтѣ.

Не везти ее къ Потемкину, вернуться обратно въ родные предѣлы, въ Москву или Петербургъ—можно было бы прожить спокойно съ полгода, ну, хоть годъ... А затѣмъ, конечно, будетъ Богъ вѣсть что... Погибель между двухъ враговъ—и стараго пандура, и всемогущаго вельможи. Князь не проститъ такого поступка офицера и вездѣ достанетъ. Руки его долгія... Не только изъ Москвы,—изъ заморскаго края достанутъ онѣ человѣка и перекинутъ прямо въ Камчатку.

И вотъ влюбленная чета, безвыходно сидя въ комнатахъ большого постоялаго двора, ежедневно раздумывала и разсуждала, какъ быть, что сдѣлать, чтобы достигнуть счастья.

— Я лучше сто разъ утоплюсь, чѣмъ итти въ „забавницы“ стараго вельможи,—разсуждала Аннушка въ отчаяніи. — Хорошо было мѣнять Кузьму Васильевича на свѣтлѣйшаго... А тебя промѣнять?.. Да на царя-салтана какого, и то не промѣняю. Надумай, какъ спастись намъ. Надумай!

Но Девлетъ ничего надумать не могъ.

Бѣжать вмѣстѣ куда-либо и выйти въ отставку заглазно, по прошенію, невозможно. Свѣтлѣйшій догадается... Тогда онъ пропасть... Поѣхать одному въ армію и доложить, что не нашель онъ пандурочки? Тогда будетъ онъ въ опалѣ, а князь, ненавидящій всякія незадачи, еще пуще разгорится и пошлетъ въ воронежское и тамбовское намѣстничество другого, даже двухъ-трехъ другихъ посланцевъ... И что же они найдутъ и какой отвѣтъ привезутъ князю... Усадьбу пандура нашли, но уже бѣжала пандурочка съ молодымъ купцомъ... Съ какимъ? Гдѣ онъ? Розыскать! А въ Тамбовѣ три лица знаютъ, что былъ пріѣзжій князь Девлетъ, который противно дворянскому обычаю ходилъ въ недавно отпущенныхъ усахъ и бородѣ. Эти три лица даже ему были полезны въ розыскѣ... Они же его и продадутъ, узнавъ, что Девлетъ ихъ самихъ и князя обманулъ.

Ну, а если не пошлетъ свѣтлѣйшій князь разыскивать вновь пандурочку?.. Наврядъ! Но, вѣдь, самъ старый пандуръ, энер-

гическій и упрямый, будетъ дѣйствовать, будетъ искать жену, поѣдетъ въ Петербургъ жаловаться самой царицѣ. Сто разъ въ минуты ревности говорилъ онъ это женѣ. И дѣло дойдетъ до слуха князя позднѣе. А развѣ можетъ Девлетъ хлопотать о разводѣ Аннушки съ мужемъ, когда похитилъ ее дважды, и у мужа, и у вельможи...

Вотъ тутъ и рассуди...

— Одно остается,—плакала Аннушка,—утопиться обоимъ.

Но Девлетъ находилъ, что это рѣшеніе дѣла—бабье. Надо достигнуть счастья, а какое же счастье на днѣ рѣки.

Наконецъ, однажды князь Девлетъ вдругъ взволновался страшно... Голова его давно трещала отъ думанья и исканія выхода изъ мудренаго положенія, и, наконецъ, въ ней стало все какъ-то перепутано и темно...

А вдругъ теперь сразу стало свѣтло!

Онъ придумалъ, какъ избавиться отъ прихоти вельможи, какъ спасти дорогую Аннушку и въ то же время, разведя ее съ мужемъ при помощи всемогущаго князя, назвать своей женой... Да, онъ дивно придумалъ!.. Если же выдумка и не удастся тотчасъ, то по крайней мѣрѣ дѣло затянется на четыре или пять мѣсяцевъ... А тамъ, что Богъ дастъ!.. Прихоти свѣтлѣйшаго быстротечны...

Девлетъ передалъ и объяснилъ Аннушкѣ свою выдумку...

Она ахнула, потомъ одобрила выдумку.

— Опасно! Страшно шутить съ Потемкинымъ. Но что же дѣлать! Другого спасенія нѣтъ!

Такъ рѣшила влюбленная чета.

IX.

Тотъ же иноземный край, откуда лѣтомъ выѣхалъ посланцемъ красавецъ князь Девлетъ за пандурочкой... Но бѣлый снѣговой покровъ, который окуталъ теперь всю Русь, здѣсь нѣсколько разъ ложился на землю и окутывалъ ее, но все напрасно... Золотое солнце такъ весело сверкаетъ съ неба и такъ поглядываетъ, будто смѣючись, что за ночь все увернувшій бѣлый саванъ къ полудню начиналъ будто плакать въ три ручья... И каждый разъ снѣгъ, желавшій сдѣлать изъ осени зиму, дѣлалъ изъ осени весну.

Городъ этотъ побольше, но того же характера, съ тѣмъ же смѣшаннымъ населеніемъ... Домъ, гдѣ помѣщался главнокоман-

дующій, большихъ размѣровъ, роскошнѣе убранъ, а залъ, гдѣ всякое утро собиралась масса военныхъ, свита, прїѣзжіе изъ дѣйствующей арміи и прїѣзжіе изъ Россіи,—большой, свѣтлый съ бѣлыми колоннами подъ мраморъ и въ два свѣта.

Однажды въ толпѣ явившихся и ожидавшихъ пріема очутился и красавецъ офицеръ.

О Девлетѣ уже доложили свѣтлѣйшему давно, какъ о вернувшемся изъ Россіи курьерѣ, но онъ, ожидавшій быть принятымъ тотчасъ же,—ждалъ уже второй часъ.

Прошло и три часа... Пріемъ кончался, а его, Девлета, князь не спросилъ. Вѣроятно, просто забылъ... Наконецъ, пріемъ кончился.

Офицеръ снова напомнилъ о себѣ чиновнику изъ канцеляріи, замѣнявшему адъютанта, и тотъ, объяснивъ, что уже докладывалъ князю о вернувшемся гонцѣ, рѣшился снова доложить.

— Пожалуйте!—вышелъ онъ изъ кабинета.

«Помяни Господи царя Давида и всю кротость его!»—мысленно проговорилъ Девлетъ и въ какомъ-то чадѣ страха и волненія переступилъ порогъ и очутился въ большой комнатѣ.

Свѣтлѣйшій сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ за кипой бумагъ...

Девлетъ сталъ у дверей... Князь долго читалъ одну бумагу и, наконецъ, бросивъ ее, вскрикнулъ:

— Иуды... Вездѣ Иуды!.. Около Христа одинъ на дюжину былъ Искаріотъ, а около нея въ Питерѣ—дюжина въ дюжинѣ.

Затѣмъ князь, окинувъ комнату глазами, замѣтилъ какого-то офицера.

— Тебѣ что?—рѣзко вымолвилъ онъ, не глядя.

— Вернулся сегодня, ваша свѣтлость, и тотчасъ же имѣю честь явиться.

Князь между тѣмъ разсѣянно искалъ что-то глазами на столѣ.

— Вернулся? Откуда?

— Изъ російскихъ предѣловъ.

— Ну, хорошо. Что же?..

— Исполнивъ ваше порученіе, я...

— Какое порученіе?—спросилъ князь, найдя и просматривая листокъ съ колоннами цифръ.

— Вы изволили меня посылать...

— Тебя?.. Васъ?.. Да ты...

Свѣтлѣйшій бросилъ листокъ на столъ и присмотрѣлся внимательнѣе.

— Ай, батюшки свѣты! Девлетъ!—воскликнулъ князь.— Не узналъ. Даже, по правдѣ, чуть не забылъ, что ты и на свѣтѣ есть, то бишь—еси! Ну, здравствуй, Девлетка! Что скажешь?.. Я тебя, говоришь, посылалъ въ Россію?.. Когда? Давно, знать..

— Лѣтомъ еще... Но порученіе мое было таково затруднительно, что я...

— Какое порученіе?

Девлетъ удивился въ свой чередъ.

— Вы изволили приказать разыскать въ Воронежскомъ и въ Тамбовскомъ намѣстничествахъ нѣкую особу молодую, которую изволили встрѣтить въ степяхъ Малороссіи, путемъ...

— Что? Что-о? Ну, ну...

— Вотъ я нынѣ эту пандурочку самую...

— Что за околесная... Какая, чортъ, пандурочка? Что такое? Собаченка, что ли?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— А! Помню... Вспомнилъ... Караковая! Киргизка, что мнѣ подарилъ Нарышкинъ. Ну? Привель? Дошла благополучно?..

Девлетъ стоялъ, совсѣмъ разинувъ ротъ, но страшно волновался и почти трясся, какъ въ лихорадкѣ. Врагъ человѣческой будто науськивалъ его отвѣчать князю:

«Точно такъ-съ, Караковая. Привести не удалось. Околѣла въ Кишиневѣ!»

Но вмѣсто этого онъ выговорилъ чрезъ силу:

— Никакъ нѣтъ-съ. Пандурочка — жена капитана пандурскаго полка, Карсанова, кою вы приказали мнѣ разыскать и доставить...

— Жена капитана? Доставить... Пандурочка? — заговорилъ Потемкинъ, растягивая слова и какъ-будто съ трудомъ сообщая и припоминая вмѣстѣ...

— Въ пути, на станціи, въ Малороссіи...—началъ было Девлетъ, но князь вскрикнулъ...

— Вспомнил! Вспомнилъ... Крохотуля!

— Такъ точно-съ.

— Вѣрно, вѣрно. Помню. Какъ не помнить! Хорошо даже помню. Глазки такіе... Ну... мышинные. Да и вся съ мышенка. Помню... Прелестъ... Ну, что же? Я приказывалъ, говоришь, доставить ее сюда ко мнѣ?

— Такъ точно-съ.

— Вотъ этого хорошо не помню. Да все равно...

— Вотъ-съ я, по вашему приказанію...

— Ну? Доставилъ?

— Доставилъ... Дѣло было мудреное, ваша свѣтлость... Но, благодаря Бога, все удалось.

— Рассказывай. Что и какъ!..

Князь оживился и улыбался.

Девлетъ-Ильдишевъ передалъ подробно всѣ свои приключенія и хлопоты съ самаго начала поисковъ въ Воронежѣ и до похищенія пандурочки при помощи переодѣванья и всякихъ хитростей.

— Молодецъ! Ей-Богу, молодецъ!—воскликнулъ князь, добродушно смѣясь... Только на театрѣ такое бываетъ... Въ балетахъ... А, вѣдь, я, Девлетка, не повѣришь, забылъ совсѣмъ... Съ той поры, что тебя послалъ, ни одинаго-то разу не вспомнилъ... Разъ какъ-то вспомнилъ: гдѣ мой Девлетка? Куда провалился?.. Хотѣлъ у Попова спросить, да тоже забылъ... А выходитъ, вонъ что... Ну, что же эта пандурочка — такая же шармантная?... Радъ буду... Ей-Богу, радъ буду...

Девлетъ разинулъ ротъ что-то сказать, но перхнулся, а затѣмъ, справившись, выговорилъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Опасаюсь я только, что вашей свѣтлости будетъ неприятно узнать, что...

— Что такое?

— Капитанша Карсанова попрежнему изъ себя пригожа, хотя малость и измѣнилась въ лицѣ отъ нѣкоторой причины.

— Подурнѣла?

— Такъ точно-съ. Малость.

— Отчего?

— Отъ женскихъ причинъ... Такъ сказать, отъ супружескихъ причинъ...

— Что? Говори! Ни чорта не понимаю.

— Она находится въ такомъ положеніи.

— Въ какомъ? Больна? Печальна?

— Въ тяжеломъ положеніи.

— Да изъ-за какихъ причинъ?

— Супружескихъ... Ваша свѣтл...

— Супружескихъ?..

Наступило молчаніе. Князь удивленно глядѣлъ на офицера, ничего не понимая, а Девлетъ въ крайнемъ волненіи все будто собирался что-то сказать еще и не имѣлъ духу вымолвить.

— Да хочешь ты или нѣтъ говорить толкомъ!—воскликнулъ, наконецъ, князь уже сердито.

— Капитанша Карсанова въ настоящее время находится уже на пятомъ мѣсяцѣ. Вотъ по сему.. вашей свѣтлости я и полагаю, это обстоятельство...

— Батюшки-свѣты!—закричалъ вдругъ Потемкинъ на весь домъ и, вскочивъ съ мѣста, быстро подошелъ къ Девлету. Молча постоявъ нѣсколько мгновений предъ офицеромъ, онъ вдругъ разразился громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ...

— Ой! Ой!.. Батюшки мои... Да что же... Ой!

Онъ двинулся, упалъ на турецкій диванъ и, продолжая хототать, выговаривалъ черезъ силу...

— Ой! Умориль... Ой, батюшки... Да какъ же... Да какъ же ты... Такъ зачѣмъ же!.. Ой, Господи... Ой!.. Умру...

Девлетъ стоялъ, нѣсколько оживившись, бодрѣе и веселѣе смотрѣлъ.

Наконецъ, князь пересталъ охотать и хохотать, отдышался, утеръ слезы на глазахъ и послѣ новаго конечнаго и краткаго припадка смѣха произнесъ утомленнымъ голосомъ:

— Какъ же ты ее привезъ? Дурень. Вѣдь, ты похитилъ у пандура наслѣдника. Чужихъ женъ воровать можно. А чужихъ дѣтей воровать законъ воспрещаетъ. А?

Девлетъ молчалъ и едва замѣтно улыбался.

— Она, можетъ, еще, пожалуй, съ двойней. Я тебѣ указывалъ пандурочку привезти, а ты мнѣ съ ней еще парочку пандурчатъ прихватилъ... Ой, батюшки!..

И неудержимый смѣхъ началъ снова душить князя.

— Ой, вотъ одолжилъ-то... Батюшки... Зови Попова... Надо ему рассказать... Этакое всѣмъ... Надо всѣмъ рассказать. Стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а этакое не бывало... Ай да похититель... Чужую жену съ потомствомъ увезъ... Для заселенія Молдавіи... Колонію привезъ! Съ партией переселенцевъ пріѣхалъ... Зови. Зови... Попова зови... О, батюшки..

Девлетъ вышелъ, а князь снова раскатисто захохоталъ и легъ на диванъ въ изнеможеніи.

— Ой, умру!..—слышалъ офицеръ черезъ затворенную имъ дверь.

X.

Когда Девлетъ-Ильдишевъ привелъ Попова къ князю и за тѣмъ по его приказу снова рассказалъ все, «не забѣгая впередъ», а какъ слѣдуетъ «по порядку», то снова въ кабинетѣ долго гудѣлъ смѣхъ.

— А? Каковъ гусь? Разсуди, Василий Степановичъ. Да ты пойми. Раскуси!—смѣялся князь.—И мой, да и Господень указъ заразъ исполнилъ Девлетка. Да какъ же? Плодитесь и множитесь, указалъ Господь. Вонъ онъ, гусь лапчатый, и восхотѣлъ, чтобъ это у меня въ главной квартирѣ арміи и въ моихъ именно апартаментахъ происхожденіе имѣло... А? Хорошо? Ай да повѣренный... А я-то у него вышелъ, что въ картахъ: король, дама самъ третей, а то и самъ пять.

И князь началъ острить еще болѣе рѣзко, выдумывалъ не вѣсть какія послѣдствія отъ диковиннаго казуса, такъ что, наконецъ, не только Поповъ, но и самъ Девлетъ невольно началъ хототать.

— Да, стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а второго этакого похитителя не приключится,—серьезно выговорилъ, наконецъ, князь, уже утомясь острить и смѣяться.

— Это точно-съ. Конечно,—отозвался Поповъ, улыбаясь.— Но виноваты вы, а не Девлетъ. Вѣдь, обыкновенно, изволите видѣть, бываетъ на свѣтѣ не такъ... Похищаютъ люди чужихъ женъ всегда сами и для себя... Ну, они при ближайшемъ знакомствѣ и сугубомъ вниманіи оплошать и не могутъ... Да и вольны—какъ имъ быть. А вѣдь тутъ все было по порученію и указу начальства... Ну, вотъ онъ въ точности все и исполнилъ. Не его дѣло было разсуждать и въ разсмотрѣніе обстоятельствъ входить.... противорѣчивыхъ и неподходящихъ.... Указано выше! И аминь! Ну, вотъ вмѣсто любовнаго приключенія и вышло, какъ вы изволите сказывать — король, дама самъ третей... Или въ нѣкоемъ родѣ переселеніе народовъ!.. Этакое косвенное намѣреніе колонизаціи Молдавіи русскими выходцами, да еще близнецами...

Князь хотѣлъ было разсмѣяться, но уже не могъ, а только поморгалъ глазами.

— Да. Авантюръ! Ну, что же?... Дай ему опять денегъ. Пускай опять путешествуетъ... А ты собирайся тотчасъ же, Девлетушка...

— Куда прикажете?—робко вымолвилъ офицеръ.

— Куда? Еще спрашиваетъ, гусь. Обратнo, восвояси. Вези назадъ!

— Въ Тамбовское намѣстничество?—съ дрожью въ голосѣ произнесъ офицеръ.

— Понятно. Откуда взялъ, туда въ цѣлости обратнo и доставь. А предъ супругомъ извинись, скажи, виновать, обмах-

нулся... Однако, шутки прочь... А ты, въ самомъ дѣлѣ, доставь ее до Тамбова, самъ ея супругу на глаза не кажись, чтобы не убилъ, а въ городѣ все-таки обожди, чтобы узнать, какъ все обошлось, а самъ прїѣзжай сюда... Въ другой разъ я тебя, будь спокоенъ, женъ красть посылать не буду, а то ты, пожалуй, обезлудишь всю матушку Россію и заселишь россиянами всю Турцію. Ну, маршъ... Добраго пути и удачи...

Девлетъ поклонился и вышелъ вонъ, а чрезъ нѣсколько минутъ не шелъ, а бѣжалъ по улицамъ города. Лицо его сіяло безмѣрнымъ счастьемъ и восторгомъ.

А князь говорилъ между тѣмъ Попову:

— Ну, а не приметъ ее обратно пандуръ? Что тогда? А?

Поповъ развелъ руками вмѣсто отвѣта.

— Что тогда дѣлать съ ней? Опозорена и погублена зря.

— Разведутся, а она выйдетъ опять замужъ. Вы же пожалуете ей пятьдесятъ душъ крестьянъ за безпокойство и на счастье, чтобы мужа другого найти...

— Радехонекъ буду. Хотя и безъ вины виноватъ. Дамъ сто душъ! Въ Новороссіи земли дамъ.

— Но, однако, думается мнѣ, что все обойдется. Старый пандуръ ее, небось, обожаетъ, да и ради своего пандурченка будущаго смилуется. Да ничего съ ней худого и не было. Только пропутешествовала капитанша. Можетъ поклясться мужу, что была и осталась благовѣрной его.

— Такъ-то такъ... Если смилуется... Ну, а не приметъ, говорю. А?

Поповъ пожалъ плечами и молчалъ.

— А другой никто не захочетъ жениться на опозоренной, что у мужа увозили, да еще ему и назадъ доставили: на-те, молъ. Больше не требуется... Вѣдь, тогда она на всю жизнь несчастная. Скажи-ка... А?.. Грѣхъ, такъ-то...

Поповъ все молчалъ, но вдругъ разсмѣялся попрежнему звонко.

— Что ты?.. Что?

Поповъ выговорилъ сквозь смѣхъ.

— Женить на ней... самого...

— Кого?

— Похитителя...

Князь фыркнулъ и разсмѣялся, но уже усталымъ смѣхомъ.

— По дѣломъ вору и мука, — сказалъ Поповъ, — то, бишь, женитьба. Не воруй даму самъ пять.

А между тѣмъ князь Девлетъ, пробѣжавъ нѣсколько улицъ города, вихремъ влетѣлъ въ домъ, гдѣ остановился со своей Аннушкой.

Она, слышавъ его быстрые шаги, обмерла, хотѣла встать, итти навстрѣчу и не могла.

— Все пропало... Требуется къ себѣ... — выговорила она вслухъ...

Девлетъ вбѣжалъ въ комнату, гдѣ она сидѣла, подбѣжавъ, схватилъ ее въ объятья и началъ безумно цѣловать...

— Что? Что? Что?—повторяла она, чуя, что все сошло благополучно.

— Приказалъ назадъ везти!—закричалъ онъ.

— Куда?

— Къ Кузьмѣ Васильевичу твоему...

— Не хочу! Не хочу! Лучше смерть!...—вскрикнула Аннушка.

— Глупая! Ничего не смыслишь. Моя ты теперь...

И Девлетъ рассказалъ и объяснилъ все...

— Стало быть, все слава Богу?—спросила она.

— Понятно. Надо только скорѣе уѣзжать, а оттуда я опишу, что Кузьма Васильевичъ тебя не хочетъ принять... А тамъ черезъ полгода опять напишу, буду просить позволенія изъ жалости на тебѣ жениться, изъ-за якобы совѣсти. Сглушилъ самъ и каюсь, молъ...

— Ты такъ и сказалъ—на пятомъ мѣсяцѣ.

— На пятомъ! Что смѣху было... А я думалъ, бѣда будетъ. А только смѣхъ былъ.

— Ну, слушай, милый, что я скажу теперь, благо, все слава Богу... Оно—правда.

— Что?

— На пятомъ—выдумка ради себя спасенія, а на первомъ... Ну, понялъ что ли, глупый?

И Аннушка подпрыгнула, повисла на шеѣ князя Девлета и начала цѣловать его въ губы, въ глаза и по всему лицу.

— Надо скорѣе съ глазъ долой, а тамъ хлопотать разводиться и вѣнчаться!—радостно воскликнула она.—Вѣдь, вотъ, Господи, судьба-то... Воровалъ ты меня по службѣ, по указу начальства, а уворовалъ для себя...

— Боюсь я... Вдругъ раздумаетъ и потребуетъ онъ тебя къ себѣ... поглядѣть...

— Ну, подушку и пристрою... И сойдетъ. Да носъ себѣ свеклой вымажу. Да буду душой пѣтой сидѣть и глаза тара-

щить. А то чесноку наѣмся, такъ чтобы всю его горницу насквозь продушить.

— Все лучше—скорѣе отсюда подальше.

И офицеръ снова побѣжалъ въ канцелярію главнокомандующаго, гдѣ тотчасъ же получилъ пять сотъ рублей на дорогу, но при этомъ выслушалъ и неожиданное, поразившее его предложеніе Попова.

— Будутъ коли еще нужны деньги,—заговорилъ онъ,—напишите... Князь приказалъ выдавать, сколько бы ни потребовалось. А главное вотъ что, голубчикъ... Если капитанъ краденую жену отринетъ и вновь назадъ принять не пожелаетъ, то ей надо хлопотать о разводѣ, а затѣмъ искать себѣ жениха и второго мужа... А когда она такового найдетъ, то князь ей пятьдесятъ душъ подарить въ приданое. Такъ рѣшено. Будь вы человекъ усердный и понятливый, то вы бы такой оказіи князю услужить и себя оправдать никакъ стороною не обѣжали бы...

Девлетъ не понялъ и попросилъ разъясненія.

— Да вотъ, взяли бы да сами и женились на этой пандурочкѣ, принявъ всю вину на себя... А то вотъ, пронюхаетъ пандуръ всю правду, бросится, пожалуй, въ Петербургъ жаловаться, шумѣть... Беременную жену увезли. Узнается тоже и «тамъ», что князь посылалъ васъ воровать пандурочку... Ему это все, да еще даромъ, безъ всякой пользы, неприятно... Все бы уладилось просто и сразу, еслибъ вы сами повѣнчались съ этой крохотулей. А что наслѣдникъ будетъ у васъ не собственный... что за важность! Подумай-ка. Одолжить нашего князя—великая польза бываетъ. Онъ зло плохо помнить, а на добро памятенъ.

Девлетъ вздохнулъ, потупился и, опустивъ глаза, выговорилъ почтительно:

— Доложите князю, что все такъ точно и будетъ. Или капитанъ приметъ супругу обратно, да еще честно и кротко, либо она будетъ княгиней Девлетъ-Ильдишевой, а самъ свѣтлѣйшій, подавъ помощь въ дѣлѣ развода, обѣщается быть посаженнымъ отцомъ...

— И крестнымъ отцомъ!—воскликнулъ Поповъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ!..—будто испугался офицеръ.—Этой чести я не прошу... Развѣ что послѣ, для второго ребенка, настоящаго...

— Вѣрно! Вѣрно... Да, впрочемъ, Богъ милостивъ, старый пандуръ проститъ молоденькую жену. Вотъ вы тогда и въ

барышахъ полныхъ... Усердіе свое показали теперь же, а жертвовать собой не придется... Ну, съ Богомъ въ путь. А я доложу.

Когда Девлетъ выходилъ изъ комнаты, Поповъ, усмѣхаясь, крикнулъ ему въ догонку:

— А все-таки скажу: какъ это было не доглядѣть и чужую жену увозить... съ потомствомъ...

Офицеръ, странно смѣясь, отозвался съ порога:

— На всякаго мудреца довольно простоты.

XI.

Прошло полгода... Былъ май мѣсяцъ. Петербургъ только что начиналъ одѣваться зеленью, но въ саду Таврическаго дворца уже была настоящая весна въ расцвѣтѣ, пахло травой и листвою.

Въ самомъ дворцѣ, казалось со стороны, происходитъ что-то необычайное, рѣдкое, торжественное. Пиршество или празднество по случаю праздника или дня ангела...

Въ дѣйствительности не было ничего особеннаго, а заурядное и ежедневное явленіе, къ которому весь Петербургъ уже давно привыкъ.

У свѣтлѣйшаго князя Таврическаго былъ простой приѣмъ... Но дѣло въ томъ, что весь Петербургъ, а за нимъ пріѣзжая Москва, а за ними и пріѣзжая провинція отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ польскихъ предѣловъ до уральскихъ, заливали волнами стѣны дворца всемогущаго вельможи... Всѣ залы были переполнены военными и гражданскими чинами, гдѣ все перемѣшалось въ яркую радужную толпу, гдѣ толкались рядомъ и генераль, и капраль, и сенаторъ, и регистраторъ земскаго суда, и купецъ въ длиннополомъ кафтанѣ и въ бородѣ... А среди нихъ и посланники, и дипломатическіе агенты, и гонцы разныхъ иноземныхъ государствъ, которые «искали» у свѣтлѣйшаго больше, чѣмъ у самой царицы.

Если она общается что-либо, то прежде, чѣмъ рѣшить, посовѣтуется съ нимъ: нужно ли? Если онъ что общается, то прежде, чѣмъ рѣшить, доложить ей, что такъ надо и слѣдъ.

Прошелъ уже часъ, что Таврическій все еще не открывалъ дверь своего кабинета...

Наконецъ, изъ этой двери вышелъ Василій Степановичъ Поповъ и, смѣшавшись съ толпой, здоровался кругомъ себя,

кланялся или кивалъ головой. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ озирался пытливо, будто искалъ кого глазами.

Наконецъ, онъ улыбнулся и двинулся къ угольному окну, гдѣ стоялъ, стиснутый другими, молодой и красивый офицеръ...

— Князекъ! — позвалъ онъ. — Васъ ищу, сударь мой. Еле узналъ. У-у! Постарѣлъ, молодецъ! Да и давно, впрочемъ, не видались. Пожалуйте...

— Къ князю? — отозвался офицеръ, радостно удивленный.

— Вѣстимо... Дивитесь, что васъ перваго желаетъ видѣть Григорій Александровичъ. Что-жь? По заслугѣ. Забыли, что я тогда сказывалъ, что онъ на добро, а не на зло сугубо памятенъ...

Оба двинулись къ дверямъ кабинета, и Поповъ по дорогѣ спросилъ:

— Какъ здоровье супруги?

— Слава Богу...

— А вашего... Ну, все-таки надо сказать: вашего... наследника? Или дочки, можетъ быть...

— Только еще ожидаю таковыхъ... Богъ дастъ, чрезъ три мѣсяца буду отцомъ...

— А тотъ-то... Ну, что прихватили тогда по недосмотру... Пандурченокъ?

— Тотъ, видите ли... Тотъ, какъ бы сказать... Ужь очень заспѣшилъ на свѣтъ прійти... Ну, и...

— Померъ? За отцомъ послѣдовалъ...

— И не жилъ!

— Да. Вотъ что! Однако, надо сказать, что если онъ и не жилъ и, стало быть, не мыслилъ, а все-таки умно поступилъ.

Оба разсмѣялись и вошли въ кабинетъ князя.

Чрезъ полчаса, пока сотни гостей, сановниковъ и просителей, и сильныхъ міра, и маленькихъ людей терпѣливо ждали, князь Девлетъ стремительно вышелъ отъ вельможи, радостный и сіяющій съ бумагой въ карманѣ.

Свѣтлѣйшій наградилъ по-царски. Сто душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, чинъ капитанъ-поручика и двѣсти червонцевъ на будущій зубокъ будущихъ князька или княжны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ несъ низжайшій поклонъ свѣтлѣйшаго почти незнаемой имъ, но не мало потѣпившей его, княгинѣ Девлетъ-Ильдишевой.

XII.

Прошла недѣля. Въ одномъ изъ переулковъ около Казанскаго собора, въ небольшой квартирѣ сидѣли въ своей спальнѣ мужъ и жена—князь Девлетъ и крошечная княгиня...

Съ ними, вѣроятно, случилось какое-нибудь несчастье, у нихъ было, очевидно, какое-то горе. Князь сидѣлъ, опершись локтями на столъ и сжимая голову въ рукахъ, какъ бы въ страшной заботѣ, а то и въ отчаяннн. Она сидѣла у окна въ креслѣ и грустно, не спуская глазъ, смотрѣла на мужа.

— Да! Грѣхъ и мерзость... — выговорилъ онъ. — Все есть, все на лицо... И убійство, и мошенничество, и обманъ, и подлость... Все есть... Послѣ этого всего — счастья въ жизни не жди. Господь такихъ наказываетъ. Того дѣла поправить нельзя, мертваго не воскресишь... Я утѣшаюсь тѣмъ, что тогда жестокосердо поступилъ съ старикомъ, дѣйствуя не для себя. Тогда я еще тебя не любилъ и того всего предвидѣть, что приключилось, не могъ. Но теперь... Вотъ это поступленіе съ благодѣтелемъ, съ человѣкомъ и вельможей, отъ коего я, кромѣ чести и ласки, ничего не видалъ, мерзко, подло и даже грѣхъ... Не уступать тебя ему и взять хитростью?.. Не удовлетворить прихоти, чтобы спасти свое добро, свое счастье?.. Пожалуй, даже слѣдовало. И совѣсть молчала... А теперь... Получить награду отъ человѣка за то, что обманулъ и насмѣялся надъ нимъ?.. Не могу и не могу...

И Девлетъ глубоко вздохнулъ, всталъ и началъ взволнованно шагать по маленькой комнатѣ назадъ и впередъ...

— Въ десятый разъ сказываю тебѣ,—вымолвила княгиня... Не ходи самъ... Напиши, все расскажи и откажись отъ награды, отъ всего. А тамъ убѣжимъ куда. На край свѣта. Авось, не разыщутъ... А если и разыщутъ по его приказу, то что же онъ сдѣлаетъ. Ты не его жену законную украдешь... Ну, въ Сибирь сошлетъ... И тамъ люди живутъ. А я такъ полагаю, что за чистосердечное признаніе и отказъ отъ награды не заслуженной онъ оплатитъ молчкомъ, а не мщеніемъ.

Наступило молчаніе. Князь ходилъ еще съ полчаса, волнуясь и вздыхая, и, наконецъ, воскликнулъ:

— Не могу... Рѣшено! Укладывай пожитки, а я сяду писать...

— Слава Богу! По крайней мѣрѣ, конецъ мученіямъ,—отозвалась она.

— И начало страхамъ!—прибавилъ онъ.—Да, онъ такъ не оставить. Онъ прикажетъ насъ разыскать въ Петербургѣ, а когда не найдутъ, укажетъ розыскъ по всѣмъ трактамъ почтовымъ. Да это что... Не сейчасъ, не теперь, такъ черезъ мѣсяцъ, ну, чрезъ полгода, ну, черезъ годъ... а все-таки разыщетъ и угонитъ въ Сибирь или засадитъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

— Мнѣ этого сердце не говорить... Да и беззаконіе было бы это...

— Э-хъ, бабы... Не знаешь ты ничего. А я самъ на службѣ и знаю, что творится по волѣ сильныхъ людей... Теперь, вотъ, одинъ въ Шлиссельбургѣ уже второй годъ сидитъ за то, что онъ только... Ну, да что зря болтать!.. Рѣшено—и конецъ. Укладывайся, а я мигомъ все на бумагѣ изложу. Сами выѣдемъ на Ригу, а письмо оставлю, чтобы подали свѣтлѣйшему чрезъ три дня...

Въ тотъ же вечеръ бричка съ верхомъ тройкой почтовыхъ лошадей выѣехала въ Нарвскую заставу. Въ ней были бѣглецы отъ гнѣва всесильнаго вельможи.

ХІІІ.

Когда послѣ быстрого пути безъ остановокъ мужъ и жена очутились въ гостиницѣ среди чужихъ людей и по норову, и по языку, — въ Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, среди кипы бумагъ, полученныхъ въ этотъ день, была бумага, краткая, исписанная лишь на полтора страницахъ...

Вельможа, прочитавъ ее, перечелъ снова и, не обращая вниманія на слѣдующія за ней, всталъ и началъ ходить по кабинету...

— Эй, кто тамъ! — крикнулъ онъ, наконецъ, громко. На порогѣ появился молодой чиновникъ, недавно поступившій въ канцелярію, сынъ родовитыхъ дворянъ и крестникъ князя, котораго онъ очень любилъ и отличалъ.

Князь взялъ со стола бумагу.

— Вотъ, Петруша... Снеси это Попову... Самъ снеси и скажи, что я прошу прочесть, мнѣ возвратитъ и прошу его совѣта, какъ мнѣ поступить...

Когда молодой человекъ вышелъ, князь снова зашагалъ задумчивый, но нетерпѣливо поглядывалъ изрѣдка на дверь, изъ которой ожидалъ возвращенія крестника и отвѣта.

Наконецъ, этотъ снова явился съ бумагой.

— Ну?

— Василий Степановичъ,—произнесъ онъ, улыбаясь,—прочитавъ, сказали: «ахъ, аспидъ!». А затѣмъ приказали доложить одно слово: «Наплевать!».

— Наплевать?!

— Точно такъ-съ!

— Что онъ? Спятилъ!

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Такъ слушай ты, Петруша. И будь третейскимъ судьей... Ты умница у меня. Разууди.

И князь внятно, медленно, вразумительно прочелъ письмо князя Девлета, который кратко, но горячо и сердечно объяснялъ свой обманъ, двойной обманъ. Относительно перваго обмана, говорилъ онъ, его совѣсть была и осталась спокойна, но относительно втораго обмана совѣсть его возмутилась, онъ не имѣетъ ни дня, ни ночи покоя. Поэтому онъ рѣшилъ не принимать награды, не являться за ней въ канцелярію и имѣетъ съ тѣмъ бѣжать отъ гнѣва вельможи на край свѣта. Кончивъ, князь спросилъ:

— Понялъ?

— Понялъ-съ. Правъ Василий Степановичъ, что аспидъ. Совѣсть взяла!

— Молокосось! Да развѣ аспидовъ совѣсть беретъ когда?— вскрикнулъ князь.

— Иуду, предателя Христова, позвольте доложить вашей свѣтлости,—и того совѣсть взяла, коли удувился. А Иуда хуже всякаго аспида...

— Вѣрно! Умница... Ну, говори, ты бы что сдѣлалъ?

— Словить да поучить примѣрно. Что же другое?

— Какъ поучить?

— Какъ вашей свѣтлости будетъ угодно.

— Не хочу я этого. Вотъ что!

— Тогда ужъ, какъ сказывать изволить Василий Степановичъ: наплевать надо.

— Ни за что!—воскликнулъ князь.—Такъ не оставлю, а, напротивъ, примѣрно поучу всѣхъ другихъ...

Молодой человѣкъ улыбался почтительно и, наконецъ, вымолвилъ нерѣшительно:

— Изъ-за ослушника одного да всѣмъ другимъ въ отвѣтъ итти.. Какъ можно! Ваша свѣтлость всегда справедлива. А это было бы по пословицѣ: Матрена стащила, а Алена за нее взвыла.

— Да вотъ, погляди, какъ у меня всё твои Алены если не завоюютъ, то заорутъ...

XIV.

Строжайшій приказъ свѣтлѣйшаго былъ исполненъ не скоро, но въ точности.

Всякій день при докладѣ князь спрашивалъ у Попова, разыскалъ-ли Девлетъ-Ильдишевъ съ женой, и каждый разъ снова строго приказывалъ: весь свѣтъ насквозь перерыть и перешарить, но чтобы офицеръ съ женой были найдены и доставлены.

И, наконецъ, однажды, чрезъ полтора мѣсяца, Поповъ доложилъ, что бѣглецы арестованы около Риги и уже привезены въ столицу...

— Что прикажете съ ними?

— Завтра же ко мнѣ пораньше притащи и его, и ее... Я съ ними самъ раздѣлаюсь, собственноручно. Узнаютъ они меня, да я вы всё тоже...

На утро, много ранѣе часа, когда обыкновенно начинался съѣздъ и приѣмъ у вельможи, въ Таврическій дворецъ были доставлены въ бричкѣ съ солдатомъ на козлахъ около кучера, офицеръ и маленькая женщина.

Ихъ провели не въ парадные апартаменты, а другимъ ходомъ, чрезъ частныя комнаты князя, прямо въ его спальню... Но князь уже давно поднялся, умылся и, покинувъ халатъ, вышелъ въ кабинетъ.

Камердинеръ, любимецъ князя, явился и доложилъ:

— Девлетъ тутъ въ опочивальнѣ.

— Одинъ?

— Нѣтъ-съ... Съ женой.

— Со своей, стало быть, дражайшей половиной. Вѣрнѣе сказать... съ своей восьмушкой... И не дражайшей, а поди, теперь, дрожащей,—шутилъ князь.

— Это точно, ваша свѣтлость. Даже смотрѣтъ жалко... Ей-Богу... Лица на нихъ обоихъ нѣтъ... Бѣлые, ошалѣлые. Просто я не знаю... Я бы вотъ... Вотъ предъ Богомъ...

— Что?

— Ужъ не знаю... А я бы обратилъ гнѣвъ на милость.

— Потому, что ты дуракъ. А вотъ погляди, что я сдѣлаю. Давай его сюда, а ей вели ждать.

Через нѣсколько мгновений на порогѣ показался князь Девлетъ-Ильдишевъ, сильно измѣнившійся за малый промежутокъ времени со своего бѣгства и до поимки. Онъ похудѣлъ и къ тому же былъ теперь блѣденъ, какъ полотно.

— Подойди, воръ, лгунъ и обманщикъ, — выговорилъ князь тихо.

Офицеръ приблизился невѣрными шагами, потупившись, глаза были опущены, и онъ не видѣлъ князя, а шелъ на голосъ.

— Посмотри на меня.

Офицеръ поднялъ глаза, но глядѣлъ въ сторону, на стѣну.

— На меня смотри! Прямо въ глаза!

Через силу глянулъ несчастный въ лицо вельможи и вострепнулся...

— Поцѣлуемся...

И, обнявъ офицера, князь трижды расцѣловался съ нимъ.

— Честнаго человѣка мнѣ не всякій-то день облобызать приходится, Девлетка... Ну, слушай. Первое твое дѣло, кто изъ насъ вспоманетъ — тому глазъ вонъ. А за второе дѣло — отказъ отъ награды, я тебѣ даю теперь чинъ капитана, а къ прежней данной сотнѣ душъ накидываю пустопорожную землю въ Новороссіи, да беру опять къ себѣ для важнѣйшихъ порученій, въ коихъ совѣстливые люди нужны... Ну, вотъ...

Девлетъ упалъ на колѣни, не имѣя силъ вымолвить ни единого слова.

— Полно. Вставай. Это честно заслужено. Тысячу человѣкъ поступили бы не по-твоему. Ты, братецъ, одинъ на тысячу. Пока я живъ, ты будешь при мнѣ и мой самый довѣренный... Ну, ступай, обрадуй жену...

Офицеръ поднялся и отъ счастья и восторга глядѣлъ, какъ безумный...

— Да. Вотъ что еще... Крохотули твоей я видѣть не хочу... Сначала было хотѣлъ... А утромъ нынѣ куражу не хватило. Все-таки... все-таки всѣ мы грѣшные, слабые люди, человѣки. Вотъ я и испугался, что меня вдругъ завидки возьмутъ... Вдругъ крохотуля опять меня сразу заморозитъ. Что тогда?.. Ну, стало быть, подальше отъ грѣха... И я тебѣ вотъ что скажу, ты обожди мнѣ ее показывать... Вотъ, когда она тебѣ парочку дѣтокъ подаритъ, тогда смѣло кажи ее мнѣ. Матерей семействъ я глубочайше уважаю...

— Ваша свѣтлость! — воскликнулъ, наконецъ, Девлетъ. — Такому золотому человѣку, какъ вы, то-есть великодушнѣйшему

въ мірѣ, можетъ иной и дорогую, любимую жену уступить. Ну, хоть одинъ на тысячу человѣкъ, да пойдетъ на это.

Князь улыбнулся, а потомъ разсмѣялся.

— Полно. Не правда. По нашимъ временамъ, такому, какъ я, то-есть Таврическому князю, одинъ на тысячу не уступить. Вотъ поэтому-то ты рабу Божьему Григорію и любь, что не уступилъ тогда даже чужую, не только свою...

Са-е-іѹ Па-ичъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Семья Гаранскихъ сидѣла за столомъ. Обѣдъ близился къ концу. Сѣли за столъ около шести часовъ, а въ половинѣ седьмого уже подали сладкое блюдо въ видѣ печеныхъ яблокъ. Всѣ спѣшили, а дѣти были веселы, необычно нервно настроены.

Петербургскій чиновникъ, Алексѣй Ивановичъ Гаранскій, уже двадцать слишкомъ лѣтъ служащій въ министерствѣ и тихо идущій въ гору, приближался къ тому мѣсту на этой горѣ, далѣе котораго такимъ, какъ онъ, хода нѣтъ. Плотный, съ красноватымъ лицомъ, плѣшивый, въ золотыхъ очкахъ, онъ сидѣлъ сильно понурясь, даже сгорбившись по привычкѣ. Вся дѣятельность всей его жизни была—сидѣнье. Отъ одиннадцатаго часа до четвертаго въ министерствѣ, а отъ восьми до одиннадцати дома за бумагами.

Это былъ характерный столоначальникъ, которыхъ по справедливости слѣдовало называть столосидѣльцами, вслѣдствіе того, что въ его должности начальствовать было собственно не

надъ чѣмъ. Столъ, въ видѣ трехъ подчиненныхъ ему, работалъ механически, какъ немудреная и несложная машина, много проще Ремингтоновой.

Анна Сергѣевна Гаранская была тоже пожилая женщина, очень худощавая, рано состарившаяся. Она была уроженка Петербурга и за всю жизнь дальше Павловска или Парголова не ѣздила. Какъ-то не пришлось, некогда было. Сначала ея отцу и матери некогда было куда-либо ее свозить прогуляться, а затѣмъ, когда она вышла замужъ, ей самой некогда было и не на что двинуться. Впрочемъ, теперь она съ семьей собиралась въ Старую Русу... уже лѣтъ съ восемь. Это было большое утѣшеніе. Появилась она на свѣтъ среди многочисленной семьи мелкаго чиновника, у котораго было очень мало жалованья и очень много дѣтей. Все дѣтство и часть юности, проведенныя въ маленькой квартирѣ на шестомъ этажѣ, въ комнатѣ, гдѣ спало шесть человѣкъ братьевъ и сестеръ, отсутствіе воздуха, скудная пища, затѣмъ раннее замужество, повтореніе роли ея матери въ свой чередъ, т.-е. тѣ же заботы, тѣ же дѣти, тѣ же попытки одолѣть мудреную науку—сведеніе концовъ съ концами, наконецъ, петербургскій климатъ,—все вмѣстѣ сдѣлало то, что теперь Аннѣ Сергѣевнѣ казалось пятьдесятъ лѣтъ, а въ дѣйствительности шелъ тридцать седьмой годъ.

Подобно ей и ея братьямъ и сестрамъ, ея собственныя дѣти были также блѣдны, худощавы, смотрѣли кисло. Эти дѣти никогда не капризничали, не буянили, даже не шалили. Старшій, пятнадцатилѣтній гимназистъ, казался двадцатилѣтнимъ по сложенію, по пискливому голосу, учился туго. Всѣ часто болѣли и не было ни единой, казалось, болѣзни на свѣтѣ, которой бы эти дѣти избѣгли, за исключеніемъ чумы. Десятая часть жалованья Гаранскаго уходила на стекляночки и баночки для «внутренняго» и «наружнаго» употребленія.

Младшій ребенокъ,—дѣвочка, семилѣтняя Оля, была самое живое существо, ибо менѣе хилое. Ей случалось изрѣдка, раза два-три въ мѣсяцъ, и пошалить и покапризничать. Это было такое рѣдкое явленіе въ семьѣ, что всѣхъ—и отца съ матерью, и дѣтей—оживляло.

Семья спѣшила теперь отобѣдать, потому что день былъ особенный, чуть не торжественный: въ домѣ была елка и около восьми часовъ должны были свѣзжаться гости. Гостей ожидалось много. Разумѣется, все это были сослуживцы Гаранскаго, такіе же чиновники, какъ и онъ, съ тѣмъ же прошлымъ и,

конечно, съ тѣмъ же будущимъ. У всѣхъ были жены и дѣти, тоже усердные данники врачей и аптекъ.

Когда сослуживцы собирались вмѣстѣ въ праздникъ или на чьи-либо именины, рожденье, то изображали странное явленіе. Всѣ они были будто членами одной семьи и во всякомъ случаѣ одной породы. Казалось, что у всѣхъ отцовъ, матерей и дѣтей были тѣ же качества, тѣ же недостатки, духовные и тѣлесные, и было то же кислосладкое отношеніе ко всему міру Божьему на основѣ одинаковаго худосочія. Если бы статистика занялась породой петербургскихъ мелкихъ чиновниковъ, то, конечно, открыла бы, что со временъ Елисаветы и Екатерины врядъ ли кто продолжаетъ свой родъ. По всей вѣроятности, эти роды вымираютъ и исчезаютъ на третьемъ, четвертомъ поколѣніи. А если порода не прекратилась, то исключительно потому, что пополняется свѣжими экземплярами изъ провинціи, которые асимилируются, вѣрнѣе, заражаются, чтобы тоже выродиться и тоже исчезнуть въ свой чередъ.

Послѣ обѣда дѣти ушли изъ столовой въ спальню, а отецъ съ матерью и старшій сынъ гимназистъ перешли въ гостиную, среди которой стояла небольшая елка, уже увѣшанная довольно обильно всякаго рода скромными украшеніями—отъ яблоковъ, апельсиновъ и золотыхъ орѣховъ до звѣздочекъ и дешевыхъ коробочекъ съ конфетами. Кругомъ на полу было разставлено много игрушекъ и для своихъ дѣтей, и для тѣхъ, что пріѣдутъ въ гости.

Мужъ и жена занялись елкой, чтобъ окончательно все привести въ порядокъ. Гимназистъ помогалъ вяло, медленно, не спѣша, какъ бы нехотя. Онъ все такъ дѣлалъ. Дѣти въ спальнѣ начали переодѣваться, чтобъ облечься въ свои праздничныя платья. Маленькая Оля, начавъ было тоже переодѣваться, вдругъ выскочила изъ комнаты, пробѣжала коридоръ и влетѣла въ кухню. Она вспомнила, что тамъ сидитъ ея пріятель, котораго надо провѣдать.

Дѣйствительно, въ кухнѣ, въ углу, на лавкѣ за столомъ сидѣлъ гость. При свѣтѣ керосиновой лампочки виднѣлось въ уровень съ большимъ столомъ маленькое дѣтское лицо, бѣлое, съ легкимъ румянцемъ, большіе синіе, дѣтски-серьезные глаза и золотомъ сияющая кудрявая голова. Передъ ребенкомъ стояла тарелка съ обѣдами, на которой были: обглоданныя двѣ косточки отъ курицы, кусокъ недоѣденнаго пирога и акуратно обсосанныя сердцевины печеныхъ яблоковъ. На одной тарелкѣ сошлись облатки сегодняшняго обѣда.

Дѣвочка подбѣжала къ столу и крикнула:

— Ну, лупоглазый, поѣль?

— Поѣй! отозвался мальчуганъ, картавя по-дѣтски.

— Сытъ?

— Сить!

— Одѣваться будешь, лупоглазый?

Дѣвочка сама не понимала, что значить употребляемое ею слово, а подражала отцу, прозвавшему такъ мальчугана за его большіе, не-выкатѣ, глаза.

Онъ, недоумѣвая, глядѣлъ съ своего мѣста черезъ столъ и ничего не отвѣтилъ.

— Одѣваться будешь? повторила Оля.

— Одѣваться?! повторилъ онъ.

— Ну да! Другое платье надо. Гости будутъ. Надѣвай другое платье.

— Какое?

Женщина, возившаяся съ чѣмъ-то въ углу кухни, разсмѣялась глуповато и выговорила:

— Да ему не во что, барышня, одѣваться! У него кромѣ того, что на немъ, ничего другого нѣтъ. Его на елку пустить нельзя этакаго, чумазаго.

— Какъ нельзя? вдругъ опечалилась дѣвочка.

— Нельзя ему такимъ грязнымъ итти. Для гостей срамъ. А другого ничего у него нѣтъ. Тутъ посидить. А вы ему приплите чего-нибудь съ елки. Впрочемъ, сапожникъ сказалъ, что зайдетъ за нимъ въ девять часовъ.

Дѣвочка, ни слова не отвѣтивъ, повернулась, пролетѣла по всему коридору, влетѣла въ спальню, гдѣ переодѣвались сестры, оглядѣлась и побѣжала черезъ столовую и переднюю къ дверямъ гостиной. И здѣсь она начала визгливо кричать: «мама!» а затѣмъ начала стучать кулаченкомъ въ дверь.

Гаранская вышла, пріотворила дверь слегка, дабы дѣвочка не могла увидѣть что-либо въ гостиной, и спросила, что ей нужно. Эта, путаясь, все-таки объяснила чего желала. Мать приказала ей итти одѣваться, а сама, вернувшись въ гостиную, спросила мужа, какъ быть.

— Ну, что же, отозвался добродушно Алексѣй Ивановичъ, — Богъ съ нимъ! Коли случился у насъ, то и его надо пустить! Надѣнь на него штанишки и рубашенку съ Мити. Какъ разъ подойдутъ. Скажемъ, что сирота. Никто не обидится! Онъ же тихій и скромный. Только вели его умыть.

II.

Черезъ часть въ квартирѣ Гаранскихъ было шумно и тѣсно. Хотя комнаты были довольно просторныя, еще просторнѣе отъ скромной обстановки, тѣмъ не менѣе все было переполнено. Родителей и дѣтей набралось, по крайней мѣрѣ, двадцать пять человѣкъ. Молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ людей приглашено не было на этотъ разъ. Размѣры квартиры не позволяли, да и празднество было дѣтское.

Уже когда начали раздавать игрушки, обрѣзывать съ елки и дѣлить между дѣтьми всякую мелочь, появился новый гость, человѣкъ средняго роста, полный, гладко остриженный, подъ гребенку, и тщательно обритый. Отсутствіе усовъ дѣлало его толстый, большой носъ неправильной формы похожимъ на картофелину, а толстыя, оголенные губы казались еще толще. И какая-то странная складка въ этихъ губахъ бросалась въ глаза. Въ ней сказывалась добродушная горечь или тоскливое благодушіе.

Вновь прибывшій былъ единственнымъ гостемъ Гаранскаго, который не былъ его сослуживцемъ и вообще на службѣ не состоялъ. Это былъ старый холостякъ, Иванъ Николаевичъ Басковъ, шестидесятилѣтній, грузный, но бодрый старикъ. Уже давно, лѣтъ тридцать, онъ проживалъ все лѣто въ своемъ имѣніи, гдѣ-то около Валдайскихъ горъ, а зиму въ Петербургѣ.

Знакомыхъ у Баскова было сравнительно не много; онъ былъ нелюдимъ и домосѣдъ. Прежде онъ занимался всякаго рода аферами, теперь же ровно ничего не дѣлалъ, только ежедневно по утрамъ писалъ какое-то сочиненіе. Писалъ онъ уже давно, но никогда никому не прочелъ ни страницы и о чемъ было оно—никому не было извѣстно.

Баскова встрѣтила хозяйка особенно радушно. Онъ былъ почетный гость, такъ какъ былъ другомъ ея дѣтей. Подъ елкой и теперь лежало нѣсколько игрушекъ, присланныхъ имъ, а въ рукахъ его была огромная бомбоньерка для тѣхъ же маленькихъ друзей его.

— Иванъ Николаевичъ! Иванъ Николаевичъ! раздались визгливо радостные дѣтскіе голоса.

Иванъ Николаевичъ перездоровался со всѣми и всѣ особенно поспѣшно и предупредительно подавали ему руку. Чиновники помоложе расшаркивались, постарше любезно сгибались. Впрочемъ, всюду, гдѣ являлся Басковъ, въ средѣ своихъ многочис-

ленныхъ знакомыхъ онъ пользовался особымъ расположеніемъ. На это было три важныхъ причины: добродушіе и простота обращенія, большія средства и полная личная независимость ото всѣхъ и ото всего.

Приблизясь къ кучкѣ дѣтей, обступившихъ елку, Басковъ добродушно улыбаясь расцѣловалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, приласкалъ и погладилъ по головкѣ тѣхъ, которыхъ зналъ меньше.

Перекинувшись лишь нѣсколькими словами кое съ кѣмъ изъ гостей, онъ тотчасъ же сѣлъ въ углу гостиной близъ окна и сталъ глядѣть.

Сборище дѣтей всегда производило на него особенное впечатлѣніе. Онъ становился сразу оживленнѣе и радостнѣе, затѣмъ по-немногу серьезнѣе и задумчивѣе... И случалось иногда, что это раздумье кончалось подавленнымъ вздохомъ. Но что это было за раздумье — было такою же тайной, какъ и его средства, его состояніе, а равно и писаніе безконечнаго сочиненія. Усѣвшись, Басковъ одинъ какъ бы изобразилъ публику, а всѣ остальные гости стали лицедѣями для него, и старыя, и взрослые, и маленькія, чуть видныя отъ земли, — всѣ суетились, болтали, кричали, пересмѣивались. Въ комнатѣ были толкотня и гулъ. Переведя глаза съ елки на дверь въ прихожую, Басковъ увидалъ у самой притолки на стулѣ крошечнаго мальчика, хорошенькаго, въ красной рубашenkѣ. И онъ невольно задался вопросомъ, почему же этотъ ребенокъ сидитъ въ углу у дверей, а не кружится съ другими среди игрушекъ. И онъ сталъ внимательно присматриваться къ ребенку.

«Наказанъ онъ, что ли, родителями за шалость? Или больной, безногій что ли?» думалъ Басковъ.

Мальчикъ казался на видъ лѣтъ четырехъ или пяти, но глаза, большіе, спокойные, пронизательные, поражали отсутствіемъ дѣтскаго выраженія. Взоръ былъ немного старше тѣла. Мальчикъ глядѣлъ на все окружающее такъ же добродушно-задумчиво, какъ сейчасъ и самъ Басковъ.

Долго глядѣлъ онъ на ребенка, наконецъ, не выдержалъ... Любопытство взяло верхъ и, вставъ, онъ подошелъ и сѣлъ около него. Погладивъ его по кудрявой золотистой головкѣ, онъ спросилъ:

— Ты что же тутъ сидишь, къ елкѣ не идешь?

— Заюгаютъ, отозвался ребенокъ твердо, серьезно и какъ-то особенно рѣшительно.

— Отчего? Кто же заругаетъ? Иди.

— Баиня не пиказая...

— Почему?... Какая барыня?

Ребенокъ не отвѣчалъ, но Басковъ догадался однако, что слово «баиня» опредѣляло общественное положеніе его.

— Какъ тебя звать? спросилъ онъ, усмѣхаясь серьезному лицу крохотнаго человѣка.

— Саей! быстро и кратко сказалъ тотъ, будто бросилъ слово.

— Какъ?! Какъ?! переспросилъ Басковъ.

— Са-е-й, протянулъ мальчикъ вразумительно и затѣмъ два раза повторилъ то же.

Умные глаза его, устремленные на Баскова, удивлялись непонятливости собесѣдника.

— Это что же, твое имя?

— Да!..

— Диковинное имя! Понять невозможно... Повтори-ка опять?

Ребенокъ будто сообразилъ, что нужно объясниться толково, и крикнулъ громко:

— Са-е-й Па-ичъ!

Но онъ произнесъ такъ быстро, что Басковъ могъ только слышать и понять: «Сай Пай».

Онъ разсмѣялся весело.

— Да это что же? Твоя фамилія?

Ребенокъ не отвѣтилъ, очевидно совсѣмъ не понявъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Семмой... Ское семь.

— Семь? Ну, мало похоже... Съ кѣмъ ты сюда пріѣхалъ? Съ отцомъ? Съ матерью?

— Нѣтъ! тряхнулъ мальчикъ головой.

— Кто тебя привезъ?

— Не привезъ! Пѣшкомъ пришелъ, отвѣтилъ ребенокъ, продолжая картавить.

— Ну, привелъ же тебя кто-нибудь?

— Сапозникъ!

— Какой сапозникъ?

— Какъ какой? удивился мальчикъ.— Демьянъ Ваничъ.

— Демьянъ Иванычъ? понялъ Басковъ. — Сапозникъ? Онъ тебѣ родственникъ?

— Нѣтъ!

Басковъ далъ еще нѣсколько вопросовъ ребенку, но окончательно ничего не понялъ. Завидя недалеко гимназиста Петю, онъ подождалъ его и спросилъ про человѣка.

Петя объяснилъ, что мальчикъ по имени Савелій — сирота, котораго приводятъ къ нимъ изрѣдка, чтобъ играть съ младшимъ братомъ и сестрой Олей. И Петя прибавилъ покровительственно:

— Онъ славный мальчикъ, умный, тихій!.. На видъ кажется малъ, но ему уже семь лѣтъ. Учиться пора!

И гимназистъ какъ бы съ высоты своего величія погладилъ ребенка по головкѣ и спросилъ:

— Хочешь, я тебѣ гостинца принесу съ елки?

— Принеси, отвѣтилъ этотъ.

— «Стало-быть Савелій» думалъ про себя Басковъ. «Ну, поди, догадайся, когда вамъ говорятъ: Са-ій».

Однако, гимназистъ, обѣщавшій гостинца, заговорилъ съ какою-то дѣвочкой, а затѣмъ вмѣстѣ съ нею скрылся, очевидно позабывъ о своемъ обѣщаніи. Между тѣмъ Савелій уже гораздо пристальнѣе и пытливѣе оглядывалъ всю толпу дѣтей, переводя глаза направо, налево и какъ бы ища глазами гимназиста.

— Пропалъ Петя-то! сказалъ смѣясь Басковъ.

— Пьяпай! повторилъ ребенокъ, и лицо его изъ серьезнаго стало слегка уныло.

Очевидно, что въ маленькой душѣ вдругъ произошло большое разочарованіе.

Басковъ всталъ, приблизился къ елкѣ, набралъ цѣлую горсть конфетъ, золотыхъ орѣховъ, яблоко и какой-то картончикъ съ красными разводами, изображавшій сундучекъ, и, вернувшись къ мальчику, положилъ ему все въ подолъ рубашенки. Ребенокъ оторопѣлъ, зарумянился, глаза его запрыгали, но, не придерживая рубашенки, онъ обѣими руками схватилъ протянутую толстую руку Баскова и порывисто поцѣловалъ ее... Порывъ былъ такъ силенъ, что въ одно мгновеніе онъ три раза успѣлъ чмокнуть руку.

III.

Усѣвшись, Басковъ съ любопытствомъ сталъ оглядывать новаго знакомаго. Вся фигура этого человѣчка положительно забавляла его, въ особенности пронизательный, упорный, отчасти суровый взглядъ большихъ глазъ и не только твердый, но иногда почти энергичный голосъ.

— Курьезный ты клопъ, Савелій! сказалъ онъ наконецъ.— Видалъ я клоповъ, а такого первый разъ вижу! А я много видалъ ихъ.

— И я видалъ! отозвался мальчикъ.

— Кого?

— Къяповъ!

Басковъ уже разсмѣялся на всю гостиную.

— Ты про однихъ говоришь, а я про другихъ! объяснилъ онъ, медленно поднимаясь съ мѣста.

Но едва онъ ступилъ шагъ, какъ за нимъ раздался голосъ:

— Дяденька, къясавчикъ, не уходи.

Онъ обернулся. Савелій улыбался и, видимо стараясь придать голосу мягкость и ласковость, повторилъ:

— Дяденька, посиди.

И мальчикъ шлепнулъ кулачкомъ по стулу. Басковъ снова сѣлъ и сталъ еще внимательнѣе присматриваться къ своему человѣчку.

Онъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ и мальчуганъ отвѣчалъ дѣльно, кратко и твердо. На вопросъ, кого онъ больше всѣхъ любить, повторенный вразумительно три раза, ребенокъ не отвѣчалъ и очевидно умышленно.

— Стало-быть никого, что ли, не любишь? спросилъ Басковъ.

— Никого, сразу послѣдовалъ отвѣтъ.

— Не за что! усмѣхнулся Басковъ.

— Не за что! повторилъ Савелій серьезно и рѣшительно.

Иванъ Николаевичъ разсмѣялся этому серьезному голосу.

— Ну, а кого ты не любишь, Савелій?

— Пьясковью... Макая Макаича... Ваньку... перечислилъ ребенокъ съ паузами, какъ бы вспоминая, и затѣмъ онъ толково объяснилъ, что они всѣ дерутся всякій на свой ладъ.

Проговоривъ еще съ четверть часа съ мальчуганомъ, Иванъ Николаевичъ объявилъ рѣшительно:

— Ну, прощай, Савелій!

Ребенокъ сразу сталъ серьезнѣе. Басковъ поднялся и уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по гостиной, когда почувствовалъ, что что-то тянетъ его сзади. Онъ обернулся и увидѣлъ за собой мальчика, который ухватилъ его за фалду сюртука обѣими рученками и тянулъ. Онъ уже собирался строго сказать: «полно шалить!» но глянувъ въ лицо этого страннаго человѣчка, онъ съ изумленіемъ въ голосъ произнесъ:

— Что ты?

Лицо ребенка было сурово-грозно, брови сморщились, губы были крѣпко сжаты; казалось, онъ разозлился.

— Что ты? недоумѣвая повторилъ Басковъ и пригнулся, чтобы ближе видѣть лицо ребенка.

— Дяденька, произнесъ онъ, — не уходи! Къясавчикъ.

Мальчикъ уцѣпился за рукавъ его сюртука и сильно стиснулъ его.

— Нельзя, Савелій! Мнѣ домой пора! заговорилъ Иванъ Николаевичъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что мальчуганъ тронулъ его. Что-то будто вдругъ запало ему въ сердце къ этому «клопу».

— Ты что же? Полюбилъ меня, что ли?

— Да! Не уходи! Красавчикъ. Посиди.

И мальчикъ потянулъ Баскова къ тѣмъ же стульямъ.

— Ну что же? Хорошо. Пойдемъ! Только давай сядемъ въ другомъ мѣстѣ!

И уже взявъ ребенка за руку, старикъ провелъ его въ столовую, гдѣ чья-то няня разливала чай гостямъ. Сѣвъ за столъ подъ висячею лампой, онъ посадилъ около себя мальчика и попросилъ два стакана чаю. Савелій съ видимою охотой принялся за свой стаканъ и за полученную булку, но при малѣйшемъ движеніи Баскова боязливо приглядывался къ нему.

И однажды, когда Иванъ Николаевичъ вдругъ поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ столу, на которомъ горѣла свѣчка, чтобы закурить папиросу, мальчикъ вскочилъ со стула, швырнулся за нимъ и закричалъ:

— Дяденька!.. Дяденька!..

— Что ты? Я не ухожу!

Но Савелій все-таки вцѣпился за фалду и держалъ. Басковъ вернулся на свое мѣсто, мальчикъ дождался, чтобы онъ сѣлъ. И затѣмъ, уже видя его за столомъ, онъ выпустилъ фалду изъ своихъ рученокъ и довольный сталъ съ трудомъ карабкаться на свой стулъ.

— Вотъ такъ встрѣча! разсмѣялся Иванъ Николаевичъ и сталъ помогать мальчику влѣзть на стулъ.

Но сдѣлавъ это неумѣло... Ребенокъ, вѣроятно вполнѣ надѣявшійся на постороннюю помощь, вдругъ оборвался и стукнулся объ полъ.

Иванъ Николаевичъ ахнулъ и вскочилъ.

— Ушибся, бѣдный... Ушибся?

— Да, отвѣтилъ Савелій.

— Это я виноватъ. Въ няньки совсѣмъ не гожусь.

И Басковъ безсознательно, какъ бы въ искупленіе своей вины, взялъ ребенка съ пола на руки, посадилъ въ себѣ на колѣна и передвинулъ его стаканъ съ чаемъ.

Савелій, вдругъ очутившись на толстыхъ колѣнахъ Баскова, задралъ голову и повернулъ къ нему свое лицо, удивленное и будто смущенное. Онъ видимо оторопѣлъ и сконфузился.

— Что ты? удивился и Басковъ.

Савелій глядѣлъ ему въ лицо своими большими синими глазами, упорно не сморгнувъ. И въ его взглядѣ можно было теперь прочесть безъ ошибки, что онъ радъ, даже счастливъ. Онъ глядѣлъ такъ же, какъ глянулъ на Баскова въ гостиной, когда тотъ принесъ ему цѣлую кучу гостинцевъ съ елки.

— Пей свой чай, сказалъ Иванъ Николаевичъ ласково.

Но Савелій будто не слыхалъ. Онъ продолжалъ смотрѣть въ лицо старика, задирая голову. Затѣмъ онъ вдругъ припалъ лицомъ къ его бѣлому жилету и прижался.

Басковъ глядѣлъ и не понималъ.

— Ушибся сильно, въ самомъ дѣлѣ? спросилъ онъ.

Савелій поднялъ голову отъ жилета, снова взглянулъ на старика и улыбнулся. Это была его первая улыбка за весь вечеръ и она преобразила его дѣтское личико: красивое, оно стало еще краше.

— Ты любишь на колѣнкахъ сидѣть, догадался Басковъ.

— Да, тихо отозвался ребенокъ.

— Кто тебя всегда сажаетъ такъ?

Ребенокъ молчалъ и снова жался головой и лицомъ.

— Отвѣчай, что ли? Кто?

Савелій промычалъ что-то въ жилетъ.

— Что?.. Кто такой?

— Никакой, тихо отозвался мальчикъ.

— Никакой? Никто, что ли?

Ребенокъ молчалъ.

— Никогда, никто...

Ребенокъ молчалъ.

Старикъ тоже смолкъ, задумался, потомъ вздохнулъ.

— Ну, что же чай-то? Пей! сказалъ онъ наконецъ какъ-то сурово, какъ если бы ребенокъ ему надоѣлъ.—Садись вотъ и пей.

Онъ пересадилъ Савелія на его стулъ и, угрюмо нахмурившись, снова задумался.

Черезъ минутъ десять и старикъ и ребенокъ вернулись въ гостиную вмѣстѣ. Басковъ пошептался съ хозяйкой.

— Пойдемъ, Савелій. Что я тебѣ покажу, сказала она.

Ребенокъ не шелъ и косился на нихъ.

— Пойдемъ.

Гаранская протянула руку, мальчикъ попытался и ухватилъ Баскова за фалду.

— Ну, полно баловаться! строго выговорила Гаранская.— Давай руку. Иди.

Савелій повиновался и, двинувшись за хозяйкой, оборачивался на ходу и будто съ сознательною укоризной глядѣлъ на старика.

Едва онъ скрылся за гостями, Басковъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ шубу и уѣхалъ.

«Чуденъ этотъ клопъ», думалось ему.

IV.

Дня черезъ три Басковъ нарочно заѣхалъ къ Гаранскимъ днемъ только для того, чтобы разспросить и узнать что-нибудь о «клопѣ».

Прежде всего онъ узналъ отъ Гаранской, что Савелій послѣ его отъѣзда долго искалъ его по всѣмъ комнатамъ и на вопросы, кого ему надо, упрямо не отвѣчалъ ни слова. А когда хозяйка догадалась спросить его: «Ты ищешь барина, который тебя чаемъ поилъ?» — Савелій тоже не отвѣтилъ и сталъ только сердитѣе.

— Всѣ дѣти, продолжала Гаранская, — его обступили и приставали къ нему: Савелій Павлычъ, кого тебѣ надо?

— Онъ себя самъ такъ называетъ? замѣтилъ Басковъ вопросомъ.

— Да. Всегда. Савелій Павлычъ! улыбнулась Гаранская.

Басковъ, смѣясь вмѣстѣ съ хозяйкой и даже подсмѣиваясь надъ фактомъ пріобрѣтенія нежданнаго обожателя, все-таки сталъ подробно разузнавать о немъ у Гаранской и попросилъ адресъ сапожника, чтобы какъ-нибудь повидать мальчика и что-нибудь для него сдѣлать.

— Престранный это субъектъ! объяснилъ Иванъ Николаевичъ, будто извиняясь или оправдываясь.

И Гаранская рассказала Баскову, что ребенокъ круглая сирота. Однажды когда знакомый ея кухарки, сапожникъ, привелъ мальчика съ собой, онъ понравился сразу ея дѣтямъ и

съ тѣхъ поръ изрѣдка, преимущественно въ праздники, сапожникъ приводитъ его къ нимъ на цѣлый день. Однако ребенокъ этотъ ему совершенно чужой. Его временно отдали сапожнику въ обученіе, общаясь со временемъ платить за него два рубля въ мѣсяць. Тотъ, кто привелъ его къ сапожнику, тоже случайно получилъ его откуда-то и самъ не зналъ, чей онъ. Извѣстно только одно, что его мать умерла въ больницѣ года два назадъ, а онъ остался, какъ говорится, на улицѣ.

— Его слѣдовало бы пристроить въ пріютъ,—сказалъ Басковъ.

— Конечно! Мужъ собирается похлопотать.

— Что же?! Это хорошо! А скажите, лукаво прибавилъ Иванъ Николаевичъ,—давно ли вы его знаете?

— Да уже мѣсяцевъ девять-восемь или пожалуй уже годъ. Право, не помню.

«Стало быть, подумалъ Басковъ,—онъ будетъ хотѣть и собраться еще годъ, если не два».

По отъѣздѣ Баскова Гаранская рѣшила:

— Вотъ бы скрягѣ этому доброе дѣло сдѣлать: отдать мальчика на свой счетъ въ ученье въ школу, а не въ мастерскую. Скряга!

Это мнѣніе было отголоскомъ мнѣнія знакомыхъ Баскова. А между тѣмъ какое у него было состояніе, имъ всѣмъ было навѣрное неизвѣстно.

Баскаковъ "положительно будто скрывалъ это ото всѣхъ, и только вслѣдствіе нѣкоторыхъ недомолвокъ его и промаховъ знали, что помимо хорошаго имѣнія въ Новгородской губерніи у него есть солидный капиталъ. Когда была однажды объявлена подписка по всей Россіи на одно народное дѣло, Басковъ тотчасъ же откликнулся широко, щедро.

Комитетъ по сбору пожертвованій получилъ отъ «неизвѣстнаго» ни болѣе, ни менѣе какъ двадцать тысячъ. Съ деньгами вышла какая-то путаница въ административномъ мѣстѣ. Они канули въ воду... «Неизвѣстный» по-неволѣ долженъ былъ объявиться, чтобы деньги не пропали совсѣмъ. А этотъ неизвѣстный оказался Басковъ.

И послѣ этого при разспросахъ знакомыхъ и при комплиментахъ за такое пожертвованіе онъ не только хмурился, но прямо сердился и рѣзко говорилъ про комитетъ:

— Да, подвели, черти! Кабы зналъ про огласку, не пожертвовалъ бы!

Ему было просто досадно, что онъ какъ бы далъ знакомымъ мѣрку своего состоянія.

Жилъ Басковъ, какъ и подобало холостяку. День проходилъ одинаково однообразно. Проснувшись и напившись чаю, онъ садился писать. Но что писалъ онъ, зналъ онъ одинъ.

На этотъ трудъ употреблялось ежедневно по три и по четыре часа усиленной работы. Рукопись все росла, дошла до крупныхъ размѣровъ и большого количества тетрадей. Часто, впрочемъ, случалось Баскову перечитывать первыя тетради и безъ малѣйшаго колебанія рвать ихъ и тотчасъ же бросать въ топившуюся печку. При этомъ онъ не отходилъ отъ печки до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что тетрадка сгорѣла до тла.

Время до сумерекъ онъ проводилъ въ прогулкѣ по Невскому или по Владимірской, гдѣ жилъ, или тамъ, гдѣ были широкіе тротуары. Послѣ обѣда Басковъ отправлялся въ клубъ, гдѣ былъ самымъ старшимъ членомъ, и проводилъ весь вечеръ, но не далѣе полуночи, за винтомъ.

Какъ жилъ Иванъ Николаевичъ на большой квартирѣ одинъ одиухонекъ, такъ и на свѣтѣ былъ тоже одинъ одиухонекъ. У него не было не только близкихъ родныхъ, но даже и дальней родни не существовало ни души. Если онъ никогда женатъ не былъ, то потому, что увлеченіе женщиной было для него невысказано.

Онъ былъ собственно не дюжинный, даже оригинальный человекъ. Оригинальность эта заключалась въ томъ, что онъ считалъ себя обойденнымъ судьбой, т. е. счастьемъ, и былъ недоволенъ жизнью. Въ дѣйствительности онъ самъ обошелъ свое счастье, упорно избѣгая и избѣгнувъ то, для чего собственно родился, быть хорошимъ семьяниномъ.

Смолода и всю жизнь ощущая къ женщинѣ какое-то органическое недолюбливаніе, если не отвращеніе, онъ всегда любилъ дѣтей, а теперь подъ старость чуть не обожалъ ихъ.

О женщинахъ или женщинѣ вообще Басковъ отзывался, что между нею и луной нѣкоторое подобіе. Какъ луна, собственно говоря, совершенно не нужна, такъ и женщина не нужна. И безъ той, и безъ другой отлично бы люди прожили на свѣтѣ.

— Кабы луна постоянно свѣтила, говорилъ онъ,—и мы бы не знали темныхъ ночей, то тогда, конечно, мы могли бы прійти къ убѣжденію, что безъ луны жить невозможно. Но коль скоро мы сидимъ недѣли по двѣ при однѣхъ звѣздахъ, стало быть

очевидно, что и безъ луны можно было бы обойтись. Что касается до женщины, то и она та же луна.

— А родъ человѣческій?—возражали Баскову.

— Родились бы люди какъ-нибудь иначе!—заявлялъ онъ, не смущаясь. — Какъ-нибудь сами бы зарождались, вотъ какъ въ природѣ бываетъ.

— Извините,—возражали ему, — въ природѣ такъ не бываетъ!

— Извините! смѣялся Басковъ. — На свѣтѣ всегда бѣ моль.

— Это по части музыки?

— Нѣтъ, по части сѣжденія всякихъ мѣховъ.

Разумѣется, жизнь одинокаго холостяка сложилась черезчуръ монотонно: «сѣрая изъ сѣрыхъ», тоскливая и даже какая-то бессмысленная.

У всякаго стараго холостяка почти всегда заводится экономка среднихъ лѣтъ, повелѣвающая какъ соленьями и вареньями, такъ отчасти и самимъ бариномъ.

Но съ Басковымъ этого тоже случиться не могло. Если свѣтскія женщины были ему не по сердцу благодаря своей принадлежности къ прекрасному полу, то женщинъ простыхъ онъ мысленно ставилъ на-ряду съ домашними животными.

Но такъ какъ прожить совершенно одному, безъ единаго близкаго существа, на свѣтѣ тоже мудрено и, пожалуй, даже невозможно, то поэтому у Баскова былъ тоже, давнымъ-давно, близкій человѣкъ, его слуга.

V.

Ровесникъ барина, старикъ, по имени Герасимъ, былъ сыномъ крѣпостнаго повара господъ Басковыхъ, затѣмъ самъ былъ крѣпостнымъ и, 19-го февраля выйдя на волю 23 лѣтъ, остался при своихъ господахъ, чтобы стать слугой «молодого» барина Ивана Николаевича.

И цѣлую жизнь прожили два холостяка вмѣстѣ, переживъ каждый своихъ родныхъ.

Совмѣстная жизнь за сорокъ безъ малаго лѣтъ привела, конечно, и къ общности привычекъ и даже воззрѣній.

Только въ двухъ вопросахъ, и важныхъ, расходились вполнѣ баринъ и слуга. Басковъ ненавидѣлъ женщинъ, а Герасимъ былъ своего рода донъ-Жуанъ, и только недавно остепенился онъ, заболѣвъ и пролежавъ мѣсяць чуть не при смерти. За-

тѣмъ Басковъ любилъ дѣтей столько же, сколько Герасимъ ихъ не любилъ и чуть не ненавидѣлъ.

Разумѣется, Герасимъ былъ привязанъ къ барину, но быть можетъ менѣе сердечно, чѣмъ могъ бы или чѣмъ слѣдовало быть привязаннымъ, такъ какъ онъ былъ ему многимъ обязанъ.

Характеръ или нравъ стараго слуги исключалъ возможность сильной и глубокой привязанности. Герасимъ былъ смолода и до старости столько же мягокъ сердцемъ къ женскому полу и влюбчивъ, сколько сухъ и жестокосерденъ къ прекрасному полу. Друзей у него никогда не бывало, какъ и у барина его. Но если у Баскова были въ жизни люди, которые относились къ нему сердечно, какъ къ человѣку доброму, то у его камердинера и наперсника, за отсутствіемъ друзей, были настоящіе враги, приобрутенные донъ-жуанствомъ въ переднихъ и въ дѣвичьихъ.

Герасимъ былъ собственно самый настоящій—съ головы до пятъ и до мозга костей—себялюбецъ. Конечно, онъ этого не зналъ, а Басковъ, давно оцѣнившій безпредѣльный эгоизмъ своего стараго лакея-друга, не могъ объяснить и втолковать Герасиму, что такое эгоизмъ.

— Да, вѣдь, на томъ весь міръ Божій стоитъ, говорилъ Герасимъ. Всякъ себя любить прежде всего и пуще всего. Люби Бога, а потомъ себя, а потомъ того, кто любитъ... А которые люди говорятъ, что они ближнихъ любятъ больше себя—лгутъ, притворяются.

И на этомъ Герасимъ стоялъ крѣпко.

Разумѣется, уже издавна Басковъ дѣлился съ слугой всѣми своими мыслями и впечатлѣніями, входилъ съ ними ежедневно въ длинныя разсужденія обо всемъ на свѣтѣ. Герасимъ за послѣднія десять лѣтъ даже читалъ газеты, которыя получалъ баринъ, интересуясь всѣмъ, что происходитъ на свѣтѣ. Но только однимъ интересовался онъ всею душой, а другимъ лишь изъ подражанія барину. Благодаря бесѣдамъ съ баринкомъ, замѣнившимъ простому лакею и гимназію и чуть не университетъ, Герасимъ зналъ и понималъ очень и очень многое. Поэтому среди своихъ пріятелей, мелкихъ лавочниковъ или прислуги знакомыхъ барина, онъ слылъ за особенно и замѣчательно умнаго человѣка, все знающаго, обо всемъ разсуждающаго, и пользовался особымъ уваженіемъ. Къ тому же Герасимъ не только не скрывалъ, а скорѣе хвастался тѣмъ, что у него въ

банкирской конторѣ лежать билеты выигрышныхъ займовъ... И не два и не три, какъ у прочихъ камердинеровъ видныхъ господъ, а цѣлыхъ тридцать штукъ... И баринъ дарилъ, да и самъ экономіей сколотилъ.

— А помретъ Иванъ Николаевичъ прежде меня, то въ землевладѣльцы выйду! гордо заявлялъ Герасимъ знакомымъ.— Я у Ивана Николаевича въ завѣщаніи стою. Разныя только человѣколюбивыя учрежденія прописаны, а изъ людей—я одинъ. А на сколько, не знаю. Кажъ ни бился—не узналъ. Тисячь, понятно, десять, не меньше.

— Но въ этомъ развитомъ человѣкѣ было все-таки что-то особенное, неуловимое и неопредѣлимое... отъ него пахло крѣпостнымъ хамомъ.

Во-первыхъ это была сугубая органическая родовая лѣнь, а затѣмъ неряшество... Кромѣ того Герасимъ былъ завистливый человѣкъ, отчасти, если не хитрый, то себѣ на умѣ, отчасти льстивый.

Въ отношеніяхъ барина и лакея было нѣчто и осталось не разъясненное, и сомнительное.

Когда-то, нѣсколько разъ, Басковъ собирался завести приемыша, воспитанника и даже одинъ разъ собрался совсѣмъ.

Сынъ бѣдной и больной вдовы, уже 14-ти-лѣтній малый, перебрался на жительство къ нему, былъ тотчасъ же одѣтъ прилично, получилъ отдѣльную комнату и былъ отданъ въ городскую школу. Но не прошло мѣсяца, какъ Герасимъ доложилъ барину, что у Андрюшки подъ кроватью нашлись четыре пустыя бутылки отъ водки и три еще не откупоренныхъ... Басковъ ахнулъ... Андрей не сознался ни въ чемъ и увѣрялъ, что кто-нибудь подсунулъ эту водку по злобѣ.

Басковъ, несмотря на увѣщанія Герасима, не прогналъ юнаго пьяницу, надѣясь на его исправленіе. Но одновременно онъ пересталъ давать ему денегъ на удовольствія. Прошло еще двѣ недѣли и въ домѣ стали исчезать вещи. Сначала двѣ серебряныя ложки, затѣмъ бронзовая статуетка изъ гостиной, а затѣмъ и золотая печатка съ письменнаго стола Баскова.

Печатка нашлась въ жилетѣ мальчика, висѣвшей у него въ комнатѣ.

— Чего же еще вамъ нужно?—спросилъ Герасимъ.—Хотите, чтобъ онъ ночью васъ зарѣзалъ?

И Андрей былъ водворенъ обратно къ матери. Послѣ такой неудачной пробы Басковъ заклался имѣть воспитанника.

Случилось это давно, уже тому лѣтъ съ двѣнадцать.

Года три назадъ Баскову снова предложили взять на воспитаніе сироту-дѣвочку лѣтъ десяти, умненькую и хорошенькую. Онъ рѣшился попробовать снова счастья.

Но когда онъ согласился, мѣщане, мужъ и жена, у которыхъ жила дѣвочка въ качествѣ племянницы, вдругъ отказались на-отрѣзъ и объявили, что они раздумали и оставить дѣвочку у себя.

Басковъ только развелъ руками. -

— Не судьба!

Черезъ двѣ недѣли дѣвочка случайно попалась ему на улицѣ и объяснила подробно, словоохотливо, что она въ услуженіи въ качествѣ подьянъки, а что дядя съ теткой побоялись ее отдать къ барину потому, что онъ злока, драчунъ и когда «выпимши», то на всѣхъ какъ собака «швыряется».

Басковъ слушалъ и стоялъ предъ болтливою дѣвочкой изображая истукана.

— Да кто же меня такъ изобразилъ?—воскликнулъ онъ, наконецъ.

Но дѣвочка не знала и ничего не объяснила.

У старика, конечно, возникло тотчасъ подозрѣніе на единственнаго человѣка, который могъ разыграть роль клеветника въ такомъ дѣлѣ и намѣреніи, которое никому изъ его знакомыхъ не было извѣстно. Да и кому изъ нихъ была бы какая польза отъ подобнаго клеветничества?

Затѣмъ пораздумавъ, Басковъ вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что просто произошло какое-нибудь недоразумѣніе и что подозрѣвать Герасима съ его стороны—стыдно, даже грѣшно. Конечно, старый слуга, любящій его, далеко неспособенъ на такой гадкій поступокъ. Да и какая цѣль? Что ему въ томъ, если будетъ въ домѣ дѣвочка-приемышь? Даже веселѣе будетъ всѣмъ. Это не отрокъ-пьяница и воръ, отъ котораго Герасимъ спасъ его.

Но какъ Иванъ Николаевичъ не разсуждалъ, внутренній голосъ подсказывалъ ему:

«Ревность—чувство свойственное не однимъ лишь влюбленнымъ. Въ самыхъ разнородныхъ людскихъ отношеніяхъ является часто чувство, которое иначе какъ ревностью или ревнивостью назвать или опредѣлить нельзя. Герасимъ его любить, много, давно... Можетъ быть...»

Этому случаю съ дѣвочкой минуло болѣе трехъ лѣтъ.

VI.

Теперь, послѣ елки Басковъ почему-то живѣе вспомнилъ о неудачѣ съ мальчикомъ и съ дѣвочкой. А послѣ визита своего къ Гаранскимъ исключительно ради разспросовъ объ оригинальномъ человѣчкѣ, старикъ-холостякъ непрерывно, постоянно вспоминалъ о немъ.

Наконецъ, на четвертый день ему захотѣлось непременно и тотчасъ провѣдать мальчугана. Онъ велѣлъ запретъ сани и отправился на Васильевскій Островъ. Назвавъ кучеру линію и доѣхавъ до нея, онъ велѣлъ ѣхать тише и сталъ искать глазами вывѣску сапожника.

Однако, проѣхавъ всю длинную линію, онъ вывѣски не нашелъ. Между тѣмъ номеръ дома былъ ему не извѣстенъ. Баскову стало досадно отъ неудачи. Чтобы найти и видѣть мальчугана, нужно было снова отправляться или посылать къ Гаранскимъ.

«А если и тамъ не знаютъ номера дома сапожника? вдругъ подумалъ онъ.— Анна Сергѣевна говорила, что Савелія приводятъ къ нимъ. Если кухарка ихъ тоже не знаетъ номера дома?»..

И еще пуще досада взяла Баскова. Онъ возвращался по линіи и, продолжая ѣхать тихо, все-таки глядѣлъ на обѣ стороны, не попадетъ ли вывѣска сапожника. Вдругъ среди улицы онъ увидѣлъ переходившаго улицу крошечнаго мальчугана, который, прижимая обѣими рученками къ груди, какъ дворники носятъ охапки дровъ, несъ огромные мужицкіе сапоги съ длинными голенищами, перевязанные веревочками. Отъ этой непосильной ноши мальчуганъ даже перегнулся тѣльцемъ назадъ и выпятилъ животъ.

Басковъ тотчасъ догадался, что это его «клопъ». Подѣхавъ ближе, онъ окликнулъ мальчика. И, дѣйствительно, это оказался Савелій.

Басковъ подѣхалъ, остановился, а мальчуганъ сталъ со своею охапкой на груди и улыбался.

— Здравствуй, Савелій!—крикнулъ Басковъ весело.

— Здравствуй,—отозвался тотъ.

— Садись и поѣдемъ къ тебѣ! Гдѣ ты живешь? Далеко отсюда?

— Вонъ тамъ! — мотнулъ Савелій головой и прибавилъ:— далеко!

— Ну, садись, поѣдемъ?

— Нельзя! Сапоги Демьянъ Ваничъ приказалъ отдать.

— Ну, послѣ опять пойдешь! Садись!

— Нельзя, твердо повторилъ мальчуганъ.

И онъ объяснилъ Баскову, чтобъ тотъ ѣхалъ къ нему, а самъ онъ донесетъ сапоги и живо прибѣжить домой. Ради шутки, а отчасти ради любопытства, Басковъ сталъ настаивать, чтобы мальчикъ сѣлся въ сани и ѣхалъ съ нимъ домой. Онъ отступилъ полость и сказалъ умышленно нѣсколько строже:

— Я тебѣ говорю, садись. Поѣдемъ домой къ тебѣ. А сапоги ты послѣ отнесешь.

Савелій будто удивился строгому голосу, и молчалъ.

— Ну, что же ты?

— Нельзя!—убѣдительно произнесъ Савелій.—Демьянъ Ванничъ заюгаеть.

— Ну, хорошо!—усмѣхнулся Басковъ.—Садись и повеземъ сапоги куда надо. Свеземъ ихъ, а потомъ вернемся къ тебѣ. Понялъ?

— Понялъ!—воскликнулъ Савелій, шагнулъ къ санямъ, но не зналъ какъ изловчиться. Влѣзть со своею охалкой вмѣстѣ онъ не могъ. Басковъ взялъ сапоги, положилъ ихъ въ сани и, протянувъ руку мальчугану, подтащилъ его къ себѣ. Савелій влѣзъ на сидѣнье какъ лазаютъ на заборъ или на крышу, повернулся и сѣлъ.

И въ большихъ парныхъ саняхъ, подъ большою лохматою полостью, мальчикъ окончательно превратился въ настоящаго клопа. Изъ-за полости только виднѣлись два плеча и голова.

— Ну, указывай дорогу! да не ошибись!

Они двинулись. Мальчикъ сидѣлъ, сосредоточенно глядя впередъ, и, когда нужно было, серьезно выговаривалъ по-своему, то-есть, картавя:

— Напьяво! Наѣво!

Даже кучеръ Баскова, слыша его голосъ, обернулся разъ на него и усмѣхнулся. Наконецъ, однажды, сказавъ «наѣво», мальчуганъ черезъ полминуты сказалъ тоже: «наѣво».

— Да ты кружишь, Савелій! Не путаешь ли ты?—разсмѣялся Басковъ.

— Зачѣмъ? Вотъ!..

И Савелій указалъ на ворота дома.

Басковъ выпустилъ мальчика съ сапогами во дворъ, а самъ сталъ ждать.

— Чуденъ мальчуганъ!—сказалъ онъ кучеру.

— Точно такъ-съ!—отозвался этотъ. И какъ улицы знаетъ! Кратчайшимъ путемъ довелъ. Возьми мы раньше налѣво, а тамъ направо, то прїѣхали бы сюда же, но конецъ-то дальше бы вышелъ, а онъ прямо кратчайшимъ путемъ взялъ. Махонькіе-то, бываетъ, иной разъ умнѣе большихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ воротъ появился Савелій, но уже бѣгомъ и безъ ноши, вскочилъ въ сани и снова полѣзъ на сидѣнье, помогая локтями и колѣнками. Лицо его было веселѣе. Когда сани двинулись, онъ протянулъ лѣвую рученку Баскову и выговорилъ лукаво:

— Дяденька, погляди!

И разжавъ кулакъ, онъ показалъ на ладони мѣдную монету.

— Это откуда?

Мальчуганъ объяснилъ, что ему дали на чай и что почти каждый разъ, что онъ относить отъ сапожника починенную имъ обувь, ему даютъ кто копѣйку, кто три, а кто и цѣлый пятакъ.

Когда прїѣхали къ сапожнику и вошли въ его квартиру въ двѣ комнаты въ подвальномъ этажѣ, на Баскова сразу пахнуло страшною сыростью, гнилью и вмѣстѣ съ тѣмъ запахомъ кожи. Оказалось, что сапожника дома нѣтъ и что онъ за мгновеніе передъ тѣмъ вышелъ со двора, не сказавъ когда вернется.

Пожилая женщина объяснила барину, что ему лучше не дожидаться.

Отъ этой женщины, по имени Матрены, Басковъ не могъ получить никакихъ свѣдѣній о ребенкѣ. Она не жила въ квартирѣ, а только приходила сварить куму-сапожнику его обѣдъ да вымыть что, или починить что. Она ничего не знала кромѣ того, что Савелій «ребеночекъ-сирота» и тоже «съ позволенія сказать» онъ тише воды, ниже травы.

— Его, почитай, и бить нельзя. Не за что! объяснила Матрена, какъ бы сожалѣя о такой незадачѣ.

Едва только Басковъ усѣлся, какъ мальчикъ сталъ около него, прижался, потомъ положилъ руки и голову къ нему на колѣни. Басковъ, разговаривая съ женщиной, почти безсознательно положилъ руку ему на голову и невольно гладилъ ее.

— Дяденька, выговорилъ вдругъ Савелій тихо и робко.— Можно на колѣнки?

— Что? не слышалъ Иванъ Николаевичъ.

— На ко-ен-ки.

— На колѣнки взять? Полѣзай.

И взявъ ребенка подъ мышку, онъ поднялъ его и посадилъ къ себѣ на колѣна.

— Что ты! Что ты! Тѣфу! удивилась и заворчала Матрена.— Вотъ я его и сглазила. Что выдумалъ? Бросьте его.

— Ничего. Пускай, отозвался Басковъ.

— Какъ можно! Бросьте... Да и что съ нимъ приключилось такое? Завсегда строгій такой. Не слышать. А тутъ вдругъ озорничать сталъ. Сглазила я и впрямь. Бросьте.

Басковъ успокоилъ женщину и сталъ объяснять ей, чтобъ она передала сапожнику отъ его имени: побывать у него ради мальчика, потолковать о дѣлѣ.

Затѣмъ онъ сталъ собираться.

— Ну, пусти, Савелій. Мнѣ пора.

Но мальчикъ, глядѣвшій весело, вдругъ насупился и произнесъ тихо, но твердо:

— Нѣтъ!

— Ахъ, ты, озорной. Да что съ тобой! изумилась Матрена.— Никогда этакаго не бывало. Я сглазила. Сейчасъ издохнуть.

Иванъ Николаевичъ приглядѣлся къ лицу Савелія и удивился. Мальчикъ глядѣлъ совсѣмъ иначе. И робко, и печально.

— Дяденька, возьми меня, шепнулъ онъ.

— Куда?

— Съ собой.

— Я домой поѣду теперь.

— Возьми. Я у тебя съ ребятишками играть буду.

— У меня, Савелій, ихъ нѣтъ.

— Ну съ тобой играть буду.

— Да я играю только въ карты, разсмѣялся Басковъ.

— Ну, въ кайты.

Старикъ задумался и даже засопѣлъ. Прошла минута.

— Вотъ что, Матрена. Я возьму Савелія къ себѣ, а ты скажи сапожнику, чтобъ онъ ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ за нимъ. Взялъ бы извощика взадъ и впередъ. Я заплачу. Поняла?

И пѣшкомъ дойдетъ! возразила женщина.

— Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ время терять?

И чтобъ рѣшить дѣло вѣрнѣе, Басковъ досталъ портмоне, далъ Матренѣ рубль и свою визитную карточку съ адресомъ.

— Скажи, чтобъ пріѣзжалъ ко мнѣ за нимъ въ восемь часовъ. Ну, а ты, Савелій, поѣдемъ со мной.

Мальчикъ радостно швырнулся къ окну, гдѣ была его шапка. Лицо его сіяло. Уже въ саняхъ, глядя и улыбаясь на всѣ стороны на прохожихъ, на вывѣски, на спину кучера и на лошадей, мальчуганъ вдругъ припалъ головой къ плечу Баскова и выговорилъ:

— Дяденька?

— Ну? Что?

— Ты, дяденька, добрый.

— Я-то добрый, Савелій, усмѣхнулся Басковъ.—А со мной-то не добры...

— Не правда!—рѣшительно отвѣтилъ мальчуганъ.

— Какъ не правда?

— Не правда.

— Не пойму. Ты про что? Про кого?

Но Савелій не могъ ничего объяснить. Онъ говорилъ то, что чувствовалъ. А чувствовалъ онъ всею душой, что «не-
пьявда!»

VI.

Подъѣзжая къ дому, Басковъ вдругъ вспомнилъ или сообразилъ нѣчто и ему стало стыдно, какъ если бы онъ внезапно и негаданно поймалъ себя на поступкѣ, если не дурномъ, то подлежащемъ осмѣянію.

Онъ вспомнилъ о Герасимѣ и соображалъ о томъ, что скажетъ старый слуга при видѣ мальчугана. Поднимаясь по лѣстницѣ, Басковъ старался какъ бы подхрабрить себя, но никакіе доводы не дѣйствовали.

Онъ уже заранѣе видѣлъ изумленное лицо Герасима и его насмѣшливо презрительный взглядъ, когда вмѣстѣ съ нимъ появится въ квартирѣ какой-то ребенокъ, невѣдомо откуда и зачѣмъ свалившійся, съ неба свалившійся.

Когда онъ позвонилъ и очутился въ передней, то на сердцѣ отлегло. Отворила женщина Пелагея, такъ какъ слуги не было дома.

Савелій, очутившись впервые въ новой незнакомой ему квартирѣ, притихъ, но сурово озирался. Положивъ палецъ въ ротъ, онъ усиленно сосалъ его.

Басковъ нарочно провелъ его по всѣмъ комнатамъ, показывая все, что попадалось, и спрашивая:

— Нравится тебѣ?

— Ньявися!—однообразно отзывался Савелій и каждый разъ заглядывалъ въ глаза Ивана Николаевича, приглядывался внимательно не къ мебели или вещамъ, а къ лицу старика.

Онъ будто искалъ въ его лицѣ разгадку и объясненіе чего-то, что возникло въ его собственной головѣ.

А что было въ этой семилѣтней головѣ?

Наконецъ въ гостиной за спиной Баскова раздался голосъ:

— Вотъ такъ блинъ!

Старикъ обернулся и увидѣлъ Герасима.

— Откуда вы этого щенка раздобыли? почти грубо выговорилъ лакей.

Басковъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Сирота. Умный мальчикъ.

— Да привезли-то вы его зачѣмъ же?

— Такъ. Что же?

— Такъ? усмѣхнулся Герасимъ.—Сами всегда сказываете, что оно глупое русское слово. А вотъ говорите...

Герасимъ уставился на ребенка своими круглыми и упорными глазами. Савелій не выдержалъ взгляда и, подойдя къ Баскову, прижался къ нему съ противоположной стороны, какъ бы прячась отъ лакея.

— Полно ты буркулы-то свои на него таращить, вдругъ досадливо выговорилъ Иванъ Николаевичъ.—Даже напугалъ ребенка. Дай-ка лучше самоваръ.

— Самоваръ? Теперь-то?

— Да. Я его чаемъ напою.

— Его и Пелагея можетъ напоить въ кухнѣ.

— Полно, Герасимъ, полно... Глупо вѣдь это... Что же я... Я у себя въ домѣ не могу ужь...

— Чудите вы, Иванъ Николаевичъ, вотъ-что, перебилъ лакей.

— Ну, хоть бы и чудю... Что за важность? Дай самоваръ.

Герасимъ пошелъ изъ комнаты, пожавъ плечами и бормоча что-то себѣ подъ носъ.

Басковъ отчасти досадливо глядѣлъ вслѣдъ лакею и самъ себѣ удивился... Удивился, что былъ разсерженъ на стараго слугу, на котораго почти никогда не сердился.

Онъ задумался. Его наконецъ привелъ въ себя, будто разбудилъ, голосъ ребенка.

— Дяденька! Дяденька!

— Ну? Что?

— Дяденька! Я боюсь!

— Чего? Что ты?

— Боюсь.

— Чего?

— Его.

И, вытащивъ палецъ изо рта, Савелій показаль на двери, куда ушелъ лакей.

— Герасима боишься? Не бойся. Онъ добрый.

— Добрый?

— Добрый.

Мальчикъ затрясъ головой рѣшительно.

— Я тебѣ говорю: добрый.

Савелій глянулъ въ глаза старика и Басковъ удивился. Во взглядѣ ребенка былъ упрекъ.

— Не правда! твердо и съ укоризной произнесъ онъ.

— Я тебѣ говорю.

— Брешешь.

— Что?

— Брешешь! громче и вразумительнѣе произнесъ мальчикъ и прибавилъ: — брехать не слѣдъ.

— Брехать? Ай да Саеій Паичъ! разсмѣялся Басковъ. — Что же? Пожалуй ты и правъ, что я сбрехнулъ. Герасимъ не любить вашего брата, дѣтей. А кто, скажи, тебя обучилъ этакъ сказывать: брехать не слѣдъ.

Демьянъ Ваничъ.

Самоваръ и чай подала горничная Пелагея, такъ какъ Герасимъ отлучился по дѣлу. Онъ ушелъ со двора не спрашиваясь у барина, какъ бывало издавна. Къ обѣду онъ тоже не явился служить и та же Пелагея замѣнила его.

Вечеромъ приключилось нѣчто особенное, неожиданное. Въ восемь часовъ сапожникъ не явился за Савеліемъ... Пробыло девять, а тамъ и десять... Наконецъ наступила и полночь.

Савелій уже съ девяти часовъ клеваль носомъ и наконецъ заснулъ, какъ убитый, на креслѣ.

Пришлось устроить ребенка въ отдѣльной комнатѣ на диванѣ. Пришлось раздѣвать его, соннаго, валявагося какъ мертвое тѣло. Но Пелагея охотно и умѣючи все устроила.

Басковъ присутствовалъ, ухмылялся и... забывъ, что не попалъ въ клубъ, что уже поздно ѣхать. Это обстоятельство даже удивило его... Но онъ легъ спать довольный, въ духѣ, какъ если бы вернулся изъ клуба съ выигрышемъ. На утро проснув-

пись и открывъ глаза, Иванъ Николаевичъ тотчасъ, спросонокъ, задалъ себѣ вопросъ, отчасти тревожно:

— Что такое?! Что вчера было?! Ахъ, да... Сасей Паичъ, и Басковъ улыбнулся.

Жизнь шла такъ невозмутимо-просто, носила такой будничной отпечатокъ, что даже совсѣмъ маленькое обстоятельство вдругъ стало чуть не происшествіемъ.

Въ этой квартирѣ, гдѣ столько лѣтъ прожилъ онъ одинъ или вдвоемъ, если считать Герасима, вдругъ появился и ночеваль третій человекъ... Хотя и человекъ. Произошло это случайно и все-таки какъ-то странно. Но что было страннымъ, Иванъ Николаевичъ только теперь вполнѣ уяснилъ самому себѣ. А страннымъ былъ фактъ, который если бы рассказать всѣмъ, то всѣ бы удивились.

Чужой ребенокъ заставилъ стараго и одинокаго холостяка испытать въ первый разъ въ жизни, въ его годы, такое чувство, которое было ему невѣдомо. Или вслѣдствіе обстоятельствъ особо сложившихся, или вслѣдствіе его личнаго характера,— такъ или иначе, но все-таки онъ теперь лишь впервые въ жизни испытывалъ, почувствовалъ и прочувствовалъ то, что для людей, для послѣдняго нищаго-бѣдняка не диковина, даже для иной собаки тоже не диковина. Что же это было?..

Ласка!...

Да, жизнь его, бобыля, прошла такъ, что если не считать ранняго дѣтства, ласки матери и ласки крѣпостной нянюшки, то съ десяти лѣтъ и до шестидесяти никто ни раза его не приласкалъ.

Какъ ни странно, а когда еще на елкѣ, да и вчера этотъ Савелій говорилъ: «дяденька, добый!» и чмокалъ его на свой ладъ, какъ-то глупо разѣвая ротъ, на душѣ старика-бобыля вдругъ произошло что-то, взволновавшее и смутившее все его существо.

И Басковъ началъ раздумывать, что надо заняться судьбой сироты. Сейчасъ же надо хлопотать, чтобы пристроить его въ какой-нибудь пріютъ, а затѣмъ, когда онъ подростетъ, отдать его въ школу, въ гимназію. Вообще заняться всею его судьбой. Это будетъ стоить сравнительно грошъ, а оно прямой его долгъ. Почему? Потому что судьба бросила ему на дорогу крошку-мальчугана. А мальчуганъ этотъ сдѣлалъ то, чего никто никогда не дѣлалъ... Приласкалъ его. Бобыль бобыля приласкалъ.

Да. И за это одно онъ обязанъ устроить судьбу, цѣлую жизнь этого ребенка.

Басковъ позвонилъ и когда Герасимъ явился, то вмѣсто обычнаго ежедневнаго вопроса барина о погодѣ, онъ услышалъ:

— Ну, что мальчуганъ?

Герасимъ насупился и угрюмо отвѣтилъ:

— Что? Ничего!.. Спать!

— Спать?! удивился Басковъ.

— Вѣстимо, спать! Эти щенки, оставь ихъ, могутъ сутки проспать. И диванъ, поди, испакостилъ.

— И охота это у тебя дѣтей щенками звать! Я тебѣ всегда замѣчалъ, что глупо и грубо про всякаго ребенка говорить: щенокъ.

— Потому я и говорю, что они—щенята! холодно отозвался Герасимъ, перекладывая халатъ барина ближе къ постели.

— Да, а своихъ такъ не сталъ бы звать.

— Зачѣмъ бы я сталъ своихъ такъ звать! Коли мои бы были щенята, такъ я, стало быть, вышелъ бы собака.

Герасимъ думалъ, что баринъ, какъ бывало всегда, когда онъ острилъ, разсмѣется добродушно. Но на этотъ разъ онъ удивился, замѣтивъ, что Иванъ Николаевичъ, напротивъ того, смотритъ сурово.

Поднявшись и надѣвъ халатъ, Басковъ вмѣсто того, чтобы пройти прямо въ свою уборную и начать умываться, двинулся въ коридоръ.

— Куда же вы это? рѣзко спросилъ камердинеръ и еще болѣе удивился тому, что Басковъ, не отвѣтивъ ни слова, прошелъ коридоръ и вошелъ въ ту комнату, гдѣ наканунѣ пристроили на диванѣ мальчугана.

Нашумѣлъ ли онъ отворяя дверь, или Герасимъ совралъ, но мальчикъ не спалъ, а лежа на спинѣ, задравъ ноги вверхъ, ухватилъ ихъ руками и стучалъ нога объ ногу.

— Что? Проснулся? весело сказалъ Басковъ, становясь у дивана.

— Пьяснулся! еще веселѣе отозвался Савелій.

— Хорошо спалъ?

— Хоясо.

— Ну, вставай, одѣвайся и иди чай пить.

VIII.

Одѣвшись и сѣвъ за чай, Басковъ тотчасъ послалъ Пелагею на извожикѣ поскорѣй купить гдѣ бы то ни было все что было нужно для ребенка: бѣлье, платье, обувь, теплое пальто и шапку.

Часа черезъ полтора Савелій была уже одѣтъ въ своемъ собственномъ платьѣ.

Все время, что на немъ примѣряли, а потомъ его одѣвали, онъ стоялъ спокойно, взглядывая на каждую вещь, трогалъ ее рукой или гладилъ, а затѣмъ тотчасъ взглядывалъ серьезно, до суровости, на Баскова. И онъ глядѣлъ пытливо, будто хотѣлъ что-то разгадать въ его лицѣ. О чемъ въ эту минуту онъ думалъ, что соображалъ—врядъ ли самъ зналъ. Развѣ чувствовалъ смутно?

Когда ребенокъ остался на-единѣ съ Басковымъ, такъ какъ Пелагея унесла все, чтобы завернуть и перевязать веревочкой, мальчуганъ началъ степенно шагать по комнатѣ и себя оглядывать, трогать себя руками, какъ бы ощупывать. Затѣмъ онъ подошелъ близко къ сидѣвшему и улыбавшемуся Баскову и сталъ передъ нимъ истуканомъ, снова сурово глядя ему въ лицо, не сморгнувъ.

— Ну, что? Радъ?—спросилъ Иванъ Николаевичъ.

Мальчуганъ не отвѣтилъ и продолжалъ упорно глядѣть ему въ лицо.

— Говори, радъ ты? Нравится тебѣ, что тебѣ дали?

Савелій тихо пододвинулся къ нему, взялъ его руку около локтя и сталъ теревить рукавъ, потомъ нагнулся, приложилъ голову къ его рукѣ, потомъ прижался сильнѣе и уткнулся лицомъ въ рукавъ.

Басковъ, если не почувствовалъ, то догадался, что мальчуганъ по-дѣтски нелѣпо развѣваетъ ротъ и чмокаетъ сукно. Онъ взялъ его, поставилъ передъ собой, провелъ ладонью по его головѣ и выговорилъ:

— Бѣдняга ты, бѣдняга! Ну, вотъ погоди, я тобой займусь, я тебя пристрою, будешь человѣкомъ!

При этомъ только одинъ Савелій, какъ ребенокъ, ничего не замѣтилъ особеннаго въ голосѣ. За-то самъ Басковъ отлично кой-что замѣтилъ, а затѣмъ задумался. Онъ что-то «большое» чувствовалъ на душѣ и думалъ, что ошибается, а его

собственный слегка дрогнувший голосъ доказаль ему, что ошибки нѣтъ.

Предъ сумерками появился Герасимъ и небрежно доложилъ:

— Пришелъ какой-то мѣщанинъ. Сказываетъ, за этимъ щенкомъ!

Басковъ вышелъ въ переднюю. Небольшого роста, коренастый мѣщанинъ, краснолицый, плѣшивый, съ добродушнымъ выраженіемъ поклонился ему въ поясъ.

— Вы за мальчуганомъ?—спросилъ Басковъ.

— Точно такъ-съ! Извините, что вчера не зашелъ, какъ вы изволили приказывать. Совсѣмъ не время было.

— Не бѣда! Я самъ радъ былъ. Онъ славный мальчуганъ. Умный.

Сапожникъ двинулъ слегка плечомъ и вымолвилъ:

— Понятливый! Какую угодно антимонію пойметъ и въ акуратѣ сдѣлаетъ.

— Какую антимонію?—удивился Басковъ.

— А я его, то и дѣло, и далече посылаю по разнымъ это приключеніямъ. Въ акуратѣ всегда все сдѣлаетъ, ни разу ошибки не было. Только разъ чуть не задавилъ его какой-то извозчикъ.

Басковъ сталъ подробно спрашивать сапожника про ребенка, но новаго ничего не узналъ. Оказывалось, что даже навести справки о немъ было довольно мудрено. Откуда ребенокъ и чей онъ—выяснить было нѣсколько поздно.

Но подумавъ сапожникъ заявилъ.

— Если и впрямь нужно, похлопочемъ! Все-таки недѣлки черезъ двѣ-три можно будетъ разузнать малость. На Петербургской сторонѣ, на одномъ извозищьемъ дворѣ у кума надо будетъ справиться.

Басковъ объяснилъ, что это непременно нужно сдѣлать, что нужна даже бумага какаля-нибудь, хоть въ родѣ метрическаго свидѣтельства, такъ какъ онъ хочетъ мальчика пристроить въ пріютъ.

— Доброе дѣло! спасибо вамъ,—сказалъ сапожникъ.—Подрастетъ, можно будетъ его въ обученіе отдать. Да и я возьму, а теперь куда же? Малъ еще очень, ничему обучить его нельзя.

Басковъ обѣщаль сапожнику денегъ, хоть двадцать пять рублей, чтобъ онъ постарался достать если не документъ, то хотя бы вѣрныя свѣдѣнія, куда и къ кому именно обратиться

по поводу этого. Условясь съ сапожникомъ, Басковъ позвалъ мальчика.

Савелій услыхалъ и явился. Увидя сапожника, онъ улыбнулся, но когда на него надѣли новое пальто, новую шапку, а сапожникъ, кланаясь барину, взялъ его за руку, мальчикъ вдругъ попятился и сталъ глядѣть то на сапожника, то на Баскова.

— Итти надо домой!—сказалъ ласково мѣщанинъ.—Савелій Павлычъ? Пора, родимый. Загостился.

И мѣщанинъ прибавилъ Баскову въ объясненіе:

— Я его всегда зову такъ-то: Савелій Павлычъ.

— Онъ и самъ себя такъ величаетъ,—отвѣтилъ Басковъ.— Ну, Савелій Паичъ, прощай!—шутливо прибавилъ онъ, нагибаясь къ мальчику.

— Нѣту!—затрясъ этотъ головой и попятился къ дверямъ столовой.

— Иди что-ль! Глупый! Не здѣсь же вѣкъ тебѣ оставаться?—сказалъ сапожникъ.—Ну?

Савелій стоялъ въ дверяхъ и не двигался.

— Не дури! Иди!—повторилъ мѣщанинъ и шагнулъ къ мальчику.

Савелій отскочилъ отъ дверей и бѣгомъ бросился по коридору въ комнату, гдѣ ночевалъ. Басковъ пошелъ за нимъ и нашелъ его стоящимъ среди комнаты будто въ испугѣ.

— Иди, Савелій, домой! Надо, голубчикъ мой.

— Не хочу!..—рѣшительно отозвался мальчикъ.

— Что же ты хочешь? У меня тутъ жить?

— Да!

— Нельзя, голубчикъ, этого! Другой разъ я тебя опять сюда возьму. А теперь надо итти!

— Нѣту! Не надо!

Басковъ взялъ его за руку какъ-то скрѣпя сердце. Мальчикъ двинулся послушно, но когда они снова были въ передней и онъ снова увидалъ сапожника, то вдругъ взвылъ:

— Дяденька, красавчикъ. Я тутъ хочу! Дяденька!

Басковъ быстро передалъ мальчугана сапожнику какъ бы изъ рукъ въ руки, съ трудомъ освобождаясь отъ его цѣпкой рученки, и быстро вышелъ изъ передней. Онъ слышалъ отчаянный дѣтскій вой и крикъ, перерываемый рыданіемъ:

— Дяденька, дяденька!

Но дверь на лѣстницу вдругъ съ необычнымъ гуломъ захлопнулась. Герасимъ, присутствовавшій при всей комедіи, сердито бухнулъ дверью отъ досады и нетерпѣнія.

Этотъ дѣтскій крикъ, будто звавшій его на помощь и замолкнувшій за гулкимъ ударомъ наружной двери, взволновалъ Баскова. Отъ перваго возникло въ немъ одно чувство, отъ втораго—совершенно иное.

— Все-таки хамъ! Все-таки хамъ!—проговорилъ онъ.

Затѣмъ уже черезъ нѣсколько минутъ онъ раскаялся въ томъ, что такъ рѣзко обозвалъ своего стараго слугу.

— И изъ-за чего же? Изъ-за кого? Изъ-за какого-то чужого ребенка, о которомъ недѣлю назадъ не имѣлъ никакого понятія!

Басковъ заперся у себя, досталъ рукопись и сѣлъ писать, но, не обмакивая пера въ чернильницу, онъ началъ раздумывать, а затѣмъ рѣшилъ, что писать нечего и бросилъ перо. Между тѣмъ въ ухахъ его гудѣло отчаянное, горькое:

— Дяденька, дяденька...

Иванъ Николаевичъ такъ ясно слышалъ плачь ребенка, какъ если бъ онъ продолжался въ квартирѣ. Онъ взялъ какой-то романъ и сталъ читать, но смутно понималъ прочитанное и, бросивъ книгу, вышелъ на свою ежедневную прогулку. И здѣсь, среди шума и суеты на улицѣ, онъ снова ясно услышалъ пискливый голосокъ ребенка, отчаянно всхлипывающей:

— Дяденька!

И только вечеромъ въ клубѣ, занявшись винтомъ, Иванъ Николаевичъ забылъ о мальчикѣ. Но вставъ изъ-за ломбернаго стола уже предъ полуночью и уплативъ карточный долгъ, семнадцать рублей, онъ вспомнилъ, что это была та же сумма, какую объявила ему по утру Пелагея, пріѣхавъ съ покупками для мальчугана.

«Да? подумалось ему. — Тамъ на цѣлыхъ два года одежды. А тутъ за три-четыре часа времени—зря...»

И затѣмъ онъ выговорилъ мысленно:

«Что-то теперь подѣлываетъ мой Сасей Паичъ? Вѣроятно утѣшился, а завтра и забудетъ, что почевалъ у меня. Развѣ платье новое напоминать ему будетъ про дяденьку?»

Красивое, бѣленькое съ розовымъ румянцемъ личико ребенка, его синіе, большіе и серьезные глаза, его золотистая мохнатая шапка волосъ неотступно рисовались или носились предъ старикомъ.

IX.

Вернувшись домой Басковъ чувствовалъ себя не въ духѣ. Отчего, онъ самъ не зналъ и даже понять не могъ этого дурного настроенія.

Тоскливыя мысли и соображенія точно роились въ головѣ, какъ-то будто толкались безъ смысла и бились другъ объ дружку. Но всѣ эти мысли все-таки были однородны, всѣ сводились къ одному:

«Глупое это существованіе... его! Безцѣльное, ни ему, ни другимъ не нужное... Однотонное, сѣрое, будничное. Сегодня то же, что было вчера, а завтра будетъ опять то же, что сегодня... И этакъ недѣля, мѣсяць, годъ и... годы. Да, цѣлые годы. Послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ прошли точно одинъ пасмурный петербургскій день. Не лѣтній и не зимній и уже кончено не весенній. Осень, осень и осень...»

— Что же дѣлать? Съ собой? спрашивалъ кто-то, будто посторонній.

— Ничего. Что же сдѣлаешь? отвѣчалъ Иванъ Николаевичъ.— Одно осталось. Дождаться! Можетъ, долго прождешь, а можетъ-быть и скоро, сразу, «скоропостижно» переберешься въ другую обстановку. Что тамъ, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ тамъ не скучно и не глупо. Нуль или ничто не можетъ быть ни хорошо, ни дурно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Баскова удивляло обстоятельство, почему онъ именно сегодня такъ разсуждаетъ, такъ скверно настроенъ. Пора бы, наконецъ, привыкнуть къ этому «дурацкому прозябанію», длящемуся уже столько лѣтъ, собственно даже не лѣтъ, а десятки лѣтъ, всю жизнь.

Почему теперь эти мысли лѣзутъ въ голову какъ-то особенно сильно, остро? Будто съ болью лѣзутъ, царапаютъ душу и сердце.

Иванъ Николаевичъ думалъ всю дорогу по морозной ночи, думалъ то же уже очнувшись, въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, гдѣ усѣлся, чтобы написать спѣшное письмо по дѣлу... Кому и какое письмо—онъ забылъ.

Герасимъ уже вошелъ разъ къ нему, что-то продѣлалъ со-всѣмъ ненужное и вышелъ.

Басковъ продолжалъ сидѣть у стола.

Герасимъ опять явился.

— Что же почивать не собираетесь? сказалъ онъ.

— Нѣтъ! отозвался Басковъ разсѣянно.

— Какъ нѣтъ? Скоро вѣдь часъ.

— Да... Да... Ступай. Я одинъ раздѣвнусь. Мнѣ вотъ надо. Письмо надо...

— А завтра нельзя написать нешто?

— Ступай, Герасимъ, ложись, нетерпѣливо отозвался Басковъ.

— Что же. Пойду. Ваше дѣло.

Слуга собрался было уходить, но остановился вдругъ въ дверяхъ и выговорилъ:

— Позабылъ я. Хотѣлъ васъ предупредить, Иванъ Николаевичъ.

— О чемъ?

Герасимъ ухмылялся.

— У насъ въ квартирѣ домовый заведся.

— Ну что же? Тѣмъ лучше, отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ улыбаясь и какъ бы вполнѣ придя въ себя. — Авось веселѣе будетъ.

— Веселѣе ли—не знаю. А чудно. Часа два тому готовлю я вамъ постель и слышу вдругъ на весь это домъ: бухъ! Показалось мнѣ, что здѣсь стукнуло. Пришелъ со свѣчей. Здѣсь все тихо и въ порядкѣ. Думалъ: почудилось мнѣ. Пошелъ это я назадъ и только дошелъ до конца коридора, какъ вдругъ опять: бухъ! И опять здѣсь... Я даже оробѣлъ. Ей-Богу! Вернулся сюда, сталъ и гляжу... Все тихо и все въ порядкѣ. А вѣдь стукъ такой былъ, что вотъ будто тяжелое что со стола на полъ упало.

— Морозъ. Вотъ тебѣ и весь домовый.

— Морозъ? Какъ же это такъ?

— А нешто морозъ не бьетъ по стѣнамъ, какъ если бы кто доской плашмя треснулъ.

— Вотъ вы слышали звонъ, да не знаете гдѣ онъ! усмѣхнулся Герасимъ.—Первое нашъ домъ каменный, а морозъ бьетъ по деревяннымъ домамъ. А второе, онъ бьетъ по-низу около земли или около панели. А мы на второмъ этажѣ. А стукъ-то былъ вотъ здѣсь, въ домѣ, а не наружи. Стало, не морозъ, а прямо сказать домовый.

— Ну ступай спать... Авось, онъ ни тебя, ни меня ночью не задавитъ, уже усмѣхнулся Басковъ.

Герасимъ вышелъ, а Басковъ пробурчалъ вслухъ:

— Дѣствительно. Такая жизнь, что и домовому въ квартирѣ обрадуешься... Все-таки—перемѣна. А хуже не будетъ, потому что хуже-то уже нельзя.

Иванъ Николаевичъ вспомнилъ, наконецъ, кому какое письмо надо писать, и принялся за дѣло. Письмо предполагалось довольно длинное старому знакомому въ провинцію, который, запутавшись въ дѣлахъ, просилъ помочь, одолжить денегъ на одинъ годъ, чтобъ уплатить въ банкъ за имѣніе.

Басковъ писалъ категорическій отказъ.

«Если мнѣ уплачивать въ банки за заложенные имѣнія всѣхъ моихъ знакомыхъ дворянъ, рассуждалъ онъ,—то моего состоянія хватить на одну недѣлю. Съ ними вся государственная казна прогорѣть можетъ».

Среди глухой ночи и мертвой тишины въ кабинетъ Басковъ вдругъ остановился, оборвавъ слово на-половину написанное, и чутко насторожился.

Ему что-то почудилось... Здѣсь... Въ кабинетъ. Гдѣ-то у стѣны...

Онъ бросилъ перо, прислушался внимательнѣе и если не вздрогнулъ, то все-таки какъ бы встрепенулся... Онъ что-то услышалъ и ясно, ясно... Ошибки быть не могло. Но что это?

Сильнѣе напрягъ онъ слухъ и отчетливо, — на этотъ разъ уже несомнѣнно,—услыхалъ чье-то дыханіе...

Ему стало жутко.

— Тьфу! Какъ не стыдно! выговорилъ онъ вслухъ.— Должно быть расходились нервы. Тѣ самые, коихъ существованіе я отрицаю.

Онъ поднялся, сталъ среди комнаты и началъ снова прислушиваться. Среди совершенно мертвой тишины послышалось то же самое... И было положительно не что иное какъ дыханіе... И слышалось оно изъ-за большого турецкаго дивана, стоявшаго въ углу, поперекъ угла... За диваномъ было пустое пространство, гдѣ по милости лакея былъ резервуаръ пыли, за которую баринъ часто сердился и попрекалъ слугу, называя уголъ его сокровищницей. Басковъ подошелъ ближе къ дивану и слышалъ ясно сопѣніе или дыханіе, доносившееся до него изъ этой Герасимовой сокровищницы.

— Что же это? Собака? продолжалъ Басковъ. — Откуда? Забѣглая... Вздор!

Онъ взялъ свѣчу, хотѣлъ взять и палку въ руки, но устыдился самого себя и полѣзъ съ однимъ пандаломъ на широкій диванъ, переступая на колѣнкахъ.

Освѣтивъ уголъ за диваномъ, онъ могъ бы вскрикнуть, но оторопѣлъ отъ изумленія, какъ бы остолбенѣлъ, и только пан-

далъ чуть-чуть дрожалъ въ его рукѣ... Но не отъ испуга, а отъ какого-то другого чувства... Какого? И сказать трудно!..

Первое, что бросилось въ глаза Баскова, было хорошенькое дѣтское личико запрокинутой бѣлокурой головы. А затѣмъ уже разглядѣлъ онъ лежащее на спинѣ маленькое туловище и будто разбросанныя по полу ручки и ножонки. Конечно, это былъ Савелій, крѣпко спящій.

— Какъ? Какими судьбами! прошептала Басковъ.— Вотъ кто стало-быть домовою-то...

И стоя на колынахъ на диванѣ онъ освѣщалъ сладко уснувшего ребенка и не зналъ окончательно что дѣлать.

— Савелій! А, Савелій! тихо назвалъ онъ наконецъ.

Но ребенокъ спалъ такъ крѣпко, дышалъ такъ ровно и спокойно, что Баскову стало вдругъ жаль будить его. Онъ слѣзъ съ дивана, поставилъ свѣчу на столъ и началъ ходить по кабинету въ нерѣшительности.

— Удивительно! вымолвилъ онъ наконецъ.— Разумѣется, онъ пробрался въ квартиру никѣмъ не замѣченный чрезъ задній ходъ и кухню. Вѣроятно, еще въ началѣ вечера. И залѣзъ туда отъ Герасима. Ай да Савей Паичъ! Молодецъ! Ей-Богу, молодецъ! Вотъ тебѣ и клопъ!

И Басковъ, весело настроенный, сталъ разсуждать: что же теперь-то дѣлать?

Разбудить ребенка, чтобъ онъ вылѣзъ и легъ на диванъ? Со сна онъ пожалуй даже перепугается, увидя себя самого въ какой-то западнѣ или ямѣ. Выудить его спящего при помощи Герасима — невозможно. Проснется. Да и разговоры и ворчаніе слуги, котораго надо подымать теперь съ постели,— только разсердятъ. Оставить такъ до утра? Но дать что-нибудь подъ голову... Свернуть что-нибудь и подложить осторожно.

— Нѣтъ! рѣшилъ Басковъ.— Разбудишь. Пусть спитъ. Христомъ съ нимъ.

Х.

Когда на утро Иванъ Николаевичъ проснулся и открылъ глаза, то тотчасъ же слѣлъ въ постели и выговорилъ весело:

— Ахъ ты, плутишка!

Савелій сидѣлъ на коврикѣ около кровати, по-турецки поджавъ ноги и тщательно занимаясь сосаньемъ пальца, глядѣлъ на старика.

- Давно ты этакъ сидишь?
Савелій не отвѣчалъ и усмѣхнулся.
- Ну, говори, какъ ты вчера ко мнѣ пролѣзь. Черезъ кухню пришелъ? А?
- Черезъ кувѣю, отвѣтилъ мальчуганъ.
- Какъ же ты прокрался, что тебя никто не видалъ?
- Пьякьяйся!..
- Да какъ? Какъ тебя ни Герасимъ, ни Целагея не видали.
- Целагея вышла съ ведромъ, а я...
- А ты и шастъ въ кухню, засмѣялся Басковъ.
- Шастъ! тоже засмѣялся Савелій, повторяя слово, котораго не понималъ.
- А Герасимъ гдѣ былъ?
- Въ передней.
- И ты прямо въ кабинетъ и за диванъ! Когда это было? Уже вечеромъ? Уже поздно?
- Поздно.
- Ну, а Демьянъ Иванычъ знаетъ? Отпустилъ онъ тебя или ты тихонько отъ него удралъ?
- Удѣяй!
- Такъ вѣдь онъ, поди, теперь беспокоится. Не знаетъ куда ты дѣвался.
- Савелій пересталъ усмѣхаться и задумался.
- О чемъ думаешь, мошенникъ? весело спросилъ Басковъ.
- Демьянъ Ваничъ придетъ спрашивать, серьезно выговорилъ Савелій, и тонъ его голоса объяснялъ, что нечего объ этомъ разговаривать, что дѣло простое.
- Полагая, что «дяденька» не понимаетъ, мальчуганъ снова повторилъ вразумительно:
- Пыдетъ.
- Басковъ собирался вылѣзти изъ кровати и накинуть халатъ, когда дверь быстро отворилась и появился Герасимъ съ изумленнымъ лицомъ. Простоявъ нѣсколько секундъ за дверью, камердинеръ рѣшилъ, что баринъ или бредитъ во снѣ, или, спятивъ, на яву самъ съ собою разговариваетъ.
- Войдя и увидя ребенка, сидящаго на коврикѣ, Герасимъ сталъ какъ вкопанный и затѣмъ вымолвилъ сердито:
- Тьфу! Треклятый! Вѣдь и на умъ не придетъ. Я думалъ, вы захворали и одни разсуждаете.

— Вонъ онъ, домовой-то твой вчерашній, разсмѣлся Иванъ Николаевичъ.

— Какъ же онъ попалъ сюда?

Басковъ объяснилъ что зналъ.

— Шустрый! рѣшилъ Герасимъ угрюмо.— Выростеть, замки ломать будетъ «еомкой» и квартиры обчищать.

— Эка врешь-то ты, досадливо отозвался Басковъ.

— Зачѣмъ? Не вру. Обыскать его, такъ и сейчасъ найдется что въ карманахъ. Всѣ острожники уже съ пеленокъ— жулье.

Басковъ надѣлъ халатъ и туфли, потомъ перешелъ въ маленькую комнатку и сталъ умываться; Савелій двигался за нимъ, но косился на лакея и старался становиться такъ, чтобы «дяденька» всегда былъ между нимъ и Герасимомъ. Басковъ замѣтилъ это.

«Даже боится его», подумалось ему.

Едва только старикъ сѣлъ за чай и посадилъ около себя ребенка, налилъ стаканъ и ему, какъ явился Герасимъ и заявилъ, что какая-то женщина пришла справиться, у нихъ ли «щенокъ», и желаетъ его взять.

Савелій сразу насупился и вопросительно глядѣлъ въ лицо Баскова.

— Веди ей подождать.

— Она говоритъ: ей некогда.

— Пустяки.

— Вамъ все пустяки. Есть время у рабочаго человѣка бѣгать по городу щенягъ разыскивать. Вотъ выпоротъ бы его какъ слѣдъ, въ другой разъ не сбѣжалъ бы ночью со двора.

И Герасимъ стоялъ какъ бы въ ожиданіи того, что возьметъ и уведетъ ребенка.

Савелій будто это чуялъ и, бросивъ пить чай, сидѣлъ перегнувшись на стулѣ въ сторону Баскова. Казалось, онъ приготовился при малѣйшемъ движеніи Герасима соскочить и броситься спасаться къ «дяденькѣ».

— Сиди, сиди, Савелій... Небось и обождетъ. Поди, скажи ей, Герасимъ, чтобъ обождала. Напой ее чаемъ пока.

Герасимъ вышелъ рѣшительнымъ, будто сердитымъ шагомъ. Савелій сѣлъ прямо и улыбался.

— Испугался, клопъ? спросилъ Басковъ смѣясь.

— Испугался, тихо и серьезно проговорилъ Савелій и удивленно глядѣлъ на старика, какъ бы не понимая, чему же это онъ смѣется, когда совсѣмъ не до смѣха.

Герасимъ тотчасъ же снова появился и произнесъ:

— Она говоритъ, что ей ждать некогда, и просить сейчасъ отпустить... этого.

— Ну, такъ скажи, что я его привезу самъ.

— Я уже говорилъ. Она сказываетъ, что не желаетъ, а сама возьметъ.

Басковъ изумленно глянулъ на лакея, и изумленіе на его лицѣ взволновало ребенка. Онъ соскочилъ со стула и, обжавъ столики, сталъ около кресла старика.

— Что ты? Съ ума что ли сошелъ? уже досадливо произнесъ Иванъ Николаевичъ.

— Зачѣмъ съ ума сходитъ... Мнѣ не съ чего...

И въ этихъ словахъ лакея было удареніе на слово „мнѣ“.

— А кто же тогда?.. она? Поди, ей скажи, что я самъ...

— Говорилъ же, сказываютъ вамъ. Говорилъ. И она отвѣчаетъ: не желаемъ. Желаемъ получить нашего ребенка.

Басковъ быстро поднялся. Савелій бросился къ нему.

— Сиди тутъ. Я сейчасъ приду, сказалъ онъ и двинулся въ кухню въ сопровожденіи камердинера.

Женщина оказалась тою же Матреной, которую онъ видѣлъ въ квартирѣ сапожника, и къ крайнему удивленію Баскова, дѣйствительно заявила, что ждать ей некогда, а ребенка привести тотчасъ приказалъ Демьянъ Ивановъ непременно. Женщина была нѣсколько смущена, глядѣла въ полъ, переминалась на мѣстѣ, но твердо стояла на своемъ и повторяла десятый разъ какъ заученное.

— Нѣтъ, ужъ, баринъ, позвольте его узять.

— Узять! Узять! вспыхнулъ Басковъ.—Тебѣ говорятъ толкомъ, что я Савелья привезу самъ черезъ часъ. Ты едва успѣешь дойти къ себѣ, какъ я уже приѣду съ нимъ.

— Воля ваша. Только Демьянъ Ивановъ мнѣ приказалъ. Позвольте его узять.

Иванъ Николаевичъ хотѣлъ крикнуть вдругъ: пошла вонъ! но сдержался. Ему почудилось, что во всемъ тутъ есть какалто комедія и что лучше дѣло распутать потихоньку.

— Хорошо, бери... сказалъ онъ.

И черезъ пять минутъ повторилось то же, что уже однажды было, но еще болѣе прискорбнымъ образомъ для старика. Са-

велій ревѣль, завываль: «дяденька» на всѣ лады и приведенный въ кухню не пошелъ за женщиной, а былъ ею почти вытащенъ на лѣстницу.

— Только не бейте, Бога ради! просилъ ее Басковъ, видя, что она обозлилась на упиравшагося въ дверяхъ ребенка.

— Зачѣмъ бить... Что же?... отозвалась она сурово.

— Напрасно, выговорилъ Герасимъ. — А я бы, наоборотъ, поучилъ какъ слѣдуетъ. Вишь, вѣдь, озорной. Швыряется какъ собака и того гляди укуситъ.

— А ты прямо-таки... вскрикнулъ Басковъ на камердинера и, не договоривъ браннаго слова, которое было на языкѣ, пошелъ изъ кухни.

Оставшись одинъ, онъ сталъ думать о ребенкѣ и рѣшилъ, что откладывать дѣло не надо. Этакъ и годъ прособираешься, какъ многіе. Надо взяться за дѣло толково тотчасъ. Достать бумаги мальчика. А нѣтъ ихъ, то и безъ бумагъ пристроить его въ пріютъ, откуда ему нельзя будетъ сбѣжать по ночамъ со двора, чтобы попасть подъ лошадей и быть раздавленнымъ.

«Шутка ли? Съ Васильевского Острова и на Владимірскую ночью. Этакую кроху сшибуть и не замѣтятъ... Затопчуть лошадьми»...

Упорство женщины по приказанію сапожника было для Баскова загадкой.

«Чего тотъ хочет? Очевидно, понялъ, что у барина-чудака—прихоть. Ну, и надо поживиться при случаѣ. Продать чужого ребенка подороже, а не просто уступить. Ну, что же? купимъ, Демьянъ Иванычъ, купимъ, выговорилъ Иванъ Николаевичъ вслухъ и прибавилъ: — развелся народецъ въ Питерѣ. Сплошь подлецы и грабители.»

Басковъ прособирался къ сапожнику объясняться, но не выѣхалъ. За то вечеромъ онъ обратился за совѣтомъ въ клубъ къ давнишнему своему партнеру, адвокату, и узналъ все, что было ему нужно. На вопросъ: какія права у мѣщанина на мальчика, онъ узналъ, что—никакихъ.

— Вѣдь ребенокъ ему чужой, объяснилъ современный софистъ.—Онъ никому не принадлежитъ. И стало-быть принадлежитъ всякому обществу благотворительности, попеченія, вспомошествованія, обученія и т. д.

Басковъ по совѣту адвоката рѣшилъ дать сапожнику денегъ за согласіе отказаться отъ ребенка, а въ случаѣ безобразныхъ

претензій дѣйствовать иначе и спасти Савелія помимо воли его случайнаго обладателя.

— Потребуется сто рублей—дамъ! рѣшилъ Иванъ Николаевичъ. — Богъ съ нимъ. Все-таки бѣдный труженикъ, трезвый, работающій, добрый. Все-таки онъ первый призрѣлъ ребенка, который былъ совсѣмъ на улицѣ.

XI.

По привычкѣ сидѣть дома до извѣстнаго часа, Басковъ и на другой день, несмотря на данное себѣ обѣщаніе отправиться къ сапожнику, все-таки сѣлъ за свое писаніе.

«И зачѣмъ это я пишу? спросилъ онъ самъ себя, разумѣется, уже не въ первый разъ.—Откуда я взялъ, что подобное сочиненіе можетъ быть полезно человѣчеству только на томъ основаніи, что авторъ говоритъ искренно?.. Искренно до цинизма. Въ нашъ вѣкъ царство маски и фразы. И кто же исполнить мою волю издать этотъ трудъ чрезъ двадцать пять лѣтъ послѣ моей смерти? Человѣка такого я не знаю, не нашель еще и душеприказчика не имѣю. Коллективной личности еще не выискаль. Вотъ будь у меня сынъ или хотя бы даже воспитанникъ, который любилъ бы меня и могъ бы свято исполнить мою волю. Тогда иное дѣло... Пишешь, пишешь и кончишь пожалуй тѣмъ, что все сожжешь передъ смертью.»

И окончивъ это разсужденіе, быть-можетъ, въ сотый разъ, Басковъ принялся писать и просидѣлъ часа два.

Затѣмъ просмотрѣвъ двѣ газеты, онъ замѣтилъ, что пора на обычную прогулку пѣшкомъ.

День былъ ясный, морозный, настоящій январскій, съ узорами на окнахъ, со скрипомъ саней на улицѣ.

Иванъ Николаевичъ собрался гулять въ длинномъ мѣховомъ пальто, которое надѣвалъ только въ особо холодные дни.

Выйдя изъ квартиры на лѣстницу, онъ уже почувялъ, что должно-быть «свѣжо» на дворѣ. Выйдя на крыльцо, онъ услышалъ скрипъ саней по снѣгу и характерный звукъ, существующій по зимамъ только въ Россіи, звукъ отъ колесъ каретъ, прикасающихся къ замерзшему снѣгу. Не трется желѣзная шина о снѣгъ, а катится по немъ, но будто прилипаетъ и отрывается. И нѣтъ слова, чтобы передать этотъ звукъ. Это и скипръ, и визгъ, и шипѣніе, и лязгъ—вмѣстѣ сочетавшіеся.

«Да, морозить здорово», пробурчалъ Басковъ, сходя съ крыльца. И въ ту же минуту онъ увидѣлъ на ступенькѣ со-сѣдняго подъѣзда какую-то крошечную фигурку, будто знако-мую... Фигурка сидѣла скорчившись, поднялась къ нему на встрѣчу, но не пошла, а какъ-то ежась, горбясь, будто по-ползла на него.

— Савелій, ты? вскрикнулъ онъ.

Дѣйствительно, это былъ мальчуганъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

И Басковъ нагнулся къ подошедшему ребенку. Выраженіе лица Савелія показалось ему какое-то иное. Въ лицѣ было что-то особенное...

— Что ты тутъ дѣлаешь? повторилъ старикъ.

Мальчикъ шевельнулъ губами, но не отвѣтилъ. Только глаза его блеснули ярко, будто старались заговорить вмѣсто губъ.

Приглядѣвшись, Басковъ замѣтилъ въ лицѣ ребенка какую-то синеву.

— Да ты озябъ, что ли? догадался онъ.

Савелій двинулъ опять губками, но снова ничего не про-изнесъ.

— Озябъ!?

Савелій мотнулъ головой утвердительно.

— Что жъ это такое? ахнулъ невольно Басковъ.—Иди, иди!

Онъ взялъ ребенка за ручонку, она была ледяная.

— Ахъ, разбойникъ! Да что же это...

И потащивъ за собой мальчугана, Иванъ Николаевичъ тот-часъ увидѣлъ, что онъ едва передвигаетъ ногами. Онъ на-гнулся, подхватилъ его на руки, шагнулъ къ своему подъѣзду и насколько могъ скорѣе сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, приглядываясь къ мальчугану, онъ убѣ-дился вполнѣ, что тотъ совершенно окостенѣлъ отъ холода.

Басковъ позвонилъ у своихъ дверей, и тотчасъ же позво-нилъ снова. Черезъ нѣсколько секундъ позвонилъ въ третій разъ. Ему было будто жутко держать на рукахъ этого полу-замерзшаго человѣчка.

Герасимъ отворилъ и стоялъ изумленный на порогѣ. Идя на звонокъ, онъ не понималъ кто можетъ такъ трезвонить. Увидя барина съ ребенкомъ на рукахъ, онъ ахнулъ; хотѣлъ что-то сказать, но выговорилъ только:

— Н-ну!—и развелъ руками, а затѣмъ прибавилъ, уже про-пуская шагнувшаго барина:—Тѣфу! прости Господи!

Баскову было не до лакея. Онъ, не раздвываясь, быстро прошелъ въ кабинетъ съ ребенкомъ на рукахъ. Посадивъ его на кресло, онъ сталъ тереть ему руки.

Не скоро согрѣлся мальчуганъ, но наконецъ началъ ухмыляться и вымолвилъ:

— Хоядно.

— Отошелъ немножко?

— Отосой.

И на разспросы Баскова Савелій рассказалъ, конечно, не сразу, а сбивчиво и урывками, цѣлую исторію. Воспроизведя полную картину происшедшаго, какъ судебный слѣдователь воспроизводитъ допросомъ всю картину преступленія,—Басковъ узналъ:

Савелій, желая видѣть дяденьку, опять «удьяй изъ дома» сапожника и явился въ квартиру съ задней лѣстницы, но здѣсь его обругала Пелагея, а дяденька «Еясимъ» пришелъ въ кухню и его «сеткой, сеткой». Онъ выкатился на лѣстницу, ушелъ, но сѣлъ на улицѣ у подъезда поджидать дяденьку и ждалъ. «И дойго-дойго!»

И наконецъ, все понявъ, Басковъ возмутился самоуправствомъ. Одно, что не могъ онъ сразу понять и оцѣнить: что сдѣлалъ Герасимъ, и что значить: «сеткой, сеткой». Это-то именно болѣе всего возмутило его. Герасимъ выгналъ ребенка изъ кухни половою щеткой. Но по описанію Савелія, болѣе подробному, выходило, что лакей сбиль его щеткой съ ногъ, а затѣмъ попросту какъ бы вымелъ ребенка изъ квартиры на лѣстницу.

Черезъ полчаса Савелій уже снялъ пальто, сидѣлъ веселый и довольный, а Иванъ Николаевичъ шагаль по комнатѣ задумчивый, угрюмый и изрѣдка вздыхая какъ человекъ волнующійся. Онъ изрѣдка прислушивался, не идетъ ли камердинеръ, и готовился встрѣтить его такъ, какъ слѣдуетъ.

Но Герасимъ, человекъ не глупый и догадливый, не шелъ и не пришелъ. А гнѣвъ Баскова по-немногу стихалъ и стихалъ.

«Что же? Мальчикъ чужой. Не воспитанникъ! Сталь, невѣдомо затѣмъ, сюда приходить. А всѣ разсужденія того, все-таки, всѣ—съ точки зрѣнія лакея. Отношеніе къ дѣлу тоже лакейское, хамское... Самоуправство? Да, конечно. Набалованъ? Да. Но вѣдь уже за сорокъ лѣтъ. А ребенокъ этотъ явился впервые—и сорока дней нѣтъ. Строго отнеситесь трудно. И врядъ ли справедливо».

Въ сумерки Басковъ, ни слова не сказавъ Герасиму, отвезъ Савелія къ сапожнику, но, просидѣвъ у Демьяна Иваныча въ бесѣдѣ около часа, оставилъ ему сто рублей. Послѣдовало приглашеніе, что на другой день старикъ явится снова взять Савелія и отвезти прямо въ пріютъ.

ХП.

Разумѣется, въ одни сутки найти пріютъ, условиться во всемъ и сдать мальчика оказалось невозможнымъ. На вторые сутки Басковъ съѣздилъ за Савеліемъ и привезъ съ собой, чтобы оставить у себя на два, три дня въ ожиданіи устройства дѣла...

И старый холостякъ сталъ собираться взяться за дѣло, отлагая его на завтра. «Завтра» не являлось. Было все «сегодня». Одновременно Басковъ все болѣе задумывался, раздумывалъ и разсуждалъ:

— Да почему же и нѣтъ?.. Почему же говорить самому себѣ: «странно, глупо, нелѣпо» и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовать, что именно отвѣтъ-то этотъ и глупъ.

Мальчуганъ-сирота забавляетъ и, конечно, это простая прихоть. Но съ другой стороны эта прихоть становится по отношенію къ ребенку не тольکو не преступленіемъ, а благодѣяніемъ. Почему же не повиноваться голосу сердца, или голосу чувства, идущаго изъ тайника души? Капризь, чтобы въ домѣ былъ хорошенькій и умный, забавный мальчуганъ?! Ну, хоть бы и такъ! Зачѣмъ усложнять жизнь всякими мудрствованіями, философствованіями, якобы берешь на свою отвѣтственность существованіе? Якобы со временемъ будущій большой, а затѣмъ и пожилой Савелій будетъ счастливѣе, если его теперь отдать въ пріютъ, а изъ пріюта пристроить потомъ къ какому ремеслу?.. Да. Все это разсужденія не собственнаго разсудка, а какъ бы нѣчто навѣянное со стороны.

И дня чрезъ три Басковъ, сидя за чаемъ, сказалъ Герасиму вдругъ, не храбро:

— Слушай-ка... Я хочу этого мальчугана оставить здѣсь.

— Гдѣ—здѣсь?—ворчалъ Герасимъ.

— У себя!.. Здѣсь въ квартирѣ.

— Съ васъ станется!—презрительно выговорилъ лакей.

— Что же тутъ такого? Худого ничего нѣтъ!

Герасимъ молчалъ, а потомъ, трякнувъ головой, повторилъ слова:

— Да! Съ васъ станется! Такъ этого отъ васъ и ждать слѣдовало.

— Да что ты? Съ ума что ли сошелъ? Что же тутъ худого, я тебя спрашиваю? Доброе дѣло! Вѣдь онъ—сирота!..

— Доброе дѣло! Добрыя дѣла всякія бываютъ! Есть добрыя дѣла разсудительныя, а есть такія, что только вредъ одинъ. Вотъ тутъ одна барыня по сосѣдству дворника своего и славнаго малаго въ острогъ упрятала! Былъ парень первый сортъ, а она своимъ баловствомъ довела его до запоя, а послѣ того и до воровства. Онъ ее обворовалъ и въ полиціи самъ же сказывалъ: «На мое горе попалъ я на это мѣсто! На всякомъ другомъ не забаловался бы и ничего бы худого со мной не случилось». Вотъ и вы таже!..

Разумѣется, Герасимъ не зналъ, что, разсуждая такимъ образомъ, онъ иными словами только повторялъ то же самое, что думалъ Басковъ про себя: «Не сбивать съ пути, съ одной дороги на другую. Мало ли кругомъ людей недовольныхъ существованіемъ, потому что вышиблены случаемъ со своего настоящаго пути».

Герасимъ сталъ доказывать, что отдать сироту въ пріютъ и устроить его будущность дѣло совсѣмъ хорошее, но взять на воспитаніе совсѣмъ нелѣпность.

— Покуда малъ, будетъ, понятно, вамъ забавой. А затѣмъ надобѣсть. Не даромъ вы, да и я съ вами, прожили этакъ одинокими всю жизнь. И вдругъ теперъ заведется въ домѣ какая-то дрянь. Лишнія заботы! Гляди за нимъ! Покуда малъ, присмотръ нуженъ, а подростеть, еще больше заботъ. А станетъ ему двадцать лѣтъ—и того хуже!..

— Будетъ ему двадцать, насъ съ тобой и на свѣтѣ не будетъ,—замѣтилъ Басковъ.

— Почему знать? Можетъ, оба будемъ живы. А онъ спяна насъ бить будетъ.

— Вонъ куда хватилъ!

— Ничего тутъ мудренаго нѣтъ! Дѣло простое! Андрюшку забыли?

— То другое дѣло... Выростеть Савелій—студентомъ будетъ, станетъ цѣлые дни за книгами сидѣть.

И Басковъ подробно, но, конечно, шутя, сталъ разсказывать Герасиму всю жизнь Савелія. Камердинеръ молчалъ, стоя пе-

редь нимъ и заложивъ руки за спину, только изрѣдка встрягивалъ головой.

Когда Басковъ смолкъ, старый слуга заговорилъ:

— Что же, говорю я? Отъ васъ этакое станется! Я вѣдь давно чую, что вы нѣтъ-нѣтъ да какое-нибудь такое колѣно отмочите, что только и можно что плюнуть да перекреститься!.. Ужъ коли кого заводите, такъ заводили бы, что-ли, экономку какую, барскую барыню, серьезныхъ лѣтъ. А этакое въ домѣ завести... помилуй Богъ!..

Отношеніе къ дѣлу любимца — камердинера все-таки нѣсколько повліяло на Баскова. Чѣмъ спокойнѣе говорилъ онъ о своемъ намѣреніи, тѣмъ болѣе возмущался камердинеръ. Басковъ догадывался, но и смущался тѣмъ, что Герасимъ подозрѣваетъ въ немъ просто одно праздное фантазерствованіе или что онъ, опредѣляя по російски, «съ жиру бѣсится».

Однажды камердинеръ совершенно серьезно сказалъ барину:

— Вотъ теперь, Иванъ Николаевичъ, люди выдумали этакое новое, хорошее... Многіе господа это продѣлываютъ... Какъ, стало быть, поутру всталъ, вмѣсто того чтобы умываться, а ты въ ванну холодную! Говорять, очень польза огромная. Вода водой, а на нравъ дѣйствуетъ.

Басковъ даже глаза вытаращилъ.

— Это ты мнѣ совѣтуешь?

— Отчего бы и вамъ не попробовать?

— Зачѣмъ?!

— Да очень, говорятъ, польза велика...

Если бы Герасимъ шутилъ, то конечно можно было бы Ивану Николаевичу посмѣяться, но камердинеръ говорилъ это серьезно, искренно, съ ноткой чувства въ голосѣ.

Въ другой разъ камердинеръ посоветовалъ барину прокатиться, съѣздить въ Москву, что ли. Кремль и церкви московскія посмотреть. А коли лѣнь далече двигаться, ну, хоть на Иматру съѣздить, куда Басковъ уже раза три ѣздилъ.

— Прокатитесь,—сказываютъ, Иматра еще красивѣе въ эту пору, зимой.

— Да это все зачѣмъ же?—изумился Басковъ.

— А зачѣмъ, что скучно вамъ. А отъ скуки какія чудеса въ головѣ зарождаются? Страсть!

— Это все на счетъ этого Савелія?

— Да тутъ дѣло не въ Савеліи! Ну, бросите вы думать про это... Другая какая диковина въ голову влѣзетъ и застря-

неть. Захотите вдругъ Туркой что-ли нарядиться, да по Невскому пойти ряженымъ. Мало ли что можетъ быть! Право говорю, либо ванну устроить дома, либо иное что выдумать надо для развлечения и успокоенія мыслей.

Однако, вмѣсто того, чтобы смѣяться совѣтамъ Герасима, Басковъ самъ началъ спрашивать себя: ужъ не правъ ли камердинеръ? Ужъ, дѣйствительно, не отъ скуки ли пришла ему мысль взять ребенка на воспитаніе? Въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли попробовать переменить образъ жизни?

Какъ переменить?! Теперь? Въ шестьдесятъ лѣтъ! Что же, жениться что ли? И ужъ тогда непременно на шестнадцатилѣтней. Конечно. И одновременно Туркой одѣться и гулять по Невскому съ женой и чалмой.

И старый холостякъ волновался и раздражался, то уступалъ мысленно любимцу—лакею, то сердился и иронизировалъ надъ нимъ и надъ собою...

ХІІІ.

А пока баринъ и лакей препирались, Сасей Паичъ дѣлалъ свое... Прежде всего квартира Баскова преобразилась. Маленькій человѣчекъ, появившійся въ ней, какъ бы повліялъ властно на всю обстановку. Все оставалось по-прежнему, но казалось инымъ, какъ бы иначе и сильнѣе освѣщеннымъ.

А затѣмъ и жизнь Баскова видоизмѣнилась. Распорядокъ дня былъ другой. Однѣ—давнишнія—привычки стали исчезать, другія—новыя—явились на ихъ мѣста. Только вечера проводилъ старикъ по-прежнему въ клубѣ и игралъ въ карты, но уѣзжалъ онъ въ клубъ позднѣе, чѣмъ прежде, и возвращался ранѣе полуночи. А днемъ все шло уже совершенно иначе.

Поднявшись и одѣвшись, Иванъ Николаевичъ послѣ своего туалета не шелъ къ себѣ въ кабинетъ чай пить и проглядывать газеты, а шелъ прямо въ комнатку гдѣ былъ устроенъ Савелій. Комната вполнѣ измѣнилась. Въ ней была маленькая кровать и маленькая мебель. Стулья, столы, диванчикъ, шкафчикъ,—все было по росту обитателя. Большому человѣку сѣсть было нельзя.

Цѣлый уголъ былъ занятъ игрушками, а въ другомъ углу степенно сидѣла на маленькомъ креслѣ красивая брюнетка въ локонахъ, въ розовомъ платьѣ, румяная, съ великолѣпными черными глазами и бровями, по имени Маша. Савелій, какъ

ни малъ, предпочиталъ красавицу всему на свѣтѣ и цѣловалъ чаще, чѣмъ самого Ивана Николаевича.

Съ нею онъ не разставался и таскалъ съ собою по комнатамъ, при чемъ, по крайней мѣрѣ, раза два-три въ день шлепался вмѣстѣ съ нею на полъ. Происходило это потому, что эта Маша, или Марья Ивановна, была нѣсколько больше самого Савелія и довольно тяжела.

Шелъ послѣ своего пробужденія Иванъ Николаевичъ исключительно за тѣмъ, чтобы якобы будить Савелія. Всегда находилъ онъ ребенка уже проснувшимся, но лежащимъ и всегда съ ногами поднятыми вверхъ подъ простыней. Мальчуганъ никогда не начиналъ одѣваться, пока не придетъ «дяденька». Онъ лежалъ, задравъ ноги, ступая ногой объ ногу и глядя на дверь въ ожиданіи его появленія.

Когда Басковъ заявлялъ: «вставать пора!» мальчуганъ быстро вскакивалъ. Онъ только того и ждалъ. Затѣмъ, умывшись и одѣвшись при помощи Пелагеи, онъ бралъ Машу поперекъ тѣла въ охапку и съ трудомъ шелъ съ нею къ Ивану Николаевичу чай пить. Иногда Пелагея предлагала донести Марью Ивановну или «барышню», но онъ ни за что не соглашался. Вообще, мальчикъ ревниво оберегалъ Машу и не любилъ, чтобы ее трогали. Достигнувъ кабинета—иногда благополучно, иногда шлепнувшись въ коридоръ на полъ вмѣстѣ съ куклой—онъ являлся здороваться съ дяденькой. Затѣмъ на двухъ дѣтскихъ одинаковыхъ стульяхъ усаживались предъ самоваромъ двѣ фигурки. Одна живая, веселая, подвижная. Другая—сѣномъ набитая, красивая, нѣмая.

Разумѣется, предъ Машей ставилась то же чайная чашка, клался даже кусочекъ хлѣбца.

Послѣ чая Басковъ садился за писаніе своего таинственнаго сочиненія, а Савелій отправлялся съ куклой къ себѣ. Въ извѣстный часъ ежедневно подавались лошади, сани или карета, смотря по погодѣ, и Басковъ вмѣстѣ съ Савеліемъ ѣхали прокатиться и пройтись пѣшкомъ. Во время обѣда еще недавно висячая лампа тускло освѣщала одного молчаливаго Баскова, а теперь свѣтила будто веселѣе, играя лучами на двухъ маленькихъ хорошенькихъ личикахъ.

Басковъ, конечно, не взялъ ребенка на воспитаніе, а собираясь «завтра» въ пріютъ, держалъ его пока у себя. Но онъ пересталъ самого себя спрашивать: что онъ дѣлаетъ и зачѣмъ

дѣлаетъ? Онъ какъ бы махнулъ рукой мысленно и говорилъ себѣ самому:

«Пускай такъ... Ничего не рѣшено. Видно еще будетъ. Останется тутъ... А то не останется. Иное дѣло откладывать до завтра и не думать. Это все Герасимъ меня науськивалъ. Судить да пересуживать самое простое дѣло. Нѣтъ его проще! Правится это мнѣ. Чувствую я себя теперь менѣе одинокимъ, даже совсѣмъ не одинокимъ. Даже Марья Ивановна прибавила что-то вдругъ въ эту квартиру, не только Савелій. Надо быть крѣпостнымъ лакеемъ, чтобы видѣть во всемъ этомъ одну простую прихоть!.. А если эта прихоть да вдругъ окажется счастьемъ?..»

Между тѣмъ пока Басковъ совершенно перемѣнился, ходилъ и глядѣлъ иначе, бодрѣй и веселѣе, его любимецъ тоже перемѣнился. И чѣмъ радостнѣе было лицо барина, тѣмъ угрюмѣе становилось лицо камердинера. «Баловничество» и «камень» барина, какъ называлъ Герасимъ все, что творилось теперь у нихъ въ квартирѣ, дѣйствовали на него удручающе. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ яснѣе барина видѣлъ, что Савелій въ домѣ не до «завтра», а навсегда.

Распорядокъ дня, иной чѣмъ онъ былъ по крайней мѣрѣ за двадцать лѣтъ, раздражалъ стараго слугу. Присутствіе мальчугана въ квартирѣ, его отдѣльная комната, безпорядокъ, который онъ дѣлалъ повсюду, передвигая стулья въ гостиной, забывая въ разныхъ комнатахъ разныя игрушки, конечно, сердили и даже злили лакея.

На его докладъ барину въ первые же дни, что «щенокъ» сорить въ комнатахъ, Иванъ Николаевичъ замѣтилъ камердинеру:

— Слово: «щенокъ» пора бросить, а надо мальчика звать Савеліемъ. А придетъ живо время, придется его звать и совсѣмъ иначе: Савеліемъ Павловичемъ. А игрушки забывать въ разныхъ комнатахъ это не значить «сорить».

Прежде, когда Басковъ пилъ чай, то, просмотрѣвъ газеты, часто звалъ Герасима и рассказывалъ ему что-либо явившееся въ печати новое и крупное, и слуга по-немножку привыкъ интересоваться даже міровыми событіями. Иногда онъ дѣлалъ очень мѣткія замѣчанія, а Баскову это нравилось. Такимъ образомъ, почти всякій день около получаса баринъ и камердинеръ серьезно бесѣдовали. Теперь этого ни разу не произошло! Герасима вполне вытѣснили и замѣнили мальчуганъ и кукла. И это было

главное, что удручало стараго слугу. Поѣздки и прогулки барина съ мальчуганомъ тоже почему-то сердили его чрезвычайно. Всякій день, заперевъ за ними дверь, Герасимъ садился на стулъ и глубоко, тревожно задумывался.

Обѣдъ съ ребенкомъ по одну сторону и съ куклой—по другую не только раздражалъ камердинера, но даже озадачивалъ. Иногда онъ искренно думалъ, что баринъ спятилъ, тѣмъ паче, что за обѣдомъ приходилось служить и щенку и куклѣ, подавать имъ блюда, мѣнять тарелки и приборы; относительно куклы это было глупостью, а относительно ребенка того хуже! Герасиму казалось, что въ его годы, послѣ долгой службы барину, прислуживать за столомъ какому-то найденнышу, сыну какой-нибудь прачки или поломойки—прямо оскорбительно.

Когда баринъ уѣзжалъ въ клубъ, смѣтливый мальчуганъ тотчасъ же уходилъ въ свою комнату и смиренно сидѣлъ тамъ около часа прежде, чѣмъ ложиться спать при помощи Пелагеи. Въ это время онъ никогда не выглядывалъ, даже носа не показывалъ изъ комнаты, такъ какъ онъ чувствовалъ, что при отсутствіи «дяденьки» этотъ другой дяденька почему-то ему опасенъ.

Только въ первые дни мальчикъ смѣло глядѣлъ въ лицо этого втораго дяденьки, но затѣмъ пересталъ. Онъ видѣлъ такіе страшные глаза, что ему жутко стало встрѣчать этотъ взглядъ.

Одинъ разъ, въ первое же время пребыванія въ квартирѣ, Савелій вышелъ было съ лоткомъ и посудою, изображая разносчика, въ столовую и сталъ разставлять свой товаръ. Но появившійся Герасимъ собралъ все обратно въ лотокъ, взялъ ребенка за ухо другою рукой и отвелъ его въ его комнату.

— Не смѣй у меня пакостить во всѣхъ апартаментахъ, паршивый щенокъ, сказалъ онъ грозно.

И онъ швырнулъ на полъ лотокъ съ мелочью, а Савелію далъ подзатылину, отъ которой тотъ полетѣлъ и ткнулся на полъ. Однако, мальчикъ не заплакалъ, а робко доползъ до угла и забился въ игрушкахъ.

XIV.

Прошло три недѣли. Басковъ наконецъ рѣшилъ, что отдавать въ пріютъ Савелія нелѣпность.

— Была бы самая глупая глупость!—говорилъ онъ себѣ. На это рѣшеніе не мало повліялъ старый другъ, докторъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Мейеръ, который, повидавъ мальчика, объявилъ слѣдующее:

Находка этого ребенка, его появленіе въ квартирѣ, странный характеръ этого крошечнаго красавца-человѣка, а главное, его въ глаза бросающаяся привязанность къ старику, его сердечность, ласковость—все казалось Мейеру не случайностью, а со стороны Баскова не прихотью. Это все было законно и положительно суждено.

— А теперь даже трудно было бы,—разсуждалъ докторъ,—и представить себѣ жизнь старика безъ этого красавчика, который внесъ съ собою въ существованіе скучающаго бобыля что то могучее, живительное, теплое... Только женитьба одинокаго человѣка можетъ преобразить все существованіе такъ же, какъ случилось это теперь отъ появленія и присутствія семилѣтняго ребенка.

И дѣйствительно, Иванъ Николаевичъ ежедневно, отъ зари до зари, ясно ощущалъ въ себѣ какое-то новое чувство, ему незнакомое дотолѣ. Анализуя это чувство, онъ пришелъ къ убѣжденію, что это не что иное, какъ крайнее довольство своимъ существованіемъ... А какъ это назвать?—Счастіе.

— Да. Какъ тамъ ни верти, говорилъ онъ самъ себѣ,—а я доволенъ до такой степени, которая именуется счастіемъ.

А почему и какъ все это произошло, рѣшить было очень мудро и въ то же время очень легко. Все совершилось по одной причинѣ... Чужой ребенокъ, сирота, умный, красивый, добрый, полюбилъ старика... Почему? Неизвѣстно... Во всякомъ случаѣ нельзя было заподозрить комедіи въ семилѣтнемъ ребенкѣ. Чувство сильной привязанности не только было на лицо, но бросалось въ глаза и проявлялось ежедневно, ежечасно, проявлялось иногда наивно, мило. Иногда Басковъ даже восслицалъ:

— Да развѣ можно не любить такого ребенка!

Вникнувъ во всѣ мелочи жизни и взаимныхъ отношеній двухъ бобылей, старика и младенца, надо было согласиться, что если все простой случай, то случай рѣдкій, удивительный.

Ребенокъ уже не отходилъ отъ старика по цѣлымъ днямъ. Когда послѣ утренняго чая Иванъ Николаевичъ садился писать, Савелій тоже садился на полъ, на ковръ около письменнаго стола и, будто понимая, что дѣло дяденьки гораздо важнѣе Демьяна Иваныча, сидѣлъ тихохонько, затаивъ дыханіе.

Но едва Басковъ клалъ перо въ сторону и говорилъ: «довольно, кончилъ!» Савелій вскакивалъ весело и начиналъ болтать, спрашивать или просто прыгать, чтобы размять кости, встряхнуться отъ долгой неподвижности.

Басковъ началъ учить мальчика читать и писать и изумлялся его соображенію. Савелій уже началъ разбирать по складамъ и только одно обстоятельство необъяснимо мѣшало ему въ успѣхахъ. Разобравъ первыя буквы какого-нибудь длиннаго слова, ребенокъ тотчасъ сочинялъ свое собственное слово. Однажды слово: «Здравствуй, кумушка» онъ прочелъ бойко: «Дѣвочка кукушка».

И какъ ни бился Басковъ, чтобы заставить ребенка складывать слова до конца и произносить, а не измышлять собственныхъ словъ, онъ долго достигнуть не могъ.

Онъ объяснялъ, ребенокъ слушалъ внимательно, а затѣмъ серьезно, важно, старательно начиналъ читать: «Муравей» вмѣсто: «разумѣтся», или вмѣсто: «Красная шапочка» читалъ: «Красавица шалуныя».

Однако, по-немногу эта привычка стала пропадать. Совравъ, ребенокъ тотчасъ самъ себя поправлялъ и былъ радъ, весело взглядывалъ въ лицо Баскова и смѣялся и повторялъ его же слова:

— Савьяй и попявѣйся.

Но въ этой новой жизни старика, въ бочкѣ меда явилась ложка дегтя... Даже большущая ложка. Это былъ камердинеръ.

Басковъ сначала убѣждалъ себя, что Герасимъ привыкнетъ къ новому маленькому и безобидному сожителю и примирится съ «воспитанникомъ». Но онъ ошибся. Лакей-любимецъ не только не привыкъ, а даже совершенно измѣнился характеромъ и ходилъ темнѣе ночи, злой, унылый, пришибленный.

Басковъ приписывалъ все ненависти Герасима къ дѣтямъ вообще, ненависти диковинной, рѣдко встрѣчаемой.

Но мнѣніе это было ошибочно. Дѣло было уже не въ ненависти къ дѣтямъ. Какъ всѣ счастливые люди, Басковъ не замѣчалъ того, что дѣлалъ, не приглядывался внимательнѣе къ своему собственному ежедневному поведенію и обращенію съ лакеемъ и къ тѣмъ новымъ отношеніямъ, которыя возникли между стариками-друзьями. Онъ не замѣчалъ того, что Герасимъ давно замѣтилъ. А это было ему—ножъ въ сердце! Ребенокъ сталъ между нимъ и бариномъ и отодвинулъ его отъ барина. Далеко отодвинулъ! Онъ былъ любимцемъ всю свою жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слугой. Теперь же онъ былъ просто—давнишній лакей.

XV.

Герасимъ уже давно съ каждымъ днемъ собирался съ дугою и наконецъ однажды, помогая барину одѣваться, онъ выговорилъ:

Иванъ Николаевичъ, разрѣшите мнѣ съѣздить къ себѣ.

— Куда?

— На свою сторонку. Давно не бывалъ. Поглядѣть. У меня тамъ дальняя родня водится.. И прогуляюсь, и погляжу поля да лѣса, гдѣ еще парнишкой бѣгалъ, да по грибы ходилъ.

— Что же? Ступай...—отозвался Басковъ нерѣшительно.— Конечно. Что же?—прибавилъ онъ вдругъ веселѣе.

Но затѣмъ, пройдя въ кабинетъ, онъ не заговорилъ весело съ Савелиемъ, который его поджидалъ, а задумчиво принялся заваривать чай.

Онъ понялъ тотчасъ же, что заставляло Герасима предпринимать эту поѣздку. Слуга уже лѣтъ двадцать не отлучался отъ него, а на родинѣ не бывалъ смолода. Наконецъ, Басковъ зналъ хорошо, что тамъ въ имѣніи, проданномъ еще его отцомъ сорокъ лѣтъ назадъ, которое было въ Воронежской губерніи, никакой родни у Герасима быть не можетъ. Онъ даже тамъ знакомыхъ врядъ ли найдетъ. Его поколѣніе навѣрно уже повымерло, а молодое народилось уже послѣ. Даже иные, нынѣ почти сорокалѣтніе, родились уже послѣ его ухода оттуда. Размышляя о неожиданномъ заявленіи слуги, Басковъ додумался до того, что это со стороны Герасима нѣчто въ родѣ протеста и мщенія за то, что баринъ поступилъ противъ его воли, не поддался его совѣтамъ и даже увѣщаніямъ.

«Ну что же? — подумалось ему.— Не могу же я по чужой дудѣ плясать въ такихъ серьезныхъ вопросахъ. Упрямество. Уперся! А теперъ хочеть якобы мстить. Ну что же? Глупо. Только глупо».

Однако, Иванъ Николаевичъ почему-то былъ увѣренъ, что любимецъ-лакей только грозитъ и, начавъ собираться, не соберется.

И онъ опять ошибся.

На третій день Герасимъ заявилъ, что онъ ввечеру беретъ пассажирскій поѣздъ.

— Такъ ѣдешь? И вправду? — нѣсколько удивился Басковъ.

— Вы же разрѣшили,—будто укоризненно и съ упрекомъ отвѣтилъ Герасимъ.

Казалось, онъ хотѣлъ сказать: «Вы не уступаете, ну и я не уступлю».

Вечеромъ баринъ и лакей, почти не разлучавшіеся съ молодости, простились странно, мущаясь, стыдась... Но съ отгѣнкомъ печали. А главное, съ отгѣнкомъ неискренности, чего-то скрываемаго или недосказаннаго.

Не прошло трехъ дней послѣ отгѣзда Герасима, какъ Басковъ почувствовалъ себя особенно легко и радостно настроеннымъ. Стало уже очевидно, что присутствіе угрюмаго и даже озлобленнаго слуги портило все, мѣшало всѣмъ. Теперь безъ него жить легче! И не одинъ Иванъ Николаевичъ чувствовалъ это. «Сасей Паичъ» сталъ неузнаваемъ. Онъ бойко, шумно, радостно носился вихремъ по всей квартирѣ, громче говорилъ, забывъ свою привычку озираться или прислушиваться. Басковъ теперь только понималъ, что, очевидно, мальчикъ боялся слуги, и быть-можетъ даже были на это причины, про которыя онъ не заикнулся.

Пелагея замѣняла лакея во всемъ и замѣняла отлично. Кромѣ того, женщина недалекая, но добрая, какъ бы подпала подъ вліяніе и старика, и ребенка. Она съ первыхъ же дней стала безсознательно и поэтому искренно подражать во всемъ и Баскову, и Савелію. Что забавляло ихъ, забавляло и ее. Разумѣется, прежде всего она, подобно имъ двумъ, дружески, внимательно отнеслась къ барышнѣ Марѣ Ивановнѣ. За столомъ она ласково и предупредительно служила ей, приводя Савелія въ восторгъ всяческими выдумками.

Однажды она заявила, что барышнѣ надо повязать салфетку такъ же, какъ и Савелію Павловичу, чтобъ она не запачкалась супомъ или соусомъ. И въ первый разъ, что кукла очутилась за столомъ съ салфеткой, повязанною на груди, мальчикъ сидѣлъ за обѣдомъ въ такомъ восторженномъ состояніи, что и Иванъ Николаевичъ не могъ остаться равнодушнымъ и тоже сугубо оживился, смѣялся и шутилъ.

Въ существованіи Баскова по отгѣздѣ Герасима явилась одна важная новость или перемѣна. Онъ не всякій вечеръ отправлялся въ клубъ. Раза два, иногда и три въ недѣлю онъ оставался дома и читалъ Савелію сказки. Или являлись карты и начиналась игра въ «фифаны», при чемъ играли четверо:

Басковъ, Савелій, Маша и Пелагея. На проигравшаго надѣвался дурацкій колпакъ съ колокольчикомъ.

И только одна Маша не хохотала на всю квартиру, за то Савелій заливался серебристымъ смѣхомъ за двухъ.

Такъ прошелъ мѣсяць, но проскользнулъ незамѣтно. И вдругъ однажды въ квартирѣ стало сразу тише.

Басковъ смотрѣлъ мевѣ беззаботно—весело, а Сасей Паичъ не только притихъ, не шумѣлъ и не хохоталъ, но даже не улыбался. За то снова озирался и прислушивался.

Вернулся Герасимъ.

Вернувшійся лакей былъ сумраченъ, а чрезъ сутки сталъ въдесятеро сумрачнѣе и уже смотрѣлъ такъ, что Басковъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Что это ты, Герасимъ, такъ поглядываешь, точно съ разбоя вернулся?

Лакей во время своего отсутствія утѣшался и даже наслаждался мыслью, что онъ мститъ барину.

«Теперь тамъ, безъ меня, думалось ему, все вверхъ ногами. Нешто можетъ баба потрафить ему, причуднику. Я его сорокъ лѣтъ знаю, и всякое понять и предупредить могу. Да, Иванъ Николаевичъ! Попробуй-ка вотъ безъ Герасима обойтись. Увидимъ, кто нужнѣе? Я или щенокъ? Примѣривай-ка на себѣ теперь вотъ... Примѣривай».

Вернувшись домой Герасимъ, какъ умный человѣкъ, увидѣлъ и понялъ то, что было... Правду, а не свои мечтанія и измышленія... А правда эта была ударомъ въ самое сердце.

Не только безъ него обошлись, но и жизнь у нихъ наладилась прекрасно. Даже такъ, что онъ теперь оказывается... „ну вотъ, прямо сказать,—лишній!“

Первый же обѣдъ прошелъ въ гробовомъ молчаніи. Савелій молча, сумрачно и даже пожалуй робко поглядывалъ то на Баскова, то на Машу. Самъ Иванъ Николаевичъ былъ задумчивъ и то, что онъ обдумывалъ, волновало его... Рѣшится ли онъ на этотъ шагъ? Рѣшится ли онъ первый заговорить, если Герасимъ не догадается и не заговорить самъ?..

„А такъ вѣдь нельзя! Такъ — нельзя! Совсѣмъ нельзя! Что же это?! Это не жизнь! Нельзя!“

Всего удивительнѣе было то, что Пелагея перестала ласково относиться къ барышнѣ. Игра въ «фофаны» прекратилась сама собой, такъ какъ Ивану Николаевичу казалось невозможно,

даже совѣстно надѣвать на себя дурацкій колпакъ. Былъ бы теперь свидѣтель такого малодушія.

Такъ протянулась недѣля и показала Баскову гораздо длиннѣе радостно промелькнувшаго мѣсяца. И онъ началъ рѣшительно собираться вызвать Герасима на объясненіе, предложить старому слугѣ получить маленькій заслуженный капиталъ и уйти на покой, чтобы стать въ положеніе: самъ себѣ баринъ. Все собираясь и все не рѣшаясь на это щекотливое объясненіе, Басковъ становился такъ же сумраченъ, какъ и Герасимъ. И незамѣтно для самого себя онъ совсѣмъ пересталъ разговаривать съ лакеемъ, отзываясь кратко и угрюмо на все: *да и нтъ.*

XVI.

Дни потянулись длинные, безконечные...

Во всей квартирѣ отъ кухни до спальни было какое-то странное, тяжелое и даже будто загадочное затишье. Басковъ, Герасимъ, даже Пелагея, даже Сасей Паичъ всѣ поглядывали вопросительно, выжидательно.

Однажды около восьми часовъ утра Иванъ Николаевичъ проснулся отъ стука. Придя совершенно въ себя, онъ понялъ, что кто-то стучитъ въ дверь его спальни, хотя она и не была заперта на ключъ.

— Что такое? окликнулъ онъ удивясь.

— Я это, Иванъ Николаевичъ, къ вамъ! раздался голосъ Пелагеи.

— Что такое?

— Да пожалуйста къ Савелію Павлычу.

— Что? .

— Да не знаю... Не хорошо что-то!..

— Что—не хорошо? встрепенулся Басковъ.

— Да не знаю... Пожалуйста, поглядите! Сдается, хвораетъ...

Басковъ быстро поднялся, накинулъ халатъ и, идя по коридору въ комнату мальчика, невольно думалъ:

«Да, вотъ про это я и забылъ. Забылъ, что дѣти легко хвораютъ и что съ ними помимо забавы бываетъ и возня, и хлопоты»...

Но войдя въ комнату и увидя мальчика въ постели, Басковъ ахнулъ... Ребенокъ лежалъ какъ-то странно протянувшись, съ глазами закатившимися подъ лобъ, тихо и мѣрно стоналъ. Онъ

настолько трудно и странно дышаль, что грудь поднималась медленно, какъ-то разбухала, растягивая рубашенку, и затѣмъ снова суживалась, съезживалась, а бѣлье ложилось складочками.

— Что такое? вскрикнулъ Басковъ. — Савелій, что ты?!... Болить что?..

Но мальчикъ не только не отвѣтилъ, но какъ бы и не слыхаль вопроса. Басковъ взялъ его за руку. Рука была горячая и когда онъ выпустилъ ее, она упала точно такъ же, какъ падала постоянно рука Маши.

— Да что же это? закричалъ Иванъ Николаевичъ, тотчасъ понявъ, что ребенокъ не просто хвораеть, а почти въ опасности. — Доктора!! Доктора!! прокричалъ онъ. — Герасимъ!.. Гдѣ Герасимъ?!

— Вышелъ должно - быть. Нѣту его! отвѣчала Пелагея съ порога.

— Скорѣй посылай. Нѣтъ! Ступай сама къ Ѳедору Ѳедоровичу!.. Зови скорѣй!.. Онъ еще не поднимался. Застанешь. Скорѣй. Возьми извозчика.

— Сію минутую! отозвалась Пелагея и вышла.

Басковъ, волнуясь, сѣлъ около постельки Савелія и сталъ снова окликать его, но тотчасъ же понялъ, что ребенокъ просто не слышитъ и не понимаетъ. Наконецъ онъ взялъ его за оба плеча и почти крикнулъ ему въ лицо:

— Савелій, что ты?!

Мальчикъ раскрылъ глаза, поглядѣлъ на лицо старика будто ужасомъ растарашенными глазами и простоналъ еле слышно:

— Дяденька... Дя-день...

Но затѣмъ, будто сдѣлавъ надъ собою это усиліе, онъ закрылъ глаза еще больше и сталъ дышать еще тяжелѣе. Басковъ не могъ вынести вида мальчугана, и сообразивъ, что онъ не можетъ ничѣмъ помочь, вышелъ изъ комнаты.

И Богъ вѣсть что полѣзло ему въ голову. Онъ вообразилъ себѣ, что приключилась съ мальчуганомъ не простая болѣзнь, а что-то другое, не естественное. Какимъ образомъ такъ, вдругъ? Вчера, вечеромъ, правда, еще передъ отъѣздомъ въ клубъ, т.-е. уже часовъ двѣнадцать тому назадъ, Савелій былъ совсѣмъ здоровъ и весело болталъ.

«Что же могло вдругъ случиться за ночь? Можетъ - быть какая-нибудь дѣтская, особенно внезапная болѣзнь?» думалъ Басковъ.

И онъ сталъ вспоминать то, что когда-то слыхалъ. Онъ вспоминалъ слова и названія: крупъ, столбнякъ, родимчикъ и еще что-то, что онъ помнилъ, но назвать не могъ.

„Мало ли что съ дѣтьми бываетъ! Вотъ прійдетъ сейчасъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ и окажется, что все пустяки. Много ли нужно, чтобы маленькій человѣчекъ походилъ на безнадежнаго полумертваго?“

Не прошло часа, какъ въ квартирѣ уже явился Ѳедоръ Ѳедоровичъ, улыбающійся и веселый, мигающій черезъ свои золотыя очки.

— Ну, что у васъ? Вонъ какъ вы теперь! Въ восемь утра къ себѣ зовете! Что значитъ—дѣтворой обзавелись! Скоро меня и по ночамъ будить станете. Пустяки какіе-нибудь?

Но приглядѣвшись къ лицу Баскова, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ отвѣтить, докторъ догадался, что его не даромъ позвали слишкомъ рано.

— Не знаю! Идите скорѣй! сказалъ Иванъ Николаевичъ тревожно.

И оба двинулись въ комнату Савелія. Докторъ подошелъ, нагнулся, ощупалъ мальчика, затѣмъ точно такъ же, какъ и Басковъ, позвалъ его и напрасно. И глаза доктора сразу стали серьезными. Онъ обернулся къ Баскову съ вытянутымъ лицомъ и тихо, едва слышно, отъ изумленія и недоумѣнія произнесъ:

— Да это... это... это странно, Иванъ Николаевичъ.

— Что вы? Опасность?..

— Это... агонія!..

— Что?! заоралъ старикъ.

— Да, агонія!..

— Что вы? Неправда... неправда...

— Это странно, Иванъ Николаевичъ. Странно...

И повозившись снова съ ребенкомъ, выслушавъ его, повернувъ нѣсколько разъ, при чемъ Савелій вполне изображалъ Машу всѣмъ своимъ туловищемъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ обернулся къ сидѣвшему Баскову и выговорилъ:

— Ничего не понимаю... Кромѣ одного... Загадка.

Басковъ ничего не отвѣтилъ, только разинулъ ротъ и какъ бы окаменѣлъ. И только черезъ минуту мертваго молчанія въ комнатѣ онъ будто очнулся снова.

— Такъ дѣлайте что-нибудь скорѣй! глухо произнесъ онъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ помоталъ головой.

— Ничего! Поздно! Это давно! Часовъ десять-восемь тому назадъ еще можно было... А теперь, говорю вамъ, поздно, конецъ.

— Конецъ?! повторилъ Басковъ бессмысленно.

— Да! Еще пожалуй часъ... Ну, два часа. Больше нельзя! Но что же это такое, Иванъ Николаевичъ?

Старикъ будто не понялъ, что докторъ спрашиваетъ, не отвѣтилъ, понурился и сидѣлъ не двигаясь. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія докторъ поднялся, тронулъ за плечо глубоко задумавшагося Баскова, привелъ его въ себя и сказалъ:

— Ну, мнѣ надо... Пора въ больницу. А вы подумайте. Надо подумать какъ быть! Я, конечно, дамъ вамъ свидѣтельство, но все-таки...

— Какое свидѣтельство? произнесъ Басковъ, какъ бы не понимая самъ, что говорить.

— Свидѣтельство нужно брать для погребенія.

— Погребеніе... повторилъ Басковъ опять бессмысленно.

— Ну-да. И я вамъ его дамъ. Но вы все-таки подумайте! Такъ оставить нельзя! Вѣдь это, Иванъ Николаевичъ, очень и очень сомнительный случай! Воспаленіе мозга несомнѣнное, но оно—такое сильное и острое—съ такой быстротой не приходится... Я подозреваю нѣчто... Подумайте какъ вообще быть! Оставлятъ все или не оставлятъ. Это ужъ ваше дѣло! Мое дѣло—говорить или молчать какъ пожелаете, мой другъ. Затѣмъ—дать свидѣтельство или отказать... Ради нашей дружбы я его дамъ. Хотя поступокъ этотъ съ моей стороны будетъ не... красивый... Но вотъ рѣшайте. Я заѣду вечеромъ... Хорошить или разъяснить...

Докторъ простился и вышелъ.

Басковъ пересѣлъ на кровать Савелія, положилъ руку на его ноженики, потныя и горячія, изрѣдка вздрагивающія, и прошепталъ:

— Ахъ, Савелій, Савелій. Это все я... Вотъ и благодѣяніе... Необдуманная прихоть празднаго человѣка. Видно и добро-то дѣлать надо умѣючи.

Между тѣмъ ребенокъ дышалъ все тяжелѣе и все рѣже. Басковъ смотрѣлъ на него, не шевелясь и не спуская глазъ.

Много прошло времени. Сколько, онъ не зналъ... Часа два или три. Мальчикъ вдругъ вздрогнулъ, вытянулся, широко раскрылъ глаза и тихо, робко вскрикнулъ какъ бы отъ толчка. Сильно надувшаяся грудь медленно опустилась, съезжилась...

но снова не поднималась... Глаза остались удивленно раскрытыми, но будто не смотрѣли ни на что въ комнатѣ, а прямо куда-то предъ собой...

Иванъ Николаевичъ отвернулся, потомъ закрылъ себѣ руками лицо, понурился и остался такъ...

Когда онъ пришелъ въ себя, на дворѣ были сумерки. Тусклый, сѣрый свѣтъ мерцалъ въ окнахъ.

Вытянувшійся ребенокъ по-прежнему смотрѣлъ предъ собою умно, внимательно, проникательно...

И вдругъ Басковъ въ этихъ красивыхъ мертвыхъ глазахъ прочелъ ясно вопросъ:

— Зачѣмъ?!

Машкерадъ.

(Историческій разсказъ).

I.

ЛИ девяностые годы XVIII вѣка.

Въ одномъ изъ глухихъ приволжскихъ намѣстничествъ хорошо была извѣстна всѣмъ въ округѣ большая вотчина князей Можайскихъ, именитыхъ и старинныхъ дворянъ, ведущихъ свой родъ чуть ли не со временъ Иоанна Калиты.

Столѣтнія барскія палаты, огромныя, окруженныя красивыми каменными службами, были выстроены еще во времена Годунова, и князья всегда жили въ своей вотчинѣ, но теперь за все долготѣнее царствованіе императрицы Екатерины Алексѣевны палаты стояли пустыя, и во всей усадьбѣ было мертвотихо, а всѣмъ распоряжался управляющій изъ княжихъ крѣпостныхъ

Но въ день смерти знаменитаго князя Таврическаго его любимецъ князь Можайскій вдругъ появился въ давно забытой вотчинѣ съ женой, двадцатилѣтнимъ сыномъ и семнадцатилѣтней дочерью, а съ ними, конечно, цѣлый штатъ приживальщиковъ обоюго пола. Домъ полный, какъ чаша, былъ все-таки наскоро снаружи подновленъ, а внутри отдѣланъ заново.

Усадьба и большое село, по прозвищу Сакмарское, ожили и казались люднымъ уѣзднымъ городкомъ.

Явились владѣльцы внезапно, неожиданно для себя и поневолѣ. Причина была «пустяковская», но особенная...

Князь Павелъ Павловичъ Можайскій, потерявъ своего покровителя и друга въ лицѣ Потемкина и будучи видною личностью Петербурга и въ обществѣ, и при дворѣ, продолжалъ относиться къ одному очень молодому человѣку, внезапно возвысившемуся, такъ же, какъ относились къ нему всѣ приближенные покойнаго князя, т. е. недружелюбно и строительно.

Этотъ молодой человѣкъ былъ недавній графъ Платонъ Зубовъ.

Но что при жизни князя Таврическаго и сходило имъ всѣмъ съ рукъ, теперь становилось опаснымъ.

Однажды при простой встрѣчѣ и краткомъ разговорѣ всемогущаго фаворита съ княземъ Можайскимъ, старикъ повелъ себя по старому и пострадалъ тотчасъ же.

Дѣло было вечеромъ, послѣ ужина, но было во дворцѣ. У шестидесятилѣтнаго князя водился маленькій грѣшокъ—выпивать лишнее за ѣдой. Когда всѣ гости царицы поднялись послѣ ужина, графъ Зубовъ, проходя мимо слегка повеселѣвшаго князя, усмѣхнулся и спросилъ безъ всякаго, однако, худого умысла: «доволенъ ли онъ ужиномъ?»

Князь окрысился и хватилъ въ отвѣтъ при многихъ придворныхъ, что спрашивать объ этомъ — дѣло хозяевъ дома, а не гостей.

Кое-кто злорадно ухмыльнулся... Зубовъ вспыхнулъ, объяснивъ, что исправляетъ свою должность генеральсь-адъютанта государыни, и затѣмъ выговорилъ, смѣясь ехидно:

— Каковы были кушанья, я не знаю. А вотъ вина, по всему вижу, что были хорошія, и ими иные не погнушались, даже до забвенія благоприличій.

Князь вспылилъ въ свою очередь, сказалъ нѣсколько дерзкихъ словъ, титулуя Зубова «ваше новосіятельство», а затѣмъ добавилъ:

— Если во мнѣ вино заговорило, то только потому, что у васъ винъ много!

— Вы сами сейчасъ замѣтили, что они не мои, а государынины. Къ ней ваши рѣчи, стало быть, прямо и относятся, и я почту моей обязанностью ихъ до свѣдѣнія ея величества довести. Пускай государыня сама отвѣтъ дастъ.

Князь Можайскій на другой же день отправился къ государынѣ, но она уже была предупреждена и приняла старика сухо.

Объяснивъ ему совершенное неприличіе его поведенія, она посоветовала итти просить извиненія у Зубова, а до тѣхъ поръ не бывать во дворцѣ.

Князь заявилъ, что при такихъ условіяхъ оставаться ему въ Петербургѣ и при дворѣ не слѣдъ, и что онъ предпочитаетъ уѣхать изъ столицы. Государыня разсмѣялась и отвѣтила, что это самое лучшее, что князю остается сдѣлать. И чрезъ три мѣсяца село Сакмарское и усадьба увидѣли своихъ владѣльцевъ послѣ тридцатилѣтняго отсутствія. Строптивное поведеніе и отъѣздъ князя, конечно, кромѣ толковъ, ничего особеннаго не произвели, такъ какъ онъ не былъ виднымъ государственнымъ сановникомъ, а только придворнымъ и богатымъ обывателемъ.

— Вотъ кабы князь мой Григорій Александровичъ этотъ «зубъ» во время выдернулъ, то и мы бы теперь не подверглись изгнанію,—бурчалъ Можайскій.

Поселившись въ глуши деревни, князь, конечно, зажилъ, какъ подобало вельможѣ, однако въ его житьѣ-бытьѣ была одна особенность. Проживъ около года, онъ ни съ кѣмъ изъ дворянъ помѣщиковъ своего округа, не познакомился, ни у кого не бывалъ и къ себѣ не позвалъ. А нѣкоторыхъ изъ дворянъ, которые явились сами съ поклономъ въ Сакмарское, принялъ, вмѣсто князя, его дальній родственникъ, дряхлый старикъ, тоже князь Можайскій, но бѣдный, жившій у него на хлѣбахъ.

Разумѣется, все намѣстничество, весь округъ—и дворяне и чиновники,—всѣ были обижены и злобствовали на гордеца.

Князю, конечно, было скучно въ деревнѣ, молодому князю еще скучнѣе, хотя отецъ и позволялъ ему отлучаться и ѣздить изрѣдка и не надолго въ обѣ столицы. Княгиня была рада спокойной жизни. За то всего скучнѣе было молодой княжнѣ, которая въ ея годы могла бы веселиться въ Петербургѣ, а теперь была обречена снова по пустымъ апартаментамъ большого дома.

II.

Однако, все Сакмарское, барскій домъ и усадьба, отъ зари до зари гудѣли отъ люда и копошились, какъ большой муравейникъ, такъ какъ князь Павелъ Павловичъ, отлично понимая, что его дѣтямъ эта жизнь въ глуши будетъ тяжела и даже не въ моготу, старался, насколько можно было, облегчить ихъ положеніе.

Прежде всего онъ устроилъ такъ, что у него завелись нахлѣбники и приживальщики. Кромѣ того, онъ постоянно приглашалъ къ себѣ на побывку знакомыхъ изъ обѣихъ столицъ и всячески удерживалъ гостей елико возможно долѣе. Приѣзжавшіе на мѣсяцъ жили и три мѣсяца. Гости изъ небогатыхъ оставались на неопредѣленное время и становились какъ бы тоже приживальщиками.

Въ усадьбѣ было поэтому столько народу, что за столъ садилось ежедневно до тридцати человекъ. Но главное развлеченіе въ Сакмарскомъ былъ свой домашній театръ въ отдѣльномъ зданіи и, конечно, свой оркестръ музыки. Музыканты, а равно и актеры, были на половину вольнонаемные и на половину свои крѣпостные. Главный актеръ, Захаръ Полушкинъ, игравшій всякія роли одинаково хорошо, человекъ съ истиннымъ дарованьемъ, былъ поваръ князя. Онъ страстно любилъ театръ и любилъ трагическія роли. Онъ готовъ былъ бы всего себя посвятить одному «актерничанью», но, къ его несчастью, онъ былъ слишкомъ большимъ искусникомъ въ поварскомъ дѣлѣ... Князь не могъ замѣнить его другимъ, хотя и пробовалъ. Ставя свою любовь къ явствамъ гораздо выше любви къ «свободнымъ художествамъ», князь говорилъ Захару:

— Будь ты первый актеръ на всю крещеную Русь, и все-таки я тебя изъ стряпуновъ своихъ не выпущу.

Главная актриса тоже даровитая, игравшая и молодыхъ и старухъ, причеъ хорошо танцевала всякіе танцы послѣ двухъ, трехъ уроковъ, была главной горничной, но равно чуть не первымъ другомъ самой княжны. Пелагея или Палаша была просто наперсницей княжны, которая не имѣла отъ любимицы тайнъ.

Если молодая княжна скучала въ глуши, то молодой князь за послѣднее время нашелъ себѣ утѣшенье—быть можетъ, съ тоски. Но все-таки онъ былъ поглощенъ теперь тѣмъ, что приключилось съ нимъ.

Пока княжна проводила дни, кочуя по дому, ея братъ все чаще исчезалъ изъ усадьбы.

Княжна Елизавета Павловна проводила время въ обществѣ двухъ-трехъ пріятельницъ, дворянокъ изъ семей новыхъ приживальщиковъ, но большей частью предпочитала общество своихъ сѣнныхъ и горничныхъ дѣвушекъ. Эти были умнѣе тѣхъ. Онѣ пѣли пѣсни и лихо плясали, особенно послѣ угощенія наливкой, выдумывали разныя игры, рассказывали страшныя сказ-

ки. Дворянки подруги умѣли только шелкать орѣхи, ѣсть пряники и смоквы и молчать.

Князь Александръ Павловичъ, насколько могъ чаще, уѣзжалъ изъ дома въ гости къ сосѣду, премьеръ-майору Руцкому, ветерану турецкихъ войнъ, и, разумѣется, дѣлалъ это съ вѣдома и разрѣшенія отца. Это былъ единственный дворянинъ всего округа, котораго князь разрѣшилъ сыну навѣщать, но не звать къ себѣ. Руцкой былъ небогатый помѣщикъ въ десяти верстахъ отъ Сакмарскаго, съ которымъ молодой князь познакомился по особой и важной причинѣ, что, однако, скрылъ отъ отца. Случилось такъ... Однажды, отправляясь въ городъ, князь Александръ наткнулся на обычное явленье. Среди дороги большой рыдванъ застрѣлъ въ трясинѣ. Четверка лошадей выбилась изъ силъ и не брала тяжелой экипажъ. Князь хотѣлъ уже проѣхать мимо, когда увидѣлъ въ окно кареты такое прелестное женское личико, что тотчасъ, остановивъ свою коляску, вышелъ и заговорилъ съ проѣзжими.

Въ рыдванѣ была молодая дѣвушка съ мамушкой, а на козлахъ и кучеръ и лакей были старики. Всѣ стали просить незнакомаго молодого барина помочь имъ въ бѣдѣ.

Простое дѣло, случившееся чуть не ежедневно по всей Руси, благодаря двумъ причинамъ, плохимъ проселкамъ и огромнымъ дворянскимъ экипажамъ, всегда разрѣшалось на одинъ ладъ. Единственное спасенье было въ томъ, чтобы вызвать крестьянъ изъ сосѣдней деревни, иногда за десять верстъ и высвободить экипажъ изъ трясины и веревками, и просто руками.

Князь, прельщенный незнакомкой, радостно отозвался и тотчасъ отрядилъ своего лакея верхомъ на своей же пристяжной въ сосѣднюю деревню за народомъ. Черезъ часъ рыдванъ былъ вытасченъ и двинулся. Но за этотъ часъ князь, бесѣдовавшій съ молодой дѣвушкой, былъ въ нее уже по уши влюбленъ. И случилось такое, несмотря на то, что онъ всю юность провелъ въ Петербургѣ и слѣдовательно не былъ захолустнымъ, ничего на свѣтѣ не видавшимъ, юношей.

Узнавъ изъ разговоровъ, что молодая дѣвушка ѣдетъ гостить на недѣлю къ подругѣ, дочери премьеръ-майора Руцкаго, ихъ ближайшаго сосѣда, князь, разумѣется, нашелъ предлогъ и чрезъ два дня былъ тоже въ гостяхъ у этого сосѣда. Старикъ ветеранъ и его семья оказались простыми и милыми людьми, а гостившая у нихъ барышня, Ольга Тулушева, спа-

сенная княземъ изъ трясины, его очаровала совсѣмъ. И онъ сталъ бывать у сосѣда ежедневно, влюбляясь все болѣе.

Однако, увы, вскорѣ свиданія прекратились. Красавица уѣхала домой, обѣщаясь снова пріѣхать къ подругѣ черезъ недѣлю. Князь былъ, однако, при прощаніи озабоченъ... Во-первыхъ, когда онъ, уже надѣявшійся на взаимность, попросилъ у очаровавшей его «Оленьки» позволенія явиться и представиться ея отцу, то дѣвица Тулупьева наотрѣзъ отказала въ разрѣшеніи и даже смутилась очень сильно.

Во-вторыхъ, на разспросы князя у Руцкихъ, гдѣ усадьба Тулупьевыхъ, они путали, противорѣчили и, видимо, не хотѣли ни за что сказать правду.

Наконецъ, въ-третьихъ, когда князь поручилъ одному изъ своихъ конторщиковъ разузнать и разыскать, гдѣ живутъ помѣщики Тулупьевы, то получилъ свѣдѣнія, что таковыхъ не только въ ихъ округѣ, но и во всемъ намѣстничествѣ нѣтъ. Есть Толбины, Потуловы и Туполдовы... Есть даже Тулупьевъ, но безъ семьи, одинокій и несовершеннолѣтній подъ опекой дяди и находящійся уже съ полгода въ отсутствіи въ Москвѣ.

Все это вмѣстѣ было загадочно...

И князь, продолжая видаться съ своимъ предметомъ лишь изрѣдка и только у премьеръ-майора, былъ совершенно поглощенъ уже окрѣпшими чувствами. То обстоятельство, что «Оленька» являлась къ сосѣдямъ, какъ сказочная царевна, не вѣдомо откуда, и затѣмъ исчезала невѣдомо куда,—быть можетъ, тоже немало повліяло на молодого человѣка, постепенно преобразивъ любовную вспышку въ глубокое чувство.

Разумѣется, чтобы облегчить душу признаніемъ, князь Александръ повѣдалъ всю исторію любви и ея загадочную обстановку своей сестрѣ... Княжна Елизавета отвѣчала тѣмъ же и показывая брату въ своемъ грѣхѣ... Но ея грѣхъ былъ куда меньше...

Побывавъ однажды съ матерью уже давно въ губернскомъ городѣ, она зашла въ городской садъ и видѣла тамъ такого красавца!... Такого!? Ну, ни перомъ описать, ни кистью нарисовать, ни въ сказкѣ разсказать! Въ Петербургѣ такихъ нѣтъ! онъ всякій-то день послѣ полудня гуляетъ въ этомъ городскомъ саду... И она съ тѣхъ поръ уже два раза отпрашивалась у родителей въ городъ съ гувернанткой, якобы въ лавки, и была, конечно, въ саду и оба раза опять его видѣла... А онъ,—не

простой какой дворянинъ, а губернаторскій товарищъ! Это все разузнала Палаша... Нарочно для этого ѣздила въ городъ...

— Но онъ на меня и глазъ не поворотитъ!—печально закончила княжна признание.—Будто меня и нѣту!

III.

Но, живя въ трущобѣ, князь постоянно имѣлъ всякія свѣдѣнія изъ Петербурга, гдѣ остался близкій его другъ и кумъ, тоже вельможа и тоже придворный. И друзья неизмѣнно переписывались. Однажды князь получилъ отъ этого друга и «всезнайки» большое письмо, которое заключало въ себѣ много вѣстей изъ столицы, придворныхъ новостей, а равно и городскихъ слуховъ. Изъ него князь узналъ, между прочимъ, одну новость крупную. Тотъ же врагъ его, графъ Платонъ Александровичъ, уже сталъ, въ отличіе отъ своихъ братьевъ, княземъ Зубовымъ.

Но главное было не это... Было нѣчто еще болѣе непріятное. Въ длинномъ письмѣ подробно доводилась до свѣдѣнія князя всякая всячина, письменно и устно достигшая Петербурга изъ его глуши. Другъ сокрушался, почему князя такъ сугубо не влюбили въ его захолустья, и почему весь край, гдѣ онъ поселился, измышляетъ на него всякія небывлицы, не только измывается надъ нимъ и его семьей, не только жетъ, но даже и злостно клевететь.

И при этомъ пишущій подробно передавалъ все, что говорилось о князѣ въ Петербургѣ на основаніи свѣдѣній, дошедшихъ изъ края. А говорилось Богъ вѣсть что!... Говорилось, что у князя цѣлый гаремъ, а самъ онъ во хмелю съ утра, сильно веселъ среди дня и мертво пьянъ къ вечеру. Говорилось, что княгиня «безъ зазрѣнія, а вявѣ махается» за ихъ молодымъ и красивымъ дьячкомъ. А молодой князь Александръ Павловичъ собирается жениться или уже тайно обвѣнчанъ и давно съ дочерью мѣстнаго фαρмазона, сосланнаго изъ Москвы за вольнодумство, что же касается до дочери-княжны, то пока князь разыскиваетъ по заморскимъ странамъ какого-нибудь знаменитаго принца ей въ мужья, въ родѣ Бовы Королевича, она сама, княжна, съ горничными и дворовыми дѣвушками ведетъ «озорную» жизнь. Про нее ходятъ въ намѣстничествѣ такіе слухи, что не только принцъ заморскій, а никакой молодой человѣкъ изъ простой дворянской семьи на ней не женится.

Вообще письмо было большое, пространное и наполненное всякаго рода сплетнями и клеветами. Прочитавъ письмо, князь бросилъ его на полъ, но на другой день взялъ снова и снова прочелъ. И затѣмъ нѣсколько дней подрядъ онъ былъ страшно, какъ никогда еще, раздраженъ и разгнѣванъ. Наконецъ, онъ позвалъ на совѣтъ жену и сына, чтобы рѣшить, что имъ дѣлать, такъ какъ «оставлять этакого нельзя».

И на семейномъ совѣтѣ было положено, что все, разумѣется, произошло отъ ихъ излишней гордости. Слѣдовало тотчасъ по прїѣздѣ перезнакомиться со всѣми ближними и дальними сосѣдями, приглашать ихъ, кормить, поить и веселить... Тогда все мѣстное дворянство только бы перевозносило да восхваляло ихъ.

Однако, никакого рѣшенія принято не было, на совѣты жены и сына князь отвѣчалъ одно:

— Глупство! Я вотъ по своему эту мордву угощу!

Черезъ два дня князь, послѣ размышленія, позвалъ сына и объяснилъ.

— Дамъ я тебѣ, Александръ, порученіе и важнѣйшее, труднѣйшее. Боюсь даже, что ты не сумѣешь его исполнить.

— Что прикажете, батюшка? Постараюсь,—отвѣчалъ Александръ, и лицо его оживилось.

— Чему обрадовался?—замѣтилъ отецъ.

— Обрадовался? Правда!..—отвѣчалъ сынъ. Я обрадовался тому, что если вы собрались дать мнѣ какое-либо порученіе, то, стало быть, порѣшили, какую перемѣну въ нашемъ житьѣ сдѣлать... Ну, и слава Богу!

— Вотъ и ошибся. Никакой перемѣны я не желаю. Какъ жили, такъ и будемъ жить. Но все-таки я хочу изслѣдовать обстоятельства. Слушай и мотай на усъ.

И князь объяснилъ сыну, что онъ уже мало довѣряетъ письму изъ Петербурга. Быть можетъ, все преувеличено и въ намѣстничествѣ вовсе нѣтъ такого къ нимъ якобы озлобленія, доведшаго якобы дворянъ и чиновниковъ губернскихъ до безобразнѣйшихъ измышленій на нихъ и до грубо оскорбительныхъ клеветъ на всю семью.

— Мнѣ надо знать, Александръ, правда ли это или петербургская выдумка.

— Что собственно, батюшка?—не понялъ молодой князь.

— Правда ли, что насъ здѣсь всѣ не взлюбили. Можетъ быть—и нѣтъ. Я хочу предпринять нѣкое дѣло. Хочу «воздать

коемуждо по дѣломъ его». И вотъ мнѣ надо знать навѣрное, возненавидѣли насъ дворяне здѣшніе за нежеланіе мое съ ними лкпаться, или все это вздоръ, вымыселъ столичный. Если же точно завелось вокругъ насъ здѣсь ненавистничество къ намъ, то я хочу знать, кто собственно наши заклятые враги, кто недруги только, кто равнодушные благоразумцы, кто, наконецъ, относится къ намъ и дружелюбно, разумѣя, что мы ему не пара... Такъ вотъ сдѣлай что хочешь, но узнай мнѣ это и представь свой обстоятельный и точный докладъ.

— Да какъ же я это сдѣлаю, батюшка!

— А вотъ... Придумай, умная голова.

— Ей-Богу, не знаю. Позвольте ѣхать перезнакомиться со всѣми и увидѣть, кто меня какъ приметъ. Но вѣдь иной и вовсе не пожелаетъ принять, чтобы сорвать свое зло.

— Да. Инако мудрено... Но это можно тебѣ сдѣлать не просто, а по особому образу... Такъ сказать машкераднымъ образомъ и способомъ. Подъ личиною, а не открыто.

Александръ опять не понялъ отца, и князь объяснилъ, что сынъ долженъ ѣхать въ губернский городъ на недѣлю, двѣ, затѣмъ объѣхать главнѣйшихъ помѣщиковъ и перезнакомиться съ ними, но при этомъ не подъ своимъ именемъ, а подъ другимъ.

— Какъ князь Александръ Можайскій, ты ничего не узнаешь, да къ тому же наскочишь на оскорбленіе меня и всей нашей фамиліи. Вдругъ иной тебя и въ самомъ дѣлѣ не приметъ, или приметъ надменно... Этого допустить мы не можемъ, чтобы здѣшняя мелюзга дворянская князей Можайскихъ оскорбляла.

— Такъ какъ же тогда быть, батюшка?

— Отправляйся, объѣзжай округу всю и знакомься, назвавшись инымъ какимъ именемъ.

Молодой человѣкъ удивился.

— Не знаю, родитель. Право, не знаю,—отвѣтилъ онъ:— хорошо ли это будетъ? Приличествуетъ ли князю Можайскому самозванствовать, или укрываться подъ чужимъ именемъ.

— Ну, сынъ, лица курицу не учать! — сурово отозвался князь.

— Какъ прикажете,—отвѣтилъ сынъ.

— Назовися вновь прибывшимъ изъ Москвы дворяниномъ, ищущимъ купить себѣ имѣніе. Ну, хоть бы по дѣвическому

имени твоей матери. Рекомендуйся: князь Александръ Тенищевъ.

— А потомъ, послѣ, когда обманъ откроется, — замѣтилъ Александръ... Что тогда мы скажемъ? Зачѣмъ я таковымъ, какъ вы сказывать изволите, машкераднымъ способомъ поступилъ?

— Это не твоя забота. Это я ужъ, сынокъ, на себя беру. Собирайся.

— Слушаю-съ.

Черезъ два дня, молодой человѣкъ, подъ именемъ князя Тенищева, уже былъ въ развѣздахъ и объяснялъ всюду, что пріѣхалъ знакомиться и посовѣтоваться, собираясь купить имѣніе, чтобы навсегда остаться въ краѣ.

Путешествіе изъ вотчины въ вотчину, а равно пребываніе въ губернскомъ городѣ, продолжалось болѣе мѣсяца. Разумѣется, молодого человѣка красиваго, умнаго, благовоспитаннаго, да еще вдобавокъ не женатаго, стало быть, завиднаго жениха, встрѣчали всюду съ распростертыми объятіями.

Однако на первой же недѣлѣ странствованій князя случилось маленькое происшествіе.

Будучи въ гостяхъ у одного мелкаго помѣщика, князь попалъ наканунѣ именинъ хозяина, и его упросили остаться на слѣдующій день ради праздника. Князь остался, не предвидя бѣды.

На утро домикъ помѣщика наполнился гостями сосѣдями, и въ числѣ другихъ князь увидѣлъ свой «предметъ», т.-е. молодую Тулупьеву, но съ отцемъ. Его представили...

Онъ смутился и рѣшилъ просить Оленьку не выдавать его самозванства.

Но дѣвушка такъ невѣроятно страшно смутилась и обомлѣла сама при представленіи князя, что, ни слова ему не сказавъ, отошла и всячески избѣгала съ нимъ заговорить. А чрезъ часъ она вмѣстѣ съ отцемъ незамѣтно для гостей скрылась, т. е. уѣхала, не дождавшись имениннаго обѣда.

Когда удивленный князь спросилъ хозяина, гдѣ Тулупьевъ съ дочерью, тотъ удивился въ свою очередь и заявилъ, что таковыхъ не знаетъ.

— А вотъ же этотъ самый почтенный господинъ, съ владимірскимъ крестомъ, что былъ у васъ съ дочерью, — объяснилъ Александръ.

— Это господинъ статскій совѣтникъ Лунинъ,—заявилъ хозяинъ.

— Лунинъ? Не Тулупьевъ?—воскликнулъ князь.

— Лунинъ, Владиміръ Андреевичъ. Тулупьевыхъ у насъ во всей губерніи нѣтъ.

— Она его родная дочь?

— Родная вѣстимо.

— Не воспитанница или племянница?—допрашивалъ князь.

— Да что вы? Христось съ вами?—удивился и размѣялся хозяинъ и сталъ спрашивать гостя о причинѣ такихъ дико-винныхъ вопросовъ.

Разумѣется, князь не захотѣлъ ничего объяснить, но невольно задалъ себѣ самому вопросъ.

— Что же это? Впрямь машкерадъ! Онъ подъ вымышленнымъ именемъ ѣздитъ. И она, его «Оленька», оказывается—не Тулупьева. Зачѣмъ же она-то самозванничаетъ? Какая у ней нужда это дѣлать? Какая цѣль? Но и этого мало! Удивительно еще и то, что она ни слова не сказала хозяину о томъ, кто у него въ домѣ подъ именемъ князя Тенищева. Сама будучи, стало быть, виновата въ принятіи чужого имени, она предпочла скрыться, не изобличая князя Можайскаго.

Что же теперь будетъ? Что дѣлать?

И Александръ тотчасъ рѣшилъ на время отложить свои разѣзды «князя Тенищева», а ѣхать подъ своимъ собственнымъ именемъ къ премьеръ-майору за объясненіемъ невѣроятнаго приключенія.

Добродушный Руцкой повинился тотчасъ же, но вину на себя не бралъ.

Дѣвица «Тулупьева» оказывалась дѣйствительно Ольгой Луниной, единственной дочерью всѣми уважаемаго помѣщика. А назвалась она чужимъ именемъ по особымъ причинамъ.

— Я въ сіе разбирательство входить не буду. Коли увидите вы съ ней у насъ, то она сама вамъ все объяснить,—сказалъ Руцкой. — Но полагательно, что вы ее у насъ уже больше не увидите послѣ сего происшествія, то-есть вашей съ ней встрѣчи и раскрытія ея тайны.

И никакого объясненія загадки князь Александръ отъ майора не добился.

IV.

Владиміръ Андреевичъ Луинъ, помѣщикъ средней руки, поселившійся у себя въ вотчинѣ всего лѣтъ съ пять назадъ, былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ и почитаемыхъ дворянъ губерніи. Всю свою жизнь съ молодыхъ лѣтъ провелъ онъ въ Москвѣ, служа въ сенатѣ, но, внезапно потерявъ жену, тотчасъ же бросилъ службу и, выйдя въ отставку, вернулся въ родовое имѣніе. Онъ объяснялъ, что бросилъ Москву, якобы ради того исключительно, чтобы поправить въ деревнѣ свои дѣла и скорѣе начать увеличивать приданое своей единственной дочери.

Луинъ былъ очень умный и образованный человѣкъ, что свидѣтельствовала цѣлая комната, уставленная шкафами съ книгами русскими, французскими и даже латинскими. Но главнымъ образомъ его долготѣтная дружба съ знаменитымъ издателемъ «Трутня» доказывала, какого рода человѣкъ былъ этотъ маленькій старичекъ, тихій и скромный на видъ, но съ твердымъ характеромъ, рѣдко начитанный, потому и съ готовымъ яснымъ и дѣльнымъ отвѣтомъ на всякій вопросъ. И дѣйствительно, онъ могъ похвастаться теперь самымъ просвѣщеннымъ человекомъ не только въ своемъ намѣстничествѣ, но и во всемъ Приволжскомъ краѣ.

Причина ухода изъ сената, на самомъ дѣлѣ, была особая. Пріятельскія отношенія съ знаменитымъ Новиковымъ именно и повліяли на судьбу Луина, на его положеніе въ Москвѣ и на службу. Внезапно арестованный и обвиненный Новиковъ, уже какъ узникъ, а затѣмъ какъ ссыльный, многихъ знакомыхъ, не только пріятелей, погубилъ своей дружбой и близкими сношеніями. На всѣхъ пала тѣнь отъ государственнаго преступника.

Луинъ, почти въ числѣ первыхъ, почувствовалъ на себѣ отголосокъ кары, свалившейся на невиннаго писателя и журналиста. Всѣ стали опасаться, Луина избѣгать и отъ него открепиваться. Лучшие друзья и тѣ покинули его, ожидая, что и онъ, несмотря на видную должность въ московскомъ сенатѣ, тоже можетъ быть не нынче, завтра арестованъ и заключенъ въ крѣпость.

Луинъ, однако, все-таки колебался долго подать въ отставку и уѣхать подальше отъ подозрительныхъ властей, забиться въ трущобу и заняться хозяйствомъ и чтеніемъ. Неожиданная смерть жены ускорила рѣшеніе и облегчила его исполненіе.

И теперь умный и жаждущий образованія старикъ былъ вполне доволенъ, что бросилъ служебную карьеру. Онъ жилъ тихо, мирно и скромно въ своемъ имѣннн, отлаживалъ ежегодно половину доходовъ, увеличивая будущее состояніе дочери, и позволялъ себѣ одну роскошь—выписываніе книгъ изъ обѣихъ столицъ и даже изъ-за границы.

И живя въ средѣ такихъ дворянъ, которые знали только псовыя охоты, азартныя игры, разгулъ, пиры и пьянство, Луининъ былъ въ пріятельской перепискѣ съ знаменитымъ поэтомъ и государственнымъ мужемъ Державинымъ, трактую съ нимъ о многихъ важныхъ вопросахъ. Но на первомъ мѣстѣ въ умѣ и сердцѣ старика была его единственная дочь, хотя онъ и постоянно жалѣлъ, что Господь не захотѣлъ послать ему сына. Но если сожалѣніе это основывалось у большинства дворянъ соображеніемъ о продолженіи рода и фамиліи, то у Лунина мотивы были совершенно иные. Онъ сожалѣлъ, что не можетъ воспитать такого же просвѣщеннаго дворянина, какимъ былъ самъ. Ему доставило бы истинное наслажденіе учить сына всѣмъ наукамъ, затѣмъ свезти или послать его за границу.

— И былъ бы на Руси знаменитый ученый Луининъ!—мечтала онъ.

Разумѣется, по отношенію къ дочери нельзя было предаваться такимъ же мечтамъ. Дѣвицѣ и грамоту знать, то-есть читать Часословъ, не полагалось, не только заниматься науками. Тѣмъ не менѣ старикъ, неволью и незамѣтно для самого себя, все-таки началъ было упорно стремиться просвѣтить и дочь... Но его Оленька далѣ чтенія и письма не пошла. Въ ариѳметикѣ она одолѣла четыре правила и остановилась передъ дробями, какъ предъ какими чудищами, которыя наводили на нее робость. Да, кромѣ того, и голова часто стала болѣть. Нянюшка ея, Власьева, прямо заявила барину, что онъ отвѣтъ передъ Богомъ отдастъ за терзаніе своего единственнаго ребенка бѣсовскими выдумками. А ужъ уморитъ-то ее—онъ непременно уморитъ. И онъ уступилъ... Однако Оля, несмотря на то, что была не прытка разумомъ, все-таки, поневолѣ, кой-что отъ отца заимствовала. Вѣроятно, потому, что дождевая капля и камень долбитъ. Дѣвица Лунина часто удивляла многихъ своими замѣчаніями по поводу самыхъ мудреныхъ вопросовъ, которые были подстать только мужчинамъ, да еще и ученымъ. Такъ, однажды въ гостяхъ за столомъ она

заявила, что «теперь въ Америкѣ всѣ спятъ, потому что у нихъ теперь ночь!» И она объяснила, какъ и почему.

Разумѣется, во всемъ округѣ Ольга Владиміровна Лунина считалась ученѣйшей.

— Премудра!—назвалъ ее однажды архіерей послѣ полу-
часовой бесѣды, однако потомъ попрекнулъ ея отца:

— Дѣвица ваша многое про великаго императора знаетъ, про Плутарха слыхала, а вотъ Авраама съ Моисеемъ чуть не спутала. Стихосложеніе господина Державина на Господа Бога въ тоцію мнѣ изъ памяти проговорила, а въ Символѣ Вѣры два раза застряла. Да еще выразила третій членъ: «Насъ ради христіанъ и нашего ради избавленія»... Архіерей не зналъ, что Владиміръ Андреевичъ Луинъ благоговѣлъ предъ «французскимъ гражданиномъ» Вольтеромъ и не разъ перечелъ всѣ его сочиненія. Конечно, и теперь были они у него, но не въ шкафахъ съ другими книгами, а скрыты въ спальнѣ подъ половицей. Въ случаѣ доноса и обыска, власти запретное вольнодумное сочиненіе никогда бы не нашли.

Появленье въ округѣ князя Можайскаго обрадовало Лунина. Онъ предвидѣлъ, что князь, слышій за умнаго и отчасти просвѣщеннаго человѣка, тотчасъ явится съ нимъ знакомиться, какъ съ самымъ почтеннымъ человѣкомъ округа.

— Да и сынокъ еще не женатъ! А пріѣхали надолго, чуть не посланные. А изъ всѣхъ дѣвицъ этой глуши самая благовоспитанная, да къ тому же и самая красивая—моя Оля.

Вотъ что невольно думалъ Луинъ и былъ совершенно правъ. Такихъ дѣвушекъ, какъ его «Оленька», и въ столицахъ «днемъ съ огнемъ поискать»!

Но долго и напрасно ждалъ онъ появленья князя. Затѣмъ стало извѣстно, что вельможа и не собирается знакомиться съ дворянствомъ своего намѣстничества, прозвавъ его мордвой.

Конечно, отзывы князя о сосѣдяхъ становились извѣстны всему мѣстному дворянству. Послѣ медвѣдей пробѣжало по всѣмъ усадьбамъ прозвище «Простаковы», а тамъ «Мордва», а тамъ всѣ помѣщики со словъ надменнаго петербургскаго вельможи уже стали: краснокожіе.

Послѣдняго прозвища никто и не понялъ, кромѣ Лунина. Дворяне разсуждая рѣшили, что у нихъ кожа какъ кожа и не краснѣ княжеской, а особо красное лицо развѣ только у помѣщика Лупалдина отъ его чрезвычайно многого возліянія ямайскаго рома.

Лунинъ былъ гордъ по-своему своей ученостью, а не дворянствомъ, и пренебреженіе къ себѣ онъ простить князю не могъ. Онъ тайно соглашался, что князь правъ, и сосѣди дворяне не далеко ушли въ просвѣщеніи отъ господъ Простаковыхъ, но себя онъ исключалъ и ставилъ неизмѣримо выше всѣхъ. Для него князь Можайскій долженъ былъ, по его убѣжденію, сдѣлать исключеніе и искать знакомства.

И часто, почти ежедневно, Лунинъ говорилъ дочери, что и самъ не желаетъ знакомиться съ княземъ.

— Чванливый глупецъ! Вотъ что онъ!—говорилъ Лунинъ.— А когда соскучится сидѣть одинъ и явится знакомиться, — я его приму такъ, что въ другой разъ не прійдетъ, а ужъ къ себѣ вѣстимо не позоветъ.

Когда иной изъ гостей заговаривалъ у нихъ въ домѣ о Можайскихъ, о слухахъ про ихъ житье бытѣ, то Лунинъ оставливалъ собесѣдника словами:

— Увольте отъ разговоровъ про этого нашего «принца», сирѣчь про этого гордеца и глупца. Чѣмъ онъ гордъ? Князей на Руси много. Богачи есть и изъ купцовъ. А что былъ царедворцемъ, то вѣдь теперъ онъ, такъ сказать, на задній дворъ опредѣленъ. Тотъ же ссыльный. Да не за просвѣтительство согражданъ и сочинительство книгъ, а за дерзостное поведеніе при особѣ монарха.

Оля, лучше всѣхъ зная про недружелюбное чувство отца къ Можайскимъ, почти ненависть... невольно удивлялась и не понимала, почему именно отецъ, человѣкъ сердечный, пуще всѣхъ другихъ дворянъ «вскидывается» на князя. Когда Оля встрѣтилась на большой дорогѣ съ красивымъ молодымъ человѣкомъ и при его любезной помощи высвободилась изъ трясины, она много и долго думала объ немъ. Не похожъ онъ былъ на ихъ молодежь. Поговорка «отмѣтный соболю» какъ нельзя больше шла къ нему. И внѣшностью и манерами и даже взглядомъ и улыбкой—онъ былъ не то, что «эти всѣ наши».

Черезъ нѣсколько дней она внезапно встрѣтила его у Руцкаго и узнала, что это самъ молодой князь Можайскій. Оля перепугалась и собралась тотчасъ уѣзжать, объявляя хозяину, что отецъ страшно разсердится, узнавъ, что она познакомилась съ Можайскимъ.

— Родитель знаетъ, что какой-то неизвѣстный молодой дворянинъ услужилъ мнѣ,—сказала она.—Онъ сожалѣлъ, что не-

льзя узнать, кто поступилъ такъ вѣжливо. Но если онъ узнать, что это Можайскій, то только разгнѣвается.

Руцкой, челѣвѣкъ дальновидный, сообразилъ между тѣмъ, что молодой князь явился къ нему и упрямо напросился на знакомство исключительно ради Оли. Дѣло, стало быть, казалось не простымъ, а важнымъ. И премьеръ-майоръ, любившій Лунина и еще болѣе его дочь, рѣшился схитрить.

— Беру все на себя,—сказалъ онъ. Будешь ты у насъ съ княземъ встрѣчаться, сколько онъ захочетъ. А величать мы тебя будемъ дѣвицей... ну, хоть Тулупевой. Скажемъ—такой у насъ есть сосѣдъ и другъ. А что изъ этого выйдетъ—увидимъ.

V.

Князь Александръ, объѣздивъ все намѣстничество и поживъ въ губернскомъ городѣ, только два раза былъ узнавъ случайно, однако искусно выбрался изъ затруднительнаго положенія.

Онъ привезъ отцу свѣдѣнія, что ихъ семью дѣйствительно сильно недолюбливаютъ въ краѣ, и что онъ слышалъ иногда такіа клеветы на отца и себя, а равно на мать и сестру, что ему бывало «хоть сквозь землю провалиться».

За то сестрѣ князь привезъ извѣстіе, что познакомился и сошелся съ губернаторскимъ товарищемъ, и что тотъ оказался прелестнымъ челѣвѣкомъ.

— Умница! Добрая душа!—говорилъ онъ.—Къ тому же онъ всегда жилъ въ Москвѣ и совсѣмъ не здѣшній.

Затѣмъ два раза оба князя обстоятельно обсуждали вопросъ: какъ быть? Что сдѣлать? Молодой князь справедливо утверждалъ, что все злобство на нихъ и «хаянье» въ одинъ мѣсяць исчезнуть послѣ двухъ—трехъ объѣдовъ или баловъ, а съ другой стороны и имъ съ сестрой станетъ веселѣе.

Князь Павелъ Павловичъ обѣщалъ сыну подумать, перемѣнить ли жизнь или нѣтъ, уступить ли этимъ «долгоязычникамъ», какъ онъ звалъ теперь дворянъ, или не уступать?

Между тѣмъ былъ декабрь, и уже скоро наступали праздники и святки—время, въ которое было всего удобнѣе начать веселиться и веселить сосѣдей.

И князь однажды заявилъ, что двинуться съ мѣста, отправиться лично знакомиться со всѣми дворянами губернскаго го-

рода и разныхъ вотчинъ, онъ не чувствуетъ въ себѣ силы. Пришлось бы сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ. Сказаться же нездоровымъ и заставить снова объѣздить всѣхъ сына совершенно, конечно, возможно при условіи, что онъ повсюду извинится за свое самозванство. Однако, Александръ напрасно ежедневно ожидалъ разрѣшенія отца—на лихой тройкѣ обскакать весь округъ. И много разъ было рѣшено даже въ подробностяхъ, какъ онъ со всѣми полюбезничаетъ, извинится за отца и будетъ всѣхъ звать къ себѣ, намекая, что за все время праздниковъ—съ Рождества до Крещенья—будетъ пиръ горой въ Сакмарскомъ, обѣды и балы и всякія увеселенія до потѣшныхъ игръ включительно.

Между тѣмъ, старикъ князь все откладывалъ рѣшеніе, а затѣмъ, вмѣсто ожидаемаго всѣми согласія, каждый разъ, что вновь заходила рѣчь о томъ, что надо уступить, на него сталъ нападать сильный гнѣвъ. Онъ начиналъ кипитица, браниться и говорить, что этихъ долгоязычныхъ дикарей слѣдовало бы не звать въ гости, а проучить, каждаго по очереди отхватать на какой-нибудь особый ладъ.

Но вдругъ однажды князь позвалъ сына и, весело улыбаясь, объяснилъ, что окончательно рѣшилъ положить гнѣвъ на милость—помириться, простить клеветниковъ и постараться расположить въ свою пользу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ князь объявилъ, что рѣшилъ сдѣлать это совершенно иначе. Онъ не соглашался на то, чтобы его сынъ ѣхалъ ко всѣмъ съ приглашеніями.

— Послѣ твоего самозванства — не ловко! — сказалъ онъ, — да и много чести. Все-таки мы и они—разница великая. Всѣ здѣшніе дворяне были и остались все-таки для насъ—мордва!

И Александръ узналъ, что отецъ рѣшилъ обратиться къ помощи писарей, которые были на лицо въ вотчинѣ, да достать въ городѣ еще съ полдюжины другихъ писарей и всѣхъ засадить за писаніе большихъ писемъ или, вѣрнѣе, копій съ одного большого письма, имъ написаннаго.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней закипѣла въ конторѣ работа. Дюжина писарей подъ наблюденіемъ главнаго конторщика, умницы Авдѣя, грамотея и даровитаго актера, засѣла писать посланія князя съ приглашеніемъ на парадный обѣдъ и балъ на третій день праздника.

Въ этомъ письмѣ князь Можайскій всячески извинялся, что, проживъ такъ долго въ краѣ, не побывалъ ни у кого и не

познакомился, и, объясняя «сіе прискорбное обстоятельство» разными причинами, онъ теперь просилъ не гнѣваться на него, простить старика и сдѣлать честь пожаловать къ столу и на святочный балъ съ ряжеными, именуемый «машкерадъ».

Одновременно, конечно, начались и приготовления къ празднеству. Молодой князь и княжна занялись измышленіемъ всякихъ затѣй и распоряжались приготовлениями.

Письма были развезены конными гонцами, и не было ни одинаго дворянина, хотя бы и мелкопомѣстнаго, ни одинаго чиновника въ губернскомъ и своемъ уѣздномъ городахъ, который бы не получилъ любезнаго приглашенія съ извиненіемъ.

Слухи обо всемъ, что творилось въ вотчинѣ князя, тоже побѣжали во всѣ стороны. По всему видно было, что долго сидѣвшій нелюдимомъ князь хочетъ удивить всѣхъ своимъ хлѣбосольствомъ. Разумѣется, черезъ нѣсколько дней князь сталъ уже получать отовсюду отвѣты, всѣ, какъ бы сговорившись, отвѣчали одно и то же: благодарятъ за честь и съ удовольствіемъ явятся—кто одинъ, а кто со всѣмъ семействомъ, если таковое было.

И во всемъ округѣ нашлось не болѣе дюжины дворянъ помѣщиковъ, которые отвѣчали князю, что благодарятъ за честь, но быть не могутъ. Это были люди повиднѣе, побогаче, погорделивѣе, которые нашли, что князь долженъ былъ послать съ приглашеніемъ сына, если самъ не можетъ пріѣхать.

VI.

На третій день праздника село Сакмарское, казалось, изображало людной уѣздной городъ: цѣлая вереница экипажей появилась въ село и во дворъ усадьбы. Народу наѣхало видимо-невидимо, и огромный домъ сплошь переполнился гостями со всѣхъ концовъ округа. Старики, пожилые, молодежь, — все двинулось и явилось на приглашеніе къ вельможѣ.

Князь и княгиня любезно принимали всѣхъ въ самой большой гостиной. Молодой князь занималъ молодежь, княжна старалась всячески занять своихъ ровесницъ барышень. Разумѣется, всѣ гости были вскорѣ очарованы предупредительностью и ласковостью милыхъ хозяевъ.

Рѣдкая, великолѣпная обстановка дома, конечно, увеличивала всеобщее довольство и очарованіе. На все, чѣмъ былъ полонъ домъ, поневолѣ глаза разбѣгались. Иные изъ дворянъ за всю

свою жизнь не видѣли того, что увидѣли въ палатахъ князей Можайскихъ. Но было нѣчто, однако, что многихъ, стариковъ и пожилыхъ, удивляло...

Князь своей повадкой то и дѣло озадачивалъ многихъ. Онъ былъ не только вѣжливъ, но даже будто почитателенъ со всѣми, но все у него выходило какъ-то диковинно. Повѣрить было нельзя, чтобы онъ былъ придворнымъ сановникомъ... Нѣтъ-нѣтъ, и князь сдѣлаетъ такой жестъ, или скажетъ такое слово, что такъ гости и ахнутъ. Слухъ о томъ, что князь часто бывалъ во хмелю, какъ бы оправдывался и теперь являлся объясненіемъ и извиненіемъ, что онъ, принимая гостей, тоже черезъ мѣру хватилъ, вѣроятно, еще съ утра. Только хмельной человекъ могъ себя этакъ вести...

Слухи о томъ, что князь былъ якобы красивый старикъ, со всѣмъ не оправдывались, потому что у хозяина лицо было пухлое, красноватое, какъ у пьяницы, далеко неприятное, а повадка и совсѣмъ не изящная.

Княгиня, небольшого роста, толстая, грузная, тоже походила на мужа, но казалось еще неотесаннѣе, чѣмъ самъ князь.

Зато молодой князь Александръ Павловичъ всѣхъ быстро очаровалъ и веселымъ нравомъ своимъ, чудачествомъ и простодушіемъ. Сестра его, княжна, довольно миловидная, немножко какъ бы дичилась гостей, была молчалива, ничего сама не говорила и только отвѣчала робко на вопросы сверстницъ и молодежи.

Впрочемъ, всѣ гости хорошо зарубили себѣ на носу еще заранѣе одно главное обстоятельство, что молодой князь не женатъ, а состояніе у отца громадное. А княжна тоже невѣста и тоже съ страшнымъ приданымъ. И мысль объ этомъ какъ бы вытѣснила въ головахъ гостей всѣ остальные мысли, особенно у отцовъ взрослыхъ дочерей и сыновей.

Еще не успѣли всѣ гости сѣсть, какъ уже былъ накрытъ въ залѣ большой столъ на сто слишкомъ кувертовъ. Разумѣется, обѣдъ продолжался довольно долго, кушаньямъ не было числа, Вино лилось рѣкой. Хозяева угощали гостей на славу, но самъ князь угостился, казалось, не въ мѣру и началъ гостямъ «отпускать шпильки». Послѣ обѣда все поднялось и разбрелось по дому. Многие вышли на воздухъ въ садъ по расчищеннымъ среди сугробовъ дорожкамъ, кто по обычаю отправился на конюшню и на псовый дворъ смотрѣть великолѣпныхъ коней и собакъ, которыхъ показывалъ молодой князь.

Въ числѣ прочихъ гостей былъ и Лунинъ. Въ первый разъ въ жизни поступилъ онъ вопреки своему разуму и совѣсти и уступилъ горячимъ мольбамъ и слезамъ дочери... И поѣхалъ, но негодовалъ на себя.

Послѣ обѣда Владиміръ Андреевичъ и его Оля очутились въ одной изъ комнатъ, предназначавшихся для гостей, для отдыха или для переодѣванья, а равно и для ночлега, когда гости пріѣзжали надолго.

Лунинъ сталъ сумраченъ и задумчивъ... Все время онъ наблюдалъ сначала за княземъ и княгиней и дивился ихъ совѣмъ не княжескимъ фигурамъ и повадкѣ. Но затѣмъ его вниманіе сосредоточилось на молодомъ князѣ, который неотступно былъ около его Оли, ухаживалъ и любезничалъ съ нею гораздо больше, чѣмъ съ другими дѣвцами. Лунинъ видѣлъ, однако, при этомъ, что его Оля крайне смущена... Она охотно и много говорила съ молодымъ княземъ, не избѣгала его, а напротивъ будто сама къ нему подвертывалась. Пожалуй, даже она сама и виновата была, что молодой князь сѣлъ за столомъ около нея и все время бесѣдовалъ съ ней одной, а не съ другими... Однако, въ ихъ бесѣдахъ умный, наблюдательный Лунинъ замѣтилъ одно, что его удивило и даже озадачило. Его Оля не просто разговаривала съ княземъ, а будто все выспрашивала его, даже цѣлый допросъ чинила ему, какъ судья, дѣло какое разслѣдующій до малѣйшихъ подробностей. И въ концѣ концовъ Оля была смущена и даже печальна. Личико ея выражало тревогу, горе, растерянность... Что же это?

Теперь, очутившись наконецъ съ глазу въ отдѣльной комнатѣ, Лунинъ тотчасъ же взялся за допросъ дочери.

— Что съ тобой? Ты на себя не похожа?

— Ничего, батюшка.

— Не лги. Вижу.

— Нездоровится, батюшка.

И Лунинъ буквально ничего не добился отъ дочери. Оля стояла на своемъ, что ей нездоровится. На вопросъ отца, что она такое будто все допрашивала молодого князя за цѣлый обѣдъ, Оля отвѣтила, что онъ ей загадку загадалъ, а она все отгадывала, да неудачно.

И дѣвушка не лгала. Загадка была трудная... Она узнала и полюбила князя Можайскаго, а онъ оказался потомъ княземъ Тенищевымъ! А конторщикъ, пріѣзжавшій къ помѣщику Рущкому получать деньги за купленную лошадь съ княжескаго завода,

и котораго она два раза видѣла, теперь оказался княземъ Можайскимъ.

Было отчего ума рѣшиться.

Въ восьмомъ часу уже грянула на хорахъ залы музыка, и начался балъ, открывшись, какъ водится, польскимъ. Князь сильно, даже черезчуръ въ хмелю, подалъ руку предводительшѣ своего уѣзда, за нимъ самый видный мѣстный дворянинъ князь Арнаутъ, родомъ изъ кавказскихъ выходцевъ, подалъ руку княгинѣ. Молодой князь пригласилъ, конечно, Олю Лунину, и когда она отказалась, повелъ дочь предсѣдателя уголовной и гражданской палаты, а княжна пошла съ красивымъ губернаторскимъ чиновникомъ. За ними попарно двинулись всѣ гости.

Но едва начался балъ, какъ распространился слухъ о почти невѣроятномъ событіи. Увѣряли, что въ домѣ уже пахнетъ двумя свадьбами.

Молодой князь якобы уже успѣлъ влюбиться въ дѣвицу Лунину, и будто бы уже прямо объяснился съ ея родителемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, совсѣмъ молодой губернаторскій чиновникъ уже якобы сдѣлалъ формальное предложеніе княжнѣ и получилъ согласіе князя.

Слухъ, распространившійся въ домѣ среди всѣхъ гостей, исполошилъ всѣхъ и казался невѣроятнымъ. Самые смѣлые изъ гостей рѣшились даже обратиться къ князю или къ княгинѣ, чтобы убѣдиться, точно ли подобное могло такъ быстро совершиться. И не прошло часу, какъ въ самомъ разгарѣ бала, среди всеобщаго веселья, гости уже знали, что дѣйствительно слухи про двѣ свадьбы, которыя состоятся, — не выдумка.

Князь, пошатываясь и мыча, объяснялъ направо и налево, какъ онъ счастливъ, что въ одинъ день, въ нѣсколько часовъ ему посчастливилось женить сына и выдать дочь замужъ. Мнѣнія княгини нельзя было узнать, такъ какъ ея послѣ польскаго уже было не видно. Говорили, что она почувствовала себя хворой и ушла отдохнуть.

VII.

Около десяти часовъ, въ самый разгаръ танцевъ, среди одной изъ фигуръ менуэта, въ дверяхъ бальной залы, ведущей изъ прихожей, появилось двое мужчинъ въ дорожномъ платьѣ, въ теплыхъ кафтанахъ, съ шапками на головахъ, а за ними двѣ

дамы. Вошедшій впереди всѣхъ, по виду старикъ, окинувъ всю залу, вдругъ крикнулъ властно и грозно:

— Это что?!. По сю пору!

Вошедшіе были хозяева.

Еще утромъ князь Павелъ Павловичъ сурово приказалъ жёнѣ и дѣтямъ собираться въ дорогу. Удивленная семья безпрекословно повиновалась, ничего не понимая.

Пробывъ день на хуторѣ и пообедавъ тамъ, теперь князь съ семьей вернулся.

Окрикъ новаго и неизвѣстнаго гостя ошеломилъ всѣхъ.

Все стало, стихло... Музыка и танцы оборвались. Все смолкло. Наступила послѣ гула голосовъ, смѣха и толкотни, чуть не волшебная тишина. Всѣ остолбенѣвъ усталились на прибывшихъ и вошедшихъ въ яркій залъ въ дорожномъ платьѣ. Врядъ ли кто изъ присутствующихъ соображалъ, «что сей сонъ значить».

— Должно быть, просто двѣ пары ряженныхъ. Такая затѣя. Для потѣхи!—думали нѣкоторые.

Но передній «ряженный» крикнулъ еще грознѣе:

— Захарка!

Толстый и неуклюжій «князь Можайскій» выступилъ робко, впереди изъ толпы гостей. Хмель его сразу прошелъ.

— Что же это, Захаръ? Ослушался? А?

— Виноваты, ваше сіятельство. Запоздали. Но безъ вины виноваты.

— Поясни болванъ.

— Сами господа гости виноваты, ваше сіятельство. Ужъ очень они насъ за истинныхъ васъ приняли. Мы и не знали, какъ вывернуться и скоромощество прекратить. Пересолили мы что ли? Или господа перевѣрили... Не знаю.

— Какъ перевѣрили? Что ты врешь?

— Простота. А мы не виноваты.

И подложный князь Можайскій повалился въ ноги настоящему. Его примѣру послѣдовали конторщикъ Авдѣй и горничная Палаша.

Князь молчалъ, будто выжидая, но толпа гостей тоже молчала. Тишина въ залѣ стала какая-то страшная, будто предъ грозой.

— Князь Павелъ Павловичъ!—раздался громовый голосъ.— Поступокъ сей не дворянскій. Обморочить никого не трудно. На всякакаго мудреца довольно простоты.

Негодующій гость былъ Лунинъ.

— Простите, господа,—громко заговорилъ князь.—Я ни въ чемъ не повиненъ. Тутъ произошло недоразумѣніе. Имѣя настоятельную необходимость отлучиться съ семьей изъ дома, я приказалъ моимъ людямъ позабавить васъ ради святочныхъ дней, полагая, что потѣха продлится часть времени, а вы посмѣетесь и повеселитесь. А пока и я подъѣду... А вышло... вышло, что вы всѣ господа меня и семью мою кровно обидѣли, принявъ въ заправду этихъ чучель за княжескую семью Можайскихъ. Въмѣсто потѣхи вышла обида. А холоповъ я своихъ не виню. Они все-таки холопы... Размахались, какъ дурни... А когда вы ихъ допустили съ собой за столъ сѣсть, они ракалиі совсѣмъ одурѣли, да затѣмъ еще и подгуляли... И приказъ мой забыли... Но обида, господа, остается обидой. И я не знаю, право, что могло заставить васъ такъ обмануться и повѣрить, что я, жена и дѣти можемъ быть таковыми... Это шуты гороховые... Ихъ обращеніе и поведка должны были разъяснить вамъ съ перваго мгновенья, что тутъ одна святочная потѣха. Однимъ могу я все пояснить: про насъ ходило въ округѣ не вѣсть какое клеветничество. И вотъ послѣ всего, что бѣгало объ насъ изъ устъ въ уста, вы холоповъ и приняли за княжескую семью. Ну съ... Я не злобивъ. Прощаю обиду, но если вы желаете продолжать знакомство съ княземъ Можайскимъ и его фамиліей, то ужъ продолжайте, какъ начали. А насъ увольте. Гдѣ намъ послѣ Захарки и Палашки вамъ понравится? Мы имъ не пара.

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на рѣчь хозяина. Видно, вся толпа гостей была не на шутку «огорошена».

Князь съ женой и дѣтьми прошли къ себѣ въ приватныя комнаты, а гости такъ и остались, какъ вкопанные... И, несмотря на многолюдство, тишина стояла полная.

Остолбенѣли же господа дворяне и отъ неожиданнаго сюрприза, да равно и отъ кроваваго афронта.

Наконецъ кой-кто двинулся, заговорилъ. Поднялись голоса.

— Такъ оставить нельзя!

— Неслыханное надругательство!

— Долгъ платежомъ красенъ!

— Надо жаловаться намѣстнику!

— Надо писать въ столицу!

Но всѣ снова смолкли вдругъ, такъ какъ раздался всѣмъ знакомый и властный голосъ дворянина Лунина, вышедшаго на средину зала и обратившагося ко всѣмъ.

— Господа дворяне. Оставить безъ отместки подобное дерзостное пошупленіе, конечно, вельзя. Но жаловаться то же не подобаетъ, такъ какъ пошупленіе господина князя закономъ не наказуется. Законоположеніе такого казуса не предвидѣло. Виновенъ всемірно нашъ оскорбитель, который отъ самовозвеличенія впалъ въ безуміе, отъ чванства и фанаберіи дошелъ до юродства и паясничества... Но виновны и сами оскорбленные! Своимъ легкомысліемъ, своей простотой и добродушіемъ. Не слѣдовало намъ прѣзжать къ человѣку, коего мы въ глаза никогда не видали. Теперь намъ не слѣдуетъ, да и мало... требовать отъ него простого извиненія и тѣмъ паче не жаловаться начальству, не уподобляться младенцамъ, которые въ безсиліи своемъ жалуются родителямъ и мамушкамъ, прося о защищеніи. Нѣтъ, господа доблестные дворяне, мы сами за себя постоимъ. Мы получили афронтъ, мы на него и отвѣтимъ тѣмъ же. Насъ посрамили. Ну, и мы посраимъ. Насъ въ семъ машкерадѣ въ шуты нарядили... Ну и мы наряжателя въ шуты вырядимъ безъ всякихъ святокъ. Это будетъ не въ примѣръ увеселительнѣе и поучительнѣе. А теперь скорѣе отсюда вонъ и по домамъ.

Лунинъ смолкъ, подозвалъ Олю и двинулся къ дверямъ прихожей.

Гости снова заговорили, зашумѣли, но всѣ стали собираться. Тотчасъ же начался разѣздъ. По мѣрѣ того, что на дворѣ являлись запрягаемые на спѣхъ экипажи, лакеи докладывали, и господа одѣваясь садились и быстро съѣзжали со двора, будто обращенные въ бѣгство срамомъ.

VIII.

Прошелъ мѣсяцъ.

Все намѣстничество только и говорило, что объ оскорбленіи, нанесенномъ всему мѣстному дворянству. Всѣ уже знали теперь, кто были лицедѣями, кто исполнялъ какого персонажа комедіи. Всѣ уже равно знали, что и поваръ Захаръ, и Авдѣй конторщикъ, и любимица княжны Палаша—всѣ давно искусились въ скоморошествѣ, играя на домашнемъ театрѣ. Если они мастерски изображали въ разныхъ трагедіяхъ всякихъ принцевъ и принцессъ и даже древнихъ царей и лыцарей, то совсѣмъ уже понятно, что они смогли, комедіянствуя, изобразить своихъ господъ князей, княгиню и княжну. Обида казалась теперь легче, княжескіе комедіанты хоть кого бы обморочили...

— Иной дворовый холопъ можетъ такъ изобразить самого царя персидскаго, что диву даешься и забываешь, что въ те-

атрѣ сидишь. А когда иная дѣвка актерка несчастную жертву чувствительно изображаетъ, развѣ не случается прослезиться, позабывъ, что она комедь ломаетъ, притворствуетъ, прикидывается...

Такъ разсуждали, извиняя себя, многіе дворяне. Другіе просто по добротѣ сердечной простили князю говоря:

— Богъ съ нимъ совсѣмъ. Отъ насъ не убыло.

Третьи никакъ не могли простить издѣвательства и, выдаясь между собой, толковали о возмездіи. Но какъ отомстить?—оставалось вопросомъ. Не стеречь же его съ молодцами на дорогѣ и, захвативъ, жесточайше избить? Это не по-дворянски. За глупую шутку увѣчемъ нельзя отплачивать.

Всѣ надѣялись на Владимира Андреевича Лунина, какъ на самаго умнаго. Но черезъ недѣлю послѣ княжескаго «машкерада» старикъ, сначала злоствовавшій чуть не пуще всѣхъ, неожиданно вдругъ заявилъ, что перемѣнилъ мнѣніе. Не желая лично имѣть дѣло съ княземъ Можайскимъ, онъ написалъ въ Петербургъ высоко стоящему лицу обо всемъ этомъ оскорбительномъ приключеніи, прося довести его до свѣдѣнія государыни и просить заступленія...

Разумѣется, самъ князь Павелъ Павловичъ тотчасъ послѣ «машкерада» написалъ тоже своему другу и уже получилъ отъ него отвѣтъ, что его шутка:

«...Достигла письменно на берега Невы и извѣстною высокою особою не похвалена, но послѣдствій худыхъ, по всей видимости, можно не ожидать».

Однако, чрезъ три дня послѣ этого письма пришло второе, краткое, гдѣ князя увѣдомляли, что одинъ изъ дворянъ явился лично въ Петербургъ и, будучи собственникомъ князя Зубова, жаловался ему самолично и просилъ вступиться. И тѣмъ паче, что якобы князь Можайскій достигъ въ своемъ самовозвеличеніи до той дерзости, что повѣсилъ въ домѣ въ передней, гдѣ одни лакеи лишь пребываніе имѣютъ, портретъ князя Зубова съ надписью: «Примѣръ берите, како, служба вѣрно, благополучіе свое получите».

Разумѣется, князь Павелъ Павловичъ нѣсколько взволновался и сказалъ сыну:

— Не пришло на умъ, что въ этой труппѣ могла оказаться родня фаворитова. А этотъ „Зубъ“ давно на меня, поди, зубы точить и ждетъ, гдѣ зацѣпиться. И вотъ приспѣло теперь ему придраться, чтобы отплатить мнѣ за мое съ нимъ обхожденіе.

Увидимъ. Все же таки—я не преступникъ и фърмазонъ и не вольтерьянецъ. А вотъ ябедничества этакого я тоже не ожидалъ. Въдъ выдумалъ же ехидна крючекъ. Портретъ якобы его въ примѣрь холопамъ въ передней повѣсилъ. Да не знаетъ ябедникъ, что мнѣ эта Зубова дѣвичья рожа и по памяти противна, а стану я еще его малеванье у себя держать на глазахъ, хотя бы и въ передней. Найдись здѣсь въ домѣ его живописный портретъ, я бы его тотчасъ въ печи сжегъ.

— А эта клевета, батюшка, хуже машкерада, — замѣтилъ Александръ.

— Во сто разъ!—воскликнулъ князь.

И въ Сакмарскомъ стало какъ-то тише... Князь сильно тревожился, боясь мести царскаго фаворита, а семья оробѣла, увидя его озабоченнымъ! Случалось теперь, что гордый и самолюбивый князь, но при этомъ умный и добрый, начиналъ втайнѣ раскисаться и осуждать самого себя за свою насмѣшку надъ людьми, которые ему прямо лично собственно никакого худа не сдѣлали. Все якобы ихъ клеветничество на него могло быть и выдумкой. Онъ повѣрилъ письму изъ столицы. А если это были однѣ сплетни. А на слова и пересуды онъ отвѣтилъ дѣломъ и оскорбленіемъ.

Молодой князь продолжалъ между тѣмъ ѣздить къ Руцкому, но ни разу не встрѣтилъ тамъ Олю. И молодой человекъ началъ скучать, даже будто прихварывать. Онъ уже ясно сознавалъ, что его чувство къ молодой дѣвушкѣ серьезно настолько, что онъ почти не можетъ обойтись безъ того, чтобы не видѣться съ ней.

И ему стало приходиться на умъ, не поѣхать ли къ самому Лунину и объясниться. Сказать всю правду. Сказать и ей и отцу ея, что его чувство глубоко и искренне, и что онъ готовъ на все... Готовъ итти даже противъ воли отца, если онъ не согласится на его бракъ. А о согласіи князя нечего было и мечтать, потому что князь Павелъ Павловичъ сто разъ говорилъ сыну, что пока они будутъ жить въ этомъ медвѣжьемъ углу, ему придется оставаться холостымъ. Въ этихъ дикихъ краяхъ среди мордвы дворянской ему нѣтъ пары въ числѣ молодыхъ дѣвицъ.

— Князь Можайскій не можетъ жениться на трущобной барышнѣ, — говорилъ онъ всегда.

Разумѣется, князь Александръ горевалъ, но ни на что не рѣшался, какъ изъ боязни гнѣва отца, такъ равно и потому, что не зналъ, приметъ ли его оскорбленный Лунинъ.

Съ горя и тоски молодой человекъ отпросился у отца въ Москву на побывку, но отпущенный доѣхалъ до губернскаго города и въ немъ застрялъ.

Сестра, которую онъ любилъ, дала ему порученіе, молила его со слезами на глазахъ, разузнать всю подноготную о человекѣ, который заставилъ ея сердце впервые забиться сильнѣе. Вѣроятно, отъ унылой жизни въ Сакмарскомъ заплатила княжна ту же дань, что и ея братъ.

Князь обѣщалъ сестрѣ, если возможно, даже познакомиться съ ея „очарователемъ“ и исполнилъ обѣщаніе. Но губернаторскій товарищъ, по фамиліи Полозовъ, очень молодой человекъ сравнительно съ важной должностью, имъ занимаемой, оказался такимъ рѣдко пріятнымъ человекомъ, что сразу сталъ очарователемъ и для Александра. Послѣ знакомства завязалась пріязнь и тотчасъ перешла въ дружбу. И князь прожилъ въ городѣ болѣе трехъ недѣль, а затѣмъ вернулся домой и солгалъ отцу, что прохворалъ въ дорогѣ и дальше не поѣхалъ.

Князь не повѣрилъ, но промолчалъ...

„Молодость! Свои молодые дѣла. Пускай!“—подумалъ онъ.

Зато княжна запрыгала отъ радости, что ея очарователь сталъ другомъ брата, оказавшись «дивомъ дивнымъ», какъ говорилъ князь.

— Братецъ, я тебѣ все скажу!—таинственно заявила, наконецъ, княжна.—Онъ мой суженый. Я на святкахъ въ пустой банѣ одна сидѣла... И онъ пришелъ! Спроси Палашу... Она меня въ чувства приводила и слѣгомъ оттирала!

IX.

Прошелъ еще мѣсяць... Наступила масляница. Однажды утромъ въ Сакмарское пріѣхалъ верховой нарочный съ письмомъ на имя князя. Явился онъ изъ усадьбы помѣщика Лунина. Князь Павелъ Павловичъ, еще не сломавъ печати и не взглянувъ на письмо, досадливо поглядѣлъ въ глаза сыну, тотчасъ пришедшему къ отцу, смутясь извѣстіемъ, что нарочный отъ Лунина.

— «Чтой-то это?—думалось ему тревожно.—Навѣрное, дѣло касается меня и Оли».

А князь Павелъ Павловичъ, поглядѣвъ, улыбнулся презрительно и вымолвилъ:

— О чемъ можетъ мнѣ писать этотъ грубіянь и фармазонъ? Не отправить ли ему его посланіе обратно безъ прочтенія?

— Зачѣмъ же, батюшка?..—отозвался сынъ нерѣшительно, самъ не зная, что лучше для него самого. — Быть можетъ, такъ бы и лучше было.

— А? Какъ ты полагаешь? Отправить назадъ съ цѣльной печатью и только надписать: «Не имѣю, молъ, досуга читать пустяковыя сочинительства!» А? Какъ полагаешь?

— Отошлите!—вдругъ выпалилъ Александръ, рѣшивъ сразу, что какое бы содержаніе письма Лунина ни было, все лучше оттянуть дѣло. А тамъ послѣ видно будетъ. И хуже-то не будетъ.

Но сынъ забылъ, что его родитель, своенравный князь Павелъ Павловичъ, обладалъ особой чертой характера, которой, однако, за всю свою жизнь не примѣтилъ.

Когда ему говорили, что на дворѣ морозно, ему казалось тепло. Когда всѣ жаловались на жару, князь чувствовалъ себя свѣжо.

Однажды зимой въ Петербургѣ онъ всѣхъ заморозилъ, однажды въ іюнѣ приказалъ отапливать весь домъ. Случалось ему тоже доказывать собесѣдникамъ, что напрасно про траву и дерева говорить «зелень». Все, что растетъ на землѣ, имѣеть цвѣтъ желтовато-голубоватый.

Одинъ умный человѣкъ въ Петербургѣ по поводу князя Можайскаго сказалъ, что когда люди спорятъ, то ихъ можно примирить, потому что съ извѣстной точки зрѣнія самыя серьезныя противорѣчія въ самомъ серьезномъ вопросѣ все-таки сводятся къ тому, что одинъ вѣритъ и говоритъ *bonnet blanc*, а другой—*blanc bonnet*. Но къ князю Можайскому, одному на всю столицу, это не примѣнимо, потому для него *bonnet blanc* всегда *chapeau noir*. А если начать ему доказывать, что онъ не о томъ говорить, о чемъ говорятъ, то князь уже начнетъ доказывать, что съ сотворенія міра *bonnet blanc* и *blanc bonnet* означали «кукуруку».

Поэтому едва только князь услышалъ отъ сына совѣтъ, что можно письмо возвратить не читая, какъ онъ уже сломалъ гербовую печать и началъ читать титулъ. Но затѣмъ, прочтя три строчки, перевернулъ листъ и поглядѣлъ на подпись.

Стояло: «дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Николай Егоровичъ Наказовъ, секретарь его сіятельства князя Платона Александровича Зубова».

— Это что?—вскрикнулъ князь. — Это почему? Мнѣ какое до него дѣло?

— До кого, батюшка?—спросилъ сынъ.

Князь не отвѣтилъ и снова крикнулъ:

— Такого секретаря у него прежде не было. Новый, стало быть. Но что же ему до меня?.. Если... и князь запнулся.

— Если это изъ-за машкерада онъ ко мнѣ привязывается, то оно не его дѣло... Да. Не его ума дѣло. Преступленія закона тутъ никакого не было, и стало судить нельзя.

— Да вы, батюшка, прочтите прежде, — рѣшился сказать молодой князь, на душѣ котораго сразу стало легче.

«Не Луининъ! Не Оля! А какой-то секретарь Зубова».

Князь сталъ читать письмо, и по мѣрѣ чтенія лице его становилось все сумрачнѣе... Наконецъ, онъ скомкалъ большой листъ, надорвалъ и бросилъ на полъ.

— Врете!—вскричалъ онъ.

И, поднявшись съ кресла, онъ началъ взволнованно ходить по комнатѣ.

— Врете! Врете! Не поѣду. Приѣзжай сюда. Нѣтъ! И сюда не пущу... Поворачивай оглобли и ступай восвояси. Съ чѣмъ приѣхалъ, съ тѣмъ и уѣдешь. Да. Просто не дамъ, какъ куръ въ Зубовы щи. Я знаю, что не преступленіе. Это шутка. А обидѣлись, то ищи они сами смыть обиду... Поединкомъ, тяжбой, хоть дракой на дорогѣ, хоть засадами въ лѣсу и сраженьями.

И, вдругъ остановясь, князь выговорилъ:

— Прочти.

Молодой человекъ, поднявъ скомканное и надорванное письмо, разгладилъ его и началъ читать.

«Государь мой, досточтимый князь Павелъ Павловичъ, по порученной мнѣ должности, имѣю я»...

Но князь перебилъ сына.

— Къ чорту! Буде! Читай себѣ самому.

И пока сынъ читалъ письмо, князь отошелъ къ окну и постепенно сталъ успокаиваться и холодно, здраво соображать и рассуждать. Всегда послѣ вспышки гнѣва князь становился особенно разсудителенъ, и въ эти мгновенья онъ всегда согласился бы, что *bonnet blanc* и *blanc bonnet*—то же самое.

Изъ письма оказывалось, что приѣзжій изъ Петербурга въ намѣстничество въ качествѣ ревизора господинъ Наказовъ имѣетъ «приватную и конфиденціальную нужду» до князя, такъ какъ ему «предporučено въ числѣ разныхъ происхожденій дѣлъ» въ намѣстничествѣ за прошлый годъ «разслѣдить и отрепорто-

вать съ мѣста все касаемое до скоморошескаго учиненія афронта въ домѣ князя многomu числу дворянъ». На основаніи этого «вышняго препоручительства» г. Наказовъ просилъ князя пріѣхать для разъясненія дѣла въ усадьбу г. Лунина, гдѣ онъ по дружеству остановился. Причину того, что онъ не вызываетъ князя въ городъ и не пріѣхалъ самъ въ его вотчину, Наказовъ объяснялъ тѣмъ, что ему указано все сдѣлать келейно, безъ огласки, дабы никто во всемъ округѣ ничего не зналъ, и «тѣмъ не было бы дано оказіи плодить пустые разговоры охочимъ до онаго людямъ», что можетъ, конечно, быть для князя съ его фамиліей досадливымъ и стыдливымъ. Пишущій назначалъ князю пріѣхать въ домъ г. Лунина, когда ему «вольно разсудится за благо» всего на одинъ часъ времени, но не поздне, какъ въ эти три дня, такъ какъ, прогостивъ у друга своего Лунина, онъ собирается въ обратный путь ирямо въ Петербургъ.

Князь Александръ, дочитавъ письмо, выговорилъ:

— Что же, батюшка! Я тутъ еще особливо худого ничего не вижу. Поручено ему узнать, какъ все дѣло было.

— Не поѣду я!—выговорилъ князь, оборачиваясь отъ окна. И въ то же время онъ думалъ уже рѣшенное про себя: «Надо ѣхать».

— Какъ изволишь, — отвѣтилъ сынъ всегдашнее слово въ разговорахъ съ отцемъ.

— Пускай самъ сюда пріѣзжаетъ!

— Это, батюшка, много хуже. Онъ дѣло сказываетъ... Если онъ сюда пріѣдетъ, будучи правительскимъ ревизоромъ, то, понятно, шумъ пойдетъ по всему намѣстничеству. И нашимъ всѣмъ, несмотря на ихъ опасенія вашего гнѣва, все-таки глотки не заткнешь. А ваше посѣщеніе господина Лунина можно будетъ отъ всѣхъ скрыть. Кучеръ, форейторъ да два лакея только одни и будутъ знать, гдѣ вы въ отсутствіи находились. Четверыхъ можно заставить молчать.

Князь подумалъ и наконецъ вымолвилъ спокойно.

— Нѣтъ. Зачѣмъ этакъ... Мы вмѣстѣ поѣдемъ съ тобой и просто въ берлинѣ съ однимъ кучеромъ и безъ лакеевъ.

— Я?! — выговорилъ молодой князь такимъ голосомъ и съ такимъ лицомъ, что отецъ отвѣтилъ вопросомъ:

— Что съ тобой! Чему?

— Мнѣ съ вами ѣхать?!

— Не хочешь со мной ѣхать—тогда и не надо, — сказала князь, уже улыбаясь.—Тогда я съ тобой поѣду. И все къ Лунину же. Что? Боишься ты что ли его?

— Нѣтъ, батюшка. Я... съ охотой. Съ большой охотой!— уже радостно произнесъ молодой человѣкъ, взвѣсившій всѣ послѣдствія нечаяннаго предложенія отца.

Онъ увидить «ее», объяснится съ ней и уговорить видаться опять у Руцкаго. Онъ скажетъ, онъ и поклонится, что его намѣреніе прямое: назвать ее своей супругой. Но надо ждать и приготовить отца къ этому... Надо будетъ, быть можетъ, долго ждать. И годъ и два... Но надо видаться.

И Александръ настолько просіялъ лицомъ, что князь снова спросилъ:

— Чему?

— Что-съ?

— Чему теперь радуешься? Вотъ парень уродился у меня. Швыряется, какъ бѣсъ передъ заутреней.

— Я не швыряюсь,—смущенно отозвался молодой человѣкъ.

— Мыслями и пожеланьями швыряешься. Хочу — не хочу; попробую, боюсь. Тотчасъ,—не въ сей часъ! Послѣ дождика въ четвергъ, пропустя пятницу, среди середины. Ахъ, ты, гусь...

И князь, добродушно погладивъ сына по головѣ, прибавилъ:

— Давай купно сочинительствовать, хоть отъ тебя пособія великаго не жди. Ты недалеко отъ Митрофана Простакова въ грамотѣ ушелъ. Надо этому ревизору и кавалеру отвѣтъ начертать.

И князь, сѣвъ за письменный столъ, началъ писать отвѣтъ, тихо вода скрипучимъ перомъ.

— Эка бестія, этотъ Авдѣй, всѣ у него перья, что тебѣ сапоги подмоченные.

X.

На другой же день, около полудня, оба князя Можайскіе выѣхали въ небольшомъ возкѣ тройкой, не взявъ лакеевъ. Отъѣзжая отъ крыльца, князь крикнулъ кучеру: Трогай! Съ Богомъ!

— Куда прикажете?—отозвался кучеръ.

— Куда глаза глядятъ. Пошелъ!

Кучеръ пустилъ лошадей, но изъ воротъ догадался вправо, то-есть на дорогу въ городъ.

Передъ выѣздомъ изъ села князь Павелъ Павловичъ оставилъ его.

— Стой! Слушай. Поѣдешь въ усадьбу помѣщика Лунина. Если завтра станеть извѣстно въ Сакмарскомъ, гдѣ мы бывали, то послѣзавтра лобъ.

— Ни въ жизнь... Какъ можно!—отвѣтилъ кучеръ, знавшій, что князь слово сдержать, и за болтовню ему, дѣйствительно, тотчасъ лобъ забрекутъ, то-есть сдадутъ въ солдаты!

Менѣе чѣмъ чрезъ часъ ѣзды князя въѣхали во дворъ небольшой усадьбы дворянина Лунина.

Молодой князь волновался настолько, что отецъ замѣтилъ это и удивленно глянулъ сыну въ лицо.

— Что ты? Очумѣлъ! Робѣешь? Чего?

— Никакъ нѣтъ-съ, батюшка.

— Что нѣтъ? Вижу. Глазами стрѣляешь, ртомъ пыхтишь, какъ самоваръ, даже носомъ поводишь, какъ тараканъ усами.

Молодой человекъ промолчалъ, но подумалъ:

— «Да. Кабы отецъ зналъ, къ кому мы ѣдемъ! Кто такая для меня та, что здѣсь живетъ!»!

И онъ тяжело вздохнулъ.

При въѣздѣ во дворъ, первое, что бросилось въ глаза князей, былъ большой дорожный возокъ съ важами, стоявшій у подъѣзда; около него похаживалъ солдатъ съ ружьемъ на плечѣ.

— Это что за колѣно? Часовой у возка?—проворчалъ князь.— Куражится питерскій сановникъ изъ стригулистовъ.

Когда приѣзжіе подъѣхали къ крыльцу, къ нимъ навстрѣчу тотчасъ вышло два лакея, но съ ними и солдатъ въ мундирѣ Преображенскаго полка.

Они вошли въ переднюю, и здѣсь оказались сидящими на нарахъ еще три молодца преображенца.

— Не пойму,—шепнулъ князь сыну.—Права онъ не имѣеть таскать съ собою гвардейцевъ. Все то произволь, умничанье. Баловничество съ законами.

Въ маленькой залѣ появился хозяинъ и быстро шелъ на встрѣчу гостямъ.

— Добро пожаловать... Хотя вы и не ко мнѣ, но почитаю долгомъ встрѣтить на порогѣ моего домашняго очага, — выговорилъ Луинъ холодно любезно.

«Вона? Таганъ еще припуталъ! Ученый!»—презрительно подумалъ князь.

— Я приѣхалъ по вызову господина Наказова! — отвѣчалъ онъ.—Да вотъ и сына захватилъ.

— Пожалуйте въ гостиную. Отдохните. Я сейчас его превосходительству доложу... что вы...

— Вы же и доложите?..—перебилъ князь,

Лунинь не отвѣтилъ и провелъ князей въ сосѣднюю комнату, обставленную простой мебелью, но съ двумя большими картинами на стѣнахъ. Одна изъ нихъ изображала поклоненіе волховъ, а другая была, очевидно, семейнымъ портретомъ, изображая сановника съ крестомъ и звѣздой. Лунинь, попросивъ гостей сѣсть, собирался выйти, но князь остановилъ его вопросомъ:

— Извините, если я полюбопытствую у васъ спросить. Преображенцы при господинѣ ревизорѣ прибыли?.. Или вы своихъ холоповъ рядите въ гвардейскую аммуницію, какъ вотъ иные дворяне лакеевъ гайдуками и арапами наряжаютъ?

— Солдаты состоятъ при его превосходительствѣ въ видѣ конвоя,—отвѣтилъ Лунинь.

— Зачѣмъ же это? Разбойниковъ и подорожниковъ господинъ Наказовъ боится,—усмѣхнулся князь.

— Сіе обстоятельство станетъ вамъ ясно, князь, послѣ объясненія вашего съ его превосходительствомъ,—сухо отвѣтилъ Лунинь, но въ звукѣ его голоса почудилось князю что-то прямо нравоучительное.

Во всякомъ случаѣ отвѣтъ былъ не объясненіемъ, а загадкой. Лунинь вышелъ. Князья остались и молчали. Старикъ ухмылялся презрительно насмѣшливо, а молодой человекъ какъ бы продолжалъ волноваться, но сталъ угрюмѣе.

«И уѣдешь, не повидавшись,—думалось ему.—Онъ не считаетъ насъ гостями, и она поэтому не выйдетъ къ намъ. Что надумать, какъ схитрить, чтобы повидать?»

Лунинь вернулся и попросилъ князя къ «его превосходительству».

— А сына не просить?—спросилъ князь.

— Нѣтъ-съ. Потомъ, вѣроятно... А теперь просать васъ...

Князь двинулся и предшествуемый хозяиномъ прошелъ коридоръ и вошелъ въ рабочую горницу, уставленную шкафами съ книгами. Лунинь остался передъ порогомъ и, затворивъ за княземъ дверь, вернулся въ гостиную.

— Ну, дорогой гость,—сказалъ онъ,—чтобы вамъ было не скучно, я сейчас позову хозяйку васъ занять бесѣдой. А самъ, извините, отлучусь на малое время. Объясненіе вашего батюшки съ его превосходительствомъ затянется часика на два.

Молодой князь вспыхнулъ и зардѣлся, какъ макъ въ цвѣтъ.

Даже духъ захватило ему при мысли, что онъ увидить свою Олю послѣ столь долгой разлуки.

Лунинъ ушелъ... Черезъ нѣсколько минутъ противоположныя двери отворились, и въ гостиной появилась Оля, смущенная и розовая отъ волненія. Не подымая глазъ на князя, вошла она, что-то пролепетала едва слышно въ видѣ привѣтствія и сѣла на диванѣ.

Князь Александръ при видѣ ея преобразился. Дѣвушка краше, чѣмъ когда-либо, дороже ему теперь, чѣмъ когда-либо, своей близостью она дѣйствовала на него непостижимо и будто сразу какъ бы заколдовала его. Случилось, какъ въ сказкахъ. Жезломъ, даннымъ ей волшебницей, коснулась она его.

«Безъ тебя мнѣ и не жизнь!»—мысленно восхлинулъ князь, будто теперь только, въ эту минуту, понявъ всю глубину своего чувства къ этой дѣвушкѣ.

— Знаете ли вы, что я Можайскій, а не Тенищевъ?—тотчасъ выговорилъ онъ взволнованно.

— Знаю,—тихо пролепетала Оля, не подымая глазъ.

— Знаете ли вы, Ольга Владиміровна, что я безъ васъ жить не могу, что я на сихъ дняхъ буду говорить съ батюшкой? Пожелаете ли вы меня въ супруги? Скажите.

Оля молчала, но яркій румянецъ залилъ все лицо, и слезы повисли на рѣсницахъ, а затѣмъ блеснувъ скатились по румянымъ щекамъ.

Князь заговорилъ порывисто, страстно, но съ замираніемъ сердца, какъ трусь, сразу кинувшійся въ самую свалку смертельнаго боя.

Какъ онъ рѣшился на это вдругъ?.. Какъ все это внезапно произошло? Онъ самъ не зналъ и не понималъ. Все, что терпѣлъ и тайлъ онъ отъ всѣхъ и такъ долго, сразу теперь рванулось со дна души. И въ эти минуты онъ твердо чувствовалъ, что на все пойдетъ, противъ всего и всѣхъ. Не только воля отца, но ничто не устоитъ предъ его рѣшеніемъ.

«А нѣтъ, то руки на себя! Безъ нея смерть краше жизни!»

XI.

Въ то же время князь сидѣлъ въ кабинетѣ на диванѣ, какъ почетный гость, а предъ нимъ на большомъ креслѣ, но черезчуръ откинувшись на спинку, въ непринужденной, но важной позѣ, полусидѣлъ, полуразвалился пожилой смуглый человѣкъ.

Онъ былъ въ темно-коричневомъ полу-фракѣ съ гладкими золотыми пуговицами, на груди его, на длинной лентѣ, выпущенной по кружеву сорочки, висѣлъ орденъ св. Владиміра. Это и былъ правительственный ревизоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Наказовъ.

Онъ говорилъ медленно, но рѣзко, отчеканивая каждое слово, и рѣчь его звучала непрерывно и однозвучно, какъ журчащая струя воды... Князь пробовалъ было прерывать его, протестуя и собираясь высказать свое... Но господинъ Наказовъ, какъ бы не слыша или не слушая и не обращая вниманія на противорѣчіе, продолжалъ цѣдить тонкими губами слово за словомъ длинную, гладкую, обстоятельную и холодно-спокойную рѣчь... Онъ какъ бы читалъ книгу.

И князь въ малѣйшихъ подробностяхъ узналъ слѣдующее.

По приказу князя Зубова и, вѣроятно, съ соизволенія государыни императрицы господинъ Наказовъ присланъ въ здѣшній край якобы для ревизіи намѣстническихъ дѣлъ. Но это только «для видимости», а въ дѣйствительности онъ присланъ «нарочито ради замѣшательства князя съ дворянствомъ». Но дабы не было обидной для князя огласки и посрамленія его съ его фамиліей, Наказовъ прибылъ подъ личиною ревизора.

Разслѣдовать «замѣшательство» ему не приходилось, такъ какъ князю Зубову по рапортамъ и промеморіямъ, пришедшимъ въ Петербургъ отъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ дворянъ, все «приключительство Рождественскаго скоморошества» въ вотчинѣ князя доподлинно и достовѣрно извѣстно.

Наказовъ посланъ только за тѣмъ, чтобы уговорить князя дать дворянству «сатисфакцію». Она сатисфакція, по мнѣнію князя Зубова, можетъ быть только одна. Дабы князь воочію, яснѣйше доказалъ всему дворянству, что почитаетъ его не ниже себя, онъ долженствуетъ породниться съ кѣмъ-либо изъ дворянъ и равно съ кѣмъ-либо изъ правительственныхъ лицъ губерніи.

Тогда скоморошеское происхожденіе дѣла и обманное сватовство дѣтей обратится въ дѣло «сущее», не измышленное, а истинное. Издѣвательство сразу превратится въ явь, въ правду, въ событіе, станетъ дѣйствительностью, переставъ быть комедіантскимъ или святочнымъ ряженьемъ.

Если же князь не пожелаетъ выбрать кого-либо изъ мѣстныхъ дворянъ и правительственныхъ лицъ себѣ въ зятя и въ невѣстки, а будетъ упорствовать, то въ силу строжайшаго

приказа, даннаго посланцу, г. Наказову, онъ долженъ будетъ, подспудно, нешумно, а конфиденціально взять подъ стражу пока одного князя и увезти съ собой въ столицу, для дальнѣйшаго обсужденія, какъ сему дѣлу быть... Съ предупрежденіемъ, однако, что пока въ виду имѣется «въ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ» двойное рѣшеніе: отправленіе князя съ фамиліей въ ссылочное прожительство, на крайнихъ предѣлахъ Россійской имперіи, предположительно около границы Сибирской, или же вольное и не отяготительное, но безотлучное задержаніе всей княжей семьи въ Шлюссельбургской крѣпости.

— Вотъ-съ, досточтимый, сіятельный князь, все, что я по препорученной мнѣ должности имѣю честь пояснительно изложить на ваше собственное благорасположеніе и благоусмотрѣніе!—кончилъ господинъ Наказовъ и глубоко вздохнулъ, какъ бы сочувствуя горестному положенію князя, вытекающему изъ всего сказаннаго.

Князь Павелъ Павловичъ, давно переставшій пробовать прерывать Наказова своими объясненіями дѣла, сидѣлъ, какъ истуканъ.

Дѣло было ясно — мечь Зубова. Иного объясненія нельзя было найти.

Но ссылка или заключеніе со всей семьей изъ-за шутки, хотя и грубой, и хотя и оскорбительной для цѣлаго намѣстничества, но все-таки же шутки... а не преступленія,—была въ глазахъ князя неслыханнымъ издѣвательствомъ надъ законами и его княжескимъ и придворнымъ состояніемъ.

— При Биронѣ такового не бывало!—прервалъ князь молчаніе, наступившее за рѣчью Наказова.

— Биронъ за россиянь не заступничалъ!—отозвался сухо Наказовъ.—А князь Платонъ Александровичъ Россійскій, а не курляндскій дворянинъ и честь доблестнаго дворянства щитится ограждать отъ посмѣянія. И такъ, сіятельный князь, что услышу я отъ васъ?

Князь молчалъ, но слегка понурился, какъ сраженный. Прошло нѣсколько минутъ въ полной тишинѣ. Наконецъ, князь какъ бы очнулся отъ глубокаго раздумья и вымолвилъ:

— Губить дѣтей изъ-за злобной прихоти челоуѣка, потерявшаго разумъ и сердце въ фаворѣ, я не могу. Насильно бракосочетать сына или дочь съ первымъ попавшимъ подъ руку—и неразуміе, и грѣхъ.

— Можетъ быть, князь—отвѣтилъ Наказовъ улыбаясь,—и найдутся въ здѣшнемъ краѣ молодой человѣкъ и молодая дѣвица, которые оказались бы по душѣ вашимъ дѣтямъ.

— Никогда. Здѣсь мордва одна. Все дворянство омордовилось.

— Есть такіе же пріѣзжіе не издавна, какъ и вы... Вотъ хоть бы хозяинъ сего дома, господинъ Лунинъ.

— Умникъ. Спятившій отъ книжничества.

— Начитанный и умный человѣкъ онъ, а не умникъ.

— Онъ не умствуетъ, а умничаеть.

— Вы злобствуете, князь, за его отвѣды вамъ въ вашемъ домѣ на ваше потѣшное измышленіе.

Снова наступило молчаніе, и князь первый прервалъ его словами.

— Мнѣ надо посовѣщаться съ женой и дѣтьми.

— Простите, князь,—отвѣтилъ Наказовъ холодно,—но я не могу васъ отпустить восвояси иначе, какъ послѣ вашей клятвы, что вы исполните приказаніе, вамъ переданное. Я полагаю, что совѣщаться вамъ съ вашей супругой княгиней не есть обязательно. Жена всегда согласна на то, что мужъ порѣшитъ. Дѣвица дочь и подавно на совѣтъ не призывается. А сынъ... сынъ вашъ здѣсь... Позовите его тотчасъ сюда, и мы ему все объяснимъ. Взрослый сынъ для отца — часто самый лучший совѣтникъ.

Князь замоталъ головой и произнесъ сердито:

— Это, сударь, правиламъ моимъ противно. У меня сынъ воспитанъ въ страхъ родительскомъ и въ повиновеніи законамъ Божескимъ и человѣческимъ. Лица курицу не учатъ. Что касается до клятвы, которую вы требуете, то я ее, конечно, не даю и не дамъ. Повторяю, что изъ-за такого примѣрнаго, даже рѣдчайшаго прихотничества господина князя Зубова, я вздорную затѣю исполнять...

— Ну-съ... Такъ тогда нечего и время тратить, сіятельный князь. Пошлите вашего сына съѣздить къ себѣ въ вотчину и привезти вамъ все необходимое для пути, такъ какъ вы пожаловали сюда безъ пожитоковъ, не ожидая странствовать. Къ вечеру молодой князь уже вернется, и мы поѣдемъ.

— Поѣдемъ?—вытаращилъ глаза князь.

— Да-съ?

— Куда?

— Въ столицу. Вмѣстѣ. Въ моемъ рыдванѣ. И съ почетной охраной,—какъ-то просто объяснилъ Наказовъ.

— Изволите шутить, сударь! — вскрикнулъ князь.—Что же вы меня силой посадите въ вашъ рыдванъ?

— Точно такъ-съ. За тѣмъ мнѣ и команда изъ Петербурга дана!

— Да это на сказку похоже... Это разбойничество! Вы, стало быть, мнѣ западню подставили.

— Точно такъ-съ. Извините. Исполняю приказаніе свыше и самъ ни при чемъ. Только соболѣзную.

— Да что же это на Руси наступило? Хуже теперешнихъ французскихъ порядковъ. Тамъ короля и королеву обезглавили, а у насъ...

Князь не договорилъ и снова задумался.

ХП.

Князь сдался, однако, на мягкое, дружеское увѣщаніе Наказова и позвалъ сына на совѣтъ, а чиновникъ оставилъ ихъ съ глазу на глазъ.

Александръ былъ пораженъ заявленіемъ отца и даже измѣнился въ лицѣ.

— Господи!—съ ужасомъ воскликнулъ онъ.

Но когда князь объяснилъ сыну, какой цѣной онъ можетъ искупить свою вину и спастись отъ кары, молодой человѣкъ какъ бы окаменѣлъ и стоялъ истуканомъ, но лицо его изъ тревожнаго становилось все яснѣе и, наконецъ, стало радостнымъ.

— Что же это ты?—изумился князь.

— Батюшка!—почти закричалъ молодой человѣкъ и бросился цѣловать отца.

— Ума ты рѣшился? Чего цѣлуешься? Аль отъ страха спятилъ?

— Батюшка, родитель! Коль скоро такъ, то я... Я не смѣлъ сказать вамъ... Но теперь...

И молодой князь не успѣлъ объясниться подробно, какъ отецъ уже повялъ все...

— Кто же она такая?..

— Здѣсь. Здѣсь она... Лунина!

Князь развелъ руками. И водворилось молчаніе, тягостное для Александра. Онъ ждалъ ежеминутно услышать жестокое рѣшеніе своей участи.

— Ну, а сестренку за кого же намъ выдать замужъ!

— Батюшка, сестра тоже... тоже.

— Зазнобило и ее?

— Да-съ... Не очень, но все же таки...

— Кто же такой?

— Губернаторскій товарищъ Полозовъ.

— Чудеса въ рѣшетѣ!—вскрикнулъ князь. Все готово! Испечено и только въ ротъ клади! — почти растерянно прибавилъ онъ.

И снова, въ который уже разъ, наступило молчаніе.

— Ну, зови этого Зубовскаго гонца-посланца,—выговорилъ Можайскій тихо.

Александръ, чуя, что все принимаетъ хорошій оборотъ, высочилъ въ двери.

Черезъ минуту Наказовъ уже входилъ въ комнату, но за нимъ слѣдомъ вошелъ и сталъ у порога самъ Лунинъ.

— Я согласенъ дать вамъ требуемую вами клятву,—сказалъ князь сурово.—Даю мое слово, коему всегда неизмѣнно былъ вѣренъ, что все будетъ по желанію князя Зубова.

Вы уступили, стало быть?—спросилъ подходя Лунинъ. Князь, не замѣтившій сначала его присутствія, обернулся на его голосъ и выговорилъ:

— Нѣтъ-съ, я не уступилъ... Я собрался исполнить волю Божью, а не фаворитову.

— Суть не въ причинахъ, а въ самомъ дѣлѣ! Вы исполняете приказаніе, привезенное г. Наказовымъ.

— Да-съ. Потому что...

— Почему... Не мое дѣло!—сказалъ Лунинъ. — Въ такомъ случаѣ позвольте, князь, познакомить васъ съ моимъ другомъ Егоромъ Дмитріевичемъ Замазовымъ, бывшимъ засѣдателемъ нашего суда, который осенью просился къ вамъ помочь въ игрѣ актерской на вашемъ театрѣ. А вы все отказывали, рассуждая, что онъ не умѣетъ лицедѣйствовать. Теперь вы этого, полагаю, не скажете. Замазовъ Наказова отхватилъ не хуже, чѣмъ поваръ Захарка князя Можайскаго.

Князь вытаращилъ глаза на всѣхъ...

— То было ради святокъ, а это вотъ ради масляницы!—продолжалъ Лунинъ. А зачѣмъ мой пріятель показалъ вамъ свое искусство?.. Затѣмъ, князь, что долгъ платежемъ красенъ. Вы на себѣ испробовали, что не мудрено обморочить всякаго, только надо умѣть взяться. Мы повара и ключницу, принимая за князя и княгиню Можайскихъ, все-таки дивились, головами качали и

руками разводили... А вы приняли засѣдателя земскаго суда за превосходительнаго посланца отъ Зубова изъ столицы, въ коей мой дорогой Егоръ Дмитричъ никогда отродясь и не бывалъ. Теперь мы квиты, князь. Не про себя одного сказываю я, а про все здѣшнее дворянство, такъ какъ всѣмъ извѣстно, какая комедія долженствуетъ произойти у меня въ домѣ. И, конечно, завтра же будетъ извѣстно всѣмъ, какъ второй, уже мой, машерадъ окончился.

И опять въ комнатѣ наступила удивительная, гробовая тишина...

Наконецъ, князь поднялся и выговорилъ глухимъ голосомъ, обращаясь къ сыну.

— Поѣдемъ...

— Батюшка!—воскликнулъ Александръ.—Одно ваше слово... и все обернется хорошо, радость. Вспомните, что я говорилъ вамъ.

Князь, двигавшійся къ дверямъ, остановился и провелъ рукой по лицу и какъ бы послѣ минутнаго колебанья произнесъ мягко:

— Владиміръ Андреевичъ, гдѣ ваша дочка? Негодно гостю быть въ домѣ, а хозяйки, хоть и молодой, не видѣтъ и не знать.

— Если вамъ угодно познакомиться съ моей Олей, то это для меня большая честь,—выговорилъ Лунинъ съ чувствомъ.—Пожалуйте, она въ гостиной.

Всѣ двинулись, молча прошли корридоръ и вышли въ гостиную.

— Оля!—позвалъ Лунинъ.—Князь желаетъ съ тобой познакомиться.

Молодая дѣвушка, подыавшаяся съ мѣста навстрѣчу къ гостямъ, оробѣвшая, взволнованная, какъ виноватая, подошла къ князю, поникнувъ головой и опустивъ глаза.

— Подыми глазки на меня, моя касатка,—кратко и ласково вымолвилъ князь.

Дѣвушка робко глянула въ лицо старика.

— Всѣмъ взяла—произнесъ князь тихо.—Да, мой молодецъ не дуракъ... Ну, поцѣлуй меня. Скажи мнѣ, желаешь ли ты быть моей дочерью?

Оля понурилась и заплакала.

— Вотъ эти слезы, моя дорогая,—воскликнулъ князь,—слезы вмѣсто радостнаго прыганья, всю тебя пояснили мнѣ! И те-

перь я будто годъ тебя знаю и всю насквозь вижу. Владиміръ Андреевичъ, отдадите ли вы сыну ваше сокровище?

— Князь, я сегодня только узналъ отъ дочери и вашего сына...—началь Луиниъ.

— Отдадите ли?—перебилъ князь.

— Я опасуюсь, что вы подумаете, что я подстраивалъ счастье своей дочери, — растерянно отозвался Луиниъ. — А я вамъ мстилъ за себя и друзей. Повторяю вамъ, что я опасуюсь... Я не знаю...

— Ну, такъ, женихъ и невѣста, поцѣлуйтесь. А мы съ тобой, Владиміръ Андреевичъ, давай, тоже облобызаемся.

И князь прослезился.

— Видно, на все воля Божія, даже на потѣшничество и машкерады. Не измысли я глупой потѣхи, не было бы, пожалуй, и того, изъ-за чего я теперь слезы утираю... А я не изъ ревуновъ... Ну, а дворяне всѣ узнаютъ завтра, какъ вы меня здѣсь сугубо въ шуты вырядили.

— Всячески постараюсь, да не знаю...—отвѣтилъ Луиниъ.

— Какъ не знаете? Ну, такъ, слушай ты... будущая княгиня Ольга Владиміровна Можайская. Возбрани отцу срамить свекра!—вскрикнулъ князь шутивно-торжественно.—А ты, Александръ, скачи въ городъ, тащи ко мнѣ, охотой ли, силой ли, жениха для сестры своей. По щучьему велѣнью предоставь мнѣ губернаторскаго товарища... Вѣдь и ты по этакому велѣнью въ женихи попалъ... Ей-Богу все сдается точно какъ во снѣ! Или какъ въ сказкѣ сказывается: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, стань передо мной, какъ листъ передъ травой!»

Въ Муромскихъ лѣсахъ.

РАЗСКАЗЪ.

„Средь дремучины—не дреми“!
(Поговорка.)

I.

Въ сельцо Романово, среди дремучихъ Муромскихъ лѣсовъ, пріѣхалъ гонецъ «конный и оруженный» прямо съ Москвы, стало быть за четыреста верстъ, и привезъ съ собой письмо, запитое въ шапѣ.

Грамота эта была отъ сановника, любимца самихъ господъ графовъ Орловыхъ, что состоятъ при царицѣ первыми людьми.

Цѣлое длинное посланіе было на имя дворянина-помѣщика, отставного капитана. Писалъ другъ другу, товарищъ товарищу по службѣ въ Семеновскомъ полку во времена оны; только одинъ вышелъ въ отставку капитаномъ, а другой сталъ генераль-поручикомъ.

Дворянинъ и капитанъ Андрей Романовичъ Симеоновъ заперъ толстое письмо въ ящикъ стола, велѣлъ посланца помѣстить въ хорошей горницѣ людского флигеля и тотчасъ накормить, напоить и дать отоспаться съ пути.

Затѣмъ старый капитанъ, радостно и гордо улыбаясь, объяснилъ дочери Машенькѣ, что письмо отъ ея крестнаго и тяжелое... А затѣмъ приказалъ онъ личному слугѣ и любимцу Ардашеѣ хорошенько протереть большіе петербургскіе очки, что въ золотой оправѣ, и приготовить...

Вся дворян, а за нею и вся деревня оживились отъ происшествія.

— Приѣхаль съ Москвы отъ генерала гонецъ! Привезъ барину грамоту—во каку!..

Одинъ мальчуганъ въ людской даже оробѣлъ и взвылъ, когда тетка Арина около него показала руками—какая грамота.

Баринъ Андрей Романовичъ былъ радостенъ, собираясь читать посланіе друга послѣ обѣда. Машенька сіяла лицомъ и даже прыгала козой отъ радости, зная, что письмо «про ея дѣвичью судьбу трактуеть». Посланецъ былъ доволенъ, что доставилъ грамоту въ цѣлости, а въ ожиданіи отвѣта будетъ въ гостяхъ, что сыръ въ маслѣ. Дворян и мужики тоже радовались—не зная чему, по благодущію.

Одинъ лакей бариновъ, Ардашка, семидесятитрехлѣтній старикъ, худой и сгорбленный, смутился, тревожился и становился часъ-отъ-часу все хмурѣе и угрюмѣе, ходилъ-бродилъ, ворчалъ себѣ подъ-нось и огрызался на опросы... Онъ совсѣмъ ума приложить не могъ, гдѣ эти самые бариновы золотые очки—«будуть». Очки, всякіе, вообще, надобились барину раза два въ недѣлю и на этотъ случай бывали подъ рукой простые, обиходные очки... А петербургскіе золотые требовались въ году десятокъ разъ, а то и рѣже, по какому-либо особо важному случаю. Послѣдній разъ подалъ Ардашка ихъ съ мѣсяцъ тому, на Троицу, либо на Духовъ день.

— И гдѣ теперь они будутъ—хоть убей!

Однако, когда баринъ и барышня, откушавъ, вышли изъ-за стола, петербургскіе очки были уже приготовлены. Ардашка вспомнилъ, что припряталъ ихъ въ ящичекъ кіота или образницы барина, стоявшей въ спальнѣ.

Андрей Романовичъ сѣлъ за чтеніе посланія друга, важнаго человѣка, любимца сіятельныхъ графовъ Орловыхъ, а одновременно въ людской собралась вся дворян слухать пріѣзжаго, ахатъ гонцу, что онъ рассказывалъ про Москву, но и съ своей стороны дивить его своими вѣстями о своемъ житьѣ-бытьѣ, гдѣ оно—тихо-то, тихо... да какъ въ омутѣ. А всякому вѣдомо, что завсегда въ тихомъ омутѣ черти водятся.

Генераль Петръ Петровичъ Волжскій писалъ пріятелю, обстоятельно отвѣчая на всѣ его вопросы.

Во первыхъ, онъ уже испросилъ у графа Андрея Григорьевича Орлова-Чесменскаго, при которомъ служить, разрѣшеніе имѣть въ августѣ мѣсяцѣ трехнедѣльный отпускъ для поѣздки къ пріятелю и сослуживцу въ его «дремучіе» края по семейнымъ обстоятельствамъ.

Во вторыхъ, радуется онъ, что для его красавицы Машеньки нашлся подходящий женихъ, исконнаго дворянскаго рода, добраго нрава и съ нѣкоторымъ иждивеніемъ, а коли онъ по молодости чиномъ и званіемъ не величекъ человекъ, то лишь-бы у него охота да прилежаніе нашлись, а протекція найдется въ люди его вывести.

Въ третьихъ, генераль благодарилъ за честь, что его зовутъ въ посаженные отцы. Кому-же таковымъ и быть, какъ не крестному. А отлучка со службы и расходы путешествія—не бѣда. Крестницъ у него всего три. Одна замужемъ давно, а другая еще пятилѣтняя... А любимѣйшая была всегда Машенька Симеонова.

Затѣмъ, пріятель сановникъ соболѣзновалъ пріятелю-помѣщику въ его заботѣ о неладахъ съ сыномъ Григорьемъ, благодаря его «неестественному» праву, упрямству, непочтенію и непослушанію волѣ отцовой, и совѣтовалъ молодого малаго оставить, рукой махнуть. Не махонькій этотъ Гришка. Самъ знаетъ, что ему съ собой дѣлать.

Наконецъ, генераль удивлялся вѣстямъ, что у пріятеля въ его намѣстничествѣ творятся такія безобразія... Грабежи и разбои, отъ какихъ и дворянамъ житья нѣтъ. А купцы волками воютъ, хоть и не ѣзди по торговымъ дѣламъ. И удивлялся генераль, почти не вѣрилъ, что команды, посылаемыя изъ губерніи, ничего подѣлать не могли и не могутъ. Что намѣстникъ-то и его товарищъ—глядятъ. Ихъ забота—бразды правленія неукоснительно содержать въ рукахъ.

«Дойдетъ таковой слухъ до Матушки-парицы—она строжайше взыщеть!» кончалъ Волжскій.

II.

Въ то-же самое время въ людской гость дворни, т. е. го-нецъ, рассказывалъ новости про матушку Москву... что въ ней храмовъ сорокъ сороковъ, а Иванъ Великій такъ великъ, что съ него всѣ-бы города російскіе видѣть-бы можно было, если-бы не грѣхи людскіе, за которые нечистая сила туманъ въ глаза пускаетъ... А чума въ бѣлокаменной дѣйствительно была, тому уже годовъ съ десятокъ... И долго гуляла—ничего подѣлать нельзя было. Народъ—люди мерли—вотъ тебѣ мухи... На кладбищахъ мѣстовъ не хватало и просто въ землю зарывали. Но, наконецъ, посчастливилось, ее, чуму, словили и въ Москвѣ-рѣкѣ утопили. Изъ себя была страшнѣющая... Безглазая, без-

рукая, о трехъ ногахъ и въ желтомъ салопѣ... А Василій Блаженный—какъ быть слѣдуетъ все на томъ-же мѣствѣ. А въ Гостиномъ дворѣ можно все купить... Чего и надумать нельзя—тамъ есть. Одинъ пріятель барина-генерала Волжскаго купилъ въ Гостиномъ птицу, которая человѣчьимъ языкомъ говорить. Все, что угодно... Только на божескія слова ей запретъ положень... Вотъ хоть-бы: «Господи Исусе» птица не скажетъ, а коли скажетъ, то должна подохнуть ту-же минуту. А купцы въ Москвѣ народъ богатѣющій и собираются турецкую землю у салтана купить и Матушкѣ-Царицѣ ко дню ея ангела поднести. «На, молъ, родная! Отъ нашего усердія и доброхотства». А путемъ-дорогою изъ Москвы въ Романово ѣхалъ онъ, гонецъ, опасно, по ночамъ заѣзжихъ дворовъ держался, хотя ничего объ шалостяхъ не слыхалъ... А эдакое, что вотъ здѣсь пошло—нигдѣ въ тѣхъ краяхъ и не видывано, и не слыхано...

Гонецъ Софронъ тотчасъ по пріѣздѣ узналъ, что въ здѣшнемъ краѣ удивительное дѣлается... Господа и тѣ стали сомнѣваться за себя, вотъ какъ въ Пугачево время было...

И теперь, когда Софронъ выложилъ всѣ свои новости про Москву, Ивана Великаго, Гостиный дворъ и даже про чуму—дворовые стали наперерывъ подробно рассказывать, что у нихъ въ уѣздѣ, даже по всему намѣстничеству, завелось.

— Шалать! И страсти Господни, какъ шалать.

И что это такое, и кто это такой невѣдомо и не понятно. Сначала по простотѣ думали всѣ, что разбойники да грабители развелись, благо кругомъ лѣса дремучіе... Ну, а теперь всѣ уразумѣли, что это дьявольское поущеніе на людяхъ. Одинъ баринъ Андрей Романовичъ не вѣритъ, гнѣвается и ругаетъ, когда кто ему оное объяснить... Олухами и идолами обзываетъ всякаго, кто оное, какъ тому слѣдуетъ, понялъ и уразумѣлъ. Самъ-то онъ полагаетъ, что это простые разбойники, отчаянныя головы, придорожные шатуны и сабирные, да острожные бѣгуны. А нешто это можетъ статься? Простыхъ грабителей-головорѣзовъ начальство давно-бы изловило. А на этихъ слово найти нельзя. Вотъ былъ, а вотъ и нѣту. Либо колдуны, либо самъ дьяволъ съ ними. Татары здѣшнихъ мѣствъ въ грѣхъ этомъ виноваты. Черезъ нихъ все приключилось. Это ихъ «шайтанъ» со своими чертенятами,—прости Господи—второй годъ скоро какъ шалить, Бога не бояся и начальства не уваживая... И видали его самого, главнѣющаго... Ростомъ страсть, промежъ ногъ коня пропускаетъ, черная борода вѣникомъ и искру

даетъ... И какъ только гдѣ его съ шайкой накроютъ, такъ онъ ножкой въ землю вдарить и скажетъ «разступися». И нѣтъ ничего передъ тобой... Были будто и люди, и кони, и костеръ горѣлъ, и щами съ кашей пахло... А тутъ тебѣ одно пустое мѣсто и въ глазахъ рябь.. Еремѣй-пастухъ самъ видѣлъ трещину въ лѣсу, гдѣ эта вся шайка провалилась, когда на нее команда изъ города лѣтошній годъ вышла. Прослышалъ Еремѣй, что она вотъ вчера—скажемъ—провалилась сквозь землю, а онъ стало быть сегодня вотъ пошелъ поглядѣть. И что-же ты полагаешь? Въ трещинѣ еще все гудѣло чтой-то и голоса такіе неслышныя слышались.

И многое другое рассказывала дворянъ Романова о своей бѣдѣ—разбойничествѣ въ краѣ, поясняя, что это нечистая сила. Только двое молодыхъ дворовыхъ все усмѣхались и стояли на своемъ, что чортъ тутъ не причемъ. Простые это удалые молодцы съ Волги. Придутъ, пограбятъ и уйдутъ. А тамъ опять навѣстятъ и опять сгинутъ во свояси. Мѣста здѣшнія уже очень подходящія... Гдѣ-же и грабить, коли не здѣсь!

— Нельзя иначе, соглашались всѣ. Потому—лѣсъ! Дремучина, какой другой нѣту на Руси. Не даромъ Соловей-разбойникъ изъ тутошнихъ былъ.

III.

Сельцо Романово было верстахъ въ пяти отъ тракта изъ города Муромъ на городъ Ардатовъ; но эта проѣзжая дорога смахивала сама на проселокъ и хотя было на ней два большихъ моста, но одинъ изъ нихъ надобился только весной въ разливъ и половодье, а лѣтомъ и осенью его всегда объѣзжали въ бродъ; другой-же по его ненадежности всякій старался миновать и давалъ крюку версты въ двѣ, по болотамъ и по гати. Дальше, да вѣрнѣе.

Маленькая усадьба съ надворными строеніями, а за ними деревня въ полтораста душъ расплодились на открытомъ мѣстѣ близъ оврага, гдѣ протекала маленькая рѣчка, но кругомъ въ верстѣ разстоянія начинались и шли сплошной стѣной, на десятки верстъ, знаменитые Муромскіе лѣса, гдѣ водилось всякое звѣрье. Волки, особенно зимой, навѣдывались и на деревню, а медвѣди часто встрѣчались на дорогѣ, но мирно и безобидно поглядывали на прохожихъ и на проѣзжихъ.

Сельцо Романово было старинное родовое помѣстье дворянъ Симеоновыхъ.

Андрей Романовичъ, почти шестидесятилѣтній вдовецъ, былъ въ гвардіи при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ Семёновскомъ полку, но, получивъ первый чинъ, перевелся въ «напольный» полкъ и сдѣлалъ нѣсколько кампаній, дрался и съ нѣмцами, и съ туркой, былъ два раза раненъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана.

Поселившись въ родномъ гнѣздѣ, гдѣ жилъ когда-то его отецъ Романъ Романовичъ и дѣдъ по имени тоже Романъ Романовичъ, еще во время царя Алексѣя Михайловича, капитанъ Симеоновъ тотчасъ-же женился на дочери сосѣда по вотчинѣ. Бракъ этотъ былъ не случайностью. Капитанъ уже лѣтъ шесть былъ неравнодушенъ къ молодой сосѣдкѣ изъ рода Порфирьевыхъ, съ которой познакомился, пріѣзжая погостить къ старшему брату-холостяку Роману. Но свататься онъ не рѣшался, предполагая, что ему откажутъ, какъ недостаточно состоятельному жениху, у котораго было всего-то тогда сто душъ во владѣніи вмѣстѣ съ съ братомъ. Когда же братъ Романъ вдругъ умеръ, капитанъ немедленно вышелъ въ отставку и, сдѣлавшись вдвое богаче, рѣшился посвататься и былъ принятъ.

Двадцать лѣтъ прожили Андрей Романовичъ душа въ душу съ женой Улитой Григорьевной... Пять человѣкъ дѣтей прижилъ онъ съ ней, но по волѣ Божіей сохранилъ только двухъ, второго сына Григорія и самую младшую дочь Марію. Первый сынъ Романъ погибъ удивительно, загадочно, былъ найденъ однажды у себя мертвымъ на полу среди горницы. А предъ тѣмъ онъ не болѣлъ и ни на что не жаловался, да вдобавокъ былъ сильный здоровый молодецъ двадцати двухъ лѣтъ. Двое другихъ дѣтей умерли еще въ младенческомъ возрастѣ.

Лѣтъ съ десятокъ назадъ Симеоновъ овдовѣлъ и потеря любимой жены такъ подѣйствовала на него, что онъ, если-бы не малютка Маша—пошелъ-бы тотчасъ въ монастырь.

Впрочемъ и впослѣдствіи часто поговаривалъ о постриженіи и монашествѣ прежній воинъ и ветеранъ многихъ кампаній. За послѣдніе же годы капитанъ рѣшилъ окончателно, что какъ только выдастъ дочь замужъ, то немедленно пострижется въ виду своего давнишняго желанія, а равно и въ виду семейныхъ обстоятельствъ. Дѣло было въ томъ, что у степеннаго, честнаго, немного вспыльчиваго, но сердечнаго Андрея Романовича былъ сынъ, уже 26-лѣтній молодецъ, съ которымъ онъ

не ладила. Въмѣсто утѣшенія старому отцу, молодой Григорій Андреевичъ былъ занозой въ сердцѣ.

Рѣдко отецъ и сынъ менѣе походили другъ на друга, чѣмъ двое Симеоновыхъ. Правда, оба были вспыльчивы, оба упрямы, но старикъ былъ все-таки добрый и чувствительный человѣкъ, а сынъ былъ извѣстенъ своимъ жестокосердіемъ, гордостью и неуживчивымъ нравомъ.

Даже простая, веселая, ко всѣмъ ласковая, еще очень юная Марья Андреевна—и та не любила брата и даже боялась его.

Нелады отца и сына дошли, наконецъ, до того, что жить вмѣстѣ стало мудрено и капитанъ предложилъ Григорію жить самостоятельно. Онъ отдалъ сыну въ полное владѣніе большой хуторъ, почти имѣніице, верстахъ въ восьми отъ Романова.

Хуторъ, по прозвищу «Волчій Логъ», былъ среди лѣсовъ, въ глуши, почти въ дебряхъ, но молодой Симеоновъ съ радостью переселился туда на житье, взявъ собой восемь семей крестьянъ.

— Намъ, батюшка-родитель, вмѣстѣ и впрямь тѣсно,—сказалъ онъ. — А буду я жить особо, да къ вамъ навѣщать въ гости, то, поглядите, мы ладить начнемъ.

Дѣйствительно, съ того дня, что молодой человѣкъ ушелъ изъ Романова и сдѣлался какъ-бы помѣщикомъ «Волчьяго Лога», отношенія отца съ сыномъ стали тотчасъ иныя, много лучше, тише и спокойнѣе. Черезъ годъ послѣ ухода Григорія Андреевича изъ дому, отношенія его къ отцу и сестрѣ стали совсѣмъ дружескія. Но вдругъ начались снова нелады, но уже по иной причинѣ.

IV.

Молодой Григорій Симеоновъ полюбилъ красавицу-дѣвушку, единственную дочь дворянина, человѣка чиновнаго, только что покинувшаго службу, но, однако, совсѣмъ небогатаго. Пожилой чиновникъ въ отставкѣ, по фамиліи Арцивашевъ, имѣлъ всего двадцать душъ крѣпостныхъ гдѣ-то въ Симбирскѣ и все продавалъ ихъ, но не находилъ покупателей. Существовалъ же онъ на пенсію и поселился на жительство въ городѣ той губерніи, гдѣ недавно еще былъ важной особой, т. е. губернаторскимъ товарищемъ.

Городъ этотъ, Муромъ, былъ ближайшимъ отъ «Волчьего Лога» и если малъ и бѣденъ, то знаменитъ тѣмъ, что далъ свое имя непроходимѣйшимъ лѣсамъ всей имперіи. Довольно часто бывая въ Муромѣ, Григорій Симеоновъ встрѣтилъ Надежду Арцивашеву въ соборѣ, тотчасъ познакомился съ ея отцомъ, а черезъ недѣли двѣ уже посватался... и получилъ отказъ...

И то и другое было неудивительно.

Влюбиться сразу въ молодую дѣвушку было болѣе чѣмъ легко, и Григорій былъ не первый, быстро очарованный. Надежда Арцивашева была писаная красавица и уже многимъ женихамъ отказала...

Но на этотъ разъ не она отказала, а ея суровый отецъ, извѣстный своею гордостью и важностью.

— Дочь моя будетъ за богатымъ и чиновнымъ!—разъ навсегда рѣшилъ онъ и стоялъ на своемъ.

Прежде красавица дочь находила, что отецъ правъ, и тоже ждала и желала суженаго, богатаго и чиновнаго... Но когда появился Григорій Симеоновичъ, посватался, получилъ отказъ и со стыда не показывался болѣе въ Муромѣ, то дѣвушка умная, бойкая, веселая, затосковала и тайно молила судьбу не посылать ей богатаго и чиновнаго жениха, такъ какъ ей тогда хоть руки на себя накладывать. Молодой Симеоновъ застрялъ занозой въ ея сердцѣ и въ головѣ. Арцивашевъ, замѣтивъ перемѣну въ дочери, опасаясь, что она отъ любовной тоски можетъ похудѣть и подурнѣть, пошелъ на хитрость. Онъ подалъ надежду дочери... Онъ объяснилъ, что отказывается отъ мечты имѣть чиновнаго зятя, но однако будетъ стоять на своемъ, чтобы у будущаго мужа его красавицы-дочери была, по крайней мѣрѣ, приличная для дворянина вотчина.

Дозволивъ Симеонову изрѣдка бывать у себя ради того, чтобы дочь менѣе убивалась, хитрый Арцивашевъ объяснилъ молодому человѣку:

— Проси отца отдѣлить тебя при жизни, дать хоть семьдесятъ душъ, тогда мы еще, можетъ быть, и порѣшимъ, и по рукамъ ударимъ.

Арцивашевъ, конечно, зналъ, что самъ стародавній обычай російскій воспрещаетъ давать сыновьямъ якобы приданое при женитьбѣ. Сынъ, женатый, живетъ при отцѣ и все его будетъ, но послѣ отца. Однако, Григорій, малый хотя и умный, взглянулъ на дѣло иначе и тотчасъ обратился къ отцу съ просьбой

устроить его счастье. Иначе говоря, онъ сталъ просить отца передать ему хуторъ по дарственной и прибавить или переселить съ Романова въ Волчій Логъ душъ хоть съ полсотни.

Андрей Романовичъ только обидѣлся и, обозвавъ Арцивашева дуракомъ, запретилъ сыну и заговаривать о томъ же въ другой разъ.

Съ этого времени между отцомъ и сыномъ снова начались дурныя отношенія и много худшія, чѣмъ прежде. Бывало они оба пылили одинъ на другого, но вскорѣ мирились... Теперь они видѣлись рѣже, но при свиданіи Андрей Романовичъ, бывшій безстрашный воинъ, не любилъ глядѣть сыну въ лицо, будто боялся его взгляда. Ненавистнически злобно глядѣлъ сынъ на старика отца, считая его причиной своей незадачи въ счастья, помѣхой къ браку.

«Хоть-бы померъ скорѣ!»—говорили его глаза.

Эта незадача, невозможность тотчасъ жениться на красавицѣ, казалось, не угнетала, а озлобляла его. И всѣ замѣчали, что дѣйствительно Григорій Андреевичъ, всегда и прежде не добрый, надменный и дерзкій, сталъ теперь еще пуще человѣконенавистникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его снѣдала мысль, какъ-бы скорѣе выбраться изъ крутыхъ обстоятельствъ, какъ добиться цѣли назвать красавицу Надю—женой.

Однако это нравственное состояніе, особая озлобленность и угрюмость продолжались только около полугода, а затѣмъ Григорій Андреевичъ вдругъ перемѣнился, сталъ бодрѣе, веселѣе, сталъ дружелюбнѣе съ отцомъ и ласковѣе съ сестрой, сталъ менѣе суровъ и съ дворней Романова. Онъ даже особенно полюбилъ двухъ молодыхъ парней изъ этой дворни и выпросилъ ихъ у отца, одинъ изъ нихъ былъ сынъ старика Ардалиона.

— Утѣшился по своей зазнобѣ,—говорилъ Андрей Романовичъ дочери.—И хорошее дѣло. На счастье для обоихъ. Какой онъ мужъ, съ его нравомъ? Уходилъ-бы онъ эту Арцивашеву въ гробъ, а она, сказываютъ, дѣвушка хорошая, только шустра очень.

Однако Симеоновъ ошибался совершенно. Григорій продолжалъ часто бывать въ Муромѣ и былъ принятъ Арцивашевымъ, какъ хорошій знакомый. Казалось даже, что бывшій губернаторскій товарищъ, нѣсколько важный со всѣми, относится къ молодому человѣку исключительно ласково и даже по родственному.

Одновременно Григорій часто ѣздилъ въ противоположную сторону, городъ Ардатовъ, гдѣ у него завелся новый пріятель, хотя разница ихъ лѣтъ была очень большая. Пріятель былъ ровестникомъ Андрея Романовича, если не старше.

Это былъ очень богатый купецъ, торговавшій полотномъ и ситцемъ, обороты котораго были на столько обширны и велики, что имя его—Павловъ, было извѣстно въ трехъ намѣстничествахъ. Но называли его всегда и уже издавна: Павловъ Ардатовскій, въ отличіе отъ другихъ купцовъ, его однофамильцевъ.

Посѣщеніе Григорьемъ этого пріятеля, одинокаго, бездѣтнаго и старика, были настолько часты, а гощеніе на столько иногда продолжительно, что вскорѣ распространился слухъ, невѣдомо откуда и какъ, что старикъ богачъ весь свой большой капиталъ намѣренъ по смерти передать молодому дворянину Симонову.

Когда эта вѣсть и толки доходили до Григорія, онъ странно ухмылялся, но не опровергалъ и не отрицалъ ничего. Когда однако тотъ же слухъ дошелъ до самого Павлова, то купецъ сильно разгнѣвался и заявилъ, что его завѣщаніе уже сдѣлано и все, что у него есть, вполне оставляется въ сосѣдній монастырь, гдѣ похоронены его жена и братъ, и гдѣ онъ самъ будетъ преданъ землѣ.

— Да и слыханое-ли дѣло,—говорилъ Павловъ,—чтобъ купецъ дворянина наслѣдникомъ выбралъ? Люди надъ обоими смѣяться-бы стали.

На другой день послѣ появленія коннаго гонца изъ Москвы, капитанъ Андрей Романовичъ сѣлъ за трудное и мудреное дѣло, за такую задачу, которая была почти не по плечу.

Онъ-бы лучше согласился новую кампанію начать противъ турки, чѣмъ этакое дѣло начинать. Лучше-бы два-три мѣсяца въ походѣ быть и ноги натруживать, чѣмъ недѣлю цѣлую корпѣть, потѣть, согнѣть и мозгъ натруживать, да еще въ его годы.

Капитану приходилось, тяжело и тоскливо вздыхая, сѣсть за писаніе большого обстоятельнаго посланія въ отвѣтъ на письмо друга-генерала. Болѣе полутора, двухъ страницъ въ день Симоновъ сочинить никакъ не могъ, потому что раза по три передѣлывалъ и переписывалъ на бѣло, то, что съ трудомъ выходило изъ-подъ огромнаго, длиннаго гусинаго пера. Да и многое множество перьевъ перемѣнилъ онъ за первые же два дня непосильной работы... Перья, которыя онъ чинилъ

вмѣстѣ съ Ардашкой, были, точно на смѣхъ, одно хуже другого... Одно царапало, другое брызгало, третье скрипѣло—а это, извѣстно, худая примѣта—четвертое было будто гвоздь, пятое было «лапочкой». Вдобавокъ старый хрычъ Ардашка куда-то такъ запряталъ песокъ, что его поискали и бросили. . Песокъ былъ московскій, а можетъ быть и заграничный—французскій, золотистый... А по милости стараго «тетерева»—приходилось теперь посыпать свое писаніе простымъ пескомъ, а онъ былъ что тебѣ заячья дробь... Спасибо, однако, что Маша надоумила отца писаніе просто оставлять сохнуть.

V.

Однако на третій день Симеоновъ прекратилъ работу и далъ себѣ день отдыха, по той причинѣ, что пріѣхалъ въ гости въ Романово нареченный дочери вмѣстѣ со своей теткой.

Жснихъ Машеньки былъ нижегородскій помѣщикъ Неструевъ, недоросль изъ дворянъ, сирота круглый, малый двадцати одного года, умомъ не пряткій, но очень красивый лицомъ, а самое главное тихій и добрый... Изъ-за этого и сталъ онъ женихомъ Симеоновой.

Дворовые люди и свои и чужіе обожали молодого барина Ивана Захарыча за его обхожденіе съ ними, а это обстоятельство было лучшимъ доказательствомъ, что за человѣкъ молодой Неструевъ.

«Хочешь узнать человѣка,—говорилось обикновенно,—опроси его крѣпостныхъ рабовъ».

И отзывъ этихъ рабовъ былъ всегда вѣрнымъ мѣриломъ нравственнаго облика всякаго молодого и стараго дворянина-помѣщика.

Ни одного бракосочетанія не совершалось на Руси безъ предварительнаго опроса людей той и другой стороны. Тайный «обыскъ» производился искусно и тщательно...

— Какова ваша барышня?

— Каковъ вашъ молодой баринъ?

Такъ допытывались стороны. Крѣпостные холопы, люди прямые и честные, по традиціи всегда отвѣчали правду. Закупить ихъ временной лаской было нельзя... Они будто сознавали свое священное участіе въ судьбѣ будущихъ нареченныхъ супруговъ и свою нравственную отвѣтственность предъ Богомъ и людьми.

Дурной отзывъ давался сдержанно и неохотно, но этой сдержанности знали цѣну, потому что когда можно было хоть немного въ чемъ похвалить своихъ господъ, то дѣлалось это въ сугубой степени. Мягкосердые, богобоязненные, незлоблывы, не мстительныя крѣпостныя «души» зла не помнили.

Это были темные люди, но свѣтлыя души. Слишкомъ много натерпѣлись они за двѣсти лѣтъ подъ игомъ барскимъ, и надо было или не въ мѣру озлобиться, или привыкнуть прощать. А за всепрощеніемъ всегда идетъ любовь.

Предстоявшее бракосочетаніе молодого Неструева и совсѣмъ юной пятнадцатилѣтней Симеоновой было устроено ихъ-же обоюдными холопами, дворовыми людьми обоего пола. И подобно приключалось и совершалось постоянно... Даже форма и способы сватства были будто строго установлены преданіемъ и обычаемъ.

Разумѣется, большее или меньшее участіе и значеніе крѣпостныхъ холоповъ въ дѣлѣ бракосочетаній зависѣло отъ обстоятельствъ. И главное, выдвигавшее ихъ на первое мѣсто, было отсутствіе родителей у молодыхъ людей.

Въ данномъ случаѣ такъ и было.

Капитанъ Андрей Романовичъ сидѣлъ сидѣмя дома, никуда не показывался въ люди, къ себѣ также не звалъ и въ качествѣ отца дѣвушки-невѣсты какъ-бы не существовалъ. Въ Романовѣ былъ тотъ-же монастырь, въ который капитанъ собирался поступить съ самаго дня смерти жены. Совѣты барину, понуканье и даже ворчанье главнаго лица въ Романовѣ, самаго всѣми почитаемаго Ардаліона Матвѣевича, ни къ чему не вели.

— Чего ты смотришь, баринъ ты мой несуразный,—ворчалъ постоянно старикъ лакей, годами старше барина и всей дворни.—Что у тебя подъ носомъ-то? У тебя пташка, коей пора пришла изъ гнѣздышка выпорхнуть, на свѣтъ Божій выглянуть, полетать, погѣть, да и свое гнѣздышко свить. А ты что? прихлопнулъ ее, будто-съ, обѣими ручками и держишь. Грѣхъ! Отвѣтишь Богу.

— Отвяжись, Ардашка!—былъ всегда тотъ-же отвѣтъ капитана.—Что на роду написано, того не минуешь. Суженаго тоже конемъ не объѣдешь. Погляди: все само собой для Машеньки благоустроится.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай!—отвѣчалъ всегда семидесятилѣтній, умный и дѣльный Ардаліонъ.

И наконецъ, однажды, видя, что Андрея Романовича ни съ какой стороны не возьмешь, старикъ заявилъ «своимъ» всѣмъ, по двору и даже по деревнѣ.

— Надо нашу барышню-касапушку прсоватать. Давай, добры-молодцы и бабье, за дѣло возьмемся и выищемъ Марьѣ Андреевнѣ хорошаго супруга.

И дѣло, поиски и хлопоты начались тотчасъ-же, но какъ-то все незамѣтно, неспѣшно, порядливо и будто само собой. Однако не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ въ Романово заѣхала «ненарокомъ» изъ-за дурака кучера, сбившагося съ дороги, барыня Анна Аванасьевна Неструева, старая дѣвица. Заѣхавъ, она согласилась отдохнуть часокъ у новаго знакомаго, капитана, но осталась и ночевать... А черезъ недѣлю она заѣхала вторично, уже въ гости, и привезла съ собой случайно племянника Ванюшу. Ъхали они въ городъ Муромъ по его дѣлу и заѣхали по дорогѣ, но однако, пробывъ до вечера, поѣхали опять домой. Ночевать съ перваго-же разу въ гостяхъ молодому человѣку въ домѣ, гдѣ не было ему товарища, а была только дѣвица, не полагалось, хотя-бы и съ теткой.

Ваня и Маша, познакомившись, цѣлый день вмѣстѣ много и сердечно намолчались, а когда ввечеру разстались «до слѣдующей недѣли», то все уже было ими сказано глазами и рѣшено на душѣ безповоротно.

— Ну что, Машенька?—спросилъ Симеоновъ у дочери послѣ отъѣзда гостей.—Какъ тебѣ кажется молодецъ?

Маша только вспыхнула... Отвѣчать было нечего. Все какъ-то ужъ очень было само собой понятно.

— Ну что, Ванюша?—спросила Неструева племянника, сидя въ тарантасѣ и выѣзжая со двора капитана.—Дѣвица-то эта прелестница. Какъ посудишь?

— Тетушка! Голубушка!—воскликнулъ молодой человѣкъ и, обнявъ тетку, такъ началъ ее цѣловать, что и капоръ ея и чепецъ съ «робронами» съѣхалъ на бокъ.

Но вздохмаченная старая дѣвица, «подводившая» все дѣло, была, казалось, еще счастливѣе своего племянника.

А дворовые люди въ двухъ усадьбахъ, симеоновскіе и неструевскіе, многозначительно и даже важно улыбались въ лицо своихъ господъ. Вѣдь дѣло-то было ихъ рукъ.

А какъ дѣло это завелось и выгорѣло... Богъ его знаетъ. Само собой все вышло. Отъ своей судьбы кто-же уйдетъ! Правда, въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ романовская ключница

Марфа Егоровна попала какъ-то въ усадьбу господъ Неструевыхъ... А тамъ ихній дворецкій тоже появился въ гостяхъ у Ардаліона Матвѣевича. А тамъ ужъ какъ-то все пошло по своему и кончилось тѣмъ, что барыня Анна Аванасьевна нечаянно «изъ-за дурака кучера» попала въ Романово и познакомилась съ капитаномъ и его дочкой. Просто судьба! И больше ничего...

VI.

Черезъ три недѣли послѣ перваго посѣщенія Неструевыхъ состоялось сватовство. Со дня сватовства Неструевы стали прѣзжать въ Романово по два и по три раза въ недѣлю. И только теперь, на этотъ разъ, прѣздъ жениха заставилъ Андрея Романовича сморщить брови.

— Оторветь отъ дѣла!—сказалъ онъ самъ себѣ.—Я и такъ себя пересилилъ за письмо садиться... И благо сѣлъ, такъ ужъ и писать-бы не отрываясь.

Но затѣмъ, какъ всѣ лѣнныя, Симеоновъ обрадовался, что есть поводъ отдохнуть отъ работы.

Когда молодой человѣкъ, еще и не совершеннолѣтній, еще не брѣющійся по дворянскому обычаю, вошелъ къ Симеонову, то капитанъ съ нѣкоторой важностью объяснилъ ему, за какимъ дѣломъ онъ его застаеъ.

Неструевъ былъ обрадованъ, узнавъ о гонцѣ и объ соглашеніи генерала Воложскаго быть посаженнымъ и прѣхать къ бракосочетанію.

— Слава Богу!—воскликнулъ онъ.—Теперь дѣло за Терапонтовымъ. За ненужнымъ дѣло...

— И Терапонтовъ не запоздаеъ!—улыбнулся капитанъ.—Жду его ежедневно. Впрочемъ, если бы купчина и запоздалъ или отказался совсѣмъ, полагаю, Ваня, что мы дворяне... И ты, и я... Слово важно дворянское, а не что иное...

— Да хоть и совсѣмъ не надо, Андрей Романовичъ!—вдругъ вскрикнулъ молодой человѣкъ, махая руками.—Говорю вамъ не нужно совсѣмъ...

— Слышалъ я это отъ тебя! Молодъ ты еще и неопытенъ въ дѣлахъ. Любовь и пріязнь сами по себѣ, а казна сама по себѣ. Спроси тетущку...

Дѣло было въ томъ, что свадьба Машеньки отсрочена была по двумъ причинамъ. Первое, чего ждалъ Симеоновъ, было

согласіе друга генерала прибыть на свадьбу. Второе было еще важнѣе. Симеоновъ, желая дать дочери приданое по своимъ средствамъ, «по мѣрѣ силъ», рѣшился продать на срубъ лѣсъ, которымъ владѣлъ около самаго города Муромъ. Только такой лѣсъ могъ быть проданъ, стоилъ денегъ. Всѣ же лѣса, удаленные отъ города и Оки, почти не имѣли цѣны, то-есть не ставились ни въ грошъ.

— Въ нашихъ мѣстахъ,—шутили дворяне,—надо деньги платить тѣмъ, кто согласится лѣса рубить и свозить, чтобы дремучину очищать и отъ звѣря избавить.

На покупку лѣса около города, у самаго сплава, нашелся тотчасъ охотникъ, лѣсопромышленникъ Ферапонтовъ. Условившись въ цѣнѣ, купецъ обѣщалъ съѣздить во Владиміръ, получить съ должниковъ деньги и весь чистоганъ, восемь тысячъ, привезти капитану.

Конечно другой человекъ, менѣе добрый и снисходительный отецъ, чѣмъ Симеоновъ, быть можетъ продалъ-бы и часть вотчины, ради увеличенія приданого любимицы дочери и въ обиду сыну, непослушному и неуживчивому. Но Симеоновъ искренно прощалъ сына и, кромѣ того, строго соблюдалъ малѣйшіе норы и обычаи дворянскіе.

Обычай ихъ прямо указывалъ всю вотчину передать сыну, а для дочери «выискать», какъ дать четырнадцатую часть въ приданое.

Пока Симеоновъ разсуждалъ съ женихомъ, его тетка, дѣвица 55-ти лѣтъ, Анна Леонасьевна, сидѣла у Машеньки и траговала о другой матеріи. Она привезла невѣстѣ радостное извѣстіе, что купецъ Огарковъ, торгующій краснымъ товаромъ, будетъ въ ихъ предѣлахъ чрезъ недѣлю, и Машенька можетъ не ѣздить въ городъ ради покупокъ и пополненія приданого.

— Онъ все тебѣ доставитъ,—говорила Неструева.—Я ему объяснила: пойми, молъ, бородачъ, дѣвица Симеонова, капитанская дочка—невѣста. Стало быть, понимаешь, все требуется. Отъ шпилекъ и булавокъ до атласа и гро-де-тура. Ну, вотъ онъ все и навезетъ. Сказалъ, не съ одной, а съ тремя подводами въ путь-дорогу пустится. Огарковъ, моя дорогая, ужъ двадцать лѣтъ во всю нашу округу все поставляетъ. Удивительно, какъ у васъ никогда не бывалъ. Это оттого, полагаю, приключилось, что Андрей Романовичъ вдовъ, а ты малолѣтка. Будь жива твоя покойница матушка, то, конечно, Огарковъ бывалъ бы у васъ.

Когда капитанъ, старая дѣвица и женихъ съ невѣстой собрались было садиться за столъ, на дворѣ зазвенѣлъ колокольчикъ и близился.

Симеоновъ да и всѣ дворовые узнали по звуку, кто ѣдетъ въ гости.

— Мой,—сказалъ капитанъ кратко.

И всѣ немного насупились.

Гость, неожиданно теперь являющійся въ усадьбу, былъ молодой Симеоновъ.

У жениха и его тетки тоже сердце не лежало къ будущему шурина. Совсѣмъ они были разнаго поля ягоды. Иванъ Неструевъ былъ юный, кроткій, легко смущающійся недоросль, а Григорій былъ уже мужчиной подъ тридцать лѣтъ, рѣзкій, острый на слово, да въ добавокъ находилъ, что недоросль Неструевъ сестренкѣ не пара.

— Могла бы Машенька выйти замужъ и получше,—сказалъ онъ отцу.—Мало ли жениховъ у насъ въ намѣстничествѣ. Сказали-бы мнѣ. Я-бы разыскалъ чиновнаго. А этотъ Ванька—щенокъ.

Подѣхавъ къ дому и узнавъ отъ дворни, что у отца женихъ съ теткой, Григорій усмѣхнулся презрительно.

— Здравствуй, хлѣбъ да соль!—сказалъ онъ, входя въ столовую, нѣсколько прихрамывая.—Я такъ и наровиль, батюшка, къ твоему столу.

— Здравствуй,—отчасти холодно отвѣтилъ Симеоновъ.

Всѣ, помолясь на икону, сѣли за столъ, и Григорій тотъ-же заявилъ отцу, что пріѣхалъ по особо важному обстоятельству, а не просто лишь повидаться.

Молодой Симеоновъ былъ высокій, красивый чернобровый молодецъ. Особенно красивы, но и чудны, странны, были глаза его. Не только чужіе люди, знакомые его, но даже и холопы свои и чужіе не выносили упорнаго и пронизательнаго взгляда Григорія Андреевича. Въ этихъ глазахъ были и умъ, и отвага, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то недружелюбное, подчасъ чрезвычайно насмѣшливое и обидное.

Самъ Андрей Романовичъ не любилъ взгляда сына и называлъ его глаза ястребиными.

— Какое же такое важное у тебя дѣло?—спросилъ онъ сына.—До насъ или до тебя касающееся.

— До меня, батюшка... Твое согласіе требуется мнѣ.

— Согласіе? На что?—удивился старикъ.—Иль и ты бракосочетаться собрался. Уломалъ своего губернаторскаго товарища?

— Можетъ, и уломалъ!—шутливо отвѣтилъ Григорій, но тотчасъ прибавилъ:—нѣтъ, батюшка, бракосочетаніе мое хотя и не за горами, но все-таки не на носу. А это дѣло, важнѣющее, на носу. Надо его порѣшить спѣшно. А безъ твоего согласія я ничего не могу.

Симеоновъ насупился совсѣмъ, ожидая послѣ стола имѣть непріятную бесѣду и новую ссору съ сыномъ.

— Ладно,—сказалъ онъ.—Что можно, всегда родному сыну сдѣлаю... А чего нельзя—того нельзя.

И въ послѣднихъ словахъ старика-капитана прозвучала та твердость духа, которая и сдѣлала его храбрымъ воиномъ и героемъ многихъ кампаній.

Разговоръ за столомъ изъ-за присутствія молодого Симеонова не клеился. Неструевы—и молодой человекъ, и старая дѣвица—равно воздерживались говорить изъ опасенія рѣзкаго отвѣта или ехидной шутки, къ которымъ, однако, никогда придраться было нельзя. Григорій умѣлъ красно и ловко сказать, будто обухомъ ударить, но всегда «обинякомъ».

Увидя старика Ардаліона, Григорій Симеоновъ выговорилъ:

— Ардашка, твой паренъ валяется у меня третій день. Расшибся. Почитай голова совсѣмъ проломлена.

— Мати Божья!—воскликнулъ старикъ лакей въ ужасѣ.

— Да. Въ башкѣ трещинка есть,—разсмѣялся Григорій.

— Что такъ? Почему?—спросилъ капитанъ.

— Ъздилъ со мной во Владиміръ. Насъ вывалило около Акшаровской вотчины въ оврагъ. Я вотъ ногу себѣ зашибъ, а Титка голову себѣ проломилъ.... Ничего, отлежится.

— Ну что тамъ, въ губерніи, слыхать?—спросилъ капитанъ.

— Ничего. Стоитъ Владиміръ на своей Клязьмѣ, а она бѣжить мимо него и все убѣжать не можетъ, которые уже вѣка.

— Вишь, какъ вы мудрено сказываете!—замѣтила Неструева.

— Языкъ у него, голубушка, такой...—усмѣхнулся Симеоновъ. Аглицкій, что-ли?

— Аглицкій!—удивился Григорій.

— Да. Вотъ что перочинные такіе продаются. Самые лучшіе завсегда аглицкіе...

— Ножички?—спросилъ юный Неструевъ, не понявъ и наивнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, Иванъ Захарычъ, перочинные чулочки,—отвѣтилъ Григорій совершенно серьезно, и только ястребиные глаза его засмѣялись.

— Полно шпынять! Сынъ!..—сурово сказалъ капитанъ.— Иванъ твой будущій зять. И въ кого это ты? Ей Богу! Въ роду нашемъ никогда не бывало шпыней. Скажи-ка лучше, что въ губерніи хотятъ дѣлать на счетъ проведенія большого тракта чрезъ наше намѣстничество.

— Собираются, батюшка. Скоро проведутъ съ Москвы и до Сибири.

— А какъ скоро?

— Да лѣтъ воть черезъ пятьдесятъ будутъ ужъ и ѣздить по немъ!—серьезно отвѣтилъ Григорій.

Капитанъ махнулъ на сына рукой и промолчалъ.

— А воть что новаго въ губерніи,—продолжалъ этотъ, но уже не насмѣшливо, а дѣльно.—Опять проявились грабители на дорогахъ.

— Какъ? Опять?!—вскрикнули всѣ, даже Машенька и даже Ардаліонъ, стоявшій за стуломъ барина.

— Да. Появилась шайка головорѣзовъ.

— Та же? Шайтанова?...—спросилъ Симеоновъ.

— А кто-же' это знать можетъ, батюшка. Или другая, или та-же. Намъ-то вѣдь оно все одно... Тотъ-ли самый головорѣзъ меня ограбить или убьетъ, что прежде грабилъ и убивалъ, или новый какой. Отъ того не легче.

— Гдѣ-же проявилась-то.

— Подъ Владиміромъ.

— Что-же начальство-то?

— А все то-же. Обождя мало—такъ, съ полгодака,—вышлютъ команду, когда шайка соберется уже уходить.

— Воть напасть, кара Господня на насъ,—прости Господи,—выговорилъ капитанъ. Давно ли она была и ушла... Думали на долго... Анъ воть опять.

— Покуда съ Москвы или изъ Питера не возьмутся за дѣло умѣючи—все такъ будетъ,—угрюмо сказалъ Григорій. Срамота. Полагаю въ одной Туретчинѣ эдакое возможно, чтобы мирные граждане, дворяне, купцы не могли проѣзжать безъ смертельныхъ приключеній въ пути.

— Пожалуй, и въ нашу сторону заглянуть!—вдохнула Анна Аванасьевна. Помилуй Господь и сохрани.

И старая дѣвица пугливо перекрестилась.

— Зачѣмъ имѣ сюда, — усмѣхнулся Григорій. Кого тутъ грабить? Мужиковъ? Даже съ васъ или съ меня нажива плохая. Рубль, два, три... А подѣ Владиміромъ ѣздятъ люди при деньгахъ. Сотни да тысячи возятъ.

— Охъ, моего-бы Оерапонтова не ограбили! — воскликнулъ капитанъ. Онъ какъ разъ скоро поѣдетъ изъ Москвы.

— А вамъ-то что-же батюшка?

— Мнѣ деньги-то повезетъ вѣдь онъ. За лѣсъ.

— Вамъ? За лѣсъ? Оерапонтовъ?

— Ну, да. Чего ты тарацишься. Будто невѣдомо какую диковину узналъ. Я тебѣ сказываю, что я Машенькѣ опредѣлилъ деньги въ приданое. Тебѣ вся вотчина, нетронутая, остается. Неужто-же и на это завидки берутъ. На восемь-то тысячъ!..

— Что вы, батюшка! — сурово отвѣтилъ молодой Симеоновъ. — Ей и по закону такое полагается.

— То то, по закону! — рѣзко вымолвилъ капитанъ.

— Я и не перечу...

— Да если-бы и перечилъ, то мнѣ-бы плевать было! — воскликнулъ старикъ. Моя отцова воля на то... Захочу, такъ знаешь, что сдѣлаю...

— Что угодно, то и...

— Замолчи, Григорій...

Молодой Симеоновъ засопѣлъ и, опустивъ сверкавшіе гнѣвомъ глаза, наклонился надъ столомъ.

Наступило молчаніе и длилось долго.

VII.

Послѣ обѣда всѣ вышли прогуляться, а главное, заглянуть въ ягодникъ и въ «грунтъ». Въ первомъ всѣ отвѣдали, кто что любилъ, отъ клубники и малины до смородины и даже шведскаго крыжовника. Во второмъ нашлись чудныя испанскія вишни и абрикосы. Деревя были посажены еще при жизни отца Андрея Романовича, и за грунтомъ заботливо наблюдала сама Машенька, особенно зимою, не полагаясь на глупаго садовника Ермолая, который упрямо все хотѣлъ «пріучить» нѣкоторыя фруктовыя деревья къ русскому морозу.

— Вѣдь, вотъ-же, барышня, яблоня не боится ничего, — говорилъ онъ, — зачѣмъ-же этотъ самый абрикосъ или персикъ боится?

— Послѣ прогулки жениха съ невѣстой, подѣ покровительствомъ тетюшки, пошли на качели, позвавъ тоже и двухъ молодыхъ дворовыхъ дѣвушекъ въ помощь «раскачивать пострашнѣе».

Андрей Романовичъ съ сыномъ ушли въ домъ, усѣлись въ кабинетъ и старикъ вымолвилъ довольно добродушно и даже весело, забывъ давно про свою вспышку за столомъ:

— Ну, шпынь, говори. Какое у тебя самоважнѣющее дѣло?

— Правда суцая, батюшка родитель,—отвѣтилъ Григорій, оживляясь и стараясь придать своему рѣзкому и твердому голосу мягкость и ласковость... Суцая правда ваша: самоважнѣющее дѣло. Я все вамъ, какъ всегда, изложу прямо, коротко, въ двухъ десяткахъ словъ. Расписывать не стану. Да и дѣло то простое, проще нѣтъ.

— Знаю я твои простыя дѣла,—пробурчалъ Симеоновъ.— Помнишь, собрался ѣхать въ Питеръ, хотѣлъ подавать прошеніе Царицѣ о дачѣ тебѣ двухъ сотенъ душъ въ Литвѣ, за то, молю, что... здорово живешь...

— Мало что, — усмѣхнулся Григорій. Глупъ тогда, молодъ былъ...

Знамо дѣло, глупъ былъ, а пуще всего самонителенъ. А какъ ты меня нудилъ цѣлую зиму: отпустите да письмо дайте къ графу Орлову... Кого я самъ ни въ жисть не видалъ...

— Ну, что старое баловство и малоуміе поминать, батюшка! Нынѣ я, слава Богу, разумомъ обзавелся. Кой-что смекаю и хочу... наконецъ, вотъ... хочу свою жизнь земную устроить начать, какъ лучше... И вотъ прошу, помогите...

— Чѣмъ?хлопотать, знаешь, въ мои годы...

— Не выходя изъ своей комнаты, — перебилъ Григорій, — все можешь сдѣлать... Однимъ подписомъ имени своего...

Симеоновъ сразу насупился. Не любилъ онъ подписыванія своего имени, не любилъ даже разговоры объ этомъ. Это пахло ближайшимъ знакомствомъ съ тѣмъ самымъ, отчего онъ всю жизнь старался отдаляться, елико возможно. Всякая бумага, всякая подпись это — законы, волокита казенная, крючкотворство, судейство, стряпчіе, подьячіе, яржки... Оборони Богъ отъ такой напасти даже и въ правомъ дѣлѣ. Подпишешь свое имя, попадешь на крючекъ судейскаго кровопивца и — на всю жизнь подѣ ябедой... На всю жизнь несчастный...

— Знаю я, — тотчасъ догадался Григорій, — что вы не любите никакихъ бумагъ... Но тутъ дѣло иное. Выслушайте.

— Три раза за всю мою жизнь подписаніе я свое ставилъ! — сказалъ старикъ.

— Дайте разсказать и увидите...

— Ну! Ну... Говори.

— Вѣдомо вамъ, батюшка, что я уже давно безъ разума отъ дѣвицы Арцивашевой, и что она ко мнѣ склонность имѣеть.

— А губернаторскій товарищъ перечить... знаю.

— А почему, батюшка, онъ противъ нашего брака?

— Хочеть зятя именитаго и богатаго! Что же? Родителево правильное разсужденіе...

— Именитости онъ уже не ищетъ... А благосостояніа требуетъ отъ жениха. А у меня его нѣтъ... А захочешь ты, родитель, то однимъ подписомъ, однимъ гусинымъ перомъ меня содѣлаешь богачемъ.

— Что-о, воскликнулъ Симеоновъ. Ужъ не надумаль-ли ты у меня при жизни моей оттягать все иждивеніе? Романово?!

— Что вы, батюшка... Оттягать!? Какъ можно...

— Якобы въ пользованіе, стало быть... А тамъ послѣ подписанія въ шею, на улицу... И иди судиться съ роднымъ сыномъ. Шалишь, Григорій.

— Дайте выговорить все...

— Шалишь. Или отца въ шуты рядишь! Не потрафится. Мудрено.

— Ахъ, Создатель мой! — нетерпѣливо воскликнулъ молодой Симеоновъ и сталъ глядѣть въ окно, какъ бы говоря: «лучше замолчать и бросить бесѣду».

— Такъ сказывай тогда. Не тани! — досадливо вымолвилъ старикъ.

— Давно бы все выговорилъ. Вы не даете... Ну, вотъ коротко скажу, короче птичьяго носа... Я привезу вамъ деньги шестнадцать, восемнадцать, либо больше тысячъ рублей. Вы напишете бумагу, что вы мнѣ оныя деньги изъ своихъ сбереженій дарите... Не хотите ничего писать — и такъ уладимъ дѣло. Вы сторгуете вотчину Алексино подъ Ардатовымъ, что продается за двадцать тысячъ. Купите вотчину почитай на чистоганъ и мнѣ подарите по дарственной записи. Либо прямо на мое имя купите, мнѣ якобы подарокъ. Кажется, просто дѣло, проще нѣту.

Григорій замолчалъ... Старикъ глядѣлъ на сына, выпуча глаза и съ раскрытымъ широко ртомъ. Въ умѣ его сначала что-то кружилось, вертѣлось, мысли шли колесомъ, а затѣмъ

все такъ запуталось, что въ головѣ былъ только какой-то чадъ, будто отъ угара...

— Что же, батюшка, — спросилъ Григорій. — Кажется, просто все...

— Ну! ну, началъ ли?! — глухо произнесъ Симеоновъ, какъ бы себѣ самому, и продолжалъ вслухъ, будто сообщая свои мысли не сыну, а третьему лицу... — Чистоганомъ онъ привезетъ... Я торгуй, покупай на чужія деньги, дари ему не свое, да и не его, а невѣдомо чье... Да все это подписывай капитаномъ Андреемъ Симеоновымъ, а тамъ милости просимъ въ верхній земскій судъ, и въ уголовную палату, и въ острогъ, и Сибирь... Да...

Что вы, батюшка! — воскликнулъ Григорій. — Я ушамъ не вѣрю, что слышу... Отъ преклонныхъ лѣтъ, что-ли, вы такъ судить стали! — рѣзко добавилъ онъ.

И молодой человѣкъ началъ снова объяснять то-же самое, доказывая, что никакой уголовщины нѣтъ въ этомъ и быть не можетъ.

— Да деньги-то, деньги откуда? — воскликнулъ капитанъ вразумительно.

— Мои онѣ.

— Твои. Да откуда? На какой площади нашелъ или у кого соннаго сграбилъ?

Григорій весело разсмѣялся.

— Не нашелъ и не сграбилъ. Мнѣ эти деньги подарилъ благодѣтель.

— Кто? за что?

— Извольте, я скажу его имя, хотя онъ всячески желаетъ, чтобы оное его благодѣяніе оставалось подъ спудомъ. Да и я желаю тоже, чтобы въ этомъ не было огласки. Это купецъ Павловъ, ардатовскій мой благопріятель давнишній, а теперь и благодѣтель...

Старикъ молчалъ и, глядя въ лицо сына упорно задумчиво, даже отчасти тревожно, выговорилъ наконецъ:

— Турусы!

Молодой человѣкъ началъ горячо доказывать, что онъ ничего не сочиняетъ, что страшному богачу кушцу ничего не стоитъ подарить и сотню тысячъ кому-либо изъ любимцевъ своихъ.

— Турусы, Гришка, на колесахъ... Что ни толкуй, какъ ни завѣрай, какъ ни божися — не увѣрю. Или дѣло не чистое,

или просто шалды-балды... А какъ ты, по сіе мѣсто, на мои глаза, лясникомъ и пустомелей не бывалъ, то стало быть дѣло это твое, зрительное, явственное, не обманъ глазъ, но только— оно—марательное для дворянина. Коли самъ ты себя обманываешь, то я то, старикъ, въ твой обманъ не дамся. Я старый воробей... Ставь мякину тому, кто попростоватѣ.

— Въ чемъ же это вы нашли марательное? — вспыхнулъ молодой Симеоновъ, и глаза его сверкнули на отца. Добрый человѣкъ по дружеству дарить большія деньги, которыя по его благосостоянію самая малость и который...

— А почему же онъ свое дарственное дѣло отъ людей тайтъ? А? Какъ по твоему?—возразилъ капитанъ.

— Да ужъ если на то пошло, такъ я вамъ прямо скажу. Не Павловъ тайтъ, не онъ хочеть, чтобы это все шито и крыто оставалось и не оглашалось, а я... Да-съ. Я не хочу огласки.

— Ты?—удивился старикъ.

— Да-съ. Я. Самъ я...

— Почему же такое?

— А понятно, почему... Зазорно. Дивлюся — что вы спрашиваете и самимъ вамъ не въ домекъ дворянину отъ купца бородача подарки принимать. Я-то самъ сужу особо по своему... Купецъ тотъ человѣкъ, христіанинъ, вольный. Ну, и все прочее... Только происхожденія неблагороднаго... И я полагаю, совсѣмъ возможнымъ отъ благопріятеля, хотъ и купца, взять такое жертвованіе, которое мнѣ всю мою жизнь устрояеть... Но люди-то что скажутъ? Со свѣту сживуть! На глаза никому не кажися. Дворянинъ, молъ, столбовой, да у бородача въ наслѣдники попалъ... Тотъ аршиномъ нажилъ, а благородный не побрезговалъ, взялъ и въ поясъ поклонился. Да-съ. Вотъ что, батюшка. Могли-бы вы и сами догадаться, какое мое въ этомъ дѣлѣ разсужденіе. Полагаю, сами-то вы не инако бы на моемъ мѣстѣ поступили.

— А-а... Вотъ оно что... Да... протянулъ Симеоновъ.—Сразу-то я, признаться, и не разгадалъ. Да-а. Вотъ что... Братъ у бородача себѣ магарычъ за дружество можно дворянину столбовому. А въ людяхъ оглашать про оное зазорно. Осудятъ люди... Такъ...

— Извѣстное дѣло.

— Такъ. Такъ... Вотъ оно нонче какъ молодые дворяне на мысляхъ раскладываютъ. Не по нашему! Мы, да и отцы наши

судили, что како дѣло ни будь, да если въ немъ сознаться нельзя, то дѣло это марательное... А по вашему, нонѣшнему,—дѣло, молъ, доброе, только, молъ, укрываться въ немъ надо. А то зазорно. И хорошее дѣло, да только не хорошее.

И старикъ сталъ смѣяться, качая головой. Григорій глядѣлъ на отца озлобленно. Глаза его, казалось, искрились сдерживаемымъ гнѣвомъ. Наступило молчаніе.

— Такъ что же, батюшка?—спросилъ, наконецъ, молодой человѣкъ.—Вы и въ этомъ мнѣ не поможете? Въ сущихъ пустякахъ и то не хочешь, родитель, единственному сыну въ помощь быть?

— Нѣту, Григорій, путайся ты одинъ. А я мою жизнь былъ чистъ и останусь чистъ. Ни въ какія темныя дѣла не мѣшался и не замѣшаюсь впредь.

— Да въ чемъ же тутъ темнота?!—закричалъ Григорій.

— Не ори! Первое я не глухъ. Второе, я тебѣ родитель. И орать тебѣ на себя не позволю. Стократъ я тебѣ это сказывалъ.

— Такъ вы не хотите взять эти деньги и на нихъ мнѣ торговать имѣніе? И якобы подарить...

— Я чужого никому никогда не дарилъ,—сурово отвѣтилъ старикъ.—Эдакое только съ ворами и грабителями статья можетъ.

— Но ваше, батюшка, послѣднее слово?—странно выговорилъ молодой Симеоновъ.

— И первымъ оно было, и послѣднимъ будетъ! Зазорно—не бери денегъ. Не тяжелы они тебѣ—бери, не таяся, поблагодари на людяхъ и самъ покупай вотчину... А обстроишь ты все это дѣло, укрываясь—скажу я и тебѣ и всякому, что дѣло твое мнѣ сомнительное, удивительное и темное...

— Стало быть, на отрѣзъ?—тихо и глухо выговорилъ Григорій.

— На отрѣзъ.

— Ну, хорошо... Я, стало-быть, теперь въ долгу... Когда можно будетъ—поживаюсь,—чуть слышно вымолвилъ молодой человѣкъ, ехидно посмѣиваясь.

— Какъ ты смѣешь на меня грозиться—вскрикнулъ капитанъ, мѣняясь въ лицѣ!—Щенокъ!

— Былъ...былъ...А нынѣ цѣлый песъ! И зубастый! Зубастые во всей округѣ не найти!—уже громко засмѣялся молодой человѣкъ.

Симеоновъ всталъ съ кресла, взявъ себя за голову и выговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Уходи, Григорій Андреевичъ... Уходи...

— Уйду и совсѣмъ, Андрей Романовичъ...

— Что-о... Что... Господи помилуй! Да что же это...—воскликнулъ Симеоновъ. Напущеніе... Божеское наказаніе... Ступай. Ступай... Не затоскую. Я давно сына покорнаго лишень... Стократъ лучше совсѣмъ не видѣться. Ты мой вѣкъ коротаешь. Ступай. Старикъ отошелъ къ окну, отворилъ его настежь и сталъ усиленно вдыхать вечерній воздухъ... Казалось, онъ совсѣмъ задыхался отъ волненія и гнѣва.

Григорій, ухмыляясь, всталъ тоже, пошелъ къ дверямъ, но у порога обернулся снова.

— Вотъ что, батюшка-родитель!—выговорилъ онъ, не глядя на отца и растягивая слова, какъ бы размышляя о чемъ... Въ сто малой послуги, ты меня гонишь вонъ изъ отчаго дома. Ну, помните же, зарубите себѣ на носу... Прогнанный сынъ отцу своему болѣе не сынъ.

Симеоновъ снова взялъ себя за голову и закрылъ уши ладонями. Потомъ, опустя руки, онъ выговорилъ грустно:

— Богъ съ тобой. Я не причемъ. Божье наказаніе по грѣхамъ моимъ. Выдамъ Марью, уйду въ монастырь... Доходовъ половину тебѣ буду отсылать. А помру, все получишь... Но моли Бога, чтобы Его заповѣдь на тебѣ не оправдалась: «Чти отца твоего и мать, и долготѣнь будешь»...

— За всю-то мою жизнь сей заповѣди я на людяхъ видалъ дѣйствіе. Непокорныя чада недолговѣчны на землѣ.

— Типунъ тебѣ на языкъ!—пробурчалъ Григорій, но слегка измѣнился въ лицѣ и озлобился.

Постоявъ мгновеніе на порогѣ, какъ-бы собираясь сказать что-то, онъ вдругъ быстро повернулся и вышелъ въ двери...

Не прощаясь съ сестрой, онъ вышелъ на дворъ, прошелъ въ конюшню и велѣлъ закладывать свою тройку.

Онъ былъ взволнованъ, глаза горѣли недобрымъ свѣтомъ, лицо слегка измѣнилось, было будто блѣднѣе...

Все произошло не отъ разговора и ссоры съ отцомъ, а отъ этихъ послѣднихъ словъ старика: Григорій былъ суевѣренъ... За послѣднее время самыя скверныя примѣты будто окружали его, насѣдали на него... Даже сны видѣлись ему зловѣщіе... Все было не къ добру.

А тутъ еще вдругъ отецъ какую-то заповѣдь выискалъ!

— „Не долго вѣчать? Ну что-же? Пускай!“ — зашепталъ онъ вдругъ со злобой. — „Что проку въ убогомъ долговѣчїи. Песья жизнь—не кладъ. Пусть улица не долга, да пошире, чтобы было гдѣ развернуться добру молодцу... Ну, а я, должно быть, скоро развернуся... Помѣщика алексинскаго, да зятя губернаторскаго товарища съ красавицей женой будутъ люди встрѣчать не такъ, какъ теперь, — хуторянина съ Волчьяго Лага.“

VIII.

Трое сутокъ ходилъ по дому и по усадьбѣ старикъ Симеоновъ задумчивый, сумрачный, подчасъ грустный, съ глазами, въ которыхъ стояли слезы, и онъ тщательнo скрывалъ ихъ отъ дочери, утиралъ тайкомъ, когда онѣ текли по щекамъ.

Но юной Машенькѣ было не до того, чтобы замѣтить перемену въ отцѣ... Къ тому-же въ Романово прїѣхалъ купецъ Огарковъ съ тремя подводами и съ двумя приказчиками таскалъ въ комнаты ящики и карзины и раскладывалъ предъ барышней... Чудеса въ рѣшетѣ. Чего, чего тутъ не было?.. И половина всего—заморское, англицкое, французское, нѣмецкое, голландское... Даже гишпанское шитье золотое нашлось. Только бы деньги... А денегъ Андрей Романовичъ далъ дочери на все и про все—триста рублей. Огарковъ предлагалъ на всю тысячу въ долгъ отпустить съ уплатой въ два года объ Ильинъ день и объ Миколинъ день... Но Симеоновъ только трясъ головой на упрашиванье купца одолжить его этимъ займообразнымъ принятїемъ товара, а затѣмъ сталъ отшучиваться.

— Никому никогда не должалъ я, — отвѣчалъ капитанъ. — На войнѣ даже, у турки что-ли, въ долгу не оставался. Разъ было меня въ бедро ранили... Я отлежался и въ слѣдующемъ году въ сраженїи ихняго турецкаго пашу собственноручно испортилъ... Подстрѣлили и съ коня свалилъ... Отлежался-ли онъ тоже—не знаю.

И у купца взяли на двѣсти слишкомъ рублей, но на наличные. Нестроева привезла изъ Ардатова портниху, начали кроить, шить и всячески хлопотать.

Андрей Романовичъ понемногу успокоился и думалъ, что нѣтъ худа безъ добра... Не услышитъ онъ больше колокольцевъ тройки своего сына на дворѣ усадьбы. Слѣдовательно избавился отъ тягостнаго ожиданїя его посвѣщенїя, опасенїя споровъ

и невольнаго своего гнѣва, послѣ котораго старику всегда недужилось и голова болѣла.

Но онъ смутился на иной ладъ изъ-за иного обстоятельства. Смутился не какъ помѣщикъ, капитанъ Симеоновъ, а какъ русскій гражданинъ, вѣрнопопданный, законы уважающій.

Анна Аванасьевна, ѣздившая за портнихой въ Ардатовъ и видѣвшаяся съ разными друзьями барынями, привезла коробъ цѣлый новостей. Кто съ кѣмъ повздорилъ. Кто застудился. Кто съ охоты съ какимъ полемъ вернулся... Были и важныя вѣсти. Кто женится, кто у кого родился, кто померъ. Гдѣ вѣнчаютъ. Гдѣ хоронить будутъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, старая дѣвица привезла и страшную вѣсть, которая смутила все Романово, какъ смущала уже весь уѣздъ.

— Проявилась Шайтанова шайка по близости! Дѣйствительно неуловимая горсть разбойниковъ, которую лѣниво пробовали и собирались власти поймать уже почти цѣлый годъ, снова объ себѣ напомнила и, уже ограбивъ двухъ помѣщиковъ и купца на трактѣ почтовомъ близъ самаго губернскаго города, теперь вдругъ нагрянула подъ Ардатовъ и ограбила кого-то около вотчины Нестровыхъ. Эта разбойничья шайка недаромъ называлась „Шайтановой“. Она положительно была заколдована отъ поисковъ властей. Едва только губернія соберется выслать команду солдатъ на поиски и поимку какой-нибудь дюжины дерзкихъ головорѣзовъ—какъ шайка тотчасъ-же исчезнетъ, будто сквозь землю провалится.. И долго о ней и помину нѣтъ. А затѣмъ вдругъ слышно,—снова кто-нибудь въ пути ограбленъ, затѣмъ второй, третій... Опять сберутся команду послать, и опять нѣтъ никого и ничего.

Всѣ пострадавшіе описывали шайку одинаково, человекъ ихъ не болѣе пятнадцати. Почти всѣ бородатые, а онъ самъ „набольшій“ или атаманъ, тоже съ длинной черной бородой, въ чудной какой-то шапкѣ. Такъ какъ проѣзжіе никогда не сопротивлялись, то ихъ и не убивали, а только ограбляли, при чемъ платья и пожитковъ почти никогда не брали, а довольствовались лишь деньгами.

Но, главное—удивительное—заключалось въ томъ, что „шайтанъ“ или „черная борода“ будто зналъ заранѣе, на кого напасть. Безденежныхъ проѣзжихъ не трогали никогда. А какъ только поѣдетъ дворянинъ или купецъ съ „наличными“ за пазухой, такъ черная борода тутъ какъ тутъ на пути. Точно будто

провидять головорѣзы, при помощи нечистой силы, кто, куда и когда съ деньгами выѣдетъ.

— Все имъ извѣстно, богоотступникамъ,—говорилъ народъ.— Одно спасеніе ѣздить безъ денегъ.

Разумѣется, мужиковъ шайка не трогала почти никогда. Развѣ если иной староста къ барину ѣздить съ оброкомъ... На это тоже у черной бороды былъ будто особый нюхъ. Мужика окружали и окликали, называя его иной разъ и по имени.

— Эй, дядя Терентій, одолжи-ка свои сто-ли, больше-ли, рублей, что по оброку собралъ и барину везешь. У него денегъ много, а у насъ мало. Намъ, стало, нужнѣе.

Управляющій сосѣдней богатой вотчины, который съ полгода назадъ везъ въ Москву своему барину князю цѣлыя девять тысячъ съ сотнями, былъ также ограбленъ... Мирно, безъ битья, съ шуточками, да прибаутками.

Управляющій выѣхалъ ночью одинъ, но тогда ошайкѣ снова давно и помину не было. Сколько онъ везъ денегъ—онъ одинъ да еще контора вотчинная только и знали. А, между тѣмъ, не далѣе, какъ черезъ сорокъ верстъ пути, разбойники вынырнули какъ изъ подъ земли, и черная борода, подойдя къ тарантасу, сказала:

— Одолжи-ко мнѣ, Егоръ Михѣвичъ, князеви денежки. А самъ домой ступай. Чего тебѣ экую даль до Москвы киселя ѣсть? Я самъ рассчитаюсь съ княземъ твоимъ, коли не сейчасъ, то на томъ свѣтѣ уголками.

Сосчитавъ деньги и сказавъ: «всѣ», разбойникъ поблагодарилъ управителя, опалѣвшаго отъ перепуга.

— Спасибо тебѣ, Егоръ Михѣвичъ. Вѣкъ буду помнить такое твое одолженіе. Девяти тысячъ не скоро мнѣ опять на дорогѣ дождаться. Да и дураковъ такихъ, какъ ты, на свѣтѣ не много, чтобы съ такими деньжищами, ночью, да еще въ одиночку шляться... Спасибо, золотой мой!

И черная борода поклонился въ поясъ, а молодцы его загоготали, что черти, да и пропали въ темнотѣ, какъ нечистая сила пропадаетъ.

А губернскія власти неукоснительно часто разсуждали объ разбойникахъ. Главное, что любопытствовалъ узнать и рѣшить самъ намѣстникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ двухъ россійскихъ орденовъ—было, собственно, одно обстоятельство, никѣмъ еще недознанное: россіяне и христіане православные—оныя разбойники? Или нехристи, татарва касимов-

ская?.. Или иные какіе?..—Въ этомъ вопросѣ все намѣстничество раздѣлилось на два лагеря. Одни утверждали, что всѣ разбойники—свои, русскіе, и съ Волги приходятъ, а награвивъ опять на Волгу уходятъ. Другіе доказывали, что шайка все—татары, и даже самъ «черная борода» говоритъ по-русски не чисто, ломаетъ російскую рѣчь на татарскій ладъ.

Народъ-же давно рѣшилъ вопросъ проще и безповоротно. Набольшій — самъ сатана и не русскій, а татарскій шайтанъ. А молодцы его—черти. Можетъ, и вѣдьма при нихъ особая состоитъ. Да и что иное быть можетъ эта шайка, когда она не только изъ земли вырастаетъ и въ землю проваливается, а какъ тебя звать знаетъ, и сколько при тебѣ денегъ ей вѣдомо вѣрно,—отъ рублей и до копеечекъ.

— Знамое дѣло—нечистая сила!

IX.

Но помимо негодованія гражданскаго на непорядки Андрей Романовичъ былъ все-таки угрюмъ и печалень.

Послѣдняя ссора съ сыномъ не выходила у него изъ головы. Пуще всего горько было и за сердце хватало вспомнить слова сына: какъ онъ его—родителя своего—по имени и отчеству назвалъ...

Будто ножомъ рѣзнулъ.

И помолчавъ нѣсколько дней, наконецъ не выдержалъ старикъ и захотѣлъ разговоромъ душу отвести съ кѣмъ-нибудь.

По утру одѣваясь при помощи Ардаліона, онъ заговорилъ объ сынѣ и объ окончательномъ съ нимъ разрывѣ.

— Сначала былъ я будто радъ. А вотъ теперь сгрустнулось,—сказалъ онъ.

— Что-жъ? Его Богъ накажетъ, а не васъ,—рѣшилъ старикъ-лакей.

— Тяжело, Ардашка...

— Знамо дѣло... А мнѣ-то и того ближе судить. У меня свой такой-же. Артачливый! Съ норовомъ!

— Да ты и Титка—иное дѣло... Вы хамы...—объяснилъ Андрей Романовичъ, со вздохомъ.

— Вѣстимо. Да вишь все-таки боязно... Душа-то и въ насъ есть, батюшка Андрей Романовичъ. Мы тоже все-же таки люди-человѣки и христіане, а не псы...

— Такъ-то такъ, Ардашка... И псу инъ бываетъ больно, визжить... А все-жъ онъ песъ.

Въ бесѣдѣ съ баринѣмъ старикъ за откровенность отплатилъ лишь откровенностью. Старикъ разсказалъ лакею про удивительный подарокъ купца ардатовскаго. Лакей сообщилъ барину еще болѣе удивительное свѣдѣніе объ баринѣ Григорѣ Андреевичѣ...

Ардалионъ разсказалъ нѣчто, приключившееся съ полгода назадъ между нимъ и его сыномъ, набаловавшимся въ услуженіи у молодого барина «все изъ-за состоянія его въ первыхъ любимцахъ», какъ объяснили они.

— Приѣхалъ онъ сюда,—разсказалъ старикъ,—на недѣлю цѣлюю объ святкахъ, когда Григорій Андреевичъ во Владимірѣ гостилъ. Запримѣтилъ я у моего Титки—деньги. Угощаетъ онъ здѣсь нашихъ парней, посылаетъ все на село Воскресенское за бѣлымъ, да за виномъ, да за сладостями и платками дѣвкамъ и бабамъ... И все деньги даетъ... И нѣту имъ конца. Страхъ меня проныалъ... спать даже не могу... И вотъ разъ середь ночи всталъ я, и видючи, что мой Титъ шибко прихрапываетъ, давай шарить на немъ всю его одежду... Ничего окромя чепца какого-то... Должно съ городской какой шапуньи въ память при себѣ носилъ... И взяла меня догадка... Полѣзъ я въ голенища къ нему. И что-же, отецъ родной! Вытащилъ я мошну... Кисеть отъ тютюна... А въ немъ туго... Я его развернулъ, да и обмеръ. Ажно ноги у меня подкосились... Денегъ... Денегъ, батюшка Андрей Романовичъ... Сталъ я считать и не смогъ... Сорокъ рублей насчиталъ... Прошибшись—сорокъ! А было-то стало и всѣхъ полста... Какъ я до утра прождалъ, и не знаю... Солнышко вышло, освѣтило и стало мнѣ легче малость. А какъ только Титка мой продралъ глаза—я на него... Такой, сякой, говори, отвѣтствуй... Онъ страсть оробѣлъ и бухъ мнѣ въ ноги... Кайся, сказываю, а то къ Андрею Романовичу поташу за волосы и буду молить его указать лобъ забрить тебѣ въ сдачу предбудущую, когда рекрутскій наборъ объявится. Ну, вотъ, онъ мнѣ и покался... А я вамъ сто разовъ хотѣлъ сказать, да боялся огорчать. А теперъ, что же ужъ скажу... Обманываетъ васъ Григорій Андреевичъ со своимъ ардатовскимъ благодѣтелемъ... Мнѣ Титка все открылъ... У молодого барина денегъ страсть и онъ своихъ всѣхъ молодцовъ одариваетъ, а пуще доброхотъ къ моему непутному Титкѣ,

— Откуда-же? Откуда?—воскликнулъ Симеоновъ, задохнувшись отъ перепуга...

— Отъ картежа. Да, отецъ родной. Все отъ этого. Въ Муромѣ у нихъ сборища, а во Владимірѣ и того пуще... Картежь такой, говоритъ Титка, что иной разъ пріѣдетъ Григорій Андреевичъ домой съ солнышкомъ и хлопнетъ на столъ тыщу рублей... А одинъ князь за одну ночь десять тысячъ выигралъ. А одинъ гусарскій маіоръ въ недѣлю спустилъ двѣ свои вотчины и, наконецъ, того... Коли Титъ вретъ, то и я вру... Наконецъ того, этотъ маіоръ поставилъ въ закладъ, примѣрно, свою полюбовницу изъ нѣмокъ, кая съ нимъ была пріѣхавши... Онъ, стало быть, ее, бабу, поставилъ, а другой кучу денегъ... И выигралъ этотъ маіоръ и все обратно отыгралъ опять и деньги, и вотчины, и еще въ придачу сколько-то хватилъ. А она, нѣмка эта, обидѣвшись, сбѣжала отъ него.

Ардаліонъ еще долго и подробно рассказывалъ, оживившись и даже вспотѣвъ отъ своего повѣствованія, но старый баринъ сидѣлъ, не шелохнувшись, не слушая давно, и глубоко задумался. Когда любимецъ лакей замолчалъ, Симеоновъ очнулся отъ наступившей тишины въ комнатѣ и произнесъ глухо.

— Такъ вотъ откуда павловскіе двадцать тысячъ!.. Стыдно ему мнѣ сказать, что картежничествомъ нажилъ. Да и какъ нажилъ? Чисто-ли? Не мошеннически-ли?

— То карты, Андрей Романовичъ,—объяснилъ Ардаліонъ.— Какое-же мошенничество? Богъ съ вами. Но... но судьба стало быть. Ваши, вамъ, что-ли, крести... А мои, скажемъ, жлуди... Не то, скажемъ, пики... Аль бо ваша шестерка, а моя девятка... Вотъ стало быть и выкидывай на столъ и забирай, либо отдавай деньги закладныя. А то забирай и вотчину, и даже молодуху, примѣромъ, ставленную въ закладъ. Тутъ мошенничества нѣту, а все судьба...

— Дуракъ ты, Ардашка... Вотъ что... Въ мое-то время въ полку нешто въ карты не играли? На войнѣ, подъ выстрѣлами, играли. И бабъ ставили чаще... Мой командиръ турчанку плѣнную проигралъ своему-же офицеру, чрезъ недѣлю выигралъ ее и опять проигралъ. Я да двое моихъ товарищей—только трое въ полку, никогда мы картами рукъ не марали... Ну, а мошенниковъ бить помогали. И я помогаль. Одному улану такъ отъ насъ досталось... Подъ Браиловымъ, что-ли?.. Изъ крючконосаго курносымъ сдѣлали. Такъ ты мнѣ про картежь не пой, Ардашка.

— Гдѣ-же тутъ мошенничество? Карты?!—настаивалъ старикъ-лакей, разводя предъ баринѣмъ руками, какъ если-бы показывалъ ему что-нибудь...

Но Андрей Романовичъ объяснять ничего не сталъ.

Съ этого дня, однако, старикъ-капитанъ сталъ будто добрѣе и веселѣе... Казалось, что у него стало легче на душѣ.

«Что жъ карты?—мысленно рѣшилъ онъ.—И мы играли. Я не игралъ, а вотъ тамъ-же Волжскій игралъ, а нынѣ онъ-же заслуженный генераль... Это лучше, чѣмъ подачку отъ кушца получить, будто магарычъ за прихвостничество... Только одна бѣда—карты. Пошелъ кувшинъ по воду ходить... Быть картежнику на рогаatk!.. Кончить нищимъ!

Успокоившись совсѣмъ, Симеоновъ снова принялся за работу, за свое отвѣтное посланіе куму-генералу, котораго все еще ожидалъ въ усадьбѣ конный посланецъ.

Черезъ два дня посланіе было готово.

Капитанъ все подробно описалъ, что было нужно. Онъ благодарилъ за согласіе быть посаженнымъ отцомъ у крестницы, расхвалилъ снова жениха Ванюшу и даже его тетку «сердечную и душевную» Анну Аванасьевну, затѣмъ не удержался и искренно повѣдалъ окончательный разрывъ съ сыномъ-грубияномъ. Въ концѣ посланія онъ тоже упомянулъ, что новаго у нихъ въ краю—одно: опять шалости пошли, опять грабители въ намѣстничествѣ проявились и авось-то не на долго... Все-таки Андрей Романовичъ совѣтовалъ другу-генералу запастись въ путь дорогу и взять съ собой людей съ полдюжины, да и мушкетонъ какой старый зарядить свинчаткой и въ экипажъ положить...

«Разокъ громыхнуть по воздуху,—кончалъ письмо Симеоновъ,—и никакіе грабители не устоятъ, разсыпятся... Это не нѣмецъ и не турка, это не Пугачъ какой, бунтовщикъ!»

Подаривъ гонцу рубль серебряный, Симеоновъ отпустилъ его, а Анна Аванасьевна вызвалась сама наблюсти, какъ горничная дѣвушка будетъ зашивать письмо въ шапку генеральскаго посланца.

Х.

И снова жизнь наладилась въ Романовѣ мирно и тихо... Неструевы теперь уже къ себѣ ѣздили раза два въ недѣлю, а пребывали, ночуя, въ домѣ невѣсты.

— А кто осудитъ, Богъ съ ними!—сказалъ Симеоновъ,

— Да, вѣдь, это якобы примѣта такая,—рѣшила Анна Аванасевна. А вы въ нихъ не вѣрите. А въ эту и я не вѣрю. Сказывается: «Не ночуй молодецъ въ домѣ суженой—женой не будетъ»!

— Эка враки!—воскликнулъ капитанъ смѣясь.

И житье-бытье не нарушалось ничѣмъ особеннымъ. Только однажды недѣли чрезъ двѣ послѣ посѣщенія и страннаго предложенія Григорія Симеонова въ Романовѣ появился другой непокорный...

Это былъ младшій, но единственный сынъ стараго Ардашки, потерявшаго всѣхъ своихъ дѣтей, числомъ семерыхъ. Злая судьба захотѣла, чтобы остался въ живыхъ, на горе отцу, самый своеправный и даже злой.

Какъ вздорилъ молодой Симеоновъ съ своимъ отцомъ, совершенно такъ же воевалъ и Титъ съ своимъ старикомъ. Разница была только въ томъ, что Симеоновы, какъ дворяне, ограничивались гнѣвными словами и угрозами, а Ардаліонъ съ Титкой доходили и до рукопашной... Старикъ былъ всегда щедръ на колотушки, выколачивая изъ сына его «норовъ» и его прыть непочтительную. Но когда молодцу минуло двадцать лѣтъ, онъ сталъ давать сдачи... Старикъ жаловался барину, и буяна, конечно, за «супротивленіе родительскому ученію»—шибко пороли розгами на конюшнѣ.

Однако ничто не дѣйствовало на умнаго и дерзкаго молодца. Однажды при ссорѣ съ отцомъ, онъ назвалъ его «дохлятиной», получилъ легкую затрещину старческой руки, но отвѣтилъ такимъ здоровымъ тумачомъ по головѣ старика, что этотъ лишился сознанія.

Придя въ себя, Ардаліонъ пошелъ съ мольбой къ барину, и было рѣшено окончательно избавиться отъ озорника, сдавъ его въ солдаты.

Однако этого не послѣдовало.

Григорій жилъ уже отдѣльно въ своемъ Волчьемъ Логѣ, а парень Титка былъ почему-то у него въ милости съ дѣтства. Разумѣется, онъ сталъ просить отца подарить ему товарища дѣтскихъ игръ, и добился своего. Титъ перешелъ на хуторъ и сдѣлался у молодого барина наперсникомъ.

Живя врозь съ отцемъ, Титъ, изрѣдка заглядывая въ Романово, сталъ будто тише, разумнѣе, степеннѣе и былъ даже гораздо ласковѣе со своимъ старикомъ. Ардаліонъ былъ радъ этой перемѣнѣ, но боялся теперь другого обстоятельства.

— Къ добру это никогда не приведетъ!—говорилъ онъ себѣ.

Старикъ опасался «баловничества», въ которое попалъ сынъ на хutorѣ и которое главнымъ образомъ проявлялось въ томъ, что у Титки водились большія деньги по милости щедрого барина. А имѣя деньги, Титъ сталъ даже ѣздить въ города, въ гости, и не только въ уѣздные по сосѣдству, но бывалъ раза три-четыре въ году и во Владимірѣ. Наконецъ, онъ однажды заговорилъ и о самой Москвѣ.

— Въ Москву!—ахнулъ Ардаліонъ, никогда въ столицѣ не бывавшій.—Въ Москву? Тебѣ? Съ суконнымъ рыломъ въ бархатный рядъ!

За послѣднее время старикъ уже давно не видалъ своего сына. Узнавъ отъ молодого барина, что Титка крѣпко расшибъ себѣ голову, Ардаліонъ изрѣдка подумывалъ о своемъ молодцѣ и ему даже хотѣлось его повидать. Онъ готовъ былъ ѣхать самъ въ Волчій Логъ, но боялся проситься у барина... Впрочемъ, это была не столько боязнь, сколько стыдъ.

Андрей Романовичъ давалъ ему примѣръ, какъ относиться къ непокорному сыну, и самъ конечно не былъ-бы способенъ по отношенію къ Григорію ни на какія поблажки и никакія «ласковости».

И Ардаліонъ стыдился заявить о своемъ желаніи повидать хворающаго сына.

Поэтому, когда въ усадьбѣ появился молодецъ съ обязанной головой, съ платкомъ поверхъ повязки вмѣсто шапки—старикъ, признавъ сына, обрадовался.

Но затѣмъ тотчасъ-же онъ удивился и сталъ ахать. Голова Тита была повидимому такъ расколочена, какъ если-бы онъ не въ оврагъ свалился, а прямо съ турецкой войны домой пришелъ.

Оказывалось, по его словамъ, что башка дѣйствительно чуть не совсѣмъ проломлена, а темная синева и кровавый подтекъ вокругъ полузакрытаго лѣваго глаза были плохимъ образчикомъ того, что могло быть подъ тряпками.

Титъ двигался медленно и говорилъ такъ съ разстановкой, какъ еслибы ему стоило большого труда произносить слова.

Оказалось, что онъ пріѣхалъ черезъ силу, по приказанію барина и съ порученіемъ къ старику отцу, даже, выходитъ, съ просьбой...

Просилъ Григорій Андреевичъ стараго слугу, крѣпостнаго своего, ихъ родителя и стало быть и своего собственнаго, просить сердечнѣйше, простить ради Господа Бога...

— Да что? Что?!—взволновался Ардаліонъ отъ польщеннаго самолюбія.

— Помоги, тятя, барину...—замолви словечко за него Андрею Романовичу... Я тебѣ все расскажу. Дѣло простое.

И Титъ началъ было подробно рассказывать отцу важное приключеніе, но старикъ остановилъ его, объявивъ, что все уже знаетъ. Самъ старый баринъ ему все повѣдалъ и рассказалъ.

Дѣло шло о томъ-же, о подаркѣ купца Павлова ардатовскаго, о покупкѣ Алексинской вотчины и о просьбѣ къ старику Симеонову вмѣшаться въ дѣла самымъ простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и диковиннымъ образомъ. Дарить чужое.

Ардаліонъ, разумѣется, такъ же смотрѣлъ на это «дареніе» и на все дѣло, какъ и его баринъ, но не просто, съ его голоса пѣлъ, а самъ, какъ дѣльный человѣкъ, набравшійся ума, опыта и извѣстныхъ правилъ, находилъ просьбу молодого барина совсѣмъ диковинной.

— Никогда нашъ на это не пойдетъ!—заявилъ онъ.—И съ какихъ-же я безумныхъ глазъ пойду барина учить... Къ тому я и самъ смеаю, что дѣло это совсѣмъ несурзное.

— Дѣло, тятя, проще нѣтъ.

— Хороша простота, когда имъ надо отъ людей прятаться!

— Будешь прятаться, коли такъ все вмѣстѣ струсилось! Неразбериха! Ты, тятя, пойми вотъ что! Баринъ Григорій Андреевичъ безъ этой барышни обойтись не можетъ. Либо быть ей его супружницей, либо ему въ рѣку... А ея родитель, вельможа, за неимущаго дочку не отдастъ. Хотя ты его ножемъ рѣжь... А скажи ему Григорій Андреевичъ, откуда у него проявилась вотчина, на какія деньги, да чьи онѣ, то онъ его, барина, со двора въ зашей погонить. Аршинникъ, молъ, облагодѣтельствовалъ...

— Ну, вотъ что, Титка,—перебилъ вдругъ Ардаліонъ.—Буде, братъ, врать... Полно вы съ бариномъ людей морочить, да еще и своихъ родителей отцевъ.

— Ты про что-же это?—удивился Титъ.

— На насъ съ бариномъ ваша морока не потрафится. Не на таковскихъ напали... Помнишь, я тебя накрылъ ночью... Обшаримши, деньжища нашель страшнѣющія, поди, полъ ста

рублей нашель. Ты что тогда сказывалъ, въ чемъ покаялся при Григоріи Андреевичѣ... забылъ? Ну, а я помню...

— Про картежь?—Помню.

— Ну, вотъ.

— Да что—ну вотъ, тятя, поясни.

— Вотъ стало каковъ таковъ вашъ ардатовскій аршинникъ. Не Павловскія у васъ, Титка, деньги на вотчину, а картежныя... Да, вишь, вздумали яйца курицу учить. Ахъ, вы... поросята-хрюшки... Право, хрюшки.

И старикъ началъ важно и самодовольно смѣяться, что осадилъ бойкаго сына.

А Тить дѣйствительно былъ озадаченъ и даже будто ошеломленъ.

— Съ картежа—выговорилъ онъ, наконецъ, вопросомъ и глупымъ голосомъ.

— А ты скажешь, нѣтъ? Коли у васъ тамъ можно даже бабъ и дѣвокъ въ карты выигрывать, такъ что ужъ деньги. Это—простое и законное дѣло.

— И баринъ, такъ ты сказываешь?—спросилъ вдругъ Тить, будто соображая что-то... Андрей Романовичъ сказываетъ, что деньги съ картежа?

— Вѣстимо. Я ему все доложилъ. И ему полегчало. Все-таки не могарычъ отъ аршинника...

— И сказываетъ онъ тоже, что деньги эти законныя, не срамныя.

— Сказываетъ, что, молъ, и въ полкахъ офицеры играли. На войнѣ было разъ турчанку даже выиграли.

— Самъ Андрей Романовичъ? Турчанку? себѣ?

— Тьфу! Дуракъ оголтѣлый!—проворчалъ старикъ.

Бесѣда отца съ сыномъ продолжалась, однако, недолго. Тить быстро собрался домой, видимо довольный, какъ если-бы дѣло его сладилось, а порученіе удалось исполнѣ.

XI.

Наконецъ, однажды, около полудня, въ мирной усадьбѣ Романово вдругъ произошелъ переполохъ, какого никогда не бывало ни при жизни Андрея Романовича, ни при жизни его отца и дѣда.

Вся усадьба ходуномъ заходила... Дворовые люди забыли всякое благоприличіе и уваженіе къ барину и барышнѣ,

толпились всё, отъ мала до велика, на подьѣздѣ, въ прихожей, а нѣкоторые, поглупѣе, полѣзли и въ комнаты, налѣзали чуть не на самого Андрея Романовича.

Но капитанъ, пораженный тоже приключившимся, ничего не замѣчалъ, никого не видѣлъ и не трогалъ... Онъ видѣлъ только человѣка, валяющагося у него въ ногахъ съ воплями.

Прибѣжавшая на шумъ и гулъ голосовъ, Машенька стояла близъ отца, жалась къ нему отъ испуга, а затѣмъ начала дрожать и плакать...

При видѣ плачущей барышни, пролѣзшая впередъ всѣхъ коровница Авдотья, во всей дворнѣ извѣстная дурафья, тоже взвыла и заголосила, сама не зная о чемъ...

Старикъ Ардаліонъ, одинъ не потерявшійся окончательно, Авдотью выгналъ въ шею, народъ осадилъ изъ столовой въ прихожую, а барина привелъ будто въ чувство словами:

— Богъ съ вами! Чего вы! Вамъ-то, наконецъ, того, ка-кая-же забота.

Симеоновъ, какъ-бы очнувшись, прозрѣлъ и разсудилъ тоже.

— Да, жаль... А все-же—чужое, не свое дѣло. Всякому своя рубаха къ тѣлу ближе. Полно, Машенька, убиваться. Справимся все-таки...

Передъ капитаномъ Симеоновымъ и окруженный дворовыми стоялъ купецъ Ѳерапонтовъ, котораго въ Романовѣ мало знали, только раза два и видали... Но особое злоключеніе съ купцомъ всполошило всю усадьбу.

Ѳерапонтовъ, пріѣхавъ на дворъ, выползъ изъ своей брички, какъ больной или помѣшанный, ввалился еле двигая ногами въ домъ, и еще не видя хозяина, уже завылъ жалобно:

— Господи милостивый! Матерь Божія... Святые угодники! Православные люди. Помогите! Не давайте въ обиду...

И всполошивъ всѣхъ со двора въ домъ, а въ домѣ со всѣхъ комнатъ въ столовую, Ѳерапонтовъ блѣдный, перепуганный, лохматый, съ опухшимъ отъ слезъ и волненія лицомъ началъ повторять:

— Ограбили! Ограбили! Зарѣзали! Разорили... Помогите. Не давайте въ обиду!

И не сразу поняли всё, добились толку отъ ошалѣлаго купца, что онъ былъ по пути въ Романово, съ деньгами къ барину, ограбленъ той же шайтановой шайкою. Восемь тысячъ были у него отняты... И средь бѣла дня! И въ двадцати верстахъ отъ

сельца! Сама черная борода потребовала: «Подавай восемь тысячъ, что за лѣсъ Симеонову везешь!»

И Өерапонтовъ, объяснивъ, повалился въ ноги къ капитану, прося дать ему тотчасъ десятка два-три крестьянъ съ дубьемъ, чтобы бѣжать ловить разбойниковъ и отнять ограбленные деньги... Не скоро успокоили купца и убѣдили, что поймать грабителей труднѣе, чѣмъ съ неба пригоршню звѣздъ нахватать.

Симеоновъ, придя въ себя отъ неожиданности и нѣкотораго испуга, окончательно успокоился, а увидя вдругъ слезы дочери, даже разсердился на себя, на купца и на всѣхъ:

— Машеньку перепугали — идолы! Въ чужомъ пиру похмелье дѣвицѣ. Ея слезамъ цѣны нѣту, онѣ невѣстины. А невѣстамъ плакать Господь разрѣшилъ только въ радости. Ну васъ... Пошли всѣ вонъ по своимъ шесткамъ! Уведя Өерапонтова къ себѣ въ комнату и допустивъ одного Ардаліона, капитанъ сталъ спрашивать ошалѣлаго купца, какъ было дѣло... Но рассказывать было нечего. Даже и подробностей не было никакихъ особенныхъ.

Бѣжалъ купецъ этой дремучиной... Вышли люди изъ лѣсу и всего-то четыре человѣка. Черный, бородатый впереди... Какъ увидѣлъ купецъ, да вспомнилъ, что такое значить по дорогѣ черную бороду повстрѣчать, то сразу разума и рѣшился. И ничего не помнить! Помнилъ онъ только строжайшее приказаніе: «Давай твои восемь тысячъ, что за лѣсъ везешь!» А отдалъ-ли онъ ихъ, самъ-ли энтотъ шайтанъ у него изъ-за пазухи вытащилъ деньги, завернутыя въ платокъ, — Өерапонтовъ теперь и не зналъ.

— А вотъ онъ самый! — вынулъ купецъ и показалъ красный ситцевый платокъ.

— Платокъ?—удивился капитанъ...

— Отдалъ... Деньги сосчиталъ и въ карманъ сунулъ, а платокъ отдалъ, сказывая: «Мнѣ не надобится, а тебѣ пуцай это памятью о деньгахъ будетъ»...

Симеоновъ невольно усмѣхнулся, а Ардаліонъ обозлился.

— Ахъ озорные! Губять, да еще потѣшничаютъ — сказалъ онъ.

Однако, обдумавъ приключеніе, капитанъ озабоченно насупился.

Лѣсъ его оставался при немъ, покупателя какъ-бы и не было, а деньги нужны, чтобы выдать жениху предъ свадьбой.

— Вотъ незадача! Какъ-же теперь быть-то? — сказалъ онъ вслухъ.—Лѣсъ-то какъ-же мой? Не проданъ останется?

— Батюшка! Андрей Романовичъ! Не губи! Не зарѣзываетъ! — взмолился вдругъ Өерапонтовъ.

— Что?—удивился Симеоновъ.

— Не губи. Дай мнѣ лѣсъ рубить.

— Лѣсъ? Рубить? Что ты? Что?! Ай разумъ грабителя отшибли!—воскликнулъ капитанъ.

— Не губи, дай мнѣ его положить... Я тебѣ, какъ честный человѣкъ, чрезъ четыре мѣсяца твои восемь тысячъ привезу.

— Что ты! Что ты! Чудной человѣкъ. Экъ выдумалъ... Дай ему лѣсъ некупленный рубить, да власть, да продавать. Что ты, оголтелъ что-ли совсѣмъ? Опомнись!

— Батюшка... Отецъ родной, Андрей Романовичъ! Войди въ мое убожество. Дай обернуться... Не дашь, я на себя руки наложу. Мнѣ одинъ конецъ... Спаси меня отъ грѣха. Душу мою соблюди.

И Өерапонтовъ сталъ объяснять капитану, что если онъ согласится отъ жалости на его предложеніе, то все дѣло еще малость поправимо. Восьми тысячъ конечно не вернешь, но разжиться и свои дѣла наладить онъ, Өерапонтовъ, еще можетъ. А убытку ему, Симеонову, никакого не будетъ. Только обождать получениемъ денегъ.

— Да развѣ я могу?—возразилъ Андрей Романовичъ.— У меня вѣнчанье дочери на носу. Скоро и посаженный отецъ прибудетъ, генераль Волжскій. И деньги въ приданое дочери опредѣлены, надо жениху предъ вѣнцомъ передать... Какъ же я могу на тебѣ ждать ихъ? Посуди!

— Ради Создателя!.. Отецъ родной!

— Разума ты рѣшился, купецкій ты человѣкъ. Пойми. Несуразное, несодѣянное просишь.

— Не губи, Андрей Романовичъ — вопилъ Өерапонтовъ.— Не дашь лѣсъ рубить—я на себя руки наложу. А дозволишь мнѣ, я на дѣлѣ этомъ четырнадцать тысячъ возьму. Твои восемь тебѣ возьми, ваше благородіе, а шесть себѣ заработаю. И разживуся опять.

— Неслыханное просишь... Съ перепугу такое въ головѣ у тебя застряло. Люди надо мной смѣяться будутъ, — вразумительно заговорилъ Симеоновъ.

— Я не обману, Андрей Романовичъ. Я честный человѣкъ и себя ничѣмъ не замаралъ.

— Вѣрю. Вѣрю... Да нельзя. Пойми, мнѣ деньги сейчасъ нужны. Я теперь тысячу готовъ скостить, только бы наличныя мнѣ дали. А ты сказываешь черезъ четыре мѣсяца... Съ ума сойти на такое итти. Не могу и конецъ, не прося.

Ферапонтовъ, горько плакавшій въ дорогѣ и по приѣздѣ, снова залился слезами.

— Андрей Романовичъ, не губи. Жена у меня, дѣти малыя. Не губи... На свою душу не бери грѣха. Мнѣ либо на твоёмъ лѣсѣ обернуться, либо руки на себя наложить. Не губи... И Ферапонтовъ снова повалился въ ноги капитана.

— Не жалься, полно... заговорилъ и Ардаліонъ.—Не можно барину безъ денегъ лѣсъ отдавать. Деньги намъ нужны для жениха. Непонятливый человѣкъ.

— Не губите... Будьте отцы родные... Дайте обернуться. Господь сторицею воздастъ вамъ,—молился Ферапонтовъ, стоя на колѣняхъ и кланаясь въ землю.

— Что ты съ нимъ будешь дѣлать?—сказалъ Симеоновъ.—Уведи его въ приѣзжую горницу, Ардашка. Напой сбитнемъ, да уложи спать, что-ли. Очухается—успокоится...

Ардаліонъ съ трудомъ увелъ купца и то только послѣ обѣщанія Симеорова подумать.

Между тѣмъ приключеніе съ купцомъ и поразило капитана и поставило въ затруднительное положеніе. Онъ могъ конечно вѣнчать дочь, обѣщая жениху отдать приданое послѣ вѣнца, но гордость дворянская, военная амбиція, слово данное—мѣшали.

А другого покупателя на лѣсъ выискать сразу и достать по щучьему велѣнію было невозможно. Приходилось ѣхать самому въ городъ Муромъ на поиски покупателя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Симеоновъ былъ немало озадаченъ появленіемъ злодѣевъ-грабителей у самой усадьбы. Правда, шайтанова шайка летала по-соколиному: нынче здѣсь, а завтра не вѣсть гдѣ. Стало быть, она здѣсь тоже не задержится. Можетъ быть, къ вечеру будетъ ужъ за сто верстъ отъ Романова.

Наконецъ Симеоновъ, обсуждая злочленіе, задалъ себѣ вопросъ и, задавъ, удивился.

— Откуда узнала черная борода про деньги эти? Продажа лѣса и привозъ денегъ были извѣстны только у него въ усадьбѣ, да въ семьѣ купца. А сколько денегъ привезетъ въ Романово Ферапонтовъ, было извѣстно только въ семьѣ. Врядъ-ли купецъ и женѣ своей что-либо про это сказалъ. А черная бо-

рода прямо потребовала восемь тысячъ. Диковина и больше ничего!—рѣшилъ капитанъ.

Въ сумерки Өерапонтовъ опять порывался къ барину, но его не пустили. Вечеромъ онъ почти силкомъ вошелъ въ столовую и, остановясь предъ Андреемъ Романовичемъ, спросилъ тихо и покорно:

— Не дашь мнѣ, баринъ, лѣсъ положить?.. Не дашь обернуться?..

— Полно... Полно, голубчикъ. Сказано, неслыханное, невиданное просишь, — отвѣтилъ Симеоновъ сурово. Да и знаешь вѣдь, что мнѣ деньги сейчасъ надо. Собирайся-ка лучше домой. Съ женой вмѣстѣ поплачете, а тамъ Богъ дастъ и утѣшитесь. Господь поможетъ инако тебѣ какъ вывернуться изъ горестнаго приключенія.

— Стало, такъ тому и быть?.. Согласію твоему ни во вѣки вѣковъ не бывать?—спросилъ Өерапонтовъ еще тише.

— Ступай, говорю, собирайся и, съ Богомъ, въ дорогу...

Купецъ молча повернулся и вышелъ въ прихожую... Посто-явъ съ минуту, онъ вышелъ на дворъ и пошелъ тихо, степенно въ сарай, гдѣ стояла его бричка, кормилась лошадь, пока батрака его тоже кормили въ людской...

— Ну, Богъ съ нимъ совсѣмъ,—сказалъ Симеоновъ.—Жаль бѣднягу, да что-жъ подѣлаешь...

Черезъ часъ времени трое дворовыхъ сразу ворвались въ домъ. Одинъ изъ нихъ влетѣлъ какъ полоумный въ комнату барина.

— Удавился!.. Удавился!—кричалъ онъ.

Симеоновъ обмеръ и даже не спросилъ кто, гдѣ и какъ. Онъ будто зналъ уже все самъ.

— Въ сараѣ на возжахъ...—кричалъ малый, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Снимать надо. Скорѣе!—вскрикнулъ Андрей Романовичъ, поднимаясь съ мѣста.

— Сняли. Сняли, баринъ-батюшка. Сняли. Ардаліонъ Матвѣичъ съ Онисимомъ.

— Ну? Поздно? Кончился?

— Холодный, сказываютъ...

Симеоновъ перекрестился и выговорилъ набожно:

— Царство небесное..

Но тотчасъ-же онъ спохватился и чуть не плюнулъ.

— Охъ! Что это я... Грѣхъ какой! Нешто этакіе туда идутъ... Охъ, погубилъ бѣдняга свою душеньку... Изъ-за денегъ! А все эти головорѣзы—будь они прокляты!

ХП.

Все Романово долго охало изъ-за происшествія съ бѣднымъ купцомъ. Уже лѣтъ съ тридцать такового не бывало въ усадьбѣ. Еще когда живъ былъ баринъ Романъ Романовичъ, а Андрей Романовичъ былъ Семеновскимъ офицеромъ въ Петербургѣ, дворовый челоувѣкъ кучеръ Вавила также удавился въ саду на деревѣ изъ-за того, что барскихъ трехъ коней опоилъ и загубилъ... И не барскаго гнѣва ради онъ руки на себя наложилъ, а совесть взяла и жалость, тоска по конямъ. Случай съ купцомъ Ѳерапонтовымъ надолго смутилъ мирное затишье въ Романовѣ.

Купца похоронили около кладбища, за оградой, какъ самоубійцу, поминокъ по душѣ его не творили, только тайно всякъ желалъ его «душенькѣ упокой и даніе прощенья грѣха лютаго, лютѣйшаго»...

Всякій на свой ладъ волновался. Симеоновъ жалѣлъ купца и упрекалъ себя, что не согласился на сдѣлку, которую покойникъ предлагалъ. Онъ, какъ честный челоувѣкъ, рассчитался-бы непременно. И самъ-бы выпутался, да разжился-бы потомъ...

А Неструевъ обождалъ бы полученія приданаго Машеньки, тѣмъ паче, что сама тетка его просила съ этимъ дѣломъ не спѣшить.

— Можетъ, за лѣсъ-то послѣ и больше дадутъ. А моему Ванюшѣ денегъ не надо теперь. Свои, слава Богу, есть,—всегда говорила она.

И вотъ, еслибы Симеоновъ сжалился надъ ограбленнымъ купцомъ, то и не погубилъ-бы его... Да, не разбойники, а онъ, Андрей Романовичъ, погубилъ несчастнаго...

Такъ разсуждалъ старикъ и вздыхалъ.

— Да вѣдь кабы оное знать!—утѣшалъ барина Ардаліонъ... Напередъ знать...

— Онъ, Ардашка, грозился...

— Мало кто грозитъ?.. И въ рѣчку!.. И на бичеву! Послушать, такъ всѣ люди челоувѣки должны бы въ самоубивцахъ состоять давно.

Сильно испуганная Машенька боялась одна почивать и сначала клала у себя на ночь горничную Аленку; но такъ какъ Аленка шибко храпѣла и пугала барышню, да кромѣ того

и духъ отъ нея негодный шелъ, то Симеоновъ приказалъ спать у дочери самой ключницѣ Марфѣ, бабѣ чистой и не храпливой». Но не одна Машенька боялась удавленника, ея женихъ Ванюша, будучи въ гостяхъ, тоже не оставался одинъ въ комнатахъ и не рѣшался ходить одинъ по корридору. Андрей Романовичъ даже стыдилъ молодого дворянина, но Неструевъ ухмылялся виновато, какъ-то ежился и объяснялъ:

— Боязно. Самоубивцы ходять.

— Враки. Бабѣ измышленіе!—возражалъ Симеоновъ.

— Охъ, не говорите,—вступилась Анна Аванасьева... — Не только что ходять, а еще съ веревкой на шеѣ... И просятъ: «сними, молъ, сними-же... Душу мою спасешь!» А вѣстимо, у кого-же хватить отважности съ мертвеца эту веревку снимать.

Вся дворня судила, разумѣется, такъ же, какъ и барыня Неструева, и боялась по ночамъ приближаться къ сараю. Про конюха Евдокима даже слово вдругъ пошло, что онъ «безстрашный», такъ какъ онъ спалъ въ этомъ сараѣ уже раза три.

Разумѣется, дворовые разсуждали, что ихъ баринъ Андрей Романовичъ по своей неустрашимости, какъ военный, не долженъ робѣть, не долженъ и вѣрять во всякое такое. А барыня Анна Аванасьева правду сказываетъ, что удавленники съ веревками на шеѣ ходять и жалатся.

Черезъ недѣлю послѣ происшествія слова барыни даже подтвердились вдругъ.

Ночной сторожъ Александра видѣлъ купца по полуночи. «Глазами видѣлъ!»

— Стою это я,—разсказалъ онъ.—Гляжу, что это такое копошится около самой кувни... Подошелъ, а онъ это, купецъ, стоитъ на четверенькахъ. Вотъ тебѣ большущая собака—песь... Ей Богу!.. Я — «съ нами крестная сила» да драну отъ его. Прибѣжалъ на крылечко дома, индо задохся отъ страху.

Однако, Андрей Романовичъ тотчасъ приказалъ Александру высѣчь, и старикъ послѣ наказанія отперся отъ своихъ словъ и сказывалъ.

— Кто же его знаетъ! Можетъ и впрямь забѣглая чужая собака была. А что попужался я—то вотъ Богъ—не вру!

Однако черезъ недѣли двѣ всѣ немного успокоились и перестали судить и рядить о покойникѣ купцѣ и объ самоубійцахъ вообще. Коровница Авдотья даже однажды въ вечеру ходила въ сарай съ фонаремъ за забытой тамъ ведеркой, только очень

просила дворовыхъ, пока она въ сараѣ будетъ, не кричать и ее не пугать.

— А то помру отъ страха, голубчики.

Наконецъ перепугъ и совсѣмъ прошелъ. Молодой Неструевъ однажды просидѣлъ цѣлый часъ одинъ въ столовой, на томъ почти самомъ мѣстѣ, гдѣ купецъ валялся въ ногахъ капитана... И ничего! Машенька даже проспала уже двѣ ночи одна въ своей опочивальнѣ... И тоже—ничего!

Въ сарай почти всѣ дворовые ужъ ходили среди ночи безбоязненно, а паренъ Трошка, залѣзши разъ ввечеру въ бариновъ тарантасъ, укалъ и мычалъ отсюда... Но никого не попугалъ. Осмѣлѣли всѣ. А учини Трошка эдакое на первыхъ порахъ, такой-бы дымъ коромысломъ пошелъ по всей усадьбѣ.

Наконецъ, однажды въ Романовѣ объявилась новость, которая совсѣмъ заслонила собой послѣднее приключеніе съ купцомъ. Андрей Романовичъ удивился, Машенька дивилась „на вѣру“, не разобравъ, что есть важнаго въ новости, и Анна Аеанасьевна и женихъ Ванюша были даже очень пріятно удивлены, пока Симеоновъ не объяснилъ имъ, что все дѣло „неразборное“, неприятное и теперь выходитъ даже отчасти и невылазное.

Капитанъ получилъ письмо съ нарочнымъ отъ бывшаго губернаторскаго товарища, статскаго совѣтника и кавалера Арцывашева.

Бывшій чиновникъ, считавшій себя въ городѣ Муромѣ савонникомъ, былъ, конечно, въ этой „дремучинѣ“ нѣчто въ родѣ вельможи.

Такъ какъ онъ былъ родителемъ дѣвицы, а Симеоновъ родителемъ молодца, то въ случаѣ рѣчи о бракосочетаніи старикъ капитанъ долженъ былъ по обычаю сдѣлать первый шагъ къ знакомству... И если сватовство произошло и безъ его, отцова, участія, то все-таки писать или ѣхать первому ему...

А тутъ вдругъ пришло письмо отъ важнаго самомнящаго чиновника.

Арцывашевъ писалъ Симеонову, что принялъ предложеніе руки и сердца его сына Григорія и радъ породниться со старинными дворянами, съ воиномъ-капитаномъ, защищавшимъ отечество. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хвалилъ добросердечіе Симеонова, который не затруднился при жизни дать сыну средства на покупку хорошей вотчины и распорядился своимъ сбереженіемъ, какъ подобало доброму отцу и благородному человѣку.

Въ заключеніе бывшій губернаторскій товарищъ выражалъ желаніе познакомиться какъ можно скорѣе съ будущими родственниками, свекромъ и золовкой своей любимой Наденьки. Полагая, что капитанъ давно отвыкъ покидать свою усадьбу и путешествовать, Арцывашевъ выражалъ намѣреніе, отложивъ исконные дѣдовы обычаи въ сторону, самъ пріѣхать съ дочерью въ Романовку.

— Вотъ и выльзай! — ахнулъ Симеоновъ. — Ай да сынокъ! Уперся и на своемъ хочеть поставить, меня въ дарители нарядить чужого добра!

И старикъ окончательно не зналъ, что отвѣчать. Мудрено было писать посланіе куму и товарищу Волжскому, а теперь было еще мудренѣе.

— Садись, не садись за грамоту — ничего не высидишь. Либо лги, либо невѣжничай! — говорилъ Андрей Романовичъ. — Ай-да сынокъ. Подвелъ!

— Скажите прямо. На чистоту! Совѣтовала Анна Аванасьевна.

— Что... Что... — сердился Симеоновъ. Сына во луны ставить! Не отцово дѣло. Отецъ въ чужихъ людяхъ — молчи!

— А промолчите, тогда сами за одно съ сыномъ въ обманѣ людей!.. Такъ за вашъ подарокъ и сойдетъ вотчина. Поди онъ уже и купилъ ее...

— Да! Вотъ и выльзай! — отчаянно отзывался Симеоновъ и совсѣмъ терялъ голову, что предпринять.

— Подумаемъ... — сказала Неструева.

— Долго-ли?

— День, два...

— А посланецъ тутъ сидѣть будетъ. Срамъ. Скажетъ этотъ судеецъ, что я не грамотный. Двое сутокъ цыдулку малую доставалъ въ отвѣтъ.

— Ну, какъ знаешь...

Симеоновъ ушелъ къ себѣ, рѣшивъ писать коротко. Выразилъ удовольствіе, что они двое породнятся чрезъ бракъ дѣтей, и обѣщалъ самому пріѣхать первому ради знакомства, какъ велитъ обычай... О деньгахъ ни полслова!

— А тамъ видно будетъ, — порѣшилъ Андрей Романовичъ. Вызову сына. Прикажу ему сказать будущему тестю всю правду, что накартежничалъ себѣ вотчину... А не захочеть, я отмолчусь, знакомиться не поѣду и на бракосочетаніе то-же... Вотъ

и не долга! И старикъ, написавъ небольшое письмо, отпустилъ посланца и былъ доволенъ.

— Гора съ плечъ!—заявилъ онъ Аннѣ Аенасевнѣ.

— И какъ это вы, Андрей Романовичъ,—заговорила Неструева въ отвѣтъ,—не совладали съ вашимъ молодцомъ, когда еще онъ былъ паренкомъ-младенцемъ, да юношею... Надо рано братья, потому что поздно... Вотъ и мой Ванюша, хотя и не родной мнѣ сынокъ, а племянникъ, а я за него взялася. Когда еще взялася! У кормилицы на груди былъ, а я ужъ его пошлепывала... Ей-Богу, пошлепывала... А выросъ, то сколько разовъ я его посѣкала, и счету нѣтъ. И вотъ, видите, каковъ вышелъ! Скромнѣе и послушнѣе иной дѣвицы. Мое слово ему пуще царскаго закона. А вы вотъ маетесь съ вашимъ Григоріемъ Андреевичемъ.

— Да... Оно, матушка, со стороны такъ,—отвѣчалъ капитанъ. Попробовали-бы вы съ эдакимъ повозиться, только-бы руки обломали. Онъ вотъ женщину, да еще тетушку, а не родную мать, прямо бы какъ-нибудь ножомъ пырнулъ... Да-съ. Онъ за моей покойницей, своей матерью, будучи девяти годовъ, ужъ съ хворостиной гонялся и ее отхворостить грозился.

— И надо было высѣчь!—воскликнула Неструева.

— И высѣкли, сударыня. Больно высѣкли. Да и не разъ сѣкли. А вотъ толку-то не вышло. Норовъ такой. Ничего не подѣлаешь. Вотъ таковъ и Титка у моего Ардашки. Три раза собирался я ему лобъ забить. Урожденье такое. Природа.

Но Анна Аенасевна не соглашалась и давала въ примѣръ своего послушнаго, тихаго Ванюшу.

XIII.

Въ августѣ, въ самый день праздника перваго Спаса, въ усадьбѣ Романово опять все поднялось на ноги и переполошилось... На этотъ разъ всѣ лица сіяли. Радость барина и барышни сообщилась вѣрнымъ холопамъ и выразилась непритворно, а искренно, сердечно.

Явился опять гонецъ «конный и оруженый», опять съ Москвы, опять отъ генерала, баринова кума и друга. Привезъ онъ письмо за пазухой и очень короткое.

Генераль Волжскій извѣщалъ друга, что черезъ два-три дня послѣ этого гонца выѣзжаетъ самъ въ Романово на свадьбу крестницы; но такъ какъ онъ ѣдетъ въ большой колымагѣ, въ

сопровожденіи людей въ бричкѣ, то ѣдетъ не на почтовыхъ, а «на своихъ», будетъ «кормить» въ дорогѣ и «приставать».

Симеоновъ тотчасъ же и внезапно, и неожиданно для самого себя, рѣшилъ вмѣстѣ съ дочерью ѣхать на встрѣчу къ другу и сюрпризомъ встрѣтить его въ Муромѣ.

— Какъ будетъ ему пріятно, моему дорогому Петру Петровичу! Коли онъ изъ-за насъ четыреста верстъ сюда, да четыреста обратно не побоялся киселя ѣсть, то мы должны ему въ отплату какую-нибудь сотню-то верстъ сдѣлать тоже.

И сборы въ дорогу барина, никогда не выѣзжавшаго изъ вотчины, стали событіемъ.

Всѣхъ довольнѣе послѣ Машеньки былъ кучеръ Терентій, которому выпадала рѣдкая честь везти барина въ городъ, а затѣмъ былъ самодовольно радостенъ и старый Ардашка. Баринъ бралъ его съ собой на козлы, не ради особой нужды въ немъ, а ради почета для себя и ради отличія старика предъ дворней. По этому случаю немедленно была разыскана въ кладовой ливрея съ галунами, которая ужъ лѣтъ двѣнадцать не видѣла свѣта Божьяго, и хотя теперь явилась сизая, разноцвѣтная, полинялая мѣстами, тѣмъ не менѣе ее важно понесли и повѣсили на веревкѣ среди двора провѣтрить... Молодежь изъ дворовыхъ цѣлый день чистилась и толклась около «рывлеи» и почтительно оглядывала ее, а затѣмъ какъ-то иначе поглядывала и на самого Ардалиона Матвѣевича, который «въ ей будетъ», чтобы въ городъ ѣхать.

Быстро собравшись, чтобы не запоздать пріѣхать въ Муромъ прежде Волжскаго, капитанъ съ дочерью чрезъ день уже выѣхалъ со двора, провожаемый всей весело гудящей дворней. Андрей Романовичъ глядѣлъ совершенно счастливымъ человекомъ. Ему было даже особенно пріятно очутиться въ большомъ тарантасѣ и ѣхать въ путь. Ужъ очень засидѣлся онъ въ домѣ, отлучаясь только на работы и въ бѣговыхъ дрожжахъ. Машенька едва могла сидѣть рядомъ съ отцомъ; ей хотѣлось прыгать. Но главное лицо, на которое было сугубо обращено вниманіе всѣхъ провожавшихъ, былъ конечно старый и старшій дворовый. Разумѣется, взоры всѣхъ очаровывала «рывля», такъ какъ, несмотря на преклонныя свои лѣта, все-таки поблескивала сизыми галунами въ лучахъ солнышка.

Совершивъ путешествіе проселкомъ съ двумя получасовыми отдыхами въ двухъ деревушкахъ, Симеоновы наконецъ въ сумерки въѣзжали въ городъ. Машенька глаза таращила и на

кресты церквей, и на вывѣски, и на прохожихъ, и на проѣзжихъ... Тутъ были «господа»—такіе же, какъ и они. Одинъ проѣхалъ совсѣмъ на генерала похожій, но Андрей Романовичъ посмѣялся надъ дочкой. Это былъ городничій, чиномъ не великая птица. Правда, смотрѣлъ онъ на всѣхъ и на нихъ глянулъ дѣйствительно по генеральски.

Остановившись на большомъ заѣзжемъ дворѣ, который на вывѣскѣ важно именовался «Гербергъ», Симеоновы заняли четыре комнаты и предупредили хозяина о пріѣздѣ генерала. Но заѣзжій дворъ съ двумя десятками номеровъ былъ почти пустъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ для генераль-поручика изъ Москвы всегда нашлось-бы помѣщеніе. Перваго попавшагося, хотя бы и «знатнаго» всѣмъ, бородача-кушца можно было бы сейчасъ по шапкѣ изъ его комнатъ наладить, чтобы генералу было мѣсто.

На утро ожидало Симеонова нежданное и непріятное приключеніе. Онъ ахнулъ однако болѣе отъ того, какъ не подумалъ онъ о возможности такого случая. Къ «Гербергу» подъѣхала небольшая желтая берлина, съ гербомъ на голубомъ чехлѣ козелъ и съ двумя ливрейными лакеями, стоявшими на запяткахъ.

Пріѣзжій велѣлъ о себѣ доложить капитану. Былъ это конечно Арцивашевъ, до котораго еще съ вечера достигла вѣсть о пріѣздѣ въ городъ Симеоновыхъ. Воображая, что старикъ капитанъ пріѣхалъ въ Муромъ на основаніи ихъ переписки, бывшій губернаторскій товарищъ, несмотря на свои «самоуничиствѣ», рѣшилъ сдѣлать первый визитъ.

Старикъ капитанъ, засидѣвшись въ вотчинѣ и забывъ «свѣтскость» и разные «обыки да навьки людскости», совсѣмъ потерялся, такъ что Машенька сочла уже долгомъ перепутаться не меньше удавленника-кушца.

Однако самъ гость оказался такимъ искусникомъ въ обращеніи и въ разговорѣ, что все тотчасъ же наладилось, смущеніе капитана прошло, а перепугъ Машеньки перешелъ въ удивленіе. Она этакихъ еще не видала... Ей почему-то вспомнились «Коза съ Медвѣдемъ», которыхъ она изрѣдка видала въ Романовѣ... Гость также, какъ и поводырь медвѣдя, изображавшій козу—точно будто передъ ними выплясывалъ и разные выкрутасы рисовалъ... Не ногами конечно, а голосомъ, руками и всей своей персоной.

— Музыкантъ! Что?—думалъ про него и капитанъ.

Разумѣтся, разговоръ послѣ первыхъ же привѣтствій перешелъ на бракосочетаніе дѣтей ихъ.

— Двѣ свадьбы заразъ!—сказалъ Арцивашевъ. Доброе дѣло и хорошая примѣта!

— Простите за противорѣчіе словамъ вашимъ,—отвѣтилъ Симеоновъ.—Напротивъ того... россійская примѣта говоритъ—двухъ свадебъ заразъ въ семьѣ негодно справлять... Одинъ изъ двухъ браковъ будетъ несчастливъ. Но это къ слову... А намъ мужикамъ въ наши годы не приличествуетъ вѣрить бабьимъ измышленіямъ. Благословить Богъ—такъ будешь счастливъ, когда и какъ ни вѣнчайся... хоть на масляницѣ.

Затѣмъ Арцивашевъ сталъ конечно хвалить поступки отца, дарящаго сыну при жизни цѣлое состояніе, деньги на покупку одной изъ лучшихъ вотчинъ въ губерніи.

Симеоновъ насутился и выговорилъ:

— Выйди, Машенька...

Дочь вышла тотчасъ и старикъ кратко объяснилъ гостю, что между ними есть нѣкоторое недоразумѣніе, вслѣдствіе неосмотрительнаго поведенія и легкости на слова его сына Григорія. И онъ рассказалъ все, что зналъ, будучи теперь ужъ вынужденъ такъ поступить.

Арцивашевъ былъ удивленъ, но, какъ показалось Симеонову, недостаточно удивленъ, точно будто, по его мнѣнію, лганье было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

— Откуда же у Григорія Андреевича есть деньги, если они не отъ васъ и не отъ пріятели Павлова?—спросилъ Арцивашевъ ухмыляясь.

— Стыдно сказать... Но вамъ, будущему тестю Григорія, я считаю долгомъ своимъ все пояснить... Деньги, всѣ, отъ неувидительнаго, но не похвальнаго времяпрепровожденія дворянскаго здѣсь вотъ, у васъ, въ Муромѣ... Да и въ губерніи. Картежъ!

Арцивашевъ удивился... Помолчавъ, онъ выговорилъ:

— Признаться, вы меня озадачили... И впрямь недоразумѣніе есть... Но иное... Стало быть Григорій, по молодости что ли, или особой смѣлости,—меня на одинъ ладъ обморочилъ, а васъ на другой... А вы изволили, открывъ его обманъ, сами себя обморочить... Дозвольте вамъ заявить... Никакого картежа ни въ Муромѣ, ни во Владимірѣ, ни въ вотчинахъ здѣшнихъ нѣту и не было... На моей памяти по крайности. А я здѣсь и служилъ, и живу лѣтъ уже съ двѣнадцать.

Симеоновъ разинулъ ротъ и молчалъ, озадаченный... Арцивашевъ однако нахмурился и тоже молчалъ, видимо встревоженный оборотомъ бесѣды съ капитаномъ.

Поднявшись тихо, нѣсколько нервѣзительно, онъ угрюмо заявилъ Симеонову, что будетъ его ждать у себя, чтобы имѣть честь представить ему свою дѣвицу.

Но одну обмолвку его тотчасъ замѣтилъ Симеоновъ.

— Буду имѣть честь,—началъ Арцивашевъ, представитъ вамъ будущую вашу... И запнувшись, онъ мгновенно прибавилъ: мою дочь.

— Ну что же?—думалось старику, провожавшему гостя.—Разойдется свадьба—не моя вина!

Однако капитанъ былъ смущенъ объясненіемъ съ Арцивашевымъ и рѣшилъ «рукъ не покладать».

Только на третій день по приѣздѣ въ городъ отправился онъ посѣтить важнаго чиновника. Запоздалъ еще онъ съ этимъ отвѣтнымъ посѣщеніемъ неумышленно.

Два дня старикъ дѣятельно наводилъ всякія справки, нѣтъ ли въ городѣ, въ уѣздѣ, наконецъ въ самой губерніи, т. е. во Владимірѣ, какого тайнаго картежнаго притона, слухъ о которомъ могъ не дойти до бывшаго губернаторскаго товарища, какъ до лица, власть имѣвшаго.

Но оказалось, что Арцивашевъ правъ... О картахъ и помину никогда не было.

— Ну, стало быть деньги—павловскія, купцовы!—рѣшилъ Симеоновъ. Но зачѣмъ же Титка отцу навралъ? Да еще мудрено навралъ, хитростно—для простого холопа. Стало врать съ голосу... Съ чьего? Понятно съ Гришкинова?

И Симеоновъ, качая головой, повторялъ про себя.

— Охъ, Гришка, Гришка... Мутить меня вся эта темнота. Разумѣется, и Ардашка, которому все сообщилъ онъ, былъ тоже пораженъ.

Побывавъ у чиновника, Симеоновъ вернулся однако нѣсколько спокойнѣе. Арцивашевъ вдругъ объяснилъ ему, что Григорій въ отсутствіи, въ Москвѣ. Не сказалъ онъ этого капитану въ свое посѣщеніе потому, что увѣренъ былъ, что оно ему вполне известно...

При этомъ Арцивашевъ крайне удивилъ старика, заявивъ, что его сынъ вообще много разъ за послѣднее время, за весну и лѣто, ѣздилъ въ Москву.

— Ужь не тамъ ли онъ и играетъ?—замѣтилъ Арцивашевъ.— Я объ этомъ два дня думалъ. Но я, знаете, крѣпко надѣюсь по пословицѣ, что Григорій Андреевичъ женится—остепенится. Моя Наденька не дозволитъ ему повѣсничать... Она вѣдь у меня—бой-дѣвка!

Симеоновъ повѣрилъ и игрѣ въ Москвѣ, и тому, что дѣвица Арцивашева бой-дѣвка. Онъ видѣлъ ее мало. Она вошла, представилась ему и вышла. Однако старикъ все-таки почувялъ какого поля ягода — дѣвица. Онъ рѣшилъ тотчасъ же про бракъ сына съ нею:

«Либо труба съ волторной, либо коса и камень. Но вѣроятнѣе—поладятъ.

Отцы, прощаясь, рѣшили, что надо познакомить и дочерей, но каждый думалъ:

— Кая же первая поѣдетъ?

XIV.

Но въ сумерки того же дня было всѣмъ не до мыслей и заботъ о бракосочетаніяхъ.

На улицахъ Муромъ появилась колымага шестерикомъ, а за нею бричка съ людьми и поклажей... Прохожіе останавливались и глазѣли, такъ какъ въ окнѣ экипажа виденъ былъ диковинный золотой мундиръ военнаго вельможи. Колымага остановилась у «Герберга».

Симеоновъ, завидя пріѣзжаго, какъ молодой, побѣжалъ на крыльцо. Вельможа вышелъ изъ экипажа и старые друзья крѣпко обнялись, молча лобызаясь отъ избытка чувства. Капитанъ даже прослезился. Затѣмъ цѣлый часъ старые товарищи и однокашники перекидывались пустыми словами, будто не зная о чемъ говорить, съ чего начать.

Разумѣется познакомившись съ Машенькой, Волжскій прежде всего сталъ любоваться своей крестницею и хвалить ее.

— Не чаялъ я увидѣть такую красавицу!—говорилъ онъ, чтобы порадовать отцово сердце друга и придать бодрости дѣвушкамъ, которая совсѣмъ потерялась отъ смущенія при видѣ вельможи.

— Женихъ-то гдѣ-же?

— Мы выѣхали вдругъ... Не сговорась. А то бы и онъ былъ здѣсь.

— Постарѣлъ, братъ, ты, Андрей.

- Давно «Владимира» имѣешь, Петръ Петровичъ?
- Вотъ уже скоро годъ. Въ день учрежденія получилъ въ числѣ первыхъ кавалеровъ. Все Алексѣй Григорьевичъ ворочить. А что твой Гришка?
- Что? Грѣхъ и срамъ!
- Давай его мнѣ въ Москву подъ начало. На службѣ справится. Я его живо объѣзжу.
- Нешто его дашь, коли самъ въ руки не дается...
- А что, крестница, рада замужъ итти?
- Рада, крестный...
- Ну, буде... Все пустяки. Давай, Петръ Петровичъ, о важномъ разсуждать. Скажи, какъ ты это такъ скоро въ генераль-поручика прошелъ. Вѣдь помнится мнѣ, ты былъ еще просто поручикомъ, когда я...

Но разговоръ друзей былъ неожиданно прерванъ появленіемъ главнаго деньщика генерала, рослаго молодца. Онъ доложилъ:

- Ваше превосходительство. Привезли. Что прикажете?
- Да что? Пошли за городничимъ, чтобы явился ко мнѣ сюда. Съ рукъ на руки передадимъ!—разсмѣялся Волжскій добродушно.

И замѣтя удивленное лицо капитана, онъ прибавилъ:

— Это, другъ любезный, мои трофеи... Понялъ. Трофеи побѣды. Привезли плѣнныхъ, но увъ! не турокъ и не нѣмцевъ, а своихъ же россянъ, владимірцевъ.

И генераль разсказалъ, что по утру на него напала шайка грабителей съ дубьемъ, такъ какъ бричка съ людьми отстала. По счастью у него было въ запасъ по совѣту письменному друга оружіе, пара пистолетовъ. А у молодца лакея былъ еще мушкетонъ, заряженный здоровой свинчаткой...

— Завидя ихъ, я сейчасъ увидѣлъ, чего собственно они отъ меня желаютъ, такъ какъ двое схватили лошадей подъ уздцы, а одинъ уже спишь фореитора дубиной съ сѣдла на землю, а третій, чернобородый, ужъ отворялъ дверцу кареты... И по виду совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы меня съ приѣздомъ поздравлять... Я, родной мой, безъ всякаго опроса его, досталъ пистолеты изъ кармана передка... Ну, и не дожидаясь—тарахнулъ... А за мной мой, вотъ этотъ молодець, хватилъ изъ мушкетона другого негодяя, державшаго лошадь... И оба мы потрафили на славу. Обоихъ убили на-поваль. А тутъ подсказали мои ребята въ бричкѣ. И давай охотиться. Четырехъ

удалось еще поймать, а остальные разбѣжались. Чаю я, что были это гуляки изъ той-же шайки разбойничьей, о которой ты мнѣ писалъ. Ну вотъ теперь у нихъ будетъ недочетъ шести человѣкъ... Двое на томъ свѣтѣ, а четверо въ острогѣ...

И Волжскій началъ снова смѣяться... Симеоновъ собрался поздравить друга и похвалить за молодцовскую расправу съ одолѣвшими ихъ край головорѣзами... Но онъ успѣлъ выговорить только:

— Молодчина, мой Петръ Петровичъ...

Въ корридорѣ гостиницы раздались дикіе вопли и кто-то странно бѣжалъ къ нимъ, тяжело и медленно топая ногами по полу. Казалось, бѣжитъ пьяный, не владѣющій вполнѣ ногами.

Черезъ мгновеніе въ комнату ввалился старикъ Ардаліонъ и бухнулся въ ноги Симеонова.

Всѣ оторопѣли отъ неожиданности.

— Баринъ. Родной... Горе-то... Мой!.. Мой!—завопилъ старикъ, цѣпляясь за барина.

— Что-ты, Ардашка. Что? Съ ума спятилъ?—произнесъ Андрей Романовичъ.

— Мой! Мой!—повторялъ старикъ, хватая себя руками за голову.

— Какой твой? Что? Говори оголтѣлый,—разсердился Симеоновъ. Срамишь меня.

— Мой Титка... Въ разбойникахъ. Привезли его...—Въ первое мгновеніе никто ничего не понялъ, но затѣмъ сразу всѣ догадались, ахнули и встали съ мѣстъ...

Оказалось, что Ардаліонъ въ числѣ прочихъ людей пошелъ глядѣть доставленныхъ разбойниковъ, которыхъ словили люди генерала... И въ числѣ четырехъ связанныхъ злодѣевъ оказывался его сынъ съ разбитой и повязанной головой. Узнавъ Тита, старикъ бросился безъ оглядки бѣжать назадъ въ гостиницу къ барину...

Старика, плачущаго, кричащаго, какъ-бы помѣшаннаго, увели изъ горницъ.

Генераль предложилъ другу итти глядѣть своихъ плѣнныхъ ради потѣхи, а главное видѣть ихъ убитаго атамана, чернобородаго молодца...

— Ваше превосходительство,—заявилъ рослый деньщикъ, ухмыляясь,—у него борода отвалилась... И усы тожъ.

— Что? Что-ты путаешь?

— Точно такъ-съ... Какъ стали его класть въ телѣгу... Ктой-то изъ нашихъ ради баловства дернулъ его за бороду... А она у него въ рукахъ и осталась... Подвязная была.

— Что-о?—изумился Волжскій.

— Господи! Разбойники, да еще ряженные—ахнулъ Симеоновъ.

— Идемъ! Идемъ, братъ,—заявилъ генераль.—Еще любопытнѣе...

Друзья вышли на улицу, гдѣ уже собралась цѣлая толпа зѣвакъ... Не вдалькѣ отъ крыльца среди улицы стояли четверо людей со связанными и закрученными за спину руками, одинъ изъ нихъ былъ съ головой, повязанной тряпками. Рядомъ стояла крестьянская телѣга и изъ нея торчали четыре ноги... Въ ней лежали трупы двухъ убитыхъ разбойниковъ...

Къ нимъ со страхомъ и трепетомъ и налетѣла толпа, заглянуть въ лицо, охнуть и бѣжать рассказывать...

— Эй, вы... Разступись...—крикнулъ рослый деньщикъ.—Чего не видали... пошли прочь... Генераль идетъ...

Толпа расшиблась на двѣ стороны и образовала свободный проходъ съ панели къ телѣгѣ... Генераль и капитанъ появились на крыльцѣ и подходили...

Народъ поснималъ шапки...

Оба друга приблизились къ телѣгѣ...

— Вотъ. Этоъ...—заговорилъ Волжскій...—Дѣйствительно... Вотъ тебѣ и чернобородый. Только по кафтану призналъ его... Гляди-ко, братъ Андрей, какъ у него...

Но Волжскій не договорилъ...

Андрей Романовичъ, цѣпляясь за друга руками и съ искаженнымъ лицомъ, шатался изъ стороны въ сторону...

А затѣмъ, не крикнувъ, не произнеся ни полслова, старикъ, какъ снопъ, грузно повалился на мостовую.

Хоть и мертвое окровавленное лицо увидѣлъ бѣдный старикъ, но тотчасъ-же узналъ этого убитаго разбойника.

XV.

Долго былъ капитанъ Симеоновъ при смерти, но все-таки оправился и всталъ на ноги!

Старый другъ не покидалъ его, выписалъ доктора изъ Москвы, ухаживалъ за больнымъ и выходилъ его...

Къ великому горю и къ великому сраму старика-ветерана славныхъ кампаній и битвъ примѣшались еще второе горе и срамъ.

Оправившись онъ увидѣлъ дочь Машеньку, подурнѣвшую, тоскливую, плачущую... И ему дали прочесть письмо отъ Неструевыхъ...

Анна Аванасьевна заявляла въ письмѣ, что на все Господня воля, а что жениться своему Ванюшѣ на «разбойниковой» сестрѣ она дозволить не можетъ.

Генераль Волжскій утѣшалъ друга и крестницу на всѣ лады.

— Не при чемъ вы тутъ... Семья не безъ уroda. Да и виноватъ край этотъ... Виновата эта ваша дремучина... Вотъ что, другъ! Ступай, какъ твое сердце тебѣ давно велитъ — въ монастырь. Замаливай грѣхъ несчастнаго молодца... Хотя онъ его искупилъ своею погибелью... А Машеньку отдай мнѣ. На что я и генераль-поручикъ да въ милостяхъ у сильнаго вельможи, если я не могу выдать крестницу замужъ такъ, что не Муромы да Ардаповы ваши, а сама Москва ахнетъ...

... Черезъ годъ послѣ удивительнаго происшествія, въ глухомъ монастырѣ среди лѣсовъ былъ новый старецъ-монахъ, отецъ Симеонъ... Но это былъ послѣдній Симеоновъ...

А въ Бѣлокаменной была парочка молодыхъ супруговъ, недавно повѣнчавшихся. Молодая принесла въ приданое хорошую вотчину, но гдѣ-то тамъ, далеко, въ Муромскихъ лѣсахъ. Молодой былъ небогатый офицеръ изъ дворянъ... Но онъ былъ первымъ адъютантомъ сильнаго вельможи...

Въ мирной и тихой усадьбѣ сельца Романова стало глухо, безлюдно... Дворъ травой поросталъ. Вся дворня была вывезена въ Москву служить своимъ господамъ, прежней барышнѣ и офицеру столичному... Остались въ усадьбѣ только трое... Ардалионъ Матвѣевичъ, управитель романовскій, коровница Авдотья и сторожъ Лександра.

Но не долго выдержалъ старичина «Ардашка» и постригся тоже, чтобы быть съ бариномъ, вмѣстѣ горевать и вмѣстѣ молиться...

На хуторѣ среди дремучины власти нашли кованый сундукъ и въ немъ — свазывалъ народъ — большущія деньги... Куда онъ дѣвались — про то власти однѣ знаютъ... Сказывалъ на-

родъ, что якобы всѣ эти деньгии страшнѣющія... Да мало что народъ болтаетъ!.. Болталъ-же онъ, что татарскій шайтанъ разбойничаетъ. А что вышло? Не одинъ грѣхъ, а срамъ великій.

Царица, узнавъ, что монахъ—капитанъ, послѣдній изъ рода Симеоновыхъ, сказала:

— И доброе дѣло... Не кому будетъ людей стыдиться за отца, дѣда и прадѣда...

53.
 $\frac{2150}{2.25}$
 5.00

63:35

195
 $\frac{63}{30\%}$

32500

19
 $\frac{25}{44}$
 $\frac{10}{55}$

80 коп.

40р.
 $\frac{20}{20}$

PG3470

160

A000002164991

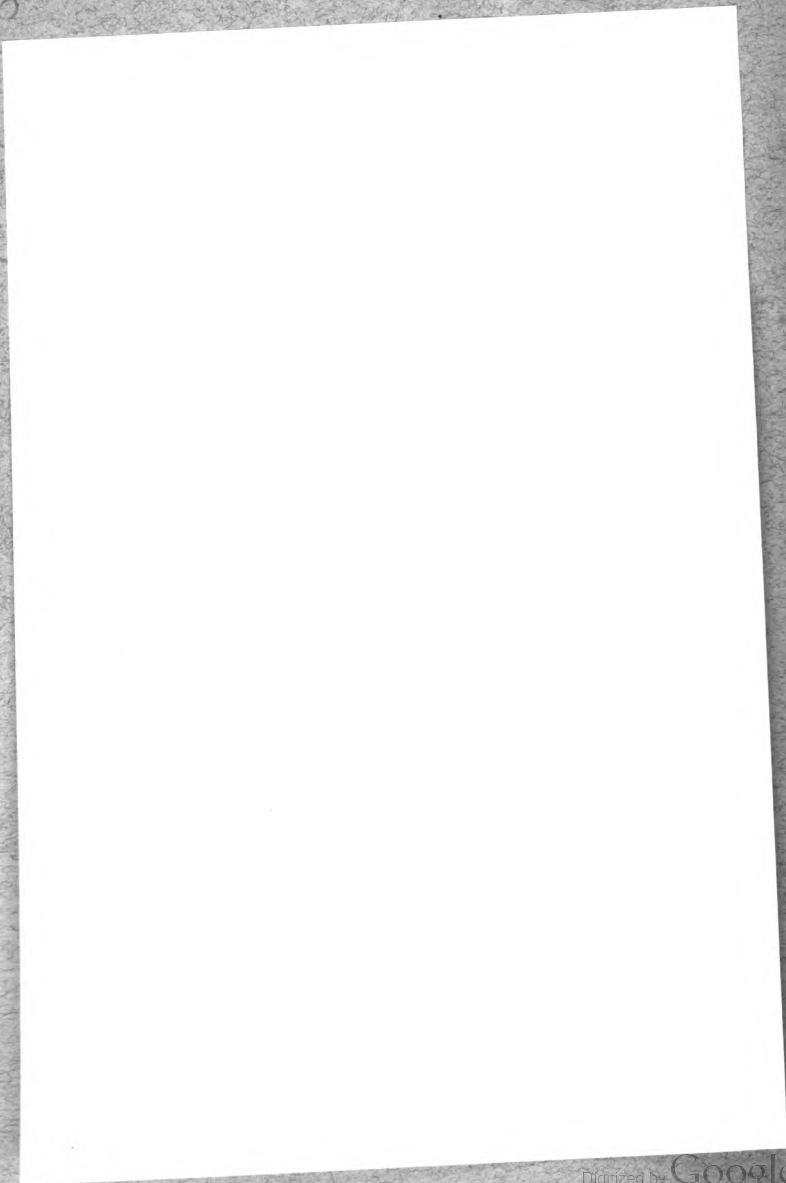
.S2

2021

1894

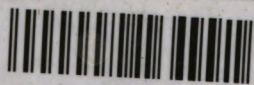
t.26

3
3

A000002164991